Н. Субботинъ.

ИСТОРІЯ

ТАКЪ НАЗЫВАЕМАГО

АВСТРІЙСКАГО, ИЛИ БѢЛОКРИНИЦКАГО СВЯЩЕНСТВА.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

I. Бѣлая-Криница при Амвросіи (1847—1848). II. Отъ произведенія Кирилла въ митрополиты до смерти инока Павла (1849—1854).

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля,
прежн. Э. Лисснера и Ю. Романа
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1899.

Отъ Московскаго Духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется
Москва, января 11-го дня 1899 года

Цензоръ протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.

С43
57

ОТЪ АВТОРА.

Настоящій выпускъ «Исторіи Бѣлокриницкаго священства» является какъ продолженіе напечатаннаго подъ этимъ же заглавіемъ въ 1886 г. (вторымъ изданіемъ въ 1895 г.) перваго ея выпуска, который составляетъ собственно сокращеніе напечатаннаго еще въ 1874 году перваго тома «Исторіи Бѣлокриницкой іерархіи». Но авторъ долгомъ поставляетъ объяснить, что по характеру изложенія настоящій второй выпускъ болѣе соотвѣтствуетъ этому первому тому пространной «Исторіи Бѣлокриницкой іерархіи», нежели первому выпуску сокращенной Ему желательно было и здѣсь во всей полнотѣ воспользоваться тѣми любопытными, доселѣ едва ли кому извѣстными матеріалами, какіе находились въ его распоряженіи. Назвать же книгу не вторымъ томомъ пространной «Исторіи Бѣлокринницкой іерархіи», а вторымъ выпускомъ сокращенной побудило его то обстоятельство, что перваго тома этой пространной «Исторіи» совсѣмъ нѣтъ въ продажѣ, и онъ уже сдѣлался библіографической рѣдкостью, тогда какъ первый выпускъ сокращенной «Исторіи» имѣется еще въ

немаломъ количествѣ Притомъ же и онъ достаточно полно знакомитъ съ началомъ исторіи нынѣшней раскольнической іерархіи, чтобы читать со всѣмъ удобствомъ ея продолженіе даже и въ пространномъ изложеніи.

20 февраля, 1898 года

Н. Субботинъ.

I.

Бѣлая-Криница при Амвросіи (1847—1848).

1. Внутреннія распоряженія: назначеніе Кирилла въ духовники липованскимъ обществамъ; посланіе къ климоуцкимъ безпоповцамъ; исправа Амвросіева семейства; офиціальное извѣщеніе о поставленіи Кирилла въ намѣстники. Ожиданіе гостей изъ Москвы.

Въ январѣ 1847 года, вскорѣ послѣ праздника Богоявленія, когда состоялось поставленіе Кирилла въ званіе епископа, намѣстника Бѣлокриницкой митрополіи[1]), настоятель монастыря новопоставленный архимандритъ Геронтій отправился въ Москву, чтобы лично со всею обстоятельностію сообщить здѣшнимъ и иныхъ мѣстъ россійскимъ старообрядцамъ о недавно совершившихся въ Бѣлой-Криницѣ столь важныхъ для всего старообрядческаго міра событіяхъ. По отъѣздѣ Геронтія весь главный трудъ, не только по управленію монастыремъ и распоряженію монастырскими дѣлами, но и по веденію „церковно-іерархическихъ“ дѣлъ въ новоучрежденной Бѣлокриницкой митрополіи, инокъ Павелъ принялъ на себя, и

---

[1]) См. Выпускъ первый *Исторіи Бѣлокриницкаго священства* (по 2-му изд. 1895 г.) стр. 317.

исполнялъ съ свойственной ему самостоятельностью и настойчивостью. Въ монастырѣ, согласно Уставу, существовали, правда, разныя должностныя лица, завѣдывавшія каждое своею частью; но высшій надзоръ надъ общимъ ходомъ дѣлъ несомнѣнно принадлежалъ ему. И хотя занималъ онъ не важную, повидимому, должность монастырскаго письмоводителя, но всѣ безпрекословно повиновались ему, какъ лицу, стоявшему выше всего братства по уму и безукоризненной жизни, получившему притомъ великій авторитетъ въ старообрядчествѣ своими трудами и подвигами по учрежденію іерархіи, увѣнчавшимися такимъ невѣроятнымъ дотолѣ успѣхомъ. Точно такъ же въ дѣлахъ по митрополіи хотя высшее распоряженіе офиціально принадлежало митрополиту и исходило отъ его имени, но въ дѣйствительности его именемъ распоряжался инокъ Павелъ, такъ какъ Амвросій, по незнанію старообрядческихъ нуждъ и обычаевъ, а потомъ и по отвращенію отъ всего старообрядческаго, не могъ и не хотѣлъ заниматься самъ этими дѣлами, а потому нимало не препятствовалъ распоряжаться ими иноку Павлу, предъ авторитетомъ котораго, столь очевиднымъ и въ монастырѣ и въ старообрядчествѣ, тоже невольно преклонялся. Павелъ же, одаренный не малыми дипломатическими способностями, умѣлъ, нисколько не унижая и не насилуя Амвросія, располагать его къ утвержденію своихъ предпріятій и распоряженій „церковно-іерархическаго“ характера, а иное, безъ сомнѣнія, дѣлалъ отъ его имени и безъ его вѣдома. Что̀ касается намѣстника Кирилла, то по своему невѣжеству и ничтожеству, и по совершенному пренебреженію, съ какимъ относился къ нему Павелъ, никакого личнаго участія въ дѣлахъ онъ принимать не могъ. И мы дѣйствительно видимъ, что всѣ извѣстныя намъ церковно-іерархическія и иныя распоряженія по митрополіи, сдѣланныя за время Амвросіева пребыванія въ Бѣлой-Криницѣ, носятъ на себѣ ясную печать происхожденія отъ инока Павла.

Добившись учрежденія іерархіи, Павелъ и Геронтій болѣе всего заботились теперь о распространеніи ея среди старо-

обрядцевъ, о принятіи старообрядцами, и особенно московскими и всероссійскими, епископовъ и поповъ бѣлокриницкаго поставленія. Приглашеніе къ этому московскихъ и всероссійскихъ старообрядцевъ, ради которыхъ собственно и предприняты были хлопоты объ учрежденіи іерархіи, служило главною цѣлію поѣздки Геронтія въ Москву; Павелъ также хлопоталъ объ этомъ, посылая и отъ себя лично и чрезъ посредство разныхъ бѣлокриницкихъ жителей и жительницъ во всѣ мѣста Россіи, даже и въ Сибирь, посланія съ описаніями совершившихся въ Бѣлой-Криницѣ радостныхъ для старообрядчества торжествъ, съ извѣстіями о явившемся здѣсь обиліи священства и съ приглашеніями — пріѣзжать сюда, чтобы насладиться лицезрѣніемъ такой невиданной въ старообрядчествѣ церковной красоты и заимствоваться отсюда священствомъ[2]). Ближайшимъ же образомъ Павелъ, оставаясь главнымъ и полнымъ хозяиномъ въ Бѣлой-Криницѣ, заботился о снабженіи новоучрежденнымъ священствомъ своихъ буковинскихъ старообрядцевъ. Въ самомъ монастырѣ уже имѣлся поставленный

---

[2]) Извѣстны такого содержанія письма разныхъ живших въ Бѣлой-Криницѣ лицъ въ Колывань, Перекопъ, Кременчугъ, Рыльскъ, Симбирскъ, на Донъ (см. *Переписк. раск. дѣят.*, т. 1, стр. 92—102). О восторженномъ тонѣ писемъ могутъ дать понятіе слѣд. отрывки. Нѣкая дѣвица Анастасія писала роднымъ въ Рыльскъ: „Эдакая намъ радость въ здѣшнемъ мѣстѣ! — не представится вамъ, что мы нынѣ зримъ ежедневно (?!) митрополита, аки солнце лучезарное. Въ Бѣлой-Криницѣ, гдѣ мы живемъ, тутъ митрополитъ, архимандритъ и діаконы, *и всѣ радости у насъ неизреченныя, чего вамъ въ словахъ описать не могу*“ (стр. 98). „Что вы не спѣшите насладитися таковыя радости! — писала инокиня Аркадія въ Черкасскій монастырь, — что наши дѣды и прадѣды не слыхали, то мы теперь зримъ и наслаждаемся... Мы наслаждаемся очевидно, а вы прочитайте и насладитеся, какъ служатъ съ митрополитомъ святую литургію (слѣдуетъ описаніе)... Но спѣшите и предваряйте другъ друга, къ намъ пріидите. У насъ пищи тѣлесныя скудныя, а душевныя изобильны. Слава Богу, свои дѣлатели винограда Христова: митрополитъ, епископъ, архимандритъ, священницы и діаконы“ (стр. 100—101. Это письмо, очевидно, редактировано Павломъ). „О самомъ митрополитѣ не сомнѣвайтесь, понеже принятъ по святымъ правиламъ“ (стр. 99).

Амвросіемъ полный „освященный“ соборъ; а липоване бѣлокриницкіе и климоуцкіе еще не имѣли у себя священника новаго поставленія. Правда, при бѣлокриницкой церкви состоялъ попомъ Іеронимъ, нарочито пріобрѣтенный Павломъ и Геронтіемъ для совершенія надъ Амвросіемъ чинопріятія въ расколъ; но Павелъ, очевидно, питалъ большія сомнѣнія относительно Іеронима, получившаго исправу первоначально отъ лужковскаго попа, и потому очень желалъ его устраненіи отъ священническихъ обязанностей, хотя, какъ умный человѣкъ, долженъ бы понять, что если сомнительно священство Іеронима, который принялъ Амвросія и утвердилъ въ званіи первосвятителя „всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ“, то не менѣе сомнительно и первосвятительство Амвросія, не менѣе сомнительна и вся происшедшая отъ него іерархія. Кромѣ того смущали Павла и нравственные недостатки Іеронима, особенно не терпимые въ духовникѣ; а онъ, къ чести его должно сказать, будучи самъ добрымъ инокомъ, очень болѣлъ о нравственныхъ недостаткахъ липованскихъ иноковъ и липованскихъ обществъ, прилагалъ заботы объ ихъ исправленіи, а потому желалъ дать липованамъ и болѣе достойнаго духовнаго отца, нежели каковъ былъ Іеронимъ. Между тѣмъ выбрать среди липованъ достойное лицо для поставленія во священника и убѣдить къ принятію священства было весьма трудно. Поэтому инокъ Павелъ рѣшилъ, въ виду приближавшаго великопостнаго времени, назначить въ духовники для бѣлокриницкаго и климоуцкаго липованскихъ обществъ бывшаго дьяка бѣлокриницкой церкви, теперешняго намѣстника митрополіи — Кирилла, на что̀ и липоване изъявили полное согласіе[3]). Со стороны самого Кирилла и со стороны Амвросія отказа также не послѣдовало. И вотъ 2 (14) февраля отъ имени Амвросія издается „циркулярная грамота“

---

[3]) Въ „Памятникѣ происходящихъ дѣлъ“ сказано даже, что назначеніе Кирилла въ духовники послѣдовало „по прошенію старѣйшинъ села Бѣлой-Криницы“ (см. подъ 12 текущимъ №); но самое прошеніе послѣдовало, конечно, по предложенію Павла.

объ „опредѣленіи преосвященнаго епископа, г-на Кирила, бѣлокриницкому и климоуцкому обществамъ за духовнаго отца“, и того же числа по экземпляру этой грамоты послано „съ нарочными“ бѣлокриницкому и климоуцкому уставщикамъ для объявленія обществамъ[4]). Въ грамотѣ, сочиненной Павломъ, послѣ указанія на приближающееся время поста и на значеніе постнаго времени, говорилось отъ имени Амвросія: „мы, имѣюще архипастырское стараніе о душахъ духовныхъ чадъ пасства нашего и желающе всѣмъ очиститися душевныхъ скверънъ и грѣха... того ради и опредѣляемъ преосвященнаго епископа господина Кирила[5]) всѣмъ вамъ за духовнаго отца, повѣряюще ему, какъ то по Духу Святому любезному нашему брату и сослужителю, сіе попеченіе душъ вашихъ, достойна его таковаго дѣла судяще за его смиреніе. Вы же всѣ, любезныя наши чада, постарайтесь каждый о своемъ спасеніи, избѣгающе лѣности, злобы, зависти, неправды; прибѣгайте съ любовію, съ кротостію и чистосердечіемъ къ реченному духовному вашему отцу“[6])...

И назначеніе Кирилла въ духовники и это увѣщательное отъ имени Амвросія посланіе о христіанскомъ препровожденіи наступающаго постнаго времени должны были, по расчетамъ Павла, со всею ясностію показать липованамъ великое преимущество нынѣшняго ихъ положенія при новоучрежденной іерархіи въ сравненіи съ прежнимъ, когда они оставались совсѣмъ безъ поповъ, или должны были обращаться къ бѣглымъ, пьянымъ и корыстолюбивымъ; а съ тѣмъ вмѣстѣ то и другое должны были способствовать утвержденію въ липованахъ преданности новой іерархіи и распространенію ея въ мѣстныхъ липованскихъ обществахъ. Среди липованъ поповщинскаго согласія, впрочемъ, и съ самаго начала не много было сомнѣвающихся относительно

---

4) См. тамъ же.

5) Любопытно, что и въ „Памятникѣ“, и здѣсь, въ грамотѣ, Павелъ называетъ Кирилла просто епископомъ, а не епископомъ Майносскимъ, очевидно, избѣгая упоминать объ этомъ незаконномъ его титулѣ.

6) Писанный по уставному экземпляръ грамоты въ *Бѣлокр. архивѣ.*

Амвросія и законности происшедшей отъ него іерархіи, такъ какъ Павелъ умѣлъ успокоить и тѣхъ, кто соблазнился столь противнымъ липованскому обычаю поведеніемъ Амвросія и его спутниковъ при самомъ вступленіи въ Бѣлую-Криницу[7]), а потомъ, въ отклоненіе всякихъ соблазновъ, старался какъ можно менѣе показывать Амвросія липованамъ. Избраніе же и произведеніе изъ среды самихъ липованъ ихъ бывшаго дьяка Кипріяна въ епископа-намѣстника митрополіи, а теперь назначеніе того же Кирилла имъ въ духовники должно было еще болѣе способствовать устраненію недовольства со стороны липованъ новою іерархіей[8]). Но между ними были

---

[7]) См. *Ист.*, вып. 1, стр. 274—276.

[8]) Съ неисправимо недовольными инокъ Павелъ умѣлъ управляться,— принималъ мѣры къ удаленію ихъ изъ общества. Такъ, были у нихъ два инока, Антоній и Никонъ, громко выражавшіе свои сомнѣнія объ Амвросіи, котораго, какъ и всѣхъ грековъ, согласно общему въ расколѣ мнѣнію, считали обливанцемъ, и тѣмъ производили нѣкоторое волненіе въ липованахъ, имѣя и единомышленниковъ. Павелъ умѣлъ достигнуть того, что оба ушли въ Молдавію. Отъ 1 апрѣля 1847 г. онъ извѣщалъ Геронтія въ Москву: „Изъ Климоуцъ *выжили* на-дняхъ Антонія въ Молдавію. Онъ грозилъ, якобы вамъ причинить зло“ (*Перепис.*, т. 1, стр. 102). И отъ 16 мая: „Германъ, Антоній и Никонъ, первый по волѣ, а послѣдній съ неволей, пошли до Молдавіи“ (тамъ же, стр. 107). А 20 мая писалъ въ Балту Милякову и Киселеву, которые пріѣзжали въ Бѣлую-Криницу и примѣтили тамъ существующее несогласіе въ воззрѣніяхъ на Амвросія: „Въ обители митрополіи нашей, слава Богу, обстоитъ все благополучно: *волновавшіе насъ* Антоній, Никонъ *и прочіе товарищи одного съ ними характера,* слава Богу, выступили въ Молдавію“ (тамъ же, стр. 109). Тогда же была у инока Павла забота объ укрощеніи еще одного крамольника, Ивана Кирилова Полякова, возмущавшаго народъ толками не объ Амвросіѣ впрочемъ, а объ церкви монастырской, которую онъ считалъ, и вполнѣ справедливо, не освященною и настоятельно трбовалъ ея освященія, что было бы крайне соблазнительно, ибо обнаружилось бы, что Амвросій и принятъ былъ и самъ производилъ службы и посвященія въ неосвященной церкви, какъ и было дѣйствительно. Павелъ очень смущался этими толками; но Поляковъ былъ властный человѣкъ (см. о немъ, вып. 1, стр. 89) и самому Павлу было не подъ силу съ нимъ справиться. 1 апр. 1847 г. онъ писалъ

и безпоповцы, а въ Климоуцахъ составляли даже преобладающее населеніе. Павелъ съ самаго пріѣзда въ Бѣлую-Криницу возымѣлъ желаніе обратить ихъ въ свое согласіе, чтобы сдѣлать потомъ вѣрными послѣдователями бѣлокриницкаго священства. Ихъ-то особенно имѣлъ онъ въ виду и теперь, стараясь съ наилучшей стороны выставить положеніе старообрядчества при новоучрежденной іерархіи — и этимъ назначеніемъ даже епископа, притомъ изъ своихъ, въ духовники липованамъ-поповцамъ, и этимъ изданіемъ отъ имени митроп. Амвросія назидательной грамоты по случаю наступавшаго поста, особый экземпляръ которой, очевидно не безъ намѣренія, распорядился послать въ Климоуцы, гдѣ онъ не могъ не сдѣлаться извѣстнымъ и безпоповцамъ. Не довольствуясь этимъ, Павелъ, и не въ первый уже разъ, рѣшился войти потомъ въ прямыя письменныя сношенія съ климоуцкими безпоповцами для привлеченія ихъ подъ паству новоучрежденной въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ старообрядческой іерархіи, — написалъ къ нимъ отъ лица же Амвросія[9]) „духовное увѣщаніе, дабы соединились во едину православную вѣру старовѣрческой религіи“. Увѣщаніе было написано на имя „депутата“ климоуцкихъ безпоповцевъ — Михайлы Ѳедорова, который былъ дѣйствительно самымъ виднымъ и зажиточнымъ между ними лицомъ[10]), „со всѣми прочими единомысленными

Геронтію: „Иванъ Кириловъ Поляковъ *окостылъ* въ упорствѣ касательно церкви, не признаетъ самъ и *многихъ* возмутилъ, что подвижной престолъ въ настоящей неосвященной церкви хотя и есть, но, говоритъ, кто его знаетъ, какой онъ, *церковію не можетъ называться*, а церковицею, въ коей *не можно чинить рукоположенія*“. (*Перепис.* т. I, стр. 102).

[9]) Въ *Памятникѣ* прямо отмѣчено: „Г-нъ митрополитъ Амвросій посылаетъ“... См. подъ № 14.

[10]) Онъ-то снабдилъ и своими деньгами Павла, когда нужно было обманомъ показать правительственному крайскомиссару мнимые капиталы Бѣлокриницкаго монастыря, о чемъ Павелъ писалъ въ извѣстномъ своемъ письмѣ отъ 16 окт. 1843 года: „Кромѣ всякаго чаянія *самые безпоповцы*, кои имѣютъ наличный свой капиталецъ, принесли до послѣдняго золотника сами въ монастырь на такой необходимый

съ нимъ безпоповцами“, — и отправлено въ Климоуцы 1 (13) марта. Для лучшаго достиженія своей цѣли Павелъ нашелъ нужнымъ придать этому дѣлу официальный характеръ, — отправилъ „увѣщаніе“ съ бѣлокриницкимъ дворникомъ Ѳедоромъ Петровымъ, который долженъ былъ потребовать отъ Михайлы Ѳедорова собственноручной росписки въ полученіи увѣщанія. Дворникъ — начальственное лицо среди липованъ: ослушаться его, особенно когда онъ явился отъ имени митрополита, признаннаго императорскимъ австрійскимъ правительствомъ, Михайла Ѳедоровъ не нашелъ возможности: онъ принялъ „увѣщаніе“ и далъ требуемую росписку въ полученіи, которую дворникъ и доставилъ Павлу[11]). Въ „увѣщаніи“ Павелъ требовалъ отъ климоуцкихъ безпоповцевъ именемъ Амвросія, чтобы „дали отъ себя письменный отвѣтъ“ и на это увѣщаніе и на „прежнее, которое имъ сообщено было отъ братства Бѣлокриницкаго монастыря“. Давъ росписку въ полученіи „увѣщанія“, Михайла Ѳедоровъ обязывался

случай“. Любопытно, что Михаилъ Ѳедоровъ подписался во главѣ климоуцкой громады, какъ желающій имѣть епископа, подъ протоколами слѣдственной комиссіи того же года. Все это, надобно полагать, и внушало иноку Павлу надежды на привлеченіе Михаила Ѳедорова и вообще климоуцкихъ безпоповцевъ къ принятію новой іерархіи. Но надежды его, какъ увидимъ далѣе, не осуществились. Михайла Ѳедоровъ въ дѣйствительности не расположенъ былъ къ принятію австрійскаго священства и къ самому Павлу съ братіей. Н. И. Надеждинъ, лично видѣвшій Михайлу Ѳедорова, пишетъ о немъ: „Онъ имѣетъ большое нравственное вліяніе на всѣхъ своихъ единовѣрцевъ и, сколько я могъ замѣтить, обязанъ тѣмъ не лукавству и проницательности, составляющимъ отличительный характеръ безпоповщинскихъ наставниковъ, а единственно превосходству своего ума и характера. Даже и поповщинцы его уважаютъ; но онъ, *живя съ ними въ ладу по наружности, внутренно не расположенъ къ нимъ и особенно не жалуетъ управляющихъ ими кознодѣевъ-монаховъ* (*Сбор. Кельсіева*, ч. I, стр. 94).

11) Въ *Памят.* сказано, что доставилъ даже „самому г-ну митрополиту“, который на самомъ дѣлѣ едва ли и зналъ о предпринятыхъ Павломъ сношеніяхъ съ безпоповцами, равно какъ едва ли имѣлъ понятіе и о самихъ безпоповцахъ. Знакомить Амвросія съ расколомъ и его толками было совсѣмъ не въ интересѣ Павла.

отчасти и къ доставленію требуемаго „письменнаго отвѣта“ на него, — на что̀, какъ надобно полагать, и разсчитывалъ инокъ Павелъ, питая полную увѣренность побѣдитъ безпоповцевъ въ письменномъ ратоборствѣ. Но Павелъ ошибся въ расчетахъ. Климоуцкіе безпоповцы, вовсе не желая измѣнять своихъ вѣрованій, но и считая себя совсѣмъ безсильными для письменныхъ препирательствъ съ такимъ искуснымъ въ сочинительствѣ лицомъ, какъ инокъ Павелъ, уклонились отъ письменнаго отвѣта на „увѣщаніе“; а потомъ на помощь имъ въ борьбѣ противъ бѣлокриницкихъ проповѣдниковъ и защитниковъ новоявленной старообрядческой іерархіи пришелъ человѣкъ, съ которымъ и Павлу было не подъ силу бороться, — другой инокъ Павелъ, пріѣзжавшій къ нимъ изъ Пруссіи и устроившій у нихъ безпоповщинскую иноческую киновію. Такимъ образомъ старанія Павла Бѣлокриницкаго привести климоуцкихъ безпоповцевъ въ подчиненіе новой, его трудами учрежденной, іерархіи не имѣли успѣха.

Успѣшнѣе исполнилъ Павелъ другое свое предпріятіе. Три мѣсяца прошло отъ дня торжественнаго принятія Амвросія въ расколъ, а сынъ его Георгій съ женою все еще не принялъ „исправы“, оставался попрежнему въ греческой религіи, хотя безъ стѣсненія ходилъ къ липованскимъ службамъ. Понятно, что ни самъ онъ, ни его отецъ, внутренно скорбѣвшій о измѣнѣ православной церкви и начинавшій постепенно узнавать нечестіе „липованской ереси“, вовсе не желали этой исправы и, быть можетъ, намѣревались вовсе уклониться отъ нея, такъ какъ въ офиціальномъ условіи, заключенномъ между Амвросіемъ и Павломъ, не было о томъ упоминанія. Но Павелъ, конечно, и прежде пріѣзда Амвросія съ сыномъ въ Бѣлую-Криницу говорилъ имъ о необходимости и Георгію съ женою принять „древлеправославіе“, на что̀ съ ихъ стороны получилъ, конечно, и словесное согласіе, а теперь, въ Бѣлой-Криницѣ, неоднократно напоминалъ Георгію объ исполненіи этого долга, побуждаемый особенно тѣмъ, что онъ постоянно находился при отцѣ, въ самомъ монастырѣ, и посѣщалъ липованскія службы, чѣмъ могъ

производить (и производилъ) соблазнъ среди липованъ, очень враждебно относившихся къ присутствію иновѣрцевъ за ихъ службами. Притомъ же Павелъ понималъ, что не одни липоване, а и россійскіе старообрядцы могутъ весьма не выгодно взглянуть на пребываніе Амвросіева сына въ греческомъ исповѣданіи, а враги новаго священства легко могутъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ къ его осужденію. Въ первое хлопотливое время по пріѣздѣ Амвросія, когда предстояло столько неотложныхъ дѣлъ первостепенной важности, было не до того, чтобы ухаживать за Георгіемъ; а теперь, по окончаніи важнѣйшаго дѣла — поставленіи намѣстника и по отъѣздѣ Геронтія, Павелъ на свободѣ приступилъ къ Георгію съ настоятельнымъ требованіемъ — принять исправу въ старообрядчество, разъяснивъ ему всю необходимость послѣдовать примѣру отца. При полной матеріальной зависимости отъ Павла Георгій не могъ болѣе упорствовать, и „исправа“ надъ нимъ съ женою была совершена, только, по его просьбѣ, не торжественно; за то, въ показаніе своей принадлежности къ старообрядчеству, онъ „на первой недѣлѣ поста со всѣмъ своимъ семействомъ говѣлъ и причащался со всѣми служащими при домѣ“, какъ извѣщалъ Павелъ нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ[12]).

Между тѣмъ Павелъ не очень заботился объ исполненіи другаго, притомъ важнаго дѣла, которымъ, казалось бы, слѣдовало поспѣшить. Цѣлый мѣсяцъ со времени поставленія Кирилла въ намѣстники не посылалъ онъ офиціальнаго увѣдомленія объ этомъ правительству, каковое требовалось для утвержденія Кирилла въ званіи намѣстника. Только уже 8 (20) февраля Амвросій подписалъ донесеніе крайзамту, которымъ увѣдомлялъ, что „на основаніи всевысочайшаго позволенія“ произвелъ Кирилла во всѣ священныя степени до епископа включительно и въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ „пребываніе ему на основаніи монастырскаго Устава опредѣлилъ“, о чемъ просилъ крайзамтъ „донести и далѣе высочайшему прави-

---

12) *Переписка* т. I, стр. 109.

тельству". Донесеніе это отправлено было въ Черновцы, для представленія крайзамту, съ обычнымъ въ такихъ случаяхъ посломъ — инокомъ Алимпіемъ[13]). Надобно полагать, что такой медлительности въ этомъ дѣлѣ Павелъ не допустилъ бы, если бы жребій быть намѣстникомъ выпалъ не на Кирилла, къ которому не питалъ онъ никакого уваженія и отъ котораго не ожидалъ ничего добраго для іерархіи, на первыхъ порахъ столь нуждавшейся въ умныхъ и опытныхъ ея представителяхъ, а напр. на его друга и сотрудника — Геронтія: только необходимость заставила его выполнить наконецъ эту формальность.

Вскорѣ потомъ, на шестой недѣлѣ великаго поста, инокъ Павелъ получилъ отъ Геронтія извѣстіе изъ Москвы, что въ Бѣлую-Криницу отправляются по порученію московскаго старообрядческаго общества два посла для личнаго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ въ митрополіи и для присутствія при варенiи мура, которое необходимо совершить по настоятельной въ ономъ нуждѣ и для котораго московскіе гости привезутъ всѣ потребныя вещества. Павлу приходилось нерѣдко встрѣчать въ Бѣлой-Криницѣ приходившихъ сюда старообрядцевъ, и заграничныхъ и россійскимъ. Кромѣ простолюдиновъ, во множествѣ уходившихъ тогда изъ Россіи за границу, и именно въ Буковину, гдѣ явилось полное старообрядческое священство, бывали посѣтители и изъ почетныхъ въ старообрядчествѣ людей, — пріѣзжала напр. изъ Измаила жена богатаго рыбопромышленника Бѣляева съ сыномъ[14]), а вскорѣ по поставленіи Кирилла пріѣзжали изъ Балты двое старообрядцевъ Миляковъ и Киселевъ, тщательно входившіе въ разсмотрѣніе бѣлокриницкихъ дѣлъ и порядковъ[15]). Но

---

[13]) См. *Памят.* подъ № 13.

[14]) Въ одномъ письмѣ изъ Бѣлой-Криницы, отъ 22 апр. 1847 г., говорится: „Бѣляева жена съ сыномъ пріѣхала изъ Измаила къ намъ въ Бѣлокриницкій монастырь обозрѣть у насъ вновь открытую старообрядческую митрополію" (*Перепис.*, т. 1, стр. 92—93).

[15]) Въ письмѣ къ Милякову и Киселеву отъ 20 мая 1847 г. Павелъ

московскіе гости, о которыхъ извѣщалъ Геронтій, были особаго рода, — ѣхали по порученію общества, отъ котораго зависѣла въ матеріальномъ отношеніи вся судьба митрополіи, ѣхали притомъ съ важнымъ порученіемъ: нужно было поэтому приготовиться къ ихъ принятію, чтобы показать имъ митрополію съ наилучшей стороны.

2. Путешествіе и пріѣздъ В. В. Борисова и Ѳ. Жигарева въ Бѣлую-Криницу. — Мурованіе. — Пасха. — Бесѣды съ инокомъ Павломъ. — Поѣздка въ Молдавію.

Пріѣхавши въ Москву, бесѣдуя съ вліятельными лицами здѣшняго старообрядческаго общества о совершившихся въ Бѣлой-Криницѣ великихъ для старообрядческаго міра событіяхъ, Геронтій выражалъ имъ постоянно сожалѣніе, что не прислали никого для присутствованія на торжествѣ прибытія Амвросія въ Бѣлую-Криницу и принятія его въ старообрядчество. Нѣкоторые и изъ самихъ московскихъ старообрядцевъ соглашались, что слѣдовало бы это сдѣлать, говорили, что у нихъ имѣлся и способный для такого дѣла человѣкъ — зять Досужева, одного изъ попечителей Рогожскаго кладбища, Василій Васильичъ Борисовъ, весьма интересующійся ихъ церковными дѣлами, начитанный и большой знатокъ церковнаго устава, что ему и предлагали ѣхать на бѣлокриницкія торжества, такъ какъ онъ человѣкъ свободный, не связанный ни торговыми, ни семейными дѣлами, да онъ по робости и изнѣженности отказался ѣхать такъ далеко[16]); а теперь, — прибавляли, — самъ же толкуетъ, что у насъ не было настоящаго мура и неизвѣстно, какимъ муромъ мазали Амвросія, что необходимо по крайней мѣрѣ теперь, когда у насъ есть свои епископы, позаботиться объ устраненіи этого недостатка,

---

извѣщая ихъ о исправѣ сына Амвросіева, о чемъ, вѣроятно, была съ ними рѣчь въ ихъ бытность въ Бѣлой-Криницѣ, упоминаетъ, что она совершена была „вскорѣ по отъѣздѣ“ ихъ (тамъ же, стр. 109).

[16]) *Ист.*, вып. I, стр. 272.

безотлагательно сварить настоящее мyро. Московскіе передовые старообрядцы находили, что это его замѣчаніе вполнѣ справедливо и о свареніи мyра надобно позаботиться; Геронтій съ своей стороны изъявилъ на это полное согласіе и предложилъ немедленно (такъ какъ шла уже вторая половина поста) отправить въ Бѣлую-Криницу для присутствованія при мyровареніи, а вмѣстѣ и для ознакомленія съ положеніемъ митрополіи, самого В. В. Борисова. Рогожскіе попечители охотно приняли это предложеніе; но имѣя въ виду характеръ Василья Васильича, объявили, что одного его отпускать неудобно и самъ онъ не согласится одинъ ѣхать, а нужно дать ему надежнаго спутника. Выбрать его было не трудно, — выбрали именно рогожскаго пѣвчаго, славившагося своимъ голосомъ, Ѳедора Васильева Жигарева, которому и сдѣлали о томъ предложеніе. Жигаревъ съ радостью принялъ „порученіе общества“, какъ онъ выражался. Ему приказали немедленно отправиться въ кремль, добиться доступа въ мyроварную палату, тщательно осмотрѣть, какія тамъ устроены приспособленія для варенія мyра, а затѣмъ въ лавкѣ у своего же „христіанина“ Винокурова взять потребное количество всѣхъ нужныхъ для мyроваренія матеріаловъ. Переговорить же съ В. В. Борисовымъ о поѣздкѣ и убѣдить его, чтобы не отказывался, поручили самому Геронтію, который и устроилъ съ нимъ свиданіе.

В. В. Борисовъ, тогда еще молодой человѣкъ, лѣтъ 30, одинокій, никакими дѣлами не занимавшійся, былъ дѣйствительно хорошій начетчикъ, любилъ бесѣдовать о религіозныхъ вопросахъ со старообрядческими старцами и старицами, а особенно любилъ странствовать по старообрядческимъ монастырямъ и скитамъ, чтобы послушать истовой церковной службы и хорошаго пѣнія, въ которомъ и самъ былъ искусенъ[17]). Поѣздка въ Бѣлую-Криницу, въ новую старообряд-

17) П. И. Мельниковъ, пользовавшійся отчасти разсказами В. В. Борисова объ этихъ его странствіяхъ для своихъ повѣстей „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“, изобразилъ его здѣсь подъ именемъ Василія Борисыча, разумѣется, въ нѣсколько прикрашенномъ видѣ.

ческую митрополію, представлявшая столько интересовъ,о была поэтому желательнымъ для него предложеніемъ. Нн онъ любилъ путешествовать съ удобствами, для своего удовольствія, всячески избѣгая непріятностей, трудностей, тѣмъ паче опасностей; а длинный путь до Бѣлой-Криницы угрожалъ большими трудностями въ виду приближавшейся весенней распутицы; особенно же пугала его тайная переправа черезъ границу, сопряженная съ великими страхами и опасностями, о которыхъ онъ слышалъ нѣкогда отъ Іеронима. Василій Васильичъ указалъ Геронтію на всѣ эти опасенія и началъ отказываться отъ поѣздки въ Бѣлую-Криницу, несмотря на все желаніе побывать тамъ. Однако Геронтій умѣлъ отклонить всѣ его страхи подробными наставленіями, какъ вести себя при переходѣ чрезъ границу, и обѣщаніями облегчить для него всѣ трудности. Притомъ объявилъ, что поѣздка его — уже дѣло рѣшенное, что ему назначенъ и спутникъ — Жигаревъ, которому поручено заготовить все нужное въ дорогу и для предположеннаго мyроваренія. Назначенный спутникъ не особенно нравился Василью Васильичу: по его словамъ, „это былъ человѣкъ дерзкій, страшный ругатель, особенно въ пьяномъ видѣ, во время запоевъ, которые случались съ нимъ нерѣдко“; но принявъ во вниманіе, что были у Жигарева и качества, весьма полезныя въ далекомъ и опасномъ путешествіи, — ловкость, расторопность, смѣлость и находчивость въ трудныхъ обстоятельствахъ, и что противиться уже сдѣланному попечителями распоряженію о его поѣздкѣ неудобно, изъявилъ согласіе ѣхать[18]).

Передъ отъѣздомъ В. В. Борисовъ сходилъ получить благословеніе въ путь къ старѣйшему и наиболѣе чтимому изъ двухъ остававшихся на Рогожскомъ кладбищѣ дозволенныхъ

---

[18]) Описанная В. В. Борисовымъ его поѣздка въ Бѣлокриницкій монастырь была напечатана нами еще въ 1864 г. въ *Русскомъ Вѣстникѣ:* изъ этого описанія, имѣющаго несомнѣнную достовѣрность, мы и заимствуемъ здѣсь главныя обстоятельства; а желающіе познакомиться съ любопытными подробностями поѣздки благоволятъ обратиться къ самому описанію.

бѣглыхъ поповъ — Ивану Матвѣичу Ястребову. Этотъ попъ, въ высшей степени хитрый[19]), былъ, разумѣется, весьма недоволенъ учрежденіемъ Бѣлокриницкой іерархіи, наносившей роковой ударъ бѣглопоповству; но зная, что іерархія задумана и покровительствуется самыми богатыми изъ его рогожскихъ прихожанъ, въ угоду имъ скрывалъ свое недовольство и даже, въ своихъ личныхъ интересахъ, когда требовалось, называлъ ее законною. И Василью Васильичу, зятю одного изъ попечителей, отправлявшемуся въ Бѣлую-Криницу по порученію общества, Ястребовъ охотно далъ благословеніе на поѣздку, даже вручилъ стклянночку іосифовскаго будто бы мура, откуда-то имъ взятаго, съ приказаніемъ непремѣнно влить его въ новое, когда будутъ варить. Выѣхалъ Василій Васильичъ изъ Москвы со своимъ спутникомъ 27 февраля, въ четвертокъ четвертой недѣли поста, и такъ какъ къ вербному воскресенью непремѣнно требовалось поспѣть въ Бѣлую-Криницу, чтобы съ понедѣльника страстной недѣли начать мурованіе, то ѣхать нужно было съ большою скоростью.

Какъ и опасался Василій Васильичъ, путешествіе было очень трудно, сопряжено съ разными непріятностями и приключеніями, среди которыхъ ему пришлось оцѣнить вполнѣ находчивость и смѣлость своего спутника. Цѣлыхъ двѣ недѣли тащились они до Днѣстра, на противоположной сторонѣ котораго, за Хотиномъ, въ Грозенцахъ должны были передать врученное имъ отъ Геронтія письмо Гурію Ильичу, извѣстному агенту бѣлокриницкихъ иноковъ, которому Геронтій поручалъ позаботиться о безопасной переправѣ путешественниковъ черезъ границу. Подъѣхавъ къ Днѣстру, они съ ужасомъ увидѣли, что рѣка въ полномъ разливѣ и громадныя льдины несутся во всю ея ширину. Переправляться было страшно; между тѣмъ медлить нельзя, такъ какъ былъ уже четвертокъ шестой недѣли, а въ субботу непремѣнно нужно быть въ монастырѣ. Жигаревъ, презирая всѣ опасности, рѣшился переправиться черезъ рѣку одинъ, чтобы поскорѣе увидѣться

---

[19]) См. о немъ въ изданныхъ нами „Запискахъ В. А. Сапѣлкина“.

съ Гуріемъ и о всемъ посовѣтоваться, а товарища упросилъ остаться ночевать на здѣшнемъ берегу, обѣщая утромъ, когда по его расчетамъ рѣка должна была очиститься, снова пріѣхать за нимъ и за вещами. Съ большими опасностями онъ успѣлъ дѣйствительно переправиться черезъ Днѣстръ, разыскалъ въ Грозенцахъ бѣлокриницкаго агента и по совѣщаніи съ нимъ рѣшилъ, что нужно немедленно ѣхать въ монастырь, гдѣ нетерпѣливо ожидаютъ московскихъ гостей; товарища же съ вещами Гурій обѣщалъ переправить на другой день. Въ письмѣ, которое представилъ Жигаревъ, Геронтій просилъ Гурія Ильича перевести московскихъ гостей черезъ границу законнымъ порядкомъ, подъ именемъ подрядчиковъ каменной работы, которая производилась въ монастырѣ. Согласно этой просьбѣ Гурій представилъ Жигарева смотрителю таможни, какъ подрядчика, ѣдущаго въ Бѣлокриницкій монастырь на работы; но смотритель въ этотъ разъ не поддался на обманъ, — объявилъ, что пріѣзжій съ его окладистой русой бородой больше походитъ на ѣдущаго ставиться въ попы, чѣмъ на подрядчика, да и примѣты имѣетъ совсѣмъ не тѣ, какія указаны въ паспортѣ мнимаго подрядчика, поэтому рѣшительно отказался пропустить его черезъ границу. Опытный въ дѣлахъ такого рода, Гурій не нашелъ возможнымъ настаивать въ своей просьбѣ предъ смотрителемъ таможни, и Жигареву оставался одинъ способъ добраться до Бѣлой Криницы — тайный переходъ черезъ границу по способу контробандистовъ. Жигаревъ, конечно, не задумался прибѣгнуть къ этому средству, и въ ту же ночь, при помощи искуснаго проводника, доставлявшаго всякую контрабанду въ монастырь и котораго всѣ звали попросту Тимошкой, благополучно перешелъ границу; только переходить пришлось по поясъ въ водѣ, и ради такого случая Жигаревъ, всю дорогу не бравшій хмельнаго въ ротъ, разрѣшилъ себѣ выпить даже съ излишкомъ. Инокъ Павелъ, конечно, былъ обрадованъ пріѣздомъ гостя, хотя и смутился нѣсколько его возбужденнымъ видомъ, а еще болѣе тѣмъ, что̀ узналъ объ его спутникѣ, которымъ особенно интересо-

вался: онъ весьма озабоченъ былъ, какъ Василій Васильичъ и находящіеся при немъ необходимыя для мѵроваренія матеріалы прибудутъ въ монастырь[20]). Между тѣмъ Васисій Васильичъ провелъ самую тревожную ночь, оставшись одинъ-одинешенекъ на берегу Днѣстра въ грязной жидовской корчмѣ. Къ его счастію рѣка за ночь дѣйствительно очистилась, а утромъ онъ получилъ извѣстіе, что на другомъ берегу его ожидаетъ экипажъ съ лошадьми. Здѣсь онъ надѣялся встрѣтить Жигарева, согласно его обѣщанію; но, къ удивленію, нашелъ при лошадяхъ только одну женщину, которая оказалась женою Гурія Ильича и пріѣхала именно за тѣмъ, чтобы отвезти его въ Грозенцы. Еще болѣе удивился и огорчился онъ, узнавши, что Жигаревъ не только не дождался его, а уже находится теперь въ Бѣлой Криницѣ. Но его огорченіе достигло высшей степени, когда Гурій Ильичъ объявилъ, что теперь, послѣ неудачи съ Жигаревымъ, уже нечего и обращаться къ смотрителю таможни для полученія пропуска черезъ границу,— что и поклажу, которой ждутъ въ монастырѣ, надобно отправить и ему самому отправиться, если хочетъ, ночью, контрабандным способомъ. Видя крайній испугъ Василія Васильича, Гурій предложилъ ему прожить до пасхи въ Грозенцахъ, обѣщая на пасхѣ найти случай благополучно доставить его въ монастырь; но онъ рѣшился даже перенести всѣ страхи тайнаго перехода черезъ границу, лишь бы только въ торжественные дни страстной недѣли и въ свѣтлый праздникъ не оставаться одному и безъ церковной службы, — сталъ просить, чтобы перевели черезъ границу и его такъ же, какъ

---

[20]) См. *Поѣздку,* стр. 27. Жигаревъ отъ 20 марта писалъ также въ Москву: „Чрезъ настоящій проходъ насъ не пустили, но прежде я расположился и рѣшился жертвовать собою и переправился чрезъ узкій и прискорбный водяной путь, и рѣшился до нага раздѣваться и идти босыми ногами, ночью, по морозу 2 или 3 версты. Но прибылъ благополучно въ назначенное мнѣ мѣсто. А сотоварищъ мой былъ на той сторонѣ рѣки. Но прибывши, въ томъ же часѣ и назначены были и отправлены надежные съ того мѣста люди“ *(Сборъ П. И. Мельникова).*

перевели Жигарева. Ночью явился Тимошка, забралъ товаръ. согласился, хотя не очень охотно, взять и Василья Васильича подъ его руководствомъ, съ великими страхами и опасеніями, трусливый московскій посолъ благополучно переправился черезъ границу, — даже и наполненную водой канаву удалось ему перейти по какимъ-то мосткамъ. Неподалеку стояли дроги, высланныя для перевозки его товара, а на большой дорогѣ ждала его пара откормленныхъ монастырскихъ коней съ экипажемъ, на которыхъ онъ и доѣхалъ удобно, впрочемъ для большей безопасности переряженный въ липованскій кафтанъ и липованскую шапку, вмѣсто московскаго картуза, сначала до Черновицъ, гдѣ останавливались отдохнуть, а потомъ и до Бѣлой Криницы. Въѣхавъ въ монастырь, Василій Васильичъ былъ очень смущенъ неожиданной встрѣчей: по монастырю ходилъ въ спальномъ халатѣ, распѣвая пьянымъ голосомъ *Слава въ вышнихъ Богу,* его спутникъ Жигаревъ... Зато утѣшилъ его радушный пріемъ инока Павла. Павелъ далъ ему помѣщеніе въ кельяхъ архимандрита, пустовавшихъ за отсутствіемъ Геронтія, съ участіемъ разспрашивалъ о путешествіи и особенно интересовался получить свѣдѣнія о пребываніи Геронтія въ Москвѣ.

Устроивъ Василія Васильича, Павелъ однако же немедленно занялся разборомъ и сортировкой привезенныхъ спецій и травъ для мироваренія, которое надлежало начать съ великаго понедѣльника. Подъ его наблюденіемъ работа была скоро окончена. Это происходило вечеромъ въ Лазареву субботу. Тогда же, немного оправившись съ дороги, Василій Васильичъ просилъ Павла представить его Амвросію, котораго поскорѣе хотѣлось ему увидѣть; но Павелъ, вообще неохотно допускавшій старообрядцевъ до личныхъ сношеній съ Амвросіемъ, подъ разными предлогами отклонилъ эту просьбу московскаго гостя до болѣе удобнаго времени. Первый разъ Василій Васильичъ увидѣлъ Амвросія на слѣдующій день, въ воскресенье, за обѣдней. Обѣдню служилъ намѣстникъ Кириллъ: во время службы вошелъ и Амвросій, одѣтый въ голубую шелковую рясу съ широкими рукавами, несогласно старообрядческому

обычаю, но въ старообрядческой камилавкѣ, круглой съ обручикомъ. На москвичей, привыкшихъ къ торжественнымъ служеніямъ въ великолѣпныхъ рогожскихъ часовняхъ, бѣлокриницкая служба въ небольшой деревянной, скудно украшенной церкви, при неискусномъ пѣніи безголосыхъ монаховъ, произвела невыгодное впечатлѣніе, и самъ Кириллъ въ архіерейскомъ облаченіи показался имъ мало похожимъ на архіерея, — въ умиленіе совсѣмъ не привелъ ихъ своимъ архіерейскимъ служеніемъ. Послѣ обѣдни Павелъ пригласилъ Василія Васильича представиться митрополиту. Аудіенція была очень краткая, въ присутствіи Павла и Огняновича, который служилъ за переводчика: входить въ желаемые разспросы при такомъ способѣ объясненія Василій Васильичъ находилъ весьма затруднительнымъ, да и Павелъ видимо желалъ скорѣйшаго прекращенія аудіенціи. Послѣ трапезы Павелъ водилъ гостя познакомиться и съ сыномъ Амвросія, который жилъ въ монастырской гостинницѣ, у самой ограды.

Наконецъ приступили къ мѵроваренію. Вотъ какъ описываетъ его очевидецъ — самъ В. В. Борисовъ: „Въ недѣлю цвѣтную, противъ великаго понедѣльника, по уставу мѵроваренія (не знаю, гдѣ нашли они такой уставъ) отправлялась всенощная сошествію Святаго Духа, а въ понедѣльникъ утромъ, передъ часами (литургій не служили до великаго четвертка), митрополитъ Амвросій пришелъ въ трапезу, гдѣ собралась вся братія. Трапеза эта была простая деревянная черная изба, въ родѣ артельной кухни; впереди стояло нѣсколько иконъ на полкахъ; посрединѣ была устроена небольшая печь, и въ нее вмазанъ котелъ ведра въ два величиною. По обычномъ началѣ Амвросій взялъ лучину и зажегъ въ печи дрова; влилъ въ котелъ крестообразно по три ковша деревяннаго масла, виноградаго вина и воды. Сдѣлавъ это, онъ немедленно ушелъ къ себѣ. Благовонныя спеціи, мелко истолчѐнныя, всыпали въ котелъ епископъ Кириллъ и священники Іеронимъ и Евфросинъ; два діакона въ стихаряхъ поперемѣнно мѣшали въ котлѣ нарочно приготовленными для того веслами“. Такъ продолжалось, при чтеніи Еван-

гелія, до великаго четвертка. „Въ четвертокъ послѣ утрени, когда совсѣмъ уже остыло мyро, немедленно разлили его въ кувшины и съ подобающею честію перенесли въ церковь. Литургію въ этотъ день служили соборнѣ оба архіерея — и Амвросій и Кириллъ. Послѣ обѣдни налили для насъ новоосвященнаго мyра четыре довольно большіе графина, пробки залили сургучомъ и запечатали монастырскою печатью. Надобно сознаться, — прибавляетъ В. В. Борисовъ,— мyро сварили мы какъ-то не совсѣмъ удачно: запахъ еще ничего, довольно пріятный; но цвѣтъ вышелъ какой-то мутный. Но мы на первый случай и такимъ были очень довольны“ [21]).

Между тѣмъ, во время самаго мyроваренія, во вторникъ, случилось обстоятельство, страшно перепугавшее московскихъ гостей и дѣйствительно угрожавшее имъ большими непріятностями. Отъ смотрителя ли таможни, такъ подозрительно отнесшагося къ Жигареву, или отъ кого изъ самихъ липованъ мѣстная полиція провѣдала о секретномъ прибытіи въ Бѣлокриницкій монастырь какихъ-то подозрительныхъ людей изъ Россіи, и мандаторъ прислалъ двухъ гайдуковъ съ требованіемъ выдать пріѣзжихъ. Даже самъ инокъ Павелъ растерялся; но Жигаревъ поспѣшилъ немедленно скрыться

---

[21]) См. *Поѣздку* за мyромъ, въ отд. изданіи, стр. 28—31. Примѣчательно, что такого важнаго событія, какъ мyроваренie, Павелъ почему-то не занесъ въ свой „Памятникъ происходящихъ дѣлъ“, тогда какъ тщательно записывалъ въ немъ даже ничтожныя обстоятельства — постриженія иноковъ и т. п. Даже и въ письмахъ онъ говорилъ о мyроваренiи съ большою осторожностію. Такъ писалъ къ Милякову и Киселеву: „купцы московскіе, за чѣмъ прибыли, то съ собою съ усердіемъ получили“; и въ тотъ же день писалъ Геронтію: „гости, за чѣмъ пріѣзжали, потребное получили съ удовольствіемъ обоюднымъ“ (*Перепис.*, т I, стр. 109 и 112). О мyроваренiи находимъ упоминаніе только въ письмѣ нѣкоего Максимова, отъ 28 апр. 1847 г. изъ Бѣлой-Криницы въ Перекопъ: „Теперь у насъ священства по церкви довольно есть, и *мyро святое варили соборомъ*. Богъ знаетъ, будетъ ли долголѣтіе; а течетъ народъ сильно на зрѣніе сего духовнаго дѣла“ (тамъ же, стр. 96).

въ садъ, а затѣмъ въ поле, куда за нимъ послѣдовалъ и товарищъ: здѣсь просидѣли они все время, проклиная прославленную свободу заграничной жизни, пока не извѣстили ихъ, что опасность миновала и Павелъ успѣлъ кое-какъ устроить дѣло съ посланными отъ мандатора. Однако дальнѣйшее пребываніе ихъ въ монастырѣ Павелъ считалъ небезопаснымъ, и потому озаботился выправить для нихъ австрійскіе, а потомъ молдавскіе паспорты[22]).

Празднованіе пасхи въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ также не произвело особаго впечатлѣнія на московскихъ гостей. В. В. Борисовъ замѣтилъ только, что въ первый день „службу совершалъ самъ Амвросій, соборомъ, — возгласы говорилъ по-славянски, звонкимъ, крикливымъ голосомъ и съ сильнымъ греческимъ акцентомъ; Евангеліе читалъ по-славянски же: и возгласы и Евангеліе переложилъ для него Огняновичъ на греческія буквы[23])... Это была первая (и единственная) пасха, встрѣченная и проведенная Амвросіемъ въ Бѣлой Криницѣ, — не въ православной церкви, а въ расколѣ. И служилъ онъ въ свѣтлый день обѣдню для липованъ, съ ихъ обрядами, конечно, не въ свѣтломъ настроеніи духа; зато уже всю недѣлю болѣе и не служилъ, предоставивъ это своему намѣстнику. Впрочемъ, и обѣдню служили въ монастырѣ не каждый день свѣтлой недѣли[24]).

Свободные для всѣхъ праздничные дни В. В. Борисовъ проводилъ въ наблюденіяхъ за порядками въ монастырѣ и въ интимныхъ бесѣдахъ съ инокомъ Павломъ. Въ порядкахъ монастырскихъ и въ церковныхъ службахъ онъ находилъ у

---

22) Любопытныя подробности объ этомъ событіи см. въ *Поѣздкѣ*, стр. 28—31. И Жигаревъ писалъ въ Москву 20 марта: „Мы 19 числа были въ великомъ страхѣ, какъ были присланы отъ мандатора, а по нашему отъ становаго пристава, два гайдука насъ искать, но едва мы отъ свящ. дѣйствія могли чрезъ ограду перескочить и почти цѣлый день скитались въ лѣсу и кустахъ. Теперь думаемъ хлопотать молдавскіе пасы“ *(Сбор. Мел.)*.

23) *Поѣздка*, стр. 31.

24) Тамъ же, стр. 32.

бѣлокриницкихъ иноковъ нѣкоторыя несогласія съ обычаями старообрядцевъ, на что́ и старался обратить вниманіе Павла. Указалъ, напр., на то, что иноки даже и въ торжественныхъ служеніяхъ не надѣваютъ соборныхъ мантій. Павелъ согласился, что это неприлично, особенно когда служитъ архіерей, но дѣлается не по небрежности, а за недостаткомъ мантій, и что позаботится пріобрѣсти ихъ[25]). А услышавъ, что при служеніи Амвросіемъ литургіи, по возглашеніи діакона, и пѣвчіе запѣли: *Господи, спаси благочестивыя*, чего у старообрядцевъ не полагается, Василій Васильичъ, бывшій тогда ревнителемъ старообрядчества, даже съ негодованіемъ указалъ Павлу на это никоніанское новшество. Павелъ съ сокрушеніемъ отвѣтилъ, что въ этомъ (какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ частностяхъ) сдѣлана необходимая уступка Амвросію. — „Не мало мы съ нимъ спорили объ этомъ, — прибавилъ Павелъ, — не слушаетъ, да и только! — что́, говоритъ, вы тутъ за ересь нашли — молиться Богу о спасеніи благочестивыхъ!“ Обратилъ вниманіе московскій наблюдатель и на то, что Амвросій совсѣмъ не ходилъ въ церковь. Павелъ объяснялъ и оправдывалъ это тѣмъ, что славянской рѣчи Амвросій не понимаетъ, потому и службу славянскую не зачѣмъ ему слушать[26]). Но развѣ Амвросій не зналъ порядка службы, или не могъ слѣдить за ней по греческому Служебнику, и развѣ самъ не отправлялъ службы при сослуженіи и пѣніи липованъ! Павлу, очевидно, не хотѣлось сознаться,

---

[25]) Вскорѣ онъ, дѣйствительно, писалъ Геронтію въ Москву: „Пріѣзжавшіе къ намъ гости зазрѣли намъ *еще въ одномъ* недостаткѣ, что у нашихъ иноковъ не имѣется соборныхъ мантій, — будучи при такихъ лицахъ на соборномъ богослуженіи, уже не говоря о прочихъ, но даже и у самыхъ крылошанъ ни у одного не водится“. Далѣе Павелъ проситъ Геронтія купить готовыя, или сшить мантіи въ Москвѣ, или въ Кіевѣ (пис. отъ 16 мая 1847 г. *Переписк.*, т I, стр. 106). Употребленное Павломъ выраженіе: „зазрѣли еще въ одномъ недостаткѣ“ показываетъ, что гости, т.-е. В. В Борисовъ и Жигаревъ, зазирали предъ Павломъ и другіе липованскіе недостатки, о которыхъ онъ прежде писалъ Геронтію

[26]) *Поѣздка*, стр. 31—32.

что Амвросій обнаруживалъ не только равнодушіе, но и отвращеніе къ липованской религіи и службѣ, а служилъ лишь по крайней необходимости, по настоятельному требованію Павла. Чаще и съ особенной обстоятельностью бесѣдовалъ В. В. Борисовъ съ инокомъ Павломъ о существующемъ среди старообрядцевъ сомнѣніи относительно крещенія Амвросія,— не обливанецъ ли онъ, такъ какъ въ старообрядчествѣ утвердилось мнѣніе, что у грековъ употребляется поливательное крещеніе. Василій Васильичъ говорилъ Павлу, что такихъ сумнящихся не мало и въ Москвѣ, по милости извѣстнаго Гусева[27]), который рѣшительно возсталъ противъ новой іерархіи, называя Амвросія обливанцемъ, и имѣетъ многихъ послѣдователей, что поэтому необходимо бы произвести на родинѣ Амвросія тщательныя изслѣдованія, какъ онъ былъ крещенъ и какъ вообще крестятъ тамъ греки,—онъ даже не прочь былъ и самъ отправиться въ Эносъ, благо находился уже за границей. Никто не могъ лучше Павла оцѣнить основательность этихъ замѣчаній, и съ крайнимъ огорченіемъ онъ долженъ былъ признать, что написанное имъ еще до принятія Амвросія сочиненіе о всеобдержномъ употребленіи у грековъ трехпогружательнаго крещенія[28]), на которое онъ такъ разсчитывалъ, большинства старообрядцевъ и за границей, и въ Россіи не разубѣдило въ ихъ прежнихъ понятіяхъ о грекахъ. Понимая, какимъ дѣйствительно важнымъ препятствіемъ успѣху новоучрежденной іерархіи являются эти сомнѣнія старообрядцевъ о крещеніи Амвросія, и Павелъ находилъ весьма полезнымъ и желательнымъ, чтобы такой человѣкъ, какъ В. В. Борисовъ, пользующійся довѣріемъ московскаго старообрядческаго общества и имѣющій родственныя связи съ значительнѣйшими его членами, лично побывалъ въ Эносѣ и привезъ оттуда извѣстіе о всеобдержномъ употребленіи трехпогружательнаго крещенія у эносскихъ грековъ, чѣмъ могъ бы удостовѣрить и разубѣдить сумнящихся.

---

27) См. о немъ *Ист.* вып. I, стр. 176—177.

28) См. тамъ же, стр. 288.

Поэтому онъ весьма радъ былъ высказанному Василіемъ Васильичемъ намѣренію съѣздить въ Эносъ и готовъ былъ всячески содѣйствовать его осуществленію. Дѣло это совсѣмъ было устроилось,—Василій Васильичъ рѣшился ѣхать и Павелъ даже выдалъ ему изъ монастырскихъ денегъ потребную сумму на путешествіе; но услышавъ о трудностяхъ морскаго плаванія и опасаясь за свое здоровье, отказался и возвратилъ деньги. Въ частыхъ откровенныхъ бесѣдахъ съ гостемъ Павелъ повѣствовалъ ему о своихъ собственныхъ путешествіяхъ и вообще подвигахъ ради „возстановленія“ іерархіи, показывалъ ему относящіяся къ этому дѣлу письма и разныя бумаги. Всѣмъ этимъ московскій гость очень интересовался, а нѣкоторыя бумаги, въ томъ числѣ и извѣстныя письма Павла изъ Іерусалима и Царя-града[29]), взялъ въ Москву; онъ просилъ также дать ему и полученныя при немъ любопытныя письма Аркадія Лаврентьевскаго о дѣлахъ у добруджинскихъ старообрядцевъ, которыя Павелъ читалъ ему, на что̀ послѣдній и изъявилъ согласіе[30]).

---

[29]) См. тамъ же, стр. 210, прим.

[30]) Аркадіевы письма В. В. Борисовъ при отъѣздѣ забылъ взять; Павелъ же послалъ ему потомъ другія интересныя письма Аркадія, вновь полученныя и ему неизвѣстныя. Вотъ что̀ о всемъ этомъ Павелъ писалъ Геронтію отъ 27 мая: „Василій Васильевичъ лично просилъ дать ему на время подлинныя письма Аркадіевы, полученныя 26 апрѣля, но при отправкѣ, засуетившись, остались; однако я и теперь не посылаю ему оныхъ подлинникомъ за тяжесть почтою, ибо на простой, толстой и обширной бумагѣ, однако съ одного, которое особо пишетъ ко мнѣ, списавъ копію, прилагаю, потому болѣе, что посылаю еще новыя два письма его на двухъ листахъ и половинкѣ подлинникомъ и прошу передать ихъ Василію Васильевичу. А когда будете возвращаться, тогда, если будетъ возможно, слѣдовало бы взять отъ него моей руки подлинныя письма, писанныя въ монастырь изъ Іерусалима и Царьграда, *съ прочими забранныя* Василіемъ Васильичемъ лично“. (*Переписка*, т. I, стр. 113). Копію съ письма Аркадія Павелъ послалъ въ Москву, надобно полагать, потому, что въ письмѣ этомъ Аркадій объясняетъ, какъ онъ отказался отъ прежняго нерасположенія къ новоучреждаемой іерархіи: мнѣніе объ іерархіи такого авторитетнаго въ расколѣ лица, какъ Аркадій, могло, по со-

Какъ человѣкъ умный, любознательный и свѣдущій въ Писаніи, В. В. Борисовъ вообще пользовался особымъ вниманіемъ со стороны Павла и прочихъ бѣлокриницкихъ „старцевъ“. Этому не мало способствовало, разумѣется и родство его съ Досужевымъ, однимъ изъ попечителей Рогожскаго Кладбища, — въ Бѣлой Криницѣ его даже и звали по фамиліи Досужевымъ. Послѣднее обстоятельство было побужденіемъ и для Амвросіева сына, въ чаяніи будущихъ благъ изъ Москвы, пригласить почетнаго московскаго гостя въ воспріемники родившагося у него въ страстную недѣлю сына. Василій Васильичъ согласился и вступилъ такимъ образомъ даже въ родство съ Амвросіемъ[31]). Воспріемницею была жившая въ Бѣлой Криницѣ нѣкая дѣвица Анастасія, вышедшая также изъ Россіи[32]).

Послѣ пасхи московскимъ гостямъ не было надобности оставаться болѣе въ Бѣлой Криницѣ. Но Геронтій, при прощаніи съ Василіемъ Васильичемъ въ Москвѣ, выразилъ надежду еще при немъ возвратиться въ монастырь и застать его здѣсь: поэтому Василій Васильичъ желалъ дождаться Геронтія и узнать отъ него московскія новости. Ему хотѣ-

---

ображеніямъ Павла, благотворно подѣйствовать на московскихъ ея противниковъ. Но и письмо Павла къ Геронтію и приложенныя къ нему для передачи В. В. Борисову не дошли по назначенію: они взяты русскимъ правительствомъ и находятся при дѣлѣ Геронтія. Мы напечатали ихъ по сборнику П. И. Мельникова (*Переписка*, т. I, стр. 11; т. II, стр. 1).

31) Отъ 20 мая 1847 г. Павелъ писалъ Милякову и Киселеву: „На страстной недѣлѣ супруга (Георгія Андреевича) Анна Николаевна разрѣшилась отъ бремени, и новорожденнаго младенца Іакова при крещеніи воспріемникомъ былъ московскій купецъ Василій Васильичъ Досужевъ“ (*Переписка*, т. I, стр. 110; сл *Поѣздка за мгромъ*, стр. 27, примѣч.). О рожденіи Амвросіева внука Павелъ извѣщалъ и Геронтія. Послѣдній писалъ изъ Москвы въ Бѣлую-Криницу отъ 11 апрѣля: „здѣсь мы и всѣ наши благодѣтели о новорожденномъ Яковѣ Георгіевичѣ очень радуемся“ (*Сбор. Мел.*).

32) Она писала въ Рыльскъ, вѣроятно роднымъ, отъ 11 мая: „Здѣсь, въ Бѣлой-Криницѣ, у митрополита невѣстки я сына принимала Якова съ московскимъ купцомъ“ (*Переписка*, т. I, стр. 98).

лось еще видѣть въ Бѣлой Криницѣ хиротонію священника, и онъ просилъ Павла устроить это дѣло, при чемъ поставилъ Павлу на видъ, что весьма неудобно и даже неприлично священноиноку Іерониму, который все еще оставался приходскимъ священникомъ у липованъ, хотя уже и не былъ духовникомъ, исправлять у мірянъ требы — вѣнчать браки, давать молитву роженицамъ, крестить младенцевъ, и что поэтому хорошо бы поставить приходскаго священника именно въ Бѣлую Криницу, или въ Климоуцы. Павелъ отвѣчалъ, что все это вполнѣ справедливо, что онъ и самъ давно уже помышляетъ объ этомъ, но трудно найти среди липованъ человѣка способнаго и готоваго принять священство; однако обѣщалъ позаботиться о пріисканіи таковаго. А такъ какъ московскимъ гостямъ небезопасно было жить въ Бѣлой Криницѣ, то Павелъ посовѣтовалъ имъ съѣздить на время въ Молдавію, чтобы тамъ выправить себѣ и молдавскіе паспорты, съ которыми удобно могутъ жить за границей. Гости охотно приняли этотъ совѣтъ и въ самое Ѳомино воскресенье выѣхали изъ Бѣлой Криницы вмѣстѣ съ ризничимъ, инокомъ Онуфріемъ, который, будучи сосѣдомъ Василія Васильича по кельѣ, близко сошелся съ нимъ и вызвался ему сопутствовать.

Поѣздка въ Молдавію продолжалась болѣе трехъ недѣль. Сначала путешественники пожили нѣсколько дней въ Мануиловскомъ старообрядческомъ скиту у настоятеля инока Іоиля: скитъ, расположенный въ дикой, но живописной мѣстности[33]), оказался очень бѣднымъ и неустроеннымъ, — жили въ немъ вкупѣ иноки и инокини, что̀ было тогда въ обычаѣ у старообрядцевъ. Изъ Мануиловки проѣхали въ Яссы, гдѣ ласково были приняты попечителемъ мѣстной старообрядческой церкви Никифоромъ Панкратьевымъ, а также и почетными ясскими старообрядцами. Благодаря ихъ содѣйствію, московскіе гости легко получили нужные паспорты и возвратились въ Бѣлую Криницу молдавскими купцами.

---

33) По словамъ Надеждина, Мануилова „настоящій вертепъ, затаенный въ дремучей лѣсной чащѣ, на днѣ глубокаго крутояраго оврага“ *(Сбор. Кельс.* ч. I, стр. 144).

3. Распоряженія о монастыряхъ. — Брачныя дѣла.

Въ отсутствіе московскихъ гостей, немедленно по отъѣздѣ ихъ въ Молдавію и минованіи праздничныхъ дней, инокъ Павелъ издалъ, отъ имени Амвросія, два распоряженія, касавшіяся благоустройства иноческихъ обителей. Первое, вызванное, очевидно, обстоятельствами, нарушавшими благоприличіе, на которыя, быть можетъ, указалъ и наблюдательный московскій гость, касалось самихъ бѣлокриницкихъ обителей — мужской и женской, именно происходившихъ между ними слишкомъ свободныхъ сообщеній. Женскій монастырь, или скитъ, состоялъ весь изъ инокинь и бѣлицъ россійскаго происхожденія, бѣжавшихъ за границу, точно такъ же, какъ и мужской — изъ бѣглыхъ русскихъ же раскольническихъ монаховъ и бѣльцовъ. Во главѣ инокинь стояли тогда нѣкія Павлина и Андра)[34]: къ нимъ-то инокъ Павелъ и нашелъ нужнымъ обратиться отъ имени Амвросія съ требованіемъ, чтобы онѣ и подчиненныя имъ сестры ходили въ мужской монастырь только въ опредѣленное время, въ часы церковныхъ службъ, для присутствія въ церкви, или въ трапезу, а въ монашескія кельи чтобы никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не ходили[35]). Однако при этомъ не сдѣлано было распоряженія, чтобы бѣлокриницкіе иноки въ свою очередь также не ходили безъ особенной нужды въ женскія обители, а тѣмъ паче въ кельи къ монахинямъ и бѣлицамъ, чѣмъ они свободно могли пользоваться, и дѣйствительно пользовались. Сдѣланнымъ распоряженіемъ устранялся только со-

---

[34]) Павлина была родомъ изъ Симбирской губерніи: см. ея письмо въ *Переписк.*, т. I, стр. 98; Андра откуда-то прибыла въ Бѣлую-Криницу со всей „обителью“: тамъ же, стр. 94.

[35]) Въ *Памятникѣ* подъ 1 (13) апр. именно записано: „Митроп. Амвросій возвѣщаетъ честнымъ инокинямъ Павлинѣ и Андрѣ съ прочими сестрами, *какъ* и *когда* позволяется женскому полу во ограду Бѣлокриницкаго сего монастыря входить, а въ братскія келіи ни подъ какимъ предлогомъ не позволяется, кромѣ церкви и трапезы“.

блазнъ въ оградѣ мужскаго монастыря. Другое распоряженіе имѣло въ виду Мануиловскій скитъ, — тотъ самый, который посѣтили тогда московскіе гости и въ которомъ, по словамъ В. В. Борисова, жили вкупѣ иноки и инокини. Молдавскіе, собственно же ясскіе старообрядцы, отъ которыхъ почетные представители присутствовали даже при принятіи Амвросія въ расколъ, съ самаго же начала охотно приняли бѣлокриницкую іерархію. Но въ Мануиловкѣ были и не расположенные къ этой іерархіи, съ сомнѣніемъ смотрѣвшіе на Амвросія, подъ вліяніемъ своего извѣстнаго попа Алексѣя Булгакова, который велъ себя очень двусмысленно въ отношеніи къ Бѣлой Криницѣ и совершившемуся тамъ, столь важному для старообрядчества, событію[36]). Если попъ Алексѣй открыто не возсталъ противъ новой іерархіи, которой несомнѣнно не сочувствовалъ, равно какъ не признавалъ законною, то лишь только изъ уваженія къ ясскому богатому старообрядческому обществу, безпрекословно принявшему эту іерархію, изъ опасенія — лишиться его расположенія и сопряженныхъ съ онымъ выгодъ. Настоятель Мануиловскаго скита, тотъ самый Іоиль, что былъ настоятелемъ въ Бѣлой Криницѣ, когда пріѣхали туда Павелъ и Геронтій, и послѣ извѣстной исторіи такъ безцеремонно былъ ими выпровоженъ въ Молдавію[37]), не могъ быть также искреннимъ приверженцемъ устроенной его изгнателями іерархіи; но тоже въ угоду ясскимъ старообрядцамъ принялъ ее, и даже рѣшился просить митрополита о преобразованіи своего скита въ общежительный монастырь и о позволеніи построить съ помощію благотворителей новую церковь вмѣсто существовавшей, крайне убогой[38]). Павелъ находилъ, что эту обращенную къ Амвро-

---

[36]) См. о немъ въ 1-мъ выпускѣ *Исторіи*, стр. 188—191. Въ маѣ мѣсяцѣ 1847 г. Павелъ писалъ Милякову: *„О мануиловскихъ раздорникахъ, въ томъ числѣ и о попѣ*, аки переметной сумѣ, время не имѣю нынѣ говорить. Пословица говорится: песъ сѣна не ѣстъ, и козѣ не даетъ“ *(Перепис.*, т. I, стр. 100).

[37]) См. *Ист.*, вып. I, стр. 122—125.

[38]) О ней В. В. Борисовъ писалъ. „Грустно было смотрѣть на

сію просьбу слѣдуетъ уважить въ видахъ поднятія нравственности раскольническихъ монастырей именно подъ вліяніемъ новой, правильно устроенной старообрядческой іерархіи, и въ такомъ видѣ объяснилъ дѣло Амвросію. 1-го (13-го) апрѣля отъ имени сего послѣдняго издана была грамота Іоилю на „сограждение общежительнаго монастыря въ Молдавіи, если правительство высокаго молдавскаго княжества соблаговолитъ на такой предметъ свободу“, при чемъ, въ видахъ именно поднятія нравственности монаховъ, поставлено условіемъ въ грамотѣ, чтобы „монастырь имѣлъ содержаніе собственно общебратскими трудами и издѣліями и доходами, а не отъ скитанія и попрашайничества, на такихъ точно правилахъ, *на какихъ нынѣ существуетъ* Бѣлокриницкій монастырь“. Къ грамотѣ была поэтому присоединена въ руководотво „выписка изъ Устава Бѣлокриницкаго монастыря за шнуромъ и митрополитской печатію“ [39]). Іоилю дано было также разрѣшеніе изъ митрополіи производить сборъ на сооруженіе монастыря и построеніе въ немъ церкви во имя святителя Николы [40]).

Незадолго передъ тѣмъ, изъ Молдавіи же, попъ Алексѣй Булгаковъ возбудилъ брачное дѣло,—первое изъ такихъ дѣлъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ Павлу не разъ приходилось потомъ трудиться. Въ Яссахъ два лица изъ богатыхъ старообрядческихъ семействъ, Алексѣй Родіоновъ Ѳоминъ и Екатерина Николаева Богомолова вступили въ бракъ и были

эту молельну, гдѣ все отзывалось бѣдностью и недостаткомъ: у передней стѣны стояло нѣсколько иконъ безъ всякаго украшенія, деревянные подсвѣчники, ситцевыя замасленныя пелены, нѣсколько войлочныхъ подручниковъ“ (*Поѣздка*, стр. 34).

[39]) См. въ *Памятникѣ*, подъ № 16.

[40]) Въ маѣ мѣсяцѣ Іоиль былъ уже съ сборною книжкой въ Балтѣ. Отъ 20 числа этого мѣсяца Павелъ писалъ туда Милякову: „Кто именно Іоилю книгу подписалъ (?), послѣ сего, справившись, увѣдомлю васъ; а митрополитъ и весь нашъ соборъ тому извѣстенъ, и Іоиля на сіе дѣйствіе благословилъ, т.-е. на устроеніе общежительства по точнымъ правиламъ монастыря нашего, на сооруженіе въ обители ихъ вмѣсто ветхой часовни новой церкви во имя святителя Христова Николы“ (*Переписка*, т. I, стр. 100).

повѣнчаны, вѣроятно, не попомъ Алексѣемъ. Этотъ послѣдній почему-то нашелъ ихъ бракъ незаконнымъ и написалъ иноку Павлу письмо, въ которомъ просилъ его доложить дѣло митрополиту Амвросію и съ своей стороны предлагалъ или развести новобрачныхъ, или запретить имъ входъ въ церковь на богомоленіе. Въ отвѣтъ ему предписано было — изложить дѣло подробнѣе и указать запретительныя правила, относящіяся къ браку Богомолова съ Ѳоминой: тогда, по разсмотрѣніи правилъ, насколько они касаются того брака, обѣщано было рѣшить дѣло, „какъ законъ повелѣваетъ“. Это переписка происходила въ мартѣ. 8 мая попъ Алексѣй послалъ другое письмо иноку Павлу, въ которомъ привелъ требуемыя правила и снова просилъ или расторгнуть бракъ Богомолова и Ѳоминой, или воспретить имъ входъ въ церковь на общую молитву. 18 мая Павелъ препроводилъ къ Булгакову „обстоятельный отвѣтъ“, что приведенныя имъ правила не приложимы къ разсматриваемому браку и требованіе его о расторженіи брака, также о воспрещеніи бракосочетавшимся присутствія на общихъ церковныхъ богомоленіяхъ, неосновательно[41]).

Въ то же время Павлу пришлось заняться рѣшеніемъ другаго бракоразводнаго дѣла, поступившаго отъ старообрядцевъ уже русскаго пограничнаго селенія — Грубнаго. Одинъ изъ жителей этого селенія, Филимонъ Петровъ Тугаревъ женился на воспріемной дочери, „со внѣшнихъ выкресткѣ“, почетнаго мѣстнаго жителя Еѳима Кузмина Лакеева. Годъ жили они согласно; потомъ начались раздоры: жена нѣсколько разъ бѣгала отъ мужа, стала дурно жить, наконецъ совсѣмъ его оставила, ушла за границу, въ Молдавію, прижила незаконныхъ дѣтей, и даже перешла въ прежнюю „обливанскаго крещенія вѣру, къ руснацкому попу“. Послѣ этого мужъ ея, съ согласія родителей, но не спросясь общества, „предстоятелей церковныхъ“, вступилъ во второй бракъ, — для вѣнчанія онъ ѣздилъ въ Чернобольскій мона-

[41]) *Памятникъ*, № 15.

стырь, такъ какъ попа въ Грубномъ не было. Это произошло въ октябрѣ 1846 г. За вступленіе во второй бракъ при живой женѣ и особенно за то, что такъ поступлено безъ вѣдома и согласія мѣстныхъ „предстоятелей церковныхъ“, грубенское общество старообрядцевъ отлучило не только новобрачныхъ Тугаревыхъ, но и „весь ихъ родъ“, отъ присутствія на общихъ моленіяхъ, — „отъ храму“; но, не будучи увѣрены въ правильности такого рѣшенія, грубенскіе старообрядцы признали нужнымъ представить это дѣло на разсмотрѣніе новаго старообрядческаго митрополита, о которомъ, значитъ, не имѣли сомнѣнія. 2 апрѣля 1847 г. съ нѣкоей женкой Ѳедосьей Лукьяновой они отправили въ Бѣлокриницкій монастырь прошеніе съ изложеніемъ дѣла. Въ заключеніе они писали: „теперь, святые отцы, просимъ васъ, Бога ради разрѣшите, грѣхи ихъ (отлученныхъ) какимъ основаніемъ быть, потому что въ недостаткѣ ума нашего; то мы просимъ вашего преподобія, стада Христова и пресвятаго владыку, потрудитесь, разберите, есть ли какое правило, и пришлите намъ извѣстіе“[42]). Павлу весьма пріятно было такое признаніе грубенскими старообрядцами высшаго авторитета митрополіи въ рѣшеніи духовныхъ дѣлъ. Немедленно принялся онъ за пріисканіе въ Кормчей правилъ, относящихся къ настоящему дѣлу. На основаніи 9 и 21 прр. св. Василія Великаго (Кормч., 21 гл.) и 17-й гл. въ книгѣ Матѳея Правильника, онъ рѣшилъ, что если самъ Филимонъ Петровъ не изобличенъ обществомъ въ наказуемыхъ по правиламъ преступленіяхъ противъ жены (которыя и исчислилъ на основаніи новыхъ заповѣдей Іустиніана и 13 гл. Матѳея Правильника), и, напротивъ, если его первая жена „изобличена въ порокахъ, въ прелюбодѣйствѣ и даже въ отступленіи, то прощается Филимонъ въ поятіи другой жены и разрѣшается отъ запрещенія, довлѣетъ бо ему претерпѣвшу доселѣ“; буде же первая жена неповинна въ порокахъ, за которые

[42]) Прошеніе это, очень безграмотно написанное, и цѣлое „дѣло Грубенскаго Филимона Петрова“ находится въ *Бѣлокрин. арх.*

обвиняется, а виноватъ въ нихъ самъ Филимонъ, то „дондеже не разведется со второю женою, да будетъ въ томъ же запрещеніи, въ какомъ нынѣ находится; прочимъ же семейства его довлѣетъ прошедшее, а на будущее время да будутъ прощены и на соборное богослуженіе допущены, если только они къ потворству прелюбодѣйства и безчинія сына своего непричастны". Такого именно содержанія, якобы „по повелѣнію г-на митрополита Амвросія", на разсмотрѣніе и рѣшеніе котораго будто бы представлено было все дѣло, инокъ Павелъ сочинилъ „посланіе отъ Бѣлокриницкаго монастыря селенія Грубна предстоятелямъ церковнымъ"[43]). 3-го апрѣля оно было отправлено по назначенію съ той же Ѳедосьей[44]). Полученное изъ митрополіи посланіе, изложенное въ условномъ смыслѣ, не удовлетворило грубенскихъ старообрядцевъ. Особенно недоволенъ былъ такимъ условнымъ рѣшеніемъ дѣла заинтересованный въ немъ Еѳимъ Лакеевъ, ожидавшій, что въ митрополіи подтвердятъ правилами положенное на Филимона Петрова отлученіе. По его настоянію дѣло оставлено было въ прежнемъ положеніи; а въ іюнѣ самъ онъ, съ двумя другими грубенскими старообрядцами, взятыми въ качествѣ свидѣтелей, явился въ митрополію для личныхъ объясненій по дѣлу Филимона. 14-го іюня имъ „учинено" было при свидѣтеляхъ подробное „показаніе", изъ котораго выяснилась полная виновность первой жены Филимона и оказалось еще, что изъ Грубнаго посылали въ Куреневскій монастырь „учинить о семъ дѣлѣ справку, какъ повелѣваютъ правила св. отецъ, и прибывшіе оттолѣ со справкою объявили обществу, что „или распущенъ да будетъ бракъ, или отлучить отъ церкви и отъ собора православныхъ навсегда не только Филимона со второю женою, но

---

[43]) Посланіе, собственноручно писанное Павломъ, въ *Бѣлокр. арх.* Какъ идущее отъ монастыря, оно подписано „за отсутствіемъ архимандрита казначеемъ инокомъ Дороѳеемъ съ братіею". Ср. *Памятн.*, подъ № 18.

[44]) Въ *Памятникѣ* отмѣчено подъ 3 (15) апр. „Посланіе въ Грубно отправлено съ женою того селенія Ѳеодосіею Лукіяновою" (№ 18).

даже отца и матерь его и все семойство ихъ, участвовавшее въ бракосочетаніи“ [15]). Инокъ Павелъ нашелъ оскорбительнымъ для митрополіи оказанное подъ вліяніемъ Лакеева неповиновеніе первому монастырскому рѣшенію относительно Филимона Петрова, и особенно то, что авторитету митрополіи противопоставленъ авторитетъ Куреневскаго монастыря, которымъ очевидно прикрывался Лакеевъ. Отъ имени Амвросія онъ издалъ новое „рѣшеніе“ по настоящему дѣлу, въ коемъ „повелѣвалось немедленно и рѣшительно поступить по первому посланію“, что̀ послано въ Грубно 3 апрѣля, т.-е. подтверждалось, что Филимонъ Петровъ со второю женою разрѣшается согласно правилъ Василія Великаго отъ всякой епитиміи. „Довлѣетъ имъ, сказано въ „рѣшеніи“, и семейству его прежняго, понеже бо и тому не подлежали, и бракъ Филимоновъ со второю женою да почитается законнымъ. А если Еѳимъ Кузминъ надѣется оправдать запрещеніе законными правилами, то пусть первѣе представитъ отъ Куренсвскаго монастыря грамоту, по какимъ именно правиламъ оный въ такомъ дѣлѣ поступилъ: тогда будемъ видѣть“. А такъ какъ изъ показанія Лакеева обнаружилось, что онъ былъ отчасти виновникомъ проступковъ своей пріемной дочери, первой жены Филимоновой, то опредѣлено: „хотя и Еѳимова въ томъ грѣхѣ ненамѣренность, обаче, когда Филимонъ и его родители безвинно пострадали отъ церкви отлученіе, кольми паче самъ Еѳимъ со всѣмъ его семействомъ долженъ законно понести таковую же епитимію, по крайней мѣрѣ, подобную своему свату“ [16]). Такъ властно инокъ Павелъ, отъ имени Амвросія, отстаивалъ свои опредѣленія и отстранялъ поползновенія къ неповиновенію имъ! Но здѣсь же онъ долженъ былъ испытать, что и привыкшіе къ безправію

---

[15]) „Показаніе“, писанное Павломъ, въ *Бѣлокр. арх.* Изъ показанія не видно къ сожалѣнію, когда сдѣлана была справка въ Куреневскомъ монастырѣ, — до или послѣ полученія изъ митрополіи посланія 3 апрѣля.

[16]) Рѣшеніе это, собственноручно писанное Павломъ, въ *Бѣлокр. арх.* Сл. *Памятникъ* подъ № 25.

старообрядцы не особенно расположены подчиняться даже авторитету митрополита. Дѣло Филимона Тугарева этимъ не кончилось, — оно тянулось еще около года. Грубенскіе „предстоятели церковные и старѣйшіе прихожане“ прислали новое прошеніе въ митрополію о томъ, чтобы Тугаревыхъ не освобождать отъ церковнаго отлученія, даже усилить имъ наказаніе. 29 марта 1848 года отправлено въ отвѣтъ имъ новое, составленное Павломъ „посланіе“, въ которомъ говорилось между прочимъ: „Если ревнуете бо̀льшему запрещенію, то да не будетъ ваша ревность безъ разума, ибо безгласно никакая казнь церковная ни на кого не возлагается; для того бо̀льшаго вашего ревнованія неоднократно повелѣно чрезъ Еѳима Козмина представить прежде доказательныя правила, по разсмотрѣніи коихъ, если истинно будетъ подлежать Филимонъ Петровъ большему наказанію, тогда абіе навершится; кромѣ же всего таковаго изъясненія за неумѣстную дерзость подлежать будетъ, какъ уже и подлежитъ, самъ Еѳимъ Козминъ равному запрещенію, какое выдержалъ сватъ его Тугаревъ. . И воистину, если нынѣ еще преслушаете и не представите яснаго обличенія отъ св. Писанія, и отлучите Филимона отъ собора вѣрныхъ, то уже всяко и сами, а наипаче Еѳимъ Козминъ съ женою то же понесутъ, и всѣ участвовавшіе въ безразсудной своей дерзости“ [47]). Но даже и это грозное посланіе не подѣйствовало на грубенскихъ старообрядцевъ. Въ Куреневскій монастырь за справками о правилахъ они не хотѣли ѣхать, а посылали туда, если хочетъ, самого Филимона, котораго попрежнему не допускали на общую молитву. Тогда этотъ послѣдній въ свою очередь обратился въ Бѣлокриницкій монастырь съ жалобой на притѣсненія отъ общества. Въ упорствѣ, съ какимъ грубенскіе старообрядцы отказывались подчиниться данному изъ митрополіи рѣшенію дѣла, Павелъ усмотрѣлъ уже явное неуваженіе и противленіе епископской власти, и потому новымъ, еще болѣе грознымъ обличительнымъ посланіемъ, уже отъ

[47]) Писанное Павломъ посланіе въ *Бѣлокр. арх.*

имени Кирилла, 31 мая 1848 г. старался доказать имъ, въ какой тяжкій грѣхъ впадаютъ они, оказывая такое упорное неповиновеніе, и „сверхъ архіерейскаго рѣшенія, также сверхъ правилъ святыхъ отецъ ища, акибы верховнѣйшаго, суда иноческаго“, и даже посылая за онымъ самого Филимона, который „тамо искать суда никакъ не обязанъ, понеже имѣетъ себѣ полное разрѣшеніе архіерейское, на св. правилахъ основанное“. Дѣло это, писалъ онъ далѣе, „показуетъ вовсе акибы не единовѣрныхъ намъ христіанъ, но похоже нѣкихъ раздорниковъ за безмѣрное противленіе“. Полагая, что такихъ „раздорниковъ“ въ грубенскомъ обществѣ незначительное количество и таковы именно, какъ жаловался Тугаревъ, „первостатейные люди и блюстители ихъ церкви“, въ заключеніе грамоты Павелъ писалъ отъ лица Кирилла: „*Оставляя противниковъ*, подтверждаю всѣмъ нашимъ единовѣрнымъ, если кто отрѣваетъ и гнушается нашего единовѣрнаго церкви сына, тотъ явѣ отрѣваетъ и гнушается самыхъ насъ, сущихъ благодатію Божіею освященныхъ, и если послѣ сего услышано будетъ у насъ прежнее ваше противоборство, ей постраждете, что̀ вамъ обѣщается. Итакъ изъ двухъ едино изберите, вамъ глаголю, православніи, или за преданіе въ поруганіе раздорникамъ вашего по плоти и крови Христовой брата клятву, или за защиту его благословеніе“[48]). Неизвѣстно, какія послѣдствія имѣло это послѣднее посланіе изъ митрополіи грубенскому обществу старообрядцевъ; но все это дѣло Филимона Тугарева и Еѳима Лакеева достаточно свидѣтельствуетъ, какъ старался Павелъ утвердить авторитетность митрополіи по рѣшенію церковныхъ дѣлъ въ первые же годы ея существованія.

4. Хозяйственныя дѣла по монастырю. — Заботы о пріобрѣтеніи церковныхъ принадлежностей.

Предметомъ особенныхъ заботъ инока Павла служили тогда экономическія дѣла митрополіи, и прежде всего — дѣло

[48]) Тамъ же.

о такъ называемомъ „фундусѣ“. Существованіе монастыря въ Бѣлой-Криницѣ и учрежденіе въ немъ митрополіи, которую уполномоченные отъ липованъ обѣщались содержать на свой счетъ, безъ всякихъ пособій отъ правительства, разрѣшено было австрійскимъ императоромъ только подъ тѣмъ условіемъ, если монастырь имѣетъ достаточные для содержанія митрополита и разныхъ при митрополіи учрежденій доходы съ недвижимыхъ имуществъ и неприкосновенныхъ капиталовъ, что̀ у бѣлокриницкихъ дѣятелей и называлось „фундусомъ“. Во время извѣстныхъ слѣдственныхъ комиссій Павелъ, Геронтій и Алимпій, посредствомъ разныхъ обмановъ и подлоговъ, съ помощію мѣстнаго продажнаго чиновничества, успѣли увѣрить высшее правительство, что монастырь имѣетъ достаточный фундусъ въ разныхъ небывалыхъ угодьяхъ и капиталахъ, почему и послѣдовало высочайшее разрѣшеніе — открыть митрополію въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ и дозволить существованіе самаго монастыря[49]). Павелъ и Геронтій очень опасались, какъ бы этотъ наглый обманъ ихъ не обнаружился предъ высшимъ правительствомъ, и такъ какъ они рѣшились на такой обманъ въ расчетахъ, что съ помощію московскихъ богачей-раскольниковъ, обѣщавшихъ необходимые капиталы на учрежденіе іерархіи, могутъ безъ особаго затрудненія пріобрѣсти со временемъ вполнѣ достаточный для обезпеченія митрополіи фундусъ, то болѣе всего и заботились о пріобрѣтеніи на обѣщанные московскіе капиталы необходимой монастырю недвижимой собственности. По наведеннымъ ими справкамъ, въ которыхъ усердно помогали имъ ихъ прежніе пріятели, черновицкіе паны-чиновники, оказалось, что въ окрестностяхъ Бѣлой-Криницы имѣются въ большомъ количествѣ доходныя земли, которыя можно пріобрѣсти покупкою и доходы съ которыхъ могутъ вполнѣ обезпечить существованіе митрополіи. Такихъ оказалось именно восемь селеній, раздѣленныхъ на три секціи, составлявшія въ совокупности

---

[49]) См. *Ист.*, 1-й вып., стр. 150—159.

цѣлую думенію [50]). Покупать ихъ можно было и отдѣльными секціями, и всѣ вмѣстѣ. Представлялся такимъ образомъ весьма удобный способъ выпутаться изъ затрудненія посредствомъ покупки этихъ селеній, — всѣхъ ли, или хотя значительной ихъ половины,— въ постоянный фундусъ для митрополіи, и Павелъ съ Геронтіемъ не хотѣли опустить такой благопріятный случай. Рѣшено было, что самъ Геронтій изложитъ въ Москвѣ обстоятельства этого важнаго дѣла богатымъ благодѣтелямъ митрополіи и будетъ хлопотать передъ ними о назначеніи на сей предметъ потребнаго капитала, а инокъ Алимпій займется предварительными разслѣдованіями о предполагаемой покупкѣ земель въ Черновцахъ и въ Вѣнѣ. Въ началѣ февраля Алимпій, какъ мы видѣли, былъ въ Черновцахъ съ донесеніемъ о поставленіи Кирилла: тогда же наводилъ онъ справки тамъ и о продающихся имѣніяхъ, а по возвращеніи оттуда немедленно уѣхалъ въ Вѣну хлопотать о фундусѣ, такъ что В. В. Борисовъ уже не засталъ и совсѣмъ не видалъ его въ Бѣлой-Криницѣ [51]). Въ Вѣнѣ Алимпій совѣтовался по этому дѣлу съ старымъ своимъ благопріятелемъ, монастырскимъ адвокатомъ Дворачкомъ. Дворачекъ совѣтовалъ непремѣнно купить продающіяся селенія, и не одну секцію, какъ предполагалъ Алимпій, а даже двѣ, и просилъ, чтобы одну изъ нихъ уступили потомъ ему. Объ этомъ Алимпій увѣдомилъ Павла, выражая съ своей стороны недовѣріе къ предложенію Дворачка относительно второй секціи, такъ какъ предполагалъ здѣсь съ его стороны корыстные расчеты. Павелъ не раздѣлялъ опасеній Алимпія насчетъ Дворачка; но самъ склонялся къ мысли, что слѣдуетъ купить въ собственность митрополіи даже всѣ три секціи, составляющія цѣлую думенію, ибо находилъ, что

---

[50]) Селенія эти перечислены въ письмѣ Павла къ Алимпію, писанномъ въ маѣ 1847 г. См. *Переписку*, т. I, стр. 106, прим.

[51]) „Алимпія, другаго главнаго дѣятеля въ отысканіи митрополита (пишетъ онъ), не было въ монастырѣ во все время нашего тамъ пребыванія. Сказывали, что онъ находится въ Вѣнѣ по какимъ-то дѣламъ“ (*Поѣздка*, стр. 25, прим.).

пріобрѣтеніемъ половины, т.-е. четырехъ селеній, митрополія недостаточно будетъ обезпечена, такъ что пришлось бы со временемъ еще хлопотать о новыхъ покупкахъ земли и снова утруждать правительство. „Мы уже и теперь, — писалъ онъ въ отвѣтъ Алимпію, — въ другой разъ дерзаемъ вступать съ прошеніями своими и утруждать высочайшія лица! Надобно почувствовать. А если купимъ мало и если одумаемся, пропустя сей случай, еще просить въ дополненіе, то не только правительство, но уже и своя совѣсть возбранитъ за то дѣло. Да и съ другой стороны (пословица: куй, пока горячо), если, паче чаянія, нѣчто остынетъ, не сдѣлать бы намъ самимъ себя виновными и жалѣть навѣки". Но признавая покупку четырехъ селеній недостаточной для обезпеченія митрополи и считая необходимымъ пріобрѣсти цѣлую думенію, Павелъ приходилъ въ смущеніе отъ мысли, что для этого потребуется громадный по его расчетамъ капиталъ, на полученіе котораго отъ московскихъ благотворителей трудно, пожалуй, и разсчитывать. „Что же сотворимъ? — писалъ онъ далѣе къ Алимпію, — тѣсно есть отвсюду. Потребуется денегъ внести въ казну болѣе полмилліона![32]) Мы недоумѣваемъ, какъ и рѣшиться дать вамъ согласіе подавать къ императору прошеніе, но даже и архимандриту предложить, — не привело бы въ ужасъ съ нимъ сущихъ (т.-е. именно московскихъ благотворителей), ибо архимандритъ нашъ въ монастырь еще не возвращался". Несмотря однако на всѣ эти опасенія, Павелъ рѣшался начать дѣло о покупкѣ цѣлой думеніи, полагаясь, какъ и прежде въ подобныхъ обстоятельствахъ, на покровительство свыше. „Развѣ уже взяться за обыкновенное наше упованіе и на то полагаться сокровище, на которомъ просили себѣ архипастырей, и то иждивеніе, которымъ и до днесь изобильно пробавляемся, по писанному: *отъ человѣка не возможно, отъ Бога же вся возможна вѣрующимъ.* Итакъ, съ помощію всесильнаго Бога, за молитвы Пречистыя Его Матери и Приснодѣвы Маріи и скораго помощника св.

[32]) Рублей, или левовъ, изъ письма трудно понять

отца Николы, съ нашей стороны совѣтуемъ и довѣряемъ тебѣ подать государю императору прошеніе о продажѣ намъ въ монастырскую вѣчную собственность всю думенію изъ 3 секцій, 8 селеній составляющихъ". Павелъ дѣлалъ это распоряженіе отъ имени всего начальствовавшаго въ монастырѣ братства — казначея, эконома, уставщика и отъ своего (ризничаго Онуфрія не было въ монастырѣ, — онъ сопутствовалъ московскимъ гостямъ въ Молдавію); но при этомъ ни о самомъ митрополитѣ Амвросіи, ни объ его намѣстникѣ Кириллѣ совсѣмъ не упоминаетъ: значитъ и благословенія у нихъ совсѣмъ не спрашивалъ на это важное дѣло, которое очевидно, считалъ, совсѣмъ до нихъ не касающимся. Таково было ихъ жалкое положеніе въ монастырѣ при инокѣ Павлѣ! Зато Павелъ усвоялъ большое значеніе въ рѣшеніи этого дѣла самому Алимпію и, разумѣется, болѣе всего самому настоятелю Геронтію: поэтому, сдѣлавъ отъ имени находившихся въ монастырѣ должностныхъ лицъ такое рѣшительное опредѣленіе о покупкѣ цѣлой думеніи, онъ все же на окончательное рѣшеніе дѣла находилъ нужнымъ имѣть согласіе и Алимпія, и особенно самого Геронтія, которому немедленно писалъ объ этомъ дѣлѣ. Въ письмѣ къ Алимпію онъ именно прибавлялъ: „Однако, если сей нашъ совѣтъ не подходитъ подъ точную согласность твоему благоразсужденію и не осмѣлишься подать къ императору прошеніе о покупкѣ всей думеніи, т.-е. 8 селъ, поостановись, пожди отвѣта отъ самого нашего архимандрита Мы съ сею же почтою пишемъ къ нему съ точнымъ прописаніемъ сего обстоятельства; а какъ онъ и сущіе съ нимъ рѣшатся, о томъ, кажется, не извѣстно равно есть какъ намъ, такъ и тебѣ. До полученія же его извѣстія, если не разсудишь бездѣленъ домой возвращаться, то Богъ благословитъ въ Вѣнѣ дожидаться"[53]). Алимпій остался въ Вѣнѣ ждать благопріятныхъ вѣстей о томъ, какъ Геронтій рѣшитъ дѣло о покупкѣ имѣній; а между тѣмъ извѣщалъ Павла, что для начатія дѣла о фундусѣ необходимо представить прави-

[53]) *Переписка*, т. I, стр. 103—106.

тельству исторію Бѣлокриницкаго монастыря, которая давно требуется, и что Дворачекъ безъ этого не рѣшается и начинать хлопоты о фундусѣ[54]). Но отъ Геронтія желаемаго рѣшенія по этому дѣлу о фундусѣ не получалось; а затѣмъ пришли печальныя вѣсти о постигшихъ его злоключеніяхъ, и Алимпію пришлось много хлопотать по другимъ дѣламъ, угрожавшимъ крайнею опасностью самому существованію митрополіи дѣло о фундусѣ такъ и осталось не приведеннымъ въ исполненіе, отъ чего монастырь неоднократно подвергался большимъ опасностямъ.

Другою хозяйственною заботою для инока Павла служило сооруженіе обширнаго каменнаго зданія митрополичьихъ и братскихъ келій съ церковію, начатаго еще до пріѣзда Амвросія на рахмановскія деньги[55]) Работы шли впередъ, хотя съ большими трудностями. Въ рабочихъ и матеріалѣ недостатка не было; но большія затрудненія представляло свойство почвы, оказавшейся каменистою, крайне неудобною для копанія, между тѣмъ какъ требовалось именно копать глубокія ямы для подвальнаго этажа, гдѣ предположено было устроить погреба, въ которыхъ монастырь нуждался. Къ концу мая было приступлено впрочемъ уже къ кладкѣ стѣнъ. Въ это именно время Павелъ писалъ въ Москву Геронтію: „У насъ, въ начатой каменной постройкѣ до сихъ поръ хлопотали въ устройствѣ погребовъ, потому что ни единаго не имѣли, и много стоило труда и издержекъ къ копанію оныхъ. Удивительный грунтъ необычайною жесткостью, и почти голый все камень! Рубили мотыками и уже раскаялись зачавши, но крайняя необходимость оставить не позволяла. А притомъ и работа пришедшихъ кирпичниковъ къ выкладкѣ стѣнъ остановилась, ибо никто не чаялъ тутъ такого грунту. Всякій день человѣкъ по 60 бывало чернорабочихъ, и едва Богъ

---

[54]) Казначей Дороѳей писалъ Геронтію 6-го мая: „Съ сею же почтою посылаемъ Дворачку послѣднюю часть исторіи, безъ которой Дворачекъ и за дѣло грунтовъ не принимается“ *(Пис. въ сборн. Мельн.)*.

[55]) См. *Ист.*, 1-й вып., стр. 182—183, 192.

помогъ окончить. Теперь, слава Богу, всѣ погреба совершили: начали выкладывать стѣны". Главныя хлопоты по этой работѣ лежали на монастырскомъ экономѣ — Галактіонѣ, который былъ довольно строптиваго характера, но опытный и знающій по работамъ хозяинъ, притомъ же чрезвычайно усердный къ дѣлу. Павелъ съ великими похвалами писалъ о немъ Геронтію: „Спаси Христосъ о. Галактіона! Хотя и многимъ кажется непріятенъ, но по хозяйству монастырскому неоцѣнимъ: онъ и за подрядчиковъ, онъ и за мастеровъ, онъ и за архитектора, — все и вездѣ одинъ! По правдѣ сказать, невозможно и быть кротку въ такой суетѣ. Всѣ мы прочіе имѣемъ только лѣстовку въ кельи и въ церкви, и въ трапезѣ готовую тарелку, а имѣющіе что̀ къ чтенію, или къ ремеслу имѣютъ одно дѣло, а Галактіонъ — цѣлое бремя. Мы съ казначеемъ удивляемся только, надолго ли такъ его достанетъ" [56]).

Работы по постройкѣ требовали большихъ расходовъ; много тратилось и на содержаніе монастыря съ митрополитомъ и епископомъ-намѣстникомъ, съ постоянно пріѣзжавшими и приходившими гостями и посѣтителями. Въ особенности содержаніе Амвросія съ его семействомъ, жившимъ въ особомъ домѣ на полномъ монастырскомъ иждивеніи, обходилось дорого, такъ какъ и Амвросій и семья его не только не расположены были примѣняться къ скромному быту монастырскихъ обитателей, а напротивъ, по своему привилегированному положенію у липованъ, требовали себѣ во всемъ полнаго довольства и изобилія [57]). Деньги, полученныя изъ Москвы и отъ

---

[56]) *Переписка*, т. 1, стр. 113—114. В. В. Боцисовъ упоминаетъ также, что при немъ въ Бѣлокр монастырѣ „происходила постройка, — строили каменный корпусъ". (*Поѣздка*, стр 39.)

[57]) Павелъ даже Геронтія извѣщалъ въ одномъ письмѣ, что „митрополитъ *приказываетъ* купить пару коней", очевидно, не довольствуясь имѣвшимися въ монастырѣ (*Переписка*, т. I, стр. 114). Еще въ одномъ письмѣ Дороѳей извѣщалъ Геронтія о сынѣ Амвросія: „Егоръ Андреевичъ не желаетъ изъ дома, въ немже живетъ, въ другой перейти; тоже утверждаетъ и родитель его" (*Сбор. Мельн.*).

другихъ благодѣтелей — россійскихъ старообрядцевъ, быстро истощались, не смотря на всю аккуратность и бережливость инока Павла, такъ что въ маѣ онъ сталъ уже безпокоиться оскудѣніемъ казны и съ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда Геронтія съ собранными въ Москвѣ какъ онъ разсчитывалъ, обильными приношеніями на митрополію.

Изъ Москвы Павелъ ожидалъ не денегъ только, а и разныхъ необходимыхъ митрополіи церковныхъ принадлежностей. Въ письмахъ къ Геронтію онъ подробно извѣщалъ его, какія именно вещи и книги нужно пріобрѣсти для монастыря. Такъ, въ письмѣ отъ 16 мая, въ ожиданіи уже скораго Геронтіева возвращенія, въ числѣ другихъ „препорученностей“, онъ просилъ привезти нѣсколько панагій, которыя, по его словамъ, были „крайне нужны“, митру и архіерейскій жезлъ „для епископа“, т.-е. для намѣстника, и разнаго вида крестовъ, „съ изображеніемъ плоти и всегдашнихъ“. Особенно же заботился онъ о пріобрѣтеніи древняго, дониконовскаго Чиновника, печатнаго, или рукописнаго, по крайней мѣрѣ вѣрнаго съ него списка, чтобы дать дотолѣ не совершавшимся у старообрядцевъ архіерейскимъ служеніямъ надлежащую правильность. Хотя въ монастырѣ и имѣлись уже разныхъ изданій Чиновники и Служебники, но по тщательномъ сличеніи ихъ Павелъ нашелъ въ нихъ большое между собою несогласіе и много недостатковъ, даже явныхъ несообразностей. Поэтому онъ постоянно напоминалъ Геронтію, чтобы постарался отыскать въ Москвѣ хорошій патріаршій Служебникъ и выписать изъ него чинъ архіерейскаго служенія литургіи. „*А наипаче всего*,— писалъ онъ въ томъ же письмѣ отъ 16 мая,— *паки и паки просимъ* постараться о выпискѣ литуртіи съ патріаршаго Чиновника; или хотя бы и съ архіерейскаго, но нужно тѣхъ лѣтъ, іосифовскихъ. А то хотя мы выписанный изъ Львова Алимпіемъ имѣемъ вкратцѣ, но послѣ Никона, Іоакимовъ, 1677 года; а свой письменный Чиновникъ не знаемъ какихъ лѣтъ, — или весьма давній, и то недостатокъ долженъ имѣть, или поздній, или смѣшанный. И всѣ таковые, имѣющіеся у насъ,— новый великороссійскій, греческій,

изъ Львова выписанный 1677 года, и свой письменный, и *печатные свои Служебники — всѣ между собою разногласны*, не знаемъ, на чемъ остановиться: гдѣ видятся недостатки, гдѣ излишекъ, а гдѣ *хотя и въ печатныхъ нашихъ Служебникахъ, но не подходятъ нѣкоторыя статьи къ понятію здраваго смысла*. Какъ-то: на возгласахъ попу обращаться на западъ отъ престола даже и тогда, когда возглашаетъ: „яко подъ державою Твоею всегда храними, Тебѣ славу возсылаемъ“, — явно относится самому Богу; и въ благословеніи входа, слова требуютъ „благословити входъ святый“, къ царскимъ дверямъ, куда и діаконъ указуетъ, а по печати благословляетъ не входъ, а главу діакона“. Такимъ образомъ въ откровенной письменной бесѣдѣ съ Геронтіемъ Павелъ не стѣснялся высказать рѣдкое въ старообрядцѣ признаніе разногласія между собою и даже „не подходящихъ къ понятію здраваго смысла“ неисправностей въ „своихъ“, старопечатныхъ Служебникахъ, — признаніе, къ которому приведенъ вынужденнымъ тщательнымъ ихъ сличеніемъ для отысканія наиболѣе вѣрной архіерейской службы, хотя въ тоже время ему, какъ истому и убѣжденному старообрядцу, не приходило и на мысль сдѣлать отсюда дальнѣйшій прямой выводъ, что если старопечатные Служебники такъ разногласны между собою и имѣютъ такія явныя несообразности, то, значитъ, была настоятельная нужда въ ихъ исправленіи и патріархъ Никонъ поступилъ вполнѣ законно, предпринявъ это исправленіе, напротивъ незаконно поступили возставшіе противъ онаго и за оное отдѣлившіеся отъ церкви первоначинатели раскола, за которыми и доселѣ такъ слѣпо слѣдуютъ старообрядцы. Любопытно, что, оставаясь вѣрнымъ расколу, Павелъ находилъ возможнымъ въ нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ богослужебныхъ дѣйствіяхъ даже прямо слѣдовать примѣру нынѣшнихъ великороссійскихъ архіереевъ. Напр., относительно того, „всегда ли обѣими свѣщами, т.-е. дикиріи и трикиріи, благословляетъ архіерей, или порознь, и когда именно“, — онъ просилъ Геронтія „по крайней мѣрѣ въ нынѣшней въ Москвѣ архіерейской службѣ замѣтить“[38]).

[38]) *Переписка*, т. I, стр. 107—108.

Итакъ, Павелъ ожидалъ отъ Геронтія исполненія въ Москвѣ многихъ важныхъ для митрополіи дѣлъ и порученій, и потому съ нетерпѣніемъ ждалъ его близкаго, какъ онъ надѣялся, возвращенія въ монастырь.

5. Поставленіе попа въ Климоуцы. — Отъѣздъ московскихъ гостей. — Поставленіе попа въ Бѣлую Криницу. — Дѣло Іеронима. — Опасенія о Геронтіи.

Въ началѣ мая пріѣхали обратно въ монастырь изъ поѣздки въ Молдавію В. В. Борисовъ и Жигаревъ съ о. Онуфріемъ. Такъ какъ Геронтій не возвратился еще изъ Москвы и Павелъ не имѣлъ точнаго извѣстія о времени его возвращенія, то московскіе гости хотѣли уже отправиться домой; но Павелъ убѣдилъ ихъ пожить въ митрополіи по крайней мѣрѣ до Троицына дня, полагая, что къ тому времени возвратится и Геронтій. Василій Васильичъ согласился и началъ опять просить Павла — устроить поставленіе священника. Видно, что въ его отсутствіе Павелъ присматривался, кто бы изъ липованъ могъ быть произведенъ въ этотъ санъ, и выборъ его остановился на климоуцкомъ жителѣ Захаріи Ульяновѣ, человѣкѣ смирномъ, трезвомъ и умѣющемъ хорошо читать: его желалъ онъ произвести въ приходскіе священники именно для Климоуцъ, опять, вѣроятно, въ расчетѣ — устроеніемъ здѣсь правильной церковной службы содѣйствовать привлеченію безпоповцевъ къ принятію бѣлокриницкаго священства. До возвращенія московскихъ гостей онъ не входилъ однако ни въ какія объясненія съ Захаріемъ Ульяновымъ по этому дѣлу, зная, что при господствующемъ у липованъ нерасположеніи къ принятію духовнаго сана придется встрѣтить отъ него и отъ его семьи большое противодѣйствіе, — помня именно, сколькихъ трудовъ стоило убѣдить Кипріана Тимоѳеева, чтобы согласился на избраніе даже въ епископы съ званіемъ намѣстника митрополіи: онъ находилъ, что удобнѣе будетъ подѣйствовать на Захарія съ помощію самихъ почетныхъ

московскихъ гостей. Все это онъ и передалъ Василію Васильичу, когда тотъ возобновилъ свою просьбу о поставленіи священника. Московскіе гости выразили полную готовность содѣйствовать благому дѣлу. Вмѣстѣ съ Павломъ цѣлой депутаціей отправились они въ Климоуцы уговоривать Захарія чтобы принять хиротонію. „Собрали въ часовню, — разсказываетъ Василій Васильичъ, — всѣхъ посадскихъ (климоуцкихъ) жителей, въ числѣ которыхъ былъ и сей дѣйствительно смиренный мужъ, именемъ Захарія, и напали на него всѣмъ міромъ. Едва-едва общими силами могли убѣдить его принять санъ священства. Какихъ обѣщаній мы не давали ему при этомъ! Только что далъ онъ согласіе, какъ ту же минуту принялись мы за подручники, положили большой началъ и немедленно повели его съ собою въ монастырь представить Амвросію. Съ плачемъ и рыданіемъ послѣдовали за нами жена и мать будущаго іерея“ [59]). Это было вечеромъ въ воскресенье, и Павелъ тогда же пошелъ просить Амвросія, чтобы въ слѣдующій день служилъ и поставилъ избраннаго въ діаконы, такъ какъ ради московскихъ гостей и ради того, что это будетъ первое поставленіе приходскаго священника, ему желательно было, чтобы хиротонію Захарія и въ діакона и въ іерея совершилъ самъ Амвросій. На произведеніе Захарія въ священный санъ Амвросій согласился и велѣлъ отвести его къ намѣстнику для исповѣди; а поставленіе отложилъ до вторника, объявивъ, что къ слѣдующему дню онъ не готовился служить, чѣмъ и показалъ, что Павелъ, при всей его старообрядческой премудрости, плохо знаетъ, какое приготовленіе требуется для служенія литургіи. А Василій Васильичъ занятъ былъ въ свою очередь вопросомъ, какъ при предстоящихъ хиротоніяхъ будутъ водить рукополагаемаго вокругъ престола. Ему было извѣстно, что въ Филаретовскомъ Служебникѣ повелѣвается совершать обвожденіе хиротонисуемаго вокругъ престола, „якоже кажденіе бываетъ“, т.-е. противъ солнца, а не по солнцу, какъ при-

[59]) *Поѣздка*, стр. 37.

нято было у старообрядцевъ совершать всѣ церковныя кругохожденія. Поэтому онъ и обратился къ Павлу съ вопросомъ, какъ будетъ поступлено при рукоположеніи Захарія, и прямо замѣтилъ, что нужно бы послѣдовать указанію Филаретовскаго Служебника. Павелъ соглашался съ его мнѣніемъ, но замѣтилъ, что если поступить, какъ указано патріархомъ Филаретомъ, то липоване поднимутъ ропотъ за нарушеніе старообрядческихъ обычаевъ и Богъ знаетъ что́ изъ этого выйдетъ, а потому и здѣсь нужно будетъ допустить обычное у старообрядцевъ хожденіе посолонь[60]). Такъ дѣйствительно въ назначенный Амвросіемъ день[61]) и совершено было поставленіе Захарія въ санъ діакона. Амвросій ничего не возразилъ противъ посолоннаго обвожденія поставляемаго, такъ какъ, по настоятельному требованію Павла, и при прежнихъ поставленіяхъ допускалъ это, чему Василій Васильичъ справедливо удивился, припомнивъ, какъ рѣшительно тотъ же Амвросій возсталъ противъ исключенія изъ службы пѣнія: *Господи, спаси благочестивыя.* На слѣдующій воскресный день назначено было поставленіе Захарія во священника: московскіе гости рѣшились дождаться и этого дня.

Въ воскресенье, 18 мая, самъ же Амвросій рукоположилъ Захарія въ санъ священника[62]), а 20 числа, В. В. Борисовъ и Жигаревъ, отчаявшись дождаться Геронтія и вмѣстѣ съ Павломъ сокрушаясь объ его замедленіи, отправились въ обратный путь[63]). Павелъ самъ провожалъ ихъ почти до границы. Хотя имѣлись у нихъ прописанные въ Черновцахъ

---

[60]) Тамъ же, стр 38.

[61]) Въ *Памятникѣ* поставленіе Захарія въ діаконы записано подъ 14 мая. См. № 19.

[62]) Въ *Памятникѣ* подъ 18 мая записано: „Захарій Ульяновъ сего числа произведенъ изъ діяконовъ во священноіерея. Рукоположенъ г-мъ митрополитомъ Амвросіемъ къ церкви Климоуцкой. Парахія ему опредѣлена изъ двухъ селъ: Климоуцъ и Соколинецъ". См. № 21.

[63]) Въ письмѣ къ Милякову отъ 20 мая Павелъ именно писалъ: „Купцы московскіе *сегодня* отправились во-свояси, и за чѣмъ прибыли, то съ собою со усердіемъ получили" (*Переписка,* т. I, стр. 109).

молдавскіе паспорты, но, по совѣщаніи съ Павломъ, рѣшено было, что являться въ таможню съ ихъ подозрительной кладью (запакованными въ ящикъ бутылями новосвареннаго мура) не безопасно, а лучше попрежнему переправиться черезъ границу тайкомъ, при посредствѣ тѣхъ же ловкихъ проводниковъ, заботамъ которыхъ и передалъ ихъ лично инокъ Павелъ. При этомъ онъ вручилъ Василью Васильичу свой носовой платокъ и просилъ прислать его обратно съ проводникомъ въ знакъ благополучнаго перехода черезъ границу для полнаго его успокоенія. Переправились московскіе странники на этотъ разъ безъ особыхъ приключеній; благополучно проѣхали и всю дорогу; но въ Москвѣ ихъ встрѣтили печальными извѣстіями о судьбѣ Геронтія, а потомъ и самимъ пришлось платиться за свою поѣздку въ Бѣлую Криницу[64]).

Между тѣмъ Павелъ, ободренный первымъ успѣхомъ въ поставленіи приходскаго священника для липованъ, и желая совсѣмъ устранить Іеронима отъ исполненія мірскихъ требъ, предложилъ и бѣлокриницкому обществу выбрать кандидата для поставленія во священники къ ихъ приходской церкви, и они, соревнуя климоуцкимъ, избрали изъ своей среды нѣкоего Тимоѳея Васильева Малаго. Въ самый день отъѣзда московскихъ гостей происходило его поставленіе въ діаконы, за которымъ, очевидно, Павелъ не присутствовалъ, такъ какъ ѣздилъ провожать гостей: поставленіе совершалъ намѣстникъ Кириллъ въ бѣлокриницкой приходской церкви[65]). Въ это время новопоставленный климоуцкій попъ Захарій отправлялъ въ монастырѣ седмичную ежедневную службу. Срокъ его службы здѣсь долженъ былъ кончаться въ слѣдующее воскресенье, 25 мая, и тогда же назначено было совершить поставленіе въ священники былокриницкаго діакона Тимоѳея, которому

---

64) См. *Поѣздку*, стр. 89—43.

65) Въ *Памятникѣ* подъ 20 мая записано: „Тимоѳей Васильевъ сего числа по благословенію г-на митрополита рукоположенъ епископомъ Кириллою къ церкви Бѣлокриницкой“ (№ 24). И въ письмѣ къ Геронтію Павелъ писалъ: „Въ день поставленія *въ церкви бѣлокриницкой* ихъ діакона, т.-е. *20 сего мая*“... Переп. т. 1, стр. 112.

дотолѣ назначено отправлять ежедневно діаконскую службу въ монастырѣ. [66]) День этотъ, когда въ обоихъ липованскихъ селеніяхъ должны были явиться свои приходскіе священники бѣлокриницкаго поставленія, какъ день благознаменитый для новоучрежденной іерархіи, назначено было отпраздновать съ особою торжественностью. Къ тому времени изъ монастыря пожертвованы были въ климоуцкую часовню нѣкоторыя иконы и царскія двери, чтобы устроить изъ нея церковь, въ которой новопоставленный попъ могъ бы служить обѣдню. Утромъ 25 числа климоуцкіе липоване-поповцы съ хоругвями пришли въ монастырь за своимъ попомъ. Захарій служилъ здѣсь свою послѣднюю очередную обѣдню. Въ тоже время въ приходской бѣлокриницкой церкви за торжественной службой Кириллъ рукополагалъ во іереи діакона Тимоѳея. Изъ монастыря, по окончаніи обѣдни, съ крестнымъ ходомъ, въ которомъ участвовалъ „весь освященный соборъ“, „съ трезвономъ и со всею церемоніею“, провожали Захарію въ Климоуцы, на мѣсто его служенія, въ его парохію. Въ Бѣлой-Криницѣ, гдѣ къ тому времени тоже окончилась служба, къ этому крестному ходу присоединился вышедшій изъ здѣшней приходской церкви крестный же ходъ съ Кирилломъ, новопоставленнымъ Тимоѳеемъ и присутствовавшимъ на поставленіи народомъ; отсюда всѣ вмѣстѣ направились въ Климоуцы: „преславная была процессія“! — замѣчаетъ инокъ Павелъ. Онъ жалѣлъ только, что московскіе гости не дождались и не видали ее, чтобы передать въ Москвѣ старообрядцамъ о умилительныхъ торжествахъ, совершаемыхъ въ митрополіи. По окончаніи этого церковнаго торжества былъ устроенъ въ Климоуцахъ для

[66]) Къ Милякову Павелъ писалъ 20 мая: „Въ приходахъ нашихъ селъ опредѣлены два новые священника: въ Климоуцы уже рукоположенъ во священника тамошній житель Захаръ Ульяновъ, а въ Бѣлой-Криницѣ священствуетъ бывшій іеромнмъ, новоизбранный же сельскій, сынъ Василья, прозывавшагося Малаго, благоговѣйный Тимоѳей рукоположенъ и служитъ еще въ діаконскомъ санѣ, и надѣемся, аще Господь восхощетъ, что въ будущую недѣлю непремѣнно рукоположенъ будетъ и во пресвитера и вступитъ въ дѣло парахіальное своего прихода“. (*Переп.* т. 1, стр. 109).

старшей бѣлокриницкой братіи и для почетныхъ липованъ обильный яствами и питіями обѣдъ, за которымъ присутствовалъ не только любитель таковыхъ намѣстникъ Кириллъ, но и самъ Амвросій [67]). Въ слѣдующее воскресенье, 1-го іюля, когда новопоставленный бѣлокриницкій попъ Тимоѳей долженъ былъ кончить свою седмичную службу въ монастырѣ, предполагалось совершить, и дѣйствительно совершено было, такое же торжественное введеніе и его въ назначенный ему приходъ и такое же угощеніе, которое опять Амвросій почтилъ своимъ присутствіемъ [68]). Обоимъ попамъ выданы были ставленныя грамоты, а къ обществамъ климоуцкому и бѣлокриницкому особыя наставленія за подписью самого Амвросія [69]).

---

[67]) Вотъ что именно писалъ Павелъ Геронтію отъ 27 мая: „Въ минувшее воскресенье, т.-е. 25 сего мая, климоуцкаго новаго священника, благоговѣйнаго отца Захарію, сына Ульянова, состоявшаго въ монастырѣ въ служеніи діаконскомъ недѣлю, а другую священникомъ, когда въ той же день было поставленіе въ бѣлокриницкой церкви епископомъ Кирилломъ новаго священника Тимоѳея, при безчисленномъ стеченіи съ обоихъ селеній народа, провожали климоуцкаго въ Климоуцы весь освященный соборъ и весь народъ, бывшій при поставленіи на литургіи И были тамъ на обѣдѣ митрополитъ, епископъ, два священноинока, два новыхъ священноіерея, два іеродіакона и нѣсколько изъ братства отцовъ. Климоуцкіе еще рано соборнѣ и съ хоругвями пришли за своимъ священникомъ; а изъ монастыря имъ дали на заведеніе вновь вмѣсто часовни церкви нѣкоторыя иконы, царскія двери. И тако отпѣвши литургію, съ трезвономъ и со всею церемоніею преславная была процессія. Только гости уже сего не дождавъ уѣхали“ (*Переп.* т. 1, стр. 112).

[68]). Въ томъ же письмѣ Геронтію отъ 27 мая Павелъ писалъ: „Въ наступающее воскресенье тоже хотятъ учинить обѣдъ и бѣлокриницкое общество подобно климоуцкимъ: ибо и ихъ новопоставленный священноіерей стоитъ послѣднюю недѣлю въ службѣ у насъ въ монастырѣ, т.-е. всякій день служитъ литургію и обучается“ (*Перепис.* т. 1, стр. 112). А въ *Памятникѣ* подъ 1 іюня записано объ Тимоѳеѣ (какъ прежде о Захаріи подъ 25 мая). „по отстояніи въ монастырѣ седмичной службы, сего числа введенъ въ свою парахію съ присутствіемъ самого г. митрополита“ (см. №№ 21 и 24).

[69]) О томъ и другомъ въ *Памятникѣ* записано, что „снабдены ставленною грамотою, а обществы также писменными наставленіями“ (№№ 21 и 24). Въ *Бѣлокр. Арх* есть писанныя по уставному копіи

Такъ торжественно произведено было въ Бѣлой-Криницѣ поставленіе первыхъ бѣлыхъ священниковъ, въ замѣнъ дотолѣ принимавшихся раскольниками бѣглыхъ поповъ великороссійской церкви: бѣглый греческій митрополитъ положилъ теперь въ русскомъ расколѣ начало новаго священства, которое впрочемъ, какъ происшедшее отъ бѣглеца, есть также бѣглое, и стоитъ даже по своему достоинству еще ниже прежняго, ибо прежніе, бѣгствовавшіе отъ православной церкви, попы по крайней мѣрѣ въ самой церкви получали правильное законное рукоположеніе, которое только изгубляли своимъ бѣгствомъ, а эти, поставленные ушедшимъ въ расколъ, утратившимъ право на священнодѣйствіе греческимъ митрополитомъ и незаконно-рожденными отъ него мнимыми епископами, даже не имѣютъ и правильнаго рукоположенія, суть въ дѣйствительности простолюдины, дерзающіе дѣйствовать священная, на коихъ такой грозный судъ изреченъ въ Номоканонѣ...

Съ производствомъ поповъ для бѣлокриницкой и климоуцкой церквей Іеронимъ уже не могъ оставаться при нихъ попрежнему приходскимъ священникомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ лишался и нѣкоторыхъ матеріальныхъ выгодъ. Въ виду этого и вообще для успокоенія Іеронима, который и тѣмъ однимъ, что принялъ Амвросія въ расколъ, былъ его духовнымъ отцомъ, даже мнимымъ преподателемъ ему благодати архіерейства, заслуживалъ особаго вниманія отъ старообрядцевъ,—въ виду

и грамоты, выданной попу Тимоѳею, и наставленія бѣлокриницкому обществу. Грамота подписана Кирилломъ и дана отъ его имени, но „по благословенію митрополита Амвросія, за слабостію его здоровья“. Эта длинная грамота есть буквальная выписка изъ Кормчей (гл. 60, л. 601 об.—606). „Наставленіе“ же, искусно составленное Павломъ, издано даже и бѣлокриницкому обществу отъ имени Амвросія. Въ немъ говорится: „Се днесь даде вамъ Богъ попечителя духовнаго, пречестнаго сего отца Тимоѳея, егоже избралъ Духъ Святый изъ самыхъ братій вашихъ, который, по благодати и дару и власти данной намъ отъ Всесвятаго и Животворящаго Духа, *отъ насъ по данному благословенію* преосвященному епископу Кириллу, которымъ и рукоположенъ вамъ въ парахіальнаго священника, для чего первая ваша должность да будетъ воеже нелицемѣрно его любити“ и т. д.

всего этого инокъ Павелъ позаботился вознаградить увольненіе Іеронима отъ должности приходскаго священника разными привилегіями ему и почестями[70]). Самому даже увольнію приданъ былъ видъ — какъ будто оно послѣдовало по собственному желанію Іеронима. Съ этою цѣлію ему предложено было самому подать на имя Амвросія прошеніе объ освобожденіи отъ тяжелыхъ обязанностей приходскаго священника и изложить, какими особыми привилегіями онъ желаетъ пользоваться въ монастырѣ. Въ прошеніи этомъ, писанномъ рукою Огняновича, очевидно, подъ диктовку Павла, говорилось: „Разсуждаю благополезнѣйшимъ удалену быть отъ мірскихъ парохіальныхъ дѣлъ здѣшняго бѣлокриницкаго прихода; но обаче воспитаніе мое, наипаче давнее отсутствіе мое отъ иноческаго общества не даетъ уже мнѣ силъ понести сего монастыря жестокость житія. Въ такомъ случаѣ ваше высокопреосвященство не оставьте безъ призрѣнія немощь мою, сдѣлайте по смерть мою постоянное мнѣ опредѣленіе, дабы я удаленъ отъ мірскихъ грѣховъ сидѣлъ въ уединенномъ покоѣ въ теперешней моей кельѣ, при всемъ моемъ обзаведеніи въ полномъ моемъ распоряженіи, имѣя себѣ одного келейника для моего послуженія, свободенъ отъ правъ общежительнаго устава“. Затѣмъ въ частности онъ просилъ, чтобы пропитаніе по смерть его ему и келейнику давалось изъ монастыря, и была бы предоставлена свобода или ходить въ трапезу, или брать пищу себѣ въ келью; а такъ какъ, „по давнему пріобыкновенію“ „пробавляться простою братскою пищею не надѣется“, то просилъ не возбранять ему получаемыя на его имя денежныя пожертвованія оставлять въ свою пользу, т.-е. не отдавать въ общую монастырскую казну; седмичную череду служенія въ монастырѣ просилъ дозволить ему черезъ двѣ недѣли „и во всякое воскресенье и праздникъ находиться въ соборной службѣ“, при чемъ „отъ

[70]) Объ этомъ еще 20 мая Павелъ писалъ Милякову: „а отцу Іерониму *опредѣлено уже* спокойное пребываніе, хотя на волѣ, въ той же келіи, но на особыхъ правахъ и на всемъ иждивеніи монастырскомъ по смерть его“ (*Переп.* т. 1, стр. 109).

монастыря получать за всякую литургію, при которой будетъ находиться въ служеніи, по три лева шайнами на особые собственные его расходы“[71]). 1 іюля, т.-е. въ самый день поставленія бѣлокриницкаго попа Тимоѳея, выдана Іерониму подписанная Амвросіемъ „резолюціонная грамота“, въ которой были прописаны всѣ пункты его прошенія и въ заключеніе говорилось: „На все таковое, тобою выше просимое, мы изъявили свое усердіе въ полное твое удовлетвореніе *за твои оказанныя услуги и подъятые труды,* о чемъ и монастырю сообщено, который также въ точтности исполнять вашу просьбу согласился“[72]). Въ тотъ же день, въ бѣлокриницкой приходской церкви Амвросій торжественно возложилъ еще на Іеронима наперстный крестъ и выдалъ ему грамоту, такого содержанія: „Поелику извѣстны намъ неусыпные труды твои, которые подняло преподобіе твое, довольно времени нося духовное бремя сей древлеправославной церкви, и имѣлъ недремлемо отеческое попеченіе о духовныхъ ея чадѣхъ, т.-е за неимѣніемъ своихъ священниковъ, всѣхъ сельскихъ обществъ здѣшнихъ буковинскихъ старовѣровъ и нашего монастыря существовалъ братіи духовникомъ, за каковые твои труды и *за прочія оказанныя услуги, кои мы незабвенно чувствуемъ,* награждаемъ тя нынѣ крестомъ, яко достоинъ того воспріятія“[73]). Такимъ образомъ Іерониму, при увольненіи отъ должности приходскаго священника, не только даны были льготы, обезпечивавшіе ту привольную жизнь, къ какой

---

[71]) *Бѣлокр. арх.* Подлинное. См. также *Памятникъ,* № 20.

[72]) Копія, писанная инокомъ Павломъ, въ *Бѣлокр. арх.* Въ Памятникѣ подъ 1 іюня записано: „Священноиноку Іерониму на поданное отъ него прошеніе выдана ему резолюціонная грамота за подписомъ г. митрополита, *такъ какъ и духовнику его,* въ точной силѣ по желанію его и *отнюдь не въ примѣръ прочимъ*“ (№ 25).

[73]) Копія въ *Бѣлокр. арх.* А что крестъ торжественно возложенъ былъ въ бѣлокриницкой церкви, о томъ записано въ *Памятникѣ:* „Крестъ на отца Іеронима возложенъ былъ самимъ г. митрополитомъ Амбросіемъ при соборѣ въ церкви бѣлокриницкой, гдѣ онъ былъ донынѣ парахіальнымъ священникомъ, и выдана грамота съ печатью и подписомъ г. митрополита“ (№ 25).

онъ привыкъ, но и оказана особая почесть за труды, будто бы подъятые имъ въ несеніи какого-то бремени „древлеправославной церкви“, главнымъ же образомъ за „незабвенныя услуги“, которыхъ въ грамотѣ не нашли удобнымъ поименовать и подъ которыми разумѣются, конечно, его услуги расколу, оказанныя чрезъ пріятіе Амвросія изъ мнимой ереси и за утвержденіе его въ санѣ липованскаго митрополита...[74])

Шелъ уже іюнь; а Геронтій не возвращался. Павелъ началъ тревожиться за него. Изъ Москвы Геронтій писалъ Павлу довольно часто, и большею частію извѣщалъ, что „здоровъ и во всемъ благополученъ“[75]); но въ письмѣ отъ 12 мая сообщалъ о какихъ-то постигшихъ его въ Москвѣ, какъ видно, денежныхъ „неуспѣхахъ“, которые въ виду требовавшихся огромныхъ капиталовъ для фундуса были особенно непріятны. Вполнѣ раздѣляя выраженную Геронтіемъ по сему случаю скорбь, Павелъ старался утѣшить его, какъ всегда, упованіемъ на помощь Божію. „Мы очень чувствуемъ, — писалъ онъ Геронтію въ отвѣтъ,— что въ таковыхъ случаяхъ вамъ очень прискорбно; но возверзимъ печаль на Господа и той насъ препитаетъ. Воля Господня да будетъ!... Когда земный царь елико возможетъ собрать себѣ воинствующихъ воевъ, то уже

---

74) Самъ Іеронимъ однакоже вовсе не былъ доволенъ всѣми этими знаками вниманія къ нему и хорошо понималъ, что отъ него хотѣли только отдѣлаться. Въ ноябрѣ 1847 г. онъ писалъ въ Москву Баулину: „Прошу васъ покорно со всѣми моими знакомыми слезно, помогите мнѣ отъ усердія вашего, каждый что можетъ. Я теперь имѣю всякую нужду... отъ прихода отдаленъ, совсѣмъ никакихъ требъ не исправляю, а въ монастырѣ черезъ двѣ недѣли на третью поступаю въ свою череду и за всю свою череду недѣли мнѣ только положили 21 левъ, по-вашему 21 рубль, а больше я отъ нихъ ничего не получаю, а одѣяніе мнѣ и труднику при мнѣ не даютъ Я самъ хожу по селу съ мѣшкомъ, корзиною и горшкомъ, собираю милостыню отъ православныхъ... Все посылайте мнѣ лично, а не въ монастырь, потому что они мнѣ ничего не отдаютъ, а все себѣ оставляютъ, имъ все мало“ *(Сбор. Мельн.)*. А спустя немного времени писалъ ему же: „Не получа отвѣта, полагаю, что о. Павелъ *по ненависти ко мнѣ* наговорилъ клевету, чрезъ что лишаюсь вашего усердія“ *(тамъ же)*.

75) См. *Перепи*. т. 1, стр. 104.

всяко и о пищи и о одеждѣ по числу оныхъ промыслитъ. Едали не возможетъ небесный Царь царствующихъ и Господь господствующихъ о духовно-собранномъ своемъ воинствѣ потребное промыслить? Онъ воскресилъ погребенныя наши надежды и милость свою удивилъ на скудельныхъ сосудѣхъ; Онъ возжегъ намъ священную лампаду[76]): неужели не достанетъ у Него для одной нашей послѣдней изъ всего міра на пролитіе елея? Это и помыслити невозможно, аще вѣруемъ въ Него вѣрно"[77]). Такъ убѣжденъ былъ Павелъ и старался убѣдить Геронтія въ дальнѣйшихъ успѣхахъ по устроенію митрополіи послѣ столь неожиданно достигнутаго разными обманами и интригами „возженія лампады"... Однако, получивъ потомъ отъ Геронтія отправленное 21 мая письмо съ извѣстіемъ, что 27 числа онъ „непремѣнно выѣдетъ" изъ Москвы, а между тѣмъ напрасно прождавъ болѣе двухъ недѣль его возвращенія, пришелъ именно въ большое безпокойство и началъ писать тревожныя письма въ Кіевъ, гдѣ Іеронимъ долженъ былъ остановиться, и въ Москву къ своимъ знакомымъ, требуя отъ нихъ извѣстія о замедлившемъ путешественникѣ. Кіевскому Булышкину и московскому Баулину онъ писалъ отъ 20 іюня: „Съ тѣхъ поръ (т.-е. по отсылкѣ Геронтіемъ письма 21 мая) уже четыре почты прошло, а отъ него нѣтъ ни гласа, ни послушанія, и крайне удивляемся и недоумѣваемъ, что такого молчанія отъ него еще не бывало"[78]). А черезъ три дня, именно 1 іюля, писалъ въ Москву же Брусникину: „Именемъ Господнимъ просимъ васъ, *елико возможно поскорѣе,* увѣдомить насъ о подрядчикѣ нашемъ Геронтіи Левоновомъ[79]), ибо мы отъ 22 мая ничего отъ него не слышимъ и весьма сомнѣваемся, не случилось ли съ нимъ

---

[76]) Т.-е. возстановилъ совсѣмъ угасшее, прекратившееся священство въ своей церкви, которую обѣщалъ соблюсти непоколебимою вовѣки!

[77]) *Переп.* т. 1, стр. 3.

[78]) Тамъ же, стр. 115.

[79]) Павелъ, очевидно, подозрѣвалъ уже, что письма задерживаются, потому, оберегая Брусникина, называетъ Геронтія не архимандритомъ, а подрядчикомъ.

чего непріятнаго. Если бы мы узнали обстоятельно, стали бы утруждать свое главное правительство въ Вѣнѣ чрезъ Алимпія Милорадова, и теперь находящагося еще тамъ, уповая на милость Божію, что въ обиду оставлены не будемъ. Итакъ остаюсь въ нетерпѣливомъ ожиданіи вашего увѣдомленія“[80])... Но ждать точнаго извѣстія о Геронтіи Павлу пришлось еще не мало времени.

6. Утвержденіе Амвросія въ австрійскомъ подданствѣ и Кирилла въ званіи намѣстника. — Поставленіе попа въ Яссы.

Въ тревожное время опасеній и заботъ о неизвѣстной судьбѣ Геронтія инокъ Павелъ и самъ Амвросій, котораго не могло не тревожить слишкомъ продолжительное его отсутствіе[81]), находили нѣкоторое утѣшеніе въ послѣдовавшихъ тогда разныхъ благопріятныхъ для митрополіи событіяхъ.

Первымъ изъ таковыхъ, особенно важнымъ и утѣшительнымъ для Амвросія, служило оффиціальное принятіе его въ австрійское подданство, согласно прошенію, которое было имъ лично подано императору Фердинанду 11 іюля 1846 г.[82]). Тогда обѣщано было исполнить эту просьбу подъ тѣмъ условіемъ, если получены будутъ объ Амвросіи дипломатическимъ путемъ благопріятныя справки въ Константинополѣ. Условіе это грозило большими опасностями для Амвросія, такъ какъ настоящія дипломатическія справки неизбѣжно обнаружили бы, что онъ тайно, безъ вѣдома гражданскаго и духовнаго правительства, скрылся изъ турецкихъ владѣній и подлежитъ немедленному возвращенію въ вѣдѣніе патріарха. Правда, Павлу, съ помощію Дворачка, удалось тогда разъяснить, кому слѣдовало, что удаленіе Амвросія изъ Константинополя не имѣло законной правильности и упросить, чтобы

---

[80]) *Переп.* т. 1, стр. 115.

[81]) Павелъ еще въ апрѣлѣ писалъ Геронтію: „Мы болимъ объ васъ и г. митрополитъ часто о томъ вздыхаетъ“. *Переписи* т. 1, стр. 102).

[82]) См. Ист. вып. 1, стр. 261—267

поэтому справки произведены были безъ особенной строгости, на что и согласилось съ своей стороны высшее австрійское правительство, благопріятствовавшее раскольнической затѣѣ, снисходительно смотрѣвшее на всѣ недобросовѣстныя продѣлки бѣлокриницкихъ ходатаевъ; ктому же въ Бѣлой Криницѣ сильно разсчитывали и на друзей въ Константинополѣ, Чайковскаго съ товарищами, въ полной увѣренности, что они поспособствуютъ безопасному наведенію справокъ[83]): значитъ, большихъ опасеній за то, чѣмъ кончатся справки и состоится ли тѣсно связанное съ ними утвержденіе Амвросія въ австрійскомъ подданствѣ, нельзя было имѣть. Тѣмъ не менѣе однако продолжительное ожиданіе исхода справокъ не могло не тревожить Амвросія. Равнымъ образомъ и инокъ Павелъ хотя успѣлъ уже обезпечить дальнѣйшее существованіе іерархіи поставленіемъ Кирилла въ намѣстники, такъ что никакія злоключенія съ Амвросіемъ собственно іерархіи не угрожали бы опасностью, но ради ея пользы и славы не могъ также относиться равнодушно къ ожидаемому признанію Амвросія въ австрійскомъ подданствѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Амвросій лично представлялся императору Фердинанду и получилъ отъ него согласіе на принятіе въ подданство по полученіи надлежащихъ справокъ, прошелъ почти годъ; восемь мѣсяцевъ уже прожилъ онъ, съ разрѣшенія императорскаго правительства, въ Бѣлой Криницѣ съ званіемъ митрополита всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ: и вотъ наконецъ было получено изъ Вѣны отъ Дворачка увѣдомленіе, что дипломатическая справка кончилась благополучно, вполнѣ согласно ихъ желаніямъ и ожиданіямъ, — онъ извѣщалъ, что изъ Вѣны отъ императорскаго правильства уже сообщено и въ губернію, во Львовъ, о признаніи Амвросія австрійскимъ подданнымъ[84]).

---

[83]) См. тамъ же, стр. 268—269.

[84]) Въ Москву къ Милову, отъ 3 мая, Павелъ писалъ: „О г митрополитѣ справка вышла, какъ пишетъ адвокатъ, добрая, во всемъ согласная его показанію, и говоритъ, что скоро рѣшеніе выдетъ Уже отъ императора писано въ губернію о принятіи его въ австрійское подданство; но въ Черновцахъ еще не получено“ (*Перепис.*

Оставалось только ожидать изъ Черновицъ оффиціальнаго о томъ увѣдомленія, которое и было получено Амвросіемъ въ іюлѣ 1847 г Въ „декретѣ“ изъ Крайзамта именно говорилось, что „его кесаро-королевское величество, всевысочайшимъ рѣшеніемъ отъ 3 марта сего года опредѣлить благоволило г-на Амвросія въ подданство австрійское“. Вмѣстѣ съ этимъ были возвращены Амвросію его подлинная ставленная грамота и прочіе документы, которые вмѣстѣ съ прошеніемъ были поданы имъ австрійскому императору и хранились въ министерствѣ для надлежащихъ по нимъ справокъ[35]). Итакъ Амвросій, новоучрежденный съ разрѣшенія австрійскаго правительства липованскій митрополитъ, сдѣлался теперь и австрійскимъ подданнымъ. Обстоятельство это доставило и ему и Павлу не малую радость. Амвросій имѣлъ и особое побужденіе радоваться этому Незадолго передъ тѣмъ былъ у него одинъ изъ служащихъ при Черновицкомъ православномъ митрополитѣ и сообщилъ, что по требованію Константинопольскаго патріарха объ немъ, Амвросіи, возникаетъ дѣло и едва ли не придется ему возвратиться обратно въ Царь-градъ для отвѣта предъ патріархомъ. Амвросій былъ очень испуганъ этими

т. 1, стр. 102). Къ Геронтію Павелъ послалъ и копію съ письма Дворачка, который именно писалъ: „Съ удовольствіемъ доношу вамъ, что отвѣтъ изъ Царьграда прибылъ и чрезъ статсканцелярію въ придворную канцелярію присланъ. Содержаніе отвѣта такое, что все въ правдѣ показалось, какъ г. митрополитъ въ своемъ прошеніи представилъ. *Теперь уже не нахожу въ вашемъ дѣлѣ почти никакой опасности* и со всею вѣроятностію предупреждаю, что въ скорѣйшемъ времени можно ожидать остаточнаго рѣшенія въ кабинетѣ Е. И. В. нашего всемилостивѣйшаго благодѣтеля“ *(Сборн. Мельн.)*.

[35]) Въ *Памятникѣ*, именно подъ 21 іюня, записанъ этотъ декретъ изъ Крайзамта отъ 23 (11) іюня № 11630. Здѣсь же сказано: „Подлинный декретъ на нѣмецкомъ языкѣ и самая грамота митрополита и прочіе документы, кои поданы были лично императору, возвращены въ руки самому г. митрополиту и у него хранятся особо отъ общихъ бумагъ“. 20 же іюня Павелъ писалъ въ Москву: „*На сихъ дняхъ* митрополитъ получилъ себѣ указъ, что по подлежащимъ справкамъ государь императоръ благоволилъ принять его въ свое австрійское подданство“ *(Переписка* т. 1, стр. 115).

извѣстіями[86]); а теперь, утвержденіе въ австрійскомъ подданствѣ, послѣ наведенныхъ дипломатическимъ путемъ благопріятныхъ о немъ справокъ, успокоило его вполнѣ. Но всю важность этого событія онъ могъ оцѣнить надлежащимъ образомъ только потомъ, когда по требованію русскаго правительства дѣйствительно началось о немъ слѣдственное дѣло, исходъ котораго могъ бы кончиться гораздо плачевнѣе, если бы онъ уже не пользовался тогда правами австрійского подданнаго.

Ровно черезъ мѣсяцъ въ митрополіи получено было изъ Крайзамта увѣдомленіе и о томъ, что Кириллъ, о поставленіи котораго въ званіе намѣстника послано было Амвросіемъ извѣщеніе, признанъ въ этомъ званіи императорскимъ правительствомъ[87]). И это было утѣшительнымъ для Павла собы-

---

[86]) Любопытно, что объ этомъ непріятномъ свиданіи и порожденныхъ имъ страхахъ Амвросій не сообщилъ даже и Павлу, а поручилъ только Огняновичу навести справки у Дворачка, въ Вѣнѣ, справедливы ли полученныя имъ тревожныя вѣсти: обстоятельство, ясно показывающее, что между Амвросіемъ и Павломъ не было искреннихъ отношеній и взаимной откровенности. О страхахъ Амвросія Павелъ получилъ первое свѣдѣніе изъ письма Дворачка, по поводу котораго потребовалъ объясненій отъ Огняновича, все-таки не обращаясь къ самому Амвросію. Въ томъ же самомъ письмѣ, изъ котораго мы уже дѣлали выписку, Дворачекъ писалъ „Чрезъ нѣсколько дней назадъ Огняновичъ сообщилъ мнѣ нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ нашего дѣла, но *я по взятымъ свѣдѣніямъ* совершенно увѣренъ въ ихъ неосновательности". Очевидно, Дворачекъ писалъ объ этихъ „сомнѣніяхъ" Павлу, какъ о дѣлѣ вполнѣ извѣстномъ этому послѣднему. Тогда-то Павелъ и обратился за объясненіями къ Огняновичу. Сообщая Геронтію копію съ письма Дворачка, Павелъ сдѣлалъ отъ себя слѣдующее примѣчаніе: „А что здѣсь пишетъ г. Дворачекъ о бывшемъ сомнѣніи, писанномъ ему отъ переводчика Огняновича, который намъ *теперь открылъ*, что пріѣзжалъ отъ черновицкаго архіерея секретарь и во многихъ разговорахъ попугалъ нашего митрополита въ томъ, якобы не попустится ему здѣсь быть, уѣхавшему безъ благословенія патріарха, вытребуетъ его назадъ, и карловицкій митрополитъ воспрепятствуетъ особымъ своимъ докладомъ австрійскому императору" *(Сбор. Мел.)*

[87]) Въ *Памятникѣ* подъ 25 іюля записано: *„Сего* числа полученъ декретъ изъ Крайзамта отъ 4 августа, № 14407, что высокодержавное

тіемъ, важность котораго онъ впрочемъ могъ оцѣнить точно такъ же лишь впослѣдствіи, когда, по удаленіи Амвросія, пришлось хлопотать о замѣщеніи его уже признаннымъ отъ правительства намѣстниковъ.

Но главнымъ утѣшеніемъ для Павла служило тогда распространеніе новоучрежденнаго священства за предѣлы Буковины, и вообще австрійскихъ владѣній, обитаемыхъ липованами Первые изъ иноземныхъ старообрядцевъ, получившихъ священство бѣлокриницкаго поставленія, были ясскіе, общество которыхъ, существовавшее съ давнихъ поръ, пользовалось не малымъ значеніемъ въ старообрядчествѣ[88]) Къ замыслу Павла объ учрежденіи у старообрядцевъ самостоятельной, полной іерархіи, ясскіе старообрядцы съ самаго начала отнеслись съ особеннымъ сочувствіемъ[89]),— отъ нихъ, и только отъ нихъ единственно изъ числа всѣхъ заграничныхъ раскольническихъ обществъ, явились депутаты для присутствія на самомъ принятія Амвросія изъ греческой религіи въ старообрядчество, принимавшіе тогда значительное участіе даже въ рѣшеніи чрезвычайно важнаго вопроса о чинопріятіи, какому подвергнуть Амвросія,— это были именно старый уставщикъ издавна существовавшей въ Яссахъ старообрядческой церкви Никифоръ Панкратьевъ и купцы Яковъ Богомоловъ и Лонгинъ Желѣзниковъ[90]) По такому близкому участію ясскихъ старообрядцевъ въ дѣлѣ объ учрежденіи іерархіи надлежало ожидать, что они ранѣе другихъ будутъ хлопотать и о дарованіи имъ священника бѣлокриницкаго поставленія. И это ожиданіе оправдалось: еще въ мартѣ мѣсяцѣ 1847 г они отправили въ митрополію посланіе, въ которомъ извѣщали, что всѣмъ обществомъ избрали себѣ во священники уважаемаго уставщика ихъ церкви — Никифора Панкратьева,

---

мѣсто приняло въ вѣдомость (Кирила) Кипріяна Тимоѳеева, поставленнаго бѣлокриницкимъ святителемъ за своего намѣстника". № 32.

88) См. Ист. Вып стр. 15—16.

89) Тамъ же, стр 195—196.

90) Тамъ же стр. 295—298

и просили, чтобы Амвросій личнымъ вліяніемъ, посредствомъ особой грамоты, убѣдилъ его принять это избраніе Павелъ употребилъ все свое тщаніе и искусство на составленіе отвѣтнаго, отъ имени Амвросія, посланія „благочестивому ясскому обществу“. Въ посланіи этомъ, которое Амвросій собственноручно подписалъ, говорилось именно:

„Похваляемъ горящую по благочестіи ревность вашу, одушевляющую сердца ваши и соотвѣтствующую даже и всѣмъ желаніямъ нашимъ, клонящимся какъ къ пользѣ и душеному спасенію благословенныя нашея паствы, такъ и къ созиданію церкви Божія и къ возвышенію славы Его

„Хотя мы изъ прежнихъ лѣтъ не знаемъ вашего уставщика Никифора Панкратіева, однако пріѣхавши сюда въ Бѣлокриницу извѣстились сначала объ его добродѣтеляхъ, а послѣ, принятія нами церковнаго кормила, и самого лично съ депутатами вашими увидѣли, откуду и оправдываемъ избраніе ваше, увѣрены будучи въ томъ, что вы не по любви тщетной, ни по сродству, ни по внѣшнимъ преимуществамъ, но по Бозѣ и по внутреннимъ душевнымъ качествамъ и добродѣтелямъ, которыми онъ себя въ многолѣтномъ у васъ теченіи достойнымъ себя показалъ... его въ таковую честь и чинъ священническій избираете достойно и праведно.

„Вы, пиша къ намъ, просите, чтобы мы съ нашимъ особымъ къ нему восписаніемъ къ прошенію вашему его убѣдили. Но вамъ извѣстно, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ торжествуетъ паче любовь, согласіе, воля и гласъ народа, къ чему и мы даемъ вамъ соизволеніе и благословеніе, дабы онъ, повинуясь паче судьбѣ Божіей и общему гласу, который его избираетъ, и потому болѣе, что онъ былъ до сихъ поръ предстателемъ вашей церкви и за необходимую нужду уже приступалъ къ духовному дѣйствію: кольми паче теперь не откажется вступить уже законнымъ отцомъ и пастыремъ своихъ братій и всего благочестиваго вашего общества [91]).

---

[91]) Если бы Амвросій зналъ и понималъ, что подписываетъ по просьбѣ Павла, онъ, конечно, не допустилъ бы въ грамотѣ, писанной

„Впрочемъ благодать Св. Духа да возложитъ благая въ сердце его и успокоитъ утробы ваша И вы, снабдивше его по чину нужнымъ общественнымъ свидѣтельствомъ вашимъ, пришлите къ намъ; а мы съ нашей стороны, сколько отъ насъ зависитъ, обѣщаваемся все сдѣлать къ совершенному вашему удовольствію [92])".

По тону и содержанію этой грамоты можно судить, съ какимъ вниманіемъ отнеслись въ митрополіи къ посланію ясскихъ старообрядцевъ и какъ сочувствовали ихъ желанію имѣть священника амвросіева поставленія. Но самъ Никифоръ Панкратьевъ повидимому долго колебался принять санъ священства отъ новаго Бѣлокриницкаго митрополита. Амвросіева грамота была послана въ Яссы 7-го апрѣля Послѣ этого успѣли побывать тамъ и видѣться съ Никифоромъ Панкратьевымъ и почтенными членами старообрядческаго общества В. В. Борисовъ и инокъ Онуфрій, которые конечно имѣли бесѣду съ ними и о производствѣ Никифора въ священный санъ. Потомъ уже только въ іюнѣ мѣсяцѣ, 12 (25) числа, прибыли въ Бѣлую-Криницу депутаты отъ ясскаго старообрядческаго общества Яковъ Желѣзниковъ, Гаврила Богомоловъ, Флоръ Терентьевъ, и лично подали Амвросію прошеніе о поставленіи въ пресвитера прибывшаго вмѣстѣ съ ними Никифора Панкратьева, „служившаго въ Яссахъ при ихъ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы уставщикомъ болѣе двадцати пяти лѣтъ", избраннаго „по большинству голосовъ" и изъявившаго свое согласіе на это избраніе [93]). Руководимый

отъ его имени, такую нелѣпость, что будто „за необходимую нужду" и мірянинъ можетъ „приступить къ духовному дѣйствію" (подъ которымъ разумѣется не одно крещеніе) и что „законнымъ пастыремъ" „кольми паче" достоинъ быть тотъ, кто дотолѣ былъ незаконнымъ пастыремъ. Инокъ Павелъ, воспитанный въ раскольническихъ понятіяхъ, могъ не сознавать этой нелѣпости; но Амвросій, надобно полагать, увидѣлъ бы ее, если бы дѣйствительно зналъ, что подписываетъ.

[92]) Грамота, писанная Огняновичемъ, съ поправками Павла, въ *Бѣлокр. арх*

[93]) Подлин. прошеніе въ *Бѣлокр арх.* Подъ нимъ подписались двадцать два лица и во главѣ ихъ самъ „священникъ Алексѣй Его-

Павломъ, Амвросій поспѣшилъ исполнить просьбу почтенныхъ ясскихъ гражданъ, — объявилъ, что въ слѣдующій же день самъ лично рукоположитъ Никифора Панкратьева въ діаконы, и велѣлъ ему немедленно идти на исповѣдь къ состоявшему въ качествѣ духовника при митрополіи намѣстнику Кириллу, потомъ представить отъ него обычное свидѣтельство о достоинствѣ къ принятію священнаго сана[94]). 13-го іюня самъ Амвросій дѣйствительно поставилъ Никифора Панкратьева въ діаконы;[95]) а черезъ день, 15-го числа, не стѣсняясь „усмотрѣніемъ времени“, не требуя обычнаго недѣльнаго служенія въ діаконскимъ санѣ, самъ же Амвросій произвелъ его во священники[96]) Немедленно также вручена была новопоста-

---

ровъ“ (Булгановъ). Въ *Памят.* именно подъ 12 іюня записано Павломъ: „Молдавскаго княжества, города Яссъ, отъ старовѣрческаго общества прибыли *сего числа* въ монастырь почетные купцы: Яковъ Ивановъ Желѣзниковъ, Гавріла Семеновъ Богомоловъ и Флоръ Терентьевъ, и предстали къ г. митрополиту съ письменнымъ общественнымъ прошеніемъ благоговѣйнаго мужа Никифора Панкратьева, котораго и просятъ, хиротонисавъ въ пресвитера по надлежащимъ степенямъ, опредѣлить имъ къ церкви ихъ Успенія Пр. Богородицы парахіальнымъ священникомъ, такъ какъ онъ уже служилъ при оной церкви болѣе 25 лѣтъ уставщикомъ, а нынѣ убѣжденъ *единогласно* всѣмъ обществомъ, яко достойный священнаго сана, быть законнымъ ихъ пастыремъ“ (№ 25). О „единогласномъ“ избраніи здѣсь говорится не согласно сказанному въ самомъ прошеніи объ избраніи „большинствомъ голосовъ“.

[94]) Подъ тѣмъ же числомъ въ *Памятникѣ* значится: „На прошеніе купцовъ молдавскихъ г. митрополитъ Амвросій исполнить соизволилъ и приказано благоговѣйному Никифору Панкратіеву приготовиться къ завтрашнему дню къ поставленію въ діаконы, а потомъ, *по усмотрѣніи времени,* и во пресвитеры; для того долженъ онъ исповѣдаться у отца духовнаго и доставить отъ него письменное свидѣтельство о достоинствѣ его во священство“. Подлинное „свидѣтельство духовника“, подписанное Кирилломъ, находится въ *Бѣлокр. арх.*

[95]) См. *Памятникъ,* подъ № 28.

[96]) *Тамъ же* подъ 15 іюня записано: „Никифоръ Панкратьевъ сего числа произведенъ изъ діакона въ священноіерея. Рукоположенъ самимъ г-мъ митрополитомъ Амвросіемъ къ церкви Успенія Пр. Бого-

вленному іерею ставленная грамота, а сопровождавшимъ его почтеннымъ гражданамъ — письменное ко всему ясскому старообрядческому обществу „наставленіе о принятіи своего пастыря и о прочемъ послушаніи и благоговѣніи [97])“, — такое же, какое послано было при подобныхъ обстоятельствахъ климоуцкому и бѣлокриницкому липованскимъ обществамъ. 16-го числа, опять не требуя отъ новопоставленнаго ясскаго іерея, чтобы исполнилъ седмичную службу въ монастырѣ, съ миромъ отпустили его во-свояси вмѣстѣ съ его спутниками. Видно вообще, съ какою предупредительностью старался инокъ Павелъ угодить обществу ясскихъ старообрядцевъ, оказавшихъ съ своей стороны такое вниманіе новоучрежденной іерархіи. Павелъ тѣмъ болѣе дорожилъ этимъ вниманіемъ, что Никифоръ Панкратьевъ былъ первымъ священникомъ, поставленнымъ въ Бѣлой-Криницѣ для старообрядцевъ не австрійской имперіи, и притомъ вполнѣ достойный этого званія, человѣкъ уважаемый своимъ обществомъ, что было потомъ весьма рѣдкимъ явленіемъ въ духовенствѣ австрійскаго поставленія.

Въ то же самое время ожидалось прибытіе въ Бѣлую-Криницу депутаціи отъ задунайскихъ старообрядцевъ, извѣстныхъ некрасовцевъ, — предстояло еще болѣе важное для митрополіи и еще болѣе отрадное для Павла событіе — поставленіе перваго епископа за границу[98]). Особенное значеніе этому событію придавали предшествовавшія ему въ некрасовскихъ селеніяхъ смутныя обстоятельства, грозившія большими непріятностями для митрополіи.

родицы въ городъ Яссы. Параѳія ему опредѣлена всего ясскаго старовѣрческаго общества и всѣхъ окрестныхъ единовѣрныхъ обществъ, кои требуютъ благословенія отъ сего архипастыря“ (№ 30).

[97]) См. *тамъ же*, подъ 16 іюня.

[98]) Отъ 20 іюня Павелъ писалъ въ Москву Баулину: „На сихъ дняхъ гг. купцы г. Яссъ были у насъ отъ лица цѣлаго ихъ общества съ прошеніемъ, коимъ г. митрополитъ рукоположилъ параѳіальнаго священника *изъ числа ихъ знаменитыхъ купцовъ* Никифора Панкратіевича, который дотолѣ у нихъ былъ церкви попечителемъ и уставщикомъ. А еще *теперь скоро ожидаемъ* и задунайскихъ“ (*Переп.* т. 1, стр. 115).

7. Учрежденіе архіерейской каѳедры въ Добруждѣ: борьба несогласныхъ и согласныхъ на принятіе австрійскаго священства въ некрасовскихъ обществахъ[99]).

Инокъ Павелъ имѣлъ твердыя основанія разсчитывать на особенное сочувствіе некрасовскихъ обществъ новоучрежденной старообрядческой митрополіи и на полную ихъ готовность заимствоваться изъ нея священствомъ. Некрасовцы, особенно же братія Славскаго скита и жители селенія Сары коя, съ радостію и усердіемъ отнеслись еще къ самому его замыслу — учредить самостоятельную архіерейскую каѳедру у старообрядцевъ, и напутствовали его благожеланіями, когда онъ еще только отправился на поиски желаемаго архіерея[100]). Одинъ изъ самыхъ видныхъ сарыкойскихъ некрасовцевъ, Осипъ Гончаровъ, уполномоченный на то и обществомъ, много способствовалъ потомъ его успѣхамъ въ Константинополѣ и въ странствіяхъ по Востоку для отысканія епископа[101]). И самого Амвросія, когда онъ на пути изъ Константинополя въ Вѣну вмѣстѣ съ Павломъ заѣзжалъ въ Тульчу, Славскій скитъ и Сары-кой, съ усердіемъ и почестями встрѣчали тульчинскіе и некрасовскихъ селеній старообрядцы, равно какъ иноки славскіе, въ томъ числѣ и самъ Аркадій, бывшій настоятель лаврентьевскій, окончательно поселившійся тогда на жительство въ Славскомъ скиту[102]). Наконецъ, своимъ соборнымъ рѣшеніемъ вопроса о чинопріятіи Амвросія, которому послѣдовалъ потомъ и соборъ бѣлокриницкій, славскіе отцы и сами некра-

---

99) Подробное изложеніе „Учрежденія архіерейской каѳедры у турецкихъ раскольниковъ“ было напечатано нами еще въ 1869 г. въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (№№ 5 и 6). Здѣсь, въ сокращеніи, мы пользуемся именно этой статьей, къ которой и отсылаемъ читателей за подробностями и за указаніемъ источниковъ, откуда заимствованы излагаемыя здѣсь свѣдѣнія.

100) *Ист.* вып. 1, стр 203.

101) Тамъ же, стр. 205—207.

102) Тамъ же, стр. 255—256.

совскія общества тѣсно связали себя съ дѣломъ учрежденія іерархіи [103]). По всему этому слѣдовало ожидать, что некрасовцы скорѣе и прежде всѣхъ обратятся къ „богодарованному“ владыкѣ за полученіемъ священниковъ, въ которыхъ такъ нуждались, чего въ Бѣлой-Криницѣ и ожидали.

Но случилось не такъ. Изъ среды некрасовцевъ, и именно жителей Сары-коя, гдѣ такъ привѣтствовали и Павла и Амвросія, явились горячіе противники заимствованія священствомъ изъ Бѣлой-Криницы, отъ принятаго тамъ греческаго митрополита. Одного изъ такихъ, враждебно относившагося къ самой затѣѣ о пріобрѣтеніи епископа, инокъ Павелъ встрѣтилъ еще при первомъ посѣщеніи Добруджи, когда отправлялся въ странствія для отысканія епископа: это былъ нѣкій инокъ Аркадій Тульчанскій, рѣшительно отказавшійся дать Павлу благословеніе на предпринятое имъ дѣло [104]). Потомъ, когда Амвросій вмѣстѣ съ Павломъ былъ въ Сарыкоѣ, среди чествовавшихъ его некрасовцевъ выдѣлился сарыкойскій дьякъ Михайла Ивановъ Кудрявцевъ, не снявшій и шапки предъ Амвросіемъ и прямо объявившій при этомъ, что „предъ *невѣрнымъ* никогда не станетъ скидать шапки и кланяться [105]). Михайла Ивановъ явился здѣсь уже представителемъ цѣлой партіи некрасовцевъ, недовольныхъ пріобрѣтеніемъ епископа-грека, который, какъ и всѣ греки, по господствовавшему въ расколѣ мнѣнію, былъ обливанецъ и, какъ *невѣрный*, требовалъ даже новаго, правильнаго крещенія. Во главѣ этой партіи состояли тогда нѣсколько иноковъ — упомянутый Аркадій Тульчанскій, Іовъ, Илья Градищанскій и другіе. Они говорили, что Павелъ поступилъ не такъ, какъ обѣщалъ, — обѣщалъ отыскать „древлеправославнаго“ епископа, а привезъ грека-обливанца, котораго никакъ нельзя принять въ сущемъ санѣ, а надобно вновь крестить. Ихъ проповѣдь среди некрасовцевъ производила дѣйствіе и многіе, особенно изъ сарыкойскихъ, мало-по-малу сдѣлались горячими ихъ сторонниками.

103) Тамъ же, стр 291—294.

104) Тамъ же, стр. 204—205.

105) *Русск. Вѣст.* 1896 г. № 5, стр. 189—190.

На славскомъ соборѣ, при рѣшеніи вопроса о чинопріятіи, какому подлежалъ Амвросій, они имѣли уже сильный голосъ и прямо утверждали, что отъ грековъ принятіе священства не возможно, что нечего и толковать о чинопріятіи Амвросія съ сохраненіемъ сана. Аркадію Лаврентьевскому, уже ставшему рѣшительнымъ сторонникомъ Амвросія, и особенно Евфросину, лаврентьевскому же выходцу, большому начетчику, пришлось вступить съ ними въ препирательства. Препираться съ такими начетчиками, какъ Аркадій и Евфросинъ, ихъ проотивникамъ было не подъ силу: тѣмъ неменѣе однако, несмотря на всѣ представленные „книгчіями“ доводы отъ Писанія, они остались при своемъ мнѣніи объ Амвросіи и о грекахъ[106]). Надобно полагать, что ихъ-то особенно и имѣлъ въ виду славскій соборъ, когда „ради многихъ немощныхъ и Писанія не вѣдущихъ“ постановилъ — принять Амвросія вторымъ чиномъ, а не третьимъ, какъ желательно было иноку Павлу и чего настоятельно требовалъ на самомъ соборѣ Аркадій Лаврентьевскій. Противники ушли съ собора недовольные. О происшедшемъ здѣсь, т.-е. о томъ, что въ некрасовскихъ селеніяхъ, и особенно въ Сары-коѣ „завелся великій раздоръ и распря“, Аркадій извѣстилъ Геронтія и Павла. Послѣдній, весьма огорченный неожиданной перемѣной въ расположеніи некрасовцевъ къ новоучреждаемой іерархіи, написалъ къ нимъ посланіе, въ которомъ изложилъ всѣ извѣстныя ему свидѣтельства о трехпогружательномъ въ грекахъ крещеніи и въ частности о томъ, что именно Амвросій крещенъ чрезъ погруженіе, а не обливаніемъ. Приглашая ихъ вѣрить этимъ свидѣтельствамъ, Павелъ не остерегся прибавить, очевидно, подъ вліяніемъ досады на легкомысленную измѣнчивость некрасовцевъ, что, если они и послѣ этого не оставятъ свое упорство, то будутъ подобнѣ іудеямъ, которые, видѣвше Господа, не вѣровали, и одинаковое съ ними понесутъ осужденіе. Письмо адресовано было въ Сары-кой и здѣсь, по казацкому обычаю, было про-

---

[106]) *Ист.* вып. 1, стр. 293; подробнѣе *Русск. Вѣст.* 1869 г. № 5, стр. 191—194.

читано въ кругу, публично. Слушали внимательно, ибо Павелъ умѣлъ писать разумно и убѣдительно; но какъ только услышали, что Павелъ приравниваетъ ихъ жидамъ, не принявшимъ Христа, пришли въ негодованіе, — всѣ, по выраженію очевидца свидѣтеля, „яко звѣріе разсвирѣпѣли зѣльною яростію“. Число недовольныхъ послѣ этого не только не уменьшилось между сарыкойцами, но и сдѣлалось еще значительѣе. Руководители недовольства пріобрѣли новую силу и вели свою проповѣдь противъ бѣлокриницкой іерархіи еще съ большимъ усрединъ и успѣхомъ уже не только въ Сары-коѣ, а и въ другихъ некрасовскихъ селеніяхъ.

Между тѣмъ старцы Славскаго скита, получивъ извѣстіе, что Амвросій принятъ, согласно ихъ постановленію, вторымъ чиномъ и что онъ уже поставилъ себѣ и намѣстника, считали своимъ долгомъ позаботиться и для себя заимствованіемъ священства изъ Бѣлой-Криницы, избрать и послать туда кандидатовъ для поставленія въ священныя степени. Въ виду обнаружившихся среди некрасовцевъ волненій вести это дѣло приходилось съ большою осторожностію, — рѣшились именно пригласить избранныхъ депутатовъ изъ всѣхъ некрасовскихъ селеній въ Славскій скитъ для соборнаго разсужденія о принятіи священства изъ Бѣлой-Криницы и для избранія кандидатовъ на священство.

3 февраля 1847 г. въ Сары-коѣ и другихъ селеніяхъ были получены приглашенія въ Славскій скитъ на соборное совѣщаніе. Въ числѣ выборныхъ, отправившихся на соборъ, были и сочувствовавшіе принятію бѣлокриницкаго священства, въ томъ числѣ изъ Сары-коя Гончаровъ и Вавила Петровъ; но больше было несочувствовавшихъ, которые рѣшительно заявили, что принять священство отъ обливанца не желаютъ, и голосъ ихъ восторжествовалъ: окончательнаго рѣшенія не было принято, а положили — „повременить и узнать, какъ московскіе христіане, а равно и стародубскіе и всей Россіи, и Бессарабія и Молдавія, — какое во всѣхъ будетъ мнѣніе[107]);“

[107]) Письмо некрасовцевъ къ Ив. Александрову, въ Москву отъ 4 авг. 1847 г.

положили также, по предложенію сочувствующихъ, навести справки въ Эносѣ, какъ крестятъ тамъ и какъ крещенъ былъ Амвросій. Здѣсь, на соборѣ, сарыкойскіе противники іерархіи узнали, кто изъ ихъ общества дѣйствуетъ за одно съ славскими отцами, и начали съ особенной бдительностью слѣдить за ними, особенно за Гончаровымъ. Узнавъ напр., что этотъ послѣдній, вскорѣ послѣ собора, писалъ въ Яссы и получилъ оттуда письмо, сарыкойцы потребовали его на кругъ и велѣли показать имъ ясское письмо. Гончаровъ отдалъ письмо. Стали читать. Въ письмѣ, писанномъ отъ всего общества, говорилось, что въ Яссахъ и во всей Молдавіи бѣлокриницкое священство принимаютъ безъ сумлѣнія и почитаютъ за свято, что ясскіе даже готовятся отправить въ митрополію своего стараго уставщика Никифора Панкратьева для поставленія во священники. Какъ только прочитали это, „народъ зѣльною яростію распылался“ на Гончарова, — съ негодованіемъ кричали на него: „на что ты пишешь письма и разсылаешь въ разныя мѣста! Чтобы съ этихъ поръ не писать писемъ, а то худо тебѣ будетъ!“ Но въ свою очередь и сторонники іерархіи не оставались въ бездѣйствіи. Славскіе отцы, особенно Аркадій и Евфросинъ, гдѣ могли, проповѣдывали некрасовцамъ о полной якобы законности этой іерархіи. Въ апрѣлѣ у нихъ въ скиту было еще собраніе, на которомъ оказалось уже много сочувствующихъ имъ, и особенное расположеніе къ іерархіи показали журиловскіе некрасовцы. Послѣ этого собора Аркадій писалъ Павлу въ Бѣлую-Криницу: журиловскіе „всѣ единодушно вопіютъ, что не только мы, но и жены наши всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ окончательнаго намѣренія... и паки поясняю: Журиловка вся согласна, въ Славѣ человѣка два бунтуютъ, Сарыкоя разстроена чернобольцами [108]), но и тамъ не угасла вѣра, ибо первые люди согласны, но чернь съ нѣкоторыми бунтуютъ. Но о. Макарій журиловскимъ твердитъ: не смотрите на бунтовщиковъ, дѣлайте, какъ знаете, — всѣ покорятся“ [109]). Въ маѣ состоялось

[108]) Иноки Іовъ, Исаакій, Аркадій.

[109]) *Переп.* т. 2, стр. 4—5.

новое собраніе, новый соборъ, въ Журиловкѣ, на которомъ присутствовали иноки Славскаго скита Аркадій, Евфросинъ и др. и старики изъ селенія Славы; сарыкойцы же, недовольные журиловцами, отказались и присутствовать, — „послали только письмо, въ которомъ было написано: вы какъ хотите, такъ и дѣлайте, а мы несогласны къ этому дѣлу". Здѣсь, за отсутствіемъ сарыкойцевъ, совѣщанія происходили и кончились мирно: „Ударили въ звонъ, и собралося въ часовню множество народу, и сѣли по мѣстамъ, и начали смотрѣть по божественнымъ книгамъ и по правиламъ святыхъ отецъ: какъ это священство, — можно принять, или нѣтъ? Согласіе учинили всѣ въ томъ, чтобы это дѣло принять и за свято почитать, съ тѣмъ и подписали всѣ, — журиловскіе, славскіе и скитскіе"[110]). Тутъ рѣшили даже просить, чтобы для живущихъ въ Турціи старообрядцевъ поставленъ былъ свой епископъ[111]). Теперь славскіе отцы признали возможнымъ дѣйствовать рѣшительнѣе и присудили составить окончательный соборъ для рѣшенія вопроса о принятіи священства изъ Бѣлой-Криницы и для избранія достойныхъ для посвященія лицъ. Соборъ предложено было открыть въ скиту 8-го іюля и во всѣ некрасовскія селенія посланы были приглашенія — прибыть къ этому дню въ скитъ для соборныхъ совѣщаній. Сарыкойцы весьма озабочены были предстоящимъ соборомъ въ виду извѣстнаго уже имъ согласія журиловскихъ и славскихъ жителей на принятіе священства отъ Амвросія, — изъ своихъ они рѣшили не допускать до присутствія на соборѣ никого изъ расположенныхъ къ бѣлокриницкой іерархіи, особенно же Гончарова, а избрали напротивъ депутатами на соборъ самыхъ ревностныхъ ея противниковъ, и кромѣ того

---

110) Гончаровъ въ своемъ „Сказаніи" объ учрежденіи іерархіи у турецкихъ раскольниковъ.

111) Въ письмѣ некрасовцевъ къ Ив. Александрову: „иноки Аркадій и Евфросинъ и подобные имъ... повторили свой соборъ въ маѣ мѣсяцѣ и склонили къ себѣ слободы Журиловку и Славу... и обязали всѣхъ подписями, и сдѣлали условіе, чтобы епископа имѣть своего въ Турціи".

пригласили такихъ же изъ другихъ мѣстъ, изъ Браилова и Тульчи, — изъ Тульчи вызвали именно инока Аркадія; пригласили также пріѣхавшаго за чѣмъ-то въ Турцію московскаго раскольника партіи Ивана Александрова — Семена Слезкина. Славскій соборъ 8 іюля былъ многолюдный и очень шумный. Сарыкойскіе депутаты напередъ условились не внимать никакимъ доказательствамъ противниковъ въ защиту іерархіи, и вполнѣ сдержали свое обѣщаніе. Правда, — они были очень смущены, когда на соборѣ рѣшено было не допускать до присутствія ихъ главнаго сторонника, на котораго они много расчитывали, Аркадія Тульчанскаго, за всѣмъ извѣстныя нравственныя его провинности, и когда потомъ во всеуслышаніе прочитано было очень странное и неприличное письмо его, направленное противъ учредителей и чтителей бѣлокриницкаго священства, въ которомъ онъ выдавалъ себя, какъ и многіе подобные ему въ расколѣ, за великаго праведника и богослова: „Уподобляюся облаку духоносному, — писалъ онъ между прочимъ, — ученіе мое простирается аки рѣка водъ медоточныхъ, отвращаю люди Божія отъ рва погибели, сирѣчь Павлова и Алимпіева пути, и не погрѣшу, дерзая рещи ангеломъ: да возмутъ душу Павлову вскорѣ и предадутъ ю вѣчному огню! — а о Алимпіи власть имамъ самъ, — возму душу его и отворю бездну и врину ю въ пропасть адскую, въ тартаръ преисподній, да не будетъ болѣе совращати люди моя Израиля“... Чтеніе этого письма причинило не малый стыдъ и смущеніе сарыкойскимъ ученикамъ Аркадія; за то они еще съ большимъ упорствомъ и ожесточеніемъ отвергали все, что̀ говорили въ защиту Амвросія лаврентьевскіе Аркадій и Евѳросинъ, — вообще бесѣдовали „не соборно и не союзно, но злобно и укоризненно“. Чтобы прекратить безплодныя препирательства, славскіе отцы рѣшили — закрыть соборъ. Сарыкойцы только этого и ждали. Они предложили съ своей стороны отложить дѣло о бѣлокриницкомъ священствѣ до Покрова, питая надежду и совсѣмъ потушить его къ тому времени. Вообще съ собора они вышли очень довольные своими подвигами и, возвратившись домой, объявили,

что дѣло о священствѣ отложили еще надолго [112]). Но сарыкойцы немного поспѣшили торжествовать свою побѣду, — дѣло о священствѣ славскіе отцы кончили гораздо раньше, чѣмъ они ожидали, и не обращаясь къ нимъ за согласіемъ.

8. Учрежденіе архіерейской каѳедры въ Добруджѣ: избраніе кандидатовъ на священныя степени и отправленіе ихъ въ митрополію.

Для иноковъ Славскаго монастыря, питавшихъ надежду что на соборномъ совѣщаніи 8-го іюля должно послѣдовать окончательное рѣшеніе вопроса о бѣлокриницкомъ священствѣ, неудачный исходъ этого новаго собора былъ событіемъ заслуживавшимъ полнаго вниманія. И какъ только сарыкойцы и другія несогласныя на принятіе іерархіи лица, присутствовавшія на соборномъ засѣданіи, оставили монастырь, настоятель инокъ Макарій и прочіе славскіе отцы, вмѣстѣ съ журиловскими и нѣкоторыми другими сторонниками іерархіи, приступили къ совѣщанію, что́ имъ остается предпринять теперь и какъ повести дѣло. Вразумить и привлечь на свою сторону противниковъ не оставалось никакой надежды; но имѣлось въ виду, что и они сами, приверженцы іерархіи, теперь не такъ малосильны, чтобы нельзя было однимъ открыть сношенія съ митрополіей по вопросу о священствѣ. Представлялись нѣкоторыя затрудненія къ поставленію собственно епископа при такомъ раздѣленіи народа, долженствовавшаго составить его паству; но ничто не могло препятствовать поставленію священниковъ и діаконовъ для самой обители Славской. Итакъ, не избрать ли и не отправить ли въ Бѣлую-Криницу достойныхъ изъ числа братіи по крайней мѣрѣ для поставленія въ священническій и діаконскій чинъ? Вотъ о чемъ держали совѣтъ славскіе отцы по отъѣздѣ сарыкойскихъ и прочихъ некрасовскихъ депутатовъ, враждебныхъ

---

[112]) Подробности см. въ *Русск. Вѣст.* стр. 207—215.

бѣлокриницкому священству. Цѣлая ночь прошла въ этихъ совѣщаніяхъ; къ утру послѣдовало рѣшеніе — отправить въ митрополію для поставленія во священники и діаконы двухъ достойныхъ иноковъ, которые и были немедленно избраны. „9-го числа сего іюля, — писали потомъ старцы Славскаго монастыря, — съ возсіяніемъ солнца возсіяла въ сердцахъ нашихъ благодать Божія, не взирая на всѣ развраты противниковъ нашихъ, и сдѣлали братскій совѣтъ — избрать себѣ духовника изъ братіи нашей, и съ Божіей помощію избрали изъ среды себя двухъ иноковъ: перваго Аркадія, постриженника отца Дороѳея, во священники, и втораго Іакова, въ діаконы [113])“. Въ тотъ же день изъ Славскаго монастыря дано было знать о состоявшемся рѣшеніи не только журиловскому обществу, изъявившему особенное усердіе къ принятію бѣлокриницкаго священства, но и въ другія некрасовскія общества — сарыкойское, славское, каменское, людямъ извѣстнымъ своею расположенностію къ новоучрежденной іерархіи. Всѣ одобряли предпріятіе славскихъ отцовъ, желали ему благополучнаго окончанія и спѣшили дѣлать посильныя приношенія на необходимые по сему случаю расходы; а журиловское общество, кромѣ того, въ надеждѣ имѣть и собственнаго священника, рѣшилось приступить къ устроенію церкви въ своей слободѣ.

Вообще сторонники бѣлокриницкой іерархіи теперь ликовали, какъ будто одержавъ побѣду надъ противниками, — „всѣ радовались по великомъ безнадежіи, ибо предъ симъ пришли въ великое уныніе въ страшныхъ отъ раздорныхъ лицъ сопротивленіяхъ [114])“. Въ этомъ благодушномъ настроеніи они подумали, что напрасно дѣлаютъ дѣло въ половину, что слѣдуетъ теперь же, какъ было предложено съ самаго начала, приступить къ избранію и епископа для всѣхъ некрасовскихъ слободъ. Съ этою цѣлію назначено было въ

---

[113]) Прошеніе, поданное Амвросію славскими отцами, 23-го іюля 1847 г. (*Бѣлокр. арх.*).

[114]) Тамъ же.

Славскомъ скиту общее собраніе. „По истеченіи нѣсколькихъ дней по избраніи двухъ чиновъ, — писали славскіе отцы, — внезапу во всѣхъ нашихъ единодушныхъ братіяхъ, какъ въ иночествующихъ, такъ равно и въ мірскихъ, воспылало прежнее усердіе — имѣть намъ у себя епископа, о чемъ все время подвизались. Посему и паки собрались на таковое согласіе 20-го числа іюля мѣсяца, на память святаго и славнаго пророка Иліи [115])".

Собраніе происходило въ скитскомъ „молитвенномъ храмѣ " присутствовали, кромѣ иноковъ Славскаго скита, избранныя; лица отъ обществъ журиловскаго, славскаго, сарыкойскаго и другихъ. По открытіи засѣданія, журиловскіе старики обратились съ просьбой къ настоятелю иноку Макарію, чтобы принялъ на себя званіе епископа всѣхъ некрасовскихъ старообрядческихъ слободъ. Макарій благодарилъ за честь, но отъ епископства рѣшительно отказался, подъ предлогомъ болѣзненности. Тогда его же, какъ предсѣдателя, начали просить чтобъ указалъ достойнаго человѣка на сію высокую степень, — благословилъ, кого имъ слѣдуетъ выбрать. Макарій всталъ съ мѣста, и указавъ на Аркадія Лаврентьевскаго, сказалъ: „вотъ мужъ сильный понести иго епископства, — его убѣждайте!" Предложеніе инока Макарія было встрѣчено общимъ сочувствіемъ: „возгласила вся братія, возгласилъ весь міръ, всѣ единодушно возгласили (обращаясь къ Аркадію): буди намъ пастырь и вождь ко спасенію" [116]).

Нѣтъ сомнѣнія, что пріобрѣтеніе епископства уже тогда состовляло предметъ желаній для Аркадія, который былъ вообще неравнодушенъ къ власти и почестямъ: соборное прошеніе, притомъ же столь единогласно и усердно предложенное, не могло поэтому встрѣтить противодѣйствія съ его стороны, и онъ, конечно, не замедлилъ бы дать свое согласіе. Но въ его жизни, какъ извѣстно, было обстоятельство, служившее существеннымъ препятствіемъ къ принятію архіерейскаго сана: онъ былъ женатъ на вдовѣ, а таковыхъ церковныя правила

115) Тамъ же.

116) Прошеніе журилов. общ. поданное Амвросію *(Бѣлокр. арх.)*.

рѣшительно воспрещаютъ производить не только въ архіерейскій санъ, но даже во священники, или діаконы[117]). Имѣя въ виду эти правила, которыя ему хорошо были извѣстны, Аркадій могъ бы съ твердою рѣшительностью отклонить сдѣланное ему предложеніе, даже не входя въ объясненіе побуждающей къ тому причины, о которой, надобно замѣтить, онъ вообще не любилъ говорить. Но снѣдаемый желаніемъ епископства, и руководясь любимою старообрядческою мыслію, что въ настоящія, гонительныя для церкви, *нуждныя* времена можетъ быть и *закону перемѣненіе*, онъ питалъ надежду, что и правила, возбраняющія ему принятіе архіерейскаго сана, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, признаны будутъ также подлежащими *премѣненію, удобообходимыми*, и потому рѣшился откровенно объяснить своимъ избирателелямъ „богословныя вины“, возбраняющія ему безпрекословно принять ихъ предложеніе.

Итакъ, подобно старцу Макарію, инокъ Аркадій сталъ отклонять отъ себя избраніе на епископство. Но старецъ Макарій сталъ говорить, что вина Аркадія вѣры не касается, а есть точію „грѣховная“, подлежащая прощенію, почему и препятствіемъ для него къ принятію епископства поставлена быть не можетъ, особенно если взять во вниманіе настоящія обстоятельства, когда для „христіанъ некрасовскихъ“ нуженъ именно пастырь, подобный Аркадію. Потомъ съ сильными доводами въ извиненіе Аркадія и къ убѣжденію его принять епископскій санъ выступилъ „великій книгчій“ — инокъ Евфросинъ. Онъ доказывалъ, что въ настоящее время церковь существуетъ не на „обдержныхъ правилахъ“, и потому нынѣ руководствоваться церковными правилами въ полной ихъ силѣ никакъ невозможно: слѣдственно и правила, относящіяся къ

---

117) Именно, 18 пр. свв. Апостолъ гласитъ: „Пущеницу, или рабу, или *вдовицу*, или плясавицу поимъ, не священникъ есть“. Толкованіе: „Аще кто... вдовицу пойметъ, таковый въ священническій чинъ не можетъ прятъ быти“. Правило это подтверждено и ограждено впослѣдствіи новыми постановленіями, вошедшими въ составъ Кормчей.

настоящему случаю, удобно могутъ быть устранены ради нуждныхъ обстоятельствъ, особенно если послѣдуетъ на то общее соборное рѣшеніе. Вообще, по собственному свидѣтельству славскихъ иноковъ, „въ отвѣтъ на объявленныя отъ Аркадія нѣкія богословныя вины, которыя возбранялн ему принять епископскую должность, были представлены еще важнѣе его причины, по коимъ можно имѣть ему на сей предметъ розрѣшеніе“. Но Аркадій, повидимому, оставался твердъ въ своемъ рѣшеніи — не принимать архіерейства. Противъ доводовъ Евфросина онъ замѣтилъ, между прочимъ, что хотя славскій соборъ судитъ снисходительно о его дѣлѣ, но, быть можетъ, совершенно иначе взглянетъ на это дѣло соборъ бѣлокриницкій, отъ котораго собственно и зависитъ поставленіе его въ епископскій санъ. Евфросинъ отвѣтилъ, что самъ поѣдетъ въ Бѣлую-Криницу и лично объяснится съ отцомъ Павломъ. „Надѣюсь на щедроты Божія, — прибавилъ онъ, — что посредствомъ всеосвященнаго собора сіе дѣло разрѣшено будетъ, поелику имъ во всемъ дана власть отъ Бога вязати и рѣшити“. Къ этому настоятель инокъ Макарій съ братіей присоединили и свое моленіе, — „вси вообще рекли Аркадію: возложи, отче, все сіе недоумѣніе, вкупѣ и немощь свою, на Бога и на Пречистую Его Матерь, Заступницу роду христіанскому, которая едина можетъ все наше недоумѣніе разрѣшить, и немощи наши понести, и все наше намѣреніе во благое произвесть“[118]). Наконецъ и весь народъ, увлеченный этимъ умилительнымъ преніемъ между просящими и отрицающимся, приступивъ къ Аркадію, воскликнулъ: „грѣхи твои, отче, на насъ да будутъ, — мы за тебя отвѣтствуемъ“! Наконецъ, Аркадій, сильно разсчитывавшій на поддержку Евфросина и особенно на расположеніе инока Павла, которое служило для него ручательствомъ за вѣрный успѣхъ его и на соборѣ Бѣлокриницкомъ, но какъ бы уступая только общему усердному моленію, послушанія ради, далъ согласіе, отвѣтивъ: „буди воля Господня и святыхъ отецъ молитва!“[119])

[118]) Прошеніе Амвросію отъ славскихъ отцовъ.

[119]) Прошеніе журиловскаго общества.

Такъ послѣдовало въ Славскомъ скиту избраніе епископа всѣхъ некрасовскихъ старообрядческихъ слободъ. Теперь, по окончаніи этого важнаго дѣла, оставалось только отправить избранныхъ лицъ въ митрополію для произведенія въ назначенныя имъ степени, и назначить почетныхъ депутатовъ для сопровожденія ихъ и представленія митрополиту Амвросію. Отъ Славской обители депутатомъ уже вызвался ѣхать инокъ Евфросинъ; журиловское общество, какъ принимавшее особенно близкое участіе въ дѣлѣ, назначило собственно отъ себя двухъ „нарочитыхъ“ людей: старика Григорья Архипова и Исая Иванова; депутатами отъ прочихъ обществъ согласились ѣхать Савва Рукавишниковъ и братъ его Онисимъ Ивановъ съ сыномъ. Затѣмъ составлено было отъ всего собора общее прошеніе „высокопреосвященнѣйшему владыкѣ митрополиту Амвросію и его намѣстнику преосвященному епископу Кириллу, и строителю киновіи высокопреподобнѣйшему архимандриту отцу Геронтію, и смиренному и трудолюбивому отцу, иноку Павлу“. Въ этомъ прошеніи изложена исторія избранія всѣхъ трехъ лицъ, представляемыхъ для возведенія въ священныя степени, и, разумѣется, съ бо́льшею подробностью говорилось о томъ, какъ все братство и весь народъ умоляли Аркадія согласиться на принятіе епископства, не взирая на препятствующія тому „богословныя вины“. „Итако, полагаясь на милость Божію и Его Пречистую Матерь“, писано далѣе въ прошеніи, „отправляемъ отъ себя къ вашему всеосвященному собору сего, избраннаго промысломъ Вышняго себѣ пастыря, отца Аркадія и двоихъ иноковъ: отца Аркадія и отца Іакова, и просимъ освященную главу начальника собора высокопреосвященнѣйшаго владыку г. митрополита Амвросія, да возложеніемъ рукъ святительскихъ получатъ благодать Святаго Духа, а чрезъ нихъ и мы да получимъ грѣхамъ нашимъ разрѣшеніе и совершенное прощеніе. Тѣмъ же просимъ васъ: хиротонисай намъ, о святая главо! перваго въ епископа, а втораго въ священники, третьяго же въ діаконы; и помолися о насъ Господу Богу со всѣмъ Богомъ собраннымъ соборомъ, да процвѣтаетъ и прозябнетъ

милость Божія въ сердцахъ всѣхъ вѣрныхъ, подобно же да возсіяетъ свѣтъ въ сердцахъ во всѣхъ сопротивляющихся истинѣ, да и тіи съ нами въ единомъ согласіи пребудутъ, якоже были прежде, ихже врагъ діаволъ завистію отъ насъ отторгнулъ, да вси вкупѣ единодушно усты и сердцемъ прославимъ единаго надо всѣми Вседержителя Бога! Ему слава во вѣки, аминь“ [120]). 23-го іюля это прошеніе было подписано славскимъ настоятелемъ инокомъ Макаріемъ и всѣмъ братствомъ, согласнымъ на пріятіе священства, также представителями обществъ: журиловскаго, славскаго и сарыкойскаго[121]) Отъ журиловскаго общества, кромѣ того, составлено было особое прошеніе на имя Амвросія, которое должны были вручить ему назначенные отъ нихъ депутаты. Журиловцы также излагали въ краткихъ словахъ исторію избранія Аркадіева и умоляли „высокопреосвященнѣйшую особу, куръ митрополита Амбросія, произвести имъ пастыря и учителя Христова стада словесныхъ овецъ, достопочтеннѣйшаго во иноцѣхъ отца Аркадія въ епископа“ [122]). Немедленно послѣ того, напутствованные молитвами и благословеніями, депутаты съ избранными на священныя степени лицами, отправились въ митрополію.

---

120) Подлинное прошеніе въ *Бѣлокр. арх.* Оно переписано Евфросиномъ; но въ составленіи его, какъ можно судить по складу рѣчи, и самъ Аркадій принималъ участіе; на немъ есть даже собственноручныя помѣтки Аркадія. Такъ, напримѣръ: прошеніе имѣетъ эпиграфъ. „Благословенъ росподь Богъ Израилевъ, воздвигнувый рогъ (намъ) *спасенія намъ въ дому Давыдовѣ отрока своего и прочее*“. Слова напечатанныя курсивомъ вписаны рукою Аркадія. Кромѣ того, на полѣ сдѣлана его же рукой слѣдующая замѣтка, относящаяся къ этому эпиграфу: „Сей ирмосъ пѣтъ журиловскими пѣвчими при началѣ сего дѣла“.

121) Отъ Сарыкойскаго общества подписаны: Вавила Петровъ, Іосифъ Семеновъ (Гончаровъ), Еѳимъ Гапѣевъ, Алексѣй Гавриловъ Рогачевскій, Иванъ Трифоновъ, Артамонъ Каракашевъ. Впрочемъ, подписи всѣхъ этихъ лицъ не подлинныя: видно, что въ прошеніи только хотѣли назвать главныя лица изъ всѣхъ трехъ обществъ, согласныя на принятіе священства.

122) Подлинное прошеніе журиловскаго общества въ *Бѣлокр. арх.*

9. Учрежденіе архіерейской каѳедры въ Добруджѣ: поставленіе епископа и діакона въ Славу и отправленіе ихъ къ мѣсту служенія.

Инокъ Павелъ получалъ время отъ времени то благопріятныя, то неблагопріятныя извѣстія отъ Аркадія о стараніяхъ славскихъ отцовъ убѣдить некрасовскія общества къ принятію священства изъ Бѣлой Криницы. Нѣкоторыя письма Аркадія онъ получилъ еще при московскихъ гостяхъ и читалъ В. В. Борисову. Въ концѣ іюня онъ ожидалъ и самаго прибытія задунайскихъ избранниковъ для поставленія на священныя степени[123]). Но ждать ихъ пришлось довольно долго: только уже 9-го августа имѣлъ онъ утѣшеніе встрѣтить наконецъ давно ожидаемыхъ гостей[124]). Немедленно всѣ прибывшіе представлены были митрополиту Амвросію, и вручили ему привезенныя прошенія. Выслушавъ переводъ прошеній и получивъ объясненіе, о какихъ „богословныхъ винахъ", возбраняющихъ Аркадію принятіе архіерейскаго сана, идетъ рѣчь въ этихъ прошеніяхъ, Амвросій объявилъ, что по правиламъ церковнымъ Аркадія дѣйствительно нельзя произвести ни въ какую священную степень, тѣмъ паче въ санъ архіерея, и что онъ, Амвросій, вопреки правиламъ, столь яснымъ и рѣшительнымъ, не поступитъ. Но такъ какъ избраніе Аркадія, яко достойнаго къ принятію архіерейства, учинено было въ Славскомъ монастырѣ по соборному рѣше-

---

123) См. письмо его въ Москву 20 іюня (*Переписка*, т. I, стр. 115).

124) Въ *Памятникѣ* именно подъ 9-мъ августа 1847 года записано: „Прибыли *сего числа* изъ Турціи, отъ задунайскихъ некрасовскихъ старовѣрческихъ обществъ, въ Бѣлокриницкій монастырь почтенные депутаты: изъ обители Славской инокъ Евфросинъ, изъ казаковъ Григорій Архиповъ и Исай Ивановъ, изъ купцовъ Савва Ивановъ Рукавишниковъ и Онисимъ Ивановъ съ сыномъ, и представили г. митрополиту Амвросію, съ письменнымъ прошеніемъ отъ обители и обществъ, *трехъ* благоговѣйныхъ иноковъ: двухъ Аркадіевъ и Іакова, которыхъ и просятъ хиротонисать для ихъ задунайскихъ старовѣрческихъ обществъ, перваго въ епископа, втораго — въ священноинока, а третьяго — въ діакона".

нію, то Амвросій призналъ нужнымъ и теперь предоставить дѣло на разсмотрѣніе собора, о составленіи котораго и издалъ повелѣніе [125]). Инокъ Павелъ, голосъ котораго и имѣлъ только значеніе на этомъ соборѣ, принялъ самое живое участіе въ дѣлѣ, такъ близко касавшемся интересовъ новой, его трудами основанной и дорогой его сердцу іерархіи. Лучшаго архіерея для некрасовцевъ, какъ давно извѣстный ему инокъ Аркадій, онъ не могъ и желать; ему, конечно, было пріятно и то, что ищетъ епископскаго поставленія отъ митрополита Амвросія тотъ самый игуменъ Аркадій, который нѣкогда, и еще въ недавнее время, такъ недовѣрчиво и съ такими „сумнѣніями“ относился къ его предпріятію объ учрежденіи собственныхъ старообрядческихъ епископовъ. Относительно же препятствій къ произведенію его въ священныя степени, представляемыхъ каноническими правилами, Павелъ раздѣлялъ мнѣніе инока Евфросина, что препятствія сіи, ради нуждныхъ обстоятельствъ, можно признать не имѣющими силы, и питалъ увѣренность, что соборъ бѣлокриницкій, а затѣмъ и самъ митрополитъ Амвросій, съ своей стороны, мнѣніе это примутъ безъ прекословія. Соборъ принялъ безпрекословно; но Амвросій на этотъ разъ не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ: не смотря на представленныя ему объясненія и доводы относительно возможности отступленія отъ правилъ при настоящемъ случаѣ, онъ, съ замѣчательною въ его положеніи твердостію, держался своего первоначальнаго мнѣнія относительно Аркадія. Любимой раскольниками теоріи „случайныхъ, или нуждныхъ обстоятельствъ“, ихъ ученія о церкви, существующей „не по обдержнымъ правиламъ“, и тѣмъ не менѣе будто бы истинной и древлеправославной, Амвросій не принималъ и не понималъ (хотя самъ принятъ былъ старообрядцами въ силу этихъ именно ложныхъ теорій и ученій):

---

[125]) Въ *Памятникѣ* подъ тѣмъ же числомъ въ графѣ „послѣдовавшихъ рѣшеній“, записано: „По силѣ прошенія задунайскихъ депутатовъ г. митрополитомъ Амбросіемъ повелѣно быть собору для лучшаго разсмотрѣнія, и избранія, и поставленія задунайскимъ обществамъ епископа и послѣдующихъ“.

церковныя правила ясно и рѣшительно повелѣваютъ не возводить въ священныя степени, „аще кто вдовицу пойметъ“, — и этихъ правилъ онъ не хотѣлъ нарушить даже для самого Аркадія, несмотря на всѣ его личныя достоинства. Таково было твердо выраженное мнѣніе Амвросія, — мнѣніе, противъ котораго и соборъ бѣлокриницкій съ Павломъ во главѣ идти не могъ. Надлежало повиноваться. Для Павла это было большимъ огорченіемъ. И для Аркадія такой неожиданно-печальный исходъ его дѣла былъ также чувствительнымъ пораженіемъ; но, покоряясь обстоятельствамъ, онъ умѣлъ съ обычнымъ самообладаніемъ затаить нанесенную ему обиду, и радъ былъ, что имѣлъ возможность отступить по крайней мѣрѣ не теряя своего достоинства, ибо могъ сказать, что рѣшеніе Амвросія вполнѣ согласно съ его собственными желаніями, которыя онъ такъ рѣшительно заявилъ на соборѣ славскомъ и которыми долженъ былъ пожертвовать только ради послушанія, покоряясь общесоборному желанію и всенародному моленію... Не менѣе прискорбно было и задунайскимъ депутатамъ, особенно Евфросину, такъ полагавшемуся на свою начитанность, что митрополитъ Амвросій не утвердилъ къ поставленію во епископы избранное и излюбленное ими лицо; но ихъ утѣшили тѣмъ, что епископа они все-таки имѣть будутъ, и что избраніе Аркадія устранено для ихъ же пользы, ибо для нихъ, при происходящемъ теперь раздорѣ въ некрасовскихъ селеніяхъ, особенно важно и необходимо имѣть такого епископа, который не могъ бы представить противной партіи ни малѣйшаго повода къ возраженіямъ относительно законности его поставленія. Для поставленія въ епископы задунайскимъ старообрядцамъ соборнѣ избранъ былъ другой инокъ Аркадій, прибывшій собственно для поставленія во священника. Амвросій одобрилъ и безпрекословно утвердилъ этотъ выборъ. 11-го августа состоялось опредѣленіе — инока Аркадія Дорооѳеева произвести по степенямъ во епископа, а инока Іакова поставить въ діаконы [126]).

[126]) Въ *Памятникѣ* подъ этимъ числомъ записано: *„По благоусмотрѣнію* г. митрополита Амвросія и всего освященнаго собора, при-

15-го августа, въ праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы, Амвросій поставилъ Аркадія въ діакона; потомъ 17-го числа во священника (тогда же посвященъ въ діаконы инокъ Іаковъ [127]); а въ слѣдующій воскресный день, 24-го августа, назначено было и поставленіе Аркадія во епископа. Въ этотъ памятный для задунайскихъ раскольниковъ день „священно-инокъ Аркадій, милостію Божіею нареченный во святѣйшую епископію богохранимаго мѣста Славы", въ обычное время произнесъ архіерейскую присягу, гдѣ между прочимъ давалъ такое обѣщаніе, ставившее его въ зависимость отъ Бѣлокриницкой митрополи: „Еще же и церковный миръ исповѣдаю соблюдати и ни единымъ же нравомъ противная мудрствовати во всемъ животѣ своемъ, во всемъ послѣдуя и повинуяся преосвященному господину мосму митрополиту Бѣлокриницкому Амвросію .. И внегда позоветъ мя къ себѣ господинъ мой преосвященный митрополитъ Бѣлокриницкій Амбросій, или въ случаѣ блюститель престола его, безъ всякаго извѣта и слова идти мнѣ на соборъ; хотя бы князь, или боляре, и удерживать мя хотѣли, отнюдь не буди мнѣ ослушатися повелѣнія господина моего митрополита Бѣлокриницкаго Амбросія николи же" [128]). Поставленіе во епископа совершилъ самъ Амвросій, отъ котораго потомъ Аркадій получилъ и ставленную грамоту за собственноручною его подписью [129]). Въ этой гра-

суждено производить одного инока Аркадія Дороѳѳева по степенямъ во епископа, инока же Іакова въ діакона, *а другій инокъ Аркадій сильно заболѣлъ*". Итакъ въ офиціальномъ документѣ, писавшемся „на память предбудущимъ родамъ", инокъ Павелъ скрылъ истинную причину того, почему сей *другій инокъ Аркадій* не получилъ поставленія ни на какую священную степень, и даже для объясненія этого обстоятельства прибѣгъ ко лжи (подобную ложь онъ допустилъ даже въ ставленной грамотѣ епископа Аркадія): очевидно, по мнѣнію инока Павла, дѣло о поставленіи Аркадія Лаврентьевскаго въ епископы служило не къ чести этого послѣдняго, вообще принадлежало къ числу такихъ, о которыхъ онъ, инокъ Павелъ, считалъ полезнѣйшимъ не сообщать правду „предбудущимъ родамъ".

127) *Памятн.* подъ №№ 34 и 35.

128) Списокъ присяги въ *Бѣлокр. арх.*

129) Въ *Памятникѣ* подъ 24 авг. записано: „Священноинокъ Арка-

мотѣ, по содержанію совершенно сходной со всѣми выдаваемыми раскольничьимъ архіереямъ[130]), собственно объ Аркадіи и возведеніи его на архіерейскую степень говорилось слѣдующее. „Азъ смиренный Амбросій митрополитъ, Божіимъ промысломъ удостоившійся удержавати новоучрежденный архіерейскій престолъ бѣлокриницкій и подчиненныя сему престолу церкви не дремлющима очима посѣщати и укрѣпляти, якоже подобаетъ, во спасеніе. А какъ древлеистинной христіанской нашей религіи цѣлыя общества находятся въ разныхъ государствахъ, и всѣ оныя, по особымъ сношеніямъ, предварительно во учрежденіе архіерейскаго престола въ Бѣлой-Криницѣ единодушно съ почтеніемъ согласовались: потому нынѣ, узнавъ совершенное учрежденіе сего престола, прибыли изъ Турецкой державы задунайскихъ казацкихъ обществъ депутаты *съ общественнымъ прошеніемъ, дабы изъ числа* присланныхъ вкупѣ съ ними, предъизбранныхъ на всеобщемъ соборѣ, тамошняго же Славскаго скита благоговѣйныхъ иноковъ *двухъ Аркадіевъ, который по благоусмотрѣнію нашему съ освященнымъ соборомъ окажется достойнѣйшимъ, того хиротонисать постепенно и поставить епископомъ Славскимъ*[131]) и для всѣхъ прочихъ задунайскихъ слободъ, кои суть въ вѣрѣ согласны и единодушны, понеже они не имѣютъ у себя собственно своего законнаго духовнаго пастыря. *Вслѣдствіе чего* повелѣно отъ насъ быти правильному собор-

---

дій задунайскаго Славскаго скита... сего числа г. митрополитомъ поставленъ епископомъ богоспасаемаго мѣста Славы и всѣхъ задунайскихъ старовѣрческихъ обществъ". Въ другой графѣ: „Преосвященный епископъ Аркадій Славскій снабденъ ставленною грамотою за подписомъ самого г. митрополита Амвросія, съ приложеніемъ его печати".

130) Онѣ составлены по образцу ставленной грамоты Амвросія, съ которой въ Бѣзой-Криницѣ былъ сдѣланъ славянскій переводъ (*Бѣлокр. арх.*).

131) Здѣсь инокъ Павелъ, которому, безъ сомнѣнія, принадлежитъ редакція ставленной грамоты, очевидно, говоритъ неправду, опять изъ желанія прикрыть понесенное Аркадіемъ Лаврентьевскимъ пораженіе: въ общественномъ прошеніи задунайскихъ старообрядцевъ

ному разсмотрѣнію въ присутствіи моемъ, и по *учиненнымъ справкамъ* заблагоразсудили признать наидостойнѣйшимъ инока Аркадія Дороѳеева, котораго азъ, смиренный митрополитъ Амвросій, хиротонисавъ постепенно первѣе въ иподіакона и діакона, потомъ въ пресвитера, и наконецъ въ епископа, вруча ему архипастырскій жезлъ новоопредѣленной епархіи Славской, яко достойну сущу воспріяти архіерейское предстательство“ [132]).

Своихъ заботъ о новоучреждаемой Славской епископской каѳедрѣ бѣлокриницкія власти не ограничили только поставленіемъ епископа и діакона. Такъ какъ некрасовцы желали имѣть и священника, на каковую должность и присланъ былъ инокъ Аркадій, столь неожиданно получившій теперь епископскую степень, то въ удовлетвореніе этого желанія присудили послать за Дунай одного изъ лучшихъ священноиноковъ Бѣлокриницкаго монастыря, Евфросина, который былъ первымъ ставленникомъ изъ всѣхъ старообрядцевъ, посвященныхъ Амвросіемъ въ священный санъ [133]). Была и еще просьба со стороны некрасовценъ, которую инокъ Павелъ съ такою же готовностью спѣшилъ удовлетворить. Въ „общественномъ прошеніи“ задунайскіе старообрядцы писали: „осмѣливаемся просить вашу святыню снабдить насъ нужными потребами, ибо мы, по скудости нашей, не имѣемъ у себя нужныхъ вещей, принадлежащихъ къ церкви Божіей, ни антиминсовъ, ни сосудовъ, ни Служебниковъ, ниже Потребниковъ, ни прочихъ нужныхъ потребъ, — кромѣ только имѣемъ одно желаніе“. И вотъ что̀, по современной записи, сдѣлано было въ удовлетвореніе этой просьбы Бѣлокриницкою обителью: „снабдили епископа Аркадія всею церковною принадлежностію, — какъ-то:

вовсе не говорилось, что они предоставляютъ Амвросію съ освященнымъ соборомъ избрать *достойнѣйшаго изъ двухъ Аркадіевъ* для поставленія въ архіереи; напротивъ, они писали ясно и опредѣленно: „хиротонисай намъ, о святая главо, *перваго* (Аркадія Лаврентьевскаго) *во епископа, а втораго* (Аркадія Дороѳеева) *во священника*“.

132) Грамота въ *Сборникѣ* Антонія.

133) *Ист.* вып. I, стр. 314.

святыхъ иконъ цѣлый иконостасъ, священныхъ одеждъ — ризы и омофоры и прочихъ, книгъ въ ихъ новоучрежденную епископію дали довольно, число новооосвященныхъ антиминсовъ — пять, довольно дали и святаго мура“ [134]).

Болѣе недѣли прожилъ еще въ митрополіи новопоставленный Славскій епископъ, и наконецъ 1-го сентября со всею своею свитою отправился во-свояси, снабженный особымъ „поучительнымъ наставленіемъ о принятіи его ко всему тамошнему духовенству и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ“ [135]). Для Аркадія и его спутниковъ были устроены въ митрополіи торжественные проводы: „и провожаема была, — сказанно въ современной записи, — вся ихъ свита отъ всей братіи бѣлокриницкой со звономъ и пѣніемъ духовнымъ, и со многою радостію и любовными лобзаніи раскланялись“ [136]).

Вообще, поставленіе епископа для задунайскихъ старообрядцевъ, хотя нѣсколько и омраченное отказомъ Амвросія произвести въ сей санъ Аркадія Лаврентьевскаго, было событіемъ весьма радостнымъ для Павла и весьма важнымъ для новоучрежденной іерархіи. Аркадій Славскій былъ первый епископъ, поставленный для заграничныхъ старообрядцевъ, т.-е находящихся за границами австрійской имперіи: съ его поставленіемъ іерархія отъ Амвросія прочно насаждалась въ турецкихъ предѣлахъ, у здѣшнихъ старообрядцевъ; а ихъ примѣру, какъ твердо надѣялся Павелъ, не преминутъ послѣдовать и старообрядцы другихъ странъ, особенно же

---

134) *Сборникъ* Антонія. Объ антиминсахъ и въ *Памятникѣ* подъ № 28 записано, что „Аркадію Задунайскому дано ихъ пять“. Тутъ же говорится, что 20 августа было освящено антиминсовъ 15 и что „совершалъ освященіе г. епископъ Кириллъ“.

135) Въ письмѣ въ Москву отъ 2 сентября 1847 г. Павелъ писалъ: „*Вчерашняго числа* свита съ новопоставленнымъ архіереемъ отправилась во свояси, т.-е. въ Турцію, за Дунай Вотъ теперь, съ помощію Божіею, и въ Турціи задунайскія слободы получили собственно своего древлеправославнаго архіерея и пр.“ (*Переп.* т. I, стр. 116). О „поучительномъ наставленіи“ записано въ *Памятникѣ* подъ 24 августа.

136) *Сборникъ* Антонія.

россійскіе, для которыхъ собственно и учреждена іерархія. Итакъ Павелъ имѣлъ основаніе радоваться поставленію Славскаго епископа и такъ торжественно провожать его къ мѣсту его служенія. Во время этихъ радостныхъ торжествъ всѣ только смущены были заботами о Геронтіи, въ печальной судьбѣ котораго уже болѣе не могло быть сомнѣнія, — она „обуревала“ тогда Павла и сущихъ съ нимъ „крайнимъ унынiемъ и великилъ недоумѣніемъ“ [137]).

Что же именно случилось съ Геронтіемъ?

10. Прибытіе Геронтія въ Москву и пребываніе здѣсь. — Наблюденіе надъ нимъ, устроенное правительствомъ. — Отъѣздъ изъ Москвы и арестъ. — Допросы. — Рѣшеніе его дѣла.

Геронтій выѣхалъ изъ Бѣлой-Криницы въ первой половинѣ января 1847 года. Въ качествѣ послушника, для услугъ въ пути и въ Москвѣ, онъ взялъ изъ монастыря монаха Діонисія, который былъ русскій же выходецъ, землякъ Павла, т.-е. валдайскій уроженецъ, Дмитрій Ивановъ. По пути они останавливались въ Черновцахъ и во Львовѣ: здѣсь, во Львовѣ, 2 (14) февраля они выправили австрійскіе паспорты, — Геронтій на имя торговца Левонова, а Діонисій — на имя Абрама Ушакова. Съ этими, по формѣ правильными, паспортами они безопасно проѣхали границу и такъ же безопасно разсчитывали путешествовать по Россіи, жить въ Москвѣ и устроить тамъ всѣ свои дѣла. На пути они останавливались на нѣсколько времени въ Кіевѣ, у купца Конона Булышкина, — старообрядца, очень преданнаго бѣлокриницкимъ дѣятелямъ, чрезъ

---

[137]) На другой же день по отъѣздѣ Аркадія съ свитой изъ Бѣлой-Криницы Павелъ писалъ въ Москву: „Мы просили многократно того и другаго, дабы увѣдомили насъ о проживаніи подрядчика нашего, но уже около двухъ мѣсяцевъ ни отъ кого не можетъ слышать ни гласа, ни послушанія. Но теперь просимъ васъ именемъ Господнимъ — не оставьте насъ хоть единою вашею строкою чрезъ посредство, какое можете: не слышите ли вы о немъ? что это значитъ? Мы обуреваемы въ крайнемъ унынiи и великомъ недоумѣніи“. (*Перев.* т I, стр. 116).

посредство котораго у нихъ велись сношенія съ Москвой и другими мѣстами особенно по переправкѣ посылокъ и грузовъ, слѣдовавшихъ въ Бѣлую-Криницу. И на сей разъ, кромѣ главнаго дѣла — утвержденія въ кіевскихъ поповцахъ преданности новой іерархіи, Геронтій, конечно, велъ перего воры и совѣтовался съ Булышкинымъ о удобнѣйшихъ способахъ пересылки въ Бѣлую-Криницу чрезъ его посредство денегъ и разныхъ вещей, какія будутъ собраны въ Москвѣ Въ Москвѣ Геронтій для большаго удобства сношеній съ главарями поповцевъ Рогожскаго Кладбища и для большей безопасности отъ всякихъ подозрѣній на его счетъ остановился со своимъ спутникомъ не у кого-либо изъ знакомыхъ богатыхъ старообрядцевъ, имѣвшихъ въ Москвѣ большіе дома, а на Орловскомъ подворьѣ, въ Замоскворѣчьи (Якиманской части), у дворника-старообрядца Ильи Савельева, гдѣ обыкновенно останавливались пріѣзжіе иногородные торговцы-раскольники.

Устроившись такимъ образомъ, Геронтій принялся за дѣло, ради котораго предпринялъ путешествіе въ Москву. На подворьѣ бывалъ онъ рѣдко,— большую часть времени проводилъ въ свиданіяхъ и бесѣдахъ съ главными лицами изъ московскихъ старообрядцевъ. Бесѣдовалъ, разумѣется, всего болѣе о новой іерархіи и о томъ, какъ необходимо московскимъ поповцамъ скорѣе заимствоваться отъ нея архіерействомъ и священствомъ; приходилось рѣшать разныя, высказываемыя нѣкоторыми изъ поповцевъ, особенно единомышленниками и послѣдователями Ивана Александрова, недоумѣнія и сомнѣнія относительно Амвросія. Ближайшимъ послѣдствіемъ этихъ бесѣдъ была посылка В. В. Борисова съ Жигаревымъ въ Бѣлую-Криницу. Другимъ, наиболѣе важнымъ для Геронтія дѣломъ въ Москвѣ служило пріобрѣтеніе необходимыхъ для митрополіи церковныхъ и иныхъ принадлежностей, о чемъ и Павелъ съ своей стороны постоянно напоминалъ ему въ письмахъ, дѣлая указанія, что̀ именно требуется пріобрѣсти, особенно же изысканіе и полученіе денежныхъ средствъ на устройство монастыря, на жалованье Амвросію, на содержаніе его съ семействомъ, а также и монастырской братіи, нако-

нецъ для покупки земель, столь необходимой ради обезпечен і митрополіи фундусомъ. О своихъ успѣхахъ и неудачахъ въ Москвѣ Геронтій аккуратно извѣщалъ монастырь въ письмахъ къ Павлу и казначею монастырскому — Дороѳею. Часть собранныхъ денегъ и вещей онъ поспѣшилъ отправить въ Бѣлую-Криницу чрезъ посредство Булышкина; остальное намѣревался доставить самъ, лично.

Такъ прожилъ Геронтій въ Москвѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ, и во второй половинѣ мая, именно 27 числа, намѣренъ былъ выѣхать въ обратный путь, о чемъ и извѣстилъ письмомъ инока Павла. Между тѣмъ около двухъ уже мѣсяцевъ надъ его жизнью и занятіями въ Москвѣ производился бдительный надзоръ особымъ, назначеннымъ отъ правительства, чиновникомъ, и рѣшено было арестовать его въ удобное для того время.

Учрежденіе раскольнической іерархіи за границей русскими бѣглецами-монахами долго оставалось тайной для русскаго правительства. Всѣ, извѣстныя читателямъ, сложныя подробности хлопотъ, предпринятыхъ по этому дѣлу и совершонныхъ Геронтіемъ, Павломъ и Алимпіемъ въ Черновцахъ, Львовѣ и Вѣнѣ, не исключая и самаго представленія двухъ раскольническихъ депутатовъ, бѣглыхъ русскихъ раскольниковъ, австрійскому императору Фердинанду, разнымъ эрцгерцогамъ и министрамъ, всѣ ихъ похожденія въ Константинополѣ и особенно продолжительныя сношенія съ Амвросіемъ, бѣгство этого послѣдняго изъ Турціи и затѣмъ пребываніе въ Вѣнѣ, представленіе тому же императору Фердинанду и разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, — все это прошло совершенно незамѣченнымъ для нашихъ пословъ и консуловъ въ Австрійской имперіи и въ Турціи; никакихъ дипломатическихъ сообщеній наше министерство иностранныхъ дѣлъ не получало отъ своихъ агентовъ въ Вѣнѣ и Константинополѣ о столь важномъ и громкомъ дѣлѣ, какъ похищеніе раскольниками митрополита изъ-подъ власти константинопольскаго патріарха и учрежденіе собственной митрополіи въ Буковинѣ съ разрѣшенія самого австрійскаго правительства, ради враждебныхъ

противъ Россіи цѣлей явно потворствовавшаго лукавымъ замысламъ нѣсколькихъ раскольническихъ монаховъ, русскихъ бѣглецовъ, выдавшихъ себя, какъ знало и само это правительство, за природныхъ липованъ, состоящихъ подъ австрійскимъ подданствомъ[138]). Между тѣмъ еще въ 1846 г собралъ довольно точныя свѣдѣнія о раскольническихъ замыслахъ относительно учрежденія архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ и даже сдѣлалъ весьма основательныя предположенія, что будетъ пріобрѣтенъ для занятія этой каѳедры какой-нибудь изъ безмѣстныхъ греческихъ архіереевъ, которые во множествѣ проживали въ Константинополѣ, путешествовавшій именно для изученія быта заграничныхъ раскольниковъ чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, извѣстный ученый П. И. Надеждинъ, и изложилъ свои наблюденія и соображенія въ весьма любопытной и основательно составленной офиціальной запискѣ[139]). Но записка эта до февраля 1847 года, повидимому, не была представлена министру, и первыя свѣдѣнія объ учрежденіи бѣлокриницкой іерархіи получены были правительствомъ только въ январѣ этого года изъ донесенія московскаго митрополита Филарета Святѣйшему Синоду о полученныхъ имъ частнымъ путемъ извѣстіяхъ, что за границей у раскольниковъ учреждена архіерейская каѳедра, и изъ

---

138) Что похожденія Павла и Алимпія въ Вѣнѣ, подъ руководствомъ Дворачка, были совершенно неизвѣстны въ нашемъ посольствѣ, это тѣмъ болѣе достойно вниманія и удивленія, что, по свидѣтельству г. Бодянскаго, который лично зналъ Дворачка, этотъ послѣдній состоялъ въ должности адвоката при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ (См. *Чт. Общ. ист. и др.* 1871 г., кн. IV, отд. V, стр. 159 прим.). Впрочемъ, можетъ быть, благодаря своей близости къ нашему посольству въ Вѣнѣ, именно Дворачекъ и умѣлъ искуснымъ образомъ отвести глаза чиновъ этого посольства отъ производившагося подъ его руководствомъ дѣла объ учрежденіи раскольнической архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ. Такъ и въ Константинополѣ Чайковскій съ товарищами особенно предостерегалъ Павла и Алимпія, чтобы о сношеніяхъ ихъ съ Амвросіемъ не узнали въ русскомъ консульствѣ и всячески помогалъ этому сохраненію тайны.

139) Она, какъ извѣстно, напечатана В. Кельсіевымъ въ 1-мъ вып. его *Сборника* (стр. 77—137).

довольно подробной записки объ ея учрежденіи, около того же времени присланной министру народнаго просвѣщенія львовскимъ корреспондентомъ Археографической Комиссіи — Зубрицкимъ: при отношеніяхъ отъ 11 и 12 января то и другое сообщеніе препровождены были въ министерство внутреннихъ дѣлъ, которымъ вскорѣ послѣ того получено было подобнаго же рода извѣстіе отъ кіевскаго военнаго генералъ-губернатора, на основаніи показанія, даннаго однимъ изъ заграничныхъ выходцевъ: тогда наконецъ всѣ эти свѣдѣнія подтвердилъ и дополнилъ Надеждинъ, представившій свою записку. Сводъ всѣхъ сихъ свѣдѣній, съ собственными по ихъ поводу заключеніями и соображеніями, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскій представилъ 9 февраля въ секретный комитетъ по дѣламъ раскола А 28 февраля изъ III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи сообщено и министру иностранныхъ дѣлъ объ учрежденіи въ Буковинѣ раскольнической архіерейской каѳедры[140]). Такимъ образомъ уже только въ началѣ 1847 г, и первоначально изъ частныхъ донесеній, наше правительство узнало наконецъ о событіи такой чрезвычайной важности для русской церкви и русскаго государства, какъ учрежденіе за границей самостоятельной раскольнической архіерейской каѳедры, тогда какъ можно было бы узнать о немъ гораздо раньше, во-время принять мѣры противъ преступныхъ замысловъ и хлопотъ раскольниковъ, тянувшихся цѣлыя шесть лѣтъ, остановить дѣло въ самомъ началѣ и тѣмъ пресѣчь крайне прискорбныя послѣдствія его для церкви и государства, доселѣ не прекращающіяся[141]).

---

140) См. сдѣланную изъ бумагъ министерства внутреннихъ дѣлъ выписку о всемъ этомъ въ *Сбор. Кельсіева* (вып. I, стр. 139—144).

141) Всего любопытнѣе и важнѣе, что московскія полицейскія власти не хотѣли знать, или, вѣрнѣе, сообщать правительству о сношеніяхъ московскихъ наиболѣе видныхъ раскольниковъ съ заграничными дѣятелями по учрежденію каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ, изъ коихъ самые главные, Геронтій и Павелъ, даже не разъ пріѣзжали въ Москву для переговоровъ по этому дѣлу.

Такъ какъ извѣстія о существованіи за границей раскольнической митрополіи, устроенной именно русскими раскольниками, начали появляться чаще и чаще, то 12 марта, чрезъ шефа жандармовъ графа Орлова, было объявлено министру внутреннихъ дѣлъ, что Государь Императоръ „признаетъ необходимымъ привести въ извѣстность, въ чемъ именно состоятъ сношенія нашихъ раскольниковъ съ раскольниками, живущими за границей, и положить преграду симъ сношеніямъ". Ближайшій надзоръ за точнымъ исполненіемъ Высочайшаго повелѣнія возложенъ былъ на министра внутреннихъ дѣлъ, а шефу жандармовъ повелѣно оказывать министру всевозможныя содѣйствія. Для лучшаго успѣха ихъ въ этомъ дѣлѣ сообщено было почтовому вѣдомству, чтобы письма нашихъ раскольниковъ въ Серетъ, въ Бѣлокриницкій монастырь и оттуда въ Россію подъ разными адресами, перелюстровывать и сообщать въ коніяхъ министерству[142]). Благодаря такимъ мѣрамъ скоро обнаружилось и присутствіе Геронтія въ Москвѣ. Это было весьма важнымъ открытіемъ. Отъ Геронтія и изъ наблюденій надъ его дѣйствіями въ Москвѣ надѣялись получить наиболѣе вѣрныя и наиболѣе подробныя свѣдѣнія относительно учрежденной за границею раскольнической митрополіи, и потому изъ министерства внутреннихъ дѣлъ послѣдовало распоряженіе учредить за нимъ бдительный секретный надзоръ, предоставивъ ему въ то же время полную свободу дѣйствовать и вести сношенія съ московскими рас-

---

142) *Сборн Кельсіева*, вып. I, стр. 144—145. Перелюстрованныя и частію подлинныя письма, добытыя такимъ путемъ, находятся при дѣлѣ Геронтія; большая часть ихъ изъ этого дѣла была списана П. И. Мельниковымъ въ его сборникѣ, которымъ мы и пользовались Нѣкоторыя изъ писемъ были представляемы непосредственно самому Императору Николаю. На одномъ изъ нихъ, именно упомянутомъ выше письмѣ Павла къ Геронтію отъ 1 апр. 1847 г., въ которомъ, упоминается, что Иванъ Кирилловъ Поляковъ многихъ возмущаетъ толками о монастырской церкви, остающейся неосвященною, Государь собственноручно написалъ: „Этимъ раздоромъ надобно, я думаю, воспользоваться, не теряя времени" *(Сборн. Мел.)*.

кольниками[143]). Для наблюденій этихъ назначенъ былъ именно состоявшій при министерствѣ надворный совѣтникъ Мозжаковъ, „на котораго во всѣхъ отношеніяхъ можно было положиться“[144]).

Это былъ дѣйствительно чиновникъ вполнѣ преданный своему дѣлу, весьма искусный и энергичный, а что̀ всего важнѣе — рѣдкой добросовѣстности и неподкупности. Со всѣмъ усердіемъ приступилъ онъ къ исполненію возложеннаго на него порученія. Занявши, подъ именемъ торговца, комнату на Орловскомъ подворьѣ, сосѣднюю съ помѣщеніемъ Геронтія, онъ вмѣстѣ съ другими, бывшими въ его распоряженіи, агентами бдительно слѣдилъ за всѣмъ, что̀ дѣлается у этого послѣдняго, — кто посѣщаетъ его, о чемъ ведутся бесѣды, равно какъ наблюдалъ за нимъ во время отлучекъ изъ квартиры, - куда, къ кому и на долгое ли время уходитъ, когда и съ чѣмъ возвращается[145]). О своихъ наблюденіяхъ аккуратно, изо дня въ день, посылалъ онъ письменныя донесенія въ Петербургъ своему начальству[146]). На основаніи этихъ донесеній министръ внутреннихъ дѣлъ могъ уже во Всеподданнѣйшемъ докладѣ

---

143) Цѣлію этого секретнаго надзора, по объясненію самого министра во Всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 16 апрѣля, служило именно — „разъяснить по возможности ходъ, сцѣпленіе и обширность сношеній нашихъ раскольниковъ съ заграничными“ (*Сбор. Кел.*, вып. I, стр. 145).

144) Такъ именно отозвался о немъ въ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ состоявшій при министерствѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Липранди, которому поручалось веденіе важнѣйшихъ слѣдственныхъ дѣлъ о раскольникахъ и поручено было дѣло о Геронтіи (См. *Чт. Общ. Ист и др.* стр 106).

145) Липранди, въ донесеніи министру отъ 16 апр., именно писалъ, что „всѣ дѣйствія и сношенія Геронтія тщательно наблюдаются (Мозжаковымъ), каждый шагъ его въ Москвѣ слѣдится“, и что „такимъ образомъ предположено не опускать его изъ вида во все время пребыванія въ Москвѣ“ (*Чт въ Общ. ист. и др.*, стр 107)

146) У покойнаго П. И. Мельникова мы видѣли взятую имъ изъ архива министерства внутреннихъ дѣлъ цѣлую кипу этихъ подлинныхъ донесеній Мозжакова, писанныхъ на почтовыхъ листахъ большого формата. Гдѣ находятся теперь эти бумаги и множество другихъ по дѣламъ раскола, взятыхъ имъ изъ того же архива?

16 апрѣля объяснить, что открыты „весьма любопытныя по дробности“ дѣла, какъ-то: „имена главныхъ московскихъ раскольниковъ, чрезъ которыхъ производятся заграничныя сношенія. дѣлаемый сборъ денегъ и приготовленіе разныхъ церковныхъ утварей для отправленія за границу подъ распоряженіемъ Геронтія, переписка его съ Казанью, Курскомъ, Валдаемъ и другими городами и полученіе оттуда пожертвованій деньгами и вещами; отправленіе изъ Москвы въ Австрію депутатовъ для разрѣшенія возникшаго между раскольниками религіознаго спора, и т. п.“ [147]) Въ томъ же докладѣ министръ выразилъ свое мнѣніе, что „успѣхъ сдѣланныхъ открытій зависѣлъ единственно отъ того, что ни австрійскій выходецъ, ни московскіе раскольники не имѣли ни малѣйшаго подозрѣнія, что за ними непрерывно слѣдятъ и наблюдаютъ“, почему и „нужно для продолженія успѣха продолжать неизмѣнно тотъ же способъ дѣйствованія, воздерживаясь отъ всякаго употребленія обыкновенныхъ мѣръ полицейскаго вмѣшательства“. Императоръ Николай Павловичъ на этомъ докладѣ собственноручно надписалъ: „Ежели съ одной стороны подобное тайное наблюденіе представляетъ нѣкоторыя пользы, то съ другой стороны явныя уже дѣйствія раскольниковъ и дерзость ихъ требуютъ рѣшительныхъ нынѣ же мѣръ, дабы зло не расплодилось такъ, что силой придется останавливать“ [148]). Вскорѣ послѣ этого Мозжакову послано было открытое предписаніе отъ начальника III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, которымъ онъ могъ требовать отъ московскаго жандармскаго начальства людей въ свое распоряженіе на случай арестованія состоящихъ подъ его наблюденіемъ лицъ. Въ первыхъ числахъ мая отъ Мозжакова получено было извѣстіе, что Геронтій и его спутникъ начинаютъ собираться въ обратный путь. Въ виду этого министръ внутреннихъ дѣлъ во Всеподданнѣйшемъ до-

[147]) *Сборн. Кел.*, стр. 145. Подъ упоминаемыми здѣсь депутатами разумѣются, конечно, В. В. Борисовъ и Жигаревъ; но они посланы были не для рѣшенія религіознаго спора.

[148]) Тамъ же, стр. 146.

кладѣ 5 мая, по соглашенію съ графомъ Орловымъ, предлагалъ слѣдующія дальнѣйшія мѣропріятія относительно состоящихъ подъ наблюденіемъ заграничныхъ раскольническихъ агентовъ: 1) „такъ какъ они намѣреваются скоро выѣхать обратно, то поспѣшить предписаніемъ объ ихъ задержаніи; 2) задержаніе это произвести не въ Москвѣ, дабы не возбудить тѣмъ тревоги между московскими раскольниками, а также и для того, чтобы сказанныхъ агентовъ захватить со всѣми вещами и бумагами, которыя они могутъ взять съ собою; 3) посему распорядиться, чтобы задержаніе произошло въ дорогѣ, тамъ, гдѣ это признано будетъ удобнѣе[149]), и притомъ сколь возможно осторожнѣе, безъ огласки; 4) задержанныя лица со всѣмъ, что̀ найдется при нихъ, немедленно препроводить въ С.-Петербургъ; 5) для сего имѣющему произвести сіе чиновнику дать въ помощь секретно двухъ жандармовъ, которые и привезутъ сюда обоихъ преслѣдуемыхъ выходцевъ". Императоръ Николай Павловичъ одобрилъ эти предположенія и собственноручно написалъ на докладѣ: „Исполнить, доставивъ прямо къ намъ въ штабъ"[150]). Между тѣмъ изъ Москвы въ то же самое время Мозжаковъ извѣщалъ, что онъ тайно сопровождалъ Геронтія и Діонисія въ ихъ поѣздкѣ на богомолье въ Троицкую Сергіеву лавру, что по возвращеніи оттуда Геронтій началъ ускорять свои сборы къ отъѣзду, вообще сталъ обнаруживать особенное безпокойство и истреблять всѣ получаемыя имъ бумаги немедленно по полученіи, такъ какъ примѣтилъ производимыя надъ нимъ бдительныя наблюденія, и что поэтому онъ, Мозжаковъ, 6 мая обращался къ московскому жандармскому начальнику генералу

149) Липранди, въ представленіи министру отъ 15 апр., предлагалъ „взять Геронтія тогда, когда онъ поѣдетъ назадъ, — слѣдовать тайно за нимъ, чтобы видѣть, гдѣ онъ будетъ останавливаться, съ кѣмъ будетъ видѣться, что̀ будетъ дѣлать. Затѣмъ, *когда онъ приблизится къ границѣ*, будутъ приняты мѣры объ арестованіи его съ бумагами, кои будутъ у него находиться" (*Чт. въ Общ. ист. и др.*, стр. 107). Но затѣмъ, какъ увидимъ, избрано было другое мѣсто для арестованія Геронтія.

150) *Сборн. Кельс.*, стр. 146—147.

Перфильеву съ просьбою — оказать ему, на основаніи имѣющагося у него открытаго предписанія, содѣйствіе къ задержанію Геронтія и Діонисія, но генералъ Перфильевъ не нашелъ себя въ правѣ исполнить его просьбу безъ опредѣленнаго именно на сей случай приказанія[131]). Такое приказаніе послѣ Всеподданнѣйшаго высочайше утвержденнаго доклада 5-го мая было уже отправлено въ Москву отъ шефа жандармовъ, о чемъ извѣщенъ былъ и Мозжаковъ, который могъ теперь безпрепятственно воспользоваться помощію жандармскаго начальства, когда найдетъ нужнымъ приступить къ арестованію заграничныхъ выходцевъ.

Геронтій дѣйствительно примѣтилъ наконецъ, что находится въ Москвѣ подъ бдительнымъ полицейскимъ надзоромъ Еще 1-го мая писалъ онъ Павлу въ Бѣлую-Криницу „живемъ въ номерѣ между обѣихъ сторонъ окружены неблаговолящими нашего подряда, и мастерамъ стараются воспрепятствовать; но Богъ милостивъ“ [132]). А 12 числа ему же писалъ еще подробнѣе: „Теперь уже къ выѣзду паспорты получены, и на сей недѣлѣ, аще Господь поможетъ, то уже совсѣмъ соберемся и выѣдемъ; а чѣмъ выѣздъ нашъ закончимъ, о томъ мы и сами не знаемъ: человѣкъ около двадцати, кои намъ извѣстны, а болѣе неизвѣстныхъ, даже два квартальные (?) секретно въ простой одеждѣ весьма строго подсматриваютъ и не даютъ намъ свободы отходить до торга, — на что уже, — пойдемъ къ военному губернатору въ его канцелярію для полученія пасовъ, а они и туда слѣдятъ. А чего они достигаютъ, тому мы не извѣстны. А живутъ около насъ, рядомъ, въ номерахъ — помянутый квартальный [133]) и унтеръ-офицеръ и пр. А одежду носятъ мѣщанскую и купецкую, и объявляютъ, якобы по коммерческимъ дѣламъ, и родъ жизни сказываютъ, кто тульскій, калужскій, кто смоленскій купецъ; а духъ и смыслъ у всѣхъ одинъ“ [134]).

---

131) *Чт. въ Общ. Ист. и древ*, стр. 111.

132) *Сборн. Мельник.*

133) Такъ называетъ онъ, очевидно, Мозжакова

134) *Сборн Мельник.* Въ одномъ письмѣ неизвѣстнаго лица изъ Мо

Итакъ, Геронтій въ послѣднее время пребыванія въ Москвѣ озабоченъ былъ примѣченнымъ бдительнымъ надзоромъ полиціи за его дѣйствіями; но особенно не безпокоился, имѣя правильный заграничный паспортъ и безпрепятственно получивъ изъ канцеляріи московскаго военнаго губернатора документы на выѣздъ за границу. Отъѣздъ назначенъ былъ, какъ писалъ онъ Павлу, „непремѣнно 27 числа“ [135]); противъ этого срока онъ промедлилъ только одинъ день, и 28 числа ночью дѣйствительно выѣхалъ вмѣстѣ съ Діонисіемъ, казалось, вполнѣ благополучно за московскую заставу по пути къ Тулѣ Но здѣсь, за заставой, его встрѣтили два экипажа тройками, въ которыхъ онъ примѣтилъ жандармовъ и которые неотступно сопровождали его потомъ болѣе ста верстъ, до самой границы Московской губерніи съ Тульской. Въ Тульской губерніи, на первой же почтовой станціи, 29 числа, Геронтій и Діонисій были арестованы со всѣми находившимися при нихъ вещами, и въ сопровожденіи жандармовъ, согласно Высочайшему повелѣнію, отправлены въ Петербургъ. Обратно черезъ Москву ихъ провезли ночью 30 числа [136]).

Въ Петербургѣ Геронтій и Діонисій были помѣщены, каждый особо, въ зданіи существовавшаго тогда III отдѣленія

сквы къ Дороѳею и Павлу, писанномъ вскорѣ по взятіи Геронтія и Діонисія, также говорится: „Въ теченіе ихъ проживанія въ Москвѣ на подворьѣ такъ сильно были окружены преслѣдователями, кажется около двадцати человѣкъ, и никогда не было имъ свободнаго ходу, но всегда вслѣдъ за ними имѣли надзоръ, и въ самой близости съ ними квартировали. А какой былъ у нихъ замыселъ, о томъ неизвѣстно; но однако о. Геронтій получилъ всѣ документы новые на проѣзди во-свояси безъ всякаго препятствія“ *(Тамъ же)*.

135) См. письмо Павла отъ 20 іюня *(Переписка* т. I, стр. 115).

136) Въ упомянутомъ письмѣ неизвѣстнаго къ Дороѳею и Павлу объ арестѣ Геронтія именно сообщалось: „Какъ выѣхали за заставу, и тутъ появились двѣ тройки лошадей съ повозками, чиновники и жандармы окружили ихъ и ѣхали съ ними болѣе ста верстъ. Но что тамъ случилось, неизвѣстно; но только съ жестокостію и безчеловѣчіемъ (!) и кромѣ всѣхъ правъ народныхъ обратно возвратили и привезли въ Москву на 31 число въ ночи, и гдѣ нынѣ находятся и чѣмъ сіе кончится, узнать никакъ вскорости невозможно“ *(Сборн. Мел.)*.

собственной Е. И. В канцеляріи. О прибытіи ихъ немедленно доведено было до свѣдѣнія Государя, и тогда же слѣдствіе и дознаніе о нихъ поручено было произвести состоявшему при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ дѣйствительному статскому совѣтнику Липранди, какъ чиновнику особенно опытному и искусному въ дѣлахъ этого рода [157]). Слѣдствіе тянулось около двухъ мѣсяцевъ, несмотря на то, что Липранди почти каждый день, а иногда и по нѣсколько разъ въ день, имѣлъ свиданія съ подсудимыми и велъ разспросы, какъ ему казалось, съ необыкновеннымъ искусствомъ [158]). При-

[157]) Кромѣ Геронтія и Діонисія тогда же арестованы были и подвергнуты допросамъ, соприкосновенныя къ ихъ дѣлу, слѣдующія лица: 1) австрійскій подданный Іоганнъ Мюллеръ, съ которымъ Геронтій неоднократно видѣлся въ Москвѣ и котораго, повидимому, имѣлъ въ виду нанять въ переводчики, на мѣсто Огняновича, собиравшагося оставить Бѣлую-Криницу немедленно по возвращеніи Геронтія (на все это есть указанія въ перепискѣ между Геронтіемъ и Павломъ); 2) кіевскій 2-й гильдіи купецъ Кононъ Булышкинъ съ сыномъ Тимоѳеемъ, какъ лица, чрезъ которыхъ Геронтій велъ сношенія съ Бѣлой-Криницей; 3) жена Діонисія, крестьянка Новгородской губерніи Анна Еѳимова, съ малолѣтнимъ сыномъ Александромъ, по совѣту мужа отправившаяся заграницу и взятая на пути. Такъ какъ для исторіи слѣдствіе надъ ними и ихъ судьба не имѣютъ значенія, то о нихъ мы и не будемъ говорить. Замѣтимъ только о Миллерѣ, что на него обращено было вниманіе именно тѣмъ, что онъ „часто бывалъ у Геронтія и Діонисія въ квартирѣ и просиживалъ долго по ночамъ, наконецъ, при выѣздѣ ихъ изъ Москвы въ обратный путь, одинъ провожалъ ихъ довольно далеко за заставу, заѣзжалъ съ ними въ одинъ домъ, стоящій въ сторонѣ отъ дороги за заставой, и ввѣрилъ имъ, для доставленія отцу его въ Черновцахъ письмо на нѣмецкомъ языкѣ, незначительное по содержанію, но замѣчательное тѣмъ, что Геронтій и Діонисій, при всей своей осторожности, рѣшились взять его и сохранить, такъ что это письмо было единственное, оказавшееся при нихъ при задержаніи“ (*Чт. въ Общ. ист.*, стр. 129).

[158]) Г Липранди напечаталъ въ „Чтеніяхъ Общ. ист. и древностей“ (1871 г., т. 2) очень любопытный подробный разсказъ о томъ, какъ онъ велъ слѣдствіе по дѣлу Геронтія и Діонисія, и тамъ же напечаталъ относящіеся къ этому слѣдственному дѣлу документы. Ими главнымъ образомъ мы и пользуемся въ нашемъ изложеніи. Краткое извлеченіе изъ слѣдственнаго дѣла напечатано также у Кельсіева въ 1-мъ выпускѣ его Сборника.

чина, почему слѣдствіе по столь важному дѣлу тянулось такъ долго безъ желанныхъ результатовъ, заключалась въ характерѣ обоихъ подсудимыхъ, обнаружившихъ замѣчательную твердость въ неуклонномъ исполненіи своего заранѣе условленнаго плана, какъ и что̀ отвѣчать на слѣдствіи соотвѣтственно имѣющемуся у нихъ австрійскому паспорту. Діонисій, по словамъ слѣдователя, видный, здоровый мужчина „съ быстрыми глазами, но взглядомъ не всегда прямымъ“, съ перваго же раза обнаружилъ ловкость въ веденіи разговора, твердость характера и проницательность; а особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на слѣдователя самъ Геронтій, о которомъ онъ отзывается вообще весьма сочувственно. Вотъ какъ именно описываетъ его г. Липранди: „Геронтій былъ средняго роста, сухощавъ, съ маленькой рѣдкой бородкой, какъ и на головѣ, темныхъ волосъ, нѣсколько съ просѣдью [159]); лицо продолговатое; физіономія чрезвычайно привлекательная, на которой изображалось смиреніе, никогда не измѣнившееся (?); голосъ тихій, глаза каріе, небольшіе, но весьма живые; говоръ плавный, разсчитанный, память большая, и вообще онъ мнѣ показался, какъ съ перваго раза, такъ и въ продолженіе всего времени, человѣкомъ умнымъ, хитрымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ твердымъ“ [160]). Между прочимъ и подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній, произведеныхъ личностью Геронтія, слѣдователь озаботился обставить его пребываніе подъ арестомъ всѣми возможными удобствами [161]), и допросы, вѣрнѣе

[159]) Ему было тогда, какъ значилось и въ паспортѣ, 45 лѣтъ.

[160]) *Чт. въ Общ. ист. и др.*, стр. 112—113. Такъ и въ донесеніи министру Липранди писалъ о Геронтіи: „Образованія особеннаго онъ, какъ видно, не получилъ, но имѣетъ много природнаго ума и большую начитанность въ церковныхъ книгахъ; также замѣтна въ немъ большая практическая опытность въ жизни и житейскихъ дѣлахъ, тонкое знаніе людей и короткое знакомство съ ходомъ и расположеніемъ обстоятельствъ. Наружность у него очень благообразная; обращеніе вкрадчивое, привлекательное, всѣ движенія и пріемы изучены и разсчитаны съ крайнимъ искусствомъ“ (стр. 127).

[161]) Геронтію были даже доставлены для чтенія книги, какія онъ желалъ имѣть. При дѣлѣ находится записка Геронтія петербургскому купцу Егору Фалину, въ которой онъ проситъ этого послѣдняго до-

бесѣды съ нимъ велъ, обыкновенно за чаемъ Геронтій при этомъ ловко уклонялся отъ всякихъ щекотливыхъ вопросовъ, и особенно поражалъ слѣдователя обильно приводимыми текстами изъ священнаго писанія и отеческихъ твореній, чѣмъ поставлялъ его, какъ „очень мало свѣдущаго въ богословіи“, въ большое затрудненіе. Г. Липранди рѣшился даже пригласить для состязанія съ Геронтіемъ на текстахъ Н. И. Надеждина, какъ получившаго основательное богословское образованіе въ духовной академіи. Бесѣда, дѣйствительно, состоялась и „продолжалась около двухъ часовъ“, при чемъ г-ну Липранди показалось, „что Геронтій едва ли не одержалъ побѣды“ надъ Надеждинымъ, „по крайней мѣрѣ ,изобилiемъ приводимыхъ имъ текстовъ сравнительно съ тѣми, которыми возражалъ“ послѣдній [162]). Слѣдствіемъ предположено было достигнуть уясне-

---

ставить ему, чрезъ Липранди, „священническій Служебникъ, еще Новый и Ветхій Завѣтъ съ Апокалипсисомъ для занятія и праздности отъ скуки“ (*Чт. въ Общ. ист. и древн.*, стр. 152). Вручая эту записку Липранди, Геронтій взялъ съ него честное слово, что Фалину никакихъ непріятностей не будетъ сдѣлано по сему поводу. Книги были доставлены Геронтію, но взяты были не у Фалина, съ которымъ, для соблюденія секрета, никакихъ сношеній не сдѣлано.

162) Тамъ же, стр. 114—115 Бесѣда у Надеждина съ Геронтіемъ шла „о такъ называемомъ Никоновскомъ исправленіи книгъ“, и потому не удивительно, если Надеждинъ, специально не знакомый съ этимъ вопросомъ, не особенно сильно отражалъ обычныя и Геронтію хорошо извѣстныя раскольническія сужденія по сему предмету. Надобно замѣтить, впрочемъ, что разсказъ Липранди о свиданіи Надеждина съ Геронтіемъ вообще возбуждаетъ нѣкоторыя недоумѣнія. Онъ утверждаетъ, что Надеждинъ сначала уклонился отъ свиданія, такъ какъ „не хотѣлъ, чтобы раскольники знали объ его участіи (?) въ ихъ дѣлахъ, что могло бы повредить дальнѣйшему собиранію о нихъ свѣдѣній“, и что свиданіе устроилось потомъ по порученію министра. За симъ г. Липранди прибавляетъ: „Появленіе Надеждина удивило Геронтія (прежде никто не входилъ) *Лично онъ не зналъ Николая Иваныча*, но когда я ему назвалъ его, онъ отозвался, что слыхалъ о немъ“. Между тѣмъ самъ Н. И. Надеждинъ въ своей запискѣ о заграничныхъ раскольникахъ пишетъ, что въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ близко познакомился съ Геронтіемъ и Павломъ: „Геронтій *въ качествѣ настоятеля* принималъ и угощалъ меня въ своихъ кельяхъ, убранныхъ весьма не дурно, даже съ нѣкоторымъ, можно ска-

нія слѣдующихъ вопросовъ относительно подсудимыхъ: 1) кто они такіе, — дѣйствительно ли русскіе бѣглецы, когда бѣжали и какое имѣютъ теперь званіе? 2) зачѣмъ пріѣхали теперь въ Москву и зачѣмъ пріѣзжали прежде неоднократно въ Россію? 3) съ кѣмъ изъ русскихъ раскольниковъ и какія имѣли сношенія? 4) найденныя при нихъ деньги и предметы, имѣющіе по преимуществу церковное употребленіе, гдѣ ими куплены и для чего? Единственной матеріальной уликой противъ Геронтія и Діонисія могли служить только эти взятыя при нихъ вещи, и особенно могли бы служить письма, если бы такія оказались. Понимая такое значеніе писемъ, Геронтій, напуганный бдительными за нимъ наблюденіями въ Москвѣ и предвидя опасность путешествія, передъ отъѣздомъ истребилъ всю имѣвшуюся у него корреспонденцію, а наиболѣе нужныя и важныя письма передалъ, безъ сомнѣнія, кому-либо изъ близкихъ московскихъ знакомыхъ на храненіе: поэтому никакихъ писемъ и бумагъ, которыя могли бы служить уликой его дѣйствительнаго званія и дѣйствительныхъ цѣлей его пріѣзда въ Москву, при немъ не оказалось [163]). О взятыхъ же

зать, щегольствомъ. Между тѣмъ Павель, приглашенный, какъ я не могъ не замѣтить, нарочно настоятелемъ, не оставлялъ меня ни на минуту, занимая, и главное, испытывая своей краснобайной бесѣдой" (*Сбор. Кельс.* вып. 1,4 стр. 93). Какъ же Липранди говоритъ, что Геронтій „лично не зналъ Надеждина"? При его „большой памяти" онъ не могъ забыть рѣдкаго гостя изъ Россіи, котораго угощалъ у себя въ кельѣ. И не потому ли удивило (смутило?) его появленіе Надеждина, что онъ увидѣлъ свидѣтеля, который могъ сказать, что видѣлъ его въ Бѣлой-Криницѣ не купцомъ, а настоятелемъ монастыря? И почему Надеждинъ не выступилъ такимъ свидѣтелемъ? Развѣ желательно было достигнуть именно добровольнаго, за неимѣніемъ явныхъ, документальныхъ обличеній, признанія во всемъ со стороны самого Геронтія, тогда какъ всякое знакомство съ Надеждинымъ онъ могъ отвергнуть и улики его объявить несправедливыми? Не даромъ же онъ сказалъ, что только „слыхалъ" о Надеждинѣ. Въ виду этого, надобно полагать, и Надеждинъ не хотѣлъ имѣть свиданія съ Геронтіемъ, а при свиданіи не упомянулъ о встрѣчѣ съ нимъ въ Бѣлой-Криницѣ.

[163]) За исключеніемъ, какъ упомянуто, ничтожнаго по содержанію письма Миллера къ его роднымъ въ Черновцахъ, которое могло слу-

при арестованіи книгахъ и вещахъ церковнаго употребленія [164]) оба подсудимые одинаково объясняли, что онѣ частію куплены, частію пожертвованы разными лицами изъ старообрядцевъ для ихъ старообрядческихъ церквей за границей, а кѣмъ пожертвованы, того они сказать не могутъ. Затѣмъ, на всѣ тонкіе вопросы Липранди по прочимъ пунктамъ оба подсудимые отвѣчали, что они, какъ значится и въ паспортѣ, природные буковинскіе жители, занимающіеся торговлей, и къ духовному званію не принадлежатъ; въ Москву пріѣзжали для покупки разныхъ нужныхъ имъ вещей; а съ кѣмъ изъ московскихъ и русскихъ старообрядцевъ находились въ сношеніяхъ, объявить не могутъ, такъ какъ связаны словомъ — хранить это въ секретѣ [165]) Наконецъ, послѣ долгихъ безплодныхъ распросовъ и бесѣдъ съ подсудимыми, слѣдователь рѣшился прибѣгнуть къ хитрости, и сначала употребить ее въ сношеніи съ Діонисіемъ. Онъ объявилъ этому послѣднему, что

жить для Геронтія даже подтвержденіемъ, что онъ именно природный буковинскій житель

[164]) Кромѣ довольно значительной суммы денегъ при Геронтіи взяты между прочимъ: планъ и фасадъ строившагося въ Бѣлой-Криницѣ зданія съ церковію, рисунки старинныхъ крестовъ, рисунки клобука патр. Филарета, книги: Чинъ, како подобаетъ пѣть двунадесять псалмовъ (ркп.), поученіе святительское къ новопоставленному іерею, Бесѣды къ глаголемому старообрядцу, Историческое разсужденіе о чинахъ грекороссійской церкви, Описаніе старопечатныхъ книгъ Царскаго, Ист. росс іерархіи, Путешествіе Барскаго и др.; 14 иконъ въ сребро-позлащеныхъ окладахъ, сосуды, Евангеліе, кресты, плащаница шитая шелкомъ, митра, 2 архіерейскія панагіи, архимандричій крестъ, наперстный, 2 фіолетовыя скуфьи, канитель, блестки, фольга, свѣчи восковыя, 13 кусковъ матерій, мѣха, кучерская одежда и шапка бархатная. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей пріобрѣтены, какъ мы знаемъ, по порученію Павла. Для слѣдователя имѣли значеніе найденныя при Геронтіи архіерейскія и архимандричьи принадлежности; но не видно, чтобы на нихъ было обращено особое вниманіе.

[165]) И потомъ, въ своемъ показаніи, Геронтій писалъ, что московскимъ жертвователямъ онъ далъ заклятіе: „аще бы и смертію претили мнѣ, о томъ, будте покойны, никому открыто не будетъ“. (*Чт. въ Общ. ист.*, стр. 149)

его товарищъ, мнимый Левоновъ, какъ человѣкъ разумный, во всемъ признался, — сказалъ о себѣ, что онъ архимандритъ Бѣлокриницкаго монастыря и пріѣзжалъ въ Москву по дѣламъ новоустроенной въ Бѣлой-Криницѣ старообрядческой митрополіи, — при этомъ сказалъ нѣкоторыя подробности о митрополіи и живущихъ тамъ лицахъ, будто бы сообщенныя уже самимъ Геронтіемъ при его чистосердечномъ признаніи. Уловка не удалась. Діонисій твердо держался своихъ прежнихъ показаній и прибавилъ, что Левоновъ можетъ говорить о себѣ, что хочетъ, а онъ знаетъ его не архимандритомъ, а купцомъ, какъ знаютъ его и всѣ. Удачнѣе былъ другой опытъ, гдѣ г. Липранди прибѣгъ, по собственнымъ словамъ его, „къ разсчитанной внезапности, въ важныхъ случаяхъ допускаемой и ему не разъ удававшейся“. Это было вслѣдъ за описанной, неудавшейся попыткой вызвать признаніе отъ Діонисія. Прямо отъ него г. Липранди перешелъ въ помѣщеніе Геронтія, велѣлъ подать чай и завелъ по обычаю разговоръ, въ которомъ прямо объявилъ собесѣднику, что онъ, Геронтій, совсѣмъ не торговецъ, а старообрядческій архимандритъ, что объ этомъ имѣются достовѣрныя извѣстія и что напрасно онъ не говоритъ правды, такъ какъ его запирательство можетъ имѣть для него весьма тяжелыя послѣдствія. Геронтій продолжалъ утверждать, что онъ купецъ, какъ значится въ его паспортѣ, и что это можетъ засвидѣтельствовать, „весь городъ Черновцы“; однако примѣтно было, что слова слѣдователя смутили его, — „чай въ блюдечкѣ, которое онъ держалъ, значительно заколыхался“. Что произошло далѣе, о томъ приводимъ разсказъ самого г. Липранди. „Увидѣвъ, что Геронтій значительно взволнованъ, — пишетъ г. Липранди, — чтобы не дать ему успокоиться, я подалъ условленный знакъ. Дверь, находившаяся сзади креселъ, на которыхъ сидѣлъ Геронтій, отворилась и жандармскій офицеръ ввелъ Ушакова (Діонисія). Я всталъ (Геронтій, обернувшись, посмотрѣлъ и тоже всталъ) и, подходя къ Ушакову, возвысивъ нѣсколько голосъ, сказалъ: „„Видишь ли, отецъ Геронтій умнѣе и набожнѣе тебя, — онъ сказалъ, кто онъ и кто ты: ты инокъ Діонисій“.

И не давъ обоимъ опомниться, я продолжалъ: „„что же ты стоишь, не подходишь подъ благословеніе?““ Ушаковъ почти бросился къ Геронтію, стоявшему отъ него шага на четыре, сдѣлалъ земной поклонъ къ ногамъ и не подымалъ головы. „„Что же вы, о. Геронтій, не благословляете его?““ Это было тотчасъ сдѣлано оба облились слезами. Осѣняя себя повторительнымъ (?) крестнымъ знаменіемъ, Геронтій не въ силахъ былъ стоять, опустился въ кресло. Все это, съ появленія Ушакова, едва ли продолжалось болѣе минуты. Геронтій, придя нѣсколько въ себя, перекрестился и, обратившись ко мнѣ, сказалъ нетвердымъ голосомъ: „„гораздо легче на душѣ““. Перекрестилъ Ушакова, который сдѣлалъ три земные поклона къ ногамъ Геронтія, сказавшаго какія-то молитвенныя слова, и я отпустилъ перваго, вполнѣ довольный удавшимся разсчетомъ“ [166]). Удачѣ всего болѣе способствовала, конечно, неожиданная встрѣча двухъ товарищей по несчастію, старца и послушника, такъ долго не видавшихъ другъ друга и жаждавшихъ свиданія, ничего не знавшихъ и постоянно занятыхъ мыслію о судьбѣ сотоварища. Слѣдователь же „вполнѣ доволенъ“ былъ тѣмъ, что достигнулъ главнаго, — признанія со стороны подсудимыхъ, что ихъ паспорты фальшивые, хотя и правильны по формѣ, что они не тѣ лица, какими значатся въ паспортѣ; затѣмъ онъ надѣялся уже легко достигнуть отъ нихъ точнаго показанія и по всѣмъ другимъ пунктамъ. Однако словеснаго признанія было недостаточно, — надобно было получить отъ Геронтія письменное показаніе о его личности и о цѣли его пріѣзда въ Москву. Липранди и предложилъ ему это сдѣлать. Геронтій согласился и только спросилъ: какъ и что̀ писать? Слѣдователь предоставилъ ему писать какъ и что̀ хочетъ, прибавивъ только, чтобы писалъ по совѣсти, такъ какъ Государь великодушенъ и оцѣнитъ искренность показанія. Тутъ Геронтій первый разъ услышалъ, что его дѣломъ интересуется самъ Императоръ Николай и „съ удивленіемъ спросилъ: неужели Государь будетъ знать?“ Потомъ

166) *Чт. въ Общ. ист. и древ.*, стр. 116—117.

сѣлъ, перекрестился, и началъ писать. Это было послѣ обѣда, который подали въ ту же комнату, гдѣ происходилъ допросъ, и который вмѣстѣ съ Геронтіемъ раздѣлилъ и Липранди, рѣшившійся не оставлять его до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ него письменное показаніе Въ часъ пополуночи Геронтій кончилъ свою работу и вручилъ г. Липранди показаніе, изложенное въ формѣ письма на его имя: оно, по собственнымъ словамъ Липранди, „превзошло всякое его ожиданіе“. Подчеркнувъ въ немъ мѣста, болѣе заслуживающія вниманія, Липранди повезъ его къ министру рано утромъ слѣдующаго дня, а министръ приказалъ немедленно представить графу Орлову. Этотъ послѣдній, должно быть по лицу Липранди, догадавшись о достигнутомъ имъ успѣхѣ, встрѣтилъ его словами: „ну, что — побѣда?“ — Липранди отвѣтилъ: „полная, ваше сіятельство!“ Графъ Орловъ, внимательно прочитавши рукопись Геронтія и возвращая ее слѣдователю, замѣтилъ: „да, такъ далеко этого и не ожидали!“ Однако, онъ считалъ необходимо нужнымъ, чтобы показаніе было изложено не въ видѣ письма на имя Липранди, а имѣло оффиціальную форму слѣдственныхъ показаній, что и было потомъ достигнуто. Формальное показаніе Геронтія, собственноручно же имъ написанное, ничѣмъ не отличалось отъ прежняго, изложеннаго въ формѣ письма на имя Липранди[167]).

Что же было въ показаніи Геронтія такого, чѣмъ могли восхититься и Липранди и графъ Орловъ? По словамъ перваго изъ нихъ, показаніе это важно было потому, что „въ немъ не только видны были *всѣ тайныя козни* вѣнскаго Двора, но и Геронтій, уподобляя себя Апостолу, дѣлалъ воззваніе къ Государю о дозволеніи нашимъ раскольникамъ имѣть поповъ, рукополагаемыхъ въ Австрійской Бѣлокриницкой лжемитрополіи[168]“). Въ своемъ показаніи[169]) Геронтій дѣйствительно излагаетъ

---

[167]) Тамъ же, стр. 117—118.

[168]) Тамъ же, стр. 119.

[169]) Показаніе Геронтія, даже съ соблюденіемъ его орѳографіи, напечатано вмѣстѣ съ другими документами въ той же книгѣ *Чт. Общ. ист. и древн.* (стр. 146—151). На немъ значится, и даже въ

кратко и не вполнѣ точно исторію учрежденія Бѣлокриницкой іерархіи, тщательно стараясь притомъ никого изъ дѣятелей не называть по имени, не упомянувъ даже имени Амвросія; но усмотрѣть изъ его показанія „всѣ тайныя козни вѣнскаго Двора не было возможности. Воззваніе же къ Государю о дозволеніи русскимъ раскольникамъ — заимствоваться священствомъ изъ Бѣлой-Криницы[170]) могло имѣть важность развѣ въ томъ отношеніи, что выдавало предъ правительствомъ

двухъ мѣстахъ дата: „20 іюня 1847 года“ (стр. 146 и 151), а еще въ одномъ мѣстѣ: „10 іюня 1847 года“ (стр. 149). Эти отмѣтки не согласуются съ показаніемъ Липранди, что слѣдственное дѣло, начавшееся въ Петербургѣ съ конца мая, продолжалось „около двухъ мѣсяцевъ“. Не напечатано ли по ошибкѣ *20 іюня* вмѣсто *20 іюля?* Къ такому предположенію располагаетъ и то обстоятельство, что „донесеніе“ Липранди министру внутреннихъ дѣлъ съ подробнымъ изложеніемъ слѣдственнаго дѣла о Геронтіи и прочихъ лицахъ и съ заключеніями по этому дѣлу подано *1 августа 1847 г.* (см тамъ же, стр. 123). Десяти дней для составленія этого донесенія вполнѣ достаточно; тогда какъ мѣсяцъ и десять дней (отъ 20 іюня до 1 августа) срокъ слишкомъ большой и такую медленность трудно допустить. А между тѣмъ, въ Сборникѣ Кельсіева (вып. 1-й стр. 148) сказано, то *въ 27 день іюня 1847 г.* послѣдовало уже Высочайшее рѣшеніе по дѣлу Геронтія и прочихъ подсудимыхъ, и значитъ показаніе Геронтія написано или 20, или даже 10 іюня. Вообще на основаніи этихъ источниковъ трудно установить точныя числовыя данныя. Этого можно было бы достигнуть только посредствомъ справокъ въ подлинномъ дѣлѣ министерства, чего мы сдѣлать не можемъ.

[170]) Вотъ подлинныя слова Геронтія, въ которыхъ Липранди видитъ это воззваніе: „Какъ титла апостольскаго званія (!) на ся принявъ мой долгъ миръ и спасенія вамъ возвестись; а въ преступленіи свещкихъ правъ закона для всеобщей ползы Апостоли и прочіи многіе церковныя учители на ся измененный образъ возлагали (это значитъ, что будто бы и Апостолы ходили съ фальшивыми паспортами подъ видомъ купцовъ!) и тѣмъ спасеніе подавали, в томъ Его Императорской милости прошу мнѣ простить и от заключенія свободить, дозволить же мнѣ свободно объяснить себе старовѣрамъ нашего единенія и *согласить их*, дабы они безъ опасно разсмотрѣли правилы нашего священнодействія и по разсмотрѣніи *представили бы оныя с моленіемъ Его Императорскому Величеству, дабы на основаніи оныхъ дозволить имъ отъ насъ заимствоваться рукоположеніемъ*“ (стр. 151).

желанія и цѣли, съ какими, при ближайшемъ содѣйствіи русскихъ раскольниковъ, была учреждена Бѣлокриницкая митрополія, хотя въ дѣйствительности эта мысль — объ испрошеніи у самого русскаго правительства дозволенія на свободное заимствованіе раскольническимъ священствомъ изъ Бѣлой-Криницы могла принадлежать только подобнымъ Геронтію мечтателямъ, а сами россійскіе старообрядцы считали ее несбыточною мечтой и разсчитывали воровски, помимо правительства, пользоваться бѣлокриницкимъ священствомъ вмѣсто бѣгствующаго православнаго, пользоваться которымъ было уже слишкомъ трудно[171]). Вообще же показаніе Геронтія, принятое слѣдователемъ съ такимъ довѣріемъ въ его искренность, отличалось совершенной недобросовѣстностью, — перекрестясь и воображая, что якобы подражаетъ Апостоламъ, „титлу коихъ на ся принялъ“, Геронтій спокойно написалъ о себѣ совершенную ложь, какую прежде сочинялъ, вмѣстѣ съ Павломъ, для австрійскихъ чиновниковъ, потворствовавшихъ имъ въ сочиненіи всякой лжи. Какъ этимъ послѣднимъ, такъ и г Липранди онъ написалъ въ своемъ показаніи, что будто бы „родитель его Левонъ Бѣлый изъ числа некрасовцевъ, жительство имѣлъ въ Турціи, за Дунаемъ“, потомъ при императорѣ Іосифѣ II, вмѣстѣ съ другими липованами перешелъ въ Австрію и поселился въ Бѣлой-Криницѣ, гдѣ въ 1790 г. онъ, Геронтій, и родился[172]), при крещеніи названъ Ники-

---

171) Самъ же Геронтій въ своемъ показаніи упоминаетъ, что въ свой пріѣздъ въ Москву, еще до учрежденія іерархіи, въ 1844 г., онъ предлагалъ старообрядцамъ — „прибѣгнуть съ моленіемъ къ своему Императору — ощастливить ихъ таковымъ же даромъ (какимъ австрійскій императоръ ощастливилъ липованъ, дозволивъ имъ привезти епископа въ Бѣлую-Криницу), дозволить имъ (изъ Бѣлой-Криницы) заимствоваться священствомъ“, но что московскіе старообрядцы отвергли это предложеніе, какъ несбыточное (стр. 148).

172) Если такъ, то въ 1847 г. ему было бы 58 лѣтъ; а въ паспортѣ его значилось (и дѣйствительно было) 45 лѣтъ. Какъ же слѣдователь не обратилъ на это вниманія? Впрочемъ онъ и самъ сознавался, что показанію Геронтія объ его происхожденіи „трудно дать вѣру по многимъ причинамъ“, и что „по собраннымъ между раскольн-

форомъ, и т д. и т. д.[173]). Дѣйствительно важнымъ въ показаніи Геронтія было собственно его сознаніе, что онъ архимандритъ, настоятель Бѣлокриницкаго монастыря, а не торговецъ, какимъ значился въ паспортѣ, что принималъ ближайшее участіе въ учрежденіи заграничной раскольнической іерархіи и, какъ одно изъ наиболѣе видныхъ въ оной лицъ, прибылъ въ Россію для привлеченія русскихъ старообрядцевъ въ подчиненіе этой іерархіи Здѣсь уже имѣлись достаточныя основанія для произнесенія надъ Геронтіемъ обвинительнаго судебнаго приговора, который однако могъ быть произнесенъ еще съ большею основательностію, если бы было со всею ясностію установлено слѣдствіемъ, что Геронтій — бѣглый русскій подданный, какимъ онъ былъ дѣйствительно и что такъ тщательно старался онъ скрыть, изложивъ въ показаніи свою, давно измышленную, совершенно лживую біографію.

По окончаніи слѣдствія, въ своемъ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ, слѣдователь изложилъ именно сейчасъ указанныя основанія для окончательнаго приговора надъ Геронтіемъ[174]). Приговоръ сей онъ формулировалъ въ слѣ-

---

никами извѣстіямъ, оказываются признаки, что онъ долженъ быть изъ государственныхъ крестьянъ Новгород. губ. Демьянскаго уѣзда" (стр. 126—127). А въ дѣйствительности онъ былъ крестьянинъ Серпуховскаго уѣзда Москов губ.

[173]) См. *Чт. Общ. ист*, стр. 146; ср. *Ист. Бѣл. свящ.* вып. I, стр. 69—70

[174]) Кромѣ собственнаго Геронтіева показанія были приняты во вниманіе и собранныя другими путями, особенно посредствомъ перелюстрованныхъ писемъ, свѣдѣнія о немъ. Такъ въ „донесеніи" говорится: „Всѣ имѣющіяся о немъ свѣдѣнія согласно показываютъ, что онъ, Геронтій Левоновъ, по своему нравственному вліянію, былъ и есть лицо первой важности у заграничныхъ раскольниковъ. Онъ управляетъ всѣми ихъ замыслами и происками, безъ его воли ничто не предпринимается, безъ его рѣшенія ничто не приводится въ дѣйствіе. Въ продолженіе теперешняго его отсутствія, всѣ важныя дѣла по раскольнической митрополіи въ Буковинѣ остановились; въ томъ числѣ покупка имѣній, долженствующая обезпечить существованіе митрополіи, дѣло по коей начато уже производствомъ въ Вѣнѣ. Монахи бѣлокриницкіе *писали и пишутъ постоянно* въ Москву, что они съ нетерпѣніемъ

дующихъ выраженіяхъ: „Геронтія Левонова, настоятеля главнаго раскольничьяго гнѣзда за границею, облеченнаго отъ тамошняго раскольничьяго лжемитрополита въ санъ архимандритскій, и прежде неоднократно пріѣзжавшаго въ Россію, и теперь пріѣхавшаго въ Россію, скрывъ свое настоящее званіе и намѣренія подъ ложнымъ видомъ торговца, съ дѣйствительною цѣлію внушать нашимъ раскольникамъ законопреступныя убѣжденія, намѣренія и дѣйствія, не выпускать изъ Россіи, а заключить въ какомъ-либо изъ отдаленныхъ монастырей, напримѣръ въ Соловецкомъ, гдѣ содержать въ секретѣ, подъ строжайшимъ надзоромъ, не дозволяя ни съ кѣмъ никакихъ сношеній“ [175]). На основаніи этого „донесенія“ послѣдовалъ Всеподданнѣйшій докладъ шефа жандармовъ и министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ кратко излагалась сущность слѣдственнаго дѣла и въ заключеніе говорилось: „Изъ раскрытыхъ обстоятельствъ Ваше Императорское Величество усмотрѣть изволите, что подлежавшее изслѣдованію дѣло имѣетъ особенную важность не столько въ своей отдѣльности, по большей или меньшей преступности участвовавшихъ въ немъ лицъ, сколько въ связи съ общимъ настоящимъ положеніемъ раскола у насъ и за границей, которое дѣло само поставлено въ такомъ свѣтѣ, что не можетъ не возбуждать всего вниманія правительства“. Излагая вслѣдъ за симъ предлагаемый на Высочайшее утвержденіе приговоръ Геронтію, графъ Орловъ и Перовскій измѣнили нѣсколько проектированный слѣдователемъ и изложили его въ слѣдующемъ видѣ: „Геронтія Леонова, лицо главное, не только въ разсматриваемомъ случаѣ, но и во всѣхъ движеніяхъ раскола, возбужденныхъ и питаемыхъ современными заграничными проис-

---

ожидаютъ его возвращенія, что безъ него все тамъ остываетъ и разстраивается; самъ митрополитъ ихъ крайне скучаетъ, а находящійся при немъ сербъ Огняновичъ, который и промыслилъ (?) его раскольникамъ, сбирается отъ нихъ уѣхать“ (стр 127). Письма, очевидно, поняты были слишкомъ буквально: мы видѣли, что безъ Геронтія „важныя дѣла“ въ митрополіи не останавливались.

[175]) Тамъ же, стр. 138.

шествіями, не выпускать изъ Россіи, а задержать въ одной изъ государственныхъ крѣпостей, какую Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ назначить“ [176]). Императоръ Николай Павловичъ утвердилъ этотъ докладъ, и назначилъ для заключенія Геронтія Алексѣевскій равелинъ въ Петропавловской крѣпости, куда и былъ онъ препровожденъ немедленно [177]). Отсюда онъ былъ потомъ переведенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ, послѣ продолжительнаго пребыванія въ одиночномъ заключеніи, изъявилъ наконецъ желаніе присоединиться къ православной церкви на правилахъ единовѣрія [178]).

---

176) Тамъ же, стр. 153—155. Ко Всеподданнѣйшему докладу шефа жандармовъ и министра внутреннихъ дѣлъ была приложена особая „записка“, весьма интересная и обстоятельно, въ общемъ весьма вѣрно, излагающая исторію и значеніе учрежденія раскольнической архіерейской каѳедры за границей. Подъ запиской значится имя Липранди; но и содержаніе и изложеніе ея приводитъ къ предположенію, что ее писалъ, или по крайней мѣрѣ редактировалъ, Н. И. Надеждинъ. Она напечатана здѣсь же, въ *Чт. Общ. ист. и др.* (стр. 157—173)

177) *Сборн. Кельсіева,* вып. I, стр. 148.

178) О послѣдней судьбѣ Геронтія см. статью о. С. Маркова въ *Братскомъ Словѣ* 1896 г. Надъ соприкосновенными къ дѣлу Геронтія лицами состоялся слѣд. приговоръ: Діонисія, т.-е. Дмитрія Иванова (онъ же Абрамъ Ушаковъ) и Миллера — заключить въ Шлиссельбургскую крѣпость, Булышкиныхъ (отца и сына) подвергнуть надзору мѣстнаго начальства и обязать подпискою, что впредь не будутъ участвовать въ сношеніяхъ съ раскольниками, жену Діонисія — отослать въ одинъ изъ дальнихъ женскихъ монастырей, а сына обратить въ кантонисты (*Сборн. Кел.* вып. I, стр. 148). Относительно взятыхъ при Геронтіи денегъ и вещей, по докладу шефа жандармовъ и министра внутреннихъ дѣлъ, состоялось опредѣленіе: вещи, „которыя относятся къ личному необходимому употребленію, оставить, у кого онѣ найдены; церковныя украшенія, свойственныя только архіереямъ и другимъ высшимъ духовнымъ сановникамъ, препроводить въ распоряженіе Святѣйшаго Синода; все же прочее и деньги (15.000 р. сер.) предоставить въ пользу вновь сооружаемой въ посадѣ Добрянкѣ единовѣрческой церкви“ (*Чт. въ Общ. ист. и древн.*, стр. 156).

11. Извѣстія о судьбѣ Геронтія, полученныя въ Бѣлой-Криницѣ, и начатыя здѣсь хлопоты объ его освобожденіи.

Первою и главною заботою Геронтія и Діонисія послѣ внезапнаго ареста было — какимъ-либо способомъ дать знать о постигшей ихъ бѣдѣ въ Москву, друзьямъ и благодѣтелямъ — старообрядцамъ, особенно же въ Бѣлую-Криницу иноку Павлу съ братіей. Обстоятельства, при какихъ устроенъ былъ ихъ арестъ, не оставляли надежды, чтобы отъ кого-нибудь могло быть получено объ нихъ извѣстіе и московскими и особенно бѣлокриницкими ихъ друзьями; а между тѣмъ сообщить имъ точныя о себѣ свѣдѣнія Геронтію было необходимо между прочимъ и для того, чтобы вызвать ихъ къ употребленію всѣхъ возможныхъ средствъ для освобожденія его съ товарищемъ изъ-подъ ареста, при чемъ всего болѣе могъ онъ разсчитывать на помощь бѣлокриницкихъ друзей, которые имѣли возможность ходатайствовать предъ австрійскимъ правительствомъ, всегда благосклоннымъ къ Бѣлой-Криницѣ, объ истребованіи ему свободы дипломатическимъ путемъ, какъ австрійскому подданному, имѣвшему австрійскій паспортъ. Но какъ же дать это извѣстіе въ Москву и въ Бѣлую-Криницу? Случай къ тому представился, когда арестованные въѣхали въ предѣлы Новгородской губерніи, въ Валдайскій уѣздъ, гдѣ везшіе ихъ ямщики Зимогорскаго яма, родины инока Павла, какъ старообрядцы, могли оказать имъ въ этомъ отношеніи услугу[179]). И вотъ случилось, что передъ самымъ почти домомъ, гдѣ жили Великодворскіе, т.-е. братья инока Павла, сломалось колесо у повозки, въ которой везли Діонисія, и этотъ послѣдній, находившійся, вѣроятно, подъ менѣе бдительнымъ надзоромъ, чѣмъ Геронтій, пользуясь остановкой, успѣлъ бросить тутъ ли же написанную, или ранѣе заготовленную записку слѣдующаго содержанія:

[179]) Такъ какъ Діонисій былъ Зимогорскій же уроженецъ и былъ извѣстенъ лично ямщикамъ, то эти послѣдніе тѣмъ скорѣе могли оказать ему въ этомъ дѣлѣ нужную помощь.

„Ф(едоръ) В(асильичъ). Насъ взяли жандармскій полковникъ съ жандармами за 60 верстъ проѣхавши отъ Москвы къ Кіеву, воротили съ дороги, вещи, кои были при насъ, все запечатали, и насъ теперь съ вещами везутъ къ Царю на лицо А что будетъ намъ, тому мы неизвѣстны. А везутъ съ жандармами весьма подъ строгимъ присмотромъ. Москву провезли ночью секретно, а Торжокъ позагуменью. А ты сейчасъ пошли съ своимъ письмомъ сію записку въ Москву и попроси, чтобы московскіе пріятели *оную же записку послали въ монастырь*. Инокъ Димитрій. Геронтій Леоновъ живъ и здоровъ, чего и вамъ желаемъ.

„Миръ и благословеніе вамъ, и *спроси у своихъ ямщиковъ*, они вамъ разскажутъ, какъ насъ везутъ, — такъ все равно будетъ, какъ самовидцы“ [180]).

Это было 2-го іюня. Въ тотъ же день Ѳедоръ Васильевъ Великодворскій отправилъ записку Діонисія въ Москву, къ кому-то изъ знакомыхъ-старообрядцевъ, при своемъ письмѣ, въ которомъ увѣдомлялъ:

„Нынѣ ожесточило меня недостойнаго зѣльнымъ прискорбіемъ: прослѣдовали подъ строгимъ присмотромъ жандармской полиціи богоподражательные отцы Геронтій и Діонисій, и Богу угодно было явить мнѣ грѣшному ихъ напрасное взятіе съ представленіемъ лично Царю въ Петербургъ, и они оставили записку въ проѣздъ при смѣнѣ ихъ лошадей на станціи [181]). Они скоро везутся на двухъ тройкахъ съ жандармами въ Питеръ, что можете увидѣть изъ записочки, которую въ *подлинникѣ* къ вамъ представляю. Бога ради прошу дать знать въ ихъ монастырь и меня увѣдомить“ [182]).

---

180) *Сборн. Мельн.*

181) Но въ *сборн. Мельникова,* должно быть на основаніи свѣдѣній, собранныхъ въ министерствѣ, сдѣлана именно такая отмѣтка: „Противъ самаго дома Великодворскихъ сломалось колесо и телѣга остановилась. Нарочно, вѣроятно, ямщики сдѣлали. Въ это время брошена записка“.

182) *Сборн. о. Іоасафа,* ркп. Въ *сборн. Мельн.* есть другое письмо подобнаго содержанія, неизвѣстно куда и кому писанное: „Съ полученія сего съ первой отходящей почтой отошли подл. сей лоскутъ въ Бѣл. Митр., ибо подряд. съ служителемъ своимъ хотя и выѣхали 28 мая благополучно изъ Москвы, но въ Тул. губ. возвращенъ жанд. и теперь въ Питерѣ. Что будетъ, не извѣстно“.

Изъ Москвы это письмо съ подлинной запиской Діонисія отправлено было въ Кіевъ на имя Булышкина для дальнѣйшаго препровожденія въ Бѣлую-Криницу; но, согласно изданному тогда предписанію относительно писемъ, адресованныхъ на имя Булышкина, оно было конфисковано почтовымъ вѣдомствомъ и препровождено въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ ни это письмо, ни слѣдовавшія затѣмъ нѣсколько другихъ съ подробнымъ описаніемъ Геронтіева пребыванія въ Москвѣ и обстоятельствъ его ареста, до Бѣлой-Криницы не доходили, такъ что Павелъ съ братіей цѣлые три мѣсяца по арестѣ Геронтія находился въ невѣдѣніи объ его судьбѣ, — даже 2 сентября онъ писалъ въ Москву, какъ мы уже знаемъ, убѣдительное письмо, въ которомъ просилъ именемъ Господнимъ увѣдомить его хоть единою строкою о Геронтіи, не слышно ли чего-нибудь о немъ, такъ какъ ни отъ кого, несмотря на многократныя просьбы, не слышитъ ни гласа, ни послушанія [183]). Наконецъ, встревоженный прекращеніемъ всякихъ извѣстій о Геронтіи, или же дошедшими уже слухами о постигшемъ его злоключеніи, Павелъ рѣшился самъ съѣздить въ Москву, чтобы на мѣстѣ узнать о немъ все, что можно. Пріѣздъ Павла очень смутилъ его московскихъ друзей, находившихся тогда въ большой тревогѣ по случаю Геронтіева ареста, ожидавшихъ для себя большихъ непріятностей по прикосновенности къ дѣлу и всего болѣе остерегавшихся теперь всякихъ сношеній съ бѣлокриницкими

183) См. прим. 137. Что письмо это писано 2 сентября, въ томъ не можетъ быть, сомнѣнія, такъ какъ въ немъ же Павелъ увѣдомляетъ московскаго знакомаго, что наканунѣ, „вчерашняго числа“, отправился изъ Бѣлой-Криницы во-свояси новопоставленный епископъ Славскій Аркадій, а Аркадій уѣхалъ именно 1-го сентября. Возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе находящееся въ письмѣ Павла упоминаніе, что никакихъ свѣдѣній о Геронтіи онъ не имѣетъ „уже около *двухъ* мѣсяцевъ“, тогда какъ отъ дня ареста Геронтіева до 2 сентября минуло *три* мѣсяца; но вѣроятно нѣкоторыя письма о пребываніи Геронтія въ Москвѣ, писанныя до ареста и предварительно перелюстрованныя, дошли въ Бѣлую-Криницу спустя не мало времени послѣ отправки, и отъ ихъ-то полученія Павелъ считалъ два мѣсяца.

дѣятелями: Павла просили уѣзжать изъ Москвы какъ можно скорѣе, и, собравъ нужныя свѣдѣнія о Геронтіи, онъ дѣйствительно поспѣшилъ возвратиться въ Бѣлую-Криницу, чтобы начать, посовѣтовавшись съ своими юристами, хлопоты предъ австрійскимъ правительствомъ объ освобожденіи Геронтія и возвращеніи взятыхъ при немъ денегъ и вещей [184]).

Знакомые черновицкіе чиновники, къ которымъ обыкновенно Павелъ обращался за совѣтомъ въ подобныхъ настоящему обстоятельствахъ, посовѣтовали немедленно отправить просьбу о содѣйствіи освобожденію Геронтія къ австрійскому консулу въ Москвѣ, и вмѣстѣ обратиться съ такою же просьбою къ самому австрійскому правительству. Прошеніе консулу, написанное отъ имени казначея инока Дорооѳея, назвавшагося бѣлокриницкимъ настоятелемъ, съ депутатами отъ монастыря и отъ селенія, было изложено на нѣмецкомъ языкѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Монастырь Бѣлокриницкій въ Буковинѣ, принадлежащій къ императорско-королевскому галицкому правительству, отправилъ для закупки книгъ, ризъ и другихъ для церкви нужныхъ вещей, какихъ здѣсь не находится, здѣшнихъ жителей, Геронтія Леонова и Діонисія Ушакова, въ Россію, которые, имѣя паспорты отъ императорско королевскаго галицкаго правительства и выѣхали туда, а именно въ Москву. По закупкѣ ими тамъ вещей, нужныхъ для монастыря, от-

---

[184]) Объ этомъ пріѣздѣ Павла въ Москву мы слышали отъ покойнаго В. В. Борисова, который, неожиданно встрѣтивъ Павла, былъ крайне удивленъ и смущенъ его появленіемъ въ Москвѣ, такъ какъ и самъ вмѣстѣ съ Жигаревымъ ежедневно ожидалъ привлеченія къ дѣлу Геронтія по случаю сдѣлавшейся извѣстною правительству поѣздки его въ Бѣлую-Криницу, что̀ дѣйствительно и послѣдовало. Документальное указаніе на эту поѣздку Павла въ Москву находимъ въ письмѣ Іеронима къ Баулину отъ 1-го мая 1848 г. упомянутомъ выше (см. прим 74). Жалуясь, что не получилъ изъ Москвы пособія, о которомъ просилъ, и обвиняя за это Павла, онъ пишетъ здѣсь: „полагаю, что отецъ Павелъ, *въ бытность его въ Москвѣ*, наговорилъ клевету, чрезъ что̀ лишаюсь вашего усердія“ *(Сборн. Мелм.)*. Письмо съ просьбой о пособіи было писано въ ноябрѣ 1847 г., т.-е. вскорѣ послѣ поѣздки Павла въ Москву.

правились назадъ 9 іюня (28 мая) 1847 года изъ Москвы, но едва проѣхали 60 верстъ, какъ схвачены русскими жандармами подъ начальствомъ ихъ полковника въ Тульской губерніи, посажены въ двѣ различныя повозки и въ ту же минуту отправлены черезъ Москву въ Петербургъ, а купленныя ими вещи опечатаны и отосланы неизвѣстно куда[135]). Но какъ арестованіе и отвозъ въ Петербургъ сихъ австрійскихъ подданныхъ, имѣвшихъ паспорты надлежащіе и не учинившихъ никакого преступленія, учинены противозаконно, то весь монастырь проситъ австрійское посольство снестись съ тамошнимъ начальствомъ и исходатайствовать какъ можно скорѣе, чтобы эти невинно задержанные австрійскіе подданные были отпущены въ ихъ отечество — Бѣлую-Криницу, что въ Буковинѣ, вмѣстѣ съ закупленными вещами, безъ всякой остановки. Нужно еще замѣтить, что сіи люди поѣхали въ Россію въ концѣ января мѣсяца сего 1847 года и паспорты выданы имъ того же января 1847 года[136]).

---

[135]) Эти обстоятельства изложены здѣсь вполнѣ сходно съ запиской Ѳ. Великодворскому, брошенной Діонисіемъ на станціи: надобно полагать, что копію ея Павелъ получилъ въ Москвѣ и воспользовался содержащимися въ ней указаніями, какъ наиболѣе точными.

[136]) *Сборн. Мельник.* Кромѣ этого, переведеннаго съ нѣмецкаго подлинника, хранящагося въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, мы имѣемъ (изъ *сборн. о. Іоасафа)* другой списокъ прошенія, вѣроятно, черновой, повидимому Алимпіева сочиненія, съ котораго и сдѣланъ былъ нѣмецкій переводъ. Такъ какъ въ немъ есть нѣкоторыя отличія отъ приведеннаго сейчасъ, то печатаемъ и его.

Высокославное кесарокоролевское австрійское посланничество!

Монастырь Бѣлокрыница въ к. к. державной губерніи въ Галиціи въ Буковинѣ находящійся, для покупки книгъ, священныхъ одѣяній и разныхъ церковныхъ вещей, каковыхъ въ сей странѣ найти невозможно, послалъ здѣшнева жителя Геронтія Левонова, *съ однимъ слугою именемъ* Діонисіемъ Ушаковымъ, въ Россію, которые снабдѣнны пасомъ к. к. державной губерніи въ Галиціи отправились туда, т.-е. въ Москву.

А когда реченныя, для монастыря нужныя вещи тамъ уже купили, то они въ 9 день іюня (въ 28 мая) 1847 года изъ Москвы сюда къ дому отлучились и почти одно разстояніе отъ 60 верстъ прошли, захвачены были отъ императорскихъ жандармовъ, подъ предводительствомъ ихъ полковника, *которые преслѣдовали ихъ вшедшихъ на десять верстъ въ губернію Тульскую,* гдѣ они удержаны, на двухъ разныхъ повозкахъ въ самую ону минуту посажены и въ Питербургъ

Одновременно и такого же содержанія прошеніе подано было отъ монастыря чрезъ Крайзамтъ, „главному австрійскому правительству въ Вѣнѣ“. Павелъ съ братіей разсчитывалъ, что это столь расположенное къ нимъ правительство въ обидѣ ихъ не оставитъ[187]). Австрійскимъ правительствомъ дѣйстви-

---

отвезены, въ которое время ихъ купленныя вещи запечатаны и неизвѣстно куда отосланы.

А когда таковое арестованіе и отвезеніе въ Питербургъ сихъ двухъ к. к. австрійскихъ подданниковъ, которые съ правильнымъ пасомъ высокой к. к. губерніи снабдены и никакого порока или преступленія повинны не оказались, *противъ правды и противъ законовъ случилось, въ такомъ обстоятельствѣ, когда они свое путешествіе послѣ обычной публикаціи и по принятіи своего паса отъ русскоимператорскаго губернатора предвзяли.*

Для чего и просить вышеупомянутый монастырь, *вмѣстѣ со здѣшними предстоятели мѣста,* высокославное к. к. австрійское посольство содѣйствовать сколько можно скорѣе, чтобы наши безъ вины захваченные к. к. австрійскіе подданники *въ тотъ самый часъ* отпущены были и вмѣстѣ съ покупленными ими вещами непрепятственно возвращены въ свое отечество Бѣлокрыницу. Впрочемъ еще примѣтить нужно, что эти люди свое путешествіе въ Россію около конца генваря мѣсяца 1847 года наступили и ихъ пасъ подъ числомъ Генваря 1847 имъ данъ.

Бѣлая Крыница 12 іюля 1847 года.

Настоятель монастыря инокъ Дороѳей Никитинъ.

Полномочный депутатъ монастыря инокъ Алимпій.

Второй депутатъ инокъ Павелъ Васильевъ. Начальники села Бѣлокрыницы Ѳедоръ Петровъ, депутатъ Иванъ Кириловъ.

Поставленное здѣсь, а также и въ спискѣ Мельникова, число 24 (12) іюля, или по крайней мѣрѣ этотъ мѣсяцъ трудно допустить, имѣя въ виду письмо Павла, писанное несомнѣнно 2 сентября, въ которомъ говорится, что никакихъ свѣдѣній о Геронтіи у нихъ въ Бѣлой-Криницѣ не имѣется. Вообще, повторимъ, установить точную хронологію всѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ идетъ рѣчь, на основаніи записей Мельниковскаго сборника и даже записокъ Липранди, довольно трудно.

[187]) Еще въ іюлѣ Павелъ писалъ въ Москву: „Если бы мы узнали обстоятельно (что съ Геронтіемъ случилась какая непріятность въ Москвѣ), *стали бы утруждать свое главное правительство въ Вѣнѣ* чрезъ Алимпія Милорадова, и теперь находящагося еще тамъ, и надѣемся, уповая на милость Божію, что *въ обидѣ оставлены не будемъ*“ (*Переписка* т. I, стр. 115).

тельно начаты были дипломатическія сношенія съ нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Павелъ съ братіей время отъ времени наводили справки въ Вѣнѣ о результатахъ этихъ сношеній. Имъ отвѣчали, что дѣло „производится дипломатическимъ средствомъ между русскимъ и австрійскимъ иностранныхъ дѣлъ министрами“ и совѣтовали имѣть терпѣніе, въ ожиданіи, чѣмъ кончится[188]). Кончилось же оно совсѣмъ неожиданно для бѣлокриницкихъ дѣятелей: вмѣсто ожидаемаго извѣстія о возвращеніи Геронтія, 1 (13) декабря, чрезъ нарочно командированнаго крайзамтскаго чиновника, получено было отъ львовскаго губернатора Стадіона предписаніе самому Амвросію немедленно отправиться во Львовъ и явиться прямо къ нему, г-ну губернатору[189]). И Павелъ и самъ Амвросій были очень смущены этимъ неожиданнымъ вызовомъ, „неизвѣстно по какому дѣлу“[190]), вовсе не подозрѣвая, какъ видно, что онъ имѣетъ ближайшую связь съ дѣломъ о Геронтіи На слѣдующій же день, 2 (14) декабря, Амвросій отправился во Львовъ въ сопровожденіи Алимпія и трехъ монастырскихъ послушниковъ[191]).

12. Мѣры, предпринятыя русскимъ правительствомъ для удаленія Амвросія изъ Бѣлой-Криницы и для уничтоженія бѣлокриницкой митрополіи.

Дѣло Геронтія, его показанія при слѣдствіи, а еще болѣе разными путями добытыя тогда свѣдѣнія объ учрежденной въ австрійскихъ владѣніяхъ раскольнической архіерейской каѳедрѣ, достаточно раскрыли предъ нашимъ правительствомъ съ одной стороны вредныя для россійской церкви, а вмѣстѣ

---

188) См. *Переписку* т. I, стр. 116.

189) Это предписаніе „его преосвященству липованскаго закона г-ну Амвросію“, отъ 24 ноября (6 декабря) за № 14764, напечатано въ III ч. Павловой *Церков. Ист.* (стр. 200); что въ монастырь она доставлена 1-го (13) декабря, о томъ записано въ *Памятн.* подъ № 41.

190) Такъ именно записалъ Павелъ въ *Памятникѣ*.

191) *Памятн.* подъ тѣмъ же № 41.

и для русскаго государства цѣли, съ какими замыслили учредить и учредили ее тамъ бѣглые изъ Россіи раскольническіе иноки, съ другой — крайнюю недобросовѣстность, съ какою австрійское правительство, въ прямо враждебныхъ для Россіи видахъ, потворствовало этимъ замысламъ русскихъ бродягъ-раскольниковъ и допустило ихъ осуществленіе. Шефъ жандармовъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, по окончаніи слѣдственнаго дѣла о Геронтіи и соприкосновенныхъ его дѣлу лицахъ, представивъ на утвержденіе Государя Императора всеподданнѣйшій докладъ о наказаніяхъ, какимъ находили справедливымъ подвергнуть подсудимыхъ, сопроводили свой докладъ, какъ было уже упомянуто, особою пространною запискою, въ которой именно изложили, какъ противозаконно учреждена раскольническая митрополія въ Бѣлой-Криницѣ, какими опасностями угрожаетъ Россіи ея дальнѣйшее существованіе и какъ недобросовѣстно поступило австрійское правительство, дозволивъ съ явно враждебными Россіи цѣлями учрежденіе ея въ Буковинѣ[192]). Прочитавъ все это, Императоръ Николай Павловичъ выразилъ „сильное недовольство“ на австрійское правительство, что „въ дѣлѣ, столь близко касающемся внутренняго спокойствія его имперіи, правительство это такъ недостаточно заботилось о соблюденіи въ своихъ дѣйствіяхъ той внимательности, какой въ правѣ взаимно другъ отъ друга ожидать и требовать державы, находящіяся въ дружественныхъ отношеніяхъ“. Такое дѣйствованіе австрійскаго правительства Государь находилъ тѣмъ болѣе предосудительнымъ, что самъ онъ въ подобныхъ обстоятельствахъ дѣйствовалъ совсѣмъ иначе относительно Австріи. „Когда въ Европѣ появилось новое ученіе такъ называемыхъ неокатоликовъ, которое есть не что̀ иное, какъ расколъ въ нѣдрахъ римско-католической церкви, то, во вниманіе къ тому, что римско-католическая вѣра есть господствующая въ сосѣдней и дружественной съ Россіей австрійской имперіи, онъ даже прежде всякаго о томъ объясненія и требованія со стороны

[192]) О запискѣ этой см выше прим. 167.

австрійскаго правительства немедленно принялъ въ своемъ государствѣ мѣры, дабы ученіе сіе не распространилось, повелѣвъ тотчасъ высылать изъ Россіи новыхъ проповѣдниковъ, если бы они въ ея предѣлахъ появились". Поэтому Государь находилъ, что „на основаніяхъ строгой справедливости, при обоюдной дружбѣ, существующей между обѣими державами, онъ въ правѣ требовать, чтобы и австрійское правительство съ своей стороны въ томъ же духѣ дѣйствовало въ отношеніи раскольниковъ русскихъ".

Объ этомъ своемъ „недовольствѣ" и объ этомъ своемъ мнѣніи Императоръ Николай приказалъ шефу жандармовъ сообщить министру иностранныхъ дѣлъ „для дальнѣйшаго направленія", что́ и было исполнено въ особой нотѣ, составленной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для передачи канцлеру графу Нессельроде. Здѣсь, въ этой нотѣ, были сообщены краткія, но точныя свѣдѣнія объ учрежденіи бѣлокриницкой митрополіи, о значеніи ея для Россіи, о причиняемомъ ею вредѣ чрезъ постоянныя сношенія ея членовъ съ русскими раскольниками, какъ это обнаружилось въ дѣлѣ Геронтія, и наконецъ о недостойномъ поведеніи австрійскаго правительства, дозволившаго учрежденіе этой іерархіи и продолжающаго ей покровительствовать, чѣмъ и вызвано справедливое недовольство Государя, о которомъ должно быть извѣщено это правительство [193]). Прочитавъ ноту, заготовляемую для министра иностранныхъ дѣлъ, Императоръ Николай Павловичъ призналъ нужнымъ употребить еще большую настойчивость въ своихъ требованіяхъ справедливости отъ австрійскаго правительства, и собственноручно начерталъ на ней слѣдующія достопамятныя слова, вполнѣ достойныя великой души этого монарха, такъ постоянно и твердо охранявшаго безопасность, достоинство и благо Россіи и православной россійской церкви:

Сообщить г. Нессельроду, съ тѣмъ, чтобы повторилъ мое рѣшительное требованіе отъ австрійскаго правительства, чтобы мнимый монастырь былъ немедленно закрытъ, а самозванецъ

193) Нота напечатана у Липранди въ *Чт. Общ. ист.* стр. 173—177.

епископъ высланъ какъ бродяга, и объявить австрійскому правительству, что ежели Я не получу скораго удовлетворенія въ справедливыхъ моихъ настояніяхъ, Я вынужденъ буду прибѣгнуть къ другимъ, крайне мнѣ прискорбнымъ, мѣрамъ[194]).

Во исполненіе такой и столь рѣшительно выраженной воли Государя министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде предписалъ нашему посланнику въ Вѣнѣ войти съ представленіемъ къ австрійскому правительству о пагубномъ вліяніи, какое имѣетъ у насъ въ Россіи на раскольниковъ учрежденіе между ихъ единовѣрцами въ Буковинѣ архіерейской каѳедры, о противозаконныхъ дѣйствіяхъ учредителей этой каѳедры — бѣглыхъ русскихъ монаховъ-раскольниковъ, живущихъ въ Бѣлой-Криницѣ, и бѣглаго греческаго митрополита Амвросія, затѣмъ настоятельно домогаться удаленія Амвросія изъ незаконно учрежденной имъ раскольнической митрополіи въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, а равно и упраздненія самаго этого монастыря

Такимъ образомъ дѣло Геронтія и Діонисія не ограничилось однимъ заключеніемъ того и другаго въ русскихъ крѣпостяхъ: ему предстояло оказать рѣшительное вліяніе на судьбу Амвросія и отчасти самаго Бѣлокриницкаго монастыря. Понятно, что австрійскому правительству было уже не до того, чтобы требовать, согласно прошенію бѣлокриницкихъ депутатовъ, возвращенія арестованнаго Геронтія, который былъ именно однимъ изъ главныхъ дѣятелей по учрежденію незаконной раскольнической іерархіи. При томъ же оно не могло не знать, что хотя Геронтій имѣлъ „надлежащій“ австрійскій паспортъ, но тѣмъ не менѣе фальшивый, выданный на имя „подрядчика“ Леонова, а не на имя настоятеля Бѣлокриницкаго монастыря и архимандрита, какимъ Геронтій официально считался въ австрійскихъ владѣніяхъ, и хотя на имя австрійскаго подданнаго, но въ дѣйствительности бывшаго однимъ изъ бѣглыхъ русскихъ раскольниковъ. Вмѣсто дипломатическихъ ходатайствъ въ Россіи за Геронтія австрійскому

---

[194]) *Сборн. Кельс.* вып. I, стр. 152.

правительству приходилось позаботиться объ удовлетвореніи справедливыхъ и съ такою внушительною настойчивостію выражаемыхъ ему самому требованій русскаго правительства относительно учрежденной въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ липованской митрополіи. Надеждамъ Павла на возвращеніе его друга и сотрудника, которыя поддерживало въ немъ благодѣтельное австрійское правительство, совѣтуя терпѣливо ожидать окончанія дипломатическихъ сношеній съ русскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, такимъ образомъ не суждено было исполниться.

13. Мѣры, предпринятыя церковною властію для возвращенія Амвросія къ повиновенію церкви, или же для его осужденія.

Въ то же время, и даже нѣсколько ранѣе предложенныхъ австрійскому правительству требованій отъ русскаго императорскаго посла въ Вѣнѣ, православною церковною властію начаты были попытки возвратить Амвросія отъ гибельнаго пути антиканоническихъ дѣйствій къ повиновенію церкви, подъ угрозою въ противномъ случаѣ быть подвергнутымъ строгому наказанію по силѣ церковныхъ каноновъ.

По прошествіи болѣе четырехъ мѣсяцевъ съ того времени, какъ Амвросій тайно бѣжалъ изъ Константинополя, когда объ его бѣгствѣ у цареградскихъ духовныхъ властей уже не могло быть сомнѣній и когда прошелъ слухъ, что онъ скрывается въ Австріи, въ какомъ-то монастырѣ близъ Вѣны, тогда, именно въ октябрѣ 1846 г., константинопольскій патріархъ Анѳимъ, вовсе не думая, что Амвросій бѣжалъ къ раскольникамъ, полагая напротивъ, что монастырь, гдѣ онъ скрывается, изъ числа православныхъ и находится въ вѣдѣніи православнаго карловицкаго митрополита Іосифа, рѣшился отправить къ этому послѣднему грамоту о скрывшемся изъ Константинополя бывшемъ босносараевскомъ митрополитѣ. Въ этой грамотѣ патріархъ Анѳимъ, сказавши о бѣгствѣ Амвросія и о томъ, что есть слухъ, будто онъ скрывается въ какомъ-то монастырѣ въ окрестностяхъ Вѣны (*κατέφυγε καὶ*

εὑρίσκεται εἰς μοναστήριόν τι, κείμενον εἰς τὰ περὶ τῆς Βιέννης μέρη), находящемся подъ вѣдѣніемъ карловицкаго митрополита, доводитъ до свѣдѣнія Іосифа, что Амвросій за свое бѣгство *(διὰ τὸ κίνημα τῆς φυγῆς)* подлежитъ суду и не можетъ канонически совершать архіерейскія священнодѣйствія, почему и онъ, митрополитъ Іосифъ, не долженъ дозволять ему совершенія такихъ священнодѣйствій. Въ заключеніе же патріархъ Аѳеимъ просилъ митрополита Іосифа прислать извѣстіе, дѣйствительно ли бѣглецъ Амвросій находится въ его епархіи[195]). Потому ли, что патріаршая грамота не была получена Іосифомъ, или по чему другому, только патріархъ Аѳеимъ отвѣта на нее не получилъ и попрежнему находился въ невѣдѣніи о томъ, гдѣ именно пребываетъ Амвросій.

Потомъ, уже въ то время, какъ Геронтій находился въ Москвѣ подъ тщательнымъ надзоромъ командированнаго для сей цѣли министерскаго чиновника и когда у насъ разными путями дознано было, что явившійся у раскольниковъ въ Бѣлой-Криницѣ митрополитъ Амвросій бѣжалъ туда изъ Константинополя, нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, по Вы-

---

[195]) Патріаршая грамота помѣчена 14-мъ октября. Списокъ ея на греческомъ языкѣ, въ недавнее время сдѣланный въ патріаршемъ константинопольскомъ архивѣ, имѣется у насъ. Эта грамота представляетъ большую важность для рѣшенія вопроса, какъ смотритъ греческая церковь на Амвросія и совершонныя имъ въ расколѣ мнимоархіерейскія дѣйствія, т.-е. на произведенныя имъ поставленія въ священные саны, а слѣд. и на самую австрійскую іерархію. Если патріархъ признавалъ Амвросія *за бѣгство* подлежащимъ суду и не имѣющимъ канонически права совершать архіерейскія священнодѣйствія *даже для православныхъ, въ православномъ монастырѣ*, а православному митрополиту воспрещалъ допускать его до такихъ священнодѣйствій, то очевидно, что, по его мнѣнію, тѣмъ паче недозволительны, незаконны и недѣйствительны священнодѣйствія бѣгледа-Амвросія у раскольниковъ, въ его раскольнической митрополіи. И здѣсь принята во вниманіе еще только одна вина Амвросія — бѣгство *(κίνημα τῆς φυγῆς)*; а затѣмъ слѣдуетъ принять во вниманіе его отступленіе отъ церкви, въ которой онъ принялъ рукоположеніе, проклятіе ея, произнесенное имъ торжественно, и попраніе ея таинствъ чрезъ подчиненіе новому, раскольническому муропомазанію.

сочайшему повелѣнію, предписано было управлявшему миссіей въ Константинополѣ г-ну Устинову собрать точныя свѣдѣнія о бѣжавшемъ оттуда въ Бѣлую-Криницу греческомъ архіереѣ и съ этою цѣлію обратиться именно къ константинопольскому патріарху. Это было въ мартѣ 1847 года. Г. Устиновъ явился къ патріарху за требуемыми свѣдѣніями, и патріархъ отвѣтилъ ему, что дѣйствительно восемь мѣсяцевъ тому назадъ одинъ епископъ, бывшій боснійскій, Амвросій, отставленный отъ управленія своего епархіей и проживавшій въ Константинополѣ въ бѣдномъ положеніи, при оказываемыхъ ему впрочемъ ежемѣсячныхъ пособіяхъ отъ патріарха, вне запно скрылся неизвѣстно куда, и когда дошли свѣдѣнія, что бѣглецъ этотъ нашелъ убѣжище въ Австріи, въ монастырѣ близъ Вѣны, то онъ, патріархъ, посланіемъ 14-го октября 1846 года, вошелъ въ сношеніе съ православнымъ митрополитомъ карловицкимъ Іосифомъ, котораго спрашивалъ, въ его ли епархіи находится Амвросій, и предупреждалъ, чтобы Іосифъ не дозволялъ ему никакихъ архіерейскихъ дѣйствій, но отвѣта на свое посланіе отъ митрополита не получилъ. Тогда г. Устиновъ объявилъ патріарху, что находящійся нынѣ у раскольниковъ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ ихъ митрополитъ есть несомнѣнно этотъ Амвросій, бѣжавшій изъ Константинополя, и просилъ послать карловицкому митрополиту новую грамоту, въ которой объяснить ему съ бо́льшею противъ прежняго опредѣлительностью, какъ успѣлъ Амвросій проникнуть въ Буковину, къ раскольникамъ, и сколь необходимо, въ видахъ охраненія вѣры и поддержанія достоинства церкви, обличить его въ ложно-присвояемомъ значеніи и удалить изъ мѣста, гдѣ присутствіе его не можетъ быть долѣе терпимо безъ важныхъ и несомнѣнно вредныхъ послѣдствій[196]). Вскорѣ же послѣ свиданія съ г. Устиновымъ, именно 12 марта, патріархъ Анѳимъ дѣйствительно написалъ и отправилъ къ митрополиту Іосифу новую грамоту, въ которой, упомянувъ, что имѣетъ вѣрныя свѣдѣнія о нахожденіи Амвросія

196) *Сборн. Кельс.* вып. II, стр. 293—294.

въ какомъ-то *еретическомъ* монастырѣ, въ предѣлахъ Вѣны, состоящихъ подъ управленіемъ карловицкаго митрополита (*ἐδραπέτευσε καὶ κατέφυγεν εἰς μονὴν αἱρετικῶν, κειμένην κατὰ τὰ μέρη τῆς Βιέννης ὑπὸ τὴν δικαιοδοσίαν τῆς φίλης ἡμῖν ἱερότητος σῆς*), снова просилъ не дозволять Амвросію архіерейскихъ священнодѣйствій, какъ виновному въ самовольной отлучкѣ, безъ дозволенія законной власти, и выслать его въ Константинополь въ распоряженіе церкви[197]). Эта грамота несомнѣнно получена была Іосифомъ (какъ по всей вѣроятности получена была и первая); но исполнить требованіе патріарха онъ не видѣлъ возможности, такъ какъ Амвросій находился внѣ всякой зависимости отъ него и былъ подъ особымъ покровительствомъ австрійскаго католическаго правительства, къ которому безполезно было поэтому и обращаться съ какими-либо противъ него предъявленіями, какъ это и случилось уже съ черновицкимъ митрополитомъ Евгеніемъ, тщетно старавшимся воспрепятствовать учрежденію раскольнической архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ[198]).

Болѣе сильное и рѣшительное движеніе дѣлу объ употребленіи противъ Амвросія строго-церковныхъ мѣръ дано было московскимъ митрополитомъ Филаретомъ Прочитавъ конфиденціально сообщенную ему депешу г. Устинова о свиданіи съ патріархомъ Анѳимомъ и объясненіяхъ съ нимъ относительно Амвросія, московскій архипастырь нашелъ, что „сношеніе по сему предмету съ святѣйшимъ патріархомъ константинопольскимъ могло бы произойти посредствомъ каноническаго къ

---

197) Принадлежащій намъ списокъ грамоты, находящейся въ патріаршемъ архивѣ. Копія этой грамоты сообщена была патр. Анѳимомъ г. Устинову, а симъ послѣднимъ доставлена въ Петербургъ министру иностранныхъ дѣлъ, который въ свою очередь сообщилъ ее оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода (*Сборн. Кельс.* вып. II, стр. 296).

198) По полученіи второй патріаршей грамоты карловицкій митрополитъ однако имѣлъ намѣреніе войти съ докладомъ объ Амвросіи къ австрійскому императору, о чемъ предварительно сносился съ митрополитомъ черновицкимъ. Слухами объ этомъ, сообщенными будто бы секретаремъ черновицкаго митрополита, и былъ въ свое время очень смущенъ Амвросій. См выше прим. 86 и текстъ къ нему.

нему посланія отъ Святѣйшаго Синода, кромѣ личнаго переговора со стороны дѣйствительнаго статскаго совѣтника Устинова“[199]). Руководясь этою вполнѣ справедливою мыслію, что по дѣлу, столь близко касающемуся обѣихъ единовѣрныхъ и въ неразрывномъ общеніи находящихся церквей, константинопольской и россійской, въ сношенія съ патріархомъ долженъ войти непосредственно Святѣйшій Синодъ, тогда какъ участіе здѣсь свѣтскаго правительственнаго лица не вполнѣ удобно и канонически не вполнѣ правильно, митрополитъ Филаретъ призналъ нужнымъ съ своей стороны войти по сему дѣлу съ представленіемъ въ Святѣйшій Синодъ. Въ представленіи этомъ, отъ 10 апрѣля 1847 г., съ свойственною ему проницательностію и ясностію мысли, онъ изложилъ, какими опасностями угрожаетъ православной церкви, особливо въ московскихъ предѣлахъ, пріобрѣтеніе раскольниками собственнаго архіерея за границей, съ которымъ уже и начаты ими сношенія, какъ противно канонамъ церковнымъ это учрежденіе раскольнической архіерейской каѳедры бывшимъ греческимъ митрополитомъ, состоявшимъ подъ властью константинопольскаго патріарха, и какъ посему необходимо, чтобы Святѣйшій Синодъ вошелъ въ каноническія сношенія съ патріархомъ по сему, столь близко касающемуся его, дѣлу въ видахъ пресѣченія имѣющихъ произойти отсюда вредныхъ для церкви послѣдствій. Онъ писалъ:

Распространился слухъ, что пограничные раскольники вошли въ сношеніе съ заграничными и достигли того, что имѣютъ въ австрійскихъ владѣніяхъ архіерея... Гласность о семъ въ Москвѣ сдѣлалась значительна и есть свѣдѣніе.. что отъ раскольническаго заграничнаго архіерея былъ уже въ Москвѣ посланный, входилъ съ рогожскими раскольниками въ сношеніе и получилъ отъ нихъ денежныя пособія[200]). Нѣтъ сомнѣ-

---

[199]) *Собр. мнѣній и отз.* митр Филарета, т. III, стр. 229.

[200]) Ясно, что даже и самъ митр. Филаретъ не зналъ о томъ, что въ то время, какъ онъ писалъ это, въ Москвѣ находился самъ настоятель Бѣлокриницкаго монастыря — Геронтій, прибывшій именно для привлеченія московскихъ старообрядцевъ подъ паству заграничнаго ихъ архіерея и для пріобрѣтенія отъ нихъ денежныхъ пособій,

нія, что московскіе расколоводители поповщинскаго толка смотрятъ на сіе, какъ на свѣтлую для себя зарю. Теперь они могутъ внушить своимъ послѣдователямъ, что ихъ общество укрѣпляется и возвышается, потому что имѣетъ уже архіерея, и притомъ признаннаго правительствомъ[201]); что теперь значительно у нихъ уменьшается опасеніе лишиться священниковъ, которыхъ въ случаѣ нужды можно достать изъза границы[202]); что при такихъ обстоятельствахъ можно рѣшительнѣе прежняго удаляться отъ всякаго сношенія съ россійскимъ обще-православнымъ и единовѣрческимъ священствомъ. Очевидно, что здѣсь является новая сильная преграда сближенію рогожскихъ раскольниковъ съ православною церковію.

Таковое новое покушеніе раскольниковъ утвердить и усилить расколъ не должно быть оставлено безъ вниманія духовнаго начальства. Попущеніе отвлечь православнаго архіерея къ общенію съ раскольниками есть немаловажный случай для церкви и православія. Есть церковныя правила, которыхъ силу православная іерархія обязана обратить противъ сего случая, и въ семъ найти средство къ обезопасенію мира церковнаго и къ сокрушенію опоры, которую расколъ думаетъ поставить себѣ образованіемъ собственной раскольнической іерархіи[203])...

Какъ найденный раскольниками въ австрійскихъ владѣніяхъ и усвоенный ими архіерей по всей вѣроятности принадежитъ къ вѣдомству патріархіи константинопольской, то долгомъ поставляю смиренно представить на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода, не признано ли будетъ возможнымъ и должнымъ войти въ каноническое сношеніе съ константинопольскимъ патріархомъ и синодомъ, а, смотря по надобности, и съ прочими православными патріархами, чтобы сообщившійся съ

равно какъ и о томъ, что надъ Геронтіемъ учрежденъ въ Москвѣ бдительный надзоръ.

[201]) Разумѣется, конечно, австрійскимъ.

[202]) Митр. Филаретъ, какъ видно, и не представлялъ еще тогда возможности, что русскіе раскольники получатъ изъ-за границы даже архіереевъ, которыхъ развелось теперь у нихъ такое множество и для поставленія которыхъ они давно уже не имѣютъ нужды обращаться и за границу.

[203]) За симъ указываются каноническія правила, подвергающія отлученію отъ церкви входящихъ въ общеніе съ отлученными, — тѣ самыя, которыя приведены потомъ въ синодальномъ посланіи къ константинопольскому патріарху.

раскольниками архіерей былъ отъ сей погрѣшности исправленъ и сообщеніе съ ними прекратилъ, а въ противномъ случаѣ былъ подвергнутъ силѣ церковныхъ правилъ[204]).

Тогда же митрополитъ Филаретъ составилъ и вмѣстѣ съ представленіемъ препроводилъ въ Святѣйшій Синодъ проектъ желаемаго синодальнаго посланія къ патріарху Анѳиму.

Полученное Святѣйшимъ Синодомъ отъ московскаго митрополита представленіе доведено было синодальнымъ оберъ-прокуроромъ до свѣдѣнія Государя Императора, и тогда же послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „при участіи государственнаго канцлера иностранныхъ дѣлъ, предоставить Святѣйшему Синоду войти, посредствомъ каноническаго посланія, въ сношеніе съ святѣйшимъ патріархомъ константинопольскимъ, чтобы переселившійся въ Буковину греческій архіерей былъ, на основаніи каноническихъ постановленій, подвергнутъ, сверхъ настоящаго запрещенія, церковному осужденію и отлученію, если онъ не загладитъ своего преступленія, немедленно явясь къ патріарху съ принесеніемъ раскаянія въ ономъ, прекративъ всякое сообщеніе съ раскольниками, торжественно осудивъ оное и всѣ свои дѣйствія въ Буковинѣ признавъ грѣховными и мятежными“[205]). Тогда, именно 30 іюня 1847 года, было подписано членами Святѣйшаго Синода слѣдующее, буквально сходное съ полученнымъ отъ митрополита Филарета проектомъ, посланіе „святѣйшему Анѳиму, архіепископу Константинополя, новаго Рима, вселенскому патріарху“[206]):

Православная всероссійская церковь, по началу своему дщерь святыя константинопольскія церкви, всегда тщилась и тщится сохранять съ нею и со вселенскою церковію восточнаго исповѣданія единомысліе вѣры и единодушное общеніе.

---

[204]) *Собр. мнѣній и отз.* митр. Филарета, т. III, стр. 231—232.

[205]) Изъ предложенія Св. Синоду исправлявшаго должность оберъ-прокурора д. с. сов. Карасевскаго въ маѣ 1847 г. *(Сбор Кельс.* вып. II, стр. 295).

[206]) Приводится по печатнымъ изданіямъ въ *Сборн. Кельс.* (т. II, стр. 296—297) и въ *Собр. мнѣній и отз.* митр. Филарета (т. III, стр. 233—234).

Въ настоящее время имѣемъ[207]) особую причину указать на примѣръ таковыхъ отношеній изъ церковныхъ событій седьмагонадесять столѣтія. Когда всероссійская церковь возъимѣла нужду вновь удостовѣриться въ правости нѣкоторыхъ чиноположеній и обрядовъ противъ нѣкіихъ сомнящихся и непокорствующихъ[208]), она пріобрѣла сіе удостовѣреніе чрезъ совѣщаніе съ церковію константинопольскою[209]), какъ свидѣтельствуетъ грамота святѣйшаго патріарха Парѳенія и бывшаго съ нимъ собора[210]) 1654 года.

Въ увѣренности, что такое единодушное попеченіе объ общемъ мирѣ и благосостояніи церквей продолжается и продолжится такъ же неизмѣнно, какъ неизмѣнно Господне обѣтованіе, что врата адова не одолѣютъ церкви Его, мы обязанностію почитаемъ обличить предъ вашимъ святѣйшествомъ и сущимъ съ вами синодомъ случай, столько же оскорбительный для достоинства константинопольской іерархіи, сколь неблагопріятный для церкви россійской. Извѣстнымъ сдѣлалось намъ, что нѣкій епископъ Амвросій, удаленный отъ управленія боснійскою епархіею и пребывавшій въ Константинополѣ подъ кровомъ милосердія патріаршаго вселенскаго престола, внезапно сдѣлавшись и непокоренъ и неблагодаренъ, безъ благословенія вашего святѣйшества удалился въ Буковину, и тамъ вошелъ въ общеніе съ людьми, подобно ему, непокорными, которые, упорно держась нѣкоторыхъ несогласныхъ съ церковію обрядовъ, еще отъ предковъ, отлучили себя отъ нея и хуленія на нее возносятъ, а потому и святою церковію отъ общенія отлучены постановленіемъ московскаго собора лѣта 1667, которое и восточными блаженнѣйшими патріархами Паисіемъ александрійскимъ и Макаріемъ антіохійскимъ и другими отъ священнаго чина восточной церкви утверждено, и неблагословенный оный у неблагословенныхъ священная дѣйствовать началъ.

---

207) У Кельс. неправильно напечатано: *имѣетъ*.

208) Въ *Собр. мнѣній* напечатано: *непорядствующихъ*. Вѣроятно это слово неправильно прочитано, такъ какъ посланіе печатано здѣсь съ черноваго автографа, а митр. Филаретъ писалъ не всегда разборчиво.

209) Въ *Собр. мнѣній* здѣсь пропущены три слова, отчего совсѣмъ нарушенъ смыслъ рѣчи, — напечатано: „она пріобрѣла удостовѣреніе съ церковью константинопольскою“.

210) Въ *Собр. мнѣній* опять неправильно напечатано съ явнымъ нарушеніемъ смысла: „и бывшаго въ томъ соборѣ“.

Мудрость ваша не требуетъ отъ насъ изъясненія, какой судъ на таковыхъ неправедныхъ, нарушающихъ миръ церковный, дѣлателей изрекаютъ священныя правила, и особенно десятое св Апостолъ, второе Антіохійскаго и тридесятъ пятое Лаодикійскаго соборовъ.

Но по общему долгу охраненія мира церковнаго и по предосторожности, чтобы зло раскола не распространялось, мы не можемъ остаться бездѣйственными зрителями столь дерзновеннаго нарушенія священныхъ правилъ, и сего ради убѣждаемъ и молимъ ваше святѣйшество употребить силу сихъ самыхъ церковныхъ правилъ и данной вамъ отъ Бога власти, чтобы пресѣчь сей новый соблазнъ, чтобы побудить непокорнаго епископа принести покаяніе, отвергнуть и осудить общеніе раскольническое и возвратиться въ истинное общеніе церковное, а въ противномъ случаѣ осудить его съ самоосужденными, къ которымъ онъ пріобщился, и если онъ отважился совершать неблагословенныя рукоположенія, то и оныя силою церковныхъ правилъ упразднить.

Верховнаго же Пастыреначальника, прошедшаго небеса, Господа нашего Іисуса Христа, смиренно молимъ, да своею божественною благодатію, обильно на служеніе ваше изліянною, выну[211]) споспѣшествуетъ вамъ, посредствомъ руководимыхъ вами добрыхъ пастырей, невредимо соблюдать стадо Божіе отъ наемниковъ, которые пасутъ себя самихъ, а не овецъ Господнихъ, и потомъ бѣгутъ и предаютъ овецъ еще худшимъ себя волкамъ, не щадящимъ стадо.

Посланіе это оберъ-прокуроромъ Св. Синода доставлено было министру иностранныхъ дѣлъ, который, согласно Высочайшему повелѣнію, препроводилъ его по принадлежности въ Константинополь для врученія патріарху Анѳиму.

Патріархъ не замедлилъ исполнить желаніе россійскаго Святѣйшаго Синода. 8-го августа онъ уже приготовилъ надлежащаго содержанія грамоту на имя Амвросія Доставить ее по назначенію онъ не нашелъ болѣе удобнаго способа, какъ чрезъ посредство того же карловицкаго митрополита Іосифа, какъ высшаго представителя православной церкви въ Австрійской имперіи, которому и написалъ по сему случаю новое, третье уже, письмо объ Амвросіи. Здѣсь, упомянувъ о двухъ

---

211) Въ *Сборн. Кельс.* безграмотно: *изліянную, вину.*

прежнихъ письмахъ и выразивъ удивленіе, что не получилъ на нихъ отвѣта, предполагая поэтому, что они даже не были получены Іосифомъ, патріархъ Анѳимъ повторяетъ, что̀ писалъ въ нихъ о бѣгствѣ Амвросія изъ Константинополя и какъ требовалъ, чтобы этому бѣглецу не было дозволяемо въ австрійскихъ предѣлахъ совершеніе архіерейскихъ священнодѣйствій. А теперь,— писалъ онъ далѣе,— слышимъ, что Амвросій не только служитъ, но и совершаетъ хиротонію „надъ лицами неизвѣстными и не испытаннаго образа мыслей, какъ относительно вѣры, такъ и относительно нравственности, за что̀ подлежитъ наказанію по церковнымъ правиламъ (которыя и привелъ), если не окажетъ раскаянія въ своихъ поступкахъ и не возвратится на свое мѣсто. Въ заключеніе патріархъ просилъ митрополита Іосифа вручить Амвросію прилагаемое посланіе на его имя и предупредить его, что если не послушаетъ гласа призывающей его, чрезъ это посланіе, матери-церкви, то съ нимъ будетъ поступлено по всей строгости церковныхъ законовъ [212]).

Патріаршее посланіе къ Амвросію изложено въ выраженіяхъ весьма строгихъ, хотя и съ обѣщаніемъ полнаго ему прощенія въ томъ случаѣ, если раскается въ своихъ беззаконныхъ дѣйствіяхъ, осудитъ ихъ и окажетъ должное повиновеніе церковной власти [213]). „Учиненное тобою, — писалъ Амвросію патріархъ, — безразсудное, безумное бѣгство и противное священнымъ канонамъ удаленіе отъ церкви *(ἡ ἄκριτος καὶ παράλογος φυγὴ σοῦ καὶ ἡ ἀντιβαίνουσα τοῖς ἱεροῖς νόμοις ἀποσχίρτησις σοῦ ἀπὸ τῆς ἐκκλησίας)*, которою ты былъ облагодѣтельствованъ и почтенъ, составляетъ тяжкое съ твоей стороны преступленіе, а твоя дерзость, съ какою при этомъ занимаешься совершеніемъ архіерейскихъ дѣйствій, рукопо-

---

212) Имѣющійся у насъ списокъ патріаршаго письма къ Іосифу на греческомъ языкѣ.

213) Посланіе это, въ темномъ и невразумительномъ переводѣ на славянскій языкъ, находится въ *Бѣлокр. арх.* и напечатано въ III ч. Павловой Церков. Ист.; у насъ имѣется списокъ греческаго ея текста, сдѣланный въ архивѣ константинопольской патріархіи.

лагая лицъ сомнительнаго благочестія, есть великій духовный грѣхъ". Затѣмъ патріархъ упоминаетъ, что при первыхъ же слухахъ объ этихъ преступныхъ дѣйствіяхъ Амвросія, дважды писалъ объ нихъ къ карловицкому митрополиту Іосифу, котораго просилъ — убѣдить его, Амвросія, чтобы возвратился къ повиновенію церкви, а въ противномъ случаѣ воспретить ему всякія священнодѣйствія въ австрійскихъ владѣніяхъ. „Однако, — продолжаетъ патріархъ, — никакого послушанія съ твоей стороны мы не видимъ, напротивъ ты продолжаешь свои антиканоническія дѣйствія, производишь рукоположенія неизвѣстныхъ и неиспытанныхъ лицъ (*ἄγνωστα καὶ ἀνεξέταστα πρόσωπα*), злоупотребляя своимъ архіерейскимъ званіемъ (*καταχρώμενος τοῦ ἀρχιερατικοῦ ἐπαγγέλματος*) и безъ зазрѣнія совѣсти попирая священные каноны (*καὶ καταπατῶν τοὺς ἱεροὺς κανόνας, ἄνευ ἐλέγχου τῆς συνειδήσεως σοῦ*), каковыми дѣйствіями привелъ насъ въ немалое смятеніе" (*διετάραξας ἡμᾶς οὐ μικρόν*). А 15-е и 35-е апостольскія правила, также 13-е четвертаго вселенскаго собора[214]), и многія другія, какъ

[214]) Въ грамотѣ приводится и самый текстъ этихъ правилъ, которыми подвергаются извержению изъ сана священныя лица, самовольно оставляющія мѣсто своего служенія, безъ вѣдома своего епископа начинающія служить въ другомъ мѣстѣ и, по приглашеніи возвратиться, остающіяся непослушными. Правила эти несомнѣнно имѣютъ приложеніе къ Амвросію; но достойно вниманія и удивленія, что патріархъ Аѳиній не привелъ вмѣстѣ и тѣхъ правилъ, которыя указаны въ посланіи къ нему россійскаго Святѣйшаго Синода и по силѣ которыхъ Амвросій осуждается, какъ вошедшій въ общеніе съ осужденными, отлученными отъ церкви,— достойно удивленія, что и вообще патр. Аѳиній не принялъ во вниманіе ясно указаннаго въ этомъ посланіи Амвросіева перехода къ раскольникамъ, пребыванія и дѣйствованія у нихъ въ качествѣ митрополита, что̀ имѣетъ особенную важность, напротивъ продолжаетъ смотрѣть на Амвросія, какъ будто на дѣйствующаго, хотя незаконно, у кого-то изъ православныхъ, живущихъ въ австрійской имперіи и состоящихъ въ вѣдѣніи карловицкаго митрополита, хотя самъ же, во второмъ посланіи къ Іосифу, упоминаетъ, что Амвросій находится у „еретиковъ". Здѣсь, кажется, сказалось то же полное и съ его стороны невѣдѣніе о русскомъ расколѣ, какимъ отличалось (и не отличается ли доселѣ?) все греческое

и самому тебѣ не безъизвѣстно, подвергаютъ и тебя и дерзостныя дѣйствія твоихъ рукоположеній силѣ тягчайшихъ наказаній (*ἀποδεικνύουσι καὶ σεαυτὸν καὶ τὰς τολμηείσας πράξεις τῶν χειροτονίων σοῦ ὑπὸ εὐθύνην βαρυτάτων ἐπιτιμίων*). Въ заключеніе же патріархъ писалъ: „Настоящая наша правительственная церковная епистолія (*ἡ παροῦσα διευθυντομεία ἐκκλισιαστικὴ ἡμῶν ἐπιστολὴ*) посылается для того, чтобы ты, внимательно разсудивъ о всемъ и выразумѣвъ указанныя церковныя правила, пришелъ въ себя, послушался призывающаго гласа церкви и возвратился къ ней. Видя твое раскаяніе, она не только удостоитъ тебя прощенія и оставленія, но и будетъ имѣть о тебѣ попеченіе съ своею обычною любовію и расположеніемъ, которыми ты и прежде пользовался (*τῇ συνήθει φιλοστόργῳ αὐτῆς διαθέσει, ἧς πεῖραν ἔλαβες καὶ ἄλλοτε πρότερον*)[215]; въ противномъ же случаѣ, если окажешься невнимательнымъ и непослушнымъ и будешь упорствовать въ своемъ противномъ священнымъ канонамъ поведеніи, твердо знай, что послѣдуетъ изверженіе твоего архіерейства, согласно божественнымъ и священнымъ канонамъ и правиламъ, которыя ты дерзнулъ попрать, и не только самъ подвергнутъ будешь строгости пра-

---

духовенство и которое было главной причиной гибельныхъ и столь прискорбныхъ для церкви поступковъ Амвросія. А казалось бы, сдѣланное въ синодальномъ посланіи указаніе на соборъ 1667 г., бывшій подъ предсѣдательствомъ восточныхъ патріарховъ, должно было остановить на себѣ особое вниманіе константинопольскаго патріарха и синода. Вообще, какая великая разность между посланіемъ Святѣйшаго Синода къ патріарху Анѳиму, которое съ такимъ неподражаемымъ совершенствомъ было написано митрополитомъ Филаретомъ, и этой епистоліей патріарха Анѳима къ Амвросію!

[215]) Въ славянскомъ переводѣ, который напечатанъ и въ Павловой церковной *Исторіи*, здѣсь въ видѣ объясненія прибавлено: „то-есть на другую епархію лучшую“. Въ подлинникѣ этихъ словъ вовсе не находится. А между тѣмъ именно это обстоятельство, что Амвросій не пожелалъ имѣть будто бы и обѣщанной ему лучшей епархіи въ константинопольскомъ патріархатѣ, нынѣшними раскольническими писателями приводится въ доказательство несомнѣнной якобы преданности Амвросія мнимому старообрядчеству.

веднаго церковнаго наказанія, но вмѣстѣ навлечешь тѣ же наказанія и на всѣхъ, кого дерзостно рукоположилъ, подлежащихъ осужденію, какъ безвѣстныхъ и не священныхъ, согласно смыслу и рѣшенію священныхъ законовъ"[216]).

Получивъ это посланіе, митрополитъ Іосифъ, надобно полагать, поставленъ былъ въ нѣкоторое затрудненіе. Какъ доставить его Амвросію, съ которымъ доселѣ ни въ какихъ сношеніяхъ и отношеніяхъ не находился (чего патріархъ, очевидно, не зналъ)? Да и какая польза доставить его именно Амвросію, который, находясь подъ вліяніемъ Павла и въ полномъ распоряженіи раскольниковъ, безъ сомнѣнія, не обратилъ бы никакого вниманія на грозный призывъ патріарха и оставилъ бы его посланіе безъ всякаго отвѣта? Принявъ все это во вниманіе, м. Іосифъ разсудилъ, вполнѣ справедливо, что полученное имъ патріаршее посланіе Амвросію всего удобнѣе препроводить въ Вѣну, на разсмотрѣніе императорскаго австрійскаго правительства, которымъ, на основаніи дипломатическихъ справокъ въ Константинополѣ, дозволено безпрепятственное пребываніе Амвросію въ Буковинѣ на правахъ липованскаго митрополита и которое, если найдетъ нужнымъ, можетъ само сообщить его Амвросію для надлежащаго отвѣта. Онъ такъ и поступилъ. Австрійское правительство, при всемъ своемъ потворствѣ липованской митрополіи и самому Амвросію, не могло оставить безъ вниманія грамоту константинопольскаго патріарха съ такими тяжкими противъ Амвросія обвиненіями, послѣ того особенно, какъ отъ

---

216) Приводимъ и подлинный греческій текстъ этого мѣста патріаршей грамоты, имѣющаго особенную важность для рѣшенія вопроса о законности, или незаконности основанной Амвросіемъ іерархіи. *ἐὰν φανῇ ἀπειθὴς καὶ παρήκοος, καὶ ἐπιμένων τῇ παρὰ τοὺς ἱεροὺς κανόνας διαγωγῇ, γίνωσκε βεβαίως, ὅτι θέλει ἐκδοθῇ ἡ καθαίρεσις τῆς ἀρχιερωσύνης σοῦ, συμφώνως τοῖς θείοις καὶ ἱεροῖς νόμοις καὶ κανόσι, τοῖς ὁποίους ἐτόλμησας νὰ καταπατήσῃς, καὶ οὐ μόνον ὁ ἴδιος θέλεις καθυποβληθῇ εἰς τὴν αὐστηρίαν τῆς δικαιας ἐκκλησιαστικῆς ποινῆς, ἀλλὰ θέλεις συνεπισύρῃς εἰς τὰ αὐτὰ ἐπιτίμια καὶ ὅσους ἔφθασες νὰ χειροτονήσῃς, κατακρινομένους καὶ αὐτούς, ὡς ἀγνωρίστους καὶ ἀνιέρους, συμφώνως τῇ εὐνοίᾳ καὶ ἀποφάσει τῶν ἱερῶν νόμων.*

русскаго правительства получены были столь рѣшительныя и настойчивыя требованія о высылкѣ того же Амвросія изъ Буковины и уничтоженіи самой митрополіи Бѣлокриницкой. Тогда и было предписано губернатору Галиціи Стадіону вытребовать Амвросія во Львовъ, откуда ему предстояло отправиться въ Вѣну для личныхъ объясненій предъ императорскимъ правительствомъ по его дѣлу.

14. Судъ надъ Амвросіемъ: вопросные ему пункты и отвѣты на нихъ; первое рѣшеніе по его дѣлу.

Когда Амвросій со своими спутниками — Алимпіемъ и Огняновичемъ пріѣхалъ во Львовъ, губернаторъ графъ Стадіонъ объявилъ ему, что по императорскому повелѣнію онъ долженъ немедленно отправиться въ Вѣну для необходимыхъ по возбужденному о немъ дѣлу объясненій, — а по какому именно дѣлу, не объявилъ. Этимъ Амвросій былъ не мало смущенъ, и въ недоумѣніи отправился съ тѣми же спутниками въ столицу. Они прибыли туда 15 (27) декабря 1847 года, и около мѣсяца не могли дознаться, зачѣмъ вызванъ митрополитъ, тщетно обращаясь за справками къ своимъ прежнимъ благопріятелямъ и покровителямъ, конечно, при содѣйствіи своего адвоката — Дворачка. Испросили даже аудіенцію у наиболѣе горячаго изъ покровителей — эрцгерцога Лудвига; но и этотъ послѣдній, принявъ ихъ попрежнему благосклонно, не могъ объяснить, по какому дѣлу Амвросій вытребованъ въ Вѣну[217]).

[217]) Впослѣдствіи Алимпій писалъ объ этомъ въ прошеніи на имя министра графа Коловрата: „Галицкимъ полномочнымъ губернаторомъ графомъ Стадіономъ былъ онъ (Амвросій) въ Лембергъ вызванъ, отъ котораго принялъ повелѣніе отправиться *тотчасъ* сюда въ Вѣну. Хотя не былъ онъ къ тому пути приготовленъ, но принужденъ былъ продолжать свое путешествіе и прибылъ сюда еще 27 декабря прошлаго года, *не зная* причины его сюда требованія. Здѣсь *дожидался онъ цѣлый мѣсяцъ и не могъ освѣдомиться причины его сюда пріѣзда*, итакъ, принужденъ былъ онъ просить у его императорскаго высочества эрцгерцога Лудвига аудіенціи, которую и получилъ. Но при всемъ

Наконецъ, уже 18 (30) января 1848 года отъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Инцаги предложены были Амвросію вопросные пункты, по которымъ требовалось отъ него дать отвѣты, и не позднѣе, какъ въ теченіе восьми дней. Вмѣстѣ съ симъ ему сообщено было письмо на его имя отъ константинопольскаго патріарха Анѳима, и требовалось обратить вниманіе на изложенныя въ ономъ жалобы на него; сообщалось также, что на него поступила жалоба отъ русскаго императорскаго двора Самые вопросы составлены были соотвѣтственно жалобѣ патріарха и протесту русскаго правительства. Даны были именно слѣдующіе девять вопросовъ: 1) какъ могли вы объявлять (ausgeben) о себѣ, что посланы въ Буковину отъ константинопольскаго патріарха? 2) какъ могли вы терпѣть (geduldеn), чтобы въ Бѣлокриницкій монастырь были принимаемы безъ высокаго дозволенія (ohne hohere Bewilligung) русскіе подданные, изъ которыхъ 3) одни — преступники (Verbrecher), 4) другіе — бѣглые монахи русскихъ монастырей, а 5) другіе — скрывающіеся отъ наказанія? 6) какъ могли терпѣть, чтобы монастырскій настоятель и одинъ сопровождавшій его инокъ, съ фальшивымъ паспортомъ, подъ видомъ купцовъ, три раза ѣздили въ Россію? 7) какъ могли терпѣть, чтобы монастырь постоянно (fortwährend) посылалъ эмиссаровъ въ Россію? 8) какъ могли вы дозволить (erlauben) расширеніе вашей духовной власти на Россію, когда вамъ назначено было только (ihre Bestimmung doch nur war) имѣть духовное попеченіе

томъ онъ тоже не могъ узнать объ его требованіи ни слова“ (прош. 26 мар. 1848 г. *Сборн.* Антонія). И самъ Амвросій отъ 30-го января 1848 г. писалъ изъ Вѣны Кириллу и всей братіи Бѣлокриницкаго монастыря: „По непостижимой судьбѣ Всевышняго и *паче чаянія,* отлучившись мы изъ монастыря *на краткое время* по высокому указу, *не думая,* что позовутъ насъ изъ Львова дальше, сюда въ Вѣну, гдѣ *проживши дней довольно и не зная причины нашего сюда позванія,* едва приняли извѣстіе объ неосновательной иностранной клеветѣ“. (*Переписка,* вып. I, стр. 178). Посланіе было писано Огняновичемъ и только подписано Амвросіемъ, какъ объяснялъ самъ Павелъ въ письмѣ къ Милякову отъ 12 февраля, приводя выдержку изъ этого посланія (см. тамъ же, стр. 117).

(geistlich zu sorgen) о живущихъ въ Буковинѣ липованахъ? 9) наконецъ, какъ могли вы безъ разрѣшенія поставлять русскихъ подданныхъ во священники? Въ концѣ вопросовъ было сдѣлано отъ министра слѣдующее внушительное прибавленіе: „Я приглашаю ваше преосвященство письменно объясниться по каждому изъ сихъ пунктовъ (auf Punkt für Punkt) съ самой строгой справедливостью, равно какъ сообщить, что̀ вы намѣрены отвѣчать на предъявленія (Weisungen) константинопольскаго патріарха; вмѣстѣ съ симъ я объявляю вамъ, что въ Буковину вы болѣе не можете возвратиться (bemerke, dass sie nach der Bukowina nicht mehr zurückkehren dürfen)“ [218].

Несмотря на это, столь рѣшительно выраженное объявленіе министра о невозможности для Амвросія возвратиться въ Буковину, т.-е. въ Бѣлую-Криницу, на мѣсто его служенія, самые вопросы, на которые приглашался онъ отвѣтить, не могли особенно смутить его, равно какъ не представляли большой трудности для рѣшенія, и по самому ихъ содержанію, и осо-

[218]) Засвидѣтельствованная копія этого документа въ *Бѣлокр. арх.*; славянскій переводъ его напечатанъ у Павла въ его *Исторіи* (стр. 201—203). Этотъ переводъ скоро былъ доставленъ Павлу изъ Вѣны отъ Огняновича, которымъ надо полагать и сдѣланъ. 27 февраля Павелъ сообщалъ уже подробное изложеніе вопросовъ въ письмахъ къ Борисову и Милякову. Всѣ девять вопросовъ онъ называетъ „русскими“, а затѣмъ, подъ десятой цифрой, пишетъ: „Цѣлая епистолія отъ патріарха цареградскаго, въ которой ужаснымъ витійствомъ патріархъ митрополита угрожаетъ и убѣждаетъ,— угрожаетъ митрополита тѣмъ, выставя правила: апостольское 35 и перваго вселенскаго собора 15 и 16, и прочихъ другихъ соборовъ, которыми строго запрещается, дабы епископу не дерзать внѣ своего предѣла производить хиротонію, а наипаче за своевольную отлучку,— угрожаетъ митрополита, что онъ будетъ наказанъ изверженіемъ изъ сана и всѣ, кого онъ рукоположилъ; а потомъ убѣждаетъ и зоветъ обратиться назадъ, обѣщая дать ему митрополію(?) и прочія привилегіи“ (Ркп. Публ. библ. № 639, л. 90—92; сл. *Перепис.* вып. I, стр. 120). По поводу епистоліи, Павелъ даже глумился надъ патріархомъ, что поздно хватился искать Амвросія. Въ письмѣ къ тому же Милякову отъ 12 февраля онъ писалъ: „вступили къ нашему императору на него (Амвросія) жалобы со стороны россійской и со стороны греческаго митрополита, *который, видно, теперь только хватился*“ (*Перепис.* вып. I, стр. 117).

бенно въ виду того вниманія и покровительства, какія оказаны были самимъ австрійскимъ правительствомъ учрежденію въ Бѣлой-Криницѣ раскольнической митрополіи, именно въ видахъ враждебныхъ Россіи, предъявленія которой, какъ можно было надѣяться по этому самому, и теперь австрійское правительство постарается искуснымъ образомъ отклонить. Такого мнѣнія былъ и старый адвокатъ липованъ — Дворачекъ, къ которому Алимпій и Огняновичъ обратились немедленно по пріѣздѣ въ Вѣну, чтобы пригласить его на помощь Амвросію. Подъ руководствомъ Дворачка и были составлены краткіе, но твердо выраженные отвѣты по всѣмъ девяти вопроснымъ пунктамъ. Первый вопросъ о томъ, какъ могъ Амвросій *объявлять* о себѣ, что посланъ въ Буковину отъ константинопольскаго патріарха, былъ со стороны австрійскаго правительства совершенно неумѣстнымъ вопросомъ, такъ какъ при производствѣ дѣла объ утвержденіи Амвросія въ званіи липованскаго верховнаго пастыря ни правительство это не спрашивало его о посольствѣ отъ патріарха, ни самъ онъ не упоминалъ о томъ; напротивъ, и онъ и главные ходатаи по учрежденію митрополіи — Павелъ и Алимпій всячески старались именно о томъ, чтобы со стороны правительства не возбуждалось и вопроса объ участіи, или неучастіи патріарха въ отъѣздѣ Амвросія изъ Константинополя въ Буковину. Правильнѣе было бы предложить Амвросію вопросъ: какъ могъ онъ *не объявить* правительству, что ушелъ изъ Царьграда безъ дозволенія патріарха, или что не былъ посланъ въ Буковину патріархомъ? — хотя и этотъ вопросъ не могъ бы имѣть законной силы въ виду того, что само же австрійское правительство, собирая въ Константинополѣ дипломатическимъ путемъ справки объ Амвросіи, и не думало допытываться тамъ, посланъ ли онъ отъ патріарха и съ его ли дозволенія явился въ Австрію, — и дѣлало это съ намѣреніемъ, такъ какъ знало объ его самовольномъ отъѣздѣ оттуда и не придавало тому никакого значенія. Понятно отсюда, что на первый вопросъ нетрудно было отвѣтить, и дѣйствительно, отвѣтъ данъ вполнѣ основательный съ формальной стороны: „Я никогда никому

не хвалился и не говорилъ, и самому императору не объяснялъ, что я отъ патріарха въ Буковину посланъ, въ чемъ никто и обличить меня не можетъ; но я, представя грамоты[219]), увѣрялъ только о своемъ санѣ, что не запрещенъ, а свободенъ; вѣроятно, что меня въ томъ и справки[220]) оправдали, почему я принятъ и въ австрійское подданство". Такимъ образомъ вина, изложенная въ первомъ вопросномъ пунктѣ, была искусно и вполнѣ справедливо сложена на само австрійское правительство. На слѣдующіе четыре вопроса (2—5) Амвросій отвѣтилъ, что во время его пребыванія въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ „не былъ туда принятъ ни одинъ человѣкъ изъ русскихъ подданныхъ". Это былъ ложный отвѣтъ. По совѣсти, Амвросій могъ бы написать, что онъ никогда не давалъ дозволенія принимать въ монастырь русскихъ подданныхъ, бѣжавшихъ изъ Россіи, и совсѣмъ не зналъ, есть-ли они въ монастырѣ, такъ какъ Павелъ съ прочими распорядителями не находилъ нужнымъ и спрашивать его разрѣшенія на принятіе въ монастырь кого-либо, а тѣмъ паче разныхъ русскихъ выходцевъ, не находилъ нужнымъ даже доводить о таковыхъ и до свѣдѣнія Амвросія. Между тѣмъ русскіе бѣглецы никогда въ такомъ большомъ количествѣ не являлись въ Бѣлую-Криницу, какъ именно вслѣдъ за учрежденіемъ въ ней митрополіи, во время Амвросіева здѣсь пребыванія, и потому отвѣчая, будто въ это время ни одинъ человѣкъ изъ русскихъ подданныхъ не былъ принятъ въ монастырь, Амвросій говорилъ (или его заставили говорить) явную неправду. Формально же отвѣтъ былъ основательный, или вѣрнѣе — очень искусный: правительству предоставлялось самому узнать правду, и если бы оказалось, что русскіе подданные принимались въ Бѣлой-Криницѣ, то вина должна падать на само же мѣстное правительство, которое или не знало о бѣглецахъ, тогда какъ

---

219) Т.-е. ставленную грамоту и другую, съ разрѣшеніемъ отъ патріарха отслужить литургію, поданныя при личномъ представленіи императору Фердинанду (См. *Ист.* вып. I, стр 261—268).

220) Разумѣетъ, очевидно, дипломатическія справки, о которыхъ мы сейчасъ упоминали.

должно было знать, или зная, потворствовало имъ. Искусно отвѣчено было и на шестой вопросный пунктъ, о Геронтіи. Здѣсь составитель отвѣтовъ воспользовался незадолго до Геронтіева отъѣзда въ Москву полученнымъ отъ австрійскаго правительства дозволеніемъ привозить изъ Россіи церковныя вещи для монастыря [221]), и тѣмъ обстоятельствомъ, что паспортъ на имя купца Геронтій предусмотрительно выправилъ во Львовѣ, на пути въ Россію, т.-е. уже по выѣздѣ изъ Бѣлой-Криницы, почему поѣздку Геронтія въ Москву за церковными вещами можно было объявить вполнѣ законною. а о паспортѣ, на какое званіе онъ выправленъ, отозваться полнымъ невѣдѣніемъ. Въ отвѣтѣ именно говорилось: „Настоятель поѣхалъ въ Россію дѣйствительно для покупки потребныхъ монастырю вещей изъ церковной утвари, о чемъ уже прежде монастырь подавалъ прошеніе высокому правительству, чтобы не оплачивать ихъ пошлиной, на что и рѣшеніе получено, а не для какого-либо духовнаго дѣйствованія, и ѣздилъ при мнѣ одинъ только разъ, подъ какимъ же званіемъ онъ взялъ паспортъ въ Лембергѣ, мнѣ не извѣстно, ибо онъ изъ Лемберга въ монастырь не возвращался“. Наконецъ, отрицательно же, и съ нѣкоторою справедливостію, отвѣтилъ Амвросій на остальные три (7—8) вопроса: „отъ монастыря эмиссары въ Россію отнюдь посылаемы не были; я никогда не расширялъ моей власти на Россію, никогда о томъ въ Россію и не писалъ, а мое попеченіе было только о находящихся въ Буковинѣ старовѣрческихъ обществахъ, я посвящалъ во

---

221) Въ *Бѣлокр. арх.* есть подлинный документъ о томъ, выданный изъ Черновицкаго Фервальтунгъ-Президума на имя Геронтія Левонова 17 (5) декабря 1846 г. На немъ имѣется помѣтка, сдѣланная рукою Павла: „Получено 8 (20) декабря 1846 года“. Здѣсь именно говорится, что на прошеніе Геронтія о безпошлинномъ пропускѣ церковныхъ вещей (zollfreien Behandlung der Kircheneffekten), которыя монастырь черезъ Новоселицы и Синоуцы намѣренъ получать, Фервальтунгъ-Президіумъ опредѣлилъ, чтобы назначеніе этихъ вещей было объявляемо тотчасъ по прибытіи ихъ въ Буковину, и тогда будетъ объявляемо рѣшеніе, можно ли ихъ безпошлинно отдавать въ монастырь.

священство жителей монастыря и избранныхъ изъ старовѣрческихъ обществъ лицъ, добродѣтелію и ревностію по благочестію отъ того же народа засвидѣтельствованныхъ, но не въ Россію и не подданныхъ русскихъ". Этими послѣдними словами составитель отвѣтовъ вѣроятно хотѣлъ сказать, что если Амвросій и поставилъ епископа и священниковъ не австрійскимъ старообрядческимъ обществамъ, то все же не въ Россію, а въ Турцію и Молдавію, для Россіи же дѣйствительно не былъ поставленъ имъ никто. Вообще, отвѣтить на девять вопросныхъ пунктовъ, предложенныхъ Амвросію австрійскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, не представлялось особенной трудности въ виду того, что Амвросій былъ уполномоченъ дѣйствовать по-архіерейски въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ самимъ императорскимъ австрійскимъ правительствомъ, — и отвѣты даны были съ надлежащей твердостью и рѣшительностью.

Гораздо труднѣе было дать объясненія по обвиненіямъ, предъявленнымъ къ Амвросію въ патріаршемъ посланіи. Правда, патріархъ Анѳимъ, не обративъ, къ удивленію, никакого вниманія въ своемъ письмѣ къ Амвросію на самое главное изъ его преступныхъ дѣйствій, указанное въ посланіи россійскаго Святѣйшаго Синода, именно на то, что онъ вошелъ въ общеніе съ людьми, канонически отлученными отъ церкви соборомъ 1667 года и „неблагословенный у неблагословенныхъ священная дѣйствовать началъ", — сдѣлавъ такое существенно важное опущеніе, патріархъ этимъ самымъ значительно облегчилъ для Амвросія возможность отвѣчать на его письмо. Но въ письмѣ все-таки прямо указывалось на „безразсудное, безумное бѣгство" его изъ Константинополя, на „противное священнымъ канонамъ удаленіе отъ церкви" и на „дерзость, съ какою при этомъ (т.-е. въ удаленіи отъ церкви) совершаетъ онъ архіерейскія дѣйствія, поставленіе недостойныхъ людей въ священные саны", при чемъ указаны и каноническія правила, возбраняющія такъ дѣйствовать подъ угрозой извержения изъ сана. Опровергнуть это, — доказать, что никакого „бѣгства", никакого „удаленія отъ церкви" онъ не учинилъ,

Амвросію, очевидно, не представлялось никакой возможности въ виду столь рѣшительнаго заявленія о томъ со стороны самого константинопольскаго патріарха. Поэтому, какъ бы сознаваясь косвенно и въ бѣгствѣ отъ патріарха и въ удаленіи отъ церкви, онъ старается лишь оправдать ихъ предъ австрійскимъ правительствомъ. Не только съ канонической точки зрѣнія, но и просто по здравому смыслу, равно какъ по требованіямъ христіанской нравственности, обязательнымъ въ особенности для пастырей церкви, тѣмъ паче для епископа, оправданія Амвросія, изложенныя имъ въ трехъ пунктахъ, были вполнѣ ничтожны и нимало не убѣдительны. Свое бѣгство отъ патріарха, въ вѣдѣніи котораго находился, и даже отъ церкви, въ которой получилъ архіерейское поставленіе и служителемъ которой былъ дотолѣ, онъ оправдываетъ тѣмъ однимъ, что послѣ смѣщенія его съ Босанской каѳедры онъ напрасно ожидалъ отъ патріарховъ, смѣнявшихся одинъ за другимъ, назначенія на какую-либо новую епархію, и потому находился въ бѣдственномъ матеріальномъ положеніи, хотя самъ сознается, что получалъ изъ патріархіи небольшую пенсію. Итакъ, греческій митрополитъ оправдывалъ не только свое бѣгство отъ патріарха, но и свою измѣну православной церкви личною ему обидою со стороны духовной власти въ Константинополѣ и своимъ стѣсненнымъ матеріальнымъ положеніемъ! Оправданіе недостаточное, даже неприличное и лицу не духовнаго званія, рѣшившемуся по такимъ побужденіямъ учинить бѣгство и измѣнить своему долгу. А съ канонической точки зрѣнія, Амвросій только тогда могъ бы оправдать свое удаленіе изъ греческой церкви въ иное религіозное общество, если бы указалъ за этой церковью какія-либо догматическія погрѣшности, воспрещающія по соборнымъ правиламъ общеніе съ нею и ея пастырями, проповѣдующими ересь, чего онъ въ своемъ объясненіи не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать; бѣгство же и въ такомъ случаѣ недозволительно, — напротивъ, не бѣгая, онъ бы долженъ былъ въ лицо обличить еретическихъ проповѣдниковъ и тѣмъ оправдать свое удаленіе отъ общенія съ ними и церковію, которая состоитъ подъ ихъ

управленіемъ; особенно же ничѣмъ не можетъ быть оправдано бѣгство, какое учинилъ митрополитъ Амвросій, переряднвшись въ казацкое платье и взявъ паспортъ на имя майносскаго казака некрасовца, т.-е. поступивъ такъ, какъ дѣлаютъ только скрывающіеся отъ законной кары преступники. Въ первомъ пунктѣ своего объясненія Амвросій именно разсказывалъ, какъ въ 1841 г. „безъ всякой причины“ смѣщенъ былъ съ Босанской епархіи, при чемъ упомянулъ, что „нынѣшній“ патріархъ Анѳимъ, бывшій тогда его „агентомъ“, ходатайствовалъ за него даже предъ русскимъ посланникомъ г. Титовымъ, который спрашивалъ тогдашняго патріарха о винѣ, за какую онъ смѣщенъ, и получилъ отвѣтъ, что смѣщеніе послѣдовало „по клеветѣ босанскихъ начальниковъ“; какъ поэтому надѣялся онъ, что патріархъ „опредѣлитъ его на другую епархію, а между тѣмъ, въ теченіе пяти лѣтъ, тогдашніе патріархи Анѳимъ, Германъ и Мелетій „не показали къ нему никакого знака человѣколюбія и братолюбія, но оставили только на малой пенсіи при патріархіи, еще далѣе въ ожиданіи ваканціи“. Во второмъ пунктѣ онъ говорилъ уже о присланшемъ посланіе „нынѣшнемъ“ патріархѣ Анѳимѣ третьемъ, что и онъ, „зная все его (Амвросія) несчастіе и страданіе, а притомъ даже и самую его невинность“, какъ бывшій его „агентъ“, „не обратилъ на него своихъ очей“, — на открывавшіяся праздныя въ епархіяхъ каѳедры „поставлялъ своихъ любимцевъ, молодыхъ и вовсе неискусныхъ діаконовъ, а не его, или подобныхъ ему страдальцевъ, которыхъ въ Царьградѣ есть довольно и которые терпятъ и страждутъ до сихъ поръ“ (однакоже, слѣдовало бы прибавить, при всѣхъ своихъ „страданіяхъ“ не допускаютъ и мысли о бѣгствѣ куда-либо, тѣмъ паче о измѣнѣ православію). Не указавъ такимъ образомъ ничего, хотя бы сколько-нибудь уважительнаго въ оправданіе своего позорнаго бѣгства изъ Константинополя и преступной измѣны православію, въ чемъ обвинялся патріаршимъ посланіемъ, Амвросій въ слѣдующемъ, третьемъ пунктѣ своего объясненія писалъ уже о томъ, что̀ расположило его безъ колебанія занять несуществовавшую

архіерейскую каѳедру у раскольниковъ въ Бѣлой-Криницѣ. Въ письмѣ патріарха даже не было и упоминанія о занятіи Амвросіемъ каѳедры у раскольниковъ: значитъ, не было прямой надобности и говорить объ этомъ въ объясненіяхъ на патріаршее письмо, но рѣчь о томъ должна была имѣть значеніе въ глазахъ австрійскаго правительства, и потому вотъ что̀ именно писалъ Амвросій въ третьемъ пунктѣ своего объясненія:

„Однако (т.-е. между тѣмъ какъ „подобные мнѣ страдальцы епископы терпятъ и страждутъ до сихъ поръ“) мнѣ, по благости Божіей(!), явилась *луча изъ царства австрійскаго*, которая *посредствомъ всевысочайшаго указа* подала позволеніе почти осиротѣвшему народу искать и привесть себѣ архіерея изъ-за границы. Я принялъ такое извѣстіе за единственный промыслъ Божій(!) и отважился прибыть въ Буковину, не бродяжества ради (въ чемъ его и не обвиняли), но во-первыхъ для моего спасенія (ужели духовнаго и вѣчнаго?) и спокойствія, а во-вторыхъ не пренебрегъ такое доброе дѣло(?) *для упасенія лишенныхъ пастыря овецъ*, которыхъ я не укралъ (это вѣрно, — они сами украли Амвросія и сдѣлали себѣ пастыремъ) и ни отъ кого не отнялъ, но, послѣдуя примѣрамъ апостольскимъ(!) пришелъ защитить ихъ (отъ кого?) и быть имъ во отца и утѣшителя, не мѣшаясь во овцы чуждыя, имущія своихъ духовныхъ пастырей, какъ-то и правила апостольскія и соборы не дозволяютъ, которыя правила я не опровергаю, а съ подтвержденіемъ признаю“.

Въ устахъ греческаго архіерея, ради личныхъ непріятностей и матеріальныхъ нуждъ (какъ и самъ сознался) позорно бѣжавшаго къ раскольникамъ, измѣнившаго православной церкви, публично проклявшаго ея мнимыя ереси (о которыхъ, какъ причинѣ удаленія отъ нея, не осмѣлился и упомянуть въ своемъ объясненіи), и даже дозволившаго раскольникамъ перемазать его какимъ-то фальшивымъ муромъ, какъ будто не получившаго въ греческой церкви и правильнаго муропомазанія, — въ его устахъ звучатъ преступнымъ кощунствомъ эти слова о благости и промыслѣ Божіемъ, якобы устроившихъ его бѣгство къ раскольникамъ въ Бѣлую-Криницу. Была очевидная ложь и въ тѣхъ его словахъ, что занявши праздную, а въ дѣйствительности не существовавшую каѳедру у расколь-

никовъ, не только безъ законнаго поставленія и назначенія на оную отъ высшей церковной власти, какъ требуется канонами церкви, но и съ отреченіемъ отъ той церковной власти, которою удостоенъ былъ епископскаго званія, — что поступивъ такъ, онъ будто бы слѣдовалъ апостольскому примѣру и соборнымъ правиламъ. Трудно рѣшить, понималъ ли все это кощунство и всю эту ложь самъ Амвросій, подписывая свое объясненіе, а также и тотъ, кто писалъ для него это объясненіе; но и тотъ и другой могли разсчитывать, что онѣ останутся непонятными для австрійскаго правительства, и потому могутъ быть употреблены; а сдѣлавъ притомъ упоминанія объ „осиротѣвшемъ“ народѣ, оставшемся безъ пастыря, и особенно о благодѣяніяхъ этому народу самого австрійскаго правительства, „посредствомъ всевысочайшаго указа“ давшаго сему народу дозволеніе „искать и привезти“ себѣ пастыря, каковымъ дозволеніемъ и воспользовался Амвросій,— сдѣлавъ такія напоминанія, они могли еще смѣлѣе разсчитывать на оправданіе Амвросія австрійскимъ императорскимъ правительствомъ противъ представленныхъ патріархомъ жалобъ. Наконецъ, упомянувъ, какъ бы мимоходомъ, что приведенныя въ патріаршемъ посланіи каноническія правила къ нему будто бы не относятся, Амвросій въ отвѣтъ на приглашеніе патріарха возвратиться въ Константинополь, писалъ, что „вспять возвратиться отнюдь не желаетъ“, напротивъ, „благодаря Бога, желаетъ останки силъ старыхъ своихъ лѣтъ положить и самую жизнь скончать“ тамъ, куда пришелъ „Божіимъ благоволеніемъ и по царской милости“, т.-е. именно въ Бѣлой-Криницѣ съ званіемъ липованскаго митрополита [222]).

[222]) Копія этого объясненія, или отвѣта на вопросные пункты министра, собственноручно писанная Павломъ, въ *Бѣлокр. арх.;* напечатана въ Павловой *Церк. Ист.* (стр. 209—215). Ровно черезъ мѣсяцъ отъ подачи объясненія, Павелъ уже писалъ о содержаніи его Милякову въ томъ же письмѣ отъ 27 февраля. Содержаніе отвѣтовъ на 9 пунктовъ онъ сдѣлалъ точно и обстоятельно; затѣмъ писалъ: „А на епистолію патріарха митрополитъ отнесся достойнымъ оправданіемъ и рѣшительнымъ словомъ, что онъ возвратиться не желаетъ, а на означенныя апостольскія и соборныя правила на всѣ также краткимъ

Эти отвѣты и объясненія были приготовлены къ назначенному министромъ сроку. Амвросій, равно какъ его спутники и совѣтники были, повидимому, вполнѣ увѣрены въ ихъ силѣ и убѣдительности, потому не слишкомъ безпокоились за успѣхъ дѣла, особенно же имѣя въ виду, что въ немъ замѣшано и само австрійское правительство, разсчитывая также на его прежнюю къ нимъ благосклонность, которой, какъ они видѣли, не поколебала и не могла поколебать притязательность сосѣдней державы, не пользующейся особымъ его вниманіемъ и расположеніемъ [223]). Амвросій рѣшился даже лично явиться

и яснымъ отвѣтомъ отписалъ, въ слѣдующихъ словахъ: „„Я пришелъ въ Буковину по изволенію самого австрійскаго скипетродержателя и не бродяжничества ради, но по званію самого народа, не имѣвшаго у себя духовнаго пастыря, которыхъ я не хищеніемъ похитилъ, ни отнялъ отъ кого, не влѣзъ насильно въ чужое стадо, ни въ чужую епархію, и ниже свою покинулъ безъ вины и удалился въ сіи предѣлы, и на моей первой митрополіи еще за пять лѣтъ прежде моей отлучки, кромѣ всякаго моего порока и грѣха, уже опредѣленъ другой пастырь, противъ всѣхъ священныхъ правилъ: *то подобало ли мнѣ тамъ быть, гдѣ священныя правила попираются.* И всяко беззаконіе возженному свѣтильнику подъ спудомъ стояти. Почему и не могутъ оныя приводимыя вами правила меня осудить. И какъ я провидѣніемъ Божіимъ и Его невѣдомыми спасительными судьбами принялъ сію сиротствующую паству, въ той до кончины своей и желаю пребыть, благодаря Бога““ (Ркп. Импер. Публ. библ. № 693, л. 92). Изложеніе это не отличается вѣрностью подлиннику. Въ особенности любопытно то, что Павелъ пропустилъ содержаніе двухъ первыхъ пунктовъ отвѣта на патріаршее письмо, гдѣ излагаетъ Амвросій свои константинопольскія непріятности, какъ побудительную причину бѣгства къ раскольникамъ Павелъ должно быть понималъ недостаточность, даже неприличіе такого объясненія, и потому указалъ на „попраніе священныхъ правилъ“ чрезъ незаконное смѣщеніе Амвросія съ Босанской каѳедры, какъ причину его удаленія изъ греческой церкви, о чемъ однако въ самомъ объясненіи Амвросія не говорилось.

[223]) Огняновичъ отъ имени Амвросія извѣщалъ Павла: „Мы дали соразмѣрный отвѣтъ, и *надѣемся* помощію Божіею оправдаться и явиться предъ всѣми властями нашими *въ полной нашей невинности*“ (*Переписка*, вып. I, стр. 117). Эту увѣренность въ благополучномъ исходѣ дѣла раздѣлялъ съ ними и инокъ Павелъ, постоянно получавшій отъ нихъ извѣстія. Въ писанномъ вскорѣ послѣ подачи объ-

къ министру, чтобы вручить ему свои письменныя объясненія по вопроснымъ пунктамъ и просить о защитѣ отъ притязаній патріарха и русскаго двора. 26 генваря (7 февраля), вмѣстѣ съ Алимпіемъ и Огняновичемъ, онъ дѣйствительно былъ принятъ графомъ Инцаги, — и принятъ весьма благосклонно: взявъ отъ него объясненія и выслушавъ его, министръ однако объявилъ, что дѣло его, какъ дипломатическое, подлежитъ рѣшенію министерства иностранныхъ дѣлъ и потому объясненія его будетъ препровождены къ князю Меттерниху, и какое отъ этого министра послѣдуетъ рѣшеніе, о томъ будетъ ему сообщено Ободренные благосклоннымъ пріемомъ министра внутреннихъ дѣлъ, Амвросій и его спутники рѣшили, что слѣдуетъ лично представиться и иностранныхъ дѣлъ министру съ просьбою о защитѣ, что̀ и рѣшено было сдѣлать чрезъ нѣсколько дней [224]). 31-го января (13 февраля) они явились къ Меттерниху; но приняты не были. Уже это обстоятельство должно было показать имъ, что въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ неблагосклонно отнеслись къ дѣлу Амвросія; однакоже они не предавались еще унынію и не оставляли надежды на благополучный исходъ дѣла, зная притомъ, что оно уже было

ясненія, именно 12 февраля, письмѣ къ Милякову онъ сообщалъ: „Богоизбранный нашъ архипастырь, г. митрополитъ Амбросій и съ сущими съ нимъ — инокомъ Алимпіемъ и переводчикомъ Огняновичемъ... находятся въ Вѣнѣ, слава Богу, *здоровы и благополучны*, только дѣло ихъ еще не кончено, а съ его стороны оправданія уже представлены“ (тамъ же). То же и тогда же писалъ онъ въ Москву (тамъ же стр. 120)

[224]) Объ этомъ Алимпій писалъ въ Бѣлую-Криницу къ Павлу: „Мы въ прошедшій понедѣльникъ, 26 сего января, лично были у министра графа Инцаги и своеручно г. митрополитъ на требованные имъ вопросы подалъ ему отвѣтствованія, каковыя принявши, министръ намъ объявилъ, что дѣло есть дипломатическое, потому онъ представитъ министру иностранныхъ дѣлъ г. Меттерниху, и что̀ онъ посему учинитъ, тогда намъ будетъ возвѣщено. Обойдясь съ нами *весьма пріятно* и проводя насъ до двери, раскланявшись, разошлись. А теперь на субботу 31 января мы сами готовимся къ министру иностранныхъ дѣлъ г. Меттерниху имѣть личную аудіенцію, и что̀ далѣе Богъ устроитъ, не применемъ васъ увѣдомить“ (тамъ же стр 117—118).

доложено императору, отъ котораго и слѣдовало ждать рѣшенія [225]). Въ такомъ ожиданіи пробыли они въ Вѣнѣ еще около двухъ недѣль, когда наконецъ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ было сообщено Амвросію это высочайшее рѣшеніе по его дѣлу.

Что поданныя Амвросіемъ объясненія по обвиненіямъ противъ него, поступившимъ отъ русскаго императорскаго правительства и отъ патріарха константинопольскаго, совсѣмъ не удовлетворительны, это не трудно было видѣть и человѣку не такого ума, каковъ былъ въ своемъ родѣ знаменитый князь Меттернихъ. Какъ нельзя лучше понималъ онъ также незаконность и недобросовѣстность, допущенныя австрійскимъ правительствомъ въ учрежденіи архіерейской каѳедры для раскольниковъ въ Бѣлой-Криницѣ и въ допущеніи бѣглеца-Амвросія къ занятію этой каѳедры. Однакоже въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ онъ постарался бы съ обычной ему ловкостью отстранить требованія русскаго правительства и оставить безъ всякаго вниманія жалобы константинопольскаго патріарха; но теперь обстоятельства и время были не таковы, чтобы защищать явно несправедливыя дѣйствія Австріи и сколько-нибудь дорожить какимъ-то бѣглымъ греческимъ архіереемъ. Требованія русскаго императора были выражены весьма настойчиво, даже съ угрозою войны въ томъ случаѣ, если не будутъ удовлетворены австрійскимъ правительствомъ, и, зная характеръ императора Николая, Меттернихъ не сомнѣвался, что онъ исполнитъ свою угрозу. А между тѣмъ политическія соображенія требовали именно тогда всего болѣе заботиться, чтобы, не только не раздражать мо-

[225]) Павелъ писалъ въ Москву къ В. В. Борисову отъ 24 февраля: „Изъ полученныхъ отъ нихъ (т.-е. отъ Амвросія и „сущихъ съ нимъ“) писемъ извѣстились, что они желали быть лично на аудіенціи у министра иностранныхъ дѣлъ, но не удостоились, а посредствомъ освѣдомились, что дѣло отъ него представлено самому императору Фердинанду, и скоро ли и чѣмъ кончится, Богу извѣстно. Только, какъ по видимымъ запросамъ и *по силѣ отвѣтовъ*, поданныхъ лично митрополитомъ министру внутреннихъ дѣлъ, *опаснаго* не предвидится“ (*Перепис.* вып. I, стр. 120).

гущественнаго сосѣда, но и всячески поддерживать и утверждать его въ дружескихъ отношеніяхъ къ Австріи: среди народовъ западной Европы тогда уже происходили волненія, угрожавшія повсюду смятеніями, — во Франціи со дня на день ожидался государственный переворотъ, и въ самой Австріи, среди ея разноплеменнаго населенія, примѣчалось уже опасное для императорскаго правительства броженіе. Въ такое время лишиться могущественнаго и рыцарски честнаго союзника, даже превратить его во врага ради какихъ-то липованъ и ихъ бѣглаго митрополита — было бы недозволительнымъ безразсудствомъ. И князь Меттернихъ призналъ необходимымъ вполнѣ удовлетворить русское привительство въ его требованіяхъ, — Амвросія навсегда удалить изъ Буковины и самый монастырь Бѣлокриницкій съ его митрополіей закрыть. Въ такомъ смыслѣ онъ представилъ по Амвросіеву дѣлу докладъ императору Фердинанду, и этотъ послѣдній утвердилъ его докладъ 22 (10) февраля, а черезъ день, именно 24 (12) февраля, отъ министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовало на имя Амвросія оффиціальное о томъ извѣщеніе слѣдующаго содержанія:

„Объясненіе вашего преосвященства отъ 7 числа сего мѣсяца его императорскому величеству представлено.

„Его величество высочайшимъ рѣшеніемъ отъ 22 (10) сего текущаго мѣсяца на вашу просьбу о возвращеніи въ Бѣлокриницкій монастырь, находящійся въ Буковинѣ, не соизволилъ, но повелѣлъ увѣдомить васъ, что ваше возвращеніе въ Буковину не можетъ болѣе имѣть мѣста (nicht mehr Statt finden).

„Послѣ таковаго высочайшаго повелѣнія о вашей дальнѣйшей дѣятельности для липованъ въ Буковинѣ не можетъ быть и рѣчи (keine Rede mehr sein).

„Посему я вынужденнымъ себя нахожу настоятельно требовать отъ вашего преосвященства, чтобы вы объявили ваше рѣшеніе (Entschluss [226]) и представили оное мнѣ въ теченіе

---

[226]) Въ русскомъ переводѣ, писанномъ рукою Алимпія и напечатанномъ у Павла въ его *Исторіи*, прибавлены здѣсь слѣдующія объяснительныя слова: „возвратиться къ патріарху, или на заточеніе“, которыхъ въ подлинномъ нѣмецкомъ текстѣ не имѣется.

восьми дней. И еще поставляю вамъ на видъ, что ваше преосвященство только до сообщенія мнѣ вашего отвѣта можете оставаться въ Вѣнѣ“ [227]).

15. Судъ надъ Амвросіемъ: объясненіе и просьба его объ оставленіи въ австрійскихъ предѣлахъ; прошеніе о немъ, поданное Алимпіемъ; окончательное рѣшеніе дѣла; отъѣздъ въ Цилли.

Итакъ, судьба Амвросія въ сущности была уже рѣшена императорскимъ декретомъ отъ 22 (10) февраля 1848 года. Его объясненіями на вопросные пункты, вопреки его ожиданіямъ и надеждамъ его руководителей, не придано никакого значенія, — объ ихъ содержаніи даже и не упомянуто въ декретѣ, а прямо объявлялось, что возвращеніе въ Буковину и дальнѣйшее пребываніе и дѣйствованіе у липованъ въ качествѣ ихъ митрополита рѣшительно воспрещается Амвросію. Просить и ожидать какого-либо измѣненія въ послѣдовавшемъ отъ самого императора рѣшеніи дѣла не оставалось никакой возможности. Амвросій и его спутники были глубоко огорчены, такимъ печальнымъ и къ тому же совершенно неожиданнымъ для нихъ рѣшеніемъ [228]). Что оставалось теперь дѣлать? — Слѣдовало,

---

[227]) Засвидѣтельствованная копія этого документа на нѣмецкомъ языкѣ въ *Бѣлокр. арх.*; славянскій переводъ, писанный Алимпіемъ, тамъ же; напечатанъ въ Павловой *исторіи* (стр. 216—217).

[228]) „Въ тотъ самый день, какъ полученъ былъ отъ министра декретъ, 24 (12) февраля, Огняновичъ писалъ Амвросіеву сыну въ Бѣлую-Криницу, изливая скорбь по сему случаю: „Который ангелъ возвѣститъ вамъ *столь неожиданное*, столь преострое и *внезапно постигшее* насъ болѣзненное обдержаніе, и кто можетъ выразить скорбь сердца ангелоподобнаго(!) нашего архипастыря, боголюбиваго митрополита Амвросія, когда мы получили декретъ отъ министра на поданные нами отвѣты! Государь императоръ вдругъ прекратилъ всѣ свои къ намъ бывшія и настоящія милости: или за рѣшительный отзывъ митрополита противъ цареградскаго патріарха и русскаго царя, или за другое подобное, рѣшительно повелѣлъ болѣе не принимать отъ митрополита никакого слова о возвращеніи опять къ старообрядцамъ въ Бѣлую-Криницу и въ Вѣнѣ не можетъ пробыть, какъ только развѣ до 8 дней“.

по требованію министра, объявить, какъ Амвросій намѣренъ поступить, — возвратится ли въ Константинополь, къ патріарху, согласно его требованію, или предастъ свою дальнѣйшую участь въ полное распоряженіе австрійскаго правительства. Возвратиться къ патріарху, принести предъ нимъ раскаяніе въ своей тяжкой винѣ противъ церкви, испросить его прощеніе, притомъ съ надеждою на милость и попеченіе, какъ онъ обѣщалъ въ своемъ посланіи, это было бы единственно правильнымъ и законнымъ поступкомъ со стороны Амвросія въ его тогдашнемъ положеніи, если бы онъ, оставивъ самолюбіе и житейскіе разсчеты, понималъ всю тяжесть своей вины и свой нравственный долгъ, если бы дорожилъ православною церковію и трепеталъ своей страшной отвѣтственности предъ Богомъ; но Амвросій дошелъ уже до такой степени духовнаго паденія, что безъ ужаса не могъ представить себѣ возвращенія въ прежнюю среду греческихъ архіереевъ подъ зависимость отъ патріарха, — ему видѣлся здѣсь такой позоръ, которому онъ готовъ былъ предпочесть даже смерть. Оставалось просить австрійское правительство о дозволеніи — провести остатокъ жизни въ предѣлахъ Австріи, основывая эту просьбу не только на прежнемъ благоволеніи къ нему правительства, которое само утвердило его въ званіи липованскаго митрополита, но и на томъ счастливомъ для Амвросія обстоятельствѣ, что онъ уже принятъ въ австрійское подданство. Такъ и рѣшено было поступить. Въ прошеніи на имя министра внутреннихъ дѣлъ, которое было составлено тѣмъ же неизмѣннымъ адвокатомъ Бѣлокриницкаго монастыря Дворачкомъ, весьма искусно указывалось именно на особое вниманіе императора къ липованамъ и лично къ самому Амвросію, которое внушило этому послѣднему полнѣйшую надежду, что никогда не лишится его милости. Прежде всего „съ ужасомъ и трепетомъ сердца“ Амвросій заявляетъ здѣсь,

---

Павелъ, сообщая эту выписку изъ письма своимъ пріятелямъ въ Москву выражалъ и свою скорбь: „24 февраля, *по секрету,* сынъ митрополитовъ Георгій Андреевичъ получилъ *паче всякаго чаянія зѣло печальное извѣстіе*... Вотъ какой ударъ!“ (*Перепис.* вып. I, стр. 121—122).

что „по нечаянномъ (постиґшемъ его) несчастіи никакъ не въ состояніи рѣшительно что̀ для себя сказать, такъ какъ намѣреніе его было подъ щитомъ цесарско-императорской милости, которую его величество благоизволило подать старовѣрческому народу въ Буковинѣ, найти для своего спасенія(?) и въ старости желаемое спокойствіе и дойти въ тихое пристанище“. Далѣе говоритъ, что только „видя въ рукахъ бѣлокриницкихъ депутатовъ высочайшее императорское позволеніе“ рѣшился онъ удалиться изъ Константинополя въ Буковину къ старообрядцамъ, „чтобы жить въ нѣдрахъ счастливѣйшей императорской державы, вѣрнымъ подданнымъ, каковымъ по высочайшей царской милости и своему сердечному желанію *и состоитъ уже,* до самаго послѣдняго издыханія, моляся Всевышнему о здравіи и долголѣтней жизни всемилостивѣйшаго императора и державнаго отца“. Потому, — писалъ онъ далѣе, — мое настоящее несчастіе тѣмъ горчѣе, чѣмъ сладостнѣе была надежда на мое благополучіе. „Я не плачу о лишеніи моей прежней митрополіи Босанской: тамъ виновны мусульманы, враги креста Христова; но всего прискорбнѣе, что нынѣ уже и подъ скипетромъ христіанскаго императора второе, новое подъемлю наказаніе въ лишеніи нововрученной (?) мнѣ паствы и новоучрежденнаго архіерейскаго престола въ Бѣлокриницѣ“, да еще подъ угрозой „или возвратиться къ патріарху, или подвергнуться вѣчному заточенію“. Относительно того, какое изъ этихъ двухъ рѣшеній его участи онъ избираетъ, Амвросій писалъ далѣе: „Какъ вѣрный кесаро-королевскій подданный, къ ногамъ его императорскаго величества раболѣпно припадаю и мою сѣдую главу прахомъ посыпаю и царской милости прошу, которая независтно и богато изливается на всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ благополучнѣйшей сей державы, — милости моей старости и послѣднимъ днямъ многоплачевной моей жизни: прошу, чтобы мнѣ дано было время во-первыхъ для привезенія изъ Буковины въ Вѣну сына моего съ его семействомъ и чтобы при мнѣ онъ находился для призрѣнія и утѣхи моей старости по смерть мою, во-вторыхъ же — чтобы всевысочайшимъ промышленіемъ царскимъ было на-

значено, откуда мнѣ получать ежегодное и званію моему соразмѣрное довольное содержаніе на мои руки, а не изъ-подъ ареста(?). За симъ предаю себя благоутробію и милости человѣколюбивѣйшаго нашего монарха, который, по данной ему отъ Бога благости, воистину пожалѣетъ о моей старости и оставитъ меня жить свободно въ царской его державѣ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы я не былъ угнетаемъ отъ завистниковъ моихъ, *а не выдастъ меня въ Турцію патріарху, ибо я живъ туда возвратиться не имѣю уже ни силъ, ни духа*“ [229]).

Прошеніе это было подано 3 марта (22 февраля), т.-е. именно въ тотъ срокъ, какой назначенъ былъ Амвросію министромъ внутреннихъ дѣлъ для отзыва на императорскій декретъ. А вскорѣ затѣмъ, когда еще на просьбу не могло послѣдовать и отвѣта, въ Вѣнѣ совершился государственный переворотъ, произошли сильные общественные безпорядки, среди которыхъ правительству было уже не до Амвросіева дѣла: императоръ Фердинандъ вынужденъ былъ дать конституцію; князь Меттернихъ, котораго бѣлокриницкіе дѣятели считали главнымъ виновникомъ неблагопріятнаго исхода въ дѣлѣ Амвросія, долженъ былъ скрыться изъ Вѣны, и

---

[229]) Переводъ этого прошенія въ *Бѣлокр. арх ;* напечатанъ у Павла въ *Ист.* (стр. 217—222). Любопытно, что здѣсь, въ печатномъ изданіи, нѣкоторыя выраженія исключены, въ томъ числѣ и послѣднія весьма важныя слова, напечатанныя у насъ курсивомъ. Павелъ, получившій очевидно, копію съ прошенія, писалъ въ Москву отъ 8 марта: „Теперь митрополитъ дерзаетъ еще подать императору одно прошеніе что онъ проситъ отъ его величества одной только милости: такъ какъ уже есть австрійскій подданникъ, принять въ уваженіе невозвращеніе его къ цареградскому патріарху, занеже по дипломатическимъ справкамъ оказалось по житію своему и сану безпороченъ, кромѣ одной отлучки безъ вѣдома патріарха; но если судилъ его величество возвести на меня гнѣвъ, то да исполнится елико хощетъ гдѣ-либо въ австрійской державѣ, а не отдать меня въ руки патріарха, ибо живой я въ Турцію возвратиться къ патріарху уже не имѣю ни силъ ни духа“ (*Перепис.* вып. I, стр. 122). Такъ какъ послѣднія слова (почему-то исключенныя потомъ при печатаніи прошенія) приведены съ буквальною точностію, то, значитъ, Павелъ дѣйствительно имѣлъ уже копію прошенія.

прочіе министры были удалены; во главѣ конституціоннаго правительства сталъ въ званіи президента графъ Коловратъ,— тотъ самый, что въ 1843 году, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, принималъ въ особой аудіенціи Павла и Алимпія, хлопотавшихъ тогда о дозволеніи открыть липованскую архіерейскую каѳедру въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, и, по свидѣтельству самого Павла, „больше всѣхъ прочихъ важныхъ особъ возымѣлъ ревность къ полному удовлетворенію ихъ просьбы“ [230]). Амвросій, Дворачекъ и Алимпій съ живѣшей радостью встрѣтили совершившійся въ Австріи государственный переворотъ и это назначеніе Коловрата на постъ министра-президента въ конституціонномъ правительствѣ: при новыхъ объявленныхъ правительствомъ гражданскихъ и религіозныхъ правахъ, при покровительствѣ столь расположеннаго къ нимъ главы правительства они надѣялись поправить дѣло Амвросія, добиться его возвращенія въ Бѣлую-Криницу для отправленія своихъ обязанностей липованскаго митрополита. Рѣшено было подать о томъ прошеніе новому правительству; но признано за лучшее теперь уже дѣйствовать не отъ имени самого Амвросія, а отъ Бѣлокриницкаго монастыря и отъ имени всѣхъ старовѣрческихъ обществъ въ Буковинѣ, какъ пользующихся новыми конституціонными правами; а представителемъ ихъ могъ выступить Алимпій, законно признанный ихъ депутатъ. Отъ имени „Алимпія Милорадова, депутата Бѣлокриницкаго монастыря и всѣхъ обществъ старовѣрческихъ въ Буковинѣ“, было написано Дворачкомъ прошеніе его высокопревосходительству кесаро-королевскому министру-президенту графу Коловрату о скорѣйшемъ возвращеніи Амвросія въ Бѣлокриницкій монастырь для успокоенія народа (zur Beruhigung des Volkes) [231]). Прошеніе это, какъ

---

230) *Ист.* вып. I, стр. 147.

231) Нѣмецкій текстъ этого прошенія, писанный рукою Дворачка, въ *Бѣлокр. арх.* Славянскаго, или русскаго перевода здѣсь не оказалось, но мы нашли его въ *Сборн.* Антонія, который, очевидно, переписалъ его, когда жилъ въ Бѣлой-Криницѣ и видѣлъ его тамъ. Оба текста напечатаны нами въ приложеніяхъ къ книгѣ: *Расколъ, какъ*

и всѣ писанныя Дворачкомъ, составлено было очень искусно: въ немъ онъ старался особенно поставить на видъ правительству происходящія будто бы волненія въ старообрядческихъ обществахъ Буковины по поводу взятія отъ нихъ Амвросія, что̀ для правительства, смущеннаго недавними безпорядками, должно было имѣть по его разсчетамъ не малую важность. Сначала было упомянуто, что проситель въ качествѣ депутата Бѣлокриницкаго монастыря и всѣхъ старовѣрческихъ обществъ въ Буковинѣ „одинъ разъ имѣлъ уже высокое счастіе вкусить сладкій плодъ отеческаго старанія и милости“ его превосходительства. Засимъ излагалась кратко, но обстоятельно и точно, извѣстная и Коловрату исторія учрежденія старообрядческой митрополіи въ Бѣлой-Криницѣ; далѣе говорилось о неожиданномъ вызовѣ Амвросія въ Вѣну по поводу „несправедливыхъ и неосновательныхъ доношеній на него русскаго двора и цареградскаго патріарха“, о требованіи отъ него отвѣта по обвинительнымъ противъ него пунктамъ, о данныхъ имъ объясненіяхъ, и о томъ, что на оправданія его не обращено никакого вниманія, а дано всевысочайше рѣшеніе, что „его возвращеніе въ Бѣлокриницкій монастырь на дальнѣйшее дѣйствіе для старообрядцевъ въ Буковинѣ больше не можетъ имѣть мѣста“. Затѣмъ говорилось:

„Это неожиданное рѣшеніе возбудило величайшія замѣшательства и смятенія не только въ монастырскомъ братствѣ, но и во всѣхъ старообрядческихъ обществахъ Буковины, которыя единогласно выразили намѣреніе немедленно отправить въ Вѣну значительное число депутатовъ для личныхъ объясненій съ императоромъ по поводу такого прискорбнаго опредѣленія (dieses unglücklichen Ausschpruches), и только благоразумнѣйшіе изъ монастырскихъ иноковъ по сыновней любви ко всемилостивѣйшему монарху и въ твердой надеждѣ на

орудіе враждебныхъ Россіи партій (стр. 179—183). Любопытно, что въ русскомъ переводѣ нѣкоторыя мѣста опущены, какъ неудобныя по своей лживости для свѣдѣнія старообрядцамъ. Такъ и въ заглавіи пропущены слова: *для успокоенія народа*, такъ какъ народъ и не думалъ безпокоиться или волноваться по случаю удаленія Амвросія.

него, своими увѣщаніями и предостереженіями успѣли отклонить общества отъ этого намѣренія[232]).

„А такъ какъ мнѣ честное собраніе монастырское въ обязанность оное дѣло возложило и повелѣло всѣ нужные способы употребить къ возвращеніи преосвященнаго митрополита Амвросія, почему и повергаюсь къ ногамъ вашего превосходительства, прося милостивѣйшаго и скорѣйшаго позволенія къ возвращенію преосвященнаго митрополита Амвросія въ Бѣлокриницкій монастырь[233]). Понеже въ сихъ благословенныхъ дняхъ всѣмъ подъ высокославнымъ австрійскимъ скипетромъ соединеннымъ краямъ и народамъ, чрезъ пріятіе своихъ желаній (durch die Erhörung ihrer Wünsche) высочайшія благодѣянія показаны, и старообрядческія общества также не меньше вѣрны къ высокославному императорскому дому, и для таковаго благодѣянія и они также достойными себя чувствуютъ.

„Благоизвольте убо, ваше превосходительство, сіе наше нижайшее прошеніе всемилостивѣйше выслушать, дабы мы, вмѣстѣ съ нашимъ верховнымъ пастыремъ[234]), о многолѣтнемъ здравіи вашего превосходительства Всемогущаго непрестанно молить могли".

Прошеніе это было подано Алимпіемъ 26 (14) марта. Его приняли благосклонно, — и Амвросій оставался въ Вѣнѣ съ полною надеждою на счастливый исходъ его дѣла. Но въ Вѣнѣ происходило тогда столько событій первостепенной важности, что многія и несравненно болѣе важныя дѣла оставлялись безъ вниманія: поэтому и Амвросію долго пришлось ждать, когда наконецъ вспомнятъ объ немъ и рѣшатъ его участь. Недовольный такою медлительностью, Алимпій рѣшился объ

---

232) Все это отдѣленіе прошенія, содержавшее очевидную ложь, въ русскомъ переводѣ выпущено; а сказано только „Таковое неожиданное опредѣленіе повергло все собраніе монастыря и всѣ старовѣрческія общества величайшею скорбію". Далѣе приводимъ текстъ прошенія по русскому переводу.

233) Здѣсь опять оставлены непереведенными слова: zur Beruhigung des Volkes.

234) И здѣсь оставлены непереведенными слѣдующія достоиныя примѣчанія слова: welchen uns vielleicht die Ungerechtichgeit der Zeit unschuldig entriss (котораго можетъ быть *несправедливость времени* невинно насъ лишила).

учиненной липованамъ якобы несправедлисти отнятіемъ у нихъ митрополита напомнить на общеславянскомъ революціонномъ сеймѣ, который въ концѣ мая долженъ былъ открыться въ Прагѣ. Онъ дѣйствительно отправился на сеймъ, произнесъ тамъ какую-то рѣчь о несправедливостяхъ австрійскаго и русскаго правительствъ къ славянамъ липованскаго закона, не имѣвшую, какъ и самое возстаніе въ Прагѣ, никакого успѣха[235]). Вскорѣ по возвращеніи его въ Вѣну, именно 23 (11) іюня, послѣдовалъ отвѣтъ на его прошеніе, а вмѣстѣ и на просьбу Амвросія, совсѣмъ не такой, какого ожидали. Оказалось и конституціонное правительство, въ тогдашнее, столь тревожное для Австріи время, не нашло возможнымъ отказать русскому императору въ его настоятельномъ требованіи Амвросіева удаленія изъ Бѣлой-Криницы: Амвросій увѣдомлялся, что императорское рѣшеніе о воспрещеніи ему дальнѣйшаго пребыванія у буковинскихъ липованъ въ качествѣ ихъ митрополита остается въ силѣ, и что ему назначается для постояннаго и безвыѣзднаго жительства городъ Цилли, въ Штиріи[236]). Однако Алимпій и самъ Амвросій даже послѣ этого все еще не теряли надежды на отмѣну состоявшагося о немъ рѣшенія, имѣя въ виду не вполнѣ еще установившійся конституціонный порядокъ дѣлъ въ государствѣ и полагая, что окончательное рѣшеніе ему должно послѣдовать послѣ ожидаемаго съѣзда въ Вѣну депутацій отъ всего государства, когда новыя конституціонныя правила должны войти въ полную силу. Подъ вліяніемъ вѣнскихъ друзей, утверждавшихъ ихъ именно въ этой мысли, они питали такую увѣренность въ благополучномъ исходѣ дѣла, что Павелъ,

---

235) О подвигахъ Алимпія въ Прагѣ въ сообществѣ съ Бакунинымъ см. въ кн. *Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій*, стр. 24—25, 122—123. Объ нихъ есть упоминаніе у Герцена, въ его посмертныхъ сочиненіяхъ, именно въ статьѣ о Бакунинѣ.

236) Этого указа въ *Бѣлокр. арх.* не оказалось; но у Павла въ *Памятникѣ* записано: „присланы почтою рѣшенія... митрополиту 11 (23) іюня, что возвратиться не можетъ, а отсылается по смерть въ г. Цилль“ (№ 41)

съ ихъ словъ, писалъ объ Амвросіи въ Москву отъ 23 іюня: „честныхъ сѣдинъ любезнаго нашего отца обратно къ себѣ ожидаемъ, — хотя разрѣшенія ему еще нѣтъ, за неутвержденіемъ новыхъ государственныхъ законовъ, такъ какъ его дѣло при старомъ законѣ совершенно закончено, но увѣряютъ, что послѣ депутаціи, имѣющей быть со всего государства въ столицѣ 26 будущаго іюля, получитъ свободу совершенно“ [237]). А между тѣмъ именно это 26 число іюля (по новому стилю) и оказалось днемъ, когда послѣдовало окончательное, совершенно въ иномъ смыслѣ противъ ожидаемаго ими, рѣшеніе участи Амвросія. Австрійское правительство такъ дорожило тогда добрыми отношеніями къ нему императора Николая, къ великодушной помощи котораго вскорѣ потомъ предстояло ему прибѣгнуть, что, не смотря ни на какія конституціонные законы и права, признало необходимымъ оставить въ полной силѣ уже состоявшееся опредѣленіе по дѣлу объ Амвросіи. Подписанный 26 (14) іюля 1848 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ Добгольфомъ и сообщенный Амвросію указъ былъ слѣдующаго содержанія:

„Сіе рѣшеніе съ строжайшимъ подтвержденіемъ дается вамъ, дабы вы *отнюдь не имѣли никакого съ липованами союза*, но съ полученія сего *немедленно* отправились въ назначенное вамъ мѣстопребываніе въ городъ Цилли, и тамъ будете находиться по смерть вашу, съ тѣмъ замѣчаніемъ, что *выѣздъ изъ города никуда не дозволяется вамъ* безъ дозволенія отъ тамошняго губернатора.

„Два переданныя мнѣ министерскія повелѣнія при семъ же къ вамъ прилагаю, съ тѣмъ означеніемъ, что для проѣзда вашего въ Цилль и для содержанія вашего тамъ *на первый разъ* назначено вамъ получить 300 левовъ серебромъ, а на дальнѣйшее жительство ваше въ Цилли *опредѣленное царствомъ* содержаніе тамъ получать будете, какъ есть сообщено тамошнему губернатору.

„Кондиція же вамъ сдѣлана подпорою царства, дабы вы *удержаны были всякаго содѣйствія, вліянія и даже сношенія съ липованами* внутренними, равно и заграничными, въ про-

---

237) *Переписка*, вып. I, стр. 126

тивномъ же случаѣ какого вашего неисполнительнаго поступка примете тягчайшее воспрещеніе“ [238]).

Итакъ, всѣ надежды Амвросія съ товарищами на конституціонныя права, въ силу которыхъ могло бы быть отмѣнено прежнее рѣшеніе его дѣла, оказались тщетными: подтвержденіе прежняго опредѣленія о выѣздѣ на безвыходное по самую смерть жительство въ штирійскій городокъ Цилль было вновь объявлено теперь въ такихъ рѣшительныхъ выраженіяхъ, что оставалось только повиноваться безпрекословно. Впрочемъ, полгода почти проживши въ Вѣнѣ, вдали отъ Бѣлой-Криницы, отъ опротивѣвшихъ ему тамъ липованскихъ порядковъ и липованскаго общества, Амвросій могъ быть даже весьма доволенъ состоявшимся рѣшеніемъ его участи: въ Константинополь, къ патріарху, чего такъ боялся онъ, его не выслали; мѣстомъ заточенія назначили городъ совсѣмъ не захолустный, стоявшій недалеко отъ такихъ видныхъ пунктовъ, какъ Герцъ и Тріестъ, населенный въ значительной степени греками; обѣщано и содержаніе отъ правительства, какъ онъ надѣялся, соотвѣтствующее его званію. А такъ какъ, несмотря на строжайшее воспрещеніе имѣть какія-либо сношенія съ липованами и даже на прямое воспрещеніе получать отъ нихъ какую-либо помощь, онъ былъ увѣренъ въ полученіи отъ монастыря условленнаго по контракту ежегоднаго жалованья въ 500 червонцевъ, то матеріальное положеніе въ Цилли являлось отнюдь не хуже бѣлокриницкаго. По всему этому назначенная ему ссылка представлялась уже не особенно тяжелою, даже отчасти желательною для него, какъ освобожденіе отъ

---

[238]) Списокъ Алимпіевой руки въ *Бѣлокр. арх.* Напечатанъ въ Павловой *Ист.* (стр. 233—234). У Павла въ *Памятникѣ* (№ 49) отмѣчено о привезеніи лично Алимпіемъ въ Бѣлую-Криницу этой копіи указа по переводу, сдѣланному, какъ и прочія, Огняновичемъ, и далѣе говорится, что „копія сія и прочія бумаги при особомъ дѣлѣ; а подлинныя у самого митрополита“. Точно излагая здѣсь же содержаніе рѣшенія отъ 14 (26) іюля, Павелъ, по поводу словъ, что „содержаніе тамъ будетъ ему (Амвросію) отъ казны“, замѣтилъ: „только какое, неизвѣстно“.

опротивѣвшихъ ему липованъ. Въ это время сынъ его съ семействомъ находился уже въ Вѣнѣ, — за ними незадолго передъ тѣмъ ѣздилъ въ Бѣлую-Криницу самъ Алимпій. Павелъ нашелъ необходимымъ тогда же прислать къ Амвросію попа Іеронима съ походною церковію, присутствіе которыхъ при ссыльномъ митрополитѣ должно было напоминать ему о его принадлежности къ именуемому старообрядчеству, а для самихъ старообрядцевъ, особенно россійскихъ, служить свидѣтельствомъ его якобы неизмѣнной вѣрности этому старообрядчеству[239]). Сколько радъ былъ Амвросій пріѣзду сына съ семьей, столько же непріятно было ему появленіе раскольническаго попа, назначеннаго, вопреки его желанію, сопутствовать ему въ предназначенную ссылку. Но отъ этого непріятнаго спутника позаботилось освободить его само правительство: узнавъ о прибытіи къ Амвросію липованскаго попа съ церковью, оно справедливо усмотрѣло здѣсь нарушеніе предписаннаго ему прекращенія всякихъ дальнѣйшихъ сношеній съ липованами, и потому немедленно было сдѣлано распоряженіе о высылкѣ изъ Вѣны не только Іеронима съ походной церковью, но и „депутата Бѣлокриницкаго монастыря и всѣхъ липованскихъ обществъ въ Буковинѣ“ — Алимпія Милорадова. Мало того, и самъ Амвросій отправленъ былъ въ ссылку одинъ, въ сопровожденіи полицейскаго чиновника, — его сыну съ семействомъ не дозволено было съ нимъ ѣхать: онъ остался на время въ Вѣнѣ, имѣя притомъ въ виду, что отца его могутъ перевести на жительство и въ другое еще мѣсто[240]).

---

[239]) Въ *Памятникѣ* у Павла записано: „2-го числа іюля самъ ин. Алимпій изъ Вѣны прибылъ, присланный отъ митрополита на совѣтъ, какія бы принять мѣры. 7-го же іюля отправленъ паки въ Вѣну съ сыномъ его и съ священникомъ Іеронимомъ и съ церковію“.

[240]) Въ *Памятникѣ* записано: „Инокъ Алимпій со священникомъ Іеронимомъ и съ церковію подвижною обратно прибыли, а сынъ митрополита Георгій Андреевичъ съ семействомъ остался въ Вѣнѣ, ибо митрополитъ полиціею одинъ отправленъ въ г. Цилль; но и еще неизвѣстно, тамъ ли останетъ; если тамъ конечно останетъ, то и сынъ намѣренъ туда жъ ѣхать. А нашимъ посламъ полиція прописала пасъ на выѣздъ обратно домой по непріятному замѣчанію правитель-

Такимъ образомъ ровно черезъ полгода послѣ неожиданнаго и, какъ полагалъ онъ, на короткое время отъѣзда изъ Бѣлой-Криницы, Амвросій былъ навсегда удаленъ оттуда и отправленъ въ назначенное ему мѣсто ссылки, гдѣ и было суждено ему прожить до самой смерти. Онъ долженъ былъ радоваться и благодарить Бога, что правительство такимъ способомъ пресѣкло его дальнѣйшую преступную дѣятельность у раскольниковъ въ ихъ Бѣлокриницкой митрополіи, въ качествѣ главы ихъ незаконной іерархіи, однимъ учрежденіемъ которой онъ уже навсегда опозорилъ свое имя въ исторіи православной церкви, положивъ вмѣстѣ съ тѣмъ пятно и на греческое духовенство, изъ среды котораго вышелъ на свое преступное дѣло у раскольниковъ.

16. Невзгоды, постигшія бѣлокриницкихъ ставленниковъ въ Турціи: замыслы противъ нихъ сарыкойскихъ и другихъ противниковъ іерархіи; пріѣздъ Аркадія; заключеніе въ тюрьму, слѣдствіе и освобожденіе.

Когда производилось въ Вѣнѣ слѣдственное дѣло объ Амвросіи, кончившееся его ссылкой на безысходное жительство въ штирійскій городокъ, въ то же время и поставленный имъ первый за предѣлы Австріи епископъ—Аркадій Славскій съ прочими при немъ духовными лицами подвергнутъ былъ турецкимъ правительствомъ суду и на первыхъ порахъ испыталъ тяжелыя огорченія.

Сарыкойскіе депутаты, противники новаго священства, бывшіе на славскомъ соборѣ 8 іюля 1847 г , какъ мы говорили, отпра-

---

ствомъ за церковь и за священника, якобы митрополитъ умыслилъ другой монастырь липованскій въ Цилли завести тайно“ (№ 49). Потомъ, въ письмѣ къ Аркадію въ Славскій скитъ отъ 28 августа Павелъ писалъ: „Наше министерство принудило митрополита принять послѣднее рѣшеніе, дабы къ намъ отнюдь уже никогда не только имѣлъ какое содѣйствіе касательно священства, но даже союза и письменнаго сношенія; а мѣсто заточенія его назначено ему городъ Цилль. Онъ боялся за ослушаніе большей кары, повинуяся тому рѣшенію“ (*Переписка*, вып. I, стр. 130—131).

вились домой съ полною увѣренностью, что дѣло о поставленіи священниковъ для добруджинскихъ старообрядцевъ имъ удалось оттянуть до Покрова и что къ тому времени можно будетъ даже совсѣмъ потушить его. Это они передали своему обществу, которое было очень довольно такимъ исходомъ дѣла. Но на другой же день по пріѣздѣ депутатовъ сдѣлалось извѣстнымъ, что за ночь славскіе отцы успѣли не только рѣшить вопросъ о принятіи бѣлокриницкаго священства, но и выбрали кандидатовъ на поставленіе въ попы и діаконы; а вскорѣ потомъ получилось извѣстіе, что выбранъ ими кандидатъ и въ епископы, тотъ самый Аркадій лаврентьевскій, который такъ много говорилъ на славскомъ соборѣ въ защиту бѣлокриницкаго священства. Всѣ эти вѣсти привели сарыкойское общество въ неописанное волненіе. Собрали большой кругъ. Есаулъ объявилъ на кругу что̀ случилось, и предложилъ міру на разсужденіе вопросъ: какъ поступить теперь? Присутствовавшій на кругу московскій гость Слезкинъ подалъ мысль — написать въ Москву, къ тамошнимъ „христіянамъ“, у нихъ попросить совѣта, какъ поступить въ настоящихъ обстоятельствахъ, — прямо спросить: можно ли заимствоваться священствомъ отъ Амвросія, о которомъ есть подозрѣніе, что онъ обливанецъ? Слезкинъ указалъ и человѣка въ Москвѣ, способнаго дать желаемый, отвѣтъ — именно дворника изъ Рогожской, Ивана Александрова Гусева, который извѣстенъ былъ между московскими поповцами какъ большой начетчикъ, ревнитель старой вѣры и горячій противникъ новоучрежденной бѣлокриницкой іерархіи. На кругу приняли совѣтъ Слезкина. Написать письмо поручили Михайлѣ Иванову Кудрявцеву, какъ болѣе другихъ грамотному, что̀ онъ и исполнилъ безъ промедленія. 4-го августа опять составили большой кругъ, чтобы выслушать и подписать письмо. Начиналось оно витіеватымъ обращеніемъ къ Гусеву: „истинныя православныя вѣры блюстителю, крѣпкому поборнику догматовъ святыя соборныя и апостольскія восточныя церкви, зѣльному прорицателю божественнаго писанія, ревнителю горнаго Іерусалима житія“, и пр. и пр. Затѣмъ слѣдовалъ разсказъ объ Амвросіи и о раз-

ногласіяхъ возникшихъ между некрасовцами относительно принятія отъ него священниковъ „Рожденіе его, Амвросія, въ городѣ Юнусѣ... А вблизи сего города Юнуса наши христіане неподалеку жительствовали и нынѣ по торговой части заимствующіе часто бываютъ, и очевидно нѣсколько разъ видѣли греческое крещеніе и свидѣтельствуютъ предъ иконой, что въ грекахъ, въ Юнусѣ, даже и по всей Греціи, погружаютъ младенца до плечъ іереи трижды, а потомъ изъ той же купели трижды обливаютъ безъ погруженія. И мы сему ихъ свидѣтельству несумнѣнно вѣруемъ, и васъ нашею совѣстью увѣряемъ, что истинно есть свидѣтельство". Вина за то, что, несмотря на обливанство Амвросія, многіе изъ некрасовцевъ согласились принять отъ него священство, въ письмѣ слагалась главнымъ образомъ на Аркадія, Лаврентьева монастыря настоятеля, и того же монастыря инока Евфросина: они на соборахъ защищали Амвросія и склонили въ его пользу славскихъ иноковъ, также двѣ слободы, Журиловку и Славу; по ихъ же настоянію избранъ въ епископы самъ Аркадій лаврентьевскій и еще двое, — одинъ въ священники, другой въ діаконы, и отправлены для поставленія къ митрополиту въ Бѣлую Криницу 23 іюля. „И теперь вы, милостивѣйшей государь и о Христѣ благотворитель Іоаннъ Александровичъ, — писано было въ заключеніе, — разсудите сей раздоръ церковный, будетъ ли въ семъ раздорѣ благодать Св. Духа дѣйствовать, или нѣтъ; и просимъ васъ, Господа ради, если къ вамъ будутъ отъ сего числа изъ Бѣлой Криницы письмы въ Москву, или изъ-за Дуная о поставленіи за Дунай епископа, и будутъ васъ увѣрять, что задунайцы согласны, то не вѣрьте ихъ письмамъ, Господа ради: понеже мы не согласны отъ греческаго патріарха за вышепоявленное греческое крещеніе принимать священство, если не докажутъ изъ отеческихъ правилъ; а если правило велитъ отъ таковаго хиротонисанія принимать священство, то безъ сомнѣнія будемъ согласны принять оное отъ бѣлокриницкаго митрополита .. Мы зашедшіе съ давнихъ временъ въ Турцію, и божественныхъ книгъ мало у насъ имѣется: то, Господа ради, просимъ и молимъ васъ слезно, не презрите

нашего къ вамъ слезнаго прошенія, воспишите къ намъ по полученіи сей епистоліи, на которомъ ваши московскіе и прочіе всѣ христіане окрестные положеніи основываются и како разумѣютъ о семъ митрополитѣ“ [211]). Такимъ образомъ некрасовцы обращались къ московскимъ старообрядцамъ за совѣтомъ и сами съ своей стороны рѣшительно увѣряли ихъ, что Амвросій дѣйствительно обливанецъ. Письмо это прочитанное на кругу, очень понравилось сарыкойцамъ. Начали сейчасъ же собирать подписи къ нему. Присутствовавшій здѣсь Гончаровъ разсказываетъ: „Чудо было зрѣти и удивленію достойно, какъ они со тщаніемъ къ подписи толпились, — другъ друга рѣяху, даже сдѣлали шумъ большой, — одинъ кричитъ: меня подписывай! а другіе горланятъ: насъ подписывай! А я сидѣлъ и удивлялся безумному ихъ успѣху“ [212]). Всѣхъ подписавшихся было 38 человѣкъ. Послѣ этого все время, пока избранныя на поставленіе въ священныя степени лица ѣздили въ Бѣлую Криницу, у сарыкойцевъ происходили шумныя совѣщанія о томъ, какъ поступить имъ, когда пріѣдетъ въ Славу новопоставленный епископъ съ священникомъ и діакономъ. Совѣта изъ Москвы, отъ Гусева, не надѣялись скоро получить. Одинъ изъ горячихъ противниковъ

---

211) Письмо это напечатано въ 1-мъ вып. *Переписки раск. дѣятелей* (стр. 163—168) Былъ ли отвѣтъ на него отъ Ивана Александрова, прямыхъ указаній на то не имѣемъ; но есть одно письмо его къ сарыкойскому уставщику Евтихію Евстратьеву, писанное не позднѣе 1848 года, которое можно считать именно за отвѣтъ на письмо сарыкойцевъ, сочиненное Кудрявцевымъ (Евтей Евстратьевъ подписался подъ нимъ одинъ изъ первыхъ). Здѣсь Иванъ Александровъ весьма рѣзко отзывается о бѣлокриницкомъ священствѣ и убѣждаетъ сарыкойцевъ не принимать его; извѣщаетъ также, что и въ Москвѣ немногіе „заражены симъ повѣтріемъ, занесеннымъ отъ запада“. Въ заключеніе пишетъ: „И вы, Бога ради, прострите свое тщаніе и потщитеся помощь подать всѣмъ христіанамъ, — пошлите хотя нарочитаго человѣка къ тѣмъ некрасовцамъ, какъ они пребываютъ и какого мнѣнія держатся, и нельзя ли отъ нихъ писмецо потребовать для еще совершеннаго подкрѣпленія московскаго общества и съ прописаніемъ нѣкоторыхъ рукъ, *якоже и ваше*“ (*Переписка*, вып I, стр. 168—169).

212) Въ своемъ сказаніи „о первомъ начатіи“ и проч.

новоучрежденнаго священства, Платонъ Семеновъ, подалъ мысль — перенести дѣло на судъ турецкаго правительства. „Ежели бы міръ съ умомъ былъ, — говорилъ онъ, — такъ поѣхалъ бы въ Бабу (Бабадагъ), да сказалъ бы начальству, что наши-де взяли греческую вѣру, соединились съ греками, и теперь вамъ, туркамъ, могутъ зло учинить"! Когда эти рѣчи дошли до стариковъ, одни ихъ одобряли: „это онъ хорошо выдумалъ, такъ и надо сдѣлать!" другіе же говорили, что это опасная затѣя: „дѣло большое у царя кляузы дѣлать; помилуй Богъ чего худого! тогда и намъ бы не досталось страдать!" [213]). Между тѣмъ получено было извѣстіе, что новопоставленный епископъ Славскій пріѣхалъ изъ Австріи и вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей.

Путешествіе Аркадія совершалось довольно медленно. 1-го сентября выѣхавъ изъ Бѣлой Криницы съ священноинокомъ Евфросиномъ и іеродіакономъ Іаковомъ (забракованный Амвросіемъ Аркадій лаврентьевскій, должно быть, стыда ради не поѣхалъ въ Славу, а остался въ Бѣлой Криницѣ), онъ только въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца достигъ предѣловъ своей епархіи. Вступалъ онъ въ эту свою епархію не безъ опасеній. На пути лежало селеніе Камень, извѣстное своимъ нерасположеніемъ къ новоучрежденной іерархіи еще съ тѣхъ поръ, какъ Амвросій съ Павломъ проѣзжалъ черезъ Добруджу и такъ опасался непріятностей отъ каменскихъ жителей. И Аркадій поэтому не ожидалъ отъ нихъ хорошей встрѣчи. Но случилось не такъ. Услышавъ, что новопоставленный епископъ пріѣхалъ въ Браиловъ, каменскіе старообрядцы составили кругъ и міромъ рѣшили — „послать стариковъ навстрѣчу ему съ хлѣбомъ и просить, чтобы посѣтилъ ихъ своимъ честнымъ пріѣздомъ"; а когда пріѣхалъ, „всѣ поклонились ему до земли" [214]). Это было наканунѣ праздника Покрова Богородицы: каменскіе жители просили Аркадія отпраздновать у нихъ праздникъ, и Аркадій съ радостью испол-

---

213) Гончаровъ, тамъ же.

214) Гончаровъ, тамъ же.

нилъ ихъ желаніе. Вообще, ему доставилъ большое утѣшеніе этотъ радушный и торжественный пріемъ при самомъ вступленіи его въ предѣлы епархіи, притомъ же сдѣланный каменскими жителями, отъ которыхъ ничего подобнаго онъ не могъ и ожидать. Еще радостнѣе и торжественнѣе была встрѣча, устроенная славскою братіей и журиловцами. О томъ, что въ санѣ епископа встрѣчали не своего первоначальнаго избранника, едва ли кому приходило и на мысль при тогдашнемъ праздничномъ настроеніи духа; да и кромѣ того, съ послѣдовавшею перемѣной мирились охотно потому, что всѣ знали Аркадія какъ человѣка вполнѣ достойнаго полученной имъ степени по доброму нраву и воздержной жизни. Журиловцы, всѣмъ обществомъ, не преминули даже, вскорѣ по пріѣздѣ новопоставленнаго владыки, препроводить въ Бѣлую Криницу благодарственное посланіе Амвросію „за рукоположеніе преосвященнаго епископа Аркадія и за милосердіе къ нимъ, сирымъ и страннымъ и не имѣвшимъ гдѣ главы подклонити, а нынѣ чающимъ обрѣсти покой“ [215]). Они извѣщали также бѣлокриницкихъ благодѣтелей своихъ, что все у нихъ благополучно, начатое построеніе церкви идетъ успѣшно и въ праздникъ Введенія надѣются освятить. Съ первыхъ чиселъ ноября они начали уже разсылать въ разныя старообрядческія общества приглашенія въ Журиловку на предназначенное освященіе храма.

Извѣстія о всемъ этомъ, особенно же о предстоящемъ освященіи церкви въ Журиловкѣ, крайне безпокоили и смущали сарыкойцевъ. Относительно журиловскаго празднества старики сарыкойскіе, послѣ долгихъ совѣщаній, рѣшили, что необходимо принять самыя рѣшительныя мѣры противъ тѣхъ, кто вздумалъ бы ѣхать на освященіе церкви. Есаулъ сдѣлалъ по селу закличку, что кто поѣдетъ въ Журиловку, пусть забираетъ жену и дѣтей и выѣзжаетъ совсѣмъ изъ селенія, а то убьютъ и разграбятъ. Несмотря на эти угрозы, Гончаровъ и еще четверо зажиточныхъ сарыкойскихъ казаковъ рѣшились ѣхать на такое невиданное торжество, какъ освя-

[215]) Подлинное въ *Бѣлокр. арх.*

щеніе церкви, совершаемое архіереемъ. Наканунѣ Введенія они отправились въ Журиловку. Народу собралось тамъ довольно: наутро ожидали епископа съ духовенствомъ. Къ празднику все было готово; но праздника справить не удалось.

Въ тотъ же день, наканунѣ Введенія, упомянутый выше Платонъ Семеновъ сдѣлалъ доносъ турецкому начальству въ Бабадагѣ.

— Вы здѣсь начальники? — спросилъ онъ, явившись прямо въ собраніе турецкаго меджлиса.

— Мы начальники.

— Что же вы здѣсь разсматриваете?

— Какое дѣло есть, то и смотримъ.

— Ну, такъ плохо же вы смотрите; какъ бы вы смотрѣли хорошенько, не допустили бы себя до разоренія.

Турки встревожились.

— До какого разоренія? что такое говоришь ты?

— А развѣ вы не знаете, что наши приняли греческую вѣру и согласились съ греками дѣлать вамъ зловредство? Я, жалѣючи васъ, говорю вамъ объ этомъ.

Меджлисъ потребовалъ, чтобъ указаны были главные зачинщики и виновники этого дѣла. Платонъ назвалъ прежде всѣхъ Гончарова, потомъ епископа, священника и діакона. Въ Славскій скитъ немедленно отправили гаваса за Аркадіемъ и прочими лицами; тогда же послали приказъ въ Журиловку, чтобы Гончаровъ и старики журиловскіе немедленно ѣхали въ Бабадагъ. Когда утромъ 21-го ноября явились они въ кунакъ, меджлисъ уже былъ въ полномъ сборѣ, и только что Гончаровъ предсталъ предъ лицо этого судилища, какъ аянъ отдалъ гавасамъ приказъ отвести Гончарова въ тюрьму. Не входя въ разбирательство дѣла, туда же приказали отвести и Аркадія со священноинокомъ Евфросиномъ и съ діакономъ, а прочихъ отпустили по домамъ, строго наказавъ, чтобы въ слѣдующее воскресенье, 23-го ноября, народъ изо всѣхъ селеній явился для суда и расправы. Такимъ образомъ этотъ день, въ который журиловцы надѣялись отпраздновать освященіе своей новой церкви, оказался однимъ изъ самыхъ злополучныхъ для

епископа и для всего общества некрасовцевъ, принявшихъ бѣлокриницкое священство: съ этого дня началась для Аркадія и главныхъ его сторонниковъ тяжелая пора испытаній.

Въ воскресенье съѣхались въ Бабадагъ некрасовцы изъ Сарыкоя, Славы и Журиловки; пріѣхалъ и настоятель Славскаго скита инокъ Макарій съ братіей: собралось столько народу, что не могли и помѣститься на дворѣ кунака. Аянъ приказалъ гавасамъ надѣть полное вооруженіе Меджлисъ во всемъ составѣ явился производить судъ. Народъ раздѣлился на двѣ стороны, — на одной стояли сарыкойцы и прочіе, не расположенные къ бѣлокриницкому священству, на другой — журиловцы и скитскіе. Стали допрашивать, кто хочетъ принять греческую вѣру, то-есть священство отъ Амвросія, и кто не хочетъ. Изъ среды сарыкойцевъ выступилъ Яковъ Тюлень, и громко провозгласилъ: „кто не хочетъ въ греческую вѣру? подымай руки!“ Весь народъ, кромѣ журиловскихъ и скитскихъ, подняли руки кверху, „даже смотрѣть было ужасно, — замѣчаетъ Гончаровъ, — и яко громъ загремѣлъ, закричали: не хотимъ въ греческую вѣру!“ Тогда и съ противной стороны вышелъ журиловскій церковный строитель Михайла Андреевъ и также провозгласилъ: „кто согласенъ принять епископа? выходи сюда!“ Но едва сказалъ онъ это, какъ былъ схваченъ и отведенъ въ тюрьму къ Гончарову. Потомъ вызвали и прочихъ главныхъ сторонниковъ новаго священства, которые подписались на прошеніи къ Амвросію о поставленіи епископа, — журиловскаго Дмитрія Сеткаря, и славскихъ атамана Викула Карнѣева и уставщика Ефима Гапѣева: ихъ также отвели въ тюрьму. Затѣмъ Макарію со славскими иноками велѣли отправляться домой. Старецъ Макарій заплакалъ уходя, и, посмотрѣвъ на темницу, гдѣ заключенъ былъ Аркадій съ прочими узниками, громко сказалъ: *не бойся малое стадо* и проч. Турки спросили Тюленя: что старикъ говоритъ? Тюлень отвѣчалъ: это онъ вашу и нашу вѣру ругаетъ! Макарія велѣли воротить и также отвести въ тюрьму. Теперь нужно было какъ-нибудь кончить дѣло съ народомъ, — хотѣли именно ото всѣхъ получить под-

писку, что священства изъ бѣлокриницкой митрополіи не желаютъ и не принимаютъ. Сарыкойскіе и славскіе готовы были немедленно подписаться; журиловскіе отвѣчали, что не откажутся отъ епископа и священниковъ, хотя бы за нихъ и пострадать пришлось. Къ нимъ приступили съ угрозами,— говорили, что разорятъ въ конецъ, если не дадутъ подписей, исключатъ изъ казацкаго званія, лишатъ всѣхъ казацкихъ привилегій, станутъ брать харачъ и т. п. Журиловцы крѣпились; однакоже ихъ силой заставили подписаться. Этимъ на первое время и конченъ былъ судъ. Сарыкойцы отправились домой съ торжествомъ и долго пировали по случаю побѣды надъ противниками; у журиловцевъ, напротивъ, и у славскихъ иноковъ большое было горе.

Относительно посаженныхъ въ тюрьму было постановлено содержать ихъ подъ строгимъ карауломъ. Съ Гончаровымъ посажено было пять человѣкъ: инокъ Макарій, Михайла Андреевъ, Дмитрій Сеткарь, Викулъ Карнѣевъ и Еѳимъ Гапѣевъ. Мѣсто, куда ихъ заключили, представляло замѣчательный образчикъ турецкихъ тюремъ по маленькимъ городамъ. Это была какая-то холодная, смрадная и темная конюшня: „Такая была несусвѣтная тьма, — пишетъ Гончаровъ, — что даже другъ друга въ глаза не видать, а тѣснота такая, что негдѣ даже и поворотиться; огонь свѣтили въ нощи и во дни“. Къ заключеннымъ никого изъ знакомыхъ и близкихъ не пускали. Аркадію съ двумя товарищами отвели тюремное отдѣленіе нѣсколько почище. Никакія просьбы родныхъ объ облегченіи ихъ участи не имѣли успѣха: противники, торжествовавшіе побѣду, только глумились надъ заключенными [216]).

---

[216]) Всѣ эти подробности заимствованы изъ Сказанія Гончарова. Согласно съ нимъ писали объ участи Аркадія съ товарищами и другіе. Такъ Аркадій Лаврентьевскій, возвратившійся изъ Бѣлой-Криницы, писалъ туда отъ 19 августа 1848 года: „За обстоятельствы наши подробно васъ увѣдомить недостаетъ нашего ни разума, ни памяти, ни числа нашихъ бѣдствій, развѣ что̀ мало воспишемъ на сей хартіи. Отъ ноября мѣсяца, по прибытіи вскорѣ въ здѣшнюю страну, толь сильно

Между тѣмъ бабадагскія власти разсудили, что держать въ тюрьмѣ нѣсколько человѣкъ, и въ томъ числѣ такое значительное лицо, какъ епископъ, нельзя же безъ сообщенія о томъ высшимъ чинамъ. Во второй половинѣ января 1848 года, спустя именно семь недѣль со времени заключенія Аркадія и Гончарова съ прочими, они послали донесеніе рущукскому губернатору Садыкъ-пашѣ, при чемъ препроводили и отобранныя отъ некрасовцевъ подписки о нежеланіи имѣть новоучрежденное священство, въ доказательство того, что лица содержащіяся подъ стражей единственные и главные виновники заведенія у некрасовцевъ этого новаго священства. Тогда же, вѣроятно изъ опасенія отвѣтственности передъ высшимъ начальствомъ, они облегчили нѣсколько и положеніе заключенныхъ.

сатана возрыча, и отъ злобы и зависти весь адъ воздвигну своими бѣсы. Многія искушенія претерпѣли отъ безбожныхъ турокъ, чрезъ цѣлую зиму, по клеветѣ ложной: преданы были турецкой кустодіи трое освященныхъ лицъ — епископъ, священникъ и діаконъ; славскихъ двое — уставщикъ и атаманъ; журиловскихъ двое — Митрій Иванычъ Сеткарь, Михаилъ Андреичъ церковный строитель, Іосифъ Семеновичъ Гончаровъ. Содержались долгое время въ конюшнѣ съ лошадьми, въ зимнее время, такъ что у многихъ отпали и отболѣли подошвы“ (*Переписка*, вып. 2, стр. 6). А Павелъ еще въ февралѣ 1848 г. писалъ въ Балту Милякову: „За Дунаемъ, въ Турціи, новопосвященный г. епископъ Аркадій со всѣмъ своимъ освященнымъ клиромъ и съ первостатейными сельскими начальниками почти въ то же время (когда вытребованъ Амвросій на судъ), т.-е. въ ноябрѣ 1847 года, также по ненависти враждующихъ, оклеветаны и всѣ даже до сихъ поръ содержатся въ городѣ Браиловѣ (это ошибка, — не въ Браиловѣ, а въ Бабадагѣ) подъ стражею турецкою, якобы мы всѣ, старовѣрцы и казаки, принявши греческаго митрополита, согласились съ греками и болгарами, и тѣмъ поставили насъ въ лицѣ непріятеля“ (Тамъ же, вып. 1, стр. 118). И изъ Браилова, въ январѣ, кто-то писалъ въ Саратовъ: „У насъ здѣсь на Хуторѣ и за Дунаемъ Серекол не приняла (епископа), а Журиловка приняла. Серековскіе и хуторяне потому не принимаютъ, что Грецiя отъ папы приняла обливаніе, и донесли алну, сирѣчь начальнику, якобы хочетъ воевать на турку: и теперь они, — епископъ, попъ и діаконъ, Іосифъ Гончаровъ и прочіе человѣкъ до пяти сидятъ въ засадѣ“ (Тамъ же, стр. 170).

Когда журиловскіе узнали, что дѣло ихъ послано въ Рущукъ „къ апашѣ“, они также отправили туда посольство — хлопотать предъ начальствомъ за своихъ узниковъ и вообще объяснить ему сущность дѣла. Садыкъ-паша выслушалъ ихъ, и чтобъ изслѣдовать надлежащимъ образомъ дѣло, послалъ въ Бабадагъ своего чиновника, который по пріѣздѣ въ городъ немедленно началъ слѣдствіе. Въ общее собраніе меджлиса приглашены были опять сарыкойскіе, славскіе и журиловскіе некрасовцы. Такъ какъ единственнымъ законнымъ основаніемъ для заключенія въ тюрьму Аркадія и прочихъ служили подписки, данныя самими журиловцами, что новаго священства и они принимать не желаютъ, то на это обстоятельство присланный губернаторомъ чиновникъ и обратилъ особенное вниманіе. Онъ спросилъ журиловцевъ:

— Вы жалуетесь, что заключили вашего епископа и не дозволяютъ вамъ имѣть духовенство, какое вы желаете: зачѣмъ же вы сами подписались, что этого епископа и духовенство это принимать не хочете?

— Какъ же намъ было не подписаться, — отвѣчали журиловцы, — когда намъ дѣлали разныя пристрастія и разными бѣдами грозили, — говорили: коли не подпишетесь, разоримъ село ваше, и харачъ платить будете, и разошлемъ васъ по селеніямъ? Страха ради мы и подписались!

Чиновникъ повѣрилъ журиловскимъ старикамъ и сказалъ имъ, что ихъ дѣло правое. На другой день онъ вытребовалъ для допроса троихъ заключенныхъ — Михаила Андреева, Гончарова и инока Макарія. „Пришли гавасы въ тюрьму, — повѣствуетъ Гончаровъ, — взяли насъ и привели къ нему. Онъ когда увидѣлъ насъ, спросилъ: за что вы посажены? Мы поклонились ему и заплакали слезно Онъ намъ сказалъ весьма ласково: не бойтесь и разскажите, какъ дѣло было. Мы ему разсказали все подробно. Онъ намъ еще сказалъ: не бойтесь; я отпишу, что ваше дѣло справедливо, а самъ поѣду въ Тульчу и тамъ буду ожидать отъ апаши отвѣта“.

Послѣ этого перваго слѣдствія журиловцы, дѣйствительно, ободрились и начали усердно хлопотать объ освобожденіи

заключенныхъ. Но и сарыкойцы, въ союзѣ съ бабадагскимъ начальствомъ, недовольнымъ слѣдствіемъ губернаторскаго чиновника, напали съ новымъ ожесточеніемъ на журиловцевъ и послали начальству въ Рущукъ новые доносы на нихъ, особенно же на скитскихъ иноковъ [217]); а у себя поставили правиломъ: если кто вмѣстѣ съ журиловцами и вообще пріемлющими новое священство соединится въ моленіи, не иначе принимать такихъ въ общеніе, какъ подъ третій чинъ, если же кто будетъ крещенъ, или вѣнчанъ новыми попами, тѣхъ перекрещивать и снова вѣнчать. Въ этой взаимной борьбѣ пріемлющихъ и не пріемлющихъ бѣлокриницкое священство прошло еще два мѣсяца, пока чиновникъ, производившій слѣдствіе, послалъ, наконецъ, изъ Тульчи все дѣло въ Рущукъ на разсмотрѣніе губернатора. Садыкъ-паша, разсмотрѣвъ дѣло, и принимая въ разсчетъ новые доносы отъ сарыкойцевъ, нашелъ нужнымъ послать на мѣсто другого чиновника, болѣе значительнаго, Тифтедаря-эфенди, котораго снабдилъ важными полномочіями. Тифтедарь на пути въ Бабадагъ видѣлся въ Тульчѣ съ прежнимъ слѣдователемъ и имѣлъ бесѣду о дѣлѣ некрасовцевъ съ тульчинскимъ начальствомъ, которому дѣло это было довольно извѣстно. Всѣ держались того мнѣнія, что никакихъ опасныхъ для турецкаго правительства замысловъ въ принятіи новаго священства со стороны некрасовцевъ не было, и что лица, посаженныя въ тюрьму, терпятъ неволю напрасно, только по злобѣ на нихъ противной партіи, не желающей новаго священства. Такимъ образомъ Тифтедарь-эфенди пріѣхалъ въ Бабадагъ расположенный дѣйствовать въ пользу журиловской стороны. Онъ пріѣхалъ 9-го апрѣля, въ великій пятокъ, и немедленно сдѣлалъ распоряженіе, чтобы сарыкойское, славское и журиловское общества явились для допросовъ.

---

217) Вслѣдствіе этихъ доносовъ едва не разрушена была скитская церковь: „Поѣхали они (сарыкойцы) къ начальству съ сильною клеветой, и были вынуждены начальники пріѣхать вмѣстѣ съ ними въ скитъ къ церкви, и хотѣли церковь разорить. Но видѣвши отцы стали весьма горько и слезно плакать. Видитъ начальство ихъ горькое рыданіе, умилосердилось, оставило, — только разорило колокольню“ (Гончаровъ).

На другой день, въ великую субботу, собрался меджлисъ въ полномъ составѣ: „семнадцать чиновниковъ было, кромѣ простыхъ людей“. Изъ Сарыкоя, Славы и Журиловки пріѣхали выборные. Послѣ допроса и разсмотрѣнія дѣла Тифтедарь-эфенди сдѣлалъ опредѣленіе — всѣхъ содержащихся въ тюрьмѣ выпустить на свободу. Бабадагское начальство и на этотъ разъ не хотѣло подчиниться рѣшенію присланнаго губернаторомъ чиновника; сарыкойскіе и славскіе депутаты, съ своей стороны, также требовали настойчиво — не освобождать заключенныхъ. Но Тифтедарь, несмотря на все это, былъ твердъ въ своемъ рѣшеніи, и узники были бы немедленно выпущены на волю, если бы не случилось слѣдующее обстоятельство: одинъ изъ заключенныхъ, Дмитрій Сеткарь, „изнемогъ отъ малодушія и ослабѣлъ въ терпѣніи“, — послалъ сказать сарыкойцамъ, что отказывается отъ новаго священства. Сарыкойцы и бабадагское начальство воспользовались этимъ обстоятельствомъ и поставили его на видъ рущукскому чиновнику, какъ доказательство, что и сами заключенные сознаются, наконецъ, въ своей винѣ. Тифтедарь былъ приведенъ этимъ въ недоумѣніе. Приказалъ привести Сеткаря на кунакъ: здѣсь, къ великому огорченію журиловцевъ, онъ объявилъ, что дѣйствительно отрекается отъ новаго священства [218]). Тогда нашли нужнымъ допросить и прочихъ заключенныхъ: привели на кунакъ Михаила Андреева и Гончарова, которымъ также предложили отречься отъ новаго священства. Тѣ не согласились. Опять посадили ихъ въ тюрьму, и всѣ усилія Тифтедаря-эфенди освободить заключенныхъ послѣ этого не имѣли уже успѣха, — онъ принужденъ былъ отступиться; однако, уѣзжая, далъ рѣшительный приказъ бабадагскому начальству — выпустить на свободу всѣхъ посаженныхъ въ тюрьму, а журиловскимъ старикамъ велѣлъ пріѣхать въ Рущукъ, если ихъ дѣло затянется еще дольше.

---

[218]) Сеткарь послѣ этого былъ выпущенъ изъ тюрьмы, но потомъ, черезъ недѣлю, посаженъ снова, такъ какъ на дѣлѣ отрекаться отъ новаго священства и идти подъ третій чинъ къ сарыкойскому бѣглому попу не согласился.

Итакъ, бабадагскимъ узникамъ, къ великому ихъ огорченію, пришлось и праздникъ Пасхи просидѣть въ тюрьмѣ. Не менѣе ихъ скорбѣли объ этомъ и журиловцы. Въ первый же день Пасхи они общимъ совѣтомъ положили — употребить всѣ старанія объ освобожденіи заключенныхъ, и какъ только прошла святая недѣля, журиловскіе старики, дѣйствительно, отправились въ Рущукъ „стараться за своихъ страдальцевъ". Услышавъ объ этомъ, бабадагское начальство, чтобъ избѣжать отвѣтственности, поспѣшило исполнить распоряженіе Тифтедаря-эфенди о выпускѣ заключенныхъ на свободу. Собрался меджлисъ; призвали Михаила Андреева, Гончарова, инока Макарія и объявили имъ, что они могутъ идти по домамъ, что только епископъ, священникъ и діаконъ останутся до времени подъ стражей. Старикъ Макарій отказывался выходить изъ тюрьмы безъ епископа; но его выслали насильно.

Между тѣмъ журиловскіе старики лично изложили свою жалобу рущукскому губернатору Садыкъ-пашѣ Ихъ показанія были согласны съ донесеніемъ Тифтедаря-эфенди, и потому Садыкъ-паша изъявилъ готовность имъ покровительствовать. Но чтобы кончить дѣло у некрасовцевъ, жившихъ въ имперіи на особыхъ правахъ и преимущественно въ отношеніи къ религіи находившихся въ исключительномъ положеніи, онъ не видѣлъ иного средства, какъ переписать всѣхъ принимающихъ новое священство и не принимающихъ, — опредѣлить, которыхъ больше по числу, которыхъ меньше, и отдѣлить однихъ отъ другихъ. Это порученіе онъ возложилъ на одного изъ первыхъ своихъ чиновниковъ — Аметъ-эфенди, а въ помощники ему назначилъ любимца своего — грека Стамакія. Аметъ-эфенди поѣхалъ сначала въ Мачинъ и Тульчу собрать нужныя ему свѣдѣнія, а Стамакій отправился прямо въ некрасовскія слободы „ревизовать, кто куда согласенъ". Въ Сарыкоѣ всѣ объявили, что новаго священства не принимаютъ: „хотя и были согласные, но страха ради утаилися, да не постраждутъ что̀ таково, якоже и мы", замѣчаетъ Гончаровъ; въ Славѣ оказались и согласные и несогласные на принятіе бѣлокриницкаго священства; а въ Журиловкѣ всѣ

рѣшительно, за исключеніемъ какого-то Маргульки, объявили себя на сторонѣ епископа и новыхъ поповъ. Придавъ этимъ показаніямъ законную, официальную форму, Стамакій представилъ ихъ Амету-эфенди, который не замедлилъ пріѣхать въ Бабадагъ. Здѣсь, въ полномъ собраніи меджлиса, онъ объявилъ, чтобы отнынѣ тѣ, которые не хотятъ принимать новоучрежденное священство, предоставили принявшимъ это священство полную свободу пользоваться имъ безвозбранно. Между тѣмъ Стамакій, еще на пути въ некрасовскія селенія, заѣзжалъ въ Бабадагъ и отдалъ приказаніе отпустить Аркадія со всѣми прочими, содержавшимися подъ стражей, что̀ и было немедленно исполнено [219]).

Такимъ образомъ новопоставленный славскій епископъ, почти полгода проведшій въ заключеніи [220]), получилъ наконецъ свободу, и дѣло некрасовцевъ — сторонниковъ бѣлокриницкаго священства областнымъ турецкимъ правительствомъ рѣшено

---

[219]) Подробности заимствованы изъ „Сказанія“ Гончарова.

[220]) Аркадій со священноинокомъ Евфросиномъ и діакономъ Іаковомъ взяты были подъ стражу 21-го ноября 1847 года, а освобождены въ первой половинѣ мая 1848 года. На допросѣ, производившемся въ 1854 г., Аркадій самъ показалъ: „Были подъ присмотромъ почти шесть мѣсяцевъ до 8-го мая 1848 года. Рущукскіе паши Садыкъ-паша, а по смерти его Саидъ-паша, производили сами строгое изслѣдованіе, но ничего не открывъ, отпустили насъ свободно“ (Дѣло объ Аркадіи, Алимпіи и Ѳеодорѣ въ Министерствѣ Внутрен. Дѣлъ). Павелъ писалъ въ Москву отъ 23 іюня 1848 г.: „О задунайскомъ фабрикантѣ А(ркадіи) мы получили извѣстіе, что прочіе купцы съ Тульчи и атаманы некрасовскихъ обществъ отправились къ высшему правительству съ новымъ прошеніемъ и доказали невинность его обо всемъ обстоятельно, и просили, чтобы тотъ фабрикантъ со всѣми къ нему прикосновенными по тому дѣлу прикащиками, и стариками, и рабочими, по клеветѣ сидящіе столь долгое время въ тюрьмѣ, были освобождены, и фабрики его, а въ прочихъ городахъ начатое устроеніе заведеній свободно были бы оставлены попрежнему, съ клеветниками же поступить по закону. Итакъ съ помощію Божіею получили совершенное разрѣшеніе и полное во всемъ удовлетвореніе. А пять человѣкъ клеветниковъ, уболѣвшись жестокой казни, себя потурчили (?). Итакъ по писанному изъ числа нашихъ православныхъ никтоже погибъ, токмо сынъ погибельный“ (*Переписка*, вып. 1, стр. 129).

въ ихъ пользу. Впрочемъ и послѣ этого противная партія не успокоилась: недовольная судомъ областнаго начальства, она рѣшилась перенести дѣло на судъ верховнаго правительства въ Константинополѣ, и вожди этой партіи съ увѣренностью говорили, что австрійскимъ попамъ не бывать у некрасовцевъ, что заводчиковъ этого новаго священства они опять засадятъ въ тюрьму и уморятъ тамъ.

Угрозы и похвальба сарыкойцевъ не могли не тревожить Аркадія и преданную ему часть некрасовскаго населенія Добруджи: клеветы, которыми старались они подѣйствовать на правительство, были такъ важны, что нельзя было оставить ихъ безъ вниманія. Къ этимъ тревогамъ присоединилась новая: въ некрасовскихъ селеніяхъ появилась холера, и народъ началъ впадать въ уныніе. Вообще, первое время по освобожденіи Аркадія изъ-подъ стражи было исполнено разныхъ тревогъ и опасеній; тѣмъ не менѣе однакоже славскій епископъ спѣшилъ воспользоваться свободой, чтобъ исполнить самыя необходимыя дѣла, и прежде всего совершить освященіе давно приготовленной журиловской церкви, такъ неожиданно оттянувшееся на долгое время, и поставить для журиловскихъ некрасовцевъ священника, въ которомъ теперь, по случаю повальной болѣзни, имѣлась особенная нужда, тѣмъ больше, что священноинокъ Евѳросинъ вскорѣ по освобожденіи заболѣлъ холерой [221]). Славскіе отцы полагали, что такое празднество, какъ освященіе церкви, благотворно подѣйствуетъ на духъ народа, впадавшаго въ уныніе, и на самихъ противниковъ новоучрежденнаго священства. 27-го мая совершено было это освященіе церкви со всѣмъ возможнымъ для перваго некра-

---

[221]) Аркадій лаврентьевскій писалъ въ Бѣлую-Криницу отъ 19-го августа 1848 года: „Холера у насъ явилась съ Троицына дня и доселѣ еще изрѣдка тревожитъ; потянулась далѣе, въ Турцію. Священноинокъ Евфросинъ весьма былъ труденъ; но теперь сталъ поправляться. Іеродіаконъ Пахомій холерою умре. Отецъ Стефанъ умре. Аркадій келарь оздравѣ. Инокъ Макарій, вашъ подкеларщикъ, холерою умре. Писатель сего письма былъ боленъ, но Богъ воздвигъ“ *(Переписка,* вып. 2, стр. 5—6).

совскаго епископа благолѣпіемъ, и на всѣхъ, дѣйствительно, произвело впечатлѣніе очень сильное· народу казалось, что съ этого времени какъ будто прекратились всѣ невзгоды; а общества каменское, браиловское, тульчинское тогда же приняли намѣреніе, по примѣру журиловцевъ, и у себя устроить церкви, нашлось также не мало между сарыкойскими и особенно славскими некрасовцами сочувствующихъ журиловцамъ и изъявившихъ готовность принять новое священство. Впослѣдствіи, извѣщая бѣлокриницкаго митрополита о своемъ праздникѣ, журиловцы писали: „Наша журиловская Покровская церковь освящена мая мѣсяца 27-го числа, по освобожденіи изъ заключенія нашего епископа съ причтомъ и самихъ насъ: она освящена въ самое бурное время, когда свирѣпствовали наши предатели, когда пылало пламя въ нашихъ жилищахъ, тогда, когда леталъ мечъ надъ главами нашими, она освящена въ самое то время, когда воздухъ наполненъ былъ вѣтротлѣніемъ, и народъ умиралъ отъ холеры: въ самое то время явися всему міру церковь Христова въ нашемъ селеніи! По освященіи же всѣ бѣдствія наши аки вѣтромъ развѣяны быша; народъ, видя благолѣпіе несказанное, возревновали всѣ имѣть тихое пристанище душамъ своимъ“ и пр.[222]). Для новоосвященной церкви Аркадій поставилъ священника — Даніила Григорьева и діакона — Симеона.

17. Слѣдственная комиссія въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ. — Временное закрытіе монастыря. — Возстановленіе въ немъ прежняго порядка.

Получая прискорбныя извѣстія изъ Вѣны объ Амвросіи и изъ Турціи объ Аркадіи, иноку Павлу съ Кирилломъ и со всѣмъ бѣлокриницкимъ братствомъ, пришлось въ довершеніе огорченій, трепетать за судьбу и самой митрополіи, самой обители Бѣлокриницкой.

[222]) Письмо журиловскаго общества въ Бѣлую-Криницу отъ 30-го августа 1849 г. (*Переписка*, вып. 2, стр. 11). Письмо это сочинено и писано Аркадіемъ лаврентьевскимъ.

Въ уваженіе требованій русскаго правительства въ тотъ же день 22 (10) февраля 1848 г., когда по представленію Меттерниха состоялось императорское повелѣніе объ удаленіи Амвросія на всегдашнее время изъ Буковины, послѣдовало распоряженіе о закрытіи и Бѣлокриницкаго монастыря, гдѣ жилъ онъ въ качествѣ верховнаго пастыря липованъ, что было равносильно распоряженію объ уничтоженіи и самой митрополіи, или воспрещенію дальнѣйшаго существованія основанной Амвросіемъ іерархіи. Черновицкому крайзамту предписано было назначить особую комиссію для приведенія въ исполненіе этого императорскаго декрета.

Для монастыря и въ настоящемъ случаѣ большую выгоду представляло то обстоятельство, что комиссія, долженствовавшая привести въ исполненіе императорскій декретъ, назначена была изъ черновицкаго крайзамта, гдѣ имѣлись у Павла благопріятели—разные благодѣтельные „паны“. Одинъ изъ нихъ наканунѣ того дня, когда должна была прибыть комиссія, лично явился въ монастырь, чтобы увѣдомить о предстоящемъ ея пріѣздѣ, сообщить, что поручено ей изслѣдовать, и такимъ образомъ дать возможность монастырскимъ властямъ хоть сколько-нибудь приготовиться къ ея встрѣчѣ, сдѣлать самонужнѣйшія соотвѣтственныя распоряженія. Самъ Павелъ, вскорѣ же по отъѣздѣ комиссіи, писалъ объ этомъ въ Москву: „Въ четвертокъ на первой недѣлѣ великаго поста *почти прибѣгаетъ* въ монастырь одинъ нѣкоторый панъ и по-пріятельски извѣщаетъ, что сегодня, или утромъ, по императорскому повелѣнію прибудетъ въ монастырь комиссія — всѣхъ людей, живущихъ въ монастырѣ наистрожайше переспросить, и кои окажутся иностранцы, хотя и по паспортамъ, но недавно приписаны, всѣхъ выслать за границу къ своимъ прежнимъ мѣстамъ, а кои самые уроженцы австрійскіе, тѣхъ вывести въ село Бѣлую-Криницу, а монастырь затворить и запечатать“ [223]). Это было въ послѣдній день февраля; а 1-го марта, дѣйствительно, явилась въ монастырь назначенная крайзам-

[223]) Письмо отъ 8 марта 1848 г. (*Переписка*, вып. 1, стр. 122).

томъ комиссія. Въ теченіе сутокъ Павелъ съ своими сотрудниками, безъ сомнѣнія, успѣлъ кое-что сдѣлать для обезопашенія нужнѣйшихъ монастырю лицъ отъ предстоявшихъ разслѣдованій комиссіи, и могъ встрѣтить ее достаточно приготовленный къ отвѣту [224]). Комиссія, по прибытіи, предъявила императорскій декретъ слѣдующаго содержанія: „1) монастырь закрыть провизіально, сирѣчь на время; иноковъ, кои иностранцы, и бѣльцовъ выслать вонъ и отправить въ ихъ мѣста, здѣшнихъ же перевести въ свои сельскія общества; 2) верховному ихъ святителю Амвросію не позволяется въ Буковину къ липованамъ возвратиться; 3) священство имъ для обществъ оставить, не отступая отъ данныхъ имъ отъ императоровъ привилегій, только бы средство учредить, дабы сосѣдственныя государства относительно ихъ вѣры не имѣли неудовольствія и никакой причины жаловаться на нихъ“ [225]). Во исполненіе перваго пункта этого декрета, комиссія производила свои изслѣдованія въ теченіе трехъ дней, съ 1 (12) по 3 (15) марта, „потребовавъ всѣхъ живущихъ въ монастырѣ священныхъ, иночествующихъ и бѣльцовъ на протоколъ“ [226]), и все это время, по собственному свидѣтельству Павла, „была весьма для нихъ благонамѣренна“, будто бы „потому, что не открыла ничего противозаконнаго“ [227]), а въ сущности потому, что по обычаю смотрѣла сквозь пальцы даже на явныя беззаконія бѣлокриницкихъ калугеровъ, каковую снисходительность Павелъ не преминулъ, конечно, пріобрѣсти, давши, какъ и въ прежнее время, приличную взятку г-ну крайсъ-комиссару. Несомнѣнно русскіе выходцы, каковъ былъ и самъ Павелъ, успѣвшіе безсовѣстнѣйшимъ образомъ выдать себя прежнимъ комиссіямъ за мѣстныхъ буковинскихъ уроженцевъ и за коренныхъ австрійскихъ подданныхъ, что̀ теперь

---

224) Тогда-то, конечно, поспѣшилъ уѣхать въ Турцію и остававшійся въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ Аркадій.

225) Такъ записано Павломъ въ *Памятникѣ* (№ 44); а настоящей копіи декрета въ *Бѣлокр. арх.* не имѣется.

226) *Памятникъ*, № 43.

227) *Переписка*, вып. I, стр. 123.

могло бы быть обнаружено, оставлены, именно какъ коренные буковинскіе жители, въ неприкосновенности; иностранцевъ, т.-е. не успѣвшихъ пріобрѣсти правильныхъ австрійскихъ паспортовъ, или такихъ, о которыхъ Павелъ не очень заботился, чтобы оставить ихъ въ монастырѣ, оказалось только 22 человѣка: всѣмъ имъ комиссія постановила выдать паспорты на высылку за границу, къ мѣстамъ ихъ прежняго жительства [228]); остальные же, и именно всѣ „дѣйствующіе по монастырю“ лица, признаны не подлежащими высылкѣ [229]). Въ силу того же императорскаго декрета и они должны были выдти изъ монастыря „въ свои сельскія общества“; а монастырь подлежалъ закрытію. Но и здѣсь комиссія оказала снисхожденіе липованскимъ калугерамъ, — въ монастырѣ дозволила остаться „для присмотра“ самому Кириллу и Павлу, какъ признанному правительствомъ монастырскому депутату. Когда же, соотвѣтственно третьему пункту декрета, комиссія пригласила старшихъ лицъ изъ мѣстнаго липованскаго общества для объявленія имъ императорскаго повелѣнія относительно духовенства, которое они могутъ имѣть по силѣ данныхъ имъ привилегій, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы чрезъ это не подавалось повода къ жалобамъ со стороны сосѣдственныхъ госу-

---

[228]) *Памятникъ*, № 44. Къ числу такихъ принадлежалъ, какъ видно, и самъ воспріятель Амвросія Іеронимъ, котораго, несмотря на долговременное пребываніе въ Бѣлой-Криницѣ и на всѣ его заслуги для митрополіи, Павелъ не позаботился превратить въ природнаго липованина: онъ попалъ въ число подлежавшихъ къ высылкѣ за границу. „И мнѣ, — писалъ онъ въ Москву 1 мая 1848 г., — выдавъ паспортъ, но къ счастію отпросился отъ большой бѣды; теперь паспортъ у исправника, и я отъ него скрываюсь; мнѣ совѣтуютъ взять хорошій нѣмецкій паспортъ на всѣ четыре стороны, но требуютъ 500 руб.“ (*Переп.* вып. I, стр. 156).

[229]) Изъ такихъ монастырскихъ „дѣятелей“ опасность высылки угрожала только эконому Галактіону. Павелъ писалъ въ Москву отъ 8 марта: „Дѣйствующія по монастырю лица оказались (!) здѣшнія и кажется должны оставаться, кромѣ эконома Галактіона, который съ прочими иностранцами на сихъ дняхъ, получа назадъ себѣ свой паспортъ, отправился къ своимъ прежнимъ мѣстамъ“ (*Переписка*, вып. I, стр. 122).

дарствъ, то представители липованскаго общества, наученные, безъ сомнѣнія, инокомъ Павломъ, заявили, что коль скоро императоръ дозволяетъ имъ имѣть духовенство, то необходимо имѣть имъ епископа, а такъ какъ епископы, по ихъ закону, могутъ быть только изъ монаховъ, то необходимо, чтобы у нихъ былъ и монастырь. Въ этомъ смыслѣ они тутъ же подали комиссару и прошеніе на имя императорскаго правительства. Комиссія признала дозволительнымъ, чтобы Кириллъ оставался при отправленіи у липованъ своихъ епископскихъ обязанностей, равно какъ и то, чтобы подчиненное ему приходское духовенство, подъ его надзоромъ, продолжало свою службу, а прошеніе липованъ приняла для дальнѣйшаго препровожденія [230]). 3 (15)-го марта эта комиссія, по выраженію Павла, „окончила протоколы“ и объявила монастырь „закрытымъ провизіально“ [231]), дозволивъ, какъ уже сказано, оставаться въ немъ Кириллу и Павлу съ нѣсколькими стариками и прислужниками „для сбереженія до разрѣшенія“.

Вскорѣ же по отъѣздѣ комиссіи Павелъ получилъ изъ Вѣны отъ Алимпія извѣстіе о происшедшемъ тамъ государственномъ переворотѣ, и это внушило ему надежду, что при новыхъ порядкахъ въ государствѣ дѣло о монастырѣ кончится благополучно, какъ того же надѣялся тогда и по дѣлу Амвросія. Отъ 16 марта онъ писалъ уже въ Москву: „У насъ, по закрытіи монастыря, въ которомъ оставлены только слабые и епископъ Кириллъ и нѣсколько людей изъ числа насъ для сбереженія до разрѣшенія, все еще по старому. Но въ глав-

---

230) Объ этомъ Павелъ писалъ въ Москву отъ 8 марта: „Епископъ Кириллъ оставленъ въ монастырѣ и прочее по селамъ священство подъ его завѣдываніемъ остается въ покоѣ. Общественные люди съ своими слободскими начальниками собрались на комиссію, подали прошеніе: если царь хочетъ оставить намъ священниковъ, то необходимость требуетъ быть епископу, а епископы, по нашему закону, не могутъ быть какъ только изъ иноческаго чина, посему и необходимо нужно быть и монастырю, хоть небольшому. Итакъ пошло дѣло до царя; а что на сіе послѣдуетъ, Богъ вѣсть“ (*Переп.* вып. 1, стр. 122)

231) *Памятникъ*, № 44.

номъ правительствѣ въ тѣ же самыя первыя числа сего марта, т.-е. 1, 2 и 3, когда закрывали монастырь и розыски чинили, учинился, и внутри самой столицы Вѣны, весьма важный и ужасный переворотъ, о которомъ не умѣю вкратцѣ выразить... За монастырь *надъемся разрѣшенге по-старому* теперь закрытъ только на случай, временно“ [232]). Итакъ особенныхъ опасеній за судьбу монастыря Павелъ уже не имѣлъ; но его нѣсколько безпокоило то обстоятельство, что назначенные къ высылкѣ за границу монастырскіе жители, которыми, очевидно, и самъ онъ не очень дорожилъ, все еще не получали паспортовъ на выѣздъ и, живя внѣ монастыря, находились однако на монастырскомъ содержаніи, а нѣкоторые даже предъявляли требованія на полученіе своей доли изъ монастырскаго имущества [233]). Впрочемъ эта забота скоро миновала: 31 марта (12 апрѣля) паспорты были выданы, и девятнадцать человѣкъ изъ двадцати двухъ, назначенныхъ къ высылкѣ за границу, въ тотъ же день отправились въ путь, а трое за болѣзнію остались [234]). Гораздо болѣе безпокоило Павла другое обстоятельство — слишкомъ большіе экстренные расходы и явившійся вслѣдствіе того недостатокъ въ деньгахъ. Благосклонность комиссіи была куплена, конечно, не дешево; высланныхъ за-границу монастырскихъ жителей также нельзя было оставить безъ помощи; а всего болѣе требовалось денегъ въ Вѣну, гдѣ жилъ Амвросій съ Алимпіемъ и Огняновичемъ, — деньги требовались не только на прожитіе въ столицѣ и на

---

[232]) *Переписка*, вып. 1, стр. 123.

[233]) Въ томъ же письмѣ Павелъ писалъ: „И монастырское братство въ тревогѣ и все еще не получило на выѣзъ паспортовъ: живутъ каждый по себѣ кое-гдѣ и всѣ на монастырскомъ коштѣ, а иные отваживаются требовать монастырскаго раздѣла“ (*Тамъ же*).

[234]) Такъ именно записано Павломъ въ *Памятникѣ* подъ этимъ числомъ: „Иностранцамъ 22-мъ человѣкамъ выданы пасы на высылку за границу, которые сего числа и выступили, а трое за болѣзнію остались“. Іеронимъ также писалъ: „изъ монастыря 19 человѣкъ высланы съ нѣмецкими паспортами до границы молдавской; по прибытіи ихъ отправили съ арестантами въ городъ Яссы къ русскому консулу“ (*Переписка*, вып. 1, стр. 156).

веденіе дѣла, но и лично самому Амвросію, который въ виду постигшихъ его невзгодъ обнаружилъ уже особенную притязательность на этотъ счетъ. „Въ Вѣну *безпрестанныя значительныя* требованія денегъ, — писалъ Павелъ въ Москву, — потому что теперь для митрополита окончательное дѣло, ибо ему того не видно, что будетъ освобожденъ (какъ разсчитывали тогда Павелъ и Алимпій), а видится что̀ уже сдѣлано (т.-е. состоявшійся декретъ о ссылкѣ). *И на насъ негодуетъ, что его сочлали несчастнымъ,* и при такомъ несчастіи не можемъ его удовлетворить“, т.-е. давать столько денегъ, сколько ему желательно. Наконецъ и сынъ Амвросія, собираясь уѣзжать вмѣстѣ съ семействомъ въ Вѣну, требовалъ себѣ, согласно условію, полнаго вознагражденія[235]). Въ виду всего этого Павелъ настоятельно просилъ московскихъ благопріятелей о высылкѣ ему денегъ, какъ видно, изъ особаго, существовавшаго въ Москвѣ, собственно на митрополію опредѣленнаго капитала: „въ такихъ обстоятельствахъ, — писалъ онъ, — паки и паки просимъ не оставлять нашей просьбы, о чемъ васъ уже многократными убѣжденіями въ трехъ письмахъ просили, — прислать намъ денегъ *съ процентами* съ іюля, пришлите теперь, не ожидая сроку“[236]).

Между тѣмъ постепенно входившіе въ силу новые конституціонные порядки въ австрійской имперіи все болѣе и болѣе усиливали надежду бѣлокриницкихъ дѣятелей на благополучный исходъ дѣла объ Амвросіи и монастырѣ. И если надежда на возвращеніе Амвросія въ Бѣлую-Криницу, какъ мы видѣли, не оправдалась, то напротивъ возстановленіе монастыря въ прежнемъ его положеніи устроилось легко само собою, безъ особаго разрѣшенія, а просто въ силу предоставленной конституціею свободы каждому въ удовлетвореніи его религіозныхъ потребностей. Правда, въ іюнѣ мѣсяцѣ Павелъ имѣлъ отъ Алимпія изъ Вѣны извѣстіе, что онъ получилъ 13(25) мая отъ министра отрицательный отвѣтъ на просьбу объ откры-

235) *Переписка,* выпускъ 1, стр. 123.

236) Письмо отъ 16 марта 1848 г. *(тамъ же,* стр 124).

тіи монастыря[237]); но тогда же въ монастырѣ уже все почти происходило по старому: выселенные изъ него иноки и бѣльцы одинъ за другимъ возвратились въ свои кельи, — ожидалось возвращеніе и нѣкоторыхъ изъ числа высланныхъ за-границу; ежедневныя службы отправлялись по-прежнему, хотя за недостаткомъ „священниковъ“ приходилось править чреду и самому Кириллу, этотъ послѣдній началъ производить и поставленія въ священные саны. Тогда же, именно 23 іюня, Павелъ писалъ въ Москву: „Нынѣ въ государствѣ нашемъ новыя права, и неоднократно объявлены, но еще настояще не утверждены; но уже всѣмъ націямъ и религіямъ совершенная вольность предоставлена. Такъ убо и нашей фабрики мастера, прикащики и работники, за высылкою иностранныхъ, *остальные* теперь *всѣ*, какъ нѣкія слабыя безъ матери пчелки, собрались въ одну кучу... Въ нашей фабрикѣ теперь изъ прежняго народа осталось только 36 человѣкъ и съ чернорабочими, кромѣ ожидаемыхъ, имѣющихъ придти изъ отсутствія. Заведенная машина, съ помощію Божіею, и нынѣ *попрежнему* вседневно еще дѣйствуетъ; въ ней упражняются, почти безъ различія, и самые фабриканты за мастеровыхъ, а мастера за рабочихъ“. Теперь и самое опасеніе — навсегда лишиться Амвросія уже не безпокоило Павла, какъ будто онъ, и даже открыто, радовался удаленію этого, по необходимости принятаго отъ „ереси“ и въ сущности не оставлявшаго своей „ереси“ грека: „теперь, — писалъ онъ, — у насъ архіереевъ и поповъ сколько угодно себѣ поставляй!“ И всѣмъ этимъ, особенно же безпрепятственнымъ самовольнымъ открытіемъ монастыря и возстановленіемъ въ немъ прежняго порядка липоване обязаны были, по собственному сознанію Павла, внезапно разразившейся въ Вѣнѣ революціи. Онъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, видѣлъ въ этомъ даже нѣчто сверхъестественное, устроенное свыше для прославленія старообрядчества и возстановленной имъ полной іерархіи въ старообрядчествѣ, а вмѣстѣ и для

[237]) Въ *Памятникѣ* подъ 18 іюня записано: „Прислано почтою рѣшеніе иноку Алимпію, данное изъ Вѣны отъ министра 13(25) маія, что временно запертой монастырь еще не отворяется“.

наказанія ея враговъ. Въ томъ же письмѣ онъ писалъ: „Праведный судъ всемогущаго Бога не закоснѣлъ открыться на повелѣвшихъ сіе (т.-е. подвергнуть монастырь закрытію). Въ тыя бо самыя дни, въ который день комиссія накрыла въ нашъ домъ, то-есть 1 числа марта, въ тотъ самый день открылась въ столичномъ городѣ Вѣнѣ ужасная и даже отъ вѣковъ небывалая революція, а въ третій день, когда у насъ опечатывали домъ и всю фабрику, и всѣхъ прикащиковъ и рабочихъ выгнали вонъ, тогда въ Вѣнѣ принудили царя подписать на конституціонныя правила; а главнаго виновника, наведшаго на нашъ домъ толикую напасть, князя Меттерниха, министра иностранныхъ дѣлъ, который *клевету со стороны Сьвера* въ нѣдрахъ своихъ имѣлъ, хотя не по нашему дѣлу, но попущеніемъ Божіимъ совершенно вонъ изъ Вѣны изгнали, и еще смертію угрожали, еслибы только не укрылся". Однако, несмотря на всѣ выгоды, извлеченныя имъ въ тогдашнихъ трудныхъ для митрополіи обстоятельствахъ изъ объявленныхъ въ Австріи конституціонныхъ порядковъ, несмотря на восхваляемую имъ полную свободу — поставлять поповъ и архіереевъ въ конституціонномъ государствѣ, Павелъ, какъ человѣкъ воспитанный въ строгихъ древлерусскихъ понятіяхъ, понималъ и чувствовалъ, какимъ великимъ зломъ угрожаетъ человѣчеству дальнѣйшее неудержимое распространеніе политической свободы въ государствахъ. Тогда-то именно, въ письмѣ, изъ котораго мы сдѣлали предыдущія выписки, изложилъ онъ московскимъ друзьямъ свои понятія о „всемірной конституціи", и предостерегалъ ихъ отъ этого, на погибель міра уготованнаго, зла: „Ей, ей, — писалъ онъ, — не веселитъ меня открытая въ здѣшнихъ странахъ, многими ублажаемая, такая великая свобода и вольность, понеже превосходитъ мѣры. Говорится пословица: всякое дѣло краситъ мѣра, а чрезмѣрная воля доводитъ людей до неволи. Если мы посмотримъ на эту вольность съ другой стороны, то увидимъ, что по истинѣ не есть воля, но горе, а вслѣдъ за тѣмъ грядетъ вдвое... Хощу открыть вамъ ужасное ожиданіе о всемірной конституціи, что̀ значитъ *ножъ медомъ намазанъ и*

уготовляется рано или поздно на закланіе всего міра. Не продолжаю вамъ о началахъ ея, ибо медомъ вольности помазана: вамъ довольно въ предосторожность, — только слова того, если услышите, *конституція* бойтеся, яко нѣкоего кровожаднаго губителя, являющагося вамъ подъ видомъ миротворителя..." [238]).

Такъ рѣшительно инокъ Павелъ осуждалъ въ душѣ данную конституціей религіозную и всяческую свободу въ Австрійской имперіи; но это вовсе не препятствовало ему съ спокойной совѣстью воспользоваться новой свободой въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: онъ не только открылъ запечатанный Бѣлокриницкій монастырь и возстановилъ въ немъ всѣ прежніе порядки, но немедленно же началъ принимать мѣры къ упроченію и дальнѣйшему распространенію новоучрежденной іерархіи. Съ этою цѣлію въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ поставлено было нѣсколько лицъ въ діаконы и священники, какъ для самаго монастыря, такъ и для нѣкоторыхъ липованскихъ селеній [239]), а что всего важнѣе, — было приступлено даже къ поставленію епископовъ, и притомъ не для мѣстныхъ старообрядцевъ, а за границу и въ самую Россію, что уже было прямымъ нарушеніемъ императорскаго декрета, объявленнаго недавно пріѣзжавшею въ монастырь комиссіею.

18. Поставленіе Онуфрія въ санъ епископа браиловскаго, намѣстника митрополіи.

Какъ только рѣшена была участь Амвросія и былъ онъ отправленъ на мѣсто ссылки, а находившійся при немъ инокъ Алимпій съ Іеронимомъ, предназначавшимся для сопутство-

---

[238]) *Переписка,* вып. 1, стр. 124—129.

[239]) Такъ 23 іюля и 1 августа былъ поставленъ Кирилломъ сначала въ діаконы, потомъ въ попы для селенія Соколинцы нѣкто Сысой Андреевъ, который 11 августа, „отстоявъ уреченную службу въ монастырѣ при церкви отправленъ на свою парохію", при чемъ „грамота обществу о принятіи его" послана была съ монастырскимъ іеродіакономъ Арсеніемъ (*Памятникъ,* №№ 45 и 46).

ванія Амвросію въ Цилли, возвратился въ Бѣлую-Криницу [240]), иноκъ Павелъ съ своими ближайшими совѣтниками и сотрудниками рѣшилъ, что согласно не отмѣненному новыми правительственными учрежденіями императорскому декрету отъ 18 сентября 1844 года объ учрежденіи у липованъ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ собственной архіерейской каѳедры и согласно высочайше утвержденному „уставу“ Бѣлокриницкаго монастыря [241]), намѣстникъ Амвросія — Кириллъ долженъ фактически занять его мѣсто, и въ качествѣ „дѣйствительнаго святителя“ липованъ немедленно поставить новаго епископа въ намѣстника себѣ. Исполненіе этого неотложнаго дѣйствія находили тѣмъ болѣе удобнымъ, что при донесеніи о немъ правительству, кромѣ указаннаго императорскаго декрета и монастырскаго устава, можно было сослаться въ оправданіе и на новѣйшій декретъ, дозволявшій липованамъ имѣть духовенство именно такое, коимъ бы не возбуждалось неудовольствіе сосѣдственныхъ государствъ, т.-е. по его объясненію собственное, не отъинуда заимствуемое, и кромѣ того можно было указать на трудныя обстоятельства времени, требующія именно обезпеченія правильно устроеннаго и неугрожаемаго прекращеніемъ священства у липованъ, такъ какъ въ это время и въ предѣлахъ Буковины появилась холера, распространившая въ народѣ уныніе и чаяніе смерти. Избрать намѣстника Кириллу, занявшему мѣсто Амвросія, было не трудно, — онъ уже давно имѣлся въ виду и за отсутствіемъ Геронтія не могъ имѣть соперника: это былъ монастырскій ризничій Ону-

240) Третій изъ находившихся при Амвросіи, переводчикъ Константинъ Огияновичъ болѣе не возвращался въ Бѣлую-Криницу, гдѣ, за удаленіемъ Амвросія, въ немъ не имѣлось болѣе надобности, хотя сношеній съ Павломъ и Алимпіемъ не прекращалъ и впослѣдствіи.

241) Въ особой статьѣ этого Устава, названной: „Предметъ о водвореніи у насъ своего святителя“, въ 5 пунктѣ предусмотрительно говорилось: „По смерти дѣйствительнаго святителя, или *въ случаѣ совершеннаго удаленія его отъ престола*, наслѣдникъ его имѣетъ право вступить въ полное онаго дѣйствіе, съ донесеніемъ его императорскому величеству, *съ тѣмъ обаче, да и сей въ наслѣдство свое, прежде всего произведетъ чинно другаго*, соборнѣ избраннаго, *во святителя*“.

фрій, незадолго передъ тѣмъ рукоположенный тѣмъ же Кирилломъ во „священноинока“ [242]). Избраніе это инокъ Павелъ учинилъ надлежащимъ законнымъ порядкомъ. 26 августа 1848 г. составленъ былъ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ подъ предсѣдательствомъ Кирилла „духовный соборъ“ изъ всего монастырскаго и „окрестныхъ единовѣрныхъ селеній“ духовенства, на который приглашены были и „первостатейные господари отъ всѣхъ липованскихъ селеній“: на этомъ соборѣ, „съ общаго всѣхъ согласія“, и избранъ „во епископа и наслѣдника верховному архипастырю изъ числа Бѣлокриницкаго монастыря жителей честный отецъ священноинокъ Онуфрій Ивановъ“. Тогда же подписанъ былъ всѣми присутствовавшими на соборѣ духовными лицами „соборный актъ“, предварительно сочиненный Павломъ: здѣсь кромѣ „всевысочайшаго указа“ 1844 г., въ каноническое основаніе избранія положены „28 и 29 заповѣди (Іустиніана), напечатанныя въ Кормчей во гл. 42-й“, указывающія порядокъ избранія въ епископы и требуемыя отъ избираемаго качества [243]); затѣмъ говорится о „единогласномъ всѣхъ нижеподписанныхъ лицъ удостовѣреніи“, что избранный имѣетъ требуемыя сими заповѣдями качества, — „есть трезваго, воздержнаго и чистаго

---

[242]) Въ священники произведенъ 29 іюня 1848 г., а въ діаконы 1 октября 1847 г. (*Памятникъ*, №№ 40 и 47).

[243]) Все это излагается собственно въ 28 заповѣди, гдѣ между прочимъ требуется, „въ *трехъ* лицахъ избраніе и судъ творити“, т.-е. предлагать трехъ кандидатовъ для избранія въ епископы и изъ нихъ по „суду“ избрать одного. А въ 29 заповѣди содержится только дозволеніе „судъ и избраніе творити предъ *двою и единомъ* лицы“, „аще не обрящутся, *якоже есть подобно,* три лица“. Въ Бѣлокриницкомъ актѣ Павелъ, очевидно, потому и указалъ 29 заповѣдь Іустиніана, что при избраніи Онуфрія въ епископы не было предлагаемо вмѣстѣ съ нимъ еще двухъ кандидатовъ, „якоже есть подобно“. Но почему же не сдѣлано было того, что подобало? Развѣ дѣйствительно „не обрѣталось“ въ бѣлокриницкомъ братствѣ еще двухъ достойныхъ лицъ для зачисленія въ кандидаты на епископство? Здѣсь сказалась, какъ надобно полагать, свойственная Павлу, и вообще раскольникамъ, наклонность пользоваться исключительными, „необдержными“ правилами даже и безъ нужды.

житія, честнаго и похвальнаго поведенія, давнее время находился въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, проходилъ всѣ касающіяся до него монастырскія службы и многія порученія со всякою усердною дѣятельностію, ни въ какихъ порокахъ никогда замѣченъ не былъ, почему и къ предназначенному епископскому сану всяко есть достоинъ". Тогда же представителями липованскихъ обществъ бѣлокриницкаго, климоуцкаго, соколинцевскаго и мехидрскаго подписано, сочиненное, очевидно, самимъ же Павломъ, „свидѣтельство", что всѣ они „при соборномъ избраніи Онуфрія лично были и яко свидѣтели съ своей стороны удостовѣряютъ, что избранный безпристрастно съ общаго всѣхъ согласія въ намѣстника священноинокъ Онуфрій Ивановъ дѣйствительно давнее время въ оном монастырѣ находился и есть трезваго и воздержнаго житія, честнаго поведенія и ни въ какихъ порокахъ никогда замѣченъ не былъ, почему всѣхъ липованскихъ селъ старовѣрческія общества на сіе избраніе согласуютъ и остаются довольны" [214]).

Черезъ три дня послѣ соборнаго избранія, именно 29-го августа, назначено было произвести и самое поставленіе Онуфрія въ епископы. Но передъ этимъ еще нужно было рѣшить два трудные и важные вопроса. Во-первыхъ: какому граду епископомъ поставить Онуфрія? Вопреки 7-му правилу сардикійскаго собора (по старопечатной Кормчей) Кириллъ, при поставленіи, нареченъ былъ, по особымъ соображеніямъ, епископомъ не города, но малаго селенія Майносъ, на азіатскомъ берегу Турціи [215]). Теперь не хотѣли поступить вопреки кано-

[214]) Оба документа, подлинные, находятся въ *Бѣлокр. арх.;* на оборотѣ ихъ написанъ нѣмецкій переводъ для представленія въ Крайзамтъ. Въ *Памятникѣ* подъ 29 августа записано: „Соборный актъ, учиненный 26 августа (7 сентября) сего 1848 года, и громадское свидѣтельство о достоинствѣ епископа Онуфрія для объявленія и засвидѣтельствованія представить (и представляется) въ Думенію; а по засвидѣтельствованіи мандаторіатскомъ препроводить оные при особомъ донесеніи святителя въ К. К. Крайзамтъ, для доведенія о таковомъ производствѣ, куда слѣдуетъ, высшему правительству".

[215]) См. 1-й вып. *Исторіи*, стр. 319—321.

новъ и не признали удобнымъ наречь Онуфрія, какъ преемника Кириллова, Майносскимъ же епископомъ, что̀, казалось бы, всего проще было сдѣлать. Не рѣшились, быть-можетъ, именно въ виду указаннаго правила, назначить ему вмѣсто престольнаго города и какое-либо изъ мѣстныхъ липованскихъ селеній, по числу жителей не уступающихъ Майносу, хотя это было бы согласно императорскому декрету 1844 года, коимъ дозволялось бѣлокриницкому верховному святителю поставлять духовныхъ лицъ только для мѣстныхъ липованъ. Предпочли нарушить, какъ и не разъ уже дѣлали, этотъ императорскій декретъ и наречь Онуфрія епископомъ одного изъ иностранныхъ городовъ, имѣющихъ среди населенія нѣкоторое количество старообрядцевъ поповщинскаго толка, — именно епископомъ молдо-влахійскаго города Браилова. Другой болѣе трудный вопросъ касался самаго поставленія. Извѣстно, что Кирилла Амвросій поставилъ единолично, въ нарушеніе основныхъ церковныхъ правилъ, требующихъ, чтобы на поставленіи епископа присутствовали если не всѣ епископы области, то въ крайнемъ случаѣ не менѣе трехъ. Тогда оправдывали это нарушеніе каноновъ необходимостью, неимѣніемъ ни единаго древлеправославнаго епископа, кромѣ только что принятаго отъ мнимой ереси — Амвросія, и разными святоподобіями. Но теперь, считая Амвросія, у старообрядцевъ было уже три епископа. Отсутствіе Амвросія на поставленіи Онуфрія можно было оправдать благословными винами; но необходимо было пригласить, и на соборъ для избранія и особенно на поставленіе Онуфрія, другого изъ отсутствующихъ епископовъ — Аркадія Славскаго. Въ виду того, что этотъ послѣдній, недавно выпущенный изъ тюремнаго заключенія, по своему стѣсненному положенію не могъ предпринять труднаго пути въ Австрію, нельзя было разсчитывать на его участіе въ этихъ дѣйствіяхъ, и отсутствіе его тоже могло быть оправдано благословными винами. Но, согласно церковнымъ правиламъ, надлежало по крайней мѣрѣ получить отъ него письменное согласіе на избраніе и поставленіе новаго епископа (каковое, по всей вѣроятности, могъ бы, и скорѣе

Аркадія, прислать даже Амвросій, къ которому, однако, не нашли нужнымъ обратиться съ просьбою о томъ). Павелъ, дѣйствительно, призналъ необходимымъ послать къ Аркадію письменное отъ имени Кирилла приглашеніе — прибыть на соборъ для избранія и поставленія епископа-намѣстника митрополіи, или же, въ случаѣ невозможности исполнить это приглашеніе, изъявить посредствомъ грамоты свое согласіе на это избраніе и поставленіе съ предоставленіемъ Кириллу права совершить это послѣднее единолично. Но соображая, что для полученія грамоты отъ Аркадія потребуется долгое время, а поставленіемъ Онуфрія, по обстоятельствамъ, необходимо спѣшить, и съ другой стороны питая полную увѣренность, что Аркадій изъявитъ свое согласіе на избраніе и поставленіе Онуфрія, Павелъ рѣшилъ, что не существующее и не полученное еще согласіе его можно признать какъ бы за существующее и полученное, а потому и поставленіе Онуфрія, нимало не отлагая, Кириллъ можетъ совершить *единолично*. Мало того, — онъ рѣшился признать дѣйствительнымъ и полученнымъ согласіе Аркадія, когда и самъ еще не просилъ его объ этомъ согласіи, когда еще не писалъ и не посылалъ ему приглашенія на соборъ для избранія и поставленія намѣстника [246]). Такъ продолжалъ лукавствовать, обходя церков-

[246]) Что къ 29 августа, дню Онуфріева рукоположенія, не только не было получено отъ Аркадія никакого „отношенія“, но даже и самъ Павелъ не посылалъ еще въ Славскій монастырь къ Аркадію увѣдомленія объ избраніи Онуфрія, это ясно открывается изъ сохранившейся переписки между ними. Павелъ въ письмѣ къ Аркадію отъ 7 января 1849 года жалуется: „неоднократныя наши письма вашимъ преосвященствомъ, къ крайнему нашему удивленію, *оставляются*, или паче сказать повидимому *презираются жестокосердны столь долгое время ниже единою чертою*, не только съ почтою, но даже съ многими уже бывшими до Молдавы“ (*Переписка*, вып. I, стр. 131). Итакъ, Павелъ самъ сознался, что до января 1849 г. не получалъ отъ Аркадія отвѣта ни на одно изъ писемъ. Аркадій же отъ 2 октября 1848 г. писалъ къ Кириллу: „получими мы ваши письмы, *посланныя вами августа 23 и сентября 3-го*, въ двухъ конвертахъ, въ которыхъ просите изобразить вамъ наше согласіе на соборное ваше дѣйствіе, согласно 19 прав., иже въ Антіохіи Сирстѣй собора. Мы объявляемъ съ подтвержденіемъ

ныя правила и попирая всякую правду, пресловутый учредитель бѣлокриницкой іерархіи!

29 августа дѣйствительно совершено было Кирилломъ единоличное поставленіе Онуфрія въ санъ епископа Браиловскаго, и тѣмъ же числомъ подписана выданная ему ставленная грамота[247]). Здѣсь-то, въ этой грамотѣ, имѣющей значеніе церков-

---

наше согласіе нижеслѣдующимъ. 1-е о поставленіи епископа Онуфрія ничтоже прекословимъ, но и подписую своею рукою. Хотя и тремъ, или двумъ епископомъ повелѣваютъ правила св. отецъ быти на поставленіи епископа, но обаче во время нужды и въ гоненіи мнози святіи отцы единъ епископъ епископа поставляли", — и слѣдуетъ исчисленіе примѣровъ. Далѣе Аркадій объясняетъ, почему, вопреки данному при поставленіи обѣщанію безпрекословно являться на призывъ митрополита, не прибылъ на соборъ для избранія и поставленія Онуфрія, и здѣсь между прочимъ указываетъ на то, что „путь (въ Бѣлую Криницу) лежитъ черезъ Молдаву, а Молдава наполнена русскимъ духомъ, а извѣстно, каковъ проходъ нашему званію около русскаго духа" (*тамъ же*, вып. 2, стр. 7—9). Итакъ, Аркадій далъ письменное согласіе на избраніе и на поставленіе Онуфрія въ епископы единолично Кирилломъ, но уже въ октябрѣ мѣсяцѣ; а 29 августа, когда происходило поставленіе и подписана ставленная грамота, оно никакъ не могло быть извѣстно въ Бѣлой Криницѣ,— напротивъ, оно получено здѣсь, какъ видно изъ собственноручной помѣтки Павла на письмѣ Аркадія, уже 25 февраля 1849 г., т-е. болѣе мѣсяца спустя по отсылкѣ Павлова письма отъ 7 января этого года, гдѣ выражается жалоба на неполученіе писемъ отъ Аркадія. Несомнѣнно и то, что 29 августа, когда подписана ставленная грамота, Павелъ даже не посылалъ еще въ Славскій монастырь и приглашенія Аркадію прибыть въ Бѣлую Криницу для избранія и поставленія Онуфрія, или изъявить на то и другое письменно свое согласіе. Аркадій упоминаетъ, что письма о томъ были писаны „августа 23 и сентября 3-го". Письмо отъ 23 августа сохранилось (*Тамъ же*, вып 1, стр. 130); но въ немъ нѣтъ (и не могло быть) рѣчи объ избраніи намѣстника Значитъ, объ этомъ говорилось уже къ письмѣ отъ 3 сентября (которое, къ сожалѣнію, не сохранилось), т -е. писанномъ черезъ три дня по поставленіи Онуфрія и подписаніи его ставленной грамоты. Итакъ, въ этой послѣдней Павелъ, очевидно, лгалъ, говоря, что Аркадій „прислалъ" уже свое согласіе на поставленіе Онуфрія, и Кириллъ скрѣпилъ эту ложь своей подписью. И это въ такомъ священномъ дѣлѣ, какъ вручение ставленной грамоты на епископство!

247) Грамота, подлинная, въ *Бѣлокр. арх* Она буквально сходна

наго акта и начинающейся торжественными словами: „Великоименитая премудрость Отча, непремѣнный образъ присносущія Его“ и проч., инокъ Павелъ не посовѣстился написать, а Кириллъ подписать эту несомнѣнную ложь, что будто Аркадій, не могши лично прибыть на соборъ для избранія и поставленія Онуфрія, къ тому времени уже „прислалъ отъ себя отношеніе“, т.-е. согласіе на избраніе и поставленіе Онуфрія. Вотъ что̀ именно говорилось въ ставленной грамотѣ: „Азъ, смиренный Кириллъ епископъ, Божіимъ всепремудрымъ промысломъ удостоившійся донынѣ быть бѣлокриницкой митрополіи намѣстникомъ, нынѣ же, по совершенномъ отнятіи отъ насъ господина митрополита Амвросія, и блюстителемъ престола его, предусматривая для святаго престола сего вся полезная и прочная къ неупустительному его существованію, въ предосторожность на всякій часъ смертнаго случая, а наипаче по нынѣшней обдержащей смертоносной болѣзни — холеры, дабы не довести здѣшній старовѣрческій народъ въ прежнее бѣдствованіе священствомъ и не навести неудовольствій сосѣдственныхъ державъ въ принятіи иностраннаго священства, заблагоразсудилъ *благовременно* избрать и поставить другого епископа, такъ какъ и всевысочайшимъ указомъ отъ 18 сентября 1844 года въ обязанность поставлено, дабы въ Бѣлокриницѣ настоящій святитель всегда другого себѣ наслѣдника имѣлъ. Для того и созвалъ весь свой духовный соборъ въ 26 день сего же августа мѣсяца въ бѣлокриницкую митрополію. А какъ другой епископъ, задунайскій Аркадій, находясь подъ слѣдствіемъ у турокъ, не могъ лично прибыть на соборъ, *прислалъ отъ себя отношеніе,* болѣе же иныхъ единовѣрныхъ епископовъ на извѣстіи не предвидится, то на основаніи староперковнаго законоположенія“ и проч. (слѣдуетъ выписка изъ приведеннаго выше соборнаго акта) избранъ во епископа свя-

---

съ грамотой, приготовленной для Кирилла, кромѣ того мѣста, гдѣ идетъ рѣчь лично объ Онуфріи. Въ заглавіи грамоты Кириллъ поименованъ еще: „епископъ Майносскій, Бѣлокриницкой митрополіи намѣстникъ, за удаленіемъ же нынѣ митрополита Амвросія блюститель его престола“.

щенноинокъ Онуфрій Ивановъ, и „азъ смиренный епископъ Кириллъ сего числа соборнѣ и надлежащимъ чиномъ хиротонисалъ его во епископа, который до времени будетъ находиться при сей митрополіи“.

Въ приведенныхъ сейчасъ словахъ ставленной грамоты Павелъ старался посредствомъ лжи оправдать антиканоническое единоличное поставленіе Онуфрія въ епископы безъ дѣйствительнаго полученія на то согласія отъ другого существовавшаго тогда раскольническаго епископа; далѣе же въ грамотѣ шла рѣчь о противозаконномъ дѣйствіи при поставленіи Онуфрія, учиненномъ въ явную противность императорскимъ декретамъ о липованской іерархіи, коими дозволялось бѣлокриницкому епископу поставленіе священныхъ лицъ только для буковинскихъ липованъ, почему объ этомъ дѣйствіи, записанномъ въ грамоту, предполагалось хранить (и всегда хранилось) полное молчаніе въ сношеніяхъ съ правительствомъ. Въ грамотѣ говорилось именно: „А какъ единовѣрные намъ древлеистинной христіанской религіи народы (!) и цѣлыя общества таковыхъ находятся въ разныхъ государствахъ, въ числѣ коихъ извѣстно свѣдали мы, что въ мутнянскомъ волохійскомъ княжествѣ во градѣ Ибраиловѣ единовѣрныхъ нашихъ христіанъ имѣется общество, но не имѣетъ своего законнаго епископа, для чего по благоусмотрѣнію нашему со всеосвященнымъ соборомъ и опредѣляется во оный градъ къ своимъ единовѣрнымъ христіянамъ на епископскій престолъ сей возлюбленный намъ по Духу Святому братъ и сослужмтель преосвященный епископъ Онуфрій, яко достоинъ воспріяти архіерейское предстательство и пастырскій жезлъ новоопредѣленной Ибраиловской епархіи, и отнынѣ да именуется Ибраиловскій епископъ“[248]).

---

[248]) Въ *Памятникѣ* подъ 29 августа (10 сентября) о поставленіи Онуфрія Павелъ записалъ согласно съ сказаннымъ въ грамотѣ; но тутъ есть нѣкоторыя дополненія, любопытныя для его, и вообще раскольнической, характеристики, которыхъ въ оффиціальные акты неудобно было вносить. Здѣсь говорится: „когда высокое правительство наше, во уваженіе россійскаго императорскаго Двора, *иже на всѣ религіи завистію дышущаго*, отняло отъ насъ митрополита Амбро-

Такимъ образомъ и поставленіе новаго намѣстника Бѣлокриницкой митрополіи Павелъ устроилъ съ нарушеніемъ и церковныхъ и гражданскихъ законовъ, употребивъ притомъ и явную ложь. Въ такомъ важномъ церковномъ дѣлѣ онъ заботился, какъ и всегда, не о соблюденіи полной законности, а лишь о томъ, чтобы, пользуясь благопріятнымъ для него смутнымъ положеніемъ дѣлъ въ правительствѣ, устроить какъ можно скорѣе необходимо нужное для обезпеченія учрежденной его трудами раскольнической іерархіи поставленіе новаго епископа — намѣстника митрополіи. Съ такою же поспѣшностью онъ позаботился представить это дѣло оффиціальнымъ порядкомъ на утвержденіе правительства. Нужные документы, именно соборный приговоръ объ избраніи Онуфрія и свидѣтельство липованскихъ громадъ, 29 августа, въ самый день поставленія, были предъявлены для засвидѣтельствованія въ мѣстную Думенію[249]; а 3-го сентября, въ тотъ же день, когда писано извѣстительное письмо къ Аркадію съ приглашеніемъ прибыть на предстоящій соборъ для избранія и поставленія Онуфрія, Кириллъ подписалъ сочиненное Павломъ донесеніе въ Крайзамтъ объ учиненномъ имъ въ Бѣлой Криницѣ 29 августа рукоположеніи новаго епископа Онуфрія. Донесеніе составлено было очень искусно и въ твердыхъ выраженіяхъ. Въ немъ говорилось

„По всевысочайшему повелѣнію его императорскаго величества вызванный отъ насъ митр. Амбросій въ Вѣну въ декабрѣ прошлаго 1847 г., какъ видно по министерскимъ резолюціямъ. . уже въ Буковину къ липованамъ возвратиться не

сія, тогда существующій его намѣстникъ епископъ Кириллъ“ и т. д., согласно съ текстомъ грамоты. Повторены и эти слова: „а какъ другой епископъ, задунайскій Аркадій, находится подъ слѣдствіемъ у турокъ и не можетъ прибыть, *прислалъ* отъ себя отношеніе“. . Въ концѣ упомянуто и то, что епархія Онуфрію опредѣлена „*въ Мунтіи Ибрановъ съ прочими единовѣрными тамошними обществами*, однако находиться имѣетъ здѣсь при митрополіи *намѣстникомъ*“. О намѣстничествѣ въ грамотѣ почему-то (не было упомянуто при словахъ: „до времени будетъ находиться при сей митрополіи“.

[249]) *Памятникъ*, № 52.

можетъ. Почему я, нижеподписанный, намѣсто предмѣстника своего, какъ есмь епископъ *извѣстный высокому правительству*, поступилъ въ надлежащее мнѣ управленіе и *существую нынѣ было-криницкой и всѣхъ здѣшнихъ липованскихъ старообрядцевъ верховный святитель*. А какъ всевысочайшимъ указомъ 18 сент. 1844 г. всемилостивѣйше дозволено липованскому старовѣрческому святителю *находящагося въ Бѣло-Криницкихъ* иноковъ до высочайшихъ степеней посвящать и тоже долгомъ поставлено и своего наслѣдника высвятить: я, по праву сему, и по долгу моего званія и отвѣтственности моей предъ Богомъ и предъ правительствомъ и предъ всѣми нашими людьми, дабы не довести народъ сей въ прежнее бѣдствованіе священствомъ и *не навести опять неудовольствій сосѣдственнымъ державамъ касательно въ принятіи къ себѣ иностраннаго священства*[250]), да и въ предосторожность по настоящему нынѣ зѣло опасному времени смертельной болѣзни, такъ какъ мы всѣ и кромѣ того каждый часъ находимся подъ смертію, неопустительно предположилъ избрать себѣ наслѣдника и хиротонисать во епископа. Въ каковую степень и избранъ на всеобщемъ нашемъ духовномъ соборѣ 26 августа (7 сентября) текущаго сего года, изъ числа монастырскаго духовенства, благоговѣйный священноинокъ Онуфрій Ивановъ, достойный сего сана по самому избранію его, какъ прилагаемые при семъ два акта свидѣтельствуютъ; а 29 августа (10 сентября) въ Бѣлокриницкой сельской церкви онъ же, Онуфрій Ивановъ, надлежащимъ чиномъ произведенъ во епископа О чемъ славному К. К. Крайзамту симъ почтеннѣйше доношу и покорнѣйше прошу довести о семъ до свѣдѣнія, куда слѣдуетъ, высочайшему правительству[251]).

[250]) Любопытно это Павлово толкованіе послѣдняго императорскаго декрета, коимъ дозволялось имѣть липованамъ духовенство подъ условіемъ „дабы сосѣдственныя государства не имѣли неудовольствія и никакой причины жаловаться на нихъ“. По толкованію Павла неудовольствіе это возбуждено было бы въ томъ случаѣ, если бы липоване стали принимать къ себѣ иностранное священство, какъ принимали прежде бѣглыхъ поповъ изъ Россіи и приняли Амвросія изъ Греціи Въ этомъ толкованіи есть, конечно, доля правды; но Павелъ опустилъ изъ вниманія главное, что имѣлъ въ виду декретъ, — поставленіе духовенства для раскольниковъ сосѣдственныхъ государствъ, чрезъ которое именно причинялось бы имъ неудовольствіе.

[251]) Собственноручно писанное Павломъ донесеніе это, съ нѣмецкимъ переводомъ на оборотѣ, находится въ *Бѣлокр. арх.* Содержаніе его кратко изложено въ *Памятникѣ*, подъ 3(15) сентября, № 56.

Представивъ такимъ образомъ въ донесеніи правительству всѣ, какія могъ, основанія для законности произведеннаго Кирилломъ избранія и поставленія епископа въ „наслѣдники“ себѣ, какъ дѣйствительному „верховному святителю липованскихъ старообрядцевъ“, Павелъ предусмотрительно умолчалъ только объ одномъ, что епархія этому епископу назначена въ „сосѣдственномъ государствѣ“, — что хотя онъ избранъ изъ „находящихся въ Бѣлокриницѣ иноковъ“, но поставленъ для старообрядческихъ обществъ „въ Мутнянскомъ Волохійскомъ княжествѣ“, чѣмъ этому княжеству несомнѣнно могла быть причинена „непріятность“. Понятно, что упоминать объ этомъ въ донесеніи правительству было весьма неудобно, — и Павелъ, по обычаю, сохранилъ столь опасное для митрополіи обстоятельство въ тайнѣ.

Для доставленія донесенія въ Крайзамтъ и для личныхъ по сему дѣлу, равно какъ по другимъ, касающимся митрополіи, объясненій съ крайзамтскими чинами, признано было нужнымъ отправиться въ Черновцы самимъ депутатамъ Бѣлокриницкаго монастыря Павлу и Алимпію. Довѣренность на званіе депутатовъ они получили отъ монастыря еще въ то время, когда начали свои хлопоты объ учрежденіи іерархіи: этою довѣренностію оба они, особенно же Алимпій, и пользовались до послѣдняго времени. Но теперь, при перемѣнахъ въ правительствѣ и при измѣнившихся обстоятельствахъ въ самой митрополіи, признано было необходимымъ, чтобы монастырь выдалъ Павлу и Алимпію новую довѣренность, съ указаніемъ двухъ особенно пунктовъ, по которымъ они уполномочивались, „гдѣ нужно, по своему благоусмотрѣнію, лично просить и письменныя подавать прошенія“. Они касались 1) временно закрытаго Бѣлокриницкаго монастыря, о которомъ депутаты должны ходатайствовать, „чтобы на будущее время былъ открытъ, какъ и прежде“, и 2) удаленнаго изъ митрополіи Амвросія, чтобы относительно его депутаты дѣлали, „что̀ сами по ихъ усмотрѣнію найдутъ и признаютъ полезнымъ“. Все сдѣланное ими монастырскія власти обязывались „принимать такъ, какъ бы ими самими было сдѣлано“, и никакихъ на то неудовольствій

и жалобъ не представлять[252]). Довѣренность была подписана 9(21) сентября верховнымъ святителемъ Кирилломъ, епископомъ Онуфріемъ и духовникомъ Іеронимомъ, и въ тотъ же день выдана во владѣніе депутатовъ[253]). Съ этою новою довѣренностью Павелъ и Алимпій и отправились въ Черновцы для представленія Кириллова донесенія о поставленіи Онуфрія, а вмѣстѣ, какъ надобно полагать, и для справокъ по означеннымъ въ довѣренности пунктамъ. 18(30) сентября они лично явились къ президенту Крайзамта Изическулу и вручили ему донесеніе съ прочими по дѣлу Онуфрія документами, засвидѣтельствованными Думеніей[254]).

Хлопоты объ утвержденіи Онуфрія правительствомъ въ санѣ епископа-намѣстника митрополіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Черезъ годъ, именно 17 октября 1849 г., изъ Крайзамта уже послѣдовали на имя Кирилла и на имя самого Онуфрія увѣдомленія о признаніи послѣдняго въ епископскомъ санѣ и званіи намѣстника[255]). Въ увѣдомленіи Онуфрію говорилось: „Высокое министерство народнаго просвѣщенія (Das

---

[252]) Въ *Бѣлокр. арх.* находится нѣмецкій переводъ этой довѣренности (Vollmachung); содержаніе ея кратко изложено Павломъ въ *Памятникѣ* подъ № 55.

[253]) Это именно число значится на довѣренности. По-нѣмецки подписи переведены такъ: Bialokernitzer altglanbiger Oberhirt Kirila, Bischof Anufrii. Beichtvater der Ober-Geistlichkeit Jeronim. Въ *Памятникѣ* подъ 9(21) сентября записано: „Довѣренность *дана* двумъ монастырскимъ депутатамъ“ и проч.

[254]) Въ *Памятникѣ* подъ 18(30) сент. Павломъ записано: „Донесеніе отъ г. Бѣло-Криницкаго верховнаго святителя, съ приложеніемъ трехъ актовъ, о новомъ епископѣ Ануфріи въ К. К. Крайзамтъ отправлено съ депутатами инокомъ Алимпіемъ и Павломъ“. А на спискѣ донесенія (нѣмецкомъ), находящемся въ *Бѣлокр. арх.*, рукою Павла сдѣлана надпись: „30(18) сентября подано отъ депутатовъ лично самому г-ну Изыческулу“.

[255]) Увѣдомленіе на имя Кирилла, найденное нами въ сборникѣ о. Іоасафа, въ переводѣ на русскій языкъ, переведено крайне невразумительно; а увѣдомленіе Онуфрію, подлинное, на нѣмецкомъ языкѣ, находится въ *Бѣлокр. арх.* Здѣсь же и переводъ, писанный рукою Павла.

hohe ministerium des öffentliches Unterrichtes) принимаетъ къ свѣдѣнію совершившееся избраніе и поставленіе ваше въ наслѣдника (zur Nachfolger) нынѣшняго верховнаго архипастыря Кирилла Тимоѳеева, согласно высочайшему повелѣнію отъ 23 августа сего года за № 95[256]), извѣщая вмѣстѣ съ тѣмъ, что вы должны воздержаться отъ всякихъ епископскихъ дѣйствій и въ вашемъ званіи должны находиться въ полномъ подчиненіи нынѣшнему верховному святителю" (dass sie sich aller bischöflichen Funktionen unthalten und in dieser Eigenschaft dem gegenwärtigen Oberhirten ganz unterordnet sind). Въ увѣдомленіи же, присланномъ Кириллу, говорилось еще, что „липованскій монастырь и впредь остается еще закрытымъ", хотя въ немъ уже возстановлены были всѣ прежніе порядки и производилось даже поставленіе епископовъ, о чемъ дѣлалось оффиціальное донесеніе правительству и что̀ утверждалось самимъ правительствомъ[257]).

19. Производство новыхъ ставленниковъ въ Бѣлой-Криницѣ. — Поставленіе перваго лжеепископа для русскихъ раскольниковъ.

Совершивъ благополучно поставленіе намѣстника митрополіи, бѣлокриницкіе дѣятели занялись, съ замѣтной поспѣшностью, производствомъ другихъ ставленниковъ для монастыря и даже за границу. 29 августа, въ самый день поставленія Онуфрія, за тою же службою, Кириллъ произвелъ въ діаконы бѣлокриницкаго инока Аркадія, „съ тѣмъ предназначеніемъ, чтобы немедленно произведенъ былъ во пресвитера"[258]), — и

---

[256]) Какое высочайшее повелѣніе здѣсь разумѣется, это остается неизвѣстнымъ. Что оно издано не по дѣлу Онуфрія, это видно изъ того, что 23 августа (притомъ новаго стиля) еще не было и избранія Онуфрія въ епископы.

[257]) Крайзамтъ дѣлалъ эти увѣдомленія вслѣдствіе опредѣленія Галиційскаго губерніальнаго президіума отъ 13 сент. 1849 г.

[258]) Такъ именно отмѣтилъ Павелъ въ своемъ *Памятникѣ*, записывая подъ этимъ числомъ поставленіе Аркадія въ діаконы (№ 53). До-

черезъ недѣлю (5 сент.) онъ дѣйствительно поставленъ тѣмъ же Кирилломъ во священноинока. Этому Аркадію предстояла довольно высокая чреда въ австрійской іерархіи: онъ былъ потомъ произведенъ въ архимандриты Бѣлокриницкаго монастыря, а затѣмъ сдѣлался архіепископомъ Васлуйскимъ. Въ концѣ октября явилась въ Бѣлую-Криницу цѣлая депутація изъ молдавскаго селенія Мануиловки съ своимъ бѣглымъ попомъ, извѣстнымъ Алексѣемъ Булгаковымъ: депутація эта явилась просить, чтобы прибывшаго съ нею мануиловца Якова Алексѣева Кириллъ поставилъ въ діаконы. Просьба была охотно исполнена, и 1-го ноября Яковъ Алексѣевъ былъ рукоположенъ Кирилломъ „во діакона къ мануиловской церкви, иже есть во имя Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея покрова“ [259]). Діаконъ этотъ долженъ былъ служить при попѣ Алексѣѣ, и этимъ самымъ, что Алексѣй допускалъ его до служенія съ собою и даже самъ пріѣхалъ въ Бѣлую-Криницу просить о его поставленіи, — этимъ самымъ онъ, какъ единственный за границею „бѣгствующій іерей“, изъявлялъ свое рѣшительное согласіе на признаніе австрійской іерархіи [260]). Павелъ былъ очень доволенъ этимъ, хотя лично къ попу Алексѣю не питалъ никакого уваженія. Зная его тщеславіе, Павелъ придумалъ даже наградить его при семъ случаѣ „малиноваго бархата скуфьею“, которую Кириллъ и пожаловалъ попу Алексѣю въ знакъ благодарности за всѣ

стойно вниманія, что Аркадія поставлялъ Кириллъ, а не только что произведенный въ епископы Онуфрій, какъ обыкновенно дѣлается. О поставленіи Аркадія во священники см. тамъ же, № 54.

[259]) Тамъ же №№ 57 и 59.

[260]) Объ Алексѣѣ Булгаковѣ см. въ 1-мъ выпускѣ *Исторіи*, стр. 188—191. Надобно полагать, что и на сей разъ онъ дѣйствовалъ больше изъ корыстныхъ разсчетовъ. Яковъ Алексѣевъ былъ, кажется, его сынъ. Въ *Памятникѣ* онъ названъ въ одномъ мѣстѣ *поповичемъ:* онъ предложенъ былъ отъ митрополіи формозцамъ въ попы, но формозцы не пожелали имѣть его именно потому, что онъ *поповичъ*, и будетъ имъ тягостенъ (№№ 72 и 77). Если такъ, то попу Алексѣю, очевидно хотѣлось только пристроить при себѣ сына, чтобы потомъ могъ занять онъ и поповское мѣсто, что и было достигнуто (*Памятникъ*, № 97).

его подвиги для старообрядчества, съ надлежащей грамотой за собственной печатью[261]). Въ одно время съ мануиловской депутаціей прибылъ въ Бѣлую-Криницу съ подобною же просьбою настоятель Мануиловскаго монастыря Іоиль: онъ представилъ своего инока Іоасафа для поставленія во священники. 4-го ноября Іоасафъ поставленъ Кирилломъ въ діаконы, а 8-го во священноинока. Это послѣднее поставленіе происходило въ церкви села Соколинцевъ, которую въ этотъ день освящалъ Кириллъ въ сослуженіи съ Онуфріемъ[262]). Такъ уже дѣятельно работала тогда, говоря языкомъ Павла, бѣлокриницкая „фабрика“, хотя оффиціально и значилась закрытою.

Вскорѣ затѣмъ сдѣлано было и самое важное дѣло, которое имѣлось въ виду учредителями Бѣлокриницкой іерархіи при самомъ замыслѣ объ ея учрежденіи. Въ концѣ декабря, передъ праздникомъ Рождества Христова, явился въ Бѣлую-Криницу изъ Россіи претендентъ на поставленіе въ епископа для всѣхъ россійскихъ старообрядцевъ,— получившій потомъ такую печальную извѣстность въ исторіи австрійской іерархіи — Степанъ Трифоновъ Жировъ. Онъ былъ крестьянинъ

---

[261]) Любопытна Павлова запись объ этомъ въ *Памятникѣ*, подъ 3 ноября, когда была пожалована награда: „Мануиловскій священноіерей Алексѣй Егоровъ, за многолѣтное въ древлеправославной нашей вѣрѣ въ сану пресвитера доброе состояніе и многія претерпѣнныя имъ ради сохраненія истинныя вѣры гоненія (?) и тяжелыя напасти (?), при всемъ томъ, въ столь прежде бывшемъ зѣло скудномъ священства положеніи оказанныя имъ ко всѣмъ молдавскимъ православнымъ нашей вѣры обществамъ въ исправленіи христіанскихъ духовныхъ требъ неутомимыя службы и труды, и наконецъ при довольно пожилыхъ его лѣтахъ прибылъ въ сію митрополію *посѣщенія ради и пріятія архипастырскаго благословенія и молитвъ*, пожалованъ въ знакъ ему благодарности малиноваго бархата скуфьею, и дана за подписомъ и съ приложеніемъ печати г. епископа Кирила надлежащая грамота“ (№ 60). Въ этой изысканной записи, очевидно, воспроизведенъ текстъ выданной Алексѣю грамоты. Награда скуфьей, какъ награда, есть подражаніе „никоніанской“ церкви, — все отличіе въ томъ, что скуфья малиновая, а не фіолетовая.

[262]) *Памятникъ*, подъ №№ 58, 61, 63 и 64.

Калужской губерніи, изъ-подъ Боровска; но жилъ большею частію въ Москвѣ, гдѣ содержалъ нѣкоторое время постоялый дворъ (въ Рогожской части) и находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Рогожскому Кладбищу,—состоялъ даже въ числѣ кладбищенскихъ дьячковъ. Человѣкъ умный и хитрый, хорошо начитанный и большой ревнитель раскола, онъ умѣлъ заслужить расположеніе и довѣріе вліятельныхъ въ старообрядчествѣ лицъ, каковы были напр. конторщикъ Рогожскаго Кладбища Дмитрій Корнѣевъ и даже извѣстный Аѳоній Кочуевъ, бывшій первымъ начинателемъ дѣла объ учрежденіи самостоятельной раскольнической іерархіи У этого послѣдняго Жировъ пользовался такимъ довѣріемъ, что былъ нѣкоторое время главнымъ у него приказчикомъ по торговой части. Но при указанныхъ, особенно цѣнимыхъ въ расколѣ качествахъ, снискавшихъ ету покровительство видныхъ раскольническихъ дѣятелей, Жировъ отличался, какъ это бываетъ нерѣдко въ расколѣ, крайнимъ самомнѣніемъ, любостяжательностью и дерзостью, — ради наживы и личныхъ интересовъ былъ способенъ на всякое преступленіе, готовъ пожертвовать и совѣстью и всѣмъ святымъ, если только было для него что-нибудь святое Даже своему благодѣтелю — Кочуеву за полное его довѣріе заплатилъ самой черной неблагодарностью,— выдалъ его правительству, какъ причастнаго къ дѣлу объ учрежденіи Бѣлокриницкой іерархіи. Во время „оскудѣнія священства“ у старообрядцевъ онъ занимался также выгоднымъ ремесломъ отыскиванія для раскольническихъ обществъ бѣглыхъ поповъ, пріобрѣтеніе которыхъ оплачивалось большими деньгами, и была молва, что одного изъ такихъ поповъ (Егора) онъ утопилъ, или, по другимъ извѣстіямъ, хотѣлъ утопить, чтобы воспользоваться находившейся при немъ значительной суммой. Учрежденіе собственной заграничной іерархіи у раскольниковъ грозило если не совершеннымъ прекращеніемъ, то во всякомъ случаѣ сильнымъ подрывомъ для этого доходнаго промысла, и Жировъ сообразилъ, что теперь всего лучше и выгоднѣе сдѣлаться самому поставителемъ раскольническихъ поповъ, т.-е. получить въ Бѣлой-Криницѣ архіерейскій санъ.

И вотъ съ этою цѣлію онъ явился въ Бѣлую-Криницу. Ни Павлу и никому изъ бѣлокриницкой братіи Жировъ не былъ знакомъ; но онъ привезъ съ собою и представилъ какое-то, неизвѣстно когда и какъ полученное, даже, какъ впослѣдствіи подозрѣвали, фальшивое, рекомендательное за него письмо Афѳонія Кочуева. Павелъ глубоко чтилъ своего стараго знакомца и друга Афѳонія Кузьмича, и потому принялъ рекомендованнаго имъ пришельца съ полнымъ довѣріемъ и великою радостію, какъ достойнаго кандидата въ епископы для россійскихъ старообрядцевъ. Надобно полагать, что и самъ Жировъ своими повѣствованіями о Кочуевѣ и о своихъ близкихъ къ нему отношеніяхъ, равно какъ своимъ обращеніемъ и бесѣдами, показывавшими въ немъ умнаго и свѣдущаго въ Писаніи человѣка, умѣлъ расположить Павла въ свою пользу и подкрѣпить рекомендацію Кочуева. Притомъ же, и это главное, Жировъ явился въ самое благопріятное для его искательствъ время: тогда Павелъ и его сотрудники именно сгорали желаніемъ поставить епископа для Россіи, что̀ было главною цѣлію учрежденія и самой іерархіи, а вмѣстѣ желаніемъ чрезъ это поставленіе отомстить русскому правительству за Геронтія и за Амвросія. Мало того, – въ это именно время имъ необходимъ былъ новый епископъ, который вмѣстѣ съ Онуфріемъ могъ совершить возведеніе Кирилла въ санъ митрополита, о чемъ Павелъ тогда очень заботился и чего одинъ Онуфрій, за отсутствіемъ Аркадія, не имѣвшаго возможности пріѣхать въ Бѣлую-Криницу, исполнить не могъ. По всему этому Павелъ былъ очень радъ пріѣхавшему изъ Россіи, едва ли не съ самаго Рогожскаго Кладбища, искателю архіерейства и рѣшилъ не медлить его поставленіемъ, вполнѣ полагаясь на отзывъ о немъ такого уважаемаго лица, какъ Кочуевъ, не наводя о немъ и справокъ у своихъ московскихъ пріятелей, которые, навѣрное, открыли бы ему кое-что весьма не лестное объ этомъ кандидатѣ въ россійскіе архіереи [263]).

---

[263]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о Ст. Жировѣ сообщаются въ „Ист. министерства внутр. дѣлъ“ Варадинова (т. 8, стр. 646—648), у Мельникова

Дѣло было кончено, дѣйствительно, съ необыкновенной быстротой: пріѣхавъ передъ Рождествомъ въ Бѣлую-Криницу, Степанъ Жировъ былъ уже 29 декабря постриженъ въ иноки

въ „Очеркахъ поповщины“ (*Русск. Вѣстн.* т. LI, стр. 59), въ Сборн. Попова (ч. 4, стр. 268); а самыя достовѣрныя и обстоятельныя извѣстія о произведеніи его въ епископы находятся въ слѣдственномъ дѣлѣ объ немъ, производившемся съ 1853 года, и именно въ опредѣленіи, состоявшемся въ 1856 году и назначенномъ для врученія самому Жирову (оно писано собственноручно новымъ, избраннымъ по смерти Павла на его мѣсто, письмоводителемъ митрополи—Конономъ). Здѣсь именно говорится: „По удаленіи верховнымъ правительствомъ Австрійской державы бывшаго митрополита Амвросія на вѣчное заточеніе въ г. Цилль, послѣдовавшемъ въ 7355 году, верховный святительскій престолъ въ Бѣлой-Криницѣ воспріялъ въ свое завѣдываніе непосредственно самъ собою безъ всякаго препятствія намѣстникъ его Майносскій епископъ; въ самое же достоинство митрополитскаго сана онъ, епископъ Майносскій, при семъ случаѣ произвестися не могъ, а долженъ былъ произвестися по общему чину церковному особенными епископы, если не отъ множайшего числа, то по крайней мѣрѣ отъ двухъ, согласно правила вселенскаго собора. Поелику же въ то время, когда сія перемѣна происходила, при митрополіи Бѣлокриницкой состоялъ одинъ точію епископъ Ануфрій, присутствія коего для означеннаго случая было недостаточно, изъ иной же епархіи, какова была одна только задунайская, требованіе таковаго за отдаленностію было неудобно, то посему производство намѣстника епископа Майносскаго въ достоинство митрополита не могло тогда совершиться окончательно. Почему освященный соборъ и предполагалъ посвятить на сей случай еще одного епископа нарочито изъ числа достойныхъ мужей. Но прежде нежели могъ избрать для сего приличествующее лице, ваше преосвященство, будучи тогда еще въ мірскомъ состояніи, прибыли въ митрополію сію по духовнымъ дѣламъ Московской кладбищенской церкви, и *о званіи и достоинствѣ своемъ свидѣтельствовались митрополіи сей весьма удовлетворительно довѣренностію купца Аѳонья Козмина* (бывшаго главнаго попечителя сей митрополіи), у коего состояли прежде того въ производствѣ торговли на степени первокласнаго прикащика; *по каковому удостовѣренію* и приняты были здѣсь безъ всякаго подозрѣнія за самую честнѣйшую особу, не точію по состоянію гражданскому, но и по жизни христіанской, не вѣдая того отнюдь, какъ послѣ оказалось, что вы сего знаменитаго благодѣтеля своего и благодѣтеля церкви Божіей, по образу Іуды Искаріотскаго, предали еретикамъ на крестное распятіе, и *его довѣренностію лукаво облекшись*, яко овчею

подъ именемъ Софронія, а на другой день, 30-го, поставленъ въ діаконы, 31-го въ священники, а 3-го января былъ уже произведенъ въ епископы, — все кончено въ теченіе шести

кожею, подобно волку, для сокрытія звѣрскаго существа своего, чтобъ войти подъ сею личиною безъ смущенія въ церковь Божію и *украсть въ оной небесную вещь*, отнюдь вамъ не свойственную Въ чемъ и успѣли вы совершенно. Поелику тогда митрополія сія имѣла въ виду своемъ великую скудость, настоявшую въ Россіи, во священствѣ, то, дабы отвратить сіе бѣдствіе отъ тамошнихъ христіанъ, полагала необходимымъ послать туда святителя, а по симъ-то обстоятельствамъ *весьма охотно* и избрала васъ, яко достойнѣйшее лице, на сію важную степень, какъ для управленія христіанъ россійской державы, такъ и особенно для возведенія намѣстника, епископа Майносскаго, въ званіе митрополита" *(Бѣлокр. арх.)*. И самъ Павелъ ранѣе, именно 10 ноября 1853 г., возражая на извѣты Жирова, писалъ: „Вспомнили бы былое, еже въ бытность вашу у насъ: какое посредство увѣрило насъ объ васъ? *Не было ли въ томъ съ вашей стороны какого подлога, сирѣчь за моего друга, друга такого, которому одолжена нынѣшняя наша іерархія вся? И отъ него нѣкимъ посредствомъ и вы тогда, какъ неизвѣстные люди, чрезъ чью рекомендацію облеклись въ вѣрность человѣка достойнаго?*" (Тамъ же). Любопытно, что напечатанные курсивомъ слова, Павелъ зачеркнулъ потомъ и вмѣсто нихъ написалъ только: „но оставимъ нынѣ о прошедшемъ". Это онъ сдѣлалъ, конечно, потому, что такимъ откровеннымъ объясненіемъ въ оффиціальной бумагѣ обличилъ бы свое собственное легковѣріе, оказанное при избраніи въ епископы для россійскихъ старообрядцевъ такого лица. какъ Жировъ. Достойно вниманія, что здѣсь же, въ своемъ возраженіи Жирову, Павелъ называетъ себя его „доброжелательнымъ рекомендателемъ", и этимъ прямо даетъ знать, что, положившись на рекомендацію Кочуева, онъ и самъ явился рекомендателемъ Жирова предъ Кирилломъ и всѣмъ бѣлокриницкомъ братствомъ, т.-е. на себя беретъ вину избранія и и поставленія его въ епископы. Итакъ и изъ Павлова откровеннаго указанія и особенно изъ подробныхъ объясненій Конона несомнѣнно явствуетъ, что Софроній никому въ Бѣлой-Криницѣ не былъ извѣстенъ и явился только съ подложной рекомендаціей отъ Кочуева, которою Павелъ и удовольствовался, чтобы безъ всякаго сомнѣнія произвести его въ епископы, въ чемъ имѣлась тогда надобность. А между тѣмъ тотъ же Павелъ писалъ тогда, именно отъ 7 января 1849 г., къ Аркадію Славскому: „Въ концѣ 1848 года, близъ предъ праздникомъ Рождества Христова, самымъ искуснымъ и секретнымъ образомъ посѣтили нашу митрополію сиротствующіе сѣверные *послы, т.-е. повѣ-*

дней [264])! Эта, никакими каноническими правилами не оправдываемая быстрота, съ какою Софроній проведенъ былъ по всѣмъ степенямъ священства [265]), дѣлала еще беззаконнѣе и безъ того уже беззаконное дѣло, которымъ явно нарушались и гражданскіе и церковные законы. Императорскими декретами, какъ мы видѣли, прямо воспрещалось бѣлокриницкому митрополиту поставленіе духовныхъ лицъ (тѣмъ паче еписко-

---

ренные депутаты отъ Казани, Москвы и Калуги, и привезли съ собою достойно *по ихъ благоусмотрѣнію избраннаго человѣка,* чтобы *къ нимъ* поставить епископомъ. Они столь имѣли горячую по Бозѣ ревность, что преобидѣли всѣ неудобства пути и всякій Россіи страхъ" *(Переписка,* вып I. стр. 131—132). Въ письмѣ этомъ Павелъ, по особымъ соображеніемъ, писалъ очевидную ложь (какъ и нерѣдко это дѣлалъ), чтобы представить Аркадію избраніе и поставленіе Жирова дѣломъ вполнѣ законно совершившимся. Что никакой депутаціи изъ Россіи не пріѣзжало съ Жировымъ въ Бѣлую-Криницу, это видно и изъ того, что объ ней Павелъ не сдѣлалъ записи въ своемъ *Памятникѣ,* гдѣ аккуратно упоминалъ о всякой пріѣзжавшей въ митрополію депутаціи, особенно съ цѣлію поставленія кого-либо въ священныя степени.

[264]) Въ *Памятникѣ* кратко отмѣчено: „Софроній бывшій 29 инокъ, 30 діаконъ, а е(пископъ) въ наступающемъ генварѣ 3-го 1849 года, и уѣхалъ" (№ 66). А въ письмѣ къ Аркадію Павелъ писалъ: „По *неотступнымъ и жалостнымъ* ихъ (депутатовъ) *моленіяхъ* архипастыри наши и всѣ монастырскіе члены, убѣдившись (?), рѣшились на таковое дѣло. И было произведеніе тому *избранному отъ Россіи* человѣку постепенно, *со прибытія* ихъ *до третяго числа* сего генваря мѣсяца до епископа; а 3-го числа торжественно произвели того благоговѣйнаго священно-инока Софронія во епископа" *(Переп* вып. 1, стр. 132). Выходитъ по письму, что производство Софронія въ священныя степени началось съ пріѣзда мнимой депутаціи, т.-е. по крайней мѣрѣ съ 20 декабря, а не съ 29-го. Видно вообще, что Павлу желательно было выставить предъ Аркадіемъ поставленіе Софронія дѣломъ правильно совершоннымъ, — для чего-то упомянуты даже „неотступныя, жалостныя моленія" небывалыхъ депутатовъ.

[265]) Не упоминая о прочихъ канонахъ, укажемъ только на 28 заповѣдь Іустиніана, которую не разъ приводилъ и самъ Павелъ въ другихъ случаяхъ. Она требуетъ, чтобы поставляемый въ епископы „во мнишествѣмъ житіи *не мньше пятинадесяти лѣтъ* сотворилъ есть". Софроній же до поставленія въ епископы „сотворилъ въ иночествѣ" всего четыре дня!

повъ, разумѣется) не изъ липованъ и не для австрійскихъ липованъ, т.-е. для заграничныхъ старообрядцевъ; а по случаю поставленія Аркадія въ епископы для турецкихъ раскольниковъ, о которомъ дозналось правительство, монастырю даже сдѣлано было строгое замѣчаніе съ воспрещеніемъ на будущее время такихъ поступковъ[266]); и объявленный послѣднею слѣдственною комиссіею императорскій декретъ также воспрещалъ хиротоніи, могущія возбудить неудовольствіе сосѣдственныхъ державъ. Значитъ, поставленіе Софронія въ раскольническіе епископы для Россіи, и именно на досаду русскому правительству, было прямымъ нарушеніемъ гражданскихъ законовъ, или императорскихъ декретовъ. А о соблюденіи каноническаго правила объ участіи въ избраніи и поставленіи епископа всѣхъ наличныхъ епископовъ области, Павелъ на сей разъ даже и не позаботился, — не послалъ даже и приглашенія третьему епископу — Аркадію прибыть для сего на соборъ; онъ ограничился только увѣдомленіемъ о состоявшемся уже поставленіи Софронія[267]).

---

[266]) Вотъ это предписаніе изъ Крайзамта отъ 20-го (8-го) января 1848 года: An das Kloster Convent zu Fontana Alba. Die im dortigen Kloster im verflossenen Sommer statt gefundene Weihe eines Bischofs und eines Priesters für die Lippowaner im Auslande ohne eingeholter Sicherer, und ohne auch die in das Kloster gekommener fremden Lippowaner beim Dumenium Hadikfalva anzumelden veranlasst mich bis in der obigen Angelegenheit die höhere Entscheidung herablangen wird, zur nachdrüchlichsten Erinerung gegen weitere derlei Vorgänge welche mit nachtheiligen Folgen für das Kloster Convent verbunden seyn wurden. Подписалъ: Ishetscheskul. *(Бѣлокр. арх.).*

[267]) Письмо съ этимъ извѣщеніемъ писано 7-го января, т.-е. черезъ пять уже дней по поставленіи Софронія. Павелъ писалъ: „Итакъ теперь, ваше преосвященство, имѣйте во извѣстіи и во единодушной о Христѣ братской любви и единовѣріи въ числѣ прочихъ (?) нашихъ православныхъ архіереевъ и сего преосвященнаго епископа Софронія *Россійскаго“ (Перев.* вып. 1, стр. 132). Впослѣдствіи, когда Софроній доказывалъ, что незаконно Антонія поставили въ епископы только двое, Кириллъ и Онуфрій, безъ участія и согласія прочихъ, заграничныхъ, епископовъ, Павелъ, отъ имени Кирилла, писалъ ему: „Почто весьма поздно вы вздумали вопрошать, могутъ ли два лица

За отсутствіемъ Аркадія Софроній рукоположенъ былъ Кирилломъ и Онуфріемъ. Предъ поставленіемъ онъ произнесъ присягу,—такую же, какъ и Аркадій,—гдѣ обѣщаль, какъ и этотъ послѣдній, быть въ полномъ подчиненіи Кириллу и являться безпрекословно по его приглашенію на соборы. По отношенію къ послѣдующей дѣятельности Софронія имѣли особенную важность слѣдующія обѣщанія, данныя имъ въ присягѣ: „Имѣньми получающихъ (а тѣмъ паче дающихъ) санъ изверженію достойныхъ быти сужду, якоже и Симона волхва, стяжаніемъ благодать сію получити мнѣвшаго... Обѣщаваюся врученную мнѣ паству по обычаю Апостолъ посѣщати и назирати *не ради пихоимания и чести,* но въ исправленіе дѣлъ благихъ, и наипаче священниковъ... Вся буду дѣйствовать по совѣсти моей, *не работствуя иноприятю, не болѣзнуя враждою, завистію, упрямствомъ и злодѣйствомъ,* но со страхомъ Божіимъ, со искреннею Бога и ближняго любовію Если же сотворю что-либо таково запрещенное безъ повелѣнія и безъ грамоты верховнаго святителя [268]), или преступлю что и едино отъ всѣхъ сихъ написанныхъ здѣ, тогда абіе лишенъ да буду сана своего и власти безъ всякаго извѣта и слова“ [269]). Невозможно допустить, чтобы Софроній давалъ всѣ эти обѣщанія

таковыя дѣла учреждать, сирѣчь архіереовъ поставлять Это вамъ надо было бы тогда вопрошать, когда еще вы не были ваше преосвященство, но только Стефанъ Трифоновичъ... Вы пріяли епископскій санъ отъ двухъ только лицъ, даже не присутствовавшу и самому митрополиту, и отнюдь не получа отъ задунайскаго архіепископа никаковаго о томъ сообщенія, *даже и донынѣ не имѣете его согласія,* ниже отъ митрополита Амвросія соблаговоленія“ (Дѣло о Софроніи въ *Бѣлокр. арх.).*

[268]) Значитъ, съ повелѣніемъ и грамотою своего верховнаго святителя раскольническому епископу дозволялось дѣлать и преступныя дѣла?

[269]) *Сборн. Антонія.* Любопытно, что въ *Бѣлокр. арх.* не сохранилось документовъ, относящихся къ поставленію Софронія; но Антоній, будущій врагъ его, живя въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, списалъ въ свой сборникъ нѣкоторые изъ нихъ, именно же: эту присягу, особую грамоту ему отъ Кирилла и письмо Павла къ Аркадію отъ 7 янв. 1849 г.

искренно, съ дѣйствительнымъ намѣреніемъ исполнять ихъ, такъ какъ съ самаго пріѣзда въ Россію и начатія своего мнимо-архіерейскаго служенія у раскольниковъ онъ сталъ нагло и открыто попирать ихъ. Надобно полагать, что и тогда Софроній смотрѣлъ на эту присягу и на всѣ эти обѣты, какъ на пустую формальность, какъ на фальшивую поддѣлку подъ правила и дѣйствія древлеправославной церкви (каковою дѣйствительно и были всѣ бѣлокриницкія мнимыя священнодѣйствія), почему впослѣдствіи и относился къ нимъ съ полнымъ пренебреженіемъ.

Хотя Павелъ и писалъ, что Софронія сопровождали будто бы въ Бѣлую-Криницу, „повѣренные депутаты отъ Казани, Москвы и Калуги“, и что будто бы они же именно просили поставить его, какъ „избраннаго ими человѣка *имъ* въ епископа“, однако Софронію была назначена каѳедра не въ Москвѣ, не въ Казани, даже не въ Калугѣ, а почему-то въ Симбирскѣ, и нареченъ онъ былъ епископомъ Симбирскимъ [271]). Но, имѣя въ виду, что это былъ пока единственный епископъ, поставленный для россійскихъ старообрядцевъ, Павелъ нашелъ нужнымъ дать Софронію полномочіе — исполнять архіерейскія обязанности для раскольниковъ во всей Россіи, впрочемъ до того только времени, когда будутъ поставлены для Россіи другіе раскольническіе епископы, которымъ онъ долженъ будетъ уступить тогда право самостоятельнаго дѣйствованія въ предѣлахъ ихъ епархіи, и отнюдь не вмѣшиваться въ относящіяся до ихъ епархіи дѣла. Въ этомъ именно смыслѣ Софронію выдана была отъ Кирилла особая сочиненная Павломъ грамота, въ которой говорилось:

„Возлюбленный братъ и сослужитель по Духу Святому преосвященный епископъ Софроній! Поручаемъ вамъ сверхъ

---

271) Любопытно, что въ *Памятникѣ* Павелъ не указалъ назначеннаго Софронію епархіальнаго города, а въ письмѣ къ Аркадію назвалъ его, какъ мы видѣли, не Симбирскимъ, а Россійскимъ епископомъ. Вообще, во всемъ, касавшемся Софронія и его поставленія, Павелъ обнаружилъ, даже въ объясненіяхъ со своими, какую-то неискренность и фальшивость.

опредѣленной собственно подъ вашу паству Симбирской епархіи еще *на время* и въ прочихъ мѣстахъ по всей Россіи, гдѣ будетъ настоять потребность, исправлять всѣ христіанскія требы, непосредственно сами и чрезъ поставленныхъ по благоусмотрѣнію вашему священниковъ, беззавистно, но единственно во славу Божію и во общую всѣхъ православныхъ пользу. А какъ скоро услышите въ предѣлахъ Россіи благодатію Божіею еще отъ сея митрополіи нашея посланнаго на таковую службу другаго епископа, *тогда абіе полагается вамъ запрещеніе отъ тѣхъ мѣстъ Россіи, какія другому епископу опредѣлены будутъ*, и вы тогда получите особое о томъ предувѣдомленіе“ [272])

Этимъ полномочіемъ ставить поповъ старообрядцамъ и управлять церковными ихъ дѣлами по всей Россіи Софроній былъ доволенъ какъ нельзя болѣе и въ свое время воспользовался имъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, вовсе не думая

---

[272]) *Сборн. Антонія.* И въ писанномъ рукою Конона соборномъ опредѣленіи о Софроніи говорилось: „Посвятила васъ (митрополія) епископомъ въ Симбирскую епархію, не производя о достоинствѣ вашемъ болѣе никакого особаго испытанія, съ такимъ предположеніемъ, чтобы ваше преосвященство, сверхъ опредѣленной собственно подъ вашу паству означенной епархіи, еще на время и въ прочихъ мѣстахъ по всей Россіи, гдѣ будетъ настоять надобность, исполняли всѣ христіанскія требы непосредственно сами и чрезъ поставляемыхъ по благоусмотрѣнію вашему священниковъ, на славу Божію и на общую всѣхъ православныхъ христіанъ пользу, и такимъ образомъ имѣли бы попеченіе за всѣхъ единовѣрныхъ нашихъ христіанъ, въ Россіи сущихъ. Въ помощь же вашу *предоставлено было* вашему преосвященству избрать достойнѣйшаго и дѣятельнаго человѣка, посвятить во епископа по вашему благоусмотрѣнію, *давъ о томъ знать и митрополіи для надлежащаго свѣдѣнія.* А какъ скоро услышите въ предѣлахъ Россіи еще другаго епископа, отъ сей митрополи посланнаго въ таковую службу, тогда абіе полагалось вамъ запрещеніе отъ тѣхъ мѣстъ Россіи, какія другому епископу опредѣлены будутъ“ (*Бѣлокр. арх.* Дѣло о Софроніи). Объ упоминаемомъ здѣсь „предоставленіи“ Софронію права поставить единолично епископа въ Россіи, только подъ условіемъ донесенія о томъ митрополіи, въ грамотѣ не было рѣчи; вѣроятно, его дали словесно, и Софроній, какъ увидимъ въ свое время, вполнѣ воспользовался правомъ дѣлать поставленія епископовъ, а доносить объ нихъ въ митрополію совсѣмъ и не думалъ.

обращать вниманія на указанныя въ грамотѣ ограниченія этого полномочія, что̀ и было потомъ причиной великихъ несогласій, раздоровъ и раздѣленій въ австрійской іерархіи, возникшихъ у русскихъ раскольниковъ. Вообще надо сказать, что если избраніемъ и поставленіемъ слабоумнаго Кирилла въ намѣстники митрополіи и потомъ въ митрополиты промыслъ Божій уготовалъ явную кару на незаконное дѣло учрежденія раскольнической іерархіи, то еще болѣе основанія видѣть такую справедливую кару на это нечестивое дѣло въ избраніи и назначеніи первымъ епископомъ для русскихъ раскольниковъ человѣка такой потерянной совѣсти и темной жизни, причинившаго столько волненій и безпорядковъ въ расколѣ, продолжающихся доселѣ, каковъ былъ Софроній. Господь, въ наказаніе, какъ бы отнялъ разумъ у Павла, попустивъ ему такъ спѣшно и опрометчиво, безъ надлежащихъ справокъ, положившись только на сомнительную рекомендацію Кочуева, принять Софронія подъ свое покровительство и, съ необыкновенною даже у раскольниковъ быстротою проведя его по всѣмъ священнымъ степенямъ, произвести въ перваго епископа для россійскихъ старообрядцевъ. Скоро понялъ онъ свою роковую ошибку, горько сѣтовалъ объ ней; но исправить ее, при всѣхъ своихъ стараніяхъ, уже не могъ, и она была одною изъ главныхъ причинъ, сократившихъ его жизнь.

20. Возведеніе Кирилла въ санъ митрополита.

Мы видѣли, что Кириллъ уже дѣйствовалъ въ Бѣлой-Криницѣ какъ настоящій преемникъ Амвросія и былъ даже самимъ австрійскимъ правительствомъ признанъ въ качествѣ верховнаго пастыря липованъ вмѣсто удаленнаго въ ссылку перваго ихъ верховнаго пастыря, какъ законный его преемникъ. Но Павелъ находилъ все это недостаточнымъ съ своей „древлеправославной“ точки зрѣнія, и для устраненія могущихъ послѣдовать со стороны противниковъ іерархіи и даже отъ нѣкоторыхъ ея собственныхъ членовъ какихъ-либо возраженій противъ занятія Кирилломъ каѳедры еще живаго и

канонически не устраненнаго съ нея, т.-е. не изверженнаго, архіерея, онъ признавалъ необходимымъ устроить это дѣло на твердыхъ каноническихъ основаніяхъ, строго церковнымъ порядкомъ; а имѣя въ виду, что Кириллъ, какъ преемникъ Амвросія, долженъ получить званіе верховнаго пастыря, или митрополита, „всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ“, у котораго должны находиться въ подчиненіи и всѣ прочіе ихъ епископы, находилъ нужнымъ совершить новое архіерейское поставленіе его именно въ санъ митрополита, какъ получали таковое россійскіе патріархи. Правда, австрійское правительство не признавало и не называло Амвросія митрополитомъ липованъ [272]) (равно какъ никогда потомъ не усвояло этого титла и его преемнику); но для Павла и его сотрудниковъ это „непризнаніе“ отъ внѣшней власти ничего не значило, — всю силу усвоялъ онъ своимъ внутреннимъ „церковно-каноническимъ“ постановленіямъ и рѣшеніямъ. Это церковное возведеніе Кирилла на Амвросіевъ митрополичій престолъ онъ, конечно, устроилъ бы немедленно послѣ состоявшагося окончательнаго рѣшенія участи Амвросія, немедленно по отъѣздѣ

---

[272]) Въ самомъ декретѣ 18 сент. 1844 г., коимъ дозволялось липованамъ учредить свою іерархію, будущій ихъ епископъ названъ только Oberhirt, oder Weihbischof. И когда шло дѣло объ Амвросіи, то, хотя этотъ послѣдній на бумагахъ, подаваемыхъ правительству, подписывался *Μητροπολίτης Αμβρόσιος*, само правительство въ оффиціальныхъ къ нему отношеніяхъ, какъ напр. въ важномъ документѣ о признаніи его въ австрійскомъ подданствѣ (13 іюля 1847 г.), называло его только бывшимъ митрополитомъ (gewesener Mitropolit), а у липованъ епископомъ (Weihbischof). Въ шестидесятыхъ годахъ бѣлокриницкія власти имѣли намѣреніе хлопотать, чтобы правительство признало Кирилла именно митрополитомъ. Услышавши объ этомъ намѣреніи, о. Онуфрій, бывшій тогда въ Яссахъ, писалъ въ Бѣлую-Криницу архідіакону Филарету: „Это если правда, то большая ошибка можетъ послѣдовать, потому что и Амвросію, поставленному вселенскимъ патріархомъ и готовыя грамоты имѣвшему, *и то не было позволенія митрополитомъ, согласно грамотамъ, именоваться.* И титла митрополита у насъ *по внутренности, между своихъ*, на грамотахъ существуетъ; а что къ правительству относится, то слѣдуетъ верховный святитель подписываться“ (Пис. отъ 25 янв. 1861 г.).

его въ безвозвратное заключеніе, если бы только имѣлъ къ тому возможность. Но въ то время онъ не могъ именно исполнить это, потому что недоставало тогда надлежащаго числа епископовъ, которые могли бы возвести Кирилла на митрополичій престолъ. Кромѣ самого Кирилла былъ въ то время одинъ только епископъ — Аркадій Славскій, да и тотъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Когда же поставленъ былъ въ епископы Онуфрій, Павелъ не рѣшился допустить, чтобы онъ единолично, притомъ будучи намѣстникомъ Кирилла, совершилъ такое важное дѣло, какъ возведеніе того же Кирилла въ санъ митрополита. Но теперь, съ поставленіемъ Софронія, препятствія къ этому дѣлу устранялись, — Павелъ находилъ, что два епископа уже могутъ исполнить его удобно. О третьемъ епископѣ — Аркадіи Славскомъ, хотя онъ уже находился на свободѣ, Павелъ не имѣлъ при этомъ и помышленія, такъ какъ ожидать его пріѣзда или письменнаго согласія на поставленіе Кирилла въ митрополиты, за дальностью разстоянія и при трудномъ положеніи Аркадія, было бы слишкомъ долго, а дѣломъ онъ считалъ необходимымъ поспѣшить. Мы видѣли, что и самое производство Софронія въ епископы было кончено съ такою неосмотрительною и небывалою поспѣшностью между прочимъ потому именно, что нуженъ былъ второй епископъ для давно желаемаго поставленія въ митрополиты Амвросіева преемника. И вотъ, дѣйствительно, въ тотъ же самый день, когда Софроній поставленъ былъ въ епископы, т.-е. 3-го января 1849 г., начато было дѣло и о поставленіи Кирилла въ митрополиты, а въ слѣдующій день, 4-го числа, совершено и самое поставленіе.

Произведеніе Кирилла въ санъ митрополита Павелъ позаботился обставить такою же формальною законностію и торжественностію, для устраненія всякихъ могущихъ возникнуть сомнѣній, какъ и провозглашеніе перваго раскольническаго митрополита — Амвросія. 3-го числа, въ полдень, значитъ немедленно послѣ того, какъ совершилось поставленіе Софронія въ епископы, составленъ былъ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ „соборъ“ для рѣшенія, на основаніи каноновъ и

святоподобій церковныхъ, вопроса о томъ, слѣдуетъ ли произвести новаго митрополита на праздную, по удаленіи митрополита Амвросія, бѣлокриницкую каѳедру „Соборное дѣяніе“, излагавшее основанія, по которымъ избраніе новаго митрополита признавалось дозволительнымъ, было уже заранѣе сочинено Павломъ, и всѣ „соборныя разсужденія“ ограничились, конечно, прочтеніемъ и подписаніемъ этого „дѣянія“[273]). Въ началѣ сего церковнаго акта говорилось, что возвратившіеся изъ Вѣны 24 августа 1848 г. послы, священноинокъ Іеронимъ и инокъ Алимпій, находившіеся при Амвросіи, „о обстоятельствѣ митрополита, предъ свидѣтелемъ Богомъ, 26 числа того же мѣсяца, дали митрополіи свое *письменное* показаніе, притомъ представили и копіи съ высочайшихъ декретовъ по именному императорскому рѣшенію о заточеніи митрополита Амвросія на вѣчное пребываніе въ городѣ Цилль, такъ что уже не только въ Буковину къ липованамъ никогда возвратиться не можетъ, но дабы и не имѣлъ и никакого вліянія на внутреннихъ и заграничныхъ липовановъ, и даже всякаго съ ними сношенія отнюдь никакимъ способомъ не имѣлъ, и уже къ тому не именоваться Бѣлокриницкимъ митрополитомъ“ (чего, въ дѣйствительности, и прежде не было ему дозволено).

---

[273]) Подлинное, писанное рукой Алимпія, „Соборное дѣяніе о избраніи вновь митрополита на праздный нынѣ бѣлокриницкій митрополитскій престолъ вмѣсто заточеннаго митрополита Амвросія, по царскому рѣшенію, на вѣчное пребываніе въ удаленный городъ Цилли“, находится въ *Бѣлокр. арх.* Подъ нимъ имѣются слѣдующія подписи: „Предсѣдатель собора блюститель Бѣлокриницкаго митрополитскаго престола Божіею милостію смиренный епископъ *Кириллъ* (по малограмотству Кириллъ подписалъ только свое имя; прочее тщательно написано кѣмъ-то другимъ). Божіею милостію смиренный епископъ Ануфрій Браиловскій. Божіею милостію смиренный епископъ Софроній Симбирскій (подпись сдѣлана свободнымъ и красивымъ почеркомъ). Архіерейскій духовникъ священноинокъ Іеронимъ. При семъ соборѣ находились: Священноинокъ Аркадій. Священноіерей Захарій села Климоуцъ. Бѣлокриницкій священноіерей Тимоѳей. Соколинскій священноіерей Сысой. Іеродіаконъ Арсеній. Іеродіаконъ Сава. За отсутствіемъ настоятеля монастыря за всю братію и за себя подписалъ депутатъ монастыря инокъ Павелъ“.

„Вслѣдствіе сего, — говорится далѣе, — въ митрополіи сей было соборное разсужденіе 3 числа генваря сего 1849 года, по полудни, въ присутствіи трехъ преосвященныхъ архіереевъ — Кирилы, Онуфрія и Софронія и всего прочаго монастырскаго и свѣтскаго духовенства: а задунайскій епископъ Аркадій, *находясь подъ слѣдствіемъ у туроцъ*, не могъ лично прибыть на соборъ, *прислалъ отъ себя отношеніе*, болѣе же иныхъ единовѣрныхъ епископовъ не предвидится". Такимъ образомъ и здѣсь, въ столь важномъ актѣ, какъ „Соборное дѣяніе", Павелъ, по своему обычаю, на память „предбудущимъ" родамъ старообрядцевъ и въ назиданіе современнымъ, дабы они вѣдали, что будто бы все сдѣлано было на законныхъ основаніяхъ, употребилъ явную ложь,— написалъ, что будто бы Аркадій и въ началѣ 1849 года все еще находился подъ слѣдствіемъ, тогда какъ онъ уже пользовался свободою, и будто бы „прислалъ отъ себя отношеніе", т.-е. согласіе на то, что̀ постановитъ соборъ, тогда какъ даже и извѣщенія Аркадію о предстоявшемъ соборному разсмотрѣнію дѣлѣ еще не было послано изъ Бѣлой-Криницы[274]). Далѣе говорится въ „Дѣяніи", что будто бы „соборъ" тщательно разсматривалъ всѣ представленные послами письменные акты объ Амвросіи и „изслѣдовалъ отъ начала до конца всѣ обстоятельства" его дѣла, „всѣ клеветныя (!) россійскаго Двора доносы на него и запросы и цареградскаго патріарха епистолію, убѣждающую его возвратиться въ Царьградъ, и противъ того Амвросіевы отвѣты", изъ которыхъ обнаружилось, что онъ, Амвросій, „увидѣвъ воскипѣвшее море русскаго клеветника (!) не утихающимъ, но горшую бѣду его ради и всему бѣлокриницкому кораблю уготовляющимъ", рѣшился „по примѣру святыхъ отецъ Златоуста и Евсевія, повинувшихся царской власти", идти въ заточеніе съ обязательствомъ — никуда ни подъ какимъ предлогомъ оттуда не выѣзжать и „никаковаго

---

[274]) Извѣстительное письмо заразъ о поставленіи Софронія и возведеніи Кирилла въ митрополиты было писано Аркадію уже 7 января, т.-е. черезъ четыре дня послѣ собора (*Переписка*, вып. 1, стр. 131—134).

сношенія или вліянія къ липованамъ не имѣть, какъ ко внутреннимъ, такъ равно и заграничнымъ". Имѣя въ виду всѣ эти обстоятельства и „выведенныя на справку изъ священныхъ книгъ правила и разныя древлеправославной церкви событія", соборъ и приступилъ къ рѣшенію вопроса: „есть ли возможность при жизни еще не изверженнаго архіерея, а удаленнаго, или удалившагося съ своего престола, возвести на мѣсто его другаго?"

Правила и святоподобія были „выведены" Павломъ и примѣнены къ дѣлу съ обычнымъ ему въ подобныхъ случаяхъ искусствомъ. Указавъ сначала 16-е пр. первовтораго собора, коимъ воспрещается возводить епископа на мѣсто другаго, при его жизни, если онъ не изверженъ по законному суду, и на примѣръ признаннаго незаконнымъ Арсакіева поставленія на каѳедру св. Златоуста при его жизни, Павелъ подробно объяснялъ въ „Дѣяніи", что это правило и этотъ примѣръ къ дѣлу объ Амвросіи не относятся. „А чтобы точно подобно нашему событію,— продолжалъ онъ,— кромѣ воли и желанія православнаго собора, силою царскою изгнанъ былъ какой-либо святитель съ своего престола и неволею сосланъ на вѣчное заключеніе, а наипаче если бы еще который по необходимости сдѣлался вынужденнымъ отказаться даже и именоваться титломъ своего престола, какое бы гдѣ соборное правило могло найтися, подтверждающее ожидать—доколѣ таковый святитель не умретъ въ заточеніи, или неожиданно какъ освободится, или возбраняющее православному собору на мѣсто онаго заточеннаго на праздный престолъ его другаго соборнѣ избраннаго святителя поставить, — таковыхъ правилъ отнюдь православная церковь искони и доднесь въ законѣ своемъ не имѣла и не имѣетъ, и никогда никакимъ образомъ изложить не можетъ, понеже таковыя правила если бы были положены въ церковномъ законѣ, то могли бы служить не къ созданію стада Христова, но къ разоренію и даже къ великому подрыву церковному". А что, напротивъ, въ указанныхъ обстоятельствахъ церковь дозволяла возводить новыхъ святителей на мѣсто удаленныхъ, или удалившихся не по

церковному суду, еще при жизни ихъ, въ доказательство этого приведены „нѣсколько святоподобныхъ событій“, — именно въ примѣръ указаны цареградскіе патріархи Нектарій, Игнатій, Стефанъ и Фотій, и въ нашей русской церкви — патріархъ Гермогенъ, поставленный еще при жизни Іова патріарха, и Кириллъ, возведенный на Ростовскую каѳедру вмѣсто Филарета, находившагося въ плѣну у поляковъ. Послѣ такой справки въ правилахъ и „древлеправославной церкви событіяхъ“ состоялось слѣдующее соборное *опредѣленіе*.

„Такъ какъ изъ всего христіанскаго вѣка самыя дѣянія оборныя и церковныя лѣтописи аки живымъ гласомъ свидѣтельствуютъ, что по примѣру оныхъ въ таковыхъ случаяхъ, каковое событіе послѣдовало нынѣ у насъ, т-е. на мѣсто митрополита Амвросія, хотя и совершенно безвинно, но безъ воли и безъ всякаго умысла нашего собора, а единственно по иностранной клеветѣ, силою царскою отъ Бѣлокриницкаго престола удаленнаго и конечнымъ царскимъ рѣшеніемъ на вѣчное заточеніе сосланнаго, а притомъ, хотя и неволею, но уже отказавшагося именоваться титломъ своего престола и строго запрещеннаго никакого не имѣть вліянія, или сношенія съ единовѣрнымъ нашимъ народомъ, внутреннимъ и заграничнымъ: то уже теперь немедленно на праздной митрополитскій престолъ поставить общимъ соборомъ другаго законнаго архіепископа (митрополита) достойно есть и праведно, памятствуя заповѣдь святаго Іоанна Златоустаго, рекшаго сице: „не можетъ бо церковь безъ епископа быти, и егоже аще поставлятъ въ церкви, по нуждѣ, или совѣтомъ всѣхъ, то вы повинуйтеся ему, якоже и мнѣ, и тако милость пріимете отъ Бога“, и по Свитку новыхъ заповѣдей, подъ страхомъ за медленность свыше 6 мѣсяцевъ, да не бѣду душамъ своимъ пріимемъ“.

Итакъ „соборнѣ“ рѣшено — поставить на праздный „митрополитскій“ престолъ въ Бѣлой-Криницѣ преемника Амвросію. Преемникъ былъ уже готовъ, — мало того, уже давно дѣйствовалъ какъ преемникъ Амвросія и признанъ въ этомъ званіи правительствомъ: значитъ, о выборѣ, или избраніи тутъ не могло быть и рѣчи. Однако признано было необходимымъ и здѣсь соблюсти формальный порядокъ. На другой день, 4 января, составленъ былъ якобы новый соборъ, по крайней

мѣрѣ подписанъ, заранѣе же написанный Павломъ „соборный актъ“, — подписанъ тѣми же лицами, которые подписали наканунѣ „Соборное дѣяніе“, только, разумѣется, за исключеніемъ Кирилла, подлежавшаго избранію. Въ этомъ актѣ говорилось [275]): „Мы, нижеподписавшіеся, будучи сего числа въ Бѣлокриницкой митрополи на всеобщемъ духовномъ соборѣ, учинили сей соборный актъ въ томъ, что на основаніи опредѣленія вчерашняго числа, въ Соборномъ Дѣяніи заключеннаго, избрали мы безпристрастнымъ нравомъ, съ общаго всѣхъ согласія, вмѣсто заточеннаго по царскому рѣшенію на вѣчное пребываніе въ удаленный городъ Цылль, бывшаго митрополита Амвросія, преосвященнаго епископа Майносскаго г-на Кирилу митрополитомъ на праздный нынѣ Бѣлокриницкій архіепископскій престолъ, *котораго предпочитаемъ преимущественнѣе предъ всѣми прочими нашими духовными особами*“. И затѣмъ исчисляются эти „преимущественныя предъ всѣми прочими липованскими духовными особами“ достоинства и права Кирилла, изъ коихъ дѣйствительное значеніе въ данномъ случаѣ имѣло только слѣдующее, упомянутое въ заключеніи: „наконецъ, когда митрополитъ Амбросій, по высочайшему императорскому повелѣнію вызванный изъ нашей Бѣлокриницкой митрополіи въ Вѣну въ декабрѣ 1847 г., получилъ министерскія резолюціи, что къ липованскимъ старовѣрамъ возвратиться не можетъ и даже удержанъ всякаго содѣйствія, вліянія и сношенія съ липованами, потому съ объявленія таковыхъ рѣшеній, на мѣсто митрополита Амвросія г-нъ епископъ Кирилъ, *такъ какъ есть уже извѣстный высокому правительству*, существовавшій намѣстникомъ, *тогда же вступилъ въ надлежащее ему правленіе* и сталъ существовать Бѣлокриницкимъ и всѣхъ здѣшнихъ старовѣрцевъ верховнымъ святителемъ, а при томъ поставилъ въ намѣстника себѣ другаго епископа именемъ Онуфрія, и обо всемъ томъ 3(15) сентября прошлаго 1848 года чрезъ кесарево-королевскій крайзамтъ къ высокому правительству сдѣлалъ донесеніе; *но только*

---

[275]) Подлинный соборный актъ находится также въ *Бѣлокр. арх.*

дѣло еще требовало окончанія, по внутреннему законоположенію нашей религіи, т.-е. до собранія нѣсколькихъ епископовъ нашихъ, дабы соборнѣ, установленнымъ въ церковномъ законѣ порядкомъ, сдѣлать на новаго митрополита избраніе и учинить нареченіе титломъ митрополита, и такъ возвести по чину на архіепископскій Бѣлокриницкій престолъ и вручить ему митрополитскій жезлъ". Изъ этихъ словъ само собою слѣдуетъ, что въ дѣйствительности никакого „соборнаго избранія" изъ числа „духовныхъ особъ достойнѣйшаго" кандидата на занятіе митрополичьей каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ не было и кромѣ Кирилла никто не могъ быть назначенъ: происходило только „довершеніе по внутреннему законоположенію" того, что̀ уже существовало и утверждено „внѣшнею" властію. О избраніи въ „Соборномъ актѣ" напрасно поэтому говорилось. А между тѣмъ этотъ новый липованскій соборъ (если только онъ былъ въ дѣйствительности, а не ограничилось все дѣло подписаніемъ сочиненнаго Павломъ акта на память „предбудущимъ" родамъ) изложилъ свое *опредѣленіе* въ слѣдующихъ словахъ:

„По вышепрописаннымъ обстоятельствамъ мы, нижеподписавшіеся, съ общаго и единодушнаго всѣхъ согласія опредѣлили: г-на преосвященнаго епископа Майносскаго Кирилу, *соборнѣ избраннаго* въ митрополита Бѣлокриницкаго, сего же числа, по обычномъ нареченіи, абіе за божественною литургіею возвести на архіепископскій престолъ и надлежащимъ порядкомъ вручить его преосвященствv митрополитскій жезлъ".

Въ тотъ же день, 4-го января 1849 года, Онуфрій, при участіи Софронія, дѣйствительно произвелъ Кирилла въ санъ митрополита, совершивъ надъ нимъ вторично архіерейское рукоположеніе [276]).

---

[276]) Въ *Памятникѣ* подъ этимъ числомъ (№ 67) Павелъ записалъ: „Кириłъ епископъ, митрополитскій намѣстникъ, по полученіи свѣдѣній о совершенномъ заточеніи, по высочайшему рѣшенію, Амбросія въ городъ Цыль, 29 августа истекшаго 1848 года вступилъ въ управленіе верховнаго святителя. А *сего числа,* на общемъ соборѣ, въ присутствіи двухъ архіереевъ, Онуфрія и Софронія, по обычномъ нареченіи митрополитомъ, за божественною литургіею возведенъ на архіепископ-

О возведеніи Кирилла въ санъ митрополита, разумѣется, не было донесено правительству; напротивъ, найдено было нужнымъ тщательно скрывать это, „по внутреннему законоположенію религіи“ совершенное, дѣйствіе, о которомъ внѣшней власти тѣмъ менѣе подобало вѣдать, что она, какъ мы говорили, никогда не признавала за бѣлокриницкимъ владыкой права называться митрополитомъ. Но была настоятельная надобность сообщить объ этомъ задунайскому епископу Аркадію съ братіей, отъ котораго надлежало бы даже и предварительно испросить согласіе на возведеніе Кирилла въ санъ митрополита, чего однако не было сдѣлано, хотя въ „Соборномъ Дѣяніи“, какъ мы видѣли, и упоминалось, что якобы согласіе это было даже получено въ то время. Павелъ не только понималъ нужду послать извѣщеніе Аркадію о состоявшемся поставленіи Кирилла въ митрополиты, но и чувствовалъ неловкость и виновность предъ нимъ, что дѣло это устроено безъ всякихъ съ нимъ сношеній. Неловкость эту онъ испытывалъ тѣмъ сильнѣе, что подозрѣвалъ какую-то холодность и нерасположенность къ митрополіи со стороны задунайскихъ Аркадіевъ, не получая отъ нихъ долгое время никакихъ свѣдѣній и даже отвѣтовъ на письма. Поэтому, рѣшившись наконецъ, 7-го января, черезъ три дня по возведеніи Кирилла въ митрополиты, увѣдомить Аркадія объ этомъ событіи, онъ старался всячески оправдать его и для этой цѣли прибѣгъ даже, по привычкѣ своей, опять ко лжи. Въ письмѣ этомъ, писанномъ якобы „по благословенію архипастырей“, Кирилла и Онуфрія, и начинающемся именно жалобами, что „неоднократныя ихъ письма, къ крайнему ихъ удивленію, оставляются Аркадіемъ, или паче сказать повиди-

---

скій Бѣлокриницкій престолъ и надлежащимъ порядкомъ врученъ ему митрополитскій жезлъ“. А что при этомъ совершено и вторичное архіерейское рукоположеніе, свидѣтельствуетъ самъ Онуфрій. У насъ имѣется собственноручная его памятная записка о томъ, кто и когда былъ поставленъ въ священные саны Кириллом и имъ самимъ. Здѣсь онъ записалъ между прочимъ, что Кирилла рукоположилъ въ митрополита „съ повтореніемъ хиротоніи“.

мому презираются несоотвѣтствованы столь долгое время ниже единою чертою", — въ этомъ письмѣ Павелъ извѣщалъ задунайскихъ своихъ собратій сначала о поставленіи Софронія, и при этомъ употребилъ первую ложь, сообщая, какъ мы уже упоминали, что будто бы Софроній „отъ Россіи", т-е. всею старообрядческою Россіею, избранъ въ епископы и прибылъ въ Бѣлую-Криницу съ „послами, т-е. повѣренными депутатами отъ Казани, Москвы и Калуги" и что будто бы только „по неотступнымъ и жалобнымъ моленіямъ" этихъ депутатовъ рѣшено было въ митрополіи поставить Софронія въ епископы для Россіи. Переходя затѣмъ къ извѣщенію о возведеніи Кирилла на „митрополитскій" престолъ, Павелъ безъ зазрѣнія совѣсти рѣшился написать своимъ о Христѣ братіямъ еще болѣе грубую ложь, что будто бы и самое поставленіе Кирилла въ митрополиты произведено было по настоятельному совѣту тѣхъ же россійскихъ „повѣренныхъ депутатовъ", которые будто бы требовали этого, ссылаясь на тѣ самыя слова Златоуста „не можетъ церковь безъ епископа быти" и проч., которыя приведены въ „Соборномъ Дѣяніи", и на указанные тамъ же каноны, коими воспрещается болѣе шести мѣсяцевъ оставлять празднымъ какой-либо архіерейскій престолъ. „Притомъ же, — писалъ онъ, — еще *побуждены мы будучи настоятельнымъ совѣтомъ* вышереченныхъ господъ россійскихъ депутатовъ касательно до митрополита словами святаго Златоуста, якоже онъ при неправедномъ изгнаніи отъ своего престола тако наказывалъ своимъ вѣрнымъ и духовнымъ дѣтямъ... егоже аще поставятъ въ церкви по нуждѣ, или совѣтомъ всѣхъ, то вы повинуйтеся ему, якоже и мнѣ, не можетъ бо церкви безъ епископа быти. А какъ наша церковь и митрополитскій престолъ столь долгое уже время безъ своего законнаго пастыря вдовствуетъ, за что̀ и каноны соборные, аще болѣе шести мѣсяцевъ не будетъ на престолъ поставленъ свой пастырь, виновнымъ казнію претятъ,— *сими словами мы, будучи убѣдившись,* на второй день (по поставленіи Софронія) еще торжественнѣйшее празднество учинили, съ приглашеніемъ совсѣхъ здѣшнихъ обществъ нашихъ священниковъ и почтен-

ныхъ жителей, и возвели тогда на престолъ Бѣлокриницкой митрополіи всѣмъ освященнымъ соборомъ бывшаго Майносскаго епископа Кирилла и поставили Бѣлокриницкимъ архіепископомъ и всѣхъ православныхъ христіанъ митрополитомъ. О чемъ извѣщая ваше преосвященство, дабы вы отнынѣ молили Бога, на ектеніяхъ и возношеніяхъ, о настоящемъ нынѣ митрополитѣ нашемъ Кириллѣ; прежде бывшій же г-нъ митрополитъ Амбросій остается въ судьбахъ Божіихъ образомъ заштатнаго“ [277]). Итакъ, возведеніе Кирилла въ митрополиты на мѣсто живаго еще Амвросія, Павелъ оправдывалъ предъ задунайскими Аркадіями небывалыми настоятельными требованіями небывалыхъ „россійскихъ депутатовъ“, не сообщивъ даже о бывшемъ 3-го января „Соборномъ Дѣяніи“, въ которомъ ни о какихъ россійскихъ депутатахъ не упоминается, тогда какъ о нихъ непремѣнно было бы упомянуто, если бъ они дѣйствительно пріѣзжали въ Бѣлую-Криницу и принимали такое близкое участіе въ дѣлѣ о производствѣ Кирилла въ митрополиты [278]). Однако убѣдить Аркадіевъ въ законности этого производства Павлу не удалось своимъ лживымъ посланіемъ Мѣсяца черезъ два, именно 26 февраля, въ митрополіи получено было отъ Славскаго Аркадія, сочиненное Аркадіемъ Лаврентьевскимъ, посланіе; но это былъ отвѣтъ на извѣщеніе о производствѣ Онуфрія въ епископы, писанный еще 2 октября 1848 г., и содержавшій безпрекословное согласіе Аркадія на это производство. На извѣщеніе же о возведеніи Кирилла въ санъ митрополита отъ Аркадія не послѣдовало никакого отвѣта, и Павлу пришлось потомъ, какъ увидимъ, прибѣгнуть

---

[277]) Письмо отъ 7 янв. 1849 г. (*Переписка*, вып. 1, стр. 132—134). Любопытно, что письмо это почему-то, и какъ надобно полагать ради содержащихся въ немъ лжей, о которыхъ другимъ не подобало вѣдать, Павелъ просилъ Аркадія держать въ секретѣ и даже истребить: „еще прошу ваше преосвященство, когда помощію Божіею достигнетъ васъ сіе письмо, по прочтеніи сохраните его аки зѣницу ока, или конечно уничтоженію потребите“.

[278]) Такъ въ извѣстномъ соборномъ Дѣяніи о чинопріятіи Амвросія были перечислены по именамъ всѣ прибывшіе тогда изъ Молдавіи и присутствовавшіе на соборѣ депутаты.

къ другому способу, чтобы получить отъ него согласіе на признаніе Кирилла Бѣлокриницкимъ митрополитомъ.

Еще важнѣе то обстоятельство, что для возведенія Кирилла на Амвросіевъ митрополичій престолъ не было испрошено согласія отъ самого Амвросія, а также и о состоявшемся возведеніи не было дано ему извѣстія. Между тѣмъ Павелъ, въ оправданіе этого возведенія Кирилла въ преемники Амвросію ссылавшійся на примѣръ Златоуста, который, удаляясь въ ссылку, не только самъ изъявлялъ готовность на произведеніе законнаго ему преемника, но и требовалъ отъ своей паствы безпрекословнаго ему повиновенія, изъ этого самаго примѣра долженъ былъ знать, что и согласіе бывшаго митрополита Амвросія на избраніе и поставленіе законнаго ему преемника совершенно необходимо. Не сдѣлалъ же онъ этого необходимо нужнаго дѣла не потому, что не имѣлось возможности войти въ сношеніе съ Амвросіемъ (вскорѣ потомъ нашли къ тому возможность), а потому, что не надѣялся получить отъ него согласія, каковое онъ могъ бы дать, если бы хотѣлъ, даже и при отправленіи въ Цилли. Правда, онъ былъ увѣренъ, что Амвросій далъ бы это согласіе, если бы вручить ему достаточную для того сумму; но такою суммою митрополія въ то время не располагала. Современемъ Павелъ надѣялся достигнуть цѣли именно этимъ способомъ, а теперь не затруднился обойтись и безъ всякихъ сношеній съ Амвросіемъ, объявивъ даже его самого „остающимся въ судьбахъ Божіихъ образомъ заштатнаго“...

Вообще, и возведеніе Кирилла въ санъ митрополита, какъ всѣ подомнаго рода бѣлокриницкія дѣянія, не смотря на заботы Павла соблюсти формальную законность, сопровождалось беззаконіями и ложью, — ложью не только предъ правительствами австрійскимъ и русскимъ, которое онъ еще обвинялъ притомъ въ какихъ-то клеветахъ на бѣглеца-Амвросія, но и предъ своими собственными архипастырями и собратіями — Амвросіемъ, Аркадіемъ и прочими... И однако съ этого именно дня, 4 января 1849 г., когда и „по внутреннему законоположенію религіи“ Кириллъ объявленъ былъ митрополитомъ

Бѣлокриницкимъ, начинается его дѣйствительное управленіе „церковно-іерархическими“ дѣлами раскольниковъ въ качествѣ „митрополита всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ“, хотя въ сущности и теперь онъ ничего не дѣлалъ и не могъ дѣлать безъ руководства, указанія и совѣта инока Павла до самой кончины этого послѣдняго

21. Церковно-административныя распоряженія: а) по вопросамъ потаповскихъ старообрядцевъ, б) по дѣлу объ Іоасафѣ, отрекшемся отъ священства, в) по жалобѣ соколинскаго попа на прихожанъ.

Въ теченіе года, протекшаго со времени отъѣзда Амвросія изъ Бѣлой Криницы до возведенія Кирилла въ санъ митрополита, были изданы изъ Бѣлокриницкой митрополіи нѣсколько любопытныхъ церковно-административныхъ рѣшеній по разнымъ вопросамъ, которыя тѣмъ болѣе достойны вниманія, что Павелъ тщательно занялся ими, несмотря на крайне трудныя обстоятельства, въ какихъ находилась тогда митрополія, и значитъ именно усвоялъ имъ важное значеніе.

Въ маѣ 1848 г. получено было изъ какого-то, очевидно, русскаго селенія Потапова отъ нѣкоего Клима Иванова прошеніе — разрѣшить смущавшіе мѣстныхъ старообрядцевъ нѣкоторые недоумѣнные вопросы. Главными изъ нихъ были два: можетъ ли двоеженецъ исправлять службу уставщика? и сколько разъ пѣть аллилуія послѣ чтенія Апостола въ простые, а не праздничные дни, — откуда взято пѣть аллилуія въ такіе дни пять разъ?[279])

Такъ какъ потаповскіе старообрядцы, за неимѣніемъ священника предоставившіе исполненіе церковныхъ требъ міря-

---

[279]) Прошеніе послано было, какъ говорится въ отвѣтѣ, 30 января 1848 г., а въ Бѣлой Криницѣ получено 2 мая. По крайней мѣрѣ въ *Памятникѣ* у Павла надъ этимъ числомъ записано: „Вопросы изъ селенія Потапова о нѣкоторыхъ церковныхъ чиноположеніяхъ, о уставщикѣ двоеженцѣ и колико кратъ пѣти аллилуіа по Апостолѣ *и о прочемъ*“ (№ 45).

нину-уставщику, этимъ самымъ, что обращались съ своими недоумѣніями въ митрополію, уже заявляли о своей готовности подчиниться ей въ принятіи отъ нея священства, что было очень важно на первыхъ порахъ ея существованія, то Павелъ нашелъ необходимымъ исполнить просьбу ихъ со всею потребною въ такомъ случаѣ тщательностью, и дѣйствительно написалъ пространный отвѣтъ на оба, приведенные выше, вопроса, въ которомъ показалъ, по обычаю, и свою начитанность и свое искусство — рѣшать вопросы въ желательномъ для старообрядцевъ смыслѣ[280]).

Предлагая вопросъ о двоеженцѣ-уставщикѣ, Климъ Ивановъ прислалъ въ Бѣлую Криницу имѣвшійся у него „древній списокъ“ правилъ, изъ которыхъ нѣкоторыя относились и къ этому вопросу: онъ просилъ сказать, согласенъ ли этотъ списокъ съ подлинными книгами Павелъ отвѣчалъ, что выписки сдѣланы „справедливо, слово въ слово“. Затѣмъ уже Павелъ предлагалъ свое, на основаніи церковныхъ правилъ, разсужденіе о двоеженцахъ, также о вступившихъ въ бракъ со вдовою, могутъ ли они быть допускаемы до отправленія церковныхъ службъ. Съ вопросомъ этимъ онъ, очевидно, былъ уже близко знакомъ, такъ какъ имѣлъ побужденіе изучить его, когда незадолго передъ тѣмъ шло дѣло о поставленіи Аркадія Лаврентьевскаго въ епископы и ему, вмѣстѣ съ извѣстнымъ книгчіемъ Евфросиномъ, такъ хотѣлось обойти правила, по силѣ коихъ Аркадій, какъ женатый на вдовѣ, не могъ быть допущенъ до епископства.

И теперь, указавши на 17-е и 18-е апостольскія правила и на 3-е шестаго вселенскаго собора, онъ писалъ, что пра-

---

280) Въ *Памятникѣ* сказано: „Поручено сдѣлать отвѣтъ иноку Павлу, который сдѣлавъ и отправилъ по принадлежности. Отпускъ съ письма при особомъ дѣлѣ“. Этимъ „отпускомъ“, находящимся въ *Бѣлокр. арх.*, мы и пользуемся далѣе. Это есть собственно черновое письмо, писанное самимъ Павломъ, со множествомъ поправокъ и вставокъ, свидѣтельствующихъ именно о стараніи Павла дать основательный отвѣтъ. Возстановить текстъ этого любопытнаго документа стоило не малаго труда.

вила сіи, воспрещающія вносить „въ списки священнаго чина“ двоеженцевъ и вступившихъ въ бракъ со вдовою, хотя и должны быть принимаемы въ руководство „при полномъ духовномъ правѣ“, но въ нужныхъ обстоятельствахъ, по благословной винѣ, могутъ быть оставляемы и безъ исполненія.

„По случаю благословной нужды, — писалъ онъ, — кто не самъ собою достойнымъ вызывается, но всѣмъ обществомъ убѣждается, и со смиреніемъ и страхомъ Божіимъ, не для чего иного, но единственно только во славу Божію и въ общую всего православнаго общества пользу касается таковаго дѣла, сирѣчь на въ священное чинопроизводство, но только просто *за неимѣніемъ священнослужителей* на отправленіе службы, елико дозволяется простолюдину, то уповательно, что онъ получитъ отъ человѣколюбиваго Бога милость; обаче съ тѣмъ, что если все общество соизволитъ тотъ недостатокъ его общими силами лучше на себѣ понести, нежели долгъ христіанскій оставя, не соблюсти, сирѣчь: если на сіе духовное дѣло не имѣется другаго способнаго человѣка и будетъ оставаться Божія служба, та, которую и простолюдину отправлять дозволяется, а наипаче самое главное дѣло, при смертномъ кого случаѣ лишить божественнаго причащенія[281]) и не сотворить возможное поминовеніе, при рожденіи же младенцевъ оставлять въ страшной опасности безъ погруженія, елико заповѣдано въ Номоканонѣ. *Все же сіе не почитать за всеобдержное повелѣніе, но только за случайную благословную нужду,* согласно сбывшимся во святой древле-вселенской церкви святоподобіямъ“.

Приведя вслѣдъ затѣмъ изъ Пролога (5 окт.) не прямо относящійся къ дѣлу примѣръ епископа, впавшаго въ блудъ, объявившаго себя поэтому недостойнымъ епископства, но не пущеннаго съ каѳедры народомъ, и, сославшись на „другіе образцы“, онъ продолжалъ:

„Такъ при встрѣтившихся благословныхъ и нуждныхъ случаяхъ не можно руководствоваться силою тѣхъ правилъ, которыя изданы въ полное существованіе духовнаго права, и по крайней мѣрѣ должно соображать, какія были въ древней

---

[281]) Такимъ образомъ Павелъ находилъ дозволительнымъ, чтобы міряниъ, за неимѣніемъ священника, даже причащалъ умирающихъ!

церкви образоподобія, описанныя въ Патерикахъ и въ прочихъ историческихъ книгахъ. Теперешнее же дѣло уставщика не равняется даже и съ тѣми временными случаями, понеже уставщикъ не касается священнодѣйствій, но только *за конечнымъ неимѣніемъ священника* исполняетъ такія требы, которыя по нуждѣ допущено учинить и простолюдину. Обаче въ такомъ случаѣ, сирѣчь удаленный отъ завѣдыванія своего единовѣрнаго архипастыря, онъ не болѣе, но весьма менѣе, держитъ должность чтеца. А и чтецу, въ случаѣ оженившемуся второю женою, далѣе поступать въ хиротонію воспрещено, а въ той же его степени прощено есть“ (Зри въ Корм. гл. 42, пр. 48 и гл. 44).

Любопытно и слѣдующее наставленіе, которымъ Павелъ заключилъ свое разсужденіе по вопросу о двоеженцѣ-уставщикѣ:

„Не излишнимъ почитаемъ воспомянуть здѣ, что священнымъ писаніемъ руководствоваться надобно, но только и употребить себя и достигнуть обширнаго свѣдѣнія, и не на одни буквальные глаголы взирать, *но и время и обстоятельства разсуждать*. Напримѣръ, взять изъ книги Кормчей правило св. Апостолъ 15-е и правило шестаго вселенскаго собора 64-е, — сколь по буквальному слову между собою противуположны! Но войдя въ разсмотрѣніе тогдашняго времени, когда и по какой причинѣ оныя правила изложены, убо обрящемъ ничтоже стропотно, ни развращенно, по писанному, но вся права суть разумѣвающимъ истину и здрава обрѣтающимъ разумъ. А именно: во дни св. Апостолъ была крайняя нужда, потому св. Апостолы законоположили въ своихъ канонѣхъ, въ вышереченномъ 15-мъ правилѣ, сице: „учитель, аще и мірскій человѣкъ будетъ, искусенъ же слову ученія и нравомъ чистъ, таковый да учитъ: будутъ бо, рече, вси научени Богомъ“. Доздѣ апостольское правило. А потомъ на 6-мъ вселенскомъ соборѣ святіи отцы, когда уже водворился церкви миръ и полное духовенство управляло святую церковь, тогда въ соборномъ правилѣ 64-мъ законоположили сице: „мірскій человѣкъ да не учитъ, не вси бо пророцы, ниже вси Апостоли“. Толкованіе: „Всякъ убо долженъ свой чинъ вѣдати, — и не творити себе пастыря, овца сый, и глава да не мнится, нога сый, но повиноватися преданному отъ Бога чину, и уши свои отверзати на послушаніе пріемлющихъ благодать учительскаго словесе: не вси бо пророцы, и не вси Апостоли. Сего ради

мірскіи человѣцы да не учатъ, ни словесъ о заповѣдѣхъ да не подвизаютъ, тѣмъ санъ учительскій къ себѣ привлачати“ [232]) Доздѣ соборное правило. Чтый да разумѣетъ прикладное со ображеніе сіе“.

Такимъ образомъ, въ нужныхъ обстоятельствахъ, при неимѣніи священства, Павелъ находилъ дозволительнымъ и двоеженцу исправлять необходимыя службы церковныя, даже причащать больныхъ передъ смертью; а такъ какъ нужда въ священствѣ для старообрядцевъ уже миновала съ учрежденіемъ Бѣлокриницкой іерархіи, то отсюда слѣдовало, что потаповскимъ старообрядцамъ необходимо позаботиться о пріобрѣтеніи священника австрійскаго постановленія: *чтый да разумѣетъ...*

Любопытенъ отвѣтъ Павла и по вопросу объ аллилуіи. Онъ начинаетъ общимъ замѣчаніемъ: „Колико кратъ подобаетъ пѣти аллилуіа по Апостолѣ по всеобдержному обычаю, яко всѣмъ извѣстное и ненужное, въ уставахъ мало о томъ найдешь указовъ“. Затѣмъ „для удовлетворенія недовѣрчивыхъ“ представляетъ справки изъ разныхъ старопечатныхъ книгъ, показывающія, что на часахъ послѣ Апостола не положено пѣть аллилуія. Въ заключеніе онъ говоритъ о существовавшихъ въ старообрядчествѣ обычаяхъ:

---

232) Итакъ, въ своихъ видахъ, Павелъ объяснилъ различіе правилъ тѣмъ, что во дни Апостоловъ будто бы „была крайняя нужда“, и именно нужда въ епископахъ и священникахъ, въ „полномъ духовномъ управленіи“ (какъ было у раскольниковъ до учрежденія Бѣлокриницкой іерархіи), а во время шестаго вселенскаго собора была уже „полнота духовнаго управленія“. Между тѣмъ главное, чѣмъ объясняется это различіе, именно присутствіе въ церкви Апостольской обилія духовныхъ дарованій, особенно дара пророчества, каковыхъ даровъ сподоблялись всѣ вѣрующіе, на что именно и указывается въ правилѣ: *будутъ вси научени Богомъ,* и оскудѣніе сихъ даровъ впослѣдствіи, на что опять указано въ самомъ правилѣ шестаго вселенскаго собора: *не вси пророцы,* — на это Павелъ совсѣмъ не обратилъ вниманія, желая объяснить дѣло въ интересахъ раскола, какъ обыкновенно поступалъ. Сравненіе же раскольническаго „оскудѣнія священства“ съ мнимой скудостью его въ церкви Апостольской есть явное нечестіе.

„Предъ симъ и въ здѣшней странѣ былъ обычай, даже и кромѣ священника, въ великоторжественные дни на часахъ пѣть прокимны и аллилуіа. Сей обычай взошелъ отъ Стародубскихъ слободъ и монастырей, иже и тамъ введенъ недавнимъ временемъ. Обаче въ знаменитомъ Лаврентьевомъ монастырѣ, когда отняли священника, тогда паки соборнѣ отложили той обычай, такъ что и въ самые господскіе праздники на часахъ не пѣли уже ни прокимны, ни аллилуіа, но только послѣ блаженны, или просто Апостолъ, и кряду Евангеліе со стихомъ: слава тебѣ Господи. Въ прочихъ же монастыряхъ и во всѣхъ городахъ той обычай, что безъ литургіи на часахъ въ великіе праздники пѣть прокимны съ 5-ю аллилуіями, даже и въ нашей странѣ, тоже еще держится, но не въ простые дни; на простые же дни всеобдержно не положено“

Обращаясь съ своими вопросами въ митрополію и этимъ, какъ мы замѣтили уже, показывая, что признаютъ авторитетность ея въ рѣшеніи недоумѣнныхъ церковныхъ вопросовъ, потаповскіе старообрядцы, конечно, доставили Павлу удовольствіе, и оно отразилось довольно примѣтно въ написанномъ отъ имени Кирилла Павловомъ отвѣтѣ. Но скоро пришлось Павлу излагать мнѣнія по дѣламъ мало утѣшительнымъ, или вовсе не утѣшительнымъ для митрополіи, которыя незамедлили возникнуть на первыхъ же порахъ по учрежденіи іерархіи, когда она состояла еще изъ весьма немногихъ лицъ.

Еще Амвросіемъ былъ поставленъ сначала въ іеродіаконы (22 нояб. 1846 г.), а потомъ и въ священники (1 окт. 1847 г.) нѣкій инокъ Іоасафъ[283]). Его имѣли въ виду послать для отправленія церковныхъ службъ въ Мануиловскій монастырь и для исполненія требъ у окрестныхъ старообрядцевъ. 1-го января 1848 г онъ дѣйствительно былъ отправленъ туда[284])

[283]) См. въ *Памятникѣ* подъ №№ 5 и 39.

[284]) Еще при поставленіи Іоасафа въ діаконы Павелъ сдѣлалъ замѣтку въ *Памятникѣ*: „Сего инока Іоасафа, бывшаго еще бѣльцомъ, г. митрополитъ Амвросій предназначалъ, по поставленіи во діакона, а потомъ и въ священника, отправить въ Молдавію, въ Мануиловку“. А при записи о поставленіи Іоасафа „въ пресвитера“, тамъ же замѣчено: „Священникъ Іоасафъ назначенъ къ отправленію въ Мануиловскій Никольскій монастырь. А отправился въ Молдавію въ 1848 г. 1 генваря“.

Но не проживши и полугода въ Мануиловскомъ монастырѣ, именно 6-го іюня, послѣ праздничной литургіи, разоблачившись, онъ публично отрекся отъ дальнѣйшаго исправленія священническихъ службъ и обязанностей, объявивъ, что его „угнетаетъ совѣсть", возбраняетъ ему священнодѣйствовать, такъ какъ предъ посвященіемъ, на исповѣди, онъ утаилъ грѣхъ, который, по правиламъ Номоканона, воспрещаетъ принятіе священнаго сана. Услышавъ это публичное отреченіе, мануиловская братія и жители Мануиловки стали просить Іоасафа, чтобы онъ, ничтоже сумняся, оставался у нихъ священникомъ и служилъ, — даже брали на себя его грѣхъ. Іоасафъ остался непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи. Тогда настоятель Мануиловскаго монастыря сообщилъ о всемъ этомъ въ митрополію Павелъ, какъ самъ потомъ писалъ, съ „крайнимъ прискорбіемъ" принялъ такое извѣстіе и, отъ имени Кирилла, сочинилъ и отправилъ къ Іоасафу очень пространную, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ любопытную, „запретительную грамоту"[285]).

Павелъ начинаетъ похвалою Іоасафу: „когда такъ заблаго-разсудилъ ты руководствоваться по всей строгости духовнаго закона, похваляемъ убо твою ревность и благословляемъ тебя навсегда держаться онаго". Но далѣе однако онъ старается доказать Іоасафу, что его ревность переходитъ мѣру благоразумія и что онъ могъ бы съ спокойной совѣстью оставаться священникомъ. При этомъ онъ сообщаетъ любопытное извѣстіе о происходившемъ въ митрополіи, еще при Амвросіи и якобы при его участіи, соборномъ разсужденіи, имѣющемъ прямое отношеніе къ дѣлу Іоасафа:

„Имѣемъ напомнить тебѣ то, что̀, думаемъ, тебѣ было уже не безызвѣстно, а именно, — егда находился ты при митрополіи нашей, тогда было прилежное разсужденіе по вопросу слѣдующему. Хотя соборныя и частныя святыхъ отецъ правила всеобдержно гласятъ: аще кто и единою отъ рожденія блудъ сотворитъ, уже во священный степень да не внидетъ,

---

285) Черновая, Павловой руки, находится въ *Бѣлокр. арх.;* на ней означено число: 17 іюня 1848 г.

въ Номоканонѣ гласитъ сице: „аще и мертвыя воскреситъ, рече великій Василій, священникъ да не будетъ, ибо священное неблазненно есть“. Но апостольское толкованіе поясняетъ, что въ невѣріи таковые грѣхи согрѣшивый и пришедшій въ православіе и крестившійся, аще соблюдетъ прочее житіе непорочно, таковый невозбранно въ причетъ да внидетъ. Такъ и иноческое постриженіе очищаетъ всѣ прежнія согрѣшенія и вмѣняется аки второе крещеніе, какъ явствуетъ изъ божественнаго писанія...[286]). А потому, благоговѣйно проведшему жизнь мужу, хотя бы и явный былъ у него какой грѣхъ, возбраняющій отъ священства, но давно и прежде иноческаго пострижения сотворенный, то не довлѣетъ ли ему иноческое постриженіе на очищеніе, по образу крещенія, какъ выше означено, дабы безвозбранно вступить ему въ священныя степени?[287]) На сей вопросъ заключеніе положено соборнѣ отъ самого господина нашего митрополита Амвросія, вкупѣ съ присутствіемъ и мене, смиреннаго епископа Кирилла, съ прочими священники и иноки, слѣдующее: иноческое постриженіе, хотя и воистину вмѣняется паки въ крещеніе и очищаетъ отъ всякаго грѣха, тайнаго и явнаго, но только не освобождаетъ порока тогда, когда будетъ грѣхопаденіе собору явно, для того убо только, да не будетъ священное соблазнительно И поистинѣ, изъ иноковъ во священство поступающій, аки изъподъ спуда свѣща на свѣщникъ поставляется и долженъ безблазненно свѣтить міру. Обаче довлѣетъ иноческое крещеніе (сирѣчь постриженіе) поне совѣсти во очищеніе, сирѣчь: аще будетъ нѣкое грѣхопаденіе, прежде постриженія содѣянное, и никѣмъ не изобличенное, не произнесенное, а наипаче аще нѣкіими обстоятельствами по достоинству мужа уже и въ священство произведеннаго, то таковому самому предоставлена власть (сирѣчь на произволеніе дадено) или оставить свяги-

---

[286]) Въ свидѣтельство приводятся выписки: изъ Чет. Миней (изъ Житія пр. Іоанна и Симеона), изъ Кормчей (гл. 42, л. 308 об.), изъ Номоканона (слова Діонисія Ареопагита), изъ Зонаря (гл. о инокахъ и іереохъ).

[287]) Павелъ не говоритъ, по какому случаю предложенъ былъ въ митрополіи на соборное рѣшеніе этотъ вопросъ; но нетрудно догадаться, что рѣчь идетъ о соборныхъ разсужденіяхъ по поводу предполагавшагося поставленія въ епископы Аркадія Лаврентьевскаго, когда Павелъ и Евфросинъ старались препятствовавшій его поставленію грѣхъ брака со вдовою отстранить между прочимъ и тѣмъ, что онъ очищенъ вступленіемъ въ иночество.

тельство, или служити, какъ даже и 9-е правило Новокесарійскаго собора утверждаетъ“ [288]).

Затѣмъ, прилагая эти разсужденія къ случившемуся съ Іоасафомъ, Павелъ писалъ:

„Что касалось въ твоемъ случаѣ, грѣхъ твой никому былъ не извѣстенъ, да и грѣхъ твой случайный (?), и не въ совершенныхъ лѣтахъ, въ самомъ дѣтствѣ (!), и уже ты чрезъ долгое отъ того припадка время прочее въ чистотѣ и благоговеинствѣ прожилъ, наконецъ иноческимъ постриженіемъ (а что̀ оно значитъ, выше сказано) совершенно себя обновилъ: ибо въ грѣхъ твой вражіимъ коварствомъ привлеченъ былъ отрокъ *Іоаннъ*, а у насъ хиротонисанъ благоговѣйный *инокъ Іоасафъ*, въ настоящемъ званіи и санѣ чистый и непорочный“.

Новое побужденіе для Іоасафа — оставаться дѣйствующимъ священникомъ — Павелъ указывалъ далѣе въ томъ обстоятельствѣ, что его просила о томъ и паства, предъ которою онъ отрекся отъ священства, исповѣдавъ свой грѣхъ; въ основаніе Павелъ привелъ опять примѣръ впавшаго въ блудъ епископа, который, по исповѣданіи грѣха предъ соборомъ и публичномъ отреченіи отъ сана, умоленъ былъ народомъ остаться и остался епископомъ:

„Не были отъ Бога осуждены ни людіе за вѣрное ихъ къ своему пастырю расположеніе и убѣжденіе, ни пастырь, согласившійся остаться по грѣхопаденіи паки на своемъ мѣстѣ, за великое его смиреніе и скорое къ людемъ послушаніе, но еще дѣло сіе чудеснымъ отъ Бога гласомъ было засвидѣтельствовано. Не таковое ли самое (когда еще грѣхъ твой не превосходитъ онаго) было къ тебѣ отъ христолюбиваго мануиловскаго народа, отъ всякаго чина духовнаго и мірскаго, слезное убѣжденіе и моленіе, даже и грѣхъ твой всѣ соборнѣ принимали они на себя, какъ явствуетъ изъ писменнаго къ намъ донесенія и отъ самыхъ очевидцевъ“!

---

[288]) Правило сіе гласитъ: „Аще исповѣсть презвитеръ, яко согрѣши прежде поставленія, да не служитъ токмо, нѣкая бо прегрѣшенія рукоположеніе прощаетъ. *Аще же не исповѣсть, ни обличенъ будетъ, самъ да имать власть*“. Здѣсь, и въ толкованіи, правило это изложено въ болѣе снисходительномъ смыслѣ, нежели какъ изложено въ подлинникѣ и какъ требуютъ другія правила.

Наконецъ, Павелъ и то поставлялъ на видъ Іоасафу, что онъ въ данномъ случаѣ показалъ излишнюю горячность и впослѣдствіи можетъ раскаяться въ своемъ поступкѣ „Всякое дѣло краситъ мѣра,— писалъ онъ и здѣсь,— а не въ свое время и доброе бываетъ не доброе; самомнѣніе же наипаче: понеже всюду самомнѣнные падаютъ безсовѣтіемъ". Онъ напоминалъ Іоасафу писанное въ книгѣ Матѳея Правильника о нѣкоемъ епископѣ Епифаніи, который, отрекшись епископства, потомъ плакался и просилъ оставить за нимъ „поне имя и честь епископства", что̀ и соизволилъ ему соборъ.

„Тако и мы нынѣ, — писалъ Павелъ въ заключеніе грамоты, — на основаніи выше прописаннаго 9-го соборнаго, иже въ Кесаріи, правила, запрещеніе налагаемъ тебѣ вовѣки удержаться отъ всякаго священнодѣйствія и благословенія; но какъ довольно зная твою кротость, твое смиреніе и благоговѣйнство, вкупѣ еще и не старость, отечески сожалѣемъ, предваряя, да не Епифаніево что̀ найдетъ на тя безвременно, потому и благословляемъ тебѣ священно-иноческую токмо имѣти честь, предсѣданіе и пріобщеніе".

Въ непріятномъ дѣлѣ Іоасафа Павелъ могъ утѣшаться, и утѣшался дѣйствительно тѣмъ, что Іоасафъ совершилъ свой поступокъ подъ вліяніемъ добрыхъ внутреннихъ побужденій, изъ совѣстливости и ревности по благочестію. Но другимъ дѣломъ, по которому пришлось писать пространную же грамоту, — именно дѣломъ соколинскихъ старообрядцевъ съ ихъ новымъ приходскимъ священникомъ, Павелъ былъ уже и возмущенъ и опечаленъ.

Когда въ іюлѣ мѣсяцѣ избранъ былъ и назначенъ къ поставленію въ попы для селенія Соколинцевъ Сысой Андреевъ, Павелъ счелъ нужнымъ предложить дворнику этого села Еѳиму Абрамову и „первостатейнымъ хозяевамъ", прибывшимъ въ Бѣлую Криницу для присутствія на поставленіи ихъ будущаго попа, составить приговоръ съ точнымъ обозначеніемъ доходовъ, какіе долженъ будетъ получать отъ нихъ ихъ будущій пастырь. Приговоръ, по совѣщаніи съ прибывшими „хозяевами", былъ составленъ и собственноручно написанъ

самимъ Павломъ 24 іюля 1848 г.[289]); дворникъ и „первостатейные хозяева“ села Соколинецъ подписали его[290]). Онъ любопытенъ какъ образчикъ Павловыхъ воззрѣній на доходы раскольническихъ поповъ и на тѣ порядки, какіе ему желательно было установить въ этомъ отношеніи между приходскими попами и ихъ прихожанами съ согласія этихъ послѣднихъ Въ приговорѣ соколинскіе раскольники обязывались:

„Во все время нахожденія (Сысоя) парохіальнымъ священникомъ дать ему участокъ извѣстнаго ему количества поля и получать ему доходъ за отслуженіе обѣденъ, всенощныхъ, молебновъ, панихидъ и прочаго такимъ образомъ, чтобы отъ пожертвованнаго числа получать священнику половинную часть. Но что касается до прочихъ исполненія требъ христіанскихъ, какъ-то *за крещеніе и очистительныя крестительныя молитвы женамъ, и за погребеніе,* которыя священникъ въ тотъ часъ по требованію прихожанъ, исполнять долженъ, *не требуя ни одного грецаря,* развѣ кто самъ что̀ соблаговолитъ добровольно дать, *а за причащеніе и говорить нечего, подъ страшною бо клятвою получать что̀ запрещается.* Сверхъ же выше прописаннаго полагаемъ нашему священнику съ каждой фамиліи по тридцать грецарей серебромъ получать въ годъ, и еще за шесть фальчь собственнаго его поля отъ платежа царскаго и панскаго и прочихъ совершенно его освобождаемъ... Еще обязуемся давать нашему священнику съ каждой фамиліи въ годъ по одной курицѣ... Еще должны мы непремѣнно давать реченному своему священнику съ каждаго вѣнца по четыре лева серебромъ, да на церковь должны дать еще по два лева серебромъ же“.

Доходовъ этихъ, разумѣется, нельзя и сравнивать съ тѣми, какіе собираютъ раскольническіе попы въ русскихъ богатыхъ приходахъ, особенно въ Москвѣ; но при сравнительной бѣдности и простотѣ жизни буковинскихъ липованъ нельзя на-

---

289) Это было наканунѣ того дня, когда Сысой произведенъ былъ въ дьяконы (*Памят* № 50).

290) Подлинный приговоръ въ *Бѣлокр. арх.* Подписалъ одинъ дворникъ; прочіе поименованы только и прибавлено: „а вмѣсто ихъ и прочихъ, не умѣющихъ писать, по ихъ личной просьбѣ подписалъ Бѣлокриницкаго монастыря инокъ Павелъ“.

звать ихъ особенно малыми, — существованіе попа ими достаточно обезпечивалось. Особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь забота Павла точно обозначить статьи слѣдующихъ попу доходовъ, въ устраненіе всякихъ на этотъ счетъ неудовольствій, или злоупотребленій съ обѣихъ сторонъ, и забота изъять изъ платы совершеніе нужнѣйшихъ церковныхъ требъ. Между тѣмъ едва минуло полгода по написаніи и подписаніи условій, какъ попъ Сысой обратился въ митрополію съ жалобой на скудость доходовъ и на презрительное къ нему отношеніе прихожанъ, при чемъ указалъ и на нѣкоторыя, крайне невѣжественныя, понятія ихъ о церковныхъ священнодѣйствіяхъ: онъ просилъ Кирилла и Онуфрія, также Павла и Алимпія, сдѣлать соколинцамъ приличное вразумленіе. Письмо его, по своей наивности и потому, что даетъ любопытную характеристику буковинскихъ липованъ и самого липованскаго попа, стоитъ того, чтобы занести его на страницы исторіи бѣлокриницкаго священства[291]). Сысой писалъ:

„Прошу и утруждаю ваше преосвященство насчетъ общества Соколинскаго. За крещеніе, за молитвы и за прочія потребы, также и за обѣдни приходу нѣтъ священнику, ничего люди не даютъ и не хотятъ давать: говорятъ, что у него (у попа) такъ на бумагѣ написано, что ему и не треба ничего давать, и онъ балуетъ, что ему дохода нѣту ниоткудова. И вы потрудитесь имъ написать, что за погребенія, что за крещенья и за молитвы, также и за обѣдню, кто хочетъ нанять. Вамъ, преосвященнѣйшій владыко, самимъ извѣстно, что онъ (т.-е. попъ), откудова возьметъ, когда люди не дадутъ! А они спираются на васъ, что вы не приказывали давать попу ничего. А у нихъ также треба — свѣчи, ладанъ, мука, вино и еще дьякъ; у попа жена и дѣти: то что-нибудь треба положить имъ, дабы платили ему за требы. Алтарю служитъ, отъ алтаря и питается. Еще же прошу васъ, что-нибудь, владыко святый, и вы, владыко преосвященный Онуфрій, потрудитесь еще написать, что значитъ просфора о здравіи и за упокой, ибо они говорятъ, что это одно чистославіе (тщеславіе) только,

---

[291]) Письмо писано 13 дек. 1848 г. Подлинникъ его, писанный безграмотно и неумѣлой рукой, въ *Бѣлокр. арх.;* орѳографію его мы исправляемъ.

а то ничего: съѣлъ, и нема! Потрудитесь поискать отъ писанія святыхъ отецъ и намъ вкратцѣ написать и въ недѣлю имъ прочитать, абы они знали, и прикажите имъ, абы они священника почитали. А то своихъ дѣтей научаютъ, дабы попу и не кланялись, — говорятъ: только треба владыкѣ кланяться до земли, а попу только головой кивнуть, — по-жидовски, а не по-христіански. Когда прежнимъ попамъ уважали и деньги платили, — сколько запросятъ, то и даютъ; а нынѣ и поклониться не хотятъ, не то, чтобы еще за труды дать! Когда по мертвецу отслужишь обѣдню, то за обѣдню даютъ полсороковца и семь грецарій, а за погребеніе, крещеніе и молитвы ничего не даютъ ни разъ. То прошу васъ, и вы, отецъ Павелъ и отецъ Алимпій, хотя мало что посовѣтуйте, какъ написать о семъ дѣлѣ, хотя вкратцѣ, и по вашему совѣту и вы, преосвященнѣйшій владыко, обои владыки, напишите. Азъ же, непотребный рабъ вашъ и слуга, по вашему благословенію, въ недѣлю имъ прочту, абы они знали и слушали и почитали, а не бучжукурились[292]), аки козы, дабы были словесныя овцы Христовы..

Еще же есть одни люди такіе, — въ церковь не ходятъ, а когда ему круто придетъ, тогда онъ идетъ, альбо съ молитвою, альбо съ погребеніемъ, альбо съ крещеніемъ и съ молитвою. Да за просвиры-то, не забудьте, напишите, а то никто на проскомидію не подаетъ, — ужъ мы имъ говорили сколько, а они не вѣрятъ; а другіе говорятъ: это байки[293])! — абы имъ что давали изъ денегъ, сами выгадываютъ".

Павелъ былъ до крайности возмущенъ раскрытыми въ этомъ письмѣ отношеніями соколинскихъ липованъ къ ихъ новопоставленному попу. Особенно огорчило и возмутило его извѣстіе, что прежнихъ, бѣглыхъ поповъ они почитали, а къ новому, бѣлокриницкаго поставленія, взятому изъ ихъ собственной, крестьянской среды, относятся съ пренебреженіемъ, и что, не платя попу ничего за извѣстныя требы, ссылаются въ оправданіе на приговоръ, писанный самимъ же Павломъ. Немедленно, отъ имени Кирилла, Павелъ сочинилъ пространное и весьма грозное обличительное посланіе къ соколинскому

---

[292]) „Бучжукуриться", вѣроятно, соотвѣтствуетъ слову „бодаться", и происходитъ отъ слова *буча*, возня, ссора, драка (Слов. Даля).

[293]) „Байни" отъ *баять*, или *баить*, побасенки, сказки (Слов. Даля).

обществу, гдѣ именно излилъ всю силу своего негодованія на бѣдныхъ соколинцевъ[294]). Прежде всего Павелъ обличаетъ ихъ и порочитъ за пренебреженіе къ попу Сысою:

„Нѣцыи невѣгласи столь неблагодарны и нечувствительны, забывъ прежніи обстоятельствы, иже во время бѣглыхъ поповъ, како и сколько тѣхъ уважали и награждали, словомъ сказать, столько, сколько они хотѣли, но и тѣхъ съ великимъ трудомъ искали и доставали. Нынѣ же, благодатію Христовою, у каждаго жителя *подъ боком*ъ живетъ свой благоговѣйный (!) священникъ и всегда находится при своей сельской церкви, и во всякій часъ, днемъ и нощію, готовый есть къ послуженію вашему съ дѣятельнымъ исполненіемъ всякихъ вашихъ требъ по долгу христіанскому. Но за толикіе важные и святые труды его онъ получаетъ отъ нѣкихъ невѣжовъ не благодареніе и награды, но паче выговоры... О, невѣжества вашего! О, крайняго вашего нечувствія! Если вы отъ божественнаго писанія не научены и ни мало поревновать тому не хощете, како еще было въ древнемъ законѣ... то по крайней мѣрѣ отъ грубаго естественнаго вашего обращенія вразумитеся. Еда вы послѣдняго пастуха, свиней вашихъ или прочій скотъ пасущаго, оставляете? Но платите ему на прожитіе его, дабы онъ не оставлялъ свое стадо и не уклонялся отъ вашего стана. И той скотовъ вашихъ точію пасетъ, изгоняетъ и пригонятъ; а сей, духовный вашъ пастырь, души ваши пасетъ, въ христіанскую вѣру святымъ крещеніемъ порождаетъ“ и т. д „Вы и сего сообразить и почувствовать не хощете, — уподобилися сами скотамъ несмысленнымъ“ и т. д., и т. д.

Но соколинцы, отказываясь платить попу за крещенія, за молитву родильницамъ, за погребенія, указывали и имѣли основаніе указывать на писанный самимъ Павломъ приговоръ, чтобы за эти требы попъ ничего не бралъ. Павелъ старался теперь доказать имъ, что этотъ приговоръ не освобождаетъ ихъ отъ посильной платы попу и за эти требы:

„Бумага написана попу, а не вамъ, къ сбереженію его отъ искушенія всеобщаго врага, дабы не было повода къ отго-

---

294) Черновое посланіе, собственноручно писанное Павломъ, въ *Бѣлокр. арх.*

воркамъ его въ случаѣ за неполученіемъ сполна, если бы ограниченно (опредѣленно) положена была ему плата, и тѣмъ не произошло бы въ сопреніяхъ медленности, а тѣмъ не лишить бы кого святаго крещенія, или причащенія, или медленности въ погребени мертваго тѣла. Это собственно въ вышесказанныхъ требахъ надлежитъ внимать священнику безъ всякаго сопренія, или обиновенія, ниже какихъ отговорокъ, но въ той самый часъ требованія ускорять къ исполненію, понеже отъ руки его взыщетъ Господь, аще что отъ таковыхъ упуститъ. А потому и въ бумагѣ, ему данной, на которую вы ссылаетесь, есть написано: за крещеніе и погребеніе не требовать священнику; по самъ кто что соблаговолитъ дать добровольно, отнюдь не запрещено, но благословлено и позволено. Вамъ же, христіаномъ сущимъ, надлежитъ свое благонравіе имѣть и чувствительно внимать, да за таковое его вамъ послуженіе и важное духовное исполненіе всячески почести его священство и по силѣ какимъ-либо дарованіемъ снабдити... Что же касается до прочихъ богослуженій, какъ-то: обѣденъ, всенощныхъ бдѣній и молебенъ, панихидъ и прочаго, всякій желающій что-либо сотворить, *да не дерзаетъ отнюдь* принудительно священника заставлять, *понеже въ томъ есть добрая воля священника,* — можетъ отслужить, или на ино время отложить. При всемъ томъ *поставляется въ непремѣнный долгъ* всякому, кто только восхощетъ сотворить ко Господу вышеупомянутыя богослуженія, то первѣе непремѣнно долженъ принесть свѣщи и ладанъ, такъ чтобы достаточно было замѣнить церковныя лампады и не скудно сотворить освѣщеніе церкви. А для обѣдни чистую и бѣлую муку и красное вино, *притомъ же положить и деньги, сколько священникъ заблагоразсудитъ потребовать,* соображая по своей осѣдланности. Такимъ же образомъ поступать долженъ священникъ и въ исполненіи прочихъ требъ, крещенія и погребенія, дабы *первѣе всего и непремѣнно* домохозяинъ представилъ свѣщи и ладанъ нескудно, какъ выше сказано; а потомъ отнюдь не смѣлъ бы остатки брать изъ церкви ни малѣйшаго ковалочка, понеже отъ того часа все то алтарю принадлежитъ, распоряженіе же въ томъ имѣетъ алтаря служитель. Но только за крещеніе и погребеніе не имѣетъ воли требовать за труды свои платы, но принять можетъ добровольное ему особое пожертвованіе, по силѣ коегождо даемое".

Въ этомъ своемъ разъясненіи Павелъ значительно измѣнилъ уже прежнее распоряженіе относительно доходовъ приходскаго

попа къ немалому обремененію прихожанъ, и этими расширенными правами на полученіе доходовъ раскольническіе попы пользуются доселѣ съ настойчивостью, доходящею до неприличій.

Затѣмъ Павелъ, согласно желанію Сысоя, вразумляетъ соколинцевъ относительно значенія просфоръ, о которыхъ они отзывались съ такимъ пренебреженіемъ, что въ нихъ-де „одно только тщеславіе, а болѣе ничего, — съѣлъ, да и нема“:

„О, несмысленій вторіи галате! Въ какое безуміе вводитъ васъ самомнѣніе! Поистинѣ, если слѣпаго поставить среди полуденнаго солнца (а полуденное солнце, по мнѣнію Павла, возсіяло для липованъ съ явленіемъ у нихъ Амвросія), то онъ обыклъ въ помраченіи своемъ упражняться! Вонмите, о косные сердцемъ, поне отселѣ къ вамъ отеческому гласу“.

Въ предлагаемомъ вслѣдъ за симъ пространномъ изъясненіи значенія просфоръ, приносимыхъ въ воспоминаніе живыхъ и умершихъ, Павелъ, къ удивленію, даже не строго различаетъ эти просфоры отъ самаго хлѣба Евхаристіи. Липованъ, говорившихъ о просфорѣ: „съѣлъ, да и нема“, онъ сравниваетъ съ Іудой, безстрашно вкусившимъ на тайной вечери тѣла и крови Христовыхъ:

„Неужели вы не слышали во святомъ писаніи, какъ предъ распятіемъ Христовымъ, будучи Апостоли со Іисусомъ Христомъ на тайной вечери и отъ подаваемаго имъ Христомъ хлѣба просвѣщахуся, понеже со страхомъ, вѣрою и любовію принимали; а Іюда злочестивый, будучи на той же тайной вечери, и тоже того самаго хлѣба принялъ, но безъ вѣры и безъ страха Божія, потому въ той же часъ, какъ глаголетъ Евангеліе, по пріятіи хлѣба вниде въ онь сатана. Таково и ваше безвѣріе и безстрашіе .. Жалость въ сердцѣ нашемъ снѣдаетъ насъ, слыша таковое ваше невѣжество. Скажите, кто бы столь былъ нечувственъ, если бы ему подалъ кто малый ковалочикъ отъ того хлѣба, который преломлялъ самъ Христосъ на тайнѣй своей вечери, неужели бы онъ явился сказать, что это есть одно тщеславіе, — съѣлъ, да и нема!... О, несмысленіи! Просите скоро у милосердаго Бога толикому вашему великому грѣху прощенія, и вѣруйте поне отъ сего часа, яко подаемые отъ святаго алтаря дары и проскомисан-

ныя просфоры суть яко отъ самой трапезы Христовой, яже бысть на тайнѣй Его вечери...

Наконецъ, съ особеннымъ негодованіемъ Павелъ обрушился на злополучныхъ соколинцевъ за ихъ пренебреженіе къ церковнымъ службамъ, въ чемъ также обвинялъ ихъ попъ Сысой:

„О, гордаго вашего дѣйствія! О, невѣжества вашего несмысленнаго! О, крайняго вашего нечувствія! Вразумитеся поне отъ сего часа, умилитеся поне отъ *нынѣшняго вамъ чтенія* и приложите свои умы къ моимъ глаголамъ, паче же къ Божіимъ. Како гордости ради спаде сатана съ своими бѣсы въ преисподняя, идѣже скрежетъ зубомъ, и червь неусыпаемый, и геенна огненная и нескончаемая во вѣки вѣкомъ: съ ними же будутъ гордіи и злопамятливіи и непослушающіи божественнаго писанія, паче же противляющіися Божіяго закона и церковь Господню пренебрегающіи. Аще гнушаетеся церковію, то почто зоветеся христіане, почто сооружили церковь во имя св великомученика Іоанна и почто насъ и весь соборъ призывали освящать? О, горе, горе! Увы, увы! Люте, люте ругающимся Божіимъ закономъ! Ко святой службѣ звонятъ, и священникъ и прочіи идутъ въ церковь, а вы проклажаетесь дома, и время проводите праздно въ дому своемъ во святые праздники, а въ церковь не хотите идти лѣности ради и злобы. О, косніи сердцемъ! Вонмите, како разныя вѣры въ свои праздники идутъ къ службѣ, или до костелу, или до церкви, и жиды каждой субботы идутъ до своей школы и тамо молятся: а вы только выстроили церковь[295]), и уже не хощете ходить! Кто речетъ: я съ тѣмъ поругался, въ церковь нейду! А кто речетъ: я на того маю злобу, — въ церковь нейду! А кто речетъ: не въ чемъ идти, одежды нѣту! А въ торгъ, или въ корчму, или на ино мѣсто, то есть въ чемъ одѣться и обуться, а въ церковь идти не находятъ во что одѣться!“ и т. д.

Кириллъ безпрекословно подписалъ эту грозную грамоту, и она, разумѣется, была прочитана Сысоемъ въ церкви послѣ праздничной службы, „въ недѣлю“, для назиданія его паствы. Какія послѣдствія имѣло это чтеніе, — улучшились ли доходы

---

[295]) Церковь освящена была 8 ноября того же 1848 года. См. *Памятникъ*, № 63.

попа Сысоя, уразумѣли ли соколинскіе липоване значеніе просфоръ, начали ли подавать ихъ на проскомидіи и усерднѣе ли стали ходить въ церковь, — все это остается неизвѣстнымъ. Надобно впрочемъ полагать, что соколинцы представляли собою въ липованскихъ обществахъ не единственный примѣръ столь пренебрежительнаго отношенія къ новымъ бѣлокриницкимъ попамъ, — видно, что и липоване другихъ селеній, именно подражая соколинскимъ, обращались съ своими попами неуважительно и не хотѣли платить имъ за нѣкоторыя требы. По крайней мѣрѣ, спустя около года по изданіи приведеннаго обличительнаго посланія къ Соколинскому обществу, Павломъ составлена была и издана отъ имени Кирилла „окружная грамота ко всѣмъ параxіальнымъ приходамъ“, подобнаго этому посланію содержанія, хотя и не въ столь рѣзкомъ тонѣ[296]) Въ ней именно говорилось:

„Дошло до свѣдѣнія нашего, что нѣкоторые изъ числа нашихъ православныхъ христіанъ, не имѣя здраваго разсудка, или образомъ благочестія покрываютъ свою скупость и діавольское жестосердіе, что по крещеніи новорожденныхъ младенцевъ и по погребеніи тѣла усопшихъ за святые труды приходскаго священника не только не хотятъ почтить деньгами, или чѣмъ другимъ по силѣ отъ своего достатка, но еще приводятъ въ видѣ выговора, якобы они слышали, что грѣхъ есть священнику что̀ дать на крещеніи младенца, или на похоронахъ усопшаго тѣла. Сіе въ крайнее удивленіе и сожалѣніе о вашемъ невѣжествѣ насъ приводитъ. О, несмысленная и косная сердцемъ! Скажите, гдѣ и отъ кого вы таковой грѣхъ быти слышали?... Недобра о таковыхъ похвала, чадца моя!

„Можетъ-быть вы *нѣчто слышали отъ нашего запрещенія*, которое относится вовсе не къ вамъ, а собственно только къ лицу параxіальныхъ священниковъ. Пояснимъ же вамъ здѣ и то самое наше запрещеніе, еже есть такого содержанія: хотя точно возбраняетъ священникамъ за крещеніе и погребеніе требовать, но отъ произволенія даемое принимать имъ не возбраняетъ, по-писанному: *служащіи бо алтарю*

---

[296]) Черновая, собственноручно писанная Павломъ, находится въ *Бѣлокр. арх.*

отъ алтаря питаются. Запрещеніе же оное отъ насъ сдѣлано во избѣжаніе прежнихъ богопротивныхъ поступковъ, случавшихся отъ прежнихъ бѣглыхъ священниковъ, такъ что тогда за корыстолюбивое отъ священника требованіе бѣдные неимущіи оставляли дѣтей некрещенныхъ, а усопшихъ погребали безъ напутствій священныхъ, сирѣчь безъ священника и послѣдняго надгробнаго разрѣшенія, одни только простолюдины. Возлюбленная чада нашего смиренія! Единаче ли вы суть безъ разума? Можетъ ли когда бывать благотворительное почтеніе и награжденіе священника благодѣющему въ грѣхъ? Не паче ли въ мзду, во святомъ Евангеліи предписанную: въ кого имя пріемлете, такая и мзда вамъ будетъ. О, глубокаго вашего невѣжества!“ и т. д.

Такимъ образомъ огорчившіе Павла пренебрежительныя и немирныя отношенія соколинскихъ липованъ къ ихъ приходскому попу оказались не одиночнымъ явленіемъ въ расколѣ: и впослѣдствіи Павлу пришлось употреблять старанія, чтобы оградить новое раскольническое духовенство, на учрежденіе котораго онъ положилъ столько труда, отъ неуважительнаго обращенія съ нимъ старообрядцевъ, чтобы поставить его въ глазахъ этихъ послѣднихъ выше прежнихъ бѣглыхъ поповъ, которыхъ оно замѣнило, но въ которыхъ раскольники видѣли именно поповъ, тогда какъ новые, взятые изъ ихъ собственной среды, бывшіе ихъ товарищи по сохѣ, или ремеслу и торговлѣ, казались имъ непохожими на поповъ и не внушали подобающаго уваженія. Все это крайне заботило и огорчало Павла. Но это было только началомъ его заботъ и огорченій. Много новыхъ и еще большихъ пришлось ему испытать въ продолженіе начавшагося за симъ существованія Бѣлокриницкой митрополіи подъ номинальнымъ управленіемъ новопоставленнаго митрополита Кирилла, когда незаконная, на лжи и обманѣ основанная іерархія все яснѣе и яснѣе обличала свою незаконность и ложность неизбѣжно появлявшимися въ ней безпорядками, неустройствами и раздорами, которые Павелъ тщетно старался устранить и исправить.

II.

Отъ произведенія Кирилла въ митрополиты до смерти инока Павла (1849—1854).

1. Новыя мѣры противъ климоуцкихъ безпоповцевъ.

Мы видѣли, что однимъ изъ самыхъ первыхъ распоряженій инока Павла по учрежденіи іерархіи, едва Амвросій занялъ свою новую каѳедру въ Бѣлэй-Криницѣ, было официальное посланіе отъ имени послѣдняго къ климоуцкимъ безпоповцамъ съ приглашеніемъ — принять новоучрежденное священство. Такъ же точно и теперь одно изъ самыхъ первыхъ распоряженій, какое было имъ сдѣлано отъ имени Кирилла, по возведеніи его на каѳедру Амвросія, касалось тѣхъ же климоуцкихъ безпоповцевъ. Но на сей разъ дѣло шло уже не о томъ, чтобы привлечъ ихъ къ принятію бѣлокриницкаго священства. Послѣ первой неудачи Павелъ еще менѣе могъ разсчитывать теперь на успѣхъ подобнаго предпріятія, такъ какъ у климоуцкихъ безпоповцевъ уже имѣлось, привезенное изъ Москвы, съ Преображенскаго Кладбища, составленное Петромъ Иванычемъ Ледневымъ (столь извѣстнымъ впослѣдствіи подъ монашескимъ именемъ Павла Прусскаго), сочиненіе, въ которомъ изложены были доказательства незаконности новаго бѣлокриницкаго священства и которымъ климоуцкіе безпоповцы пользовались при встрѣчахъ и бесѣдахъ съ климоуцкими и бѣлокриницкими

поповцами[1]). Австрійскій Павелъ, несомнѣнно, зналъ объ этомъ и, потерявши надежду на привлеченіе климоуцкихъ безпоповцевъ подъ духовную власть митрополіи, началъ теперь хлопотать уже только о томъ, чтобы уронить ихъ въ глазахъ правительства и добиться административнаго разграниченія между ними и поповцами, принявшими бѣлокриницкое священство. Онъ воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что у безпоповцевъ происходили браки, совершеніе которыхъ, разумѣется, онъ признавалъ не законнымъ, и, будто бы по просьбѣ возмущенныхъ этимъ климоуцкихъ поповцевъ, написалъ прошеніе въ Крайзамтъ, чтобы правительство произвело слѣдствіе о „беззаконныхъ бракахъ и грубіянствахъ“ безпоповцевъ (вѣроятно, разумѣя подъ грубіянствами ихъ смѣлыя и рѣзкія обличенія незаконности бѣлокриницкаго священства), — чтобы потомъ, по производствѣ слѣдствія, лишило ихъ права на пользованіе дарованною липованамъ привилегіей Іосифа II, и совершенно отдѣлило бы ихъ отъ поповцевъ, даже подчинило бы вѣдѣнію особаго дворника. Кириллъ подписалъ это прошеніе, и 25 января 1849 г. оно было препровождено въ Крайзамтъ[2]). Это былъ прямо доносъ

---

[1]) Архим. Павелъ самъ разсказываетъ: „Весною 1847 г. изъ Австріи пріѣхали въ Москву (на Кладбище) два брата Мироновы, Герасимъ и Ѳома, климоуцкіе безпоповцы. Они подробно разсказали Семену Кузмичу (настоятелю Кладбища) о недавно устроившейся въ Бѣлой-Криницѣ іерархіи и просили дать имъ наставленіе, какъ понимать объ этой іерархіи. Кузмичъ поручилъ ихъ мнѣ, чтобы я отвѣтилъ на ихъ вопросы. Тогда, въ опроверженіе законности появившейся іерархіи, я сдѣлалъ изъ Щита выборку, съ нѣкоторыми своими замѣчаніями“ (Пол. соб. соч. т. III, стр. 464). Въ теченіе года климоуцкіе безпоповцы могли вполнѣ усвоить себѣ изложенныя въ этомъ сочиненіи доказательства противъ австрійскаго лжесвященства.

[2]) Подъ этимъ числомъ въ *Памятникѣ* записано: „Въ Крайзамтъ отъ бѣлокриницкаго верховнаго святителя прошеніе, согласно просьбы старовѣрцевъ, учинить слѣдствіе о беззаконныхъ бракахъ и о грубіянствахъ и отдѣлить безпоповцевъ отъ всевысочайшей привилегіи, данной старовѣрцамъ, и отъ общества отчислить подъ особаго ихъ дворника, и дабы впредь въ Климоуцахъ у сущихъ старовѣрцевъ былъ дворникъ изъ своихъ единовѣрныхъ“ (№ 68). Такъ какъ без-

на безпоповцевъ. Павелъ, съ такимъ негодованіемъ вопіявшій противъ мнимыхъ „клеветъ“ русскаго правительства на бѣглеца Амвросія, преступно измѣнившаго православію, самъ однако находилъ дозволительнымъ, если даже не богоугоднымъ дѣломъ такіе доносы, и притомъ на старообрядцевъ же, только другаго согласія. Но онъ не принялъ въ соображеніе того, о чемъ самъ же писалъ московскимъ друзьямъ своимъ,— забылъ, что тогда, при новыхъ конституціонныхъ порядкахъ въ Австріи, была предоставлена всѣмъ религіямъ полная свобода и правительство не считало нужнымъ вмѣшиваться въ чьи-либо религіозные споры и несогласія. Жалоба на безпоповцевъ, поданная Кирилломъ, была поэтому оставлена безъ вниманія, такъ что, спустя мѣсяцъ, именно 23 февраля, Кириллъ отправилъ въ Крайзамтъ, уже на имя президента, второе, сочиненное Павломъ, прошеніе, чтобы правительствомъ былъ изслѣдованъ „по крайней мѣрѣ одинъ пунктъ“, — чтобы вытребовано было „на протоколъ“ отъ климоуцкихъ безпоповцевъ показаніе, „одной ли они (липованской) религіи, то-есть признаютъ ли они за истину (существующее теперь у липованъ) священство и духовныхъ пастырей“. Тогда „симъ легкимъ способомъ“, писалъ онъ, откроется, что безпоповцы отвергаютъ то, что „повелѣвается“ не только Евангеліемъ и „всѣмъ христіанскимъ долгомъ“, но и привилегіею Іосифа II, которая „первымъ пунктомъ религію липованъ именно съ духовенствомъ означаетъ“, — откроется и „вся ихъ прелесть, лукавство и напрасныя клеветы (?) и прочіе поступки ихъ,

---

поповцы составляли преобладающее населеніе въ Климоуцахъ, то и дворникъ тамъ былъ изъ безпоповцевъ: Павелъ, разумѣется, находилъ это очень неудобнымъ даже въ интересахъ іерархіи, потому и желалъ, чтобы правительство учредило въ Климоуцахъ двухъ дворниковъ — особаго для поповцевъ, изъ ихъ согласія, и особаго для безпоповцевъ. А рѣчь Павла о бракахъ у климоуцкихъ безпоповцевъ не совсѣмъ понятна. Безпоповцы эти принадлежали къ федосѣевскому безбрачному толку, и самъ Павелъ Прусскій тогда не выступилъ еще съ проповѣдію въ защиту браковъ: поэтому браковъ въ собственномъ смыслѣ у нихъ быть не могло.

противныя христіанству“[3]). Но и это второе прошеніе, какъ внушенное очевидною враждою къ людямъ иныхъ религіозныхъ мнѣній, оставлено правительствомъ безъ удовлетворенія.

Итакъ, попытка инока Павла не удалась и на помощь внѣшней власти въ борьбѣ съ климоуцкими безпоповцами уже нельзя было разсчитывать; оставалось дѣйствовать своими внутренними средствами. И такъ какъ безпоповцы, повидимому, не давали Павлу покоя, своими толками о незаконности бѣлокриницкаго священства могли поколебать преданность ему даже и въ самихъ поповцахъ, то въ устраненіе такой опасности онъ призналъ необходимымъ — посредствомъ „окружной грамоты“, изданной отъ имени митрополита, разъяснить самимъ буковинскимъ поповцамъ все нечестіе безпоповцевъ и чрезъ это внушить имъ полное отвращеніе къ этимъ послѣднимъ. 13 февраля 1850 года Кирилломъ дѣйствительно подписано составленное Павломъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Окружная грамота къ благоговѣйнымъ пресвитерамъ и ко всѣмъ нашимъ православнымъ христіанамъ, во обществахъ въ Буковинѣ живущимъ, къ извѣщенію и подтвержденію истины, во отвращеніе же беззаконій безпоповцевъ“[4]). Въ этой грамотѣ ясно отразилась вся тогдашняя ненависть Павла къ безпоповцамъ, которыхъ объявилъ онъ богомерзкими горше жидовъ и всѣхъ когда-либо бывшихъ на свѣтѣ еретиковъ, забывши, что они столь же строго, какъ и поповцы, содержатъ основные догматы раскола: двуперстіе, имя *Іисусъ*, сугубое аллилуіа и проч. и проч. Любопытно, что въ этой грамотѣ Павелъ очень мало, почти мимоходомъ, говоритъ о главномъ недостаткѣ безпоповцевъ — неимѣніи священства. Онъ, какъ видно, избѣгалъ говорить объ этомъ потому, что опасался напомнить безпоповщинскія возраженія противъ новоучрежденнаго въ Бѣлой-Криницѣ священства. Онъ подробно говорилъ только о томъ, что у безпоповцевъ нѣтъ пріобщенія

---

[3]) Такъ именно излагается содержаніе этого „второго прошенія“ въ *Памятникѣ* (№ 69).

[4]) Черновой списокъ этой грамоты въ *Бѣлокр. арх.*

святыхъ таинъ и указалъ еще на ихъ „беззаконные“ браки: этого было достаточно для него, чтобы достигнуть цѣли — представить безпоповцевъ злѣйшими во всемъ мірѣ еретиками, хотя они были только самыми истовыми послѣдователями предковъ, первыхъ учителей и насадителей раскола, и хотя многое, что̀ Павелъ говорилъ въ ихъ обличеніе, можно обратить противъ него самого.

„Сколько есть на свѣтѣ вѣръ и ересей, — такъ начиналась окружная грамота, — всѣ оныя по крайней мѣрѣ имѣютъ извѣтъ о себѣ, яко содержатъ отъ предковъ своихъ свои книги и по онымъ, какъ заповѣдано, исполняютъ свой законъ. Только жиды и безпоповцы содержатъ у себя книги, а предписаннаго въ оныхъ самаго главнаго закона, какъ тѣ, равно и другіе, не исполняютъ, наипаче же и противоборствуютъ своимъ книгамъ: тѣмже убо всѣхъ еретиковъ, древнихъ и новыхъ, нечестіемъ своимъ превосходятъ“.

Указавши кратко, въ чемъ противятся своимъ книгамъ жиды, не принявшіе возвѣщеннаго пророками Христа, Павелъ приводитъ далѣе противъ безпоповцевъ „свидѣтельство тѣхъ самыхъ книгъ, которыя они у себя содержатъ“, осуждающія ихъ „яко безбожниковъ и невѣрныхъ“.

Полемическій пріемъ вполнѣ вѣрный и самый сильный; но Павелъ забылъ, что онъ съ такимъ же успѣхомъ можетъ быть обращенъ и противъ него самого: старопечатныя книги одинаково обличаютъ и безпоповцевъ и поповцевъ, двѣсти лѣтъ пробавлявшихся бѣглыми, отъ ереси принятыми, попами, а потомъ принявшихъ бѣглаго же, подвергнутаго чинопріятію отъ ереси, митрополита

Изъ какихъ же книгъ и какія свидѣтельства въ обличеніе безпоповцевъ приводилъ Павелъ?

Во-первыхъ изъ Евангелія и изъ посланія къ Коринѳянамъ онъ привелъ слова, что приношеніе безкровной жертвы, установленной Христомъ, будетъ продолжаться до втораго Его пришествія, *дондеже пріидетъ*. „А безпоповщина глаголютъ, яко то было, но уже погибло, а нынѣ того нѣтъ: слѣдовательно въ нихъ и Христова завѣта нѣтъ; потому и стали они

невѣрующіе Христову закону, горше всякаго еретика, сущіи беззаконники и безбожники, подобни жидамъ".

Потомъ Павелъ привелъ изъ Соборника слова: „иже церкве Божія и причастія святыхъ таинъ удаляющіи, врази Божіи бываютъ, а бѣсомъ други",— и прибавляетъ: „Слышите православніи, страшную и ужасную бѣду, чему безпоповцы удостоились отъ священныя тоя книги, у нихъ самихъ содержимой, — врагами Божіими уподобились и самимъ бѣсомъ друзьями: то какое можетъ быть добро отъ враговъ Божіихъ, паче же отъ бѣсовскихъ друзей! Аще съ еретики гнусно есть смѣшаватися, кольми паче не подобаетъ примѣшатися къ бѣсовскимъ друзьямъ — безпоповцамъ".

Такими же обличеніями безпоповцамъ за неимѣніе таинства причащеніи заключаетъ Павелъ выписки изъ Книги о вѣрѣ; а замѣтивъ, что „приходящихъ въ беззаконную ихъ вѣру они заставляютъ говорить проклятіе по великому Потребнику", гдѣ проклинаются между прочимъ „не исповѣдующіе безкровныя жертвы", Павелъ прибавляетъ: „Вопроси: кто у нихъ исповѣдуетъ и гдѣ именно совершаему безкровному жертвоприношенію исповѣдуетъ быти? Услышитъ: нигдѣ! То явно уже они стали прокляты, да еще сами на себе сіе проклятіе произносятъ по содержимой ими книгѣ — великому Потребнику. Вообразите, православніи, есть ли на цѣломъ свѣтѣ въ какихъ еретикахъ еще такое безуміе, чтобы содержащимися у себе книгами сами себе проклинали, каковы здѣ безпоповцы".

Все это справедливо и безпоповцы несомнѣнно заслуживали такихъ обличеній; но Павелъ долженъ былъ знать, что лишеніе таинства причащенія они оправдывали неимѣніемъ законнаго священства, которымъ только и можетъ быть совершаемо сіе таинство. Павлу слѣдовало поэтому прежде всего обличить ихъ за неимѣніе священства; а этого именно онъ и не сдѣлалъ, хотя въ тѣхъ же самыхъ, чтимыхъ и безпоповцами, старопечатныхъ книгахъ могъ бы найти весьма сильныя свидѣтельства о необходимости священства въ церкви Христовой. Не сдѣлалъ же потому, что священствомъ, т.-е. истиннымъ

священствомъ, безпоповцы справедливо признаютъ только то которое, при неповрежденномъ храненіи вѣры, непрерывно ведетъ свою преемственность отъ самихъ Апостоловъ и состоитъ изъ трехъ чиновъ, съ епископомъ во главѣ, который одинъ только можетъ совершать поставленіе въ священные саны, безъ котораго поэтому не можетъ быть и прочихъ чиновъ іерархіи; а такого священства не имѣютъ и сами поповцы, двѣсти лѣтъ остававшіеся безъ епископовъ, безъ совершенія таинства хиротоніи въ ихъ именуемой церкви, съ одними бѣглыми, отъ ереси принимаемыми попами, а теперь имѣющіе поповъ и архіереевъ, ведущихъ начало отъ бѣглаго же, отъ ереси принятаго, митрополита Павелъ зналъ это и понималъ, какъ неудобно для него обличать и поносить безпоповцевъ за неимѣніе епископовъ и священниковъ: потому и свидѣтельствъ изъ старопечатныхъ книгъ, столь многочисленныхъ, о необходимомъ и непрерывномъ существованіи священства и особенно епископства въ церкви Христовой не привелъ въ обличеніе безпоповцевъ. Правда, очень кратко, безъ подробныхъ объясненій и безъ рѣзкихъ отзывовъ о безпоповцахъ, какъ бы мимоходомъ, онъ привелъ слова Матѳея Правильника: „еретицы глаголемъ быти всѣхъ не причащающихся освященій отъ священниковъ“, и слова Гавріила Филадельфійскаго: „уне есть всему міру погибнути, нежели священству и спасаемымъ не быти; якоже бо душа въ тѣлѣ, тако и священство въ мірѣ, а безъ священства же спастися невозможно“. Но слова эти требовали именно объясненій, о какомъ священствѣ говорится въ нихъ, — о томъ ли, какое недавно появилось въ Бѣлой-Криницѣ, чтобы достаточно обличались ими не принявшіе этого священства климоуцкіе безпоповцы. Павелъ же этого не сдѣлалъ, равно какъ не привелъ, очевидно, съ намѣреніемъ изъ тѣхъ же уважаемыхъ старообрядцами старопечатныхъ книгъ другія свидѣтельства о необходимости священства, болѣе сильныя и ясно обличающія несоотвѣтствіе бѣлокриницкаго священства истинному священству церкви Христовой.

Итакъ, почти минуя обличенія въ неимѣніи священства,

Павелъ указалъ своимъ „православнымъ христіянамъ“ въ обличеніе безпоповцевъ главнымъ образомъ на то, что они остаются безъ причастія святыхъ таинъ, въ чемъ однако они оправдывались и оправдываются именно прекращеніемъ священства въ мірѣ.

Другимъ наиболѣе сильнымъ обличеніемъ противъ безпоповцевъ Павелъ выставилъ ихъ „беззаконные браки“:

„Сверхъ вышепрописаннаго, какъ всѣмъ вамъ православнымъ не безъизвѣстно, что въ прошедшемъ годѣ каково было ихъ явное на беззаконное дѣло сваживаніе, паче же блудническое смѣшеніе... Безпоповцамъ не довольно того беззаконія, что просто своднически совокупляются и блуднымъ уподобляются. Вотъ *нынѣ* еще сатана вовлекъ ихъ на горшее зло, дабы не только были блудниками, но дабы самъ сатана участвовалъ въ ихъ вѣнчаніи съ демоны своими. Слышите православніи, изъ нижеслѣдующаго. Какъ всѣмъ уже извѣстно, что нынѣ у безпоповцевъ простолюдинъ мужикъ дерзаетъ вѣнчать браки *священническимъ чиномъ:* сіе есть, по писанному, горше самого бѣса, преобразующагося во ангела свѣтла. Ужасъ обдержитъ насъ о томъ, како они, держа въ нѣдрахъ у себя священную книгу Номоканонъ, не ужасаются, вопреки оной, самымъ дѣломъ сіе творить (слѣдуетъ выписка извѣстнаго мѣста изъ Номоканона). А посему подобаетъ всѣмъ вамъ, православнымъ нашимъ христіянамъ, удаляться всячески, якоже отъ самого діявола и діявольскаго дѣла, тако и отъ оныхъ безпоповцевъ и отъ онаго безпоповскаго попа, ложныхъ ложнаго вѣнчателя, и вѣнчавшихся отъ него бѣсовскихъ друзей“.

Невозможно допустить, чтобы не только ѳедосѣевцы-безбрачники, къ согласію которыхъ принадлежали климоуцкіе безпоповцы, но и пріемлющіе такъ называемые безсвященнословные браки (если таковые были между ними), могли совершать вѣнчаніе „священническимъ чиномъ“. Напротивъ, и у брачныхъ безпоповцевъ составлены были свои, отличные отъ священническаго, чины благословенія, или вѣнчанія браковъ. Однако Павелъ говоритъ объ этомъ употребленіи безпоповцами „священническаго чина“ въ вѣнчаніи браковъ, какъ о дѣлѣ извѣстномъ, и за него осыпаетъ безпоповцевъ самыми

жестокими укоризнами, забывъ опять что и свое самочиніе въ благословеніи браковъ они оправдываютъ неимѣніемъ, или прекращеніемъ истиннаго священства на земли, за каковую проповѣдь прежде всего и слѣдовало Павлу обличить ихъ, чего онъ не сдѣлалъ и не нашелъ удобнымъ сдѣлать.

„Окружная грамота“ заключена была слѣдующими словами:

„Нынѣ видите, православніи, ясно, якоже въ началѣ сей грамоты рекохомъ, что безпоповцы не только отчуждены суть далече отъ истины, но и въ цѣломъ свѣтѣ всѣхъ еретиковъ древнихъ и новыхъ превзошли своимъ нечестіемъ и беззаконіемъ, понеже сіи нынѣшніе безпоповцы соборъ всѣхъ богостудныхъ качествъ въ себѣ собрали, какъ то выше означено... А по таковымъ богостуднымъ и безбожнымъ ихъ качествамъ, строжайше наказую васъ всѣхъ, возлюбленная чада нашего смиренія, усердные саны древлеистинныя церкви, да отнюдь не сообщается съ таковыми беззаконниками въ ястіи и питіи, а наипаче въ богомоленіи. Аще ли кто въ ястіи и питіи сообщится съ ними, не имѣя нужды, ни житейской потребы, да не пріимется таковый въ церковь на соборную службу, дондеже принесетъ прощеніе; а за богомоленіе съ безпоповцами, если о комъ-либо дознано отъ насъ будетъ, то таковый на жестокую епитимію духовнымъ судомъ истязанъ будетъ“.

Изданіемъ такого содержанія „окружной грамоты“ отъ имени бѣлокриницкаго митрополита Павелъ надѣялся достигнуть того, о чемъ напрасно просили Крайзамтъ, т.-е. рѣзкою гранью отдѣлить „богомерзкихъ“ безпоповцевъ отъ своихъ „благочестивыхъ христіянъ“, принявшихъ новую іерархію, оградить этихъ послѣднихъ отъ всякаго съ ними общенія, а на случай неизбѣжныхъ съ ними встрѣчъ дать, какъ ему казалось, достаточно сильное оружіе противъ ихъ нападеній на бѣлокриницкое священство[5]). Впослѣдствіи, Павлу пришлось, ко-

[5]) Грамота разослана была во всѣ общества поповцевъ, принявшихъ австрійское священство, съ приказаніемъ „вычитать ее въ церкви всѣмъ православнымъ христіанамъ въ воскресенье, или праздничные дни по отпускѣ божественной литургіи, со всякимъ вниманіемъ“. Въ *Бѣлокр. арх.* имѣется писанное собственноручно Павломъ (черновое) такое предписаніе ясскому попу Никифору Панкратьеву.

нечно пожалѣть, что такъ жестоко отозвался о безпоповцахъ, назвавъ ихъ хуже жидовъ и горше бѣсовъ, когда задумалъ одного изъ этихъ самыхъ безпоповцевъ, горшаго бѣсовъ, произвести даже въ санъ архіепископа. Надобно полагать, что отъ этого послѣдняго тщательно сокрыто было содержаніе и самое существованіе „окружной грамоты“...

2. Дѣло Германа.

Легко было Павлу метать громы обличеній и проклятій на „богомерзкихъ“ безпоповцевъ; но приходилось съ тяжелымъ и заботливымъ чувствомъ готовить подобные громы и противъ своихъ, даже противъ самихъ членовъ учрежденной имъ іерархіи, такъ какъ безпорядки въ ней стали обнаруживаться все чаще и чаще.

Какъ только кончилось непріятное дѣло объ Іоасафѣ, отрекшемся отъ священства, изъ Мануиловскаго монастыря, гдѣ онъ служилъ, отправляя также необходимыя мірскія требы, прибылъ въ Бѣлую-Криницу настоятель Іоиль съ избраннымъ въ преемники Іоасафу другимъ инокомъ, Іоасафомъ же, названнымъ въ отличіе отъ перваго — вторымъ, для поставленія его во священники. Это было 30 октября 1848 г., въ то время, какъ туда пріѣхалъ и мануиловскій попъ Алексѣй съ депутатами для поставленія имъ діакона. Въ ихъ присутствіи, 4 ноября, происходило въ митрополіи „соборное“ сужденіе о нѣкоемъ молдавскомъ же священноинокѣ Германѣ. Какъ видно, этотъ Германъ былъ изъ числа прежнихъ, бѣглыхъ іеромонаховъ[6]), но вскорѣ же по учрежденіи бѣлокриницкой іерархіи призналъ ее и подчинился вѣдѣнію митрополіи, изъ которой и получилъ разрѣшеніе — продолжать священническую службу у раскольниковъ. Между тѣмъ до митрополіи стали доходить „разные непріятные слухи“ о Германѣ, который, подобно всѣмъ бѣглымъ раскольническимъ попамъ предавался и пьянству и рас-

[6]) Въ *Памятникѣ*, гдѣ Павелъ аккуратно записывалъ получившихъ рукоположеніе, особенно въ первые годы существованія бѣлокриницкой іерархіи, о поставленіи Германа нѣтъ упоминанія.

путству. „По отдаленности его пребыванія въ молдавскихъ предѣлахъ“ (какъ впослѣдствіи объяснялъ самъ Павелъ) митрополія не могла произвести о немъ надлежащаго слѣдствія, да и должна была „по необходимости терпѣть его самовольныя слабости, такъ какъ настояла въ тѣхъ прошедшихъ годахъ повсемѣстная въ священствѣ зѣло крайняя нужда“. Но теперь, когда нужда въ священствѣ миновала, — когда, по словамъ Павла, „онымъ недостаткамъ получилось избавленіе“, нашли нужнымъ произвести слѣдствіе о „приключеніяхъ и слабостяхъ“ Германа, именно воспользовавшись прибытіемъ въ митрополію попа Алексѣя, Іоиля и молдавскихъ депутатовъ, которые могли имѣть точныя свѣдѣнія объ его поведеніи. „Непріятные слухи“ о Германѣ были подтверждены этими свидѣтелями, да и самъ Германъ, тоже находившійся въ Бѣлой-Криницѣ, признался въ своихъ проступкахъ и слабостяхъ и смиренно просилъ прощенія. И вотъ, для „безпристрастнаго разсужденія“ и рѣшенія по дѣлу Германа, въ митрополіи составленъ былъ, подъ предсѣдательствомъ Кирилла,-соборъ, на которомъ присутствовали: Онуфрій, „всѣ священноиноки и мірскіе священноіереи, монастырскіе соборные старцы и прибывшіе изъ Молдавіи гости“. На соборѣ этомъ состоялось опредѣленіе въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ: 1) „всѣ прежнія невольныя и вольныя приключенія и погрѣшности, которыя донынѣ сдѣлались извѣстны, прощались Герману и священнодѣйствовать ему разрѣшалось, съ тѣмъ обаче, дабы прежнія его слабости и нелѣпости отнюдь не слышались (?) нигдѣ; 2) священнодѣйствовать ему все такъ, какъ достоитъ дѣйствительному православному священнику, но только въ иноческихъ общежительныхъ монастыряхъ, или въ скитахъ; въ мірскихъ же обществахъ и въ частныхъ гдѣ-либо домахъ отнюдь не дерзать какія-либо освященія, или тайны совершать подъ страхомъ жестокой епитиміи, или совершеннаго отлученія; если же прилучится быть въ мірскомъ домѣ, то позволялось тамъ трапезу благословить и просящимъ благословеніе подать и на храмовыхъ праздникахъ обычно и благочинно праздновать, или развѣ еще гдѣ въ случаѣ, за отсутствіемъ мірскаго

священника, при смертномъ часѣ мірскому человѣку сдѣлать исповѣдь и причастіе св. таинъ подать"; 3) „если въ Молдавіи и другихъ предѣлахъ, паче чаянія, не обрящетъ себѣ покоя, тогда позволялось прибыть на жительство въ Бѣлокриницкій монастырь и жить благоговѣйно и смиренно повиноваться, и во всей точности послѣдовать правиламъ монастырскимъ"[7]).

Подъ врученною Герману „прощальной грамотой" Кириллъ подписался еще епископомъ, блюстителемъ митрополичьяго престола. Но вотъ, когда онъ уже сдѣлался митрополитомъ, стали доходить до Бѣлой Криницы слухи, что Германъ не исправился, на соборное о немъ постановленіе мало обращаетъ вниманія и между прочимъ, вопреки прямому запрещенію, обвѣнчалъ бракъ, притомъ же незаконный, — именно женщину послѣ семилѣтней разлуки съ мужемъ повѣнчалъ вторымъ бракомъ съ другимъ мужемъ. Павелъ нашелъ нужнымъ потребовать отъ него объясненій о новыхъ его безчиніяхъ. Напомнивъ ему состоявшееся на бѣлокриницкомъ соборѣ запрещеніе совершать какія-либо таинства у мірянъ подъ страхомъ жестокой епитиміи, и 85-е правило Номоканона, въ которомъ повелѣно: „калугеръ, сый пресвитеръ, не вѣнчаетъ женитву, неключимо бо есть", онъ спрашивалъ Германа: „на какомъ основаніи, калугеръ сый, дерзнулъ совершить бракъ, будучи подъ правиломъ отъ митрополіи и отъ Номоканона запрещеніемъ"? Запросъ этотъ, подписанный Кирилломъ, отправленъ былъ къ Герману 15 іюня 1849 года. Получивъ его, Германъ обидѣлся, увидѣлъ въ немъ излишнюю строгость и притязательность со стороны правителей митрополіи. Оказалось, что и прежнее соборное опредѣленіе

[7]) Постановленіе это изложено въ „прощальной грамотѣ" Герману (черновая въ *Бѣлокр. арх.*). Въ *Памятникѣ* подъ 4 ноября записано: „Священноиноку Герману сего числа выдана о нѣкоторыхъ его винахъ прощальная грамота отъ г. епископа Кирилла за его подписомъ и печатью, съ тѣмъ, дабы у мірянъ отнюдь не священнодѣйствовалъ ниже какія требы совершалъ, но только у иноковъ, гдѣ изобрящетъ себѣ жительство. Аще не найдетъ въ Молдавіи себѣ покоя, то разрѣшено ему прибыть паки въ Бѣлокриницкій монастырь, гдѣ и жить на точной силѣ правилъ монастырскаго устава".

по его дѣлу онъ считалъ большой для него обидой. Въ отвѣтѣ своемъ отъ 10-го іюля онъ именно писалъ, что его вторично оскорбили невинно, и доказывалъ, что будто бы правильно, по закону поступилъ, обвѣнчавъ вторымъ бракомъ жену, находившуюся „въ семилѣтнемъ несвиданіи“ съ первымъ мужемъ, при чемъ прибавилъ: „смотри въ Кормчей о бракахъ“, сослался еще на „мірскіе россійскіе указы“ о бракахъ, находящіеся въ Сводѣ законовъ, и на примѣръ совершенія таковыхъ браковъ „покойнымъ отцомъ Мануиломъ“, какъ видно, однимъ изъ прежнихъ бѣглыхъ іеромонаховъ

Отповѣдь Германа получена была въ Бѣлой Криницѣ 13 іюля, а черезъ три дня, 16-го числа, Кириллъ подписалъ уже сочиненную Павломъ въ отвѣтъ на нее обличительную грамоту, въ которой была указана вся неосновательность оправданій Германа[8]). Объяснивъ, что въ соборномъ опредѣленіи не сдѣлано ему обиды, напротивъ оказано снисхожденіе, и точными выписками доказавъ, что совершеніемъ брака онъ учинилъ прямое нарушеніе второго пункта этого опредѣленія, коимъ воспрещалось ему „подъ страхомъ жестокой епитиміи и совершеннаго отлученія“ отправлять какія-либо требы у мірянъ, Павелъ далѣе опровергъ приведенныя Германомъ доказательства мнимой законности совершеннаго имъ брака. Онъ привелъ выписку изъ правилъ, свидѣтельствующую, что подобные браки дозволяются „не за разлученіе, или несвиданіе точію“, хотя бы и семилѣтнее, „но за совершенное безвѣстіе о самой жизни“ отлучившейся брачной половины. Сдѣлавъ потомъ, согласно требованію Германа, справку „въ Кормчей о бракахъ“, какія правила долженъ соблюдать приходскій священникъ предъ совершеніемъ и при совершеніи брака, Павелъ спрашивалъ его: „А твое преподобіе кто опредѣлилъ быть парохіальнымъ священникомъ? Или отъ кого принялъ еси дозволеніе и благословеніе на таковое не удобь достойное сопряженіе? Еда (если забылъ) не напомнила тебѣ твоя мантія

[8]) Черновая грамота въ *Бѣлокр. арх.* Въ ней изложены и приведенныя нами извѣстія о запросѣ Герману отъ 15-го іюня и объ отвѣтѣ Германа отъ 10-го іюля.

и камилавка". О ссылкѣ на дѣйствующія въ Россіи узаконенія Павелъ замѣтилъ только: „сіе крайне насъ удивило и въ недоумѣніе привело; это не иначе, что самъ показуешь свое забвеніе о себѣ самомъ, не только о санѣ священноинока, но даже о вѣрѣ и жительствѣ". Любопытно, наконецъ, что̀ писалъ Павелъ по поводу Германова указанія на примѣръ „священноинока Мануила": „Отъ того никакой основательной силы тебѣ нынѣ имѣть невозможно, понеже нуждное и случайное въ законъ не приводится. Ибо когда покойный отецъ Мануилъ былъ въ таковомъ обстоятельствѣ, аки *самъ себѣ купецъ и продавецъ, сирѣчь самъ себѣ іерей и архіерей, самъ себя связывалъ и разрѣшалъ;* но нынѣ у насъ, благодатію Христовою уже таковой бывшей нужды отнюдь не настоитъ". Достоинъ вниманія и нѣкотораго удивленія столь откровенный отзывъ Павла о „бѣгствующемъ священствѣ", которымъ его предки пробавлялись цѣлыхъ двѣсти лѣтъ. Ужели не понималъ онъ, что произноситъ жестокій приговоръ надъ всѣмъ прошлымъ поповщинскаго раскола, которое служитъ основаніемъ и его настоящаго, — что произнесъ приговоръ и надъ самимъ Амвросіемъ, отъ котораго началась нынѣшняя іерархія поповцевъ, ибо и онъ былъ „самъ себѣ купецъ и продавецъ?..."

Достаточно поучивъ Германа, Павелъ не желалъ однакоже какою-либо тяжкою карою вооружить его противъ митрополіи и сдѣлать врагомъ бѣлокриницкой іерархіи; напротивъ, принявши во вниманіе, что и самъ Германъ въ концѣ своей отповѣди просилъ прощенія за свой проступокъ, рѣшилъ и еще оказать ему снисхожденіе „въ послѣдній уже разъ прощаемъ тебѣ сіе преступленіе твое, — говорилось въ заключеніи грамоты, — и повелѣваемъ жительство стяжать тебѣ по точной силѣ прежде данной тебѣ грамоты нашей, подъ страхомъ за нарушеніе жестокой епитиміи, совершеннаго отлученія".

Исправился ли Германъ, или продолжалъ чинить прежнія „нелѣпости" и безчинія къ прискорбію Павла, и долго ли чинилъ ихъ, остается неизвѣстнымъ, — слѣдъ его пропалъ въ исторіи бѣлокриницкаго священства.

3. Неустройства въ Мануиловскомъ монастырѣ и дѣло Мануиловскаго попа Алексѣя.

Почти въ то же самое время, какъ велись объясненія съ Германомъ, началось дѣло о другомъ изъ старыхъ раскольническихъ безчинниковъ, — о самомъ настоятелѣ Мануиловскаго монастыря — Іоилѣ, который не задолго передъ тѣмъ, на бѣлокриницкомъ соборѣ, свидѣтельствовалъ вмѣстѣ съ другими о безчиніяхъ Германа Іоасафъ 2-й, съ которымъ Іоиль пріѣзжалъ тогда въ митрополію, тогда же поставленный въ іеромонаха[9]), жилъ въ Мануиловскомъ монастырѣ съ секретнымъ повидимому порученіемъ наблюдать за Іоилемъ и за порядками въ монастырѣ, которые очень заботили Павла, для приведенія которыхъ въ надлежащій видъ при отъѣздѣ Іоиля и Іоасафа изъ Бѣлой Криницы были вручены даже имъ новыя дополнительныя къ монастырскому уставу правила, скрѣпленныя Кирилломъ[10]). Маленькій Мануиловскій скитъ обращенъ былъ въ общежительный монастырь еще при Амвросіи, и тогда же настоятелю выданъ былъ монастырскій уставъ, составленный по образцу бѣлокриницкаго[11]): къ нему-то и сдѣланы были теперь, по требованію обстоятельствъ, дополненія. Но никакіе уставы и дополненія къ нимъ не помогали дѣлу. прежнія, еще скитскія, безчинія продолжались и въ общежительномъ монастырѣ, а главнымъ виновникомъ ихъ, подававшимъ примѣръ, былъ самъ настоятель Іоиль. Дошло до того, наконецъ, что въ митрополіи получены были 22 іюня 1849 г. отъ самихъ обществъ мануиловскаго и ясскаго жа-

---

[9]) См. *Памятникъ* подъ 8 ноября 1848 г. (№ 64)

[10]) Въ *Памят.* подъ 9 ноября записано: „Настоятелю Мануиловскаго монастыря съ братствомъ сего числа выдана грамота о принятіи священноинока Іоасафа, и притомъ сообщена къ нимъ книга за шнуромъ и г-на епископа Кирилла подписомъ и печатью, учиненная 30 октября сего года, содержащая десять дополнительныхъ правилъ“ (№ 65)

[11]) См. *Памят.*, подъ 1 апр. 1847 г. (№ 16).

лобныя прошенія на безпорядки и *великіе соблазны* настоятеля Мануиловскаго Никольскаго монастыря инока Іоиля, съ убѣдительною просьбою, дабы отрѣшить его отъ должности, а на мѣсто его поставить игуменомъ священноинока Іоасафа 2-го“ [12]). А еще ранѣе этого вытребованъ былъ и 16 іюня прибылъ въ митрополію „для личнаго объясненія“ самъ Іоасафъ. Онъ подтвердилъ справедливость жалобы ясскихъ и мануиловскихъ старообрядцевъ на безпорядки, чинимые Іоилемъ, а тогда состоялась въ митрополіи „резолюція“: назначить Іоасафа „намѣстникомъ настоятеля Іоиля и надзирателемъ за порядками по дополнительнымъ вторительно правиламъ“. 25 іюля Іоасафу вручена была эта „резолюція“ въ спискахъ для доставленія мануиловскому и ясскому обществамъ, и особая грамота Іоилю съ братіей, извѣщавшая о состоявшемся назначеніи [13]). Такимъ образомъ окончательнаго „отрѣшенія“ Іоиля отъ настоятельской должности, о чемъ просили ясское и мануиловское общества, все-таки не послѣдовало, даже и за „великіе соблазны“ его. Павелъ поступилъ такъ снисходительно съ Іоилемъ, быть-можетъ, потому, что продолжалъ чувствовать себя виноватымъ передъ нимъ, припоминая, какъ не деликатно, даже вѣроломно, вскорѣ же по пріѣздѣ съ Геронтіемъ въ Бѣлокриницкій монастырь, гдѣ Іоиль былъ тогда настоятелемъ, они выгнали его оттуда. Но вызванная снисходительностью полумѣра, какъ и слѣдовало ожидать, не принесла пользы. Въ званіи намѣстника настоятеля Іоасафъ не могъ возстановить порядка въ монастырѣ и только, повидимому, сталъ въ непріятныя отношенія и къ настоятелю и къ монастырскому братству, — по крайней мѣрѣ не прошло и четырехъ мѣсяцевъ по назначеніи его „намѣстникомъ“, какъ онъ самовольно ушелъ изъ Мануиловскаго монастыря въ Славскій, къ епископу Аркадію, и подалъ этому послѣднему 12-го ноября прошеніе, въ которомъ говорилъ, что желаетъ „остаться на жительство въ славской епархіи безъ священно-

---

[12]) Такъ записано въ *Памят.* подъ 22 іюня (№ 75).

[13]) См. тамъ же №№ 75 и 76.

дѣйства", и даже изъявлялъ желаніе, „чтобы лишенъ былъ сану священства". Аркадій, при своемъ „донесеніи", препроводилъ просьбу Іоасафа въ митрополію. Здѣсь она получена была 27 декабря. Самовольнымъ отъѣздомъ Іоасафа въ чужую епархію Павелъ былъ очень недоволенъ и, по силѣ 15 апостольскаго правила[14]), считалъ его подлежащимъ изверженію изъ сана, если только не возвратится снова къ своему епархіальному архіерею. Въ такомъ смыслѣ и посланъ былъ 27 декабря отвѣтъ Аркадію: ему поручалось, „дабы сдѣлалъ на основаніи 15 пр. св. Апостолъ священноиноку Іоасафу изверженіе (при чемъ посылался и чинъ изверженія), если только не восхощетъ возвратиться въ митрополію"; а по изверженіи дозволялось Іоасафу жить въ Славской епархіи[15]). Разстриженія однако не послѣдовало: Іоасафъ возвратился подъ управленіе Кирилла, и снова поступилъ въ намѣстники Мануиловскаго монастыря, а черезъ годъ съ небольшимъ былъ опредѣленъ, на мѣсто Іоиля, умершаго въ началѣ 1851 г., уже и въ настоятели, съ возведеніемъ даже въ санъ „священноигумена", на каковое званіе была ему выдана отъ Кирилла грамота[16]).

Незадолго передъ тѣмъ, какъ получено было въ митрополіи извѣстіе объ отъѣздѣ Іоасафа изъ Молдавіи въ Турцію къ Аркадію, началось дѣло и еще объ одномъ молдавскомъ же видномъ представителѣ раскола, — о самомъ попѣ Алексѣѣ Булгаковѣ. Оказалось, что этотъ, не менѣе Іеронима знаменитый въ исторіи австрійскаго священства попъ, — ибо если Іеронимъ чрезъ перемазаніе преподалъ (мнимую) благодать

---

14) Правило сіе въ старопечатной Кормчей читается такъ: „всякъ причетникъ, оставль свою землю и на чюжей живый, и отъ своего епископа молимь не возвратится, не причастенъ".

15) См *Памят.* № 86.

16) Въ *Памят.* подъ 28 апр. 1851 г. записано: „Іоасафъ священноинокъ, Мануиловскаго монастыря намѣстникъ, сего числа на мѣсто умершаго настоятеля Іоиля произведенъ во священноигумена. Грамота надлежащая выдана ему за подписомъ г. митрополита Кирилла" (№ 95).

архіерейства Амвросію, то самому Іерониму преподалъ чрезъ такое же перемазаніе (мнимую) благодать іерейства попъ Алексѣй, за каковую услугу и награжденъ былъ недавно бархатною малиноваго цвѣта скуфьею, — оказалось, что этотъ пресловутый раскольническій попъ вѣритъ волшебству и прибѣгаетъ къ ворожбѣ. У него случилась кража денегъ (а онъ извѣстенъ былъ какъ человѣкъ богатый)[17]), и послѣ тщетныхъ попытокъ отыскать пропажу онъ пригласилъ къ себѣ въ домъ гадалку, вѣроятно, изъ многочисленныхъ въ Молдавіи цыганокъ-ворожей, чтобы указала ему вора. Мануиловскіе старообрядцы узнали объ этомъ и донесли въ митрополію. Обвиненіе было изъ очень тяжкихъ, ибо по соборнымъ правиламъ и по Номоканону священникъ, прибѣгшій къ волхвованію, подлежитъ лишенію священства. И вотъ 8 декабря 1849 г. въ митрополіи, по обычаю, составленъ былъ соборъ для разсужденій о дѣлѣ попа Алексѣя. Такъ какъ въ доносѣ упоминалось, что Алексѣй не сознается въ ворожбѣ, то опредѣлено было „послать на мѣсто (въ Мануиловку) трехъ членовъ (собора): священноинока Евфросина и священноіерея Саву (Фурмосскаго, незадолго передъ тѣмъ рукоположеннаго изъ Климоуцкихъ жителей) и архидіакона Арсенія, дабы изслѣдовали истину, взяли показанія и наконецъ очную ставку“[18]). 15 числа слѣдователи отправились въ Мануиловку[19]), и жили тамъ довольно долго, производя слѣдствіе, — допрашивали свидѣтелей подъ присягой, отобрали показанія отъ самого попа Алексѣя и дали ему очную ставку со свидѣтелями. Алексѣй не сознавался, — говорилъ, что свидѣтели хотя и „видѣли чародѣйку, приходившую въ его

---

17) О зажиточности и привольной жизни попа Алексѣя писалъ еще Надеждинъ, лично его знавшій: см. *Сборн. Кельсіева,* вып. 1, стр. 114.

18) См. въ *Памят.* подъ 6 и 8 ноября (№№ 82 и 83). Новопоставленный Савва попалъ въ число слѣдователей, конечно, потому, что ему по окончаніи чреды и безъ того предстояло ѣхать въ Молдавію, къ своему приходу въ Фурмосѣ. А Евфросинъ и Арсеній были почетныя лица въ митрополіи и считались свѣдущими въ писаніи.

19) См. тамъ же № 85.

домъ", но она приходила безъ его вѣдома, приглашена была его сыномъ „въ заднюю комнату" (о чемъ писалъ и въ митрополію); наконецъ однако сознался въ своемъ грѣхѣ и просилъ прощенія. Всѣ показанія были слѣдователями записаны и, по возвращеніи въ митрополію 1-го января 1850 г., переданы Павлу. 3-го числа составленъ былъ опять „соборъ изъ духовныхъ лицъ" для сужденія о представленномъ слѣдователями дѣлѣ попа Алексѣя и для рѣшенія. Рѣшеніе это было уже заранѣе составлено Павломъ и соборъ, по обычаю, только утвердилъ его. Въ рѣшеніи этомъ, или соборномъ приговорѣ, именно говорилось:[20])

„По произведеніи слѣдствія посланными нашими членами въ Мануиловкѣ, на мѣстѣ жительства параxіальнаго священника Алексѣя Егорова открылось его законопреступленіе, яко онъ, будучи слуга Божій, въ свой домъ принималъ слугу сатанину, сирѣчь чародѣйку, для узнанія, кто похитилъ у него деньги, въ каковомъ грѣхѣ онъ изобличенъ достовѣрными свидѣтели по долгу присяги; однако, какъ онъ священникъ Егоровъ сдѣлалъ извѣтъ въ своемъ письменномъ къ намъ отвѣтѣ, даже съ обвиненіемъ свидѣтелей, хотя они правда что видѣли чародѣйку, приходившую въ его домъ, но того не знаютъ, что якобы чародѣйку призывалъ сынъ его въ заднюю комнату безъ его вѣдома, потому и не сознаетъ себя въ томъ виновна[21]). А потому (?) для изнесенія на него праведнаго сужденія и рѣшенія учинена по дѣламъ справка, по которой оказалось слѣдующее: что еще въ 7356 (1848) году судьбамъ Всевышняго угодно было, да священникъ мануиловскій Алексѣй Егоровъ, послѣдовавшимъ ему вдовствомъ, не

---

[20]) Черновой его списокъ, собственноручно писанный Павломъ, въ *Бѣлокр. арх.*

[21]) Такимъ образомъ въ „опредѣленіи" не упоминается о сознаніи попа Алексѣя въ винѣ чародѣйства и о просьбѣ его о прощеніи; а въ *Памятникѣ* именно записано, что „священникъ Алексѣй въ волшебномъ грѣхѣ изобличенъ достовѣрными свидѣтели по долгу присяги, *да и самъ онъ* на личной ставкѣ, въ присутствіи митрополитскихъ членовъ и многихъ громадскихъ людей, *въ такомъ своемъ грѣхѣ уже сознался и кланялся, прося прощенія*" (№ 87). Напротивъ здѣсь, въ *Памятникѣ*, не упомянуто объ извѣтѣ Алексѣя, что чародѣйку приглашалъ сынъ безъ его вѣдома.

къ тому будетъ въ міру, понеже, какъ изъясняетъ стоглавный соборъ, во главѣ 77, глаголя сице: „аще у попа умретъ попадья, идетъ въ монастырь, имѣя священство свое“ и проч

Соборное опредѣленіе. Запрещается священнику Алексѣю отнынѣ впредь ничего священническаго дѣйствовать, оставляется же ему токмо священническое званіе и сѣдалище со священными лицы и благословеніе на трапезу, дондеже въ мірскомъ образѣ пребудетъ; а когда пожелаетъ согласно стоглавнаго собора и заповѣдей въ ономъ изображенныхъ св. Петра Митрополита и Фотія, поступить въ иночество, тогда да священнодѣйствуетъ въ монастырѣ, а не въ мірскихъ. Тѣмже убо и мы, наипаче къ сему священноіерею Алексѣю движимы будучи крайнимъ человѣколюбіемъ и состраданіемъ въ таковомъ неожиданномъ его искушеніи, вспоминая во благочестіи подвиги, сущу ему отъ внѣшней церкви обратившемуся и уже многолѣтные труды въ безпорочномъ священнодѣйствіи подъемшему, оставляемъ ему входъ въ иночество, и тогда правильно въ монастырѣ священнодѣйствовать“ [22]).

Итакъ, изъ состраданія къ неожиданно искусившемуся попу Алексѣю и въ уваженіе его прежнихъ подвиговъ и многолѣтнихъ трудовъ во благочестіи, а собственно изъ опасенія нажить сильнаго врага митрополіи и новому раскольническому священству въ лицѣ этого стараго „отъ внѣшней церкви обратившагося“ попа, инокъ Павелъ и здѣсь допустилъ явное отступленіе отъ строгости церковныхъ правилъ (36 Лаод. соб. и 15 въ Номокан.), по силѣ которыхъ Алексѣй подлежалъ извержению изъ сана и отлученію отъ церкви: на основаніи

---

[22]) Въ *Памят.*, подъ 3 генв., это опредѣленіе излагается кратко и нѣсколько въ иномъ видѣ: „Сего числа для изнесенія праведнаго сужденія и рѣшенія собранъ въ митрополіи изъ духовныхъ лицъ соборъ, и выведена по дѣламъ справка, и положено опредѣленіе, дабы *на основаніи правила 15 въ Номоканонѣ, согласно и прочихъ соборныхъ правилъ*, священнику Алексѣю навсегда запретить отъ священнодѣйства, оставляется же ему токмо званіе священника и благословеніе на трапезу, дондеже въ мірскомъ образѣ будетъ; а если поступитъ во иночество, то на основаніи Стоглаваго собора главы 77 и 78, чрезъ шесть мѣсяцевъ, на послѣдній конецъ снисходя, *и не въ примѣръ прочимъ*, да разрѣшится тогда на священнодѣйство въ монастырѣ, а не въ мірскихъ“ (№ 87).

не относящихся къ настоящему случаю постановленій Стоглаваго собора о вдовыхъ попахъ, вовсе неповинныхъ въ грѣхѣ волшебства, постановлено — дозволить ему священнодѣйствовать, если приметъ постриженіе въ монашество, котораго именно требуетъ отъ него Стоглавъ, какъ отъ вдоваго попа, а не какъ отъ учинившаго тяжкій грѣхъ волшебства. Это снисходительное постановленіе бѣлокриницкаго собора, за подписью всѣхъ присутствовавшихъ на немъ, отправлено было 10-го января въ Мануиловку, съ нарочитымъ посломъ, каковымъ назначенъ былъ, по важности дѣла, самъ инокъ Алимпій, для объявленія его Алексѣю и „Мануиловской громадѣ“. Къ соборному постановленію было присоединено какое-то еще „дополненіе митрополитское“[23]), содержавшее вѣроятно убѣжденія и совѣты Алексѣю — покориться соборному рѣшенію. Онъ разсудилъ, что болѣе ничего и не остается ему дѣлать для сохраненія своего достоинства и дальнѣйшаго пребыванія въ мануиловскихъ предѣлахъ, съ которыми сроднился, гдѣ было у него благоустроенное хозяйство, какъ именно подчиниться. Проживъ по полученіи соборнаго рѣшенія болѣе года подъ запрещеніемъ, онъ отправился наконецъ въ митрополію просить постриженія въ иноки съ тѣмъ, чтобы жить ему въ Молдавіи же, въ Мануиловскомъ монастырѣ, — и 16 октября 1851 г. былъ постриженъ подъ именемъ Александра. На другой день, снабженный грамотою Кирилла и особымъ предписаніемъ къ мануиловскому игумену Іоасафу, онъ отправился изъ Бѣлой Криницы на мѣсто своихъ новыхъ, иноческихъ подвиговъ[24]). Нѣтъ сомнѣнія, что монашество попъ Алексѣй принялъ въ разсчетахъ достигнуть высшихъ степеней въ Бѣлокринницкой іерархіи, и разсчеты эти, какъ будто, стали осуществляться: года черезъ полтора онъ опредѣленъ былъ „Мануиловскому Никольскому монастырю полнымъ настоятелемъ“, вмѣсто Іоасафа, который основалъ тогда новый монастырь въ Тиссѣ, и отправился туда игуменствовать[25]). Но здѣсь и

[23]) Такъ записано въ *Памят.* См. №№ 87 и 90.

[24]) См. *Памят.* № 101.

[25]) См. тамъ же, подъ 12 іюля 1853 г. (№ 131).

положенъ былъ конецъ его честолюбивымъ надеждамъ, — ему пришлось даже, какъ увидимъ, оставить и настоятельство...[26]).

4. Поѣздка Павла и Алимпія къ Амвросію.

Прошелъ ровно годъ со времени отъѣзда Амвросія изъ Вѣны въ назначенное ему мѣсто ссылки — городокъ Цилль. Для Бѣлокриницкаго монастыря насталъ срокъ уплаты ему условленнаго ежегоднаго жалованья въ 500 червонцевъ. Павелъ весьма озабоченъ былъ своевременной ихъ уплатой. Во-первыхъ, онъ зналъ, что замедленіе, тѣмъ паче прекращеніе этой уплаты причинило бы Амвросію великое огорченіе; а огорчать его Павлу очень не хотѣлось даже изъ одного участія къ его печальной судьбѣ, виновникомъ которой, по совѣсти, долженъ былъ признать именно себя, помня, какъ обольщалъ его своими лукавыми бесѣдами и какъ увлекъ наконецъ въ бѣгство отъ патріарха, которое неизбѣжно должно было имѣть печальный исходъ. Кромѣ того онъ и опасался, какъ бы неаккуратностью въ уплатѣ жалованья не навести Амвросія на гнѣвъ противъ митрополіи, что̀ было бы теперь особенно не ко времени. Теперь напротивъ была настоятельная нужда пріобрѣсти особенную благосклонность Амвросія. Мы видѣли, что возведеніе Кирилла въ санъ митрополита, т.-е. на каѳедру Амвросія, было сдѣлано не только безъ согласія со стороны послѣдняго, но и безъ всякихъ съ нимъ сношеній по этому дѣлу: Павелъ очень хорошо сознавалъ, что Амвросій имѣлъ полное право оскорбиться такимъ пренебрежительнымъ къ нему отношеніемъ въ церковномъ дѣлѣ, столь близко его касающемся, сознавалъ также, что возве-

---

[26]) Впослѣдствіи, жалуясь на свою судьбу, онъ писалъ Кириллу: „Азъ многогрѣшный падалъ и падаю и падать перестану предъ честныя стопы ногъ вашихъ, хотя и не заимствовался отъ васъ священною хиротоніею, кромѣ чернаго клобука, *который вы на меня возложили какъ на дурака*... Другимъ дается со всѣхъ сторонъ мзда и награда, а отъ меня и послѣдняя отъемлется отрада (*Бѣл. арх.* пис. 12 апр. 1812 г.).

деніе Кирилла въ митрополиты, устроенное безъ согласія Амвросія, было дѣломъ канонически незаконнымъ, и нужно было по крайней мѣрѣ теперь получить отъ него это согласіе, а слѣдовательно требовалось и особое его благоволеніе. Вотъ почему такъ нужно было Павлу задобрить Амвросія своевременною уплатою 500 червонцевъ. Поэтому же, несмотря на необходимость его присутствія въ митрополіи, Павелъ нашелъ нужнымъ съѣздить къ Амвросію самъ, чтобы лично, со всѣмъ подобающимъ искусствомъ, изложить ему дѣло Кирилла и добиться желаемаго успѣха.

Какъ скоро потребная для уплаты Амвросію сумма была получена, разумѣется, изъ Москвы, Павелъ дѣйствительно собрался ѣхать. Въ спутники себѣ онъ взялъ своего стараго товарища по труднымъ и опаснымъ странствіямъ для отысканія древлеправославныхъ епископовъ, участвовавшаго съ нимъ и въ совращеніи Амвросія, пресловутаго инока Алимпія. На сей разъ (какъ и прежде) Алимпій нуженъ былъ не для разглагольствій съ Амвросіемъ, не для снисканія его благосклонности по дѣлу о Кириллѣ (здѣсь Алимпій могъ скорѣе повредить своею дерзостью), а на случай могущихъ встрѣтиться опасностей въ путешествіи, и именно со стороны правительства, такъ какъ свиданіе липованскихъ иноковъ съ сосланнымъ митрополитомъ, которому строжайшимъ образомъ воспрещены всякія сношенія съ липованами, несомнѣнно грозило подобнаго рода опасностями, а многоопытный и неустрашимый инокъ Алимпій былъ именно находчивъ въ опасностяхъ такого рода и умѣлъ обращаться съ австрійскими чинами.

Изъ Бѣлой Криницы Павелъ и Алимпій выѣхали 27 іюля 1849 г. [27]), а въ Цилль пріѣхали 13-го августа [28]). Такая продолжительность поѣздки объясняется тѣмъ, что они останавливались въ Черновцахъ и потомъ довольно долго пробыли въ Вѣнѣ, гдѣ имъ нужно было повидаться съ адвокатомъ

[27]) *Памятникъ*, подъ № 78.

[28]) По указанію Павла онъ пріѣхалъ туда „на 14-е августа въ полночь“, — значитъ собственно 13-го на 14-е. (*Переписка*, вып. 1, 135).

Дворачкомъ по какому-то „громадскому дѣлу“ [29]). И проѣздъ отъ Вѣны до Цилли, по словамъ Павла, былъ тогда не скорый и трудный. „Отъ Вѣны до Цилли, — писалъ онъ, — разстояніе еще не меньше, какъ отъ нашей губерніи (Черновицъ) до Вѣны, но за такими ужасными каменными превысокими горами, такъ что въ самомъ центрѣ едва проѣздъ одной дороги проломанъ, гдѣ и машина пройти никакъ не можетъ, — прекращается миль на пять“ [30]). Въ Цилли Павелъ и Алимпій прожили нѣсколько дней. Отсюда Павелъ послалъ въ Бѣлую Криницу, Кириллу и Онуфрію съ братіей, два письма, въ которыхъ описалъ свою встрѣчу съ Амвросіемъ, свиданія и разговоры съ нимъ; но письма эти, какъ и писанныя изъ Палестины, Константинополя и другихъ мѣстъ во время странствій и хлопотъ по отысканію епископа, не отличаются правдой и откровенностью, — они назначалися для распространенія среди старообрядцевъ и писаны съ преднамѣренною цѣлію внушить этимъ послѣднимъ особенное уваженіе къ Амвросію, какъ невинному страдальцу за старо-

[29]) Объ этомъ самъ Павелъ писалъ въ Бѣлую Криницу: „По прибытіи пошелъ въ Вѣну, во-первыхъ, имѣли свиданіе съ г. адвокатомъ Дворачкомъ насчетъ громадскаго дѣла и что нужно было сдѣлать учинили, кажется будетъ не худо“ (Тамъ же). Дѣло шло, какъ можно полагать, о возвращеніи Бѣлокриницкой громадѣ какого-то участка земли и лѣса, отмежованнаго отъ нея правительствомъ, гдѣ имѣлась нѣкоторая часть, принадлежащая и монастырю. Въ *Бѣлокр. архивѣ* есть подлинное „обязательство“ этой громады, выданное монастырю 1 марта 1853 г., гдѣ именно говорится, что если по ходатайству монастыря правительство возвратитъ Бѣлокриницкой громадѣ землю и лѣсъ, то она „безъ малѣйшаго прекословія отдѣлитъ въ собственность монастырю *за ходатайство ихъ и издержки*“ извѣстную часть полученнаго участка земли; „а если еще, съ помощію Божіею *исходатайствуетъ* монастырь и участокъ съ большимъ лѣсомъ, то также обязуется безпрекословно и изъ числа того участка отдѣлить монастырю пятую часть съ лѣсомъ“. Обязательство это, какъ видно, взято было Павломъ послѣ того, какъ переговоры съ Дворачкомъ, начатые именно въ настоящую поѣздку, показали, что есть надежда на полученіе „громадою“ земли и лѣса.

[30]) *Тамъ же.*

обрядчество, якобы сохраняющему и въ заточеніи неизмѣнную преданность „древлеправославію“ [31]). По этому о тѣхъ щекотливыхъ предметахъ, о которыхъ неудобно было доводить до свѣдѣнія „единовѣрныхъ христіанъ“, Павелъ ничего не говорилъ въ своихъ письмахъ. Такъ ни слова не сказалъ онъ даже о самомъ главномъ, ради чего и ѣздилъ къ Амвросію, — о томъ, какъ вручилъ ему червонцы, которые Амвросій, по своему обычаю, не только пересчиталъ, но и тщательно пересмотрѣлъ, при чемъ сомнительные относительно полновѣсности отбрасывалъ и требовалъ замѣнить другими, „безсумнительными“; ни слова не сказалъ и о томъ, какъ велъ съ Амвросіемъ рѣчь о возведеніи Кирилла въ митрополиты и какъ просилъ о признаніи его въ этомъ санѣ, на что, какъ скажемъ далѣе, желаемаго соизволенія отъ него не добился. Въ письмахъ, повторяемъ, Павелъ подробно описалъ только свою встрѣчу съ Амвросіемъ, его образъ жизни въ ссылкѣ, и старался поставить на видъ его мнимую преданность старообрядчеству [32]).

На другой день по пріѣздѣ, утромъ въ 9 часовъ (это было воскресенье), Павелъ и Алимпій отыскали домъ, гдѣ жилъ Амвросій, и вошли. Амвросій несомнѣнно ожидалъ изъ Бѣлой Криницы присылки тѣмъ или инымъ способомъ слѣдующаго ему жалованья; но чтобы самъ Павелъ и Алимпій предпри-

[31]) Что письма назначались для сообщенія старообрядцамъ, въ ихъ назиданіе, объ этомъ проговорился и самъ Павелъ. Извѣщая Кирилла и Онуфрія, что Амвросій опасается, какъ бы чрезъ эти письма не сдѣлалось извѣстно правительству объ его сношеніяхъ съ липованами, строго воспрещенныхъ, онъ прибавлялъ: „Обаче мы съ своей стороны васъ увѣдомляемъ, что и скрывать таковое вѣдѣніе о немъ грѣшно; но *дайте прочитать нашимъ единовѣрнымъ таковымъ, которымъ безсумнительно и необходимо будетъ показать нужно*“. (*Перепис.* вып. 1, стр. 138). Это и дѣлалось; въ числѣ такихъ „единовѣрныхъ, которымъ безсумнительно и необходимо“ было показать письма, былъ напримѣръ Антоній (Шутовъ), который не только читалъ ихъ, но даже внесъ въ свой Сборникъ, откуда они и заимствованы нами для напечатанія.

[32]) Письма эти напечатаны въ 1-мъ выпускѣ „Переписки раск. дѣятелей“ (стр. 134—140); изъ нихъ мы и дѣлаемъ далѣе выписки.

няли для этого путешествіе въ Цилль, это было для него неожиданностью, и потому былъ не мало изумленъ ихъ невнезапнымъ приходомъ. Вотъ что̀ писалъ объ этомъ Павелъ: „Онъ какъ отворилъ дверь (самъ одѣвши въ обычной его келейной одеждѣ, — на головѣ спальная камилавочка, а на ногахъ чулочки и пантофли) и, увидѣвъ насъ стоящихъ двухъ, вовсе неожиданно и нечаянно (ибо мы не предварили его извѣстіемъ своимъ), ужаснулся и, сплеснувъ руками и прижавъ сжатыя свои руки къ себѣ къ груди, воскликнулъ: о, Боже мой, Боже! Потомъ мы вступили въ его горницу; а онъ отъ радости не зналъ что̀ дѣлать, — засуетился, гото вилъ намъ мѣсто. Мы помолились Богу предъ иконами и поклонились въ землю къ его ногамъ, и онъ благословилъ насъ крестнымъ знаменіемъ по долгу христіанскому, а мы цѣловали его руку“. Сына Амвросіева, Георгія, не было дома; но онъ скоро возвратился и не менѣе отца обрадовался гостямъ. Сѣли за столъ: „митрополитъ посадилъ насъ по обѣ стороны себя и отъ неизъяснимой радости не зналъ, о чемъ напередъ вопрошать, — и тутъ разспрашивалъ насъ и намъ разсказывалъ много, много, обо всемъ и обо всемъ“.

Если Амвросій, проживъ съ небольшимъ годъ въ Бѣлой-Криницѣ и пріучился нѣсколько понимать и объясняться по-русски, то годичное пребываніе въ нѣмецкомъ городѣ, безъ всякой практики въ разговорѣ съ русскими, конечно, ослабило въ значительной степени и это небольшое знакомство съ русскимъ языкомъ: значитъ, объясняться приходилось больше чрезъ посредство сына, который, сколько можно судить по его письмамъ, болѣе отца усвоилъ себѣ русскую рѣчь, и, хотя съ трудомъ, могъ говорить по-русски. Живой бесѣды у Павла съ Амвросіемъ по этому самому быть не могло, — разспросы и разсказы, о которыхъ сообщалъ онъ въ письмѣ, велись вовсе не такъ быстро и оживленно, какъ онъ описывалъ. Изъ этихъ разсказовъ Павелъ сообщалъ въ Бѣлую-Криницу о жизни Амвросія въ ссылкѣ слѣдующія извѣстія. „Отъ высочайшаго правительства было строго предписано цилльскому начальству, вѣроятно съ навожденія русскаго, содержать

Амвросія отъ всѣхъ сокровенно, обаче не подъ стражей... Изъ сего замѣчательно, — прибавлялъ Павелъ съ своей стороны, — что русскому хотѣлось сдѣлать такъ, — какъ и отца Геронтія отъ всѣхъ скрыть митрополита безвѣстно; но австрійское правительство пощадило его безвинность“ (!). „Итакъ теперь онъ, г-нъ митрополитъ, сидитъ всегда одинъ себѣ въ своей камерѣ, не имѣя никакихъ знакомыхъ и пріятелей... Разноситъ же свою скуку — ходитъ съ своимъ сыномъ внѣ города на нивахъ, подъ высокими холмами, окружающими сей городъ“... „Даже не всѣмъ извѣстенъ, отколь пришелъ и зачѣмъ сидитъ въ Цилли, развѣ приближеннымъ и начальникамъ однимъ; даже камилавку и мантійцу носитъ только въ своемъ домѣ, а когда идетъ на прогулку, то въ простой его одеждѣ, и на головѣ носитъ шляпу, что непримѣтно, какой онъ есть, духовный, или простой, чтобы не всякому торчалъ въ глазахъ“. А сынъ Амвросія напротивъ „хвалился, что его въ городѣ *вездѣ* почитаютъ и *всегда во всѣхъ случаяхъ* уважаютъ, *какъ митрополитскаго сына*“, что уже несовсѣмъ согласно съ предыдущими извѣстіями о пребываніи Амвросія въ полной безвѣстности. Гораздо откровеннѣе была невѣстка Амвросія, — она говорила Павлу, что „сосѣди поносятъ ихъ нѣкоими безбожными еретиками, или мнятъ лютераны, или кальвины за то, что никто изъ семейства не ходитъ въ ихъ церковь“, т.-е. въ католическую церковь, ибо въ Цилли, по словамъ Павла, „народъ весь католицкаго западнаго закона, а восточнаго закона не имѣется не только ни одной церкви, но ниже одного человѣка“. Положеніе непріятное; но Павелъ указалъ на него съ тою цѣлію, чтобы вѣдали старообрядцы, какъ твердо Амвросій и его семейство держались раскола и охраняли себя отъ всякихъ сношеній съ еретиками. Напрасно однакоже не навелъ онъ справокъ и не сообщилъ въ письмѣ о томъ, не открылъ ли Амвросій сношеній съ греками, во множествѣ населяющими Тріестъ, всего на шесть часовъ пути отстоящій отъ Цилли, сношенія съ которымъ были поэтому весьма удобны. Если самъ Амвросій, обязанный безвыѣздно жить въ Цилли, не могъ посѣщать

Тріестъ, то сынъ несомнѣнно бывалъ тамъ и завязавъ знакомства съ греками, которые, и больше, разумѣется, духовныя лица, въ свою очередь начали посѣщать ссыльнаго митрополита. Разсказывать объ этомъ своимъ липованскимъ гостямъ Амвросій и Георгій, разумѣется, находили неудобнымъ; но это было такъ.

А изъ того, о чемъ самъ Амвросій разспрашивалъ гостей и что разсказывали ему эти послѣдніе, Павелъ сообщалъ только, что Амвросій вспоминалъ нѣкоего Аѳанасія, съ которымъ имѣлъ обычай гулять въ Бѣлокриницкомъ саду, и что ему сообщено было о послѣдовавшей незадолго передъ тѣмъ кончинѣ его воспринимателя въ древлеправославіе — Іеронима, „который не чаялъ вовсе въ такихъ еще цвѣтущихъ своихъ лѣтахъ окончить теченіе своей жизни“ [33]). Но главнымъ предметомъ сообщеній со стороны Павла служили, конечно, церковно-іерархическія дѣла митрополіи и прежде всего совершившееся занятіе Кирилломъ Бѣлокриницкой каѳедры съ возведеніемъ въ санъ митрополита, о каковыхъ сообщеніяхъ и о томъ, какъ они приняты Амвросіемъ, Павелъ въ письмахъ своихъ и не нашелъ удобнымъ упомянуть. Нѣтъ сомнѣнія, что Павелъ съ свойственнымъ ему искусствомъ изложилъ Амвросію причины и обстоятельства, побудившія совершить соборное избраніе и поставленіе Кирилла въ митрополиты безъ предварительныхъ съ нимъ сношеній, просилъ въ томъ прощенія и умолялъ — своимъ согласіемъ и благословеніемъ утвердить соборнѣ совершенное дѣло, обѣщая отъ митрополіи и на будущее время столь же неукоснительно доставлять, въ знакъ

[33]) Достойно замѣчанія, что день кончины столь важнаго по своему значенію для австрійской іерархіи лица, какъ Іеронимъ, инокъ Павелъ не занесъ даже въ свой „Памятникъ“, тогда какъ записалъ, наприм., день смерти Климоуцкаго попа Захаріи (№ 19). Болѣе внимательнымъ къ Іерониму оказался о. Онуфрій (вообще, болѣе Павла добрый, сердечный и искренній). Въ оставленной имъ и переданной намъ запискѣ значится: „Іеромонахъ Іеронимъ, принимателъ Амбросія, скончался 1849 года маія 21 дня, въ суботу родительскую, въ 9 часовъ утра“. Значитъ, всего за два мѣсяца до отъѣзда Павла и Алимпія въ Цилль

всегдашней къ нему благодарности, посильную лепту, какъ и теперь доставлены только-что полученные имъ червоны. Но Амвросій, какъ истый грекъ, сообразилъ, что онъ можетъ извлечь большія выгоды для себя, если поудержится отъ признанія за Кирилломъ митрополичьяго сана, которое, очевидно, считаютъ въ Бѣлой-Криницѣ нужнымъ, — что этимъ онъ будетъ держать митрополію въ зависимости отъ себя и крѣпче обезпечитъ правильное полученіе и жалованья и другихъ подарковъ изъ митрополіи. Амвросій отвѣчалъ, что, не имѣя надежды возвратиться въ Бѣлую-Криницу, онъ, конечно, не можетъ быть дѣйствительнымъ, управляющимъ митрополіею митрополитомъ, и предоставляетъ эту власть Кириллу, какъ „воспріемнику его престола“, даже будто бы объявилъ (какъ сообщалъ самъ Павелъ), что еслибы и могъ возвратиться въ Бѣлую-Криницу, то не вступилъ бы уже въ управленіе митрополіею, и въ знакъ того, что предоставляетъ сію власть своимъ преемникамъ, объявилъ, что всѣмъ имъ, „начиная отъ господина Кирилла“, пошлетъ въ благословеніе свою архіерейскую мантію, которую и вручилъ дѣйствительно Павлу и Алимпію для доставленія въ митрополію; но признать Кирилла въ санѣ митрополита, утвердить своимъ согласіемъ совершившееся уже возведеніе его на митрополичій престолъ, значитъ, признать законнымъ это дѣло, на сей разъ рѣшительно отказался; онъ предоставилъ Кириллу, вѣроятно, по просьбѣ же Павла, только титло архіепископа, но не „митрополита всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ“, — это послѣднее титло оставилъ за собой, какъ ему одному принадлежащее. Что было именно такъ, это можно видѣть уже довольно ясно и изъ Павлова письма въ Бѣлую-Криницу, писаннаго послѣ двухдневныхъ бесѣдъ и переговоровъ съ Амвросіемъ, 16-го августа. Если бы разговоръ по дѣлу Кирилла увѣнчался успѣхомъ, Павелъ, разумѣется, въ восторженныхъ словахъ описалъ бы своимъ „возлюбленнымъ отцамъ и братіямъ“, какъ Амбросій возрадовался, услышавъ о состоявшемся соборномъ произведеніи Кирилла въ митрополиты, какъ охотно далъ свое согласіе на это богоугодное дѣло и утвердилъ его своимъ благословеніемъ; а вмѣсто этого

Павелъ ограничился именно слѣдующимъ увѣдомленіемъ: „г-нъ митрополитъ Амвросій вручилъ намъ свою архіерейскую мантію въ знакъ его благословенія, съ тѣмъ дабы оную носили воспріемники его престола весьма бережно на долгое время, а ему если когда Господь Богъ благоволитъ отселѣ освободиться и къ намъ въ Бѣло-Кринипу возвратиться, то уже желаетъ быть въ покоѣ, утѣшаясь (!) уже сдѣланнымъ отъ него благоустройствомъ (?) во всей іерархіи нашей". Достойно вниманія, что и самъ Павелъ, говоря о дарѣ Амвросія, „воспріемникамъ его престола", не назвалъ ихъ митрополитами. А прямымъ, документальнымъ доказательствомъ того, что Амвросій отказался признать Кирилла митрополитомъ, служитъ тогда же подписанное имъ собственное письмо въ Бѣлую-Криницу, въ которомъ онъ называетъ Кирилла только „воспріемникомъ его престола г-мъ Бѣлокриницкимъ архіепископомъ", а не митрополитомъ [34]).

Упомянутое сейчасъ письмо Амвросій написалъ по убѣжденію Павла, — собственно говоря, онъ только подписалъ письмо, а сочинилъ его самъ Павелъ. Письму этому Павелъ придалъ форму и значеніе архипастырской благословенной грамоты заточеннаго митрополита всему старообрядчеству, пріемлющему основанную имъ іерархію, среди котораго и предполагалось распространить сію грамоту. Начиналось оно весьма торжественно:

„Азъ, Божіею милостію, смиренный митрополитъ Амвросій, удаленный ненавистію враждебниковъ нашихъ отъ вашего сожительства, но духомъ не разлученный отъ васъ, о Христѣ чадъ моихъ, симъ моимъ писаніемъ посылаю вамъ мое архипастырское прощеніе, миръ и благословеніе: во-первыхъ, возлюбленному моему по Духу Святому брату и воспріемнику моего престола г-ну *Бѣлокриницкому архіепископу* Кириллѣ, и боголюбивому епископу Онуфрію и прочимъ церковнослужителямъ: священноиноку Аркадію, священноіереомъ: Захарію, Тимоѳею и Сисою, архидіакону Арсенію и іеродіаконамъ

---

[34]) *Переписка*, вып. 1, стр. 179. О. Онуфрій также говоритъ, что Амвросій „обидѣлся и не захотѣлъ признать Кирилла митрополитомъ". (*Брат. Сл.* 1883 г., стр. 413).

Саввѣ и Георгію и всѣмъ вкупѣ монастырскаго общебратства богоподвижнымъ инокамъ и бѣльцамъ и во обществахъ сущимъ всѣмъ нашимъ православнымъ христіанамъ во вѣки нерушимо. А притомъ приношу, *кому достоитъ*, мое чувствительное благодареніе за прибытіе сѣмо, ко мнѣ страждущему и утѣсненному, любезныхъ и пріятныхъ для меня посѣтителей, честныхъ отцовъ, инока Алимпія и инока Павла [36]), и за человѣколюбное мнѣ утѣшеніе".

Здѣсь, подъ этимъ „человѣколюбнымъ утѣшеніемъ" разумѣлось и привезенное „любезными и пріятными посѣтителями" въ полномъ количествѣ жалованье, за что̀ и воздавалась благодарность „кому слѣдуетъ", т.-е. тѣмъ, кто далъ потребную для сего „утѣшенія" сумму. Это было такимъ образомъ своего рода извѣщеніе о полученіи денегъ, и съ этого времени такія прикровенныя извѣщенія Амвросій присылалъ въ Бѣлую-Криницу каждый годъ по полученіи условленныхъ 500 червонцевъ.

Далѣе въ письмѣ преподавалось благословеніе Аркадію Славскому:

„При семъ еще прошу донести отъ меня боголюбивому епископу Аркадію такое же мое архипастырское прощеніе, миръ и благословеніе со всѣмъ его освященнымъ клиромъ и всему православному нашему христіанству, за Дунаемъ живущему, такожде и въ Браиловѣ и Молдавѣ сущимъ".

Но засимъ, казалось бы, должно было слѣдовать преподаніе такого же благословенія другому, какъ Аркадій, за предѣлы Австріи поставленному, епископу — Софронію Симбирскому, съ его россійскою паствою, которая достойна была даже особаго вниманія; и однако въ письмѣ нѣтъ ни слова ни о Софроніи, ни о находящемся подъ его паствою „христіанствѣ". Нельзя допустить, чтобы такое предпочтеніе Аркадію и невниманіе къ Софронію сдѣлано было потому, что Аркадій былъ ставлен-

[35]) Кромѣ всего склада письма, и это помѣщеніе Алимпія на первомъ мѣстѣ указываетъ, что письмо писалъ именно Павелъ: въ письмахъ и другихъ бумагахъ, гдѣ приходилось упоминать обоихъ „депутатовъ Бѣлокриницкаго монастыря", онъ всегда уступалъ первенство Алимпію, какъ старшему по иночеству.

никъ Амвросія, а Софроній получилъ поставленіе уже по удаленіи Амвросія изъ Бѣлой-Криницы и былъ ему лично не извѣстенъ, — нельзя потому, что въ томъ же письмѣ преподавалось благословеніе даже попу Сысою и разнымъ іеродіаконамъ, поставленнымъ уже послѣ Амвросія и конечно ему не извѣстнымъ. Надобно поэтому полагать, что Павелъ, по какимъ-либо особымъ причинамъ, не нашелъ удобнымъ сообщить Амвросію даже и о самомъ поставленіи епископа на Россію, — стѣснялся, быть можетъ, допущенными и при этомъ поставленіи незаконностями, которыя могъ бы указать ему Амвросій, или же опасался, что Амвросій увидитъ здѣсь начавшіяся особенно тѣсныя связи митрополіи съ русскими старообрядцами и предъявитъ притязательность на участіе въ предполагаемыхъ богатыхъ приношеніяхъ изъ Россіи, какія получила и будетъ еще получать митрополія. Иначе трудно понять, отчего Павелъ, написавши отъ имени Амвросія миръ и благословеніе поимянно даже неизвѣстнымъ ему липованскимъ попамъ и дьяконамъ, а потомъ особо задунайскому епископу съ его паствой, не написалъ такого благословенія единственному россійскому епископу съ его паствою. Ему безъ сомнѣнія напомнилъ бы объ этомъ и самъ Амвросій, если бы зналъ, то есть если бы Павелъ сообщилъ ему, о существованіи такого епископа. Ясно, что Павелъ вообще держалъ себя очень осторожно и не искренно съ своимъ „страждущимъ въ заточеніи“ первосвятителемъ, оберегая матеріальные интересы митрополіи.

Письмо заключено было слѣдующимъ завѣтомъ Амвросія и слѣдующимъ упоминаніемъ объ его дарѣ „воспріемникамъ его престола“:

„Еще заповѣдаю навсегда едину заповѣдь: дабы во священныхъ церквахъ нашихъ, егда будетъ соборная архіерейская служба, тогда дабы священно-служители въ алтарѣ, при престолѣ Божіемъ, пѣли *Святый Боже* по гречески, въ знакъ памяти сперва отъ меня начавшейся у васъ литургіи архіерейской [36]). Посылаю при семъ мою святительскую мантію,

[36]) Это значитъ, что и поставленіе въ священные саны, послѣ

да будетъ она, якоже и жезлъ мой, воспріемникамъ престола моего, начиная отъ господина Кирилла и прочимъ послѣдующимъ, въ знакъ чувственнаго моего благословенія и въ вѣчную незабвенно память“ [37]).

„Въ вѣчную память“ чего, или о чемъ? — этого Павелъ не договорилъ; но, очевидно, мантія Амвросія, какъ и его жезлъ, должны служить всегдашнимъ напоминаніемъ, или обличеніемъ для старообрядцевъ, что ихъ священство ведетъ свое начало не отъ Апостоловъ и временъ апостольскихъ, а отъ Амвросія, только со времени его бѣгства къ раскольникамъ и разрыва съ священноначаліемъ православной церкви, въ непрерывной преемственности продолжающимся отъ временъ апостольскихъ. Достойно вниманія, что въ письмо Амвросія Павелъ не включилъ того, что̀ будто бы Амвросій говорилъ ему лично, когда вручалъ мантію для доставленія въ Бѣлую-Криницу, — именно того, что самъ онъ во всякомъ случаѣ, даже если-бъ и возвратился въ митрополію, желаетъ оставаться „въ покоѣ“, предоставивъ свои права „воспріемникамъ его престола“, довольствуясь и будто бы „утѣшаясь уже сдѣланнымъ отъ него благоустройствомъ (липованской) іерархіи“. Заявленіе это представляло великую важность для дальнѣйшаго положенія митрополіи, и внести его въ архипастырское посланіе Амвросія являлась настоятельная надобность. А такъ какъ оно не внесено, то остается предположить одно изъ двухъ: или Амвросій не позволилъ Павлу написать отъ его имени то, о чемъ говорилъ не серіозно, чего въ дѣйствительности и не думалъ исполнять, или же, что̀ гораздо вѣроятнѣе, и не говорилъ совсѣмъ того, о чемъ Павелъ написалъ въ своемъ собственномъ письмѣ, назначенномъ для распространенія между старообрядцами, которымъ полезно было внушить, что Амвросій самъ отказался навсегда отъ

двухсотлѣтняго перерыва, началось у нихъ, старообрядцевъ, отъ него же, Амвросія. Такъ Павелъ самъ заставилъ Амвросія подписать обличеніе старообрядцамъ за неимѣніе ими священства, или, что̀ то же, таинства священства въ теченіе двухъ столѣтій.

37) *Переписка*, вып. 1, стр. 179—180.

участія въ дѣлахъ митрополіи, предоставивъ ихъ въ полное вѣдѣніе своимъ „воспріемникамъ“. Приведенныя Павломъ будто бы амвросіевы слова даже имѣютъ весьма примѣтную связь съ тѣмъ, что̀, какъ мы видѣли, раньше писалъ онъ Аркадію Славскому: „бывшій митрополитъ Амвросій остается въ судьбахъ Божіихъ *образомъ заштатнаго*“. Теперь Амвросій, по письму Павла, какъ будто самъ подтверждаетъ этотъ бѣлокриницкій о немъ приговоръ, изъявляя желаніе навсегда остаться „въ покоѣ“, „образомъ заштатнаго“...

Составленное Павломъ посланіе Амвросій подписалъ 16 августа, и въ тотъ же день, съ своимъ собственнымъ письмомъ, Павелъ отправилъ его по почтѣ въ Бѣлую-Криницу, а самъ остался еще на нѣкоторое время въ Цилли, „погостить“ у Амвросія. Однако Амвросій, оставшись наединѣ съ сыномъ, разсудилъ, что онъ поступилъ неосторожно, отправивъ собственноручно подписанное письмо въ Бѣлую-Криницу, такъ какъ оно можетъ послужить для него уликой въ продолженіи строго воспрещенныхъ правительствомъ сношеній съ липованами и ухудшить его положеніе въ ссылкѣ. Поэтому на другой же день онъ заставилъ Павла снова написать въ митрополію, чтобы хранили въ полномъ секретѣ его письмо, что̀ Павелъ и исполнилъ немедленно. „Нынѣ, — писалъ онъ, — митрополитъ Амвросій скоро повелѣлъ нарочито написать къ вамъ сіе письмо, дабы вы, прочитавши вчерашнія посланныя къ вамъ письма, елико возможно сохранили ихъ, дабы не открыть *внѣшнимъ и врагамъ безпоповцамъ*, а наипаче о томъ, что митрополитъ Амвросій присылаетъ къ вамъ письма за собственнымъ его подписомъ; ибо онъ очень опасается, не пострадать бы горше, какъ и отецъ Геронтій, вовсе безвѣстно“. Однако съ своей стороны Павелъ прибавлялъ, что отъ своихъ „единовѣрныхъ“ скрывать эти письма не слѣдуетъ, даже „грѣшно“, напротивъ „необходимо нужно показывать“ имъ. Въ этомъ второмъ письмѣ своемъ [38]), которое также „необходимо нужно“ было̀ показать „единовѣрнымъ“, Павелъ, въ

[38]) См. тамъ же, стр. 138—139.

назиданіе имъ, описалъ умилительную сцену, бывшую наканунѣ, послѣ отправленія писемъ Извѣстно, что Амвросій еще въ Вѣнѣ, предъ отъѣздомъ въ ссылку, отвергъ съ негодованіемъ бѣлокриницкое предложеніе — послать съ нимъ въ Цилли, для отправленія службъ по липованскому обряду, священноинока Іеронима съ походною церковью, и даже прогналъ прибывшаго съ этою цѣлію Іеронима [39]). Въ Бѣлой-Криницѣ были весьма огорчены этимъ событіемъ и всѣ, особенно Павелъ, смущались тѣмъ, что Амвросій живетъ, не слушая липованскихъ церковныхъ службъ и даже не причащаясь Своей поѣздкой къ Амвросію Павелъ желалъ воспользоваться и для устраненія этого недостатка Имѣлъ ли онъ обычай во время путешествій, на смертный случай, возитъ съ собою запасные дары, или только теперь, ради Амвросія, рѣшился взять ихъ (хотя, не будучи священникомъ, не имѣлъ на то права), но оказалось, что во время поѣздки въ Цилль имѣлся у него „богородичный маленькій образъ“, съ „потаинникомъ“, въ который помѣщенъ былъ „запасной агнецъ“. И вотъ, когда Амвросій, вспоминая неожиданную смерть Іеронима, началъ будто бы „жаловаться на судьбу своего несчастія“, что и самъ, или кто-нибудь изъ его семьи могутъ умереть безъ причастія, Павелъ воспользовался этимъ, чтобы

[39]) См объ этомъ въ кн. игумена Филарета: „Былъ ли и остался ли преданъ старообрядчеству м. Амвросій“ (по изд. 1881 г. стр. 34). О. Онуфрій въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ также, что когда, предъ отправленіемъ Амвросія въ Цилли, пріѣхалъ къ нему въ Вѣну, Іеронимъ съ Алимпіемъ, чтобы сопутствовать ему въ ссылку, и привезъ походную церковь, книгъ и прочія богослужебныя принадлежности, то Амвросій, „какъ узналъ, что они пріѣхали безъ денегъ, а только при нихъ церковь и книги, прогналъ ихъ и разругалъ, проклялъ въ таръ-тары, какъ изувѣрныхъ раскольниковъ. Да и вправду вѣдь стоятъ! — лѣзутъ съ книгами и церковью безъ денегъ! Они вернулись опрометью въ монастырь, только книги измяли дорогой. Іеронимъ началъ кричать по селу, что Амвросій проклялъ всѣхъ, и мы, говоритъ, едва тягу дали, — чтобы такого еретика вѣкъ не видать! По селу пошла молва въ народѣ, что Іеронимъ передавалъ, и соблазнились до конца на Амвросія“ (Принадлежащая намъ подлинная рукопись).

предложить Амвросію имѣвшійся у него запасъ. И вотъ что произошло тогда, по описанію Павла:

„Тутъ мнѣ пришло на память (!), что въ потаинникѣ имѣющагося у меня богородичнаго маленькаго образа хранится запасный агнецъ на нужный случай для святаго причащенія, и говорю ему: владыко святый! вамъ бы можно имѣть у себя въ запасѣ такъ, какъ и мы имѣемъ. Онъ абіе съ восторгомъ вопросилъ: неужели вы имѣете? Я сказалъ: ей! — Такъ покажи сейчасъ! Не сталъ болѣе о прочемъ продолжать, только требовалъ скорѣе. Я сказалъ, что въ потаинникѣ въ иконѣ съ прочими вещами на станціи [40]), гдѣ сначала мы остановились. Онъ борзо, по его обычаю, сказалъ: гайда, гайда! И я скоро сходилъ и принесъ, и лишь только развернулъ иконочку и открылъ потаинникъ, онъ съ нетерпѣливою желанностью ухватилъ къ себѣ совсѣмъ и убралъ къ своимъ иконамъ. Мы просили намъ на всякій случай хоть двѣ частички; а онъ повторялъ: вы нынѣ богаты, хвалите Бога! а намъ здѣсь взять негдѣ! Однако, наконецъ, опять взялъ и, развернувъ, отдѣлилъ намъ двѣ маленькія частицы [41]), и паки убралъ. *И мы его усердію и такой набожности много радуемся*“.

Такъ ли было въ дѣйствительности, провѣрить нечѣмъ; а то не подлежитъ сомнѣнію, что Павелъ подробно описалъ все это въ успокоеніе и утѣшеніе старообрядцамъ, чтобы и они „порадовались набожности Амвросія“.

Между тѣмъ оказалось, что „гостить“ у Амвросія Павлу и Алимпію было не безопасно. Не знаемъ, продолжалъ ли Павелъ, послѣ извѣстнаго случая въ Кутайсѣ [42]), совершать свои путешествія въ иноческомъ образѣ, въ кафтырѣ и манатейкѣ, или скрывалъ на это время свой иноческій чинъ;

---

[40]) Вотъ какъ даже Павелъ, одинъ изъ лучшихъ людей въ старообрядчествѣ, обращался со святыней, — оставлялъ ее „съ *прочими вещами*“, тоже какъ *вещь*, въ гостинцѣ, подвергая здѣсь всякимъ случайностямъ...

[41]) Ясно, что запасъ былъ значительный, какого лично для Павла и Алимпія не требовалось, и значитъ онъ взятъ былъ именно для Амвросія.

[42]) См. Ист., вып. 1, стр. 73.

но во всякомъ случаѣ появленіе липованскихъ путешественниковъ въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ, довольно продолжительное здѣсь пребываніе, особенно же постоянныя свиданія съ ссыльнымъ митрополитомъ, внушили подозрѣніе мѣстному начальству, — Павлу и Алимпію угрожалъ арестъ, который могъ имѣть непріятныя послѣдствія и для Амвросія. Провѣдавъ объ этомъ, они немедленно уѣхали изъ Цилли обратно въ Вѣну, откуда и извѣстили бѣлокриницкихъ отцовъ о скоромъ возвращеніи своемъ въ митрополію [43]). Сюда они возвратились 27 сентября [44]), пробывъ ровно два мѣсяца въ отлучкѣ изъ Бѣлой-Криницы.

Своей поѣздкой къ Амвросію Павелъ былъ и доволенъ и не доволенъ. Утѣшало его то, что освободился отъ тяжкой заботы объ уплатѣ Амвросію 500 червонцевъ и на цѣлый годъ въ этомъ отношеніи могъ быть спокоенъ. Доволенъ былъ и тѣмъ, что своими письмами изъ Цилли могъ внушить старообрядцамъ довѣріе къ продолжающейся якобы неизмѣнной преданности ссыльнаго митрополита „древлеправославію“ и „порадовать“ ихъ его набожностію. Но онъ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что не достигъ главнаго, за чѣмъ ѣздилъ, — признанія за Кирилломъ митрополичьяго сана, и что объ этомъ придется еще хлопотать ..

---

[43]) Извѣстіе это было послано изъ Вѣны 6-го сентября Павелъ писалъ: „Мы уже теперь въ Вѣнѣ; въ Цилли бо у митрополита Амбросія болѣе проживать не можемъ по причинѣ подозрѣнія тамошняго начальства, и *едва не попали* на протоколъ начальникамъ Цыльскимъ, мы и господинъ митрополитъ. Но мы успѣли обратно *на пароходъ* въ Вѣну уѣхать“. (*Переписка*, вып. 1, стр. 140). Надобно полагать, что они нашли безопаснѣе уѣхать изъ Цилли въ Тріестъ, гдѣ и сѣли на пароходъ. Такимъ образомъ находчивость Алимпія пригодилась и на сей разъ.

[44]) Такъ записано въ *Памятникѣ* (№ 78). Въ Вѣнѣ опять они прожили нѣкоторое время, чтобы хлопотать все по тому же „громадному дѣлу“ (см. пис. отъ 6 сент.); останавливались конечно и въ Черновцахъ: оттого и замедлился пріѣздъ ихъ въ Бѣлую Криницу до 27 сентября.

5. Заботы объ устроеніи церквей, о поставленіи поповъ и возвышеніи народной нравственности; награда ясскому попу Никифору; окружная грамота и особая бѣлокриницкому обществу.

Много всякой лжи, обмана и лукавства употребилъ инокъ Павелъ при учрежденіи Бѣлокриницкой іерархіи и потомъ для ея поддержанія и распространенія, кощунственно называя этотъ обманъ „устроеніемъ Божія промысла“; но нельзя не указать въ его дѣятельности и черту, достойную похвалы, — именно то, что какъ въ самомъ учрежденіи іерархіи, такъ и въ дальнѣйшихъ заботахъ объ ней онъ постоянно имѣлъ цѣлію — по возможности очистить и возвысить религіозную и нравственную жизнь старообрядчества. Къ достиженію этой цѣли онъ стремился постоянно со всей, свойственной ему, ревностью, твердо и настойчиво. Съ теченіемъ времени все яснѣе и яснѣе становилось, что эти заботы и старанія его совсѣмъ напрасны, что цѣль остается недостижимою. Лучше всѣхъ видѣлъ и понималъ это самъ Павелъ, сокрушаясь и глубоко страдая отъ того; только, къ сожалѣнію, онъ не видѣлъ и не понималъ причины такой безплодности своихъ заботъ, — не понималъ, что доброй цѣли хочетъ достигнуть худыми, невѣрными средствами, что строитъ зданіе на пескѣ, ложь выдаетъ за истину...

Въ видахъ именно возвышенія религіозной и нравственной жизни старообрядчества, грубые недостатки которой до крайности огорчали Павла, онъ много заботился о построеніи церквей среди старообрядческихъ обществъ и о поставленіи къ нимъ священниковъ, о внушеніи и священникамъ и ихъ пасомымъ строгаго исполненія христіанскихъ обязанностей. Въ самый день возвращенія въ Бѣлую-Криницу изъ поѣздки къ Амвросію состоялось, къ немалому его утѣшенію, освященіе новоустроенной церкви въ Климоуцахъ, гдѣ ему особенно желательно было учредить благолѣпную священническую службу въ назиданіе безпоповцамъ, ради которыхъ, надобно полагать, и самое освященіе совершено было съ особою торжественностію, обоими

архіереями, и Кирилломъ и Онуфріемъ[45]). Тогда же и въ самой митрополіи старая монастырская трапеза приспособлялась къ устройству при ней церкви, которая и была освящена, съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ, во имя особо чтимаго Павломъ святителя Николы, но почему-то на „подвижномъ престолѣ“[46]). Что̀ касается поповъ, которые поставлялись къ открываемымъ церквамъ и приходамъ изъ той же невѣжественной и грубой раскольнической среды, то Павелъ, конечно, не могъ быть особенно доволенъ ими; зато тѣхъ, которые начитанностью и добрымъ поведеніемъ умѣли пріобрѣсти въ своихъ обществахъ уваженіе и вліяніе, старался поощрять наградами, скуфьями и крестами, слѣдуя въ этомъ случаѣ примѣру „великороссійской“ церкви, что̀ нѣкоторые ревнители раскола даже ставили ему въ вину. Таковъ былъ напр. ясскій Никифоръ Панкратьевъ, который еще Амвросіемъ поставленъ въ священники для старинной, въ своемъ родѣ знаменитой, раскольнической церкви въ Яссахъ: Павелъ особенно чтилъ его и посовѣтовалъ Кириллу наградить его наперснымъ серебропозлащеннымъ крестомъ, съ „жалованною грамотою“, на сочиненіе которой употребилъ особенную тщательность. Грамота и крестъ отправлены были въ Яссы съ нарочитымъ посломъ 22 ноября 1849 года. Въ грамотѣ были указаны сначала подвиги Никифора, учиненные еще до учрежденія іерархіи, въ званіи уставщика ясской церкви, а затѣмъ говорилось:[47])

„Наипаче по принятіи тобою благодати священническаго сана, отъ того часа и донынѣ открыта намъ есть твоя все-

---

[45]) Въ *Памятникѣ* подъ 27 сент. 1849 г. записано: „Сего числа въ селѣ Климоуцахъ освящена церковь на новомъ антиминсѣ во имя Боголѣпнаго Преображенія Господня. Освящалъ оную церковь г. митрополитъ Кириллъ съ епископомъ Онуфріемъ и со всѣми прочими священными лицами“ (№ 79).

[46]) См. *тамъ же,* подъ 12 ноября (№ 89).

[47]) Черновой экземпляръ грамоты, собственноручно писанный Павломъ, въ *Бѣлокр. арх.* Въ *Памятникѣ* подъ 22 ноября записано: „Сего числа ясскому священнику Никифору Панкратьеву посылается въ награду за его оказанное достоинство крестъ серебряный съ позолотою и грамота“ (№ 84).

искреняя къ нашей митрополіи во всемъ вѣрность, къ духовной власти любовь и смиренная покорность, къ порученной тебѣ словесной паствѣ смиренномудрая твоя дѣятельность, такъ что въ самыхъ напастехъ и смертныхъ бѣдахъ, грѣхъ ради человѣческихъ отъ Бога попущенныхъ, каково было въ прошломъ 1848 году, во время ужасной тлетворной моровой язвы — холеры, оказанные тобою въ исправленіи христіанскихъ потребъ мужественные подвиги, и безпримѣрное твое великодушіе и къ погибающимъ состраданіе и всевозможное содѣйствіе, даже не щадя живота своего, а даже и доднесь, уже при старости лѣтъ твоихъ, производишь службу Божію и всѣ христіанскія духовныя требы со всякою тщательностію, безъ малѣйшаго опущенія; при всемъ же томъ, еще нынѣ святую Божію церковь, иже есть въ вашемъ градѣ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, украсилъ еси, яко невѣсту, красотою, въ особенности же весь иконостасъ позлатилъ еси златомъ собственнымъ своимъ иждивеніемъ. А потому, за толикія твоя неутомимыя службы и святые труды и богоугодное тщаніе, въ знакъ искренняго къ тебѣ нашего благоволенія и чувствительной благодарности отъ всей нашей митрополіи, нынѣ пожалованъ еси, благоговѣйный священноіерей Никифоръ, крестомъ изъ чистаго сребра подъ золотомъ, носить въ церкви и народной публикѣ".

„Итакъ, благословляя тя, честнѣйшій отецъ, благословеніемъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и настоящую сію грамоту за собственнымъ нашимъ подписомъ и печатью, чрезъ посланнаго монастырскаго депутата и совѣта нашего члена, тебѣ вручаемъ: *аксіосъ, аксіосъ, аксіосъ!* то-есть: достоинъ!"

„Монастырскій депутатъ и членъ совѣта", привезшій крестъ и грамоту въ Яссы, былъ не кто другой, какъ самъ инокъ Алимпій, имѣвшій отъ митрополіи еще какія-то „особыя порученія" въ Молдавію. Онъ получилъ наставленіе отъ Павла произвести награжденіе Никифора Панкратьева со всею подобающею торжественностью, — во время литургіи, именно по заамвонной молитвѣ прочитать во всеуслышаніе Кириллову грамоту, и когда произнесены будутъ ея заключительные слова, „оба лика" должны пропѣть громогласно трижды же „аксіосъ", послѣ чего и надлежало „вручить крестъ удостоенному"[48]).

[48]) Въ *Памятн.* записано подъ 22 ноября. „Сего числа крестъ и

Все это, надобно полагать, инокъ Алимпій и исполнилъ въ точности. Хотя врученіе, или возложеніе креста на „удостоеннаго“ приличнѣе было бы сдѣлать самому Кириллу, или Онуфрію, вообще священному лицу, а простому иноку совсѣмъ уже не подобало; но для Алимпія, какъ знаменитаго дѣятеля по устроенію іерархіи, допущено было „премѣненіе закона“.

Продолжая свое благоволеніе къ ясскому, уважаемому у мѣстныхъ старообрядцевъ, духовному пастырю, Кириллъ, руководимый Павломъ, менѣе нежели чрезъ годъ возвелъ его въ санъ протоіерея[49]). Но Никифоръ Панкратьевъ, если только справедливо описаны въ грамотѣ его труды и подвиги, былъ счастливымъ исключеніемъ среди современныхъ ему новыхъ раскольническихъ поповъ. Что̀ касается этихъ послѣднихъ, то Павелъ съ сокрушеніемъ видѣлъ, что они мало заботятся объ исполненіи своихъ обязанностей и что народъ, не наставляемый ими, попрежнему коснѣетъ въ невѣжествѣ и порокахъ. Это побудило его, въ февралѣ 1850 г., предъ наступленіемъ великаго поста, составить и разослать во всѣ липованскіе приходы отъ имени Кирилла „окружную грамоту, какъ къ парахіальнымъ священникамъ, равно и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, съ наставленіемъ и наказаніемъ, къ исправленію истиннаго христіанскаго жительства“[50]). Въ грамотѣ этой из-

---

грамота посланы о. Никифору съ депутатомъ мон. инокомъ Алимпіемъ“ (№ 83). А на оборотѣ черновой грамоты рукой же Павла сдѣлана слѣд. замѣтка: „Сія грамота и крестъ поручены депутату монастырскому иноку Алимпію, который 22 ноября сего 1849 года отправился въ Молдавію по особымъ порученіямъ, притомъ и сіе дѣло исполнить такъ, чтобы онъ въ ясской церкви во время литургіи, по заамбонной (sic) молитвѣ, представилъ священнику Никифору, съ вычитаніемъ сей грамоты гласно при соборѣ, и по изреченіи нашихъ, написанныхъ въ грамотѣ словъ *аксіосъ* 3, лики оба тожде возгласили, и вручить крестъ удостоенному“. Особое порученіе, данное Алимпію, касалось, надобно полагать, денежныхъ дѣлъ, такъ какъ изъ Москвы деньги пересылались въ Бѣлую-Криницу обыкновенно чрезъ ясскихъ старообрядцевъ-купцовъ, впослѣдствіи преимущественно чрезъ Василья Ѳомина.

[49]) Подъ 21 октября 1850 г. въ *Памятникѣ* (№ 92) Никифоръ назывался уже протоіереемъ.

[50]) Списокъ грамоты находится въ *Бѣлокр. арх.*

ложены *семь* пунктовъ, или „заповѣдей“, которые предписывались къ тщательному исполненію. Въ нихъ Павелъ достаточно показалъ, какими мѣрами думалъ поднять нравственность липованъ и ихъ духовенства, а также и то, на какой низкой степени стояла нравственность тѣхъ и другаго.

Въ *первой* заповѣди „о каждогодномъ исполненіи непремѣннаго христіанскаго долга“, послѣ краткаго объясненія важности и необходимости для каждаго христіанина хотя единожды въ годъ приступать къ исповѣди и причастію, Павелъ писалъ:

„Поставляемъ каждому парахіальному іерею въ непремѣнную обязанность, дабы при истеченіи, или по истеченіи святаго великаго поста, усматривалъ лишенныхъ, своихъ токмо единовѣрныхъ, и лично испытывалъ, кто по какой именно винѣ лишился таковаго великаго дара, сирѣчь св. таинъ Христовыхъ, или почто не исполнилъ по крайней мѣрѣ необходимаго христіанскаго долга въ исповѣданіи грѣховъ. Аще ли кто объяснитъ, что по совѣсти онъ былъ у другого иного нѣкоего духовника на исповѣди, то не препятствовать; обаче онъ долженъ о дѣйствительности представить своему парахіальному священнику отъ того духовника своеручную записку. Если же кому какія благословныя обстоятельства воспрепятствуютъ таковой христіанскій долгъ исполнить великимъ постомъ, то наставить его, да не упуститъ исполнить оное въ другомъ коемъ либо постѣ, рождественскомъ, или успенскомъ. Буде же троекратнымъ отъ своего парахіальнаго священника наставленіемъ не исправится, то съ прописаніемъ сдѣланнаго ему исправленія и о его причинѣ отчужденія по духовности донести своему архіерею *для принятія другихъ мѣръ*.

„А притомъ и самъ парахіальный священникъ непремѣнно долженъ въ удобное по его усмотрѣнію время сей необходимый долгъ христіанства каждогодно исполнять, а также и настоящихъ причетниковъ его церкви и ближайшихъ родныхъ домовниковъ своихъ, которые за совѣсть не могутъ вступить къ нему на исповѣдь, непремѣнно долженъ побуждать, да исполнитъ святой долгъ сей у другаго священника сосѣдственной парахіи, или гдѣ изволитъ; только воспретить, дабы отнюдь не ходили къ простымъ инокамъ на духъ, а наипаче къ бѣльцамъ. Что бо оные могутъ, не пріемше власти отъ Духа Святаго вязати и рѣшити? Постыднѣе же, аще прислуживающія церкви и священнику, или домовники священническіе пойдутъ къ неосвященному мужу на духъ! Хотя и были, неизъяснимыя

ради нужды таковые случаи и за случай въ Номоканонѣ допущенные; но, по писанному, яко „еже чрезъ правилъ не приносится во указъ, или въ причту, и нѣсть законъ церкви скудное“. тѣмъ убо преступающіе законъ не оправдятся. Понеже нынѣ благодатію Христовою имѣется законное священство не только въ разныхъ мѣстахъ въ возможной доступности, но и въ самой ближайшей сосѣдственности“.

Любопытно, что и Павелъ, ссылаясь на извѣстное изреченіе Номоканона о старчей исповѣди, считалъ дозволительнымъ, ради нужды, даже простолюдину совершать таинство исповѣди и только теперь уже, когда онъ далъ старообрядцамъ якобы „законное священство“, находилъ это недозволительнымъ и рѣшительно воспрещалъ. Такъ заражены были безпоповщинскими понятіями даже лучшіе представители поповщинскаго раскола!

Второю заповѣдію „о почитаніи воскресныхъ дней и праздниковъ“ Павелъ предписывалъ „всѣмъ непремѣнно“ въ эти дни „приходить во святую церковь на соборное богослуженіе“, какъ требуетъ 159 пр Номоканона и 61 карѳагенскаго собора. На священника онъ возлагалъ обязанность тщательно наблюдать „при крестномъ огражденіи“, кого изъ прихожанъ нѣтъ въ церкви, и чрезъ знакомыхъ отсутствующаго сдѣлать ему замѣчаніе. Такъ предписывалось дѣлать до трехъ разъ, — „по третіемъ же неприбытіи долженъ священникъ самъ дойти въ домъ его и лично вопросить причины неприсутствія въ церкви и сотворить ему исправленіе духомъ кротости. Аще ли же тѣмъ не уцѣломудрится, но пребудетъ и далѣе въ томъ же самовольномъ лишеніи кромѣ всякой благословной вины, тогда немедленно донести своему архіерею“.

Въ *третьей* заповѣди „о суботнѣй литургіи“ предписывалось, чтобы во всѣ субботніе дни, кромѣ праздниковъ, изъ каждаго семейства „опредѣляли по крайней мѣрѣ одного человѣка, хотя стараго, или молодого, мужеска, или женска пола, который бы только съ разумомъ могъ входить въ церковь, принося свой синодикъ и кутію, или мало грецарей въ проскомидію на поминовеніе за упокой прежде усопшихъ душъ рода своего и

всѣхъ отецъ и братій въ вѣрѣ почившихъ... Аще же и того у кого-либо не случилось бы имѣть, но убо на богослуженіе субботней литургіи отъ каждаго семейства человѣкъ пріити долженъ, кромѣ развѣ какой благословной вины въ невозможности".

Особенно достойна вниманія *четвертая* заповѣдь „о церковномъ благочиніи". Мы приведемъ ее вполнѣ.

„Поставляемъ непремѣннымъ долгомъ слѣдующее: а) самому священнику, сверхъ данной ему ставленой грамоты, еще нынѣ подтверждается, да наблюдаетъ во всей исполнительности все предписанное ему въ оной, а наипаче о св. олтарѣ; б) уставщикъ же церковный наблюдаетъ чинъ и порядокъ за крылошанами: в) а далѣе за всѣми предстоящими, отъ мала до велика, для мужеска пола и женска, избрать и поставить особаго степеннаго и строгаго мужа надзирателемъ. Сему надзирателю поручить имѣть строгій надзоръ, дабы за всякою службою Божіею приходящіе стояли каждый на своемъ мѣстѣ скромно, въ молчаніи, со вниманіемъ. безвременно же и безъ крайней нужды не выходили изъ церкви. Аще ли кто сіе нарушитъ, сирѣчь въ церкви празднословіе, или смѣхъ обнаружитъ, или изшедъ изъ церкви въ ночное время и замедлитъ въ суетномъ забавленіи съ подобными ему, а наипаче кто замѣченъ будетъ въ какомъ-нибудь безчиніи, въ тотъ часъ взять таковыхъ и объявить священнику, *да съ повелѣнія его поставятся среди церкви на поклоны, на много, или мало, смотря по степени вреда*. Буде же кто надзирателя не послушаетъ и вопреки станетъ, тогда немедленно священникъ долженъ вступиться (и наказать отлученіемъ отъ церкви въ той день). Аще ли таковые противники не уцѣломудрятся, то по первомъ и второмъ наказаніи донести своему архіерею для принятія *другихъ мѣръ*. Ибо таковыхъ непокорныхъ преслушниковъ и безчинниковъ, по указу государеву и по силѣ соборной грамоты патріарха московскаго Іосифа, узаконено *посылать на смиреніе въ монастырь подъ крѣпкій начатъ, въ работу*. Въ женскомъ же предѣлѣ, такъ какъ надзиратель не можетъ въ случаѣ молвы и безчинія усмотрѣть виновныхъ, для того подобаетъ избрать благоговѣйную изъ женъ надзирательницу, которая бы не входила ни въ какое распоряженіе, или словесное поученіе (понеже запрещено 11 правиломъ лаодикійскаго собора), но одно только имѣла бы надзираніе, и въ случаѣ какого бы между женъ безчинія, молвы, или шептанія, словомъ донесла надзирателю и

показала бы виновныхъ; а надзиратель, по вышереченному примѣру мужчинъ, *поставлялъ бы и женщинъ виновныхъ на поклоны среди женскаго отдѣленія,* съ вѣдома священника. По избраніи же надзирателя, дать ему въ руководство съ сей 4-й заповѣди точный списокъ, за подписомъ священника и прочихъ почетныхъ людей; а кто именно избранъ будетъ, немедленно своему архіерею донести. Буде же самъ священникъ вознерадитъ о семъ дѣлѣ, а помимо священника дойдетъ свѣдѣніе до своего архіерея, тогда и священникъ за свое нерадѣніе понесетъ достойную кару".

Итакъ обычные безпорядки, происходившіе (и происходящіе) во время длинныхъ раскольническихъ службъ, особенно же во время дополнительныхъ къ службамъ продолжительныхъ чтеній, когда раскольники выходили (и выходятъ) изъ моленныхъ для разныхъ безчиній и безобразій, Павелъ хотѣлъ прекратить чисто полицейскими мѣрами и разнаго рода наказаніями, начиная съ поклоновъ, на которые предписывалъ ставить публично, въ церкви, не только мужчинъ, но и женщинъ, и кончая „монастырскимъ смиреніемъ, подъ крѣпкимъ началомъ и въ работахъ", по силѣ указовъ царя Алексѣя Михайловича и патріарха Іосифа, должно быть съ употребленіемъ и цѣпей, составлявшихъ принадлежность такихъ монастырскихъ смиреній! Подчинялись ли жившіе подъ скипетромъ императора Іосифа, недавно награжденные конституціонными правами, буковинскіе липованы и старообрядцы другихъ странъ этому закону о наказаніяхъ, изданному отъ имени липованскаго митрополита, и способствовалъ ли онъ прекращенію безпорядковъ и безобразій за раскольническими службами, хотя бы въ первое время по изданіи, въ точности не знаемъ; а что инокъ Павелъ издалъ такой законъ, это несомнѣнно.

Остальные три закона, или заповѣди, касались общественной и семейной жизни старообрядцевъ, принявшихъ австрійское священство.

Пятою заповѣдью воспрещалось общеніе съ иновѣрными въ ястіи и питіи: „аще же кто, по потребѣ нужнѣй, таковое сотворитъ", тому вмѣнялось въ обязанность являться къ священнику и испросить у него „прощеніе". Правило — имѣющее

болѣе безпоповщинскій характеръ, а у поповцевъ мало соблюдаемое. Главнымъ же образомъ пятая заповѣдь направлена противъ пьянства по корчмамъ,— порока, особенно распространеннаго среди липованъ. Замѣтивъ, что „входящіе въ корчму, или въ шинокъ, кромѣ всякой нужды, только для піянства и излишняго истощанія“, а особенно тѣ, которые и ночи тамъ проводятъ „въ ближайшемъ отъ дому своего разстояніи“, — что они не могутъ быть „уцѣломудрены“ духовными мѣрами, что и „самое отлученіе таковыхъ не будетъ пользовать“, — Павелъ находилъ нужнымъ принять противъ нихъ „другія мѣры нижеслѣдующимъ образомъ“:

„По объявленіи сей грамоты аще кто столь безстуденъ окажется, яко и при домѣ его сущу отходитъ въ примѣстную корчму, или шинокъ, піянствовать, въ семъ случаѣ именемъ Господнимъ возлагается обязанность на общественнаго начальника (значитъ, гдѣ дворникъ, или староста), дабы онъ непосредственно самъ ходилъ въ корчмы, или по крайней мѣрѣ посылалъ десятника, узнать, не находится ли изъ числа нашихъ христіянъ кто занимающійся піянствомъ, и праздношатающійся: *таковаго тотчасъ взять* и, если не восхощетъ начальникъ собирать общество и наказывать, то *непремѣнно присылать въ монастырь въ работу на нѣкое время.* Аще ли же за недосмотромъ или за потворствомъ общественнаго начальника будутъ таковые піяницы не емлемы, то священникъ непремѣнно обязанъ донести на общественнаго начальника своему архіерею“.

Шестая заповѣдь направлена противъ безнравственныхъ забавъ, которыя были въ обычаѣ у липованъ,— противъ вечерницъ и катаній:

„Аще который хозяинъ дому, или какая вдова дерзнетъ (послѣ объявленнаго запрещенія) принимать въ домъ свой сборище младыхъ дѣвицъ въ нощное время, таковыхъ священникъ непремѣнно долженъ къ себѣ потребовать и самъ лично имъ возбранить. Аще ли же кто священника не послушаетъ, тогда скоро, съ прописаніемъ дѣлаемаго исправленія, донести своему архіерею *для принятія другихъ мѣръ.* А притомъ именемъ Господнимъ возлагается непремѣнная обязанность на общественнаго начальника, дабы возбранялъ,— въ воскресные

дни и въ праздничные и во время свадебное, — безобразно тройками и болѣе по улицамъ ѣздить на коняхъ и играть бѣсовскія пѣсни".

Наконецъ въ послѣдней *седьмой* заповѣди „о благочестивомъ воспитаніи дѣтей и законномъ бракосочетаніи" пространно, съ выписками изъ церковныхъ правилъ и отеческихъ твореній, излагалось наставленіе родителямъ заботиться о сочетаніи бракомъ дѣтей, по достиженіи ими законныхъ лѣтъ, а священникамъ предписывалось „въ точности исполнять" изложенныя въ 51 гл Кормчей книги правила относительно совершенія браковъ.

„Окружная грамота" съ этими семью „заповѣдями" разослана была во всѣ приходы, подвѣдомые митрополіи, съ предписаніемъ священникамъ, чтобы „вычитали ее въ церкви всѣмъ православнымъ христіянамъ въ воскресные или праздничные дни по отпустѣ божественной литургіи, со всякимъ вниманіемъ; да и на будущее время повторяли бы приличествующія по времени статьи, то-есть предъ наступленіемъ поста прочитывали заповѣдь о непремѣнномъ христіанскомъ долгѣ касательно исповѣди и причастія св. таинъ, при наступленіи же мясоястія заповѣдь о благочестивомъ воспитаніи дѣтей и о бракосочетаніи ихъ, а въ зимнее время о воспрещеніи вечеринокъ, или посидѣлокъ, также и прочія заповѣди прочитывали бы по своему усмотрѣнію" [31]).

Какъ бы мы ни судили о всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ къ возвышенію нравственности липованъ и прочихъ, подчиненныхъ Бѣлокриницкой митрополіи, старообрядцевъ, особенно о карательныхъ мѣрахъ противъ нарушителей религіозныхъ и нравственныхъ обязанностей, при чемъ бѣлокриницкому митрополиту предоставлялось никѣмъ недозволенное право под-

[31]) Такого именно содержанія предписаніе отъ 21 февраля 1850 г. ясскому попу Никифору (черновое Павловой руки) есть въ *Бѣлокр. арх.* Несомнѣнно, что и прочимъ попамъ были посланы, или даны такія же предписанія. Вмѣстѣ съ „Окружной грамотой" Никифору послана была и изложенная выше грамота „о беззаконныхъ безпоповцахъ".

вергать мірянъ монастырскому смиренію и монастырскимъ работамъ, но нельзя не согласиться, что самыя заботы Павла объ искорененіи господствующихъ въ расколѣ религіозныхъ и нравственныхъ безобразій, достойны уваженія. Надобно замѣтить впрочемъ, что къ изданію „окружной грамоты“ съ ея семью заповѣдями побуждали Павла и нѣкоторые ревнители изъ самихъ бѣлокриницкихъ липованъ, — они указывали ему и просили обличить именно тѣ раскольническія безчинія, о которыхъ сказано въ „окружной грамотѣ“ [52]) Но было одно крайне безобразное безчиніе, указанное этими ревнителями, какъ существующее собственно у бѣлокриницкихъ липованъ, о которомъ, поэтому, Павелъ не нашелъ удобнымъ говорить въ „окружной грамотѣ“, а призналъ необходимымъ по сему поводу тогда же издать отъ имени Кирилла „особое посланіе Бѣлокриницкому обществу“. Приводимъ его вполнѣ, чтобы дать понятіе о липованскимъ нравахъ: [53]).

„Дошло до свѣдѣнія нашего, что внутрь общества Бѣлокриницкаго открываются такіе безстудніи человѣцы, даже ни Бога не боящіися, ни людей стыдящіися, яко въ самую глубину золъ беззаконныхъ блудныхъ дѣяній погрязнули и паче безчувственныхъ скотовъ обезсрамились, ибо до такой дерзости простерлись, что, будучи приглашаемы въ домы единовѣрныхъ на нѣкоторыя празднованія и пированія, среди круга на трапезѣ сидящихъ и въ лицѣ предстоящаго дому владыки, сирѣчь хозяина, торжественно другъ предъ другомъ похваляются о своихъ содѣянныхъ беззаконіяхъ и сквернихъ блудныхъ дѣлахъ. Это кому уподобляются? Воистинну, даже превосходятъ самихъ древнихъ содомлянъ и гоморянъ! Сіе богопротивное, студное и нестерпимое зло удивляетъ наше слышаніе На таковый конецъ объявить на церковномъ собраніи и впредь строжайше предписываемъ всѣмъ, кого касаться можетъ, если еще

---

52) Въ *Бѣлокрин. арх.* сохранилась писанная каракулями безграмотная записка Павлу кого-то именно изъ бѣлокриницкихъ липованъ, слѣдующаго содержанія: „У насъ у селе есть нипаратки. У карчму ходютъ и сапщаютца, за веселя нужна возгласить у церкви. У церкви дурятъ шепчутъ насъ неслухаютъ. Катаютца на улицы песни паютъ. Грехами блудными хвалятся въ народѣ“ и др.

53) Черновое, Павловой руки, въ *Бѣлокр. арх.*

таковые слухи до насъ дойдутъ, абіе всѣ усилія употреблены будутъ возвести на таковаго безстудника всѣ наижесточайшія духовныя казни и поносныя кары, дабы столь безсрамныя глаза его и безстудную совѣсть поне мало пробудить въ познаніе себя и дать почувствовать ему, что̀ есть вѣра и что̀ христіанство".

Затѣмъ предписывалось бѣлокриницкому попу Тимоѳею строго слѣдить, не окажется ли гдѣ „таковаго злохульнаго безстудія" и немедленно доносить въ митрополію о виноватыхъ въ немъ, а за умолчаніе грозилось попу запрещеніемъ.

6. Поѣздка Кирилла въ Молдавію. — Вторая поѣздка Павла къ Амвросію. — Поставленіе епископа въ Тульчу и учрежденіе Славской архіепископіи.

Въ апрѣлѣ 1850 г. Кириллъ, въ качествѣ митрополита, совершилъ путешествіе къ сосѣднимъ, особенно расположеннымъ къ митрополіи, молдавскимъ старообрядцамъ, хотя путешествіе за границу Австріи было прямымъ нарушеніемъ императорскихъ декретовъ относительно липованскаго верховнаго пастыря, дозволеннаго къ существованію только у однихъ буковинскихъ липованъ, съ рѣшительнымъ воспрещеніемъ имѣть подчиненныхъ старообрядцевъ въ другихъ государствахъ. Предъ отъѣздомъ, 4 апрѣля, онъ подписалъ грамоту на имя намѣстника — Онуфрія, въ которой говорилось: „По случаю моего отъѣзда за границу въ предѣлы княжества Молдавскаго, паче же (?) по долгу моей епархіальной обязанности для осмотрѣнія и исполненія разныхъ духовныхъ дѣлъ въ тамошнихъ обществахъ единовѣрныхъ нашихъ христіанъ, здѣсь же въ Буковинѣ и въ самой нашей митрополіи какія касаться будутъ духовныя дѣла поручаю вашему преосвященству исполнять, какъ-то божественную службу и епархіальныя дѣла вмѣсто меня, все по закону въ полной мѣрѣ, до обратнаго моего возвращенія, будучи въ той надеждѣ, что вы никакого упущенія не сдѣлаете, для того отечески васъ и благословляю"[54]). Какія

[54]) Подлинная въ *Бѣлокр. арх.*

„духовныя дѣла" призывали Кирилла въ Молдавію, не извѣстно; и трудно допустить, чтобы безъ Павла, который не ѣздилъ съ нимъ, могъ онъ дѣлать какія-либо духовныя дѣла въ Молдавіи. Имѣется только свѣдѣніе, что 16 и 17 апрѣля Кириллъ служилъ въ Мануиловкѣ и за этими службами поставилъ сначала въ дьяконы, затѣмъ въ попы нѣкоего „почтеннаго мануиловскаго жителя Іеремію Стефанова, предъизбраннаго отъ среды всего общества"[55]). Надобно полагать, что Кириллъ ѣздилъ въ Молдавію собственно за тѣмъ, чтобы повеличаться въ своемъ митрополичьемъ званіи, и Павелъ дозволилъ ему исполнить это тщеславное желаніе, быть можетъ, даже и въ интересахъ митрополіи.

Но какъ ни смѣло въ разныхъ окружныхъ грамотахъ и при другихъ случаяхъ Павелъ выставлялъ Кирилла въ званіи дѣйствительнаго и полновластнаго митрополита Бѣлокриницкаго, его однакоже сильно смущало то обстоятельство, что ни Аркадій Славскій, ни самъ Амвросій все еще не давали своего согласія на признаніе Кирилла въ митрополичьемъ санѣ, а потому съ канонической точки зрѣнія, какъ произведенный въ это званіе безъ ихъ вѣдома и согласія, Кириллъ не имѣлъ права называться митрополитомъ и дѣйствовать какъ митрополитъ. Что Амвросій отказался признать Кирилла въ санѣ митрополита, это мы уже видѣли. Точно такъ же и Аркадій, на извѣстное, лукаво составленное письмо Павла о поставленіи Софронія въ епископа для Россіи и о возведеніи Кирилла въ

---

55) Такъ именно записано въ *Памятникѣ* подъ этими числами (№ 91). Любопытно, что ставленная грамота Іереміи была выдана уже чрезъ три мѣсяца послѣ поставленія. Тамъ же записано: „Грамота послана 18 іюля 1850 г. и доставлена нашими депутатами Алимпіемъ и Павломъ". Отсюда и видно, что Павелъ не сопутствовалъ Кириллу въ Молдавію: будь онъ тамъ, грамота была бы написана и выдана немедленно. Теперь же Павелъ и Алимпій ѣздили въ Яссы, конечно, не за тѣмъ, чтобы доставить ставленную грамоту мануиловскому попу, а вѣроятно для полученія высланныхъ изъ Москвы капиталовъ, которые обыкновенно пересылались въ Яссы, такъ какъ приближалось время уплаты Амвросію 500 червонцевъ.

митрополиты, послѣ продолжительнаго молчанія отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ — признать Кирилла въ этомъ санѣ, живу сущу митрополиту Амвросію, и даже прямо уподобилъ его за это „Арсакію блядивому“[56]) Понятно, что Павелъ съ своими ближайшими совѣтниками весьма озабоченъ былъ изысканіемъ способовъ, какъ бы склонить несговорчивыхъ архіереевъ къ признанію Кирилла дѣйствительнымъ митрополитомъ. Амвросія надѣялись склонить подарками и деньгами, когда повезутъ ему во второй разъ жалованье въ Цилли; а Славскаго Аркадія задумали подкупить почестями, — предложить ему поставить въ предѣлахъ Турціи еще епископа, который находился бы въ подчиненіи ему, въ качествѣ его намѣстника, а самого произвести въ архіепископы, и учредить такимъ образомъ Славскую архіепископію, которая однакоже была бы въ зависимости отъ Бѣлокриницкой митрополіи, при чемъ Кириллъ само собою уже былъ бы признанъ митрополитомъ. Попытка въ этомъ родѣ была сдѣлана еще въ іюнѣ 1849 г. Аркадію послано было изъ митрополіи сообщеніе о предполагаемомъ учрежденіи Славской архіепископіи съ предложеніемъ избрать достойнаго человѣка для поставленія въ епископы, и именно на Майносскую епархію, которая числилась прежде за Кирилломъ. Для совершенія этого дѣла Аркадій приглашался въ Браиловъ, куда къ назначенному времени прибылъ бы и Кириллъ, или Онуфрій съ Павломъ[57]). Тогда этотъ замыселъ не удался, быть можетъ, потому, что положеніе Аркадія и въ самой Славѣ было еще весьма не прочно, а путешествія съ подобными цѣлями грозили ему даже большой опасностью; но самое предложеніе — учредить архіепископію въ Славѣ, какъ видно, принято было благосклонно

---

[56]) Письмо это, сочиненное конечно Аркадіемъ лаврентьевскимъ, по всей вѣроятности истреблено Павломъ; но что такого содержанія письмо изъ Славы получено было въ Бѣлой-Криницѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ о. Онуфрій (см. *Брат. Сл.* 1893 г. стр. 413).

[57]) См. въ *Памятникѣ*, подъ 13 іюня 1849 г. (№ 74). Здѣсь же замѣчено, что „сообщеніе сіе на трехъ аркушахъ послано почтою чрезъ (т.-е. на имя) брашловскаго купца Семена Семенова“.

Аркадіемъ и его совѣтниками[38]). Начало этому дѣлу было такимъ образомъ положено, и для того, чтобы довести его до конца, рѣшили теперь не приглашать уже Аркадія въ Браиловъ, а отправить къ нему, въ Славу, депутацію изъ митрополіи. Рѣшили, что въ Славу съѣздитъ самъ Павелъ съ намѣстникомъ Онуфріемъ и что эту поѣздку они соединятъ съ поѣздкою въ Цилли къ Амвросію,— побываютъ сначала у Амвросія, съ нимъ рѣшатъ дѣло, а отъ него возвратятся въ Вѣну, и изъ Вѣны, по Дунаю, проѣдутъ прямо въ Добруджу.

Срокъ уплаты жалованья Амвросію приближался, деньги изъ Россіи на этотъ предметъ были получены, и въ началѣ августа 1850 года Онуфрій и Павелъ снарядились въ путь. Кромѣ червонцевъ, они взяли съ собой старопечатный Потребникъ и крещальныя принадлежности, такъ какъ въ Бѣлой-Криницѣ имѣлись извѣстія, что въ семействѣ Амвросіева сына ожидается приращеніе и новорожденнаго младенца потребуется окрестить въ липованскую вѣру. Предъ отъѣздомъ Онуфрій получилъ подписанную Кирилломъ 9 августа грамоту, коею уполномочивался лично содѣйствовать Аркадію въ рукоположеніи епископа—намѣстника Славской епархіи, „а потомъ учредить архіепископію и произвести самого Аркадія изъ епископа въ архіепископа законнымъ правомъ, дабы онъ впредь могъ самъ, съ содѣйствіемъ своего намѣстника, поставлять другихъ епископовъ въ Европейской Турціи и въ Азіи и въ Африкѣ, по его собственному благоусмотрѣнію"; далѣе говорилось въ грамотѣ, что о поставленныхъ епископахъ въ Турціи, Азіи и Африкѣ будущій архіепископъ Славскій „долженъ давать извѣстіе" митрополіи и самъ „долженъ зависимъ быть непремѣнно отъ митрополіи"[39]). Такимъ образомъ грамота, полученная Онуфріемъ, на основаніи которой онъ долженъ былъ

[38]) Это можно видѣть изъ того, что въ письмѣ журиловскаго общества къ Кириллу отъ 30 августа 1849 года, сочиненномъ Аркадіемъ лаврентьевскимъ и посланномъ съ возвращавшимся въ Бѣлую Криницу Евфросиномъ, Кириллъ именуется уже „всѣхъ русскихъ древлеправославныхъ христіанъ *митрополитомъ*" (*Переписка*, вып. II, стр. 10).

[39]) Копія этой грамоты въ *Бѣлокр. арх.*

дѣйствовать по пріѣздѣ въ Славскій монастырь, уже точно опредѣляла права будущей архіепископіи и ея отношеніе къ митрополіи.

Павелъ и Онуфрій пріѣхали въ Цилли 31 августа 1850 г. Пріѣздъ ихъ на этотъ разъ не былъ неожиданностью для Амвросія. Въ предупрежденіе могущихъ послѣдовать съ его стороны жалобъ и упрековъ за промедленіе въ уплатѣ 500 червонцевъ, ему заранѣе послано было увѣдомленіе о предстоящемъ пріѣздѣ бѣлокриницкихъ гостей. Амвросій даже съ нетерпѣніемъ ожидалъ ихъ, и такъ какъ промедленіе все-таки случилось, то, по собственнымъ словамъ Павла, онъ „уже было отчаялся“ въ ихъ пріѣздѣ и встрѣтилъ ихъ „за то маленькимъ выговоромъ, но обаче съ великою радостію“. Между тѣмъ незадолго до ихъ пріѣзда родилась у Амвросіева сына дочь Измарагда. Предугадывая, что ожидаемые гости будутъ требовать, чтобы она окрещена была въ липованскую вѣру, Амвросій съ сыномъ поспѣшили окрестить ее по православному обряду, пригласивъ православнаго священника, котораго значитъ не трудно было отыскать, хотя Павелъ, послѣ первой поѣздки къ Амвросію, и увѣрялъ старообрядцевъ, что въ Цилли нѣтъ ни одной души восточнаго исповѣданія. Явившись теперь къ Амвросію, Павелъ и Онуфрій послѣ первыхъ привѣтствій, вручивъ привезенныя деньги, побесѣдовавъ и изъ бесѣдъ узнавъ о приращеніи Амвросіева семейства, завели рѣчь о крещеніи новорожденной. Когда же получили отвѣтъ, что Измарагда уже крещена, были до крайности смущены и опечалены; но дѣлать упреки Амвросію за то, что для крещенія внуки пригласилъ „иновѣрнаго“ священника, или требовать „навершенія“ этого „еретическаго“ крещенія, не посмѣли изъ опасенія раздражить его и тѣмъ повредить успѣху главнаго дѣла, за которымъ пріѣхали, то-есть признанію Кирилла въ санѣ митрополита[60]). И на этотъ разъ имъ дѣй-

[60]) Самъ о. Онуфрій въ своей запискѣ, писанной для насъ, говоритъ: „Когда у Георгія родилась Измарагда въ Цыли, то мы, Онуфрій и Павелъ, ѣздили къ нимъ, взяли съ собой Потребникъ, чтобы новорожден-

ствительно удалось устроить это дѣло. Особой грамоты, которою утверждалъ бы Кирилла, какъ преемника своего, въ званіи бѣлокриницкаго митрополита, Амвросій, правда, и теперь не далъ; но изъявилъ согласіе — отселѣ называть его митрополитомъ, и въ письмѣ, которое опять сочинилъ отъ его имени Павелъ, чтобы доставить въ Бѣлую-Криницу, дозволилъ сдѣлать такое заглавіе: „воспріемнику моего престола, господину митрополиту Кирилѣ“[61]). Письмо это Амвросій подписалъ собственноручно, и этимъ самымъ, очевидно, усвоялъ уже Кириллу званіе митрополита. Воздавъ въ немъ Кириллу съ братіей „чувствительное благодареніе за неоставленіе его въ забвеніи чрезъ почтенныхъ пословъ, господина епископа Онуфрія и инока Павла“, Амвросій посылалъ *чрезъ нихъ же* миръ и благословеніе господину епископу Аркадію Славскому и всѣмъ послѣдователямъ австрійскаго священства, „въ Буковинѣ, въ Молдавіи, въ Волохіи и въ Турціи живущимъ“. О живущихъ же въ Россіи и имѣющихъ даже своего епископа, Павелъ опять не нашелъ удобнымъ сообщить Амвросію, и потому въ письмѣ не преподавались имъ миръ и благословеніе. Нарочитое же упоминаніе объ Аркадіи Славскомъ на сей разъ имѣло для Павла особенную важность, при предстоявшемъ свиданіи съ Аркадіемъ: вручая ему для прочтенія письмо Амвросія, въ которомъ преподается ему миръ и благословеніе, Павелъ вмѣстѣ съ этимъ представлялъ ему документальное доказательство, что и самъ Амвросій призналъ Кирилла въ званіи бѣлокриницкаго митрополита, а потому

ную внуку Амбросіеву крестить въ липованію; но онъ прежде насъ управился и окрестилъ священникомъ сербскимъ (было прежде написано: греческимъ),—все управлено было до пріѣзду Онуфрія и Павла. Онуфрій и Павелъ облизались, — поѣхали со Служебникомъ обратно, уже не предлагали (не сказывали) никому, но скрыли все въ себѣ: другимъ не могли и выразить всего, потому что липованіе этого не вмѣстили бы“.

61) Письмо Амвросія отъ 2 сент. 1850 г. см. въ *Переписк*ѣ, вып. 1, стр. 180—181. Здѣсь же (стр. 140—142) и письмо Онуфрія къ Кириллу отъ 2 сентября, съ весьма краткимъ описаніемъ этой ихъ поѣздки къ Амвросію.

для него, Аркадія, нѣтъ уже никакихъ основаній отказывать Кириллу въ этомъ признаніи и съ своей стороны[62]). Вообще, Павелъ и Онуфрій ѣхали въ Славу съ полной увѣренностью благополучно окончить дѣло о Кириллѣ Совершивъ путешествіе отъ Цилли до Вѣны и отъ Вѣны по Дунаю до Тульчи, они пріѣхали въ Славскій скитъ въ концѣ сентября 1850 г.

Положеніе Аркадія въ качествѣ епископа некрасовцевъ было тогда уже значительно упрочено со стороны турецкаго правительства. Этимъ Аркадій весьма много обязанъ былъ Осипу Семенову Гончарову. Въ 1848 году Гончаровъ ѣздилъ хлопотать по его дѣлу нарочно въ Константинополь, гдѣ находилась тогда депутація отъ сарыкойцевъ, прибывшая ходатайствовать предъ высшимъ турецкимъ правительствомъ о преданіи новому суду и Аркадія и всѣхъ добруджинскихъ послѣдователей бѣлокриницкаго священства. На пути туда, въ Тульчѣ, Гончаровъ видѣлся съ какимъ-то важнымъ турецкимъ вельможей, которому рекомендовали его константинопольскіе друзья-поляки, и былъ обнадеженъ этимъ сановникомъ въ благополучномъ исходѣ дѣла. Въ Константинополѣ, по ходатайству Чайковскаго, онъ былъ принятъ военнымъ министромъ, сераскиръ-пашей, и изложилъ ему свое дѣло, а тотъ отправился даже хлопотать за него къ самому великому визирю. Тогда послѣдовало предписаніе рущукскому губернатору Сеидъ-пашѣ кончить дѣло некрасовцевъ примиреніемъ обѣихъ враждующихъ партій. Предписаніе это, въ запечатанномъ пакетѣ, вручено было для доставленія губернатору са-

---

62) О такомъ именно значеніи Амвросіева письма говоритъ самъ Павелъ въ письмѣ къ Кириллу: „А что господинъ митрополитъ Амвросій особо благодарственное къ вамъ отъ себя написалъ письмо рукою Георгія Андреевича за собственнымъ своимъ подписомъ, *то оное мы приняли на руки къ себѣ*, потому что въ немъ переполнено, *и прочимъ, куда мы напьрены ѣхать, да объявимъ его отеческое благоволеніе* (*Тамъ же* стр. 141—142). А что именно тогда, когда Онуфрій и Павелъ, „запасшись русскими дукатами, привезли (въ 1850 г.) Амвросію жалованья 500 червонцевъ, онъ смиловался — далъ согласіе, чтобы Кириллъ назывался митрополитомъ“, объ этомъ прямо говоритъ самъ о. Онуфрій. (*Брат. Сл.* 1883 г. стр 413).

мимъ сарыкойскимъ депутатамъ, которые совсѣмъ и не знали объ его содержаніи, — они полагали даже, что это есть послѣднее, грозное рѣшеніе Аркадію и его сторонникамъ. Къ удивленію ихъ, губернаторъ, прочитавъ предписаніе изъ дивана, послалъ приказъ бабадагскому начальству — позаботиться о прекращеніи раздора между некрасовцами; а когда начальство бабадагское, державшее сторону сарыкойцевъ, медлило исполненіемъ губернаторскаго приказа, то Сеидъ-паша послалъ въ Бабадагъ своего чиновника Бинь-пашу — покончить дѣло. Старики и выборные некрасовскихъ селеній были собраны выслушать рѣшеніе. Бинь-паша объявилъ, что сарыкойцы и журиловцы должны одни до другихъ не имѣть никакого дѣла относительно священства и жить смирно: „вы не хотите имѣть этихъ поповъ, — сказалъ онъ сарыкойскимъ и славскимъ старикамъ, — такъ и напишите; а вы, журиловскіе, напишите, что поповъ этихъ держать будете". Журиловцы немедленно составили приговоръ, и подписались, что судомъ остаются довольны; сарыкойцамъ же очень не хотѣлось давать подписку, но по приказу начальства, скрѣпя сердце, подписали приговоръ, что до журиловцевъ и до священства ихъ никакого дѣла имѣть не будутъ. Такимъ образомъ дѣло о новомъ, австрійскомъ священствѣ у некрасовцевъ было рѣшено правительствомъ: желающимъ имѣть это священство дозволялось безпрепятственно имъ пользоваться, и вмѣстѣ съ тѣмъ они ограждены были отъ всякихъ притязаній со стороны противниковъ этого священства[63]). Рѣшеніе состоялось въ сентябрѣ 1848 года, и затѣмъ, даже изъ среды некрасовцевъ, возставшихъ противъ бѣлокриницкаго священства, начали являться желающіе принять его. Въ 1849 году паства Аркадія была уже довольна обширна и многолюдна. Онъ поставилъ не мало священниковъ и дьяконовъ для старообрядческихъ обществъ, гдѣ образовались такимъ образомъ приходы, и освятилъ нѣсколько церквей. 10 мая было, напримѣръ, освященіе церкви

---

[63]) Подробности см. въ статьѣ: „Учрежденіе архіерейской каѳедры у турецкихъ раскольниковъ" (*Русск. Вѣстн.* 1869 г., кн 6, стр. 741—750).

въ городѣ Брашловѣ, 20 августа — въ селеніи Камень, 28 августа — въ Тульчѣ. Особенною торжественностью отличалось это послѣднее. О немъ писали въ Бѣлую Криницу: „Чудное позорище! Вси языцы въ семъ градѣ ужаснулися, видя и слыша торжественное освященіе сей церкви, видя епископа нашего съ шестью священники и двомя діаконы освящающаго церковь сію! Иноки и инокини рѣдкіе остались по своимъ келіямъ, но вси подвигнулись быть на освященіи! Весь градъ наполнился народа нашего!“[64]) Потомъ освящена была церковь въ Славскомъ скиту. Тогда же священноинокъ Евфросинъ, раздѣлявшій первоначальные труды и огорченія Аркадія, вмѣстѣ съ нимъ сидѣвшій въ тюрьмѣ, возвратился въ Бѣлокриницкій монастырь, такъ какъ миссія его кончилась, надобности въ немъ уже не было, ибо некрасовскія селенія и монастырь болѣе не нуждались въ священникахъ. Евфросина проводили съ почестями: Аркадій наградилъ его наперстнымъ крестомъ,[65]) а журиловское общество препроводило въ митрополію благодарственное за него посланіе, въ которомъ говорилось о немъ съ великимъ уваженіемъ: „мы лишаемся изъ среды нашего духовенства одного и самаго перваго священника нашего, отца Евфросина, претерпѣвавшаго съ нами тюремное заключеніе; онъ присутствовалъ и первенство имѣлъ во всѣхъ торжествахъ нашихъ; онъ былъ у насъ первый священникъ по епископіи. Онъ нынѣ оставилъ насъ; возвращается къ вамъ. Мы благодаримъ Господа, благодаримъ и ваше преосвященство за кроткаго и любимаго нами сего священника. Возгласимъ ему вси: аксіосъ, аксіосъ, аксіосъ! Достоинъ высшей степени за его кротость! Да просвѣтится свѣтъ его предъ человѣки! Сіе наше начертаніе вручаемъ свя-

---

[64]) Пис. журиловскаго общ. къ Кириллу отъ 30 авг. 1849 г. *(Перепис.* вып. 2, стр. 11).

[65]) Свидѣтельство на крестъ было послано потомъ Евфросину уже въ 1850 году. Объ этомъ упоминается въ письмѣ Аркадія въ Бѣлую Криницу отъ 20 марта 1851 г. „Отъ 1 ноября посланы вамъ письма отъ обществъ благодарственныя и священноиноку отцу Евфросину свидѣтельство о жалованномъ крестѣ“ *(Тамъ же)*.

щенноиноку отцу Евфросину для поднесенія вашему преосвященству со всѣмъ вашимъ освященнымъ соборомъ и боголюбивыми иноки“ [66]).

При такомъ умноженіи паствы и расширеніи епархіи Аркадія, поставленіе другаго епископа въ помощь ему и возведеніе его самого въ архіепископы не представлялось дѣломъ излишнимъ, Аркадія же и очень льстило. Поэтому, когда Онуфрій, по пріѣздѣ въ Славскій скитъ, предъявилъ грамоту Кирилла отъ 9 августа, которою уполномочивался содѣйствовать Аркадію въ рукоположеніи новаго епископа для некрасовцевъ и его самого возвесть въ санъ архіепископа, предложеніе это всѣми славскими отцами было принято съ удовольствіемъ. Рѣшили поставить епископа въ Тульчу, а не въ Майносъ, какъ прежде предполагалось, имѣя въ виду, что и сообщенія съ этимъ азіатскимъ селеніемъ неудобны и что сами майносскіе некрасовцы враждебно относятся къ новой, Бѣлокриницкой іерархіи, тогда какъ Тульча городъ, съ значительнымъ старообрядческимъ населеніемъ, и имѣетъ уже новоосвященную церковь. Безъ затрудненія выбрали и кандидата въ епископы. Самымъ достойнымъ считали, конечно, Аркадія лаврентьевскаго; но въ виду того, что еще Амвросій, по извѣстной причинѣ, нашелъ невозможнымъ произвести его въ священный санъ, не рѣшились его избрать, а выбрали лаврентьевскаго же выходца, смиреннаго и уже довольно стараго священноинока Алипія, хорошо знакомаго и Онуфрію [67]). Формальное избраніе происходило въ Тульчѣ, 26 сентября, въ день мѣстнаго храмоваго праздника, въ общемъ собраніи всего духовенства и представителей славскаго и тульчинскаго обществъ. Здѣсь подписали слѣдующій „соборный приговоръ“ о избраніи Алипія:

„Благоволеніемъ Божіимъ, по благословенію г-на Бѣлокриницкаго митрополита Кирилла и во исполненіе грамоты его

---

[66]) *Тамъ же.*

[67]) Объ Алипіи см. въ 1-мъ вып. *Исторіи,* стр. 65. Въ 1850 г. ему было 55 лѣтъ (род. 1795 г.).

преосвященства, послѣдовавшей отъ 9 августа сего 7358 г. на имя Ибраиловскаго епископа Ануфрія, мы нижеподписавшіеся, будучи сего числа собравшись въ городѣ Тульчѣ, учинили сей соборный приговоръ въ томъ, что на вновь опредѣленную Тульчинскую епархію избрали во епископа изъ среды всѣхъ освященныхъ и иночествующихъ лицъ одного Славской обители благоговѣйнаго священноинока Алипія, который есть человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, честнаго и трезваго поведенія, проходилъ довольное число лѣтъ въ иночествѣ и до самыхъ своихъ сѣдинъ нося духовное оно иго безпрерывно въ видѣ дѣйствительнаго инока, со всякимъ тщаніемъ и усердіемъ, находился въ смиреніи и послушаніи во всякихъ монастырскихъ службахъ, а наипаче рано и поздно трудился въ пономарской должности много лѣтъ, при наблюденіи церковной чистоты и порядка; потомъ былъ и окомъ церковнаго устава, сирѣчь церковнымъ уставщикомъ; наконецъ во священноинокахъ донынѣ существовалъ для всего братства въ епископіи и для здѣшнихъ единовѣрныхъ гражданъ и прочихъ окрестныхъ духовникомъ: а потому по видимости нашей и судили его быть достойна сего епископскаго сана по самой истинѣ“[68]).

Въ слѣдующій же день, 27 сентября, происходило поставленіе Алипія въ епископы: рукополагалъ Аркадій при соучастіи Онуфрія. А затѣмъ, 28 числа, производилось дѣло объ учрежденіи Славской архіепископіи. Первоначально всѣ три епископа подписали, вѣроятно, заранѣе составленный Павломъ и совокупно съ обоими Аркадіями разсмотрѣнный предварительно, „Уставъ“ славской архіепископіи, состоявшій изъ трехъ слѣдующихъ пунктовъ:

---

[68]) Приговоръ подписали, кромѣ Аркадія и Онуфрія, слѣдующія „священныя“ лица: Славской епископіи священноинокъ Виталій, священноіерей Василій Каменскій, священноіерей Даніилъ Журиловскій, Славской епископіи діаконъ Ѳеодосій, діаконъ Симеонъ Журиловскій Потомъ слѣдуютъ: инокъ Макарій Славскаго скита настоятель, и той же обители соборные старцы, въ томъ числѣ Аркадій и Евфросинъ (инокъ же Павелъ въ подписаніи приговора не участвовалъ). Затѣмъ подписались Славскаго общества уставщикъ Ѳедоръ Ильинъ, города Тульчи уставщикъ Иванъ Степановъ и еще восемь человѣкъ (*Бѣлокр. арх.* Копія; на ней рукою Павла сдѣлана помѣтка: „А подлинной приговоръ при дѣлѣ архіепископіи славской“).

„1) Согласно предназначенію митрополитскому (отъ 9 августа) Славскій архіепископъ подвѣдомственно себѣ имѣть долженъ всѣ единовѣрныя епархіи нынѣ существующія и впредь еще учредитися могущія, по теченію рѣки Дуная на правой сторонѣ расположенныя, и имѣетъ право во оныя епархіи поставлять епископовъ, по его благоусмотрѣнію, съ содѣйствіемъ своего намѣстника, а если будетъ безпрепятственная возможность, и со всѣми вкупѣ подвѣдомственными своими епископы; а о поставленіи давать только свѣдѣніе Бѣлокриницкой митрополіи. Аще ли же не будетъ возможность которому епископу, благословнаго ради нѣкоего случая, прибыть на соборъ, тотъ долженъ писаніемъ свое согласіе сообщить архіепископу Славскому, согласно соборныхъ грамотъ.

2) Всѣ епископы, подвѣдомственные Славской архіепископіи, отнынѣ впредь на поставленіи своемъ должны, по чину, въ Чиновникѣ изображенному, исповѣданіе вѣры, присяжные листы за своимъ собственнымъ подписомъ давать прямо архіепископу Славскому.

3) Самъ архіепископъ Славскій долженъ *непремѣнно* зависимъ быть отъ митрополіи, то-есть безъ предварительнаго согласія Бѣлокриницкаго митрополита не долженъ вступать на престолъ архіепископскій А въ самомъ произведеніи во архіепископа исповѣданіе вѣры долженъ сдѣлать предъ соборомъ своихъ епископовъ по образу перваго, и въ то же самое время по нареченіи, но дондеже еще не взыдетъ на архіерейскій престолъ, обязанъ своеручно на семъ уставѣ подписаться, присяжный листъ за собственнымъ его подписомъ представить въ Бѣлокриницкую митрополію. И тако сей учрежденный на славскую архіепископію уставъ хранить во вѣки свято и ненарушимо. Аминь[69])

Тогда же состоялся „соборный приговоръ“ о произведеніи во архіепископа Славскаго „согласно назначенію митрополитскому“, г-на епископа Аркадія, „понеже онъ г-нъ епископъ Аркадій есть достоинъ таковаго сана и власти предъ всѣми нынѣ въ здѣшней епархіи сущими священными лицы“[70]). Приговоръ подписали два епископа, Онуфрій и Алипій, потомъ

---

[69]) *Бѣлокр. арх.*, копія.

[70]) *Тамъ же*, копія. И на ней рукою Павла сдѣлана помѣтка: „а подлинный приговоръ при дѣлѣ архіепископіи Славской“.

тѣ же духовныя и мірскія лица, кои подписались подъ приговоромъ о избраніи Алипія на тульчинскую каѳедру; а самъ Аркадій, согласно требованію только-что утвержденнаго Устава, сдѣлалъ тогда новую подъ самымъ уставомъ подпись такого содержанія. „На все прописанное въ семъ уставѣ согласую и своеручно подписуюсь: Божіею милостію первый Славскій архіепископъ нареченный, смиренный епископъ Аркадій".

Немедленно по подписаніи этихъ документовъ происходило и возведеніе Аркадія на архіепископскую каѳедру[71]). Его совершилъ Онуфрій, при соучастіи Алипія, такъ же точно посредствомъ вторичнаго епископскаго рукоположенія, какъ возвелъ и Кирилла на митрополичью каѳедру[72]). Если при этомъ послѣднемъ случаѣ, Павелъ, по наставленію котораго дѣйствовалъ Онуфрій, могъ руководиться примѣромъ вторичнаго архіерейскаго рукоположенія древле-россійскихъ патріарховъ, къ которымъ онъ приравнивалъ Бѣлокриницкаго митрополита, какъ верховнаго святителя „всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ", то гдѣ же въ древлероссійской церкви Павелъ и сами славскіе книгчіи, Аркадій и Евфросинъ, нашли примѣръ, или образецъ вторичнаго архіерейскаго поставленія архіепископовъ?

Приведенные документы, подписанные Аркадіемъ, уже показываютъ, что онъ призналъ Кирилла въ санѣ митрополита, такъ какъ въ нихъ вездѣ Кириллъ именуется этимъ званіемъ;

---

[71]) На спискѣ „соборнаго приговора" о избраніи Аркадія въ архіепископы, находящемся въ сборникѣ Антонія, сдѣлана помѣтка, вслѣдъ за подписями: „И всѣ соборнѣ сегодня возвели на престолъ архіепископскій г-на Аркадія въ храмѣ св. апостола Іоанна Богослова".

[72]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Онуфрій въ своей, уже разъ упомянутой, запискѣ. Онъ же писалъ: „Покончивъ дѣло съ Амвросіемъ, мы, прямо изъ Австріи, Дунаемъ отправились въ Турцію, въ Славскій скитъ. Пріѣхавши начали осторожнымъ образомъ предлагать Аркадію повышеніе сана, — говорили, что митрополитъ Кириллъ желаетъ учредить въ Славѣ архіепископство. Славскіе старцы согласились на это и Аркадій принялъ предложеніе съ удовольствіемъ. Поѣхали въ Тульчу, и тамъ я вдвоемъ съ Алипіемъ тульчинскимъ рукоположилъ Аркадія въ архіепископы, также *полнымъ чиномъ архіерейскаго поставленія* въ сентябрѣ 1850 года" (*Брат. Сл.* 1883 г., стр. 414; ср. *Брат Сл.* 1884 г. т. II, стр. 224).

а подписавши уставъ Славской архіепископіи, Аркадій даже обязался быть въ „непремѣнной" зависимости отъ Кирилла, какъ митрополита. И съ этихъ поръ дѣйствительно устанавливаются между ними отношенія какъ между митрополитомъ и подчиненнымъ ему архіепископомъ. Такимъ образомъ цѣль, ради которой Павелъ и Онуфрій ѣздили въ Славу, была достигнута, и они, вполнѣ довольные, отправились обратно въ митрополію[73]). Возвращались они тѣмъ болѣе довольные, что и поѣздка въ Цилли на этотъ разъ увѣнчалась успѣхомъ, — и Амвросій согласился именовать Кирилла митрополитомъ. Одно огорчало ихъ, — что внучку свою Амвросій дозволилъ окрестить „еретическимъ" крещеніемъ и къ липованской вѣрѣ оказалъ явное пренебреженіе, поспѣшивъ совершить крещеніе до пріѣзда бѣлокриницкихъ гостей, которыхъ ожидалъ; но объ этомъ они условились хранить полное молчаніе, чтобы не смущать своихъ „древлеправославныхъ" собратій, окормляемыхъ священствомъ, происшедшимъ отъ Амвросія.

7. Назначеніе новаго архимандрита Бѣлокриницкаго монастыря и первыя его распоряженія.

Преемникъ Амвросія могъ теперь безпрекословно пользоваться всѣми его правами и званіями: былъ утвержденъ правительствомъ въ должности „верховнаго пастыря липованъ", и самимъ Амвросіемъ съ прочими раскольническими епископами — Аркадіемъ, Онуфріемъ, Софроніемъ — признанъ въ званіи „митрополита всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ".

---

[73]) Въ *Сборн. Антонія* на ряду съ документами объ учрежденіи Славской архіепископіи есть запись: „Епископъ Онуфрій съ инокомъ Павломъ, чрезъ Браиловъ и Молдавію, возвратились сѣмо (въ митрополію) сего же (1850) года въ октябрѣ мѣсяцѣ". Любопытно, что въ *Памятникѣ* Павелъ не сдѣлалъ записи ни о поѣздкѣ въ Цилли и въ Славу, ни объ учрежденіи Славской архіепископіи: послѣ записи, сдѣланной 17 апр. 1850 г. (№ 91), прямо слѣдуетъ запись о событіи 21 октября (№ 92), то-есть все время, когда Павелъ и Онуфрій путешествовали, въ *Памятникѣ* пропущено.

Упрочивъ такимъ образомъ положеніе Кирилла, Павелъ былъ спокоенъ относительно дальнѣйшаго существованія митрополіи, которому такъ недавно угрожала крайняя опасность, равно какъ и существованія самой іерархіи бѣлокриницкой. Правда, яснѣе, нежели кто-либо другой, видѣлъ Павелъ и понималъ совершенную ничтожность личности Кирилла; но онъ былъ увѣренъ, что, держа его въ рукахъ, не допуститъ никакого съ его стороны опрометчиваго и вреднаго для іерархіи поступка,—находилъ, что полная ничтожность и слабость Кирилла даже и полезны, ибо даютъ возможность управлять и распоряжаться имъ безъ всякаго затрудненія, безъ опасенія какихъ либо съ его стороны противодѣйствій. Такъ дѣйствительно и было. Всѣ легкомысленныя, безобразныя дѣйствія Кирилла, причинившія столько зла бѣлокриницкой іерархіи и бывшія именно послѣдствіемъ его ничтожества, слабоумія и корыстолюбія, начались уже по смерти Павла, когда не стало этого сильнаго и искуснаго руководителя, которому онъ безпрекословно подчинялся.

Кончивъ хлопоты объ утвержденіи Кирилла на Амвросіевой каѳедрѣ, Павелъ нашелъ нужнымъ избрать преемника и другому заточнику — архимандриту Геронтію. Хлопоты объ освобожденіи Геронтія, начатые при посредствѣ австрійскаго правительства, оказались тщетными и едва ли возобновлялись послѣ того, какъ и самого Амвросія постигла печальная участь и всѣ старанія удержать его на мѣстѣ, кончились неудачей. Въ Бѣлой-Криницѣ, равно какъ и въ Москвѣ, не знали даже, гдѣ находится Геронтій, куда онъ заточенъ,—не имѣли никакихъ вѣстей, „аки отъ камня, пущеннаго въ глубину моря“, по характерному выраженію Павла. Онъ только спрашивалъ иногда своихъ московскихъ друзей: „не слыхать ли чего о нашемъ прикащикѣ?“ — и только прибавлялъ: „какъ мы объ немъ соболѣзнуемъ“ [74])! Надежды на возвращеніе Геронтія такимъ образомъ нельзя было имѣть; а между тѣмъ, по уставу монастырскому, утвержденному правительствомъ, въ монастырѣ долженъ быть

[74]) *Переписка*, вып. 1, стр. 128.

настоятель; да и положеніе монастыря требовало ближайшаго надзора за братіей и отправленія другихъ, принадлежащихъ настоятельской должности, обязанностей Итакъ надлежало избрать настоятеля. У Павла, разумѣется, было уже намѣчено лицо, достойное, по его мнѣнію, занять эту должность, — именно тогдашній монастырскій уставщикъ Аркадій, три года тому назадъ произведенный въ священноиноки. Избраніе его Павелъ устроилъ законнымъ порядкомъ, на общебратскомъ соборѣ. Соборъ этотъ, составленный изъ всѣхъ монастырскихъ священноиноковъ, іеродіаконовъ, иноковъ и бѣльцовъ, происходилъ въ присутствіи „господина митрополита и его намѣстника“ 14 декабря 1851 года. Павелъ написалъ соборный актъ о „выборѣ архимандрита“, который и былъ подписанъ всѣмъ братствомъ[73]). Въ немъ указаны сначала основанія, почему приступлено къ избранію новаго архимандрита, — именно: а) „отсутствіе бывшаго архимандрита Геронтія еще съ 1847 года и безвѣстное его удаленіе отъ насильственной руки враговъ (липованской) вѣры, которое даже доднесь терпѣли въ ожиданіи по крайней мѣрѣ какое-либо слышать извѣстіе, но нѣсть того, аки отъ камене, пущеннаго во глубину моря“, и б) „безъ надлежащаго въ общебратствѣ отца и хозяина увеличеніе остановки въ благочинномъ распоряженіи въ дѣлахъ церковнаго положенія и въ общебратскомъ и разномъ хозяйственномъ обхожденіи“. „А по таковымъ причинамъ, — говорилось далѣе, — вынужденными себѣ нашли, съ

---

[73]) Подлинный соборный актъ находится въ *Бѣлокр. арх.* Онъ подписанъ двумя „священноиноками“ (Саввой и Арсеніемъ; подписи Аркадія нѣтъ), двумя іеродіаконами (Георгіемъ и Иліей), тремя іподіаконами (Іосифомъ, Меѳодіемъ, Геронтіемъ), семью иноками, умѣющими писать (въ томъ числѣ значатся казначей Дорооѳей и экономъ Іоаннъ), чтецомъ Кирилломъ Ивановымъ; затѣмъ слѣдуютъ не умѣющіе писать: двѣнадцать иноковъ, какой-то черноризецъ (?) Іона и отшельникъ инокъ Никандръ, наконецъ двѣнадцать бѣльцовъ (въ ихъ числѣ значатся два подкеларщика, мельникъ, хлѣбникъ и конюхъ). За всѣхъ „не умѣющихъ грамотѣ“ и за всѣхъ бѣльцовъ „по ихъ просьбѣ, и за себя“ подписался „депутатъ монастыря инокъ Павелъ“. Подписи другаго депутата — Алимпія нѣтъ, — онъ, очевидно, находился въ отсутствіи.

благословенія г-на нашего митрополита, избрать изъ среды насъ способнаго къ сей должности и достойнаго сего сана, другаго себѣ отца архимандрита, и по *многоиспытномъ* разсужденіи единогласнымъ отъ всѣхъ насъ словомъ избрали пречестнаго священноинока Аркадія, церковнаго нашего уставщика, во отца себѣ, яко достойнаго настоящимъ быть архимандритомъ". Затѣмъ изображались высокія качества новоизбраннаго, какъ „человѣка скромнаго и смиренномудраго нрава, трезваго и воздержнаго поведенія... доднесь не только не показавшаго какихъ-либо тѣлесныхъ страстей, или слабостей, или волненія въ братствѣ и возстанія на монастырскіе уставы, но ниже слухомъ, или маніемъ въ томъ когда замѣченнаго". Упомянуто также, что „пречестный отецъ Аркадій долго не соглашался на принятіе сего ига, но убѣдительный гласъ всего общаго собора и усердное прошеніе превозможе".

Быть можетъ, Аркадій и не очень охотно принялъ предложеніе Павла занять должность настоятеля Бѣлокриницкаго монастыря; но трудно допустить, чтобы на самомъ соборѣ онъ „долго не соглашался на пріятіе сего ига", равно какъ и то, чтобы на соборѣ же происходило „многоиспытное рязсужденіе", кого избрать въ архимандриты, прежде чѣмъ избрали Аркадія. Несомнѣнно, что соборъ составленъ былъ только для формы и безпрекословно утвердилъ уже сдѣланное Павломъ избраніе архимандрита. Относительно же высокихъ нравственныхъ качествъ Аркадія, изображенныхъ въ актѣ избранія, нужно замѣтить, что онъ безъ сомнѣнія стоялъ въ этомъ отношеніи выше прочаго бѣлокриницкаго братства, иначе Павелъ не остановилъ бы на немъ и выбора; но въ дѣйствительности ни умственными, ни нравственными качествами онъ не отличался, и Павелъ изобразилъ ихъ въ столь привлекательномъ видѣ только въ назиданіе предбудущимъ родамъ, дабы вѣдали какихъ достойныхъ якобы и безукоризненныхъ по жизни людей избирали въ новоучрежденной раскольнической митрополіи для занятія церковныхъ должностей[76]).

[76]) Объ ограниченности и уклончивомъ характерѣ Аркадія достаточно свидѣтельствуютъ оставшіяся письма его, писанныя имъ въ быт-

Достойно вниманія въ общебратскомъ актѣ объ избраніи Аркадія въ архимандриты слѣдующее прибавленіе, котораго, очевидно, само общебратство придумать не могло: „обаче предварительно упреждаемъ, — кто знаетъ! — аще Богъ благоволитъ, да прежній нашъ архимандритъ Геронтій здравъ и благополученъ въ нашу обитель возвратится, тогда по смерть его сей пречестный отецъ Аркадій долженъ быть по немъ вторымъ, сирѣчь намѣстникомъ его". Въ этой оговоркѣ ясно отразилась искренняя пріязнь, какую Павелъ питалъ къ Геронтію; и это тѣмъ любопытнѣе, что о подобныхъ оговоркахъ Павелъ не имѣлъ и помышленія при назначеніи преемника другому заточнику — Амвросію, напротивъ самъ поспѣшилъ, еще до свиданія съ нимъ въ Цилли, объявить его „заштатнымъ" и радъ былъ, когда Амвросій при этомъ свиданіи сказалъ, что не желаетъ быть дѣйствительнымъ митрополитомъ у липованъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы возвратился въ Бѣлую-Криницу. „Болѣзнуя" о Геронтіи и питаясь надеждою на его возвращеніе, Павелъ, очевидно, равнодушенъ былъ къ судьбѣ Амвросія, если только не былъ и радъ, что избавился отъ соблазнительнаго для липованъ присутствія его въ Бѣлой-Криницѣ.

Черезъ день послѣ соборнаго избранія, 16 декабря, происходило возведеніе Аркадія въ санъ архимандрита, которое совершилъ „всесоборнѣ" самъ Кириллъ за литургіей, при чемъ

ность Васлуйскимъ и Измаильскимъ архіепископомъ. Подлежитъ сомнѣнію и безукоризненность его жизни: изъ писемъ Аркадія некрасовскаго и изъ другихъ имѣющихся у насъ видно, что многіе блазнились его слишкомъ близкими отношеніями къ женскимъ монастырямъ, указывая и на плоды оныхъ. Аркадій Славскій писалъ даже: „Когда я былъ въ митрополіи, постановили діаконовъ и поповъ, а Васлуйскаго оставили. Я однажды старѣйшинамъ началъ стужать: что не ставите больше? Они говорятъ: да кого же ставить? Я сказалъ: отца Аркадія (онъ тогда былъ головщикомъ). Мнѣ отвѣтили: *нельзя его ставить*. Я и замолчалъ. Послѣ того поставили архимандритомъ, а потомъ архіепископомъ: а діакономъ нельзя было ставить!" (*Переписка*, вып. II, стр. 109). Послѣ этого можно судить, сколько правды въ словахъ Павла объ Аркадіи, что онъ „не только не показалъ какихъ-либо тѣлесныхъ страстей или слабостей, но ниже слухомъ, или маніемъ въ томъ замѣченъ..."

вручилъ ему и настоятельскій жезлъ[77]). Тогда же вручено Аркадію, сочиненное Павломъ и подписанное Кирилломъ „архипастырское наставленіе“, имѣющее смыслъ какъ бы произнесеннаго публично при врученіи ему жезла[78]). Въ немъ именно говорилось: „се чрезъ смиреніе наше возведенъ еси на начальство духовное во святую обитель сію архимандритомъ и вручается тебѣ отъ насъ пастырскій жезлъ сей въ знаменіе правленія духовнаго“. За симъ указаны были главнѣйшіе обязанности, лежащія на архимандритѣ, какъ настоятелѣ монастыря, — говорилось именно:

„Паси богоданное тебѣ стадо, яко отецъ чадомъ равную любовь показуя, малодушныя утѣшая, немощныя утверждая, и согрѣшающія духомъ кротости исправляя, непокорныя иноческимъ уставамъ, и противныя, и въ соблазнъ инымъ бывающія и преслушаніемъ ожесточенныя благопокорны и благоумны твори словомъ и духовными повѣствованіи, а не покоряющіяся слову учительну подлагай должнымъ запрещеніемъ за цѣломудріе другимъ... праздныя иноки не восхощи никогда видѣти, ниже слышати. Во иныхъ монастырехъ обѣты сотворшія иноки, кромѣ благословныхъ винъ, подъ свою паству не пріемли, но всячески увѣщевай ихъ во свою ихъ обитель отходити: подчиненнымъ же неполезныхъ прехожденій во грады и веси возбраняй, и пристрастія сродникъ и любимыхъ, еще въ мірѣ сущихъ, конечно отсѣцай“, и т. д.

Во исполненіе указанной въ томъ же „наставленіи“ обязанности „имѣть попеченіе, да всякъ живяй во обители, инокъ же и мірскій, часто святымъ покаяніемъ очищаетъ душу свою“, Аркадій, на другой же день по поставленіи въ архимандриты,

---

[77]) Въ *Памятникѣ* подъ 16 дек 1851 года записано: „Аркадій священноиноκъ сего числа г. митрополитомъ Кирилломъ всесоборнѣ произведенъ сему Бѣлокриницкому монастырю архимандритомъ“. И въ другой графѣ: „Сего же числа и жезлъ ему врученъ на литургіи. Обстоятельства сего дѣла и кондиціи ему изображены въ особомъ актѣ выбора, учиненнаго сего же мѣсяца числа“ (?). Въ „актѣ выбора“ никакихъ „кондицій“ не „изображено“; обязанности архимандрита указаны въ „пастырскомъ наставленіи“, которое выдано Аркадію, или по крайней мѣрѣ подписано Кирилломъ того же 16 декабря.

[78]) Списокъ его, писанный по-уставному, находится въ *Бѣлокр. арх.*

17 декабря, издалъ приказъ „ко всѣмъ отцемъ и братіямъ, живущихъ въ монастырѣ, исключая архіереевъ, іереевъ и діаконовъ", чтобы въ наступающую, послѣднюю недѣлю рождественскаго поста непремѣнно говѣли. Приказъ этотъ, составленный очевидно Павломъ же, гласилъ:

„Отцы святіи и братія! Не новое вамъ се предаю, но древнее святыхъ отецъ законоположеніе возвѣщаю и подтверждаю, съ благословенія владыки нашего г. митрополита, дабы всѣ до единаго нынѣшняго поста въ настоящую сію седмицу упразднились на постъ и молитву съ особеннымъ благоговѣніемъ, къ приготовленію каждый по силѣ своей къ причастію св. таинъ, по уставу монастыря сего[79]), какъ и прежде во всякій постъ исполняли. Уповаю, что и нынѣ сего отеческаго моего къ вамъ приказанія не откажетесь".

Къ приказу приложенъ былъ разграфленный листъ, въ которомъ каждый изъ монастырской братіи долженъ былъ собственноручно, а не умѣющій грамотѣ поручить умѣющему — отмѣтить, что слышалъ указъ и желаетъ говѣть, или въ особой графѣ объяснить, почему не можетъ исполнить приказа. Первый росписался: „Слышалъ и желаю инокъ Павелъ"[80]). Листъ этотъ, равно какъ и самый „приказъ архимандрита" служатъ свидѣтельствомъ, что „древнее святыхъ отецъ законоположеніе", повелѣвающее инокамъ во всѣ четыре установленные церковію поста говѣть, исповѣдываться и пріобщаться св. таинъ, въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ плохо исполнялось, почему Павелъ и нашелъ нужнымъ прибѣгнуть къ формальному, такъ сказать, обязательству всей братіи —

---

[79]) Ссылка на монастырскій Уставъ сдѣлана напрасно. Въ „Уставѣ Бѣлокриницкаго монастыря" совсѣмъ нѣтъ статьи о приготовленіи иноковъ и прочаго братства къ причащенію въ положенные церковію посты. Въ статьѣ о постахъ (гл. IV, ст. 8) говорится только о пощеніи, молитвѣ и поклонахъ (См. прилож. къ *Бѣлокр. іер. Ист.*, стр. 384).

[80]) Вслѣдъ за Павломъ подписались и другіе, употребивъ одно выраженіе: „слышалъ"; а нѣкоторые, въ графѣ „кто откажется, или чѣмъ отзовется", писали: „боленъ". Всѣхъ значится въ спискѣ 42 человѣка.

непремѣнно исполнить долгъ говѣнья въ послѣднюю недѣлю Рождественскаго поста. Вообще, какъ видно, уставъ монастырскій находился у бѣлокриницкихъ иноковъ въ пренебреженіи, и Павелъ, смущавшійся этимъ, воспользовался назначеніемъ новаго настоятеля, чтобы чрезъ него, какъ обязаннаго къ тому самою должностію, напомнить братству о „непремѣнномъ исполненіи“ требованій устава. Вскорѣ же послѣ приведеннаго „приказа“, именно 28 числа того же декабря мѣсяца, Павломъ издано отъ имени Бѣлокриницкаго архимандрита новое „приказаніе ко всѣмъ отцамъ и братіямъ, живущимъ въ монастырѣ, отъ священниковъ, даже до послѣднихъ бѣльцовъ, исключая только архіереовъ“, которымъ „на основаніи монастырскаго Устава, иже изначала соборнѣ учиненнаго“, „подтверждались къ непремѣнному исполненію“, пять его пунктовъ. Эти пункты, какъ видно, наиболѣе пренебрегались, и потому въ настоящемъ „приказаніи“ не только вновь повторены, „подтвержденія“ ради, но и дополнены разъясненіями и подробностями[31]). Такъ видно, что бѣлокриницкое братство не стѣснялось нарушать ту статью Устава, которою требовалось „за ограду монастыря безъ позволенія настоятеля не выходить[32]). Поэтому въ первомъ пунктѣ „приказанія“ говорилось:

„Безъ благословенія настоятельскаго никому никуда изъ монастыря *ни по какому дѣлу, а наипаче безъ дѣла,* не выходить *ниже за святыя врата*[33]). А если кому истинная какая и неблазненная потреба будетъ куда внѣ монастыря сходить, тогда каждому нужно принять отъ настоятеля благословеніе и идти въ подобно время. Буде же кто пойдетъ за святыя

---

[31]) Подлинное, писанное собственноручно Павломъ, въ *Бѣлокр. арх.* На оборотѣ переписаны 43 человѣка „сіе приказаніе на соборѣ лично слышавшіе“.

[32]) Уставъ, гл. IV, статья III (см. въ Прилож. къ *Ист. Бѣл. іер.*, по изданію 1874 г.).

[33]) Въ Уставѣ сказано только: „За монастырскую ограду безъ позволенія настоятеля, ни по общему, ни по собственному дѣлу, никто не долженъ выходить“. Далѣе въ „приказаніи“ идутъ разъясненія, которыхъ въ Уставѣ нѣтъ и которыя сдѣланы, очевидно, на основаніи печальнаго опыта.

врата безвременно, или ночью, паче же безъ благословенія, то уже прямо подлежитъ наказанію по нашему монастырскому обыкновенію, *и да не смѣетъ тогда никто защищаться ни священническимъ, ни діаконскимъ чиномъ, ниже старостію, или младостію лѣтъ*: никакой убо не пріемлется извѣтъ".

Во второмъ пунктѣ „приказанія" дѣлалось подтвержденіе и разъясненіе статьи Устава, говорящей о посѣщеніи иноками церковныхъ службъ[84]), которая также многими пренебрегалась, какъ объ этомъ и прямо даже замѣчено:

„Вся братія безъ изъятія, отъ священника и до бѣльца, исключая разслабленныхъ и больныхъ, должны непремѣнно вставать по звону и приходить въ церковь на полунощницу каждодневно. Для того, сверхъ звону, будильникъ по назначенному ему чину, каждаго побуждая, съ однимъ *аминемъ* отъ дверей да не отходитъ, но, по изреченіи: *востани брате*, долженъ получить отвѣтъ: *спаси Христосъ*, то значитъ здравъ и на службу идти готовъ; а если кто не можетъ на полунощницу идти, да отзовется ясно сими словами: *прости, отче, нездоровъ*. Тогда о таковыхъ будильникъ, по окончаніи утрени, да объявитъ настоятелю непремѣнно. Буде же кто, здоровъ сый, но за лѣностію не восхощетъ востать и пріити къ полунощному прощенію и къ утрени, то уже прямо подлежитъ наказанію по монастырскому обыкновенію, и не пріемлется извѣтъ ни по сану, ни по ремесленнымъ заслугамъ его: понеже не разъ и не два за инымъ эта лѣность и нерадѣніе замѣчается".

Въ третьемъ пунктѣ подтверждалась (3-й главы XVII) статья Устава о монастырскихъ трудникахъ, — предписывалось имъ въ свободное отъ трудовъ время присутствовать за утренними и дневными службами, „въ вечеръ же, по ужинѣ, непремѣнно въ числѣ прочихъ стоять за паверницею, а по прощальномъ отпускѣ отходить прямо въ свою келью, а по монастырю не блукаться[85]) и ни съ кѣмъ по павечерницѣ не производить бесѣдъ".

---

[84]) Объ этомъ говорится именно въ ст. XII, гдѣ излагаются обязанности „соборнаго старца наблюдательнаго за благочиніемъ".

[85]) Блукаться — бродить, шататься (Слов. Даля).

Въ четвертомъ пунктѣ предписывалась осторожность относительно принятія посѣтителей, въ дополненіе къ изложенному въ I и II ст. 7-й главы Устава:

„Приходящихъ со стороны и слободскихъ людей, если къ кому изъ братіи по знакомству (придетъ), можетъ принять къ себѣ *на часъ*, или, по касающейся нуждѣ довести его до епископа, или г. митрополита. А если приходящему человѣку нужно будетъ въ монастырѣ ночевать, или пробавиться *цѣлый день*, то о таковомъ долженъ приниматель возвѣстить первѣе, ни къ епископу, ни къ митрополиту, но къ настоятелю, и сказать вину его пришествія въ монастырь. *Буде же кто посторонняю человѣка продержитъ у себя безъ докладу настоятельскаго, таковый повиненъ будетъ монастырскому наказанію по достоянію.*

Наконецъ, пятымъ пунктомъ, на основаніи монастырскаго устава[86]), строго запрещалось „что-либо тайно работать и внѣ монастыря безъ настоятельскаго благословенія отдавать: святотатство бо есть и безъ наказанія таковый не проминуетъ“.

Такимъ образомъ инокъ Павелъ, заботясь о исправленіи нравовъ липованъ и ихъ духовенства посредствомъ издаваемыхъ отъ имени Кирилла обличительныхъ грамотъ, озаботился и исправленіемъ смущавшихъ и огорчавшихъ его недостатковъ въ жизни самихъ иноковъ бѣлокриницкихъ, всего монастырскаго братства, съ каковою цѣлію избралъ именно настоятеля и издалъ отъ его имени приведенные „приказы“ монастырскому общебратству. Самъ по себѣ настоятель монастыря, особенно такой, каковъ былъ Аркадій, не могъ имѣть значенія, когда въ монастырѣ были уже такіе начальники, какъ митрополитъ и его намѣстникъ; но въ рукахъ Павла, какъ орудіе для воздѣйствія на братство, онъ былъ нуженъ и полезенъ. Когда же не стало Павла, то и значеніе настоятеля монастыря, или архимандрита, совсѣмъ упало, такъ что послѣ Аркадія, когда онъ произведенъ былъ въ архіепископы, преемники его по настоятельству не возводились уже и въ санъ

[86]) Разумѣется II статья 4-й главы, озаглавленная: „Безъ благословенія никому ничего не работать и изъ монастыря не выдавать“.

архимандрита, и братство относилось къ нимъ пренебрежительно, а въ самомъ братствѣ Бѣлокриницкаго монастыря началась полная распущенность.

Въ то самое время, когда инокъ Павелъ такъ заботливо (хотя и тщетно) старался упорядочить жизнь темныхъ липованскихъ „громадъ“ и самихъ иноковъ липованскаго Бѣлокриницкаго монастыря, были получены имъ отъ Аркадія изъ Славскаго скита пріятныя извѣстія объ упроченіи бѣлокриницкаго священства въ турецкихъ предѣлахъ, а съ другой стороны, изъ Москвы и съ родины, очень тревожные слухи о положеніи этой іерархіи въ россійскихъ предѣлахъ и, что̀ было всего прискорбнѣе для Павла, о незаконныхъ и соблазнительныхъ дѣйствіяхъ поставленнаго туда, по его указанію, перваго епископа — Софронія.

8. Признаніе австрійской іерархіи у некрасовцевъ турецкимъ правительствомъ.

Хотя существованіе австрійской іерархіи у некрасовцевъ и было уже дозволено турецкимъ правительствомъ, но имъ желательно было, для вящшаго торжества надъ ея противниками и для совершеннаго ея обезпеченія на будущее время, получить не дозволеніе только, а и законное ея утвержденіе самимъ султаномъ, съ признаніемъ правъ ея, какъ іерархіи, ни отъ какой духовной власти въ Турціи независимой. Учрежденіе архіепископіи въ Славѣ еще болѣе усилило эти желанія принявшихъ іерархію некрасовцевъ. Сначала они хотѣли употребить въ посредство для ходатайствъ въ Константинополѣ мѣстную турецкую власть — въ Бабадагѣ; но съ ея стороны не изъявлено было особой готовности ходатайствовать за новое духовенство некрасовцевъ. Видя это и, по учрежденіи архіепископіи, воспалившись особеннымъ желаніемъ со всею прочностію утвердить въ Добруджнѣ духовенство австрійское, главный ревнитель его, Гончаровъ, ободренный своими недавними успѣхами въ Царь-градѣ и крѣпко надѣясь на помощь Чайковскаго и прочихъ „благодѣтельныхъ

пановъ", рѣшился дѣйствовать самостоятельно, принять всѣ хлопоты по этому дѣлу на себя. Онъ взялъ въ товарищи себѣ, какъ втораго депутата отъ некрасовцевъ, Михайлу Андреева, и отправился съ этою цѣлію въ Константинополь. „Послѣ трехлѣтняго изнуренія церкви задунайской отъ враждебныхъ раздорниковъ нашихъ, — писалъ впослѣдствіи Аркадій, — начали мы принимать мѣры о исходатайствованіи отъ высокой порты намъ фирмана, т.-е. государственнаго указа на наше духовенство, коего еще не имѣли некрасовцы... Нѣсколько разовъ просили мы мѣстное начальство о выдачѣ намъ одобренія въ Константинополь къ высокимъ властямъ; но все было тщетно. Наконецъ изъявилъ ревность нашъ коренной житель Іосифъ Семеновичъ Гончаровъ... Съ помощію самого Бога, безъ одобренія, прибылъ въ восточную столицу, въ Царьградъ, и началъ ходатайствовать у высокихъ властей"[87]). Это было въ началѣ марта 1851 года; 20-го числа этого мѣсяца тотъ же Аркадій писалъ въ Бѣлую Криницу: „Журиловскіе депутаты, Михайло Андреевъ и Іосифъ Семеновъ Гончаровъ, по общественному дѣлу находятся въ Царѣ-градѣ и между прочимъ подали прошеніе министру о нашей архіепископіи, дабы правительство выдало намъ ферманъ (указъ) на утвержденіе, и сія просьба пошла по дистанціямъ. Что будетъ, Богъ вѣсть. Къ намъ въ Тульчу назначенъ паша на управленіе, коему будутъ принадлежать наши города и всѣ наши некрасовцы: слухъ имѣемъ, что ему поручено и о нашей архіепископіи произвести секретное слѣдствіе и потомъ донести въ Царь-градъ, отколь ожидать должно или ферманъ, или отказъ о ономъ дѣлѣ"[88]). Но Гончаровъ не слишкомъ нуждался въ добрыхъ отзывахъ о некрасовскомъ духовенствѣ новаго тульчинскаго паши: константинопольскіе друзья приняли такое живое участіе въ его дѣлѣ, что ему удалось легко и свободно провести его по всѣмъ „дистанціямъ".

Положеніе дѣлъ на Востокѣ было тогда очень тревожно,

---

[87]) *Переписка*, вып. 2, стр. 13.
[88]) Тамъ же, стр. 10.

и въ виду грядущихъ событій панъ Чайковскій съ товарищами находилъ весьма нужнымъ тѣснѣе сблизиться съ некрасовцами. Упрочить за собой и за турецкимъ правительствомъ ихъ расположеніе и преданность онъ надѣлялся именно исходатайствованіемъ ихъ духовенству такихъ правъ, какими не пользовалось въ Турціи даже и православное греческое духовенство, потому съ особеннымъ усердіемъ принялся хлопотать по дѣлу Гончарова. Онъ самъ поручился за совершенную благонадежность въ политическомъ и иныхъ отношеніяхъ новаго некрасовскаго духовенства,— и, какъ писалъ Аркадій, съ помощію такой „высокой особы“, Гончаровъ успѣшно „прошелъ всѣ дистанціи, достигнулъ до самаго высочайшаго императорскаго престола, вступило дѣло въ государственную канцелярію“. Случилось, правда, во время дѣлопроизводства одно обстоятельство, сильно напугавшее Гончарова; но тревога оказалась напрасною. Такъ какъ дѣло шло собственно о духовенствѣ, то въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ сообразили, что оно ближайшимъ образомъ касается константинопольскаго патріарха, и потому препроводили его для зависящихъ распоряженій въ патріархію. Отъ патріархіи Гончаровъ не ожидалъ, конечно, ничего добраго своему дѣлу, хорошо зная, какое близкое участіе принималъ недавно Константинопольскій патріархъ въ осужденіи Амвросія, по требованію русскаго правительства. Сильно озабоченный, онъ поспѣшилъ принять мѣры къ возвращенію дѣла изъ патріаршей канцеляріи, какъ поступившаго туда по ошибкѣ. Но оказалось, что и самъ патріархъ призналъ дѣло до него не касающимся и потому возвратилъ его безъ всякихъ съ своей стороны замѣчаній. Такимъ образомъ это неожиданное и единственное затрудненіе, встрѣченное Гончаровымъ, устранилось само собою. Наконецъ въ послѣднихъ числахъ іюня Гончарову выданъ былъ, самимъ султаномъ подписанный и засвидѣтельствованный высшими сановниками имперіи, фирманъ, которымъ турецкое правительство объявляло свою волю, чтобы съ Игнатъ-казаками, его вѣрными подданными, всѣ обходились благосклонно, „дабы они подъ его покровительскимъ крыломъ свободнымъ воздухомъ въ благополучіи отдыхали“, а

относительно религіи и духовенства Игнатъ-казаковъ дѣлало распоряженіе, „чтобы нынѣ свободно и въ предтекущія времена пользовались они, Игнатъ-казаки, своею собственною, отъ другихъ не принадлежащею вѣрой, и чтобы *никакая другая церковная власть въ ихъ дѣла не мѣшалась, имѣючи* (такъ какъ имѣютъ) *они собственное свое священство*“ [39]). Эти послѣднія слова имѣли особенную важность для Аркадія и всей его паствы: въ нихъ заключалось и признаніе верховною властію дѣйствительнаго, законнаго существованія у некрасовцевъ ихъ *собственнаго* священства, и предоставленіе этому именно священству полнаго и безпрепятственнаго распоряженія церковными дѣлами у некрасовцевъ.

Полученіе фирмана было истиннымъ праздникомъ для Славской архіепископіи: старцы возносили молитву за „добраго султана“, благодарили и осыпали похвалами неутомимаго Осипа Семеновича, поздравляли другъ друга съ полученіемъ „монаршей милости“. По случаю такого радостнаго событія предположено было устроить и нарочитое торжество: „нынѣ, — писалось въ извѣстительномъ посланіи изъ Славской обители,— нынѣ въ нашихъ архипастырѣхъ и во всѣхъ отцѣхъ и въ мірскихъ положено: въ память сей монаршей милости въ непродолжительномъ времени составить свѣтлый праздникъ во всѣхъ нашихъ церквахъ и принести Всемогущему Господу Богу и Возбранной Воеводѣ Пречистой Богородицѣ благодарственныя молитвы, и обще молить Господа Бога за кроткаго нашего царя; вѣчно благодаримъ и молимъ Бога о здравіи и спасеніи тру-

[39]) Фирманъ этотъ, „переведенный въ Константинополѣ французскимъ переводчикомъ не въ совершенной точности, но съ нѣкоторою неясностію“, какъ сказано въ разосланномъ отъ имени Славскаго архіепископа „Увѣдомленіи“, былъ приложенъ въ копіи при этомъ самомъ „Увѣдомленіи“. (Напечатанъ во 2-мъ вып. *Переписки раскольн. дѣят.* стр. 15—16). Упоминаніе о французскомъ переводчикѣ надобно сопоставить съ надписью, сдѣланной на самой копіи фирмана: „Переведенъ на русскій языкъ чрезъ И. П. К. однокровнаго казачьяго сосѣда и друга“. Надобно полагать, что съ турецкаго языка сначала былъ сдѣланъ французскій переводъ, а уже съ французскаго русскій. Кто этотъ И. П. К., остается неизвѣстнымъ.

дившагося безмездно раба Христова Іосифа". Но прежде всего надлежало предъявить фирманъ мѣстнымъ гражданскимъ властямъ, такъ какъ въ немъ было сказано: „повелѣваемъ всѣмъ нашимъ каймаканамъ и начальникамъ, дабы нынѣшній нашъ фирманъ въ точности и вѣрно исполненъ былъ". „Фирманъ объявили мы, — говорится въ томъ же извѣстительномъ посланіи, — тульчинскому каймакану, начальнику пяти городовъ, или уѣздовъ: онъ принялъ его съ великимъ благоговѣніемъ и приказалъ завести въ журналъ кадіи, то-есть прокурора, отъ слова до слова, ради покровительства нашихъ всѣхъ единовѣрныхъ. Объявили и въ нашемъ городѣ, называемомъ Бабадагъ, и также завели въ журналъ. Объявляемъ и въ Мачинѣ, ради покровительства каменской церкви, священства и жителей ея". Затѣмъ пожелали какъ можно скорѣе извѣстить о своей радости и ближайшихъ по мѣсту жительства старообрядцевъ. Съ этою цѣлію составлено было Аркадіемъ лаврентьевскимъ, отъ имени и по порученію архіепископа Аркадія извѣстительное посланіе, въ которомъ повѣствовалось какъ именно и чрезъ кого полученъ былъ фирманъ; къ посланію приложена была и точная копія съ самаго фирмана. И посланіе, и фирманъ просили, для общаго свѣдѣнія, прочесть по церквамъ. „Объявляемъ всѣмъ нашимъ единовѣрнымъ православнымъ христіанамъ: благоугодно архіепископіи Славской чтобы прочитано было въ церквахъ Каменской и Браиловской и всѣмъ христіаномъ до города Яссъ, а изъ Яссъ чтобы въ наискорѣйшее время доставили Мануиловскимъ церквамъ, а изъ Мануиловки препроводили бы въ Бѣлокриницкую митрополію, и дабы вручили своеручно отцу нашему и владыкѣ высокопреосвященному митрополиту Кириллѣ и его намѣстнику владыкѣ Онуфрію со всѣмъ священнымъ соборомъ и всей богоподвижной братіи, а наипаче трудившимся въ семъ дѣлѣ отцамъ Павлу и Алимпію". Къ Павлу и Алимпію въ посланіи сдѣлано было особое, многозначительное обращеніе: „Трудъ вашъ, отцы святіи, принесъ намъ пользу не точію душевную, но и гражданскую. Нашъ добрый императоръ проникнулъ угнетенія наши отъ сѣвернаго повѣтрія, высочайше повелѣваетъ

всѣмъ своимъ начальникамъ, чтобы покровительствовать насъ и дабы мы подъ его крыломъ отдыхали, вѣру свою содержали, церкви и священство безпрепятственно имѣли бы свое собственное, а не заимствовали бы отъ Россіи, какъ прежде".

„Увѣдомленіе", въ которомъ говорилось все это, по прочтеніи въ назначенныхъ мѣстахъ, наконецъ доставлено было подлинникомъ въ Бѣлую-Криницу. Здѣсь его получили именно 25 іюля 1851 года[90]), и приняли съ живѣйшей радостью. Особенно утѣшался этими извѣстіями изъ Славы инокъ Павелъ, которому воздавалась такая благодарность за предпринятый имъ трудъ учрежденія новой старообрядческой іерархіи. Признаніе и твердое обезпеченіе ея дальнѣйшаго существованія въ турецкихъ предѣлахъ, посредствомъ изданнаго самимъ султаномъ фирмана, служило для него дѣйствительно пріятной наградой за подъятые труды по учрежденію іерархіи и внушало отрадную надежду на дальнѣйшія ея успѣхи. Но въ то же самое время, какъ мы сказали выше, къ великому его огорченію, изъ Россіи приходили весьма неутѣшительные слухи о положеніи тамъ новоучрежденнаго священства и, чѣмъ особенно смущался Павелъ, о дѣйствіяхъ самого, поставленнаго для россійскихъ старообрядцевъ, епископа Софронія.

9. Отношенія россійскихъ старообрядцевъ къ новоучрежденной іерархіи. — Положеніе Софронія въ Россіи. — Слухи объ его незаконныхъ дѣйствіяхъ.

По смерти Громова главными покровителями и помощниками учредителей старообрядческаго епископства сдѣлались, какъ извѣстно, московскіе богатые прихожане Рогожскаго Кладбища — Рахмановы съ ихъ родственниками и приближенными: они посылали обильную денежную помощь на хлопоты по учрежденію іерархіи за границей и дали обѣщаніе обезпечить ея даль-

---

[90]) Такъ помѣчено самимъ инокомъ Павломъ на подлинномъ „Извѣщеніи"; самое же „извѣщеніе" подписано 2-мъ числомъ іюля (См. *Переписку*, вып. 2, стр. 13—16).

нѣйшее существованіе; съ ними Павелъ и Геронтій находились въ постоянныхъ сношеніяхъ и не разъ пріѣзжали къ нимъ въ Москву для личныхъ объясненій по дѣлу объ іерархіи, которое вели съ такимъ усердіемъ. По окончаніи этого дѣла, когда Геронтій уже въ званіи бѣлокриницкаго архимандрита прибылъ въ Москву, чтобы сообщить подробности о митрополитѣ Амвросіи, о новопоставленномъ намѣстникѣ, о положеніи новоучрежденной старообрядческой митрополіи, посовѣтоваться о мѣрахъ къ обезпеченію ея дальнѣйшаго существованія и къ подчиненію ей россійскихъ старообрядцевъ, тѣ же богатые прихожане Рогожскаго Кладбища — Рахмановы, Солдатенковъ, Досужевъ, Мартыновъ, Свѣшниковъ, Баулинъ, Соколовъ и другіе приняли его съ великимъ радушіемъ и изъявили полную готовность способствовать водворенію и распространенію въ Москвѣ и по всей Россіи у старообрядцевъ новаго бѣлокриницкаго священства. Съ такимъ же сочувствіемъ отнесся къ нему вліятельный на Кладбищѣ конторщикъ Дмитрій Корнѣевъ. Въ угоду богатымъ прихожанамъ, но совсѣмъ не искренно, согласился признать бѣлокриницкую іерархію даже и главный изъ оставшихся на Рогожскомъ Кладбищѣ „дозволенныхъ“ поповъ — Иванъ Матвѣевъ Ястребовъ. Въ видахъ содѣйствія распространенію въ Россіи новой старообрядческой іерархіи отъ всѣхъ этихъ лицъ, по предложенію Геронтія, снаряжено было извѣстное посольство Борисова и Жигарева въ Бѣлую-Криницу для ближайшаго ознакомленія съ митрополіей и для присутствія на мѵровареніи[91]). По всему этому слѣдовало ожидать быстраго и широкаго распространенія бѣлокриницкаго священства среди московскихъ поповцевъ; но на первыхъ же по-

[91]) Что Ястребовъ показывалъ себя въ то время сторонникомъ іерархіи, что несомнѣннымъ сторонникомъ ея былъ и Корнѣевъ, это видно изъ писемъ Жигарева къ Ястребову, писанныхъ изъ Бѣлой-Криницы. (*Переписка*, вып. 1, стр. 158—160). А какъ усердно, еще въ бытность Геронтія въ Москвѣ, Корнѣевъ заботился о привлеченіи прихожанъ Кладбища къ бѣлокриницкому священству, это можно видѣть изъ разсказовъ В. А. Сапелкина (по отд. изд. стр. 36—37).

рахъ много воспрепятствовалъ его распространенію, и именно между старообрядцами средняго класса, своей проповѣдью противъ него извѣстный дворникъ изъ Рогожской Иванъ Александровъ Гусевъ, выступившій въ свое время горячимъ противникомъ и самой мысли объ учрежденіи самостоятельной старообрядческой іерархіи съ епископами во главѣ, а потомъ уже до конца оставшійся врагомъ бѣлокриницкаго священства: какъ человѣкъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ въ своей средѣ, онъ многихъ удержалъ въ бѣглопоповствѣ, возбудивъ боязнь къ „повѣтрію, нанесенному отъ запада", какъ называлъ онъ бѣлокриницкое священство. Затѣмъ печальный исходъ послѣдней поѣздки Геронтія въ Москву и начавшіеся допросы соприкосновенныхъ къ его дѣлу лицъ изъ богатой раскольнической среды охладили на время усердіе къ іерархіи и въ этихъ послѣднихъ. Когда В. В. Борисовъ и Жигаревъ возвратились въ Москву изъ своей поѣздки за муромъ, они боялись даже ѣхать прямо на Рогожское Кладбище, избрали окольный путь, а рогожскіе правители встрѣтили ихъ съ крайней тревогой, какъ разсказываетъ самъ В. В. Борисовъ[92]).

---

[92]) Возвращаясь изъ Бѣлой-Криницы, первыя извѣстія о взятіи Геронтія они получили въ Тулѣ. „Понятно,— говоритъ В. В. Борисовъ,— какъ должны были встревожить насъ такіе слухи. Наша поѣздка въ Бѣлую-Криницу находилась въ связи съ пріѣздомъ въ Москву Геронтія, и потому задержаніе и допросы послѣдняго могли очень легко приготовить и намъ подобную же участь. Сообразивъ всѣ эти обстоятельства я до того растерялся, что не хотѣлъ даже ѣхать въ Москву, а думалъ написать туда письмо и ждать отвѣта, что́ намъ присовѣтуютъ. Но отважный и находчивый товарищъ мой не измѣнилъ себѣ и на этотъ разъ". Жигаревъ придумалъ проѣхать на Рогожское Кладбище, не въѣзжая въ Москву, а чрезъ Коломенское и Кожухово. „На Кладбищѣ,— продолжаетъ В. В. Борисовъ,— не меньше нашего объ насъ тревожились. Димитрій Корнѣичъ встрѣтилъ насъ съ распростертыми объятіями и слезами на глазахъ. — „Какъ еще васъ Господь помиловалъ! — говорилъ онъ, — мы ужъ совсѣмъ было и отчаялись объ васъ!" Были и такіе между лицами, по порученію которыхъ мы ѣздили, что не рады были и нашему возвращенію: „нашли время, — говорятъ, — когда воротиться! Что̀ намъ теперь дѣлать съ вами!" *(Поѣздка,* стр. 42—43).

Опасенія были не напрасны: обоихъ посланниковъ, о путешествіи которыхъ въ Бѣлую-Криницу было извѣстно правительству, вскорѣ же потребовали къ отвѣту, и Жигарева постигла даже печальная участь[93]). Въ виду такихъ обстоятельствъ и хитрый попъ И. М. Ястребовъ поспѣшилъ отказаться отъ притворно изъявленнаго имъ согласія на признаніе бѣлокриницкой іерархіи, учрежденной на замѣну бѣглопоповства, сталъ открыто на сторону Гусева. По указанію и подъ вліяніемъ этого послѣдняго составленъ былъ 8 ноября 1847 г. на Рогожскомъ Кладбищѣ подъ предсѣдательствомъ Ястребова, соборъ „насчетъ Австріи“, на которомъ онъ первый принесъ покаяніе и просилъ прощенія у своихъ прихожанъ за сообщеніе съ Бѣлокриницкой митрополіей, а затѣмъ было постановлено никакого общенія съ нею не имѣть и привезенное оттуда муро оставить безъ употребленія. Одинъ изъ горячихъ послѣдователей Гусева писалъ объ этомъ соборѣ: „Во-первыхъ положилъ началъ

---

93) Вѣрный своему характеру, Жигаревъ ни въ чемъ не сознавался (Допросы его см у Липранди, въ Чт. Общ. ист. и др.). За упорное несознаніе онъ приговоренъ былъ къ ссылкѣ. А В. В. Борисовъ, избѣгъ непріятностей изъявленіемъ желанія присоединиться къ церкви. Присоединеніе его, хотя и вынужденное обстоятельствами, было тѣмъ не менѣе искреннее: какъ человѣкъ умный, начитанный и религіозный, онъ и прежде хорошо понималъ неправду раскола, сходился болѣе съ такими изъ старообрядцевъ, которые безпристрастно разсуждали о церкви. По присоединеніи, какъ великій любитель и знатокъ церковнаго пѣнія, онъ усердно посѣщалъ торжественныя архіерейскія, соборныя и монастырскія службы. Большимъ пріятелемъ его былъ извѣстный игуменъ Парѳеній, къ которому въ Гуслицкій монастырь онъ не рѣдко ѣздилъ. Долгое время онъ жилъ у А. И. Хлудова въ должности завѣдующаго его знаменитою библіотекою. Тогда, по просьбѣ А. И. Хлудова, онъ составилъ свое описаніе путешествія въ Бѣлую-Криницу и передалъ его намъ для исправленія и изданія. Тогда же, въ домѣ А. И. Хлудова, часто бесѣдовалъ съ нимъ П. И. Мельниковъ, значительно воспользовавшійся, какъ мы уже говорили, его разсказами о раскольническихъ скитахъ для своихъ повѣстей „Въ лѣсахъ“ и „Въ горахъ“. Онъ напечаталъ потомъ въ одной газетѣ небольшую, но довольно интересную статью подъ заглавіемъ: „Мои воспоминанія изъ жизни въ расколѣ“ (Отд. изд. 1891 г.). Скончался въ 1897 г. въ преклонныхъ лѣтахъ (Род. въ 1821 г.).

священноіерей Иванъ Матвѣичъ, отъ скверныхъ прочелъ молитву, — сначала себя помянулъ и по запискѣ потомъ и всѣхъ православныхъ христіанъ: предъ Евангеліемъ и предъ св. иконами дали клятвенное обѣщаніе, чтобы съ австрійскими болѣе дѣлъ никакихъ не имѣть, къ нимъ ничего не посылать, и отъ нихъ ничего не брать и за истину не почитать, а что Жигаревымъ изъ Австріи было привезено, называлось фарисейская закваска, — въ томъ во всемъ сознались, а прежде были не въ сознаніи. Оное въ дѣло еще не было употреблено, и не будетъ"[94]). Въ то же время и полученное Гусевымъ извѣстное письмо задунайскихъ некрасовцевъ, въ которомъ съ увѣренностью говорилось объ обливанствѣ Амвросія и которому онъ постарался дать широкую извѣстность среди старообрядцевъ, весьма много усилило въ нихъ предубѣжденіе противъ новаго священства отъ Амвросія. Вскорѣ же самъ Гусевъ писалъ некрасовцамъ: „И здѣсь, въ Москвѣ, въ обществѣ заражены симъ повѣтріемъ, нанесеннымъ отъ запада, но только небольшая часть, — не болѣе какъ человѣкъ 50 во всемъ обществѣ, только первенствующіе; а то хотя и имѣютъ сей въ себѣ заразительный духъ нѣкоторые, но по наставленію нѣкоторыхъ, прибѣгаютъ къ истинному Божественному писанію, и оно творитъ піющихъ е неблазненно изблевати ядъ сей. И у насъ стараются и просятъ Бога, чтобы помогъ Господь очистить сіе повѣтріе, отгнать отъ востока и сѣвера къ западу"[95]). Предпринятыя правительствомъ строгія мѣры противъ появленія и распространенія австрійской іерархіи у русскихъ раскольниковъ какъ ни были стѣснительны для поповцевъ, но искоренить расположеніе къ принятію ея въ тѣхъ, кто былъ расположенъ ее принять, конечно, не могли, напротивъ могли скорѣе

---

[94]) Письмо Слезкина въ Браиловъ,— того самаго, что присутствовалъ на совѣщаніи некрасовцевъ и упоминается въ ихъ письмѣ къ Гусеву (*Переписка*, вып. 1, стр. 172). Справедливость извѣстія объ этомъ Рогожскомъ соборѣ подтвердилъ намъ В. В. Борисовъ, лично присутствовавшій при отреченіи. Соборъ происходилъ въ малой, Никольской часовнѣ Рогожскаго Кладбища, что нынѣ единовѣрческая церковь.

[95]) *Переписка*, 1, 169.

возбудить къ ней сочувствіе. Гораздо опаснѣе для новой раскольнической іерархіи была эта направленная противъ нея проповѣдь Гусева и его сторонниковъ, а особенно вредило ей распространеніе письма некрасовцевъ и посѣянное этимъ письмомъ сомнѣніе относительно Амвросіева крещенія, поддерживаемое издавна существующимъ у старообрядцевъ мнѣніемъ о поливательномъ въ грекахъ крещеніи, которое хотя и старался заранѣе ослабить инокъ Павелъ, предвидѣвшій какъ оно опасно будетъ для новой іерархіи, имѣющей произойти отъ бѣглаго греческаго митрополита, но искоренить не могъ. Подъ вліяніемъ такихъ слуховъ и толковъ большинство поповцевъ, и въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, отнеслись весьма враждебно къ новой іерархіи, и такъ было долгое время [96]). Итакъ, въ первые годы по учрежденіи бѣлокриницкое священство очень медленно и съ большими опасеніями усвоялось россійскими старообрядцами, — бѣглопоповцы, несмотря на всѣ затрудненія въ пріобрѣтеніи бѣгствующихъ іереевъ, чуждались его, какъ ведущаго начало отъ обливанца, — какъ западнаго, папскаго

---

[96]) Въ Біографіи Антонія Шутова, сочиненной Швецовымъ, говорится, что когда Антоній въ 1852 г. прибылъ въ Москву, то слухи о обливанствѣ Амвросія „были распространены не только по Москвѣ, но и *по всѣмъ прочимъ* христіанскимъ (т.-е. старообрядческимъ) обществамъ въ Россіи, такъ что относительно ея (новой іерархіи) многіе изъ простосердечныхъ оставались въ великомъ недоумѣніи“ (*Брат. Сл.* 1883 г., стр. 267—268). И самъ Антоній Шутовъ уже въ 1857 г., т.-е. спустя десять лѣтъ по учрежденіи іерархіи, писалъ изъ Москвы Кириллу: „Всеусердно васъ прошу, попросите епископа Аркадія Задунайскаго, дабы онъ попросилъ общества свои, и наипаче примирившихся сараковцевъ (сарыкойцевъ), дабы они написали отъ обществъ увѣреніе о Амбросіи митрополитѣ, о крещеніи его, по причинѣ задунайскаго сараковскаго письма, писаннаго къ Ивану Александрову дворнику о Амбросіи митрополитѣ, о его крещеніи, якобы греки обливаютъ. *Это письмо разослано по всей Россіи,* которое испровергнуть иначе не чѣмъ, какъ только отъ тѣхъ же имень пришлютъ о немъ настоящее увѣреніе о крещеніи трехпогружательномъ. *Но у насъ сія слава о обливаніи не уменьшается, а паче и паче усиливается повсемѣстно, а особенно въ Москвѣ самые попечители Кладбища кричатъ, что онъ обливанъ“* (*Переписка* III, стр. 192).

повѣтрія[97]). Но были между ними и сторонники новой іерархіи, какъ въ Москвѣ, такъ и по другимъ мѣстамъ Россіи, свидѣтельствомъ чего служатъ самыя сношенія Павла и его бѣлокриницкихъ сотрудниковъ не только съ Москвой, но также съ Кіевомъ, Балтой, Кременчугомъ, Казанью, Саратовомъ, Вольскомъ, особенно съ ближайшими раскольническими населеніями Подольской и Кишиневской губерній[98]).

Такъ неодинаково относились россійскіе старообрядцы къ новоучрежденной за границею старообрядческой іерархіи и такъ еще жалко было ея положеніе въ Россіи, когда прибылъ сюда первый поставленный въ Бѣлой-Криницѣ русскій старообрядческій епископъ — Софроній Симбирскій. Ему предстояло — основать приходы тамъ, гдѣ есть хоть немного старообрядцевъ, готовыхъ принять бѣлокриницкую іерархію, т.-е. поставить имъ поповъ, и заботиться особенно о привлеченіи къ общенію съ Бѣлой-Криницей тѣхъ старообрядцевъ, которые или не знаютъ еще о новой іерархіи, или враждебно противъ нея настроены. Съ такою именно цѣлью Павелъ и рѣшился послать епископа въ Россію, избравъ для этой миссіи, на бѣду себѣ и іерархіи, Софронія, явившагося съ предложеніемъ своихъ услугъ.

Въ Москвѣ покровители и сторонники Бѣлокриницкой іерархіи, значительно успокоившіеся по окончаніи Геронтіева дѣла, послѣ всѣхъ возбужденныхъ имъ тревогъ, и тѣмъ болѣе готовые теперь дѣйствовать въ пользу іерархіи, приняли съ большимъ усердіемъ явившагося изъ Бѣлой-Криницы перваго россійскаго

---

[97]) Какъ на московскихъ и вообще на русскихъ старообрядцевъ имѣло вліяніе задунайское письмо объ Амвросіѣ, такъ въ свою очередь и московскіе толки о новой іерархіи, возбужденные Гусевымъ, имѣли вліяніе на заграничныхъ раскольниковъ. Даже изъ Браилова писали въ Москву, что смущаются извѣстіями, „якобы Москва называетъ, кто принимаетъ митрополита, папистами“, и спрашивали, правда ли, что тамъ былъ соборъ, на которомъ самъ Ястребовъ возсталъ противъ новой іерархіи: „Господа ради, просимъ васъ, разрѣшите наше недоумѣніе и утвердите умы, колеблющіеся отъ наносимыхъ волнъ“ (*Переписка*, I, 170—171).

[98]) См. въ *Перепискѣ*, I, 94—191.

епископа старообрядцевъ. На Рогожскомъ Кладбищѣ подъ особое покровительство принялъ его конторщикъ Корнѣевъ. Вскорѣ однакоже оказалось, что о пріѣздѣ въ Россію раскольническаго епископа уже извѣстно правительству; пребываніе его въ Москвѣ сдѣлалось весьма опаснымъ: агенты тайной полиціи слѣдили за нимъ и неоднократно предпринимали попытку взять его въ тѣхъ раскольническихъ домахъ, куда, по собраннымъ свѣдѣніямъ, онъ предполагалъ явиться для служенія, или просто для временнаго жительства. Раскольники въ то время уже вполнѣ владѣли искусствомъ разузнавать намѣренія полиціи, ладить съ нею и принимать заблаговременно мѣры къ огражденію безопасности преслѣдуемыхъ правительствомъ своихъ дѣятелей: поэтому Софроній, который и самъ былъ однимъ изъ первыхъ раскольническихъ искусниковъ этого рода, безъ труда спасался отъ учрежденнаго надъ нимъ полицейскаго надзора[99]). Но тѣмъ не менѣе положеніе

[99]) Главнымъ дѣятелемъ по отысканію Софронія былъ тотъ же чиновникъ Мозжаковъ, который такъ тщательно слѣдилъ за Геронтіемъ въ Москвѣ. У насъ имѣется полученное отъ П. И. Мельникова собственноручное „совершенно секретное“ письмо Мозжакова, отъ 17 октября 1850 г. (№ 62), какъ надобно полагать, къ шефу жандармовъ, изъ котораго можно видѣть, какъ слѣдили за Софроніемъ и какъ неудачны были попытки взять его, вслѣдствіе того, что объ нихъ раскольники узнавали заблаговременно. Между прочимъ Мозжаковъ писалъ: „Извѣстный вамъ бродяга, раскольническій архіерей Софроній, нынѣ находится подъ особымъ покровительствомъ конторщика Рогожскаго Кладбища Дмитрія Корнѣева... Пока помянутый бродяга не былъ имъ руководимъ, то часто бывалъ у многихъ раскольницъ и велъ себя довольно неосторожно, а нынѣ безъ его позволенія онъ не можетъ нигдѣ быть, и долженъ оставаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему отъ Корнѣева назначено жить. Въ Петербургѣ онъ былъ Корнѣевымъ переданъ на руки стряпчему московскихъ раскольниковъ Павлу Шувалову... Въ настоящее время слѣдить за нимъ весьма трудно, потому что когда разнеслась молва, что его ищутъ, то онъ сдѣлался очень остороженъ. Въ недавнемъ времени я двѣ недѣли, съ утра до вечера, стерегъ его близъ фабрики купца Устинова (въ Сокольникахъ), но труды мои тамъ были напрасны. Онъ туда почему-то не пріѣзжалъ совершать литургію, тогда какъ онъ навѣрное хотѣлъ тамъ быть. Послѣ сего я тоже самъ слѣдилъ за домомъ купца Соколова, у кото-

его въ Россіи и особенно пребываніе въ Москвѣ было очень затруднительно. Изъ Москвы поэтому онъ предпринималъ съ большими также предосторожностями поѣздки въ Петербургъ, въ Поволжскія губерніи, на Донъ, на Уралъ и въ другія мѣста къ старообрядцамъ, лично знакомымъ, или такимъ, на благосклонность которыхъ могъ разсчитывать[100]). Правда, предпринятыя противъ него гоненія, отъ которыхъ онъ искусно спасался, могли служить даже на пользу и ему и его дѣлу, увеличивая его значеніе въ глазахъ старообрядцевъ, какъ гонимаго архипастыря старообрядцевъ, и способствуя чрезъ это умноженію его паствы, устроенію по разнымъ мѣстамъ приходовъ изъ послѣдователей бѣлокриницкой іерархіи. Но все же

раго бродяга служилъ прежде и нынѣ имѣлъ намѣреніе служить... Не знаю, успѣю ли я его тамъ поймать, потому что у Соколова на фабрикѣ множество народу, а къ тому же еще приняты раскольниками въ отношеніи его всѣ мѣры осторожности".

[100]) По донесеніямъ одного изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, командированнаго для изслѣдованій раскола, Софроній „живя на Рогожскомъ Кладбищѣ служилъ нѣсколько разъ обѣдню, освящалъ антиминсы и рукополагалъ священниковъ... Въ Казани также служилъ обѣдни. Изъ Казани возвратился въ Москву, откуда ѣздилъ по восточной части Европейской Россіи. Въ Вольскѣ его чуть не схватили; оттуда онъ бѣжалъ на Донъ, съ Дона возвратился въ Москву и снова началъ разъѣзжать по Владимірской, Нижегородской, Костромской, Казанской, Оренбургской, Самарской и Саратовской губерніямъ... Свѣдѣнія эти въ большей части подтвердились путемъ оффиціальнымъ и, кромѣ того, узнано, что Софроній бывалъ въ Калугѣ и С.-Петербургѣ (въ каждомъ городѣ два раза), доѣзжалъ до Екатеринбурга, жилъ въ Ржевѣ, Симбирскѣ и Гжатскѣ" *(Варадин.,* Ист. мин. вн. дѣлъ, т. 8, стр. 648—649). Когда въ 1858 г. взятъ былъ Кононъ Новозыбковскій, отъ него на допросѣ требовали свѣдѣній и объ Софронѣ *(Сборн. Мельник.)*. В. В. Борисовъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" пишетъ: „Дмитрій Корнѣичъ пригласилъ меня поѣхать съ нимъ на соборованіе П. А. Баулина. Я охотно согласился. У Баулина была моленная, дозволенная правительствомъ. Пріѣзжаемъ туда, входимъ въ моленную, — и что же я вижу? — Степка Жировъ въ облаченіи, въ ризахъ и омофорѣ, помазуетъ болящаго... Съ той поры видѣлъ я Софронія только одинъ разъ на Рогожскомъ Кладбищѣ: онъ служилъ тамъ обѣдню въ такъ называемой „холерной палатѣ", въ устроенной тамъ малой церкви" (стр. 14—25).

однако, заботясь по преимуществу объ охраненіи своей личной безопасности, Софроній достигалъ въ этомъ отношеніи успѣхомъ далеко не такихъ, какіе желательны были Павлу и прочимъ ревнителямъ новоучрежденной іерархіи.

Въ Бѣлую-Криницу приходили слухи и о затруднительномъ положеніи Софронія и о малыхъ успѣхахъ его въ распространеніи іерархіи. Павелъ особенно жалѣлъ объ этихъ неуспѣхахъ и, какъ видно, не чуждъ былъ мысли, что вина за нихъ отчасти падаетъ на самого Софронія, который, при всей затруднительности своего положенія, могъ бы съ большей энергіей дѣйствовать въ умноженіи послѣдователей бѣлокриницкой іерархіи. Въ своихъ заботахъ о томъ, какъ бы успѣшнѣе достигнуть этого распространенія іерархіи среди россійскихъ поповцевъ, онъ пришелъ къ мысли, что одного епископа для дѣйствованія среди старообрядцевъ всей обширной Россіи крайне недостаточно, что необходимо поставить еще одного, или двухъ. А такъ какъ поставленіе ихъ въ самой митрополіи, строго запрещенное австрійскимъ правительствомъ, не безопасно, да и людей годныхъ къ произведенію въ епископы именно для Россіи не имѣется, то Павелъ присудилъ, что можно поручить самому Софронію избрать на мѣстѣ и поставить таковыхъ. И вотъ, дѣйствительно, Павелъ написалъ отъ имени Кирилла и Онуфрія грамоту къ Софронію, въ которой говорилось:

„Доходятъ до насъ свѣдѣнія, что вы, въ немже мѣстѣ пребываете, слава Богу, благодатію Христовою сохраняемы есте здравы и благополучны, о чемъ мы, благодаря Бога, радуемся; только за настоящей тамъ великой боязнію не имѣете такихъ силъ, *или духа,* чтобы при толико сильной угрозѣ послужить вторымъ Іосифомъ щедрымъ пшеницедавцемъ въ пользу вѣрующихъ и до смерти изнемогающихъ душевнымъ гладомъ. Хотя мы за то васъ чрезъ мѣру вашей силы не обвиняемъ, но обаче за вѣрующихъ не мало отъ души соболѣзнуемъ. Почему съ общаго нашего о Христѣ соборнаго согласія умоляемъ ваше преосвященство, не отступайте отъ предпріятаго вашего намѣренія и ига Христова, но елико силъ вашихъ доставать будетъ, при помощи всемогущаго Бога, имѣйте

попеченіе за всѣхъ единовѣрныхъ нашихъ христіанъ сущихъ: ибо доколь обстоитъ гоненіе, дотоль нѣтъ предѣловъ по епархіямъ раздѣленія.

„Съ нашей же стороны, елико возможность наша есть, усердствуемъ содѣйствовать вашей немощи, а именно: егда не возможно вамъ быть вторымъ Іосифомъ, открытымъ пшеницедавцемъ, будьте вторымъ Евсевіемъ, епископомъ Самосатскимъ, о немже пишется въ Житіи его 22 іюня сице: „Евсевій святый, утаивъ санъ свой святительскій, въ воинская облечеся, обхождавъ Сирію, Финикію и Палестину, утверждая христіаны во святой вѣрѣ; идѣже аще обрѣташе церкви безъ служителей, поставляше іереи и діаконы и прочіе клирики, а инде и епископы постави отъ тѣхъ, ихже обрѣте мудрствующихъ православно". Мы же, по таковому смотрительному случаю, въ вспомоществованіе ваше, поручаемъ вашему преосвященству избрать достойнаго и дѣятельнаго человѣка и поставить во епископа по вашему благоусмотрѣнію... по поставленіи насъ увѣдомить, и мы безпрекословно подтвердимъ. Впрочемъ, если и еще за благоусмотрѣніемъ вашимъ окажется потребность и въ другое гдѣ мѣсто (поставить) епископа, можетъ быть въ сосѣдство къ персидскимъ предѣламъ, то также поручаемъ вашему преосвященству поставить и другаго епископа, на тѣхъ же вышеписанныхъ святоподобныхъ примѣрахъ, и о томъ также насъ увѣдомить по вашей возможности"[101]).

Грамота была подписана Кирилломъ и Онуфріемъ 1 мая 1850 года и отправлена по назначенію.

Софроній нимало не умилился краснорѣчивыми указаніями Павла на примѣръ Іосифа пшеницедавца и на примѣръ св. Евсевія Самосатскаго, — ни тѣмъ, ни другимъ вовсе не думалъ руководствоваться; но онъ понялъ хорошо, какія выгоды можетъ извлечь изъ присланной ему митрополитомъ грамоты. Этой грамотой, во-первыхъ, признавалось за нимъ званіе и право епископа всѣхъ, повсюду въ Россіи находящихся, старообрядцевъ, какіе изъявятъ готовность принять новоучрежденную іерархію, несмотря на то, что онъ называется Симбирскимъ, ибо „доколѣ обстоитъ гоненіе (а на него во всякое время можно сослаться), дотолѣ нѣтъ предѣловъ

[101]) Сборн. Антонія.

по епархіямъ раздѣленія". Во-вторыхъ, этою грамотою давалось ему право единолично поставить еще епископа для Россіи, и даже двухъ, а пользуясь этимъ правомъ онъ могъ считать себя стоящимъ, и дѣйствительно сталъ, во главѣ самостоятельной старообрядческой іерархіи въ Россіи, не стѣсняясь зависимостью отъ митрополіи, такъ какъ на выраженное въ грамотѣ требованіе — доносить митрополиту о каждомъ поставленіи епископа можно и не обращать вниманія. Впослѣдствіи онъ и постарался дѣйствительно воспользоваться этими правами и отстаивалъ ихъ; но теперь пока не видѣлъ въ томъ надобности, особенно считалъ излишнимъ ставить новыхъ епископовъ, ибо вовсе не желалъ имѣть себѣ соперника въ лицѣ новаго архіерея, а хотѣлъ какъ можно долѣе пользоваться выгодами единственнаго для всѣхъ россійскихъ старообрядцевъ поставщика новыхъ поповъ, ради чего собственно и искалъ архіерейства. Эти выгоды онъ вскорѣ же началъ извлекать изъ своего званія открыто и нагло. Онъ издалъ грамоту, которою обязывалъ каждаго поставленнаго имъ попа дѣлиться съ нимъ извѣстною частью доходовъ, и кромѣ того на поставленіе попа по желанію того или другаго старообрядческаго общества соглашался не иначе, какъ за плату, какую самъ назначитъ. Это была открытая симонія, и таковъ былъ, достойный раскольниковъ, первый ихъ епископъ въ Россіи![102])

---

[102]) Извѣстія о возмутительномъ корыстолюбіи Софронія были получены даже правительствомъ. Въ „Исторіи Министерства внутр. дѣлъ" читаемъ: Въ Москвѣ Софроній „возбудилъ неудовольствіе даже между своими приверженцами корыстолюбіемъ... Корыстолюбіе Софронія, все болѣе и болѣе возрастая, лишило его хорошаго мнѣнія, такъ что даже поставленные имъ попы перестали признавать его правильнымъ архіереемъ, какъ получившаго хиротонію въ землѣ латинской, — и большинство поставленныхъ Софроніемъ поповъ (за деньги) оказались людьми несвѣдущими и дурнаго поведенія. Ему дали даже прозвище *австрійская квашня* за его тучность" (т. 8, стр. 648—649). Кононъ на допросѣ показалъ: „рукополагаемыхъ имъ священниковъ (Софроній) обязывалъ подписками давать ему на содержаніе и на содержаніе при немъ церкви половинную часть изъ тѣхъ доходовъ, какія получали они отъ старообрядцевъ за исправляемыя ими требы духовныя" (*Сборн.*

Такое поведеніе Софронія производило соблазнъ даже среди старообрядцевъ, какъ извѣстно, крайне снисходительныхъ ко всякимъ слабостямъ своихъ пастырей, а противникамъ новой іерархіи въ ихъ средѣ давало новый поводъ къ открытому ея порицанію. Слухи о всемъ этомъ дошли до Бѣлой-Криницы, и Павелъ, уже значительно поколебавшійся въ своемъ довѣріи къ Софронію, былъ до крайности смущенъ этими новыми, прискорбными о немъ извѣстіями[103]). Онъ рѣшилъ, что для поправленія дѣла необходимо поставить новаго, болѣе ревностнаго и добросовѣстнаго, епископа для Россіи и подчинить ему Софронія. Начали искать подходящаго къ такому назначенію человѣка, и выборъ Павла остановился на недавно прибывшемъ въ Климоуцы безпоповщинскомъ инокѣ Антоніи.

10. Біографія Антонія до пріѣзда его въ Климоуцы[104]).

Антоній, въ мірѣ Андрей Иларіоновъ Шутовъ, родился въ 1800 году. Родители его были крестьяне села Анастасьина,

---

Мельн.). Швецовъ въ біографіи Антонія: „Софроній, будучи (въ Россіи) единственнымъ въ древлеправославной церкви епископомъ, не восхотѣ добро строити этотъ виноградъ Христовъ, но *по страсти сребролюбія началъ порочить древлеправославную* (?) *іерархію симоніею*“ (Брат. Сл. 1883 г., стр. 303).

103) Софроній долго не поставлялъ попа, избраннаго зимогорскими старообрядцами, т.-е. на родину Павла, и когда оказалось, что причиной такого замедленія было именно то, что избранный въ попы не доставлялъ Софронію положенной имъ за поставленіе платы, то братья Павла написали объ этомъ въ Бѣлую-Криницу. Какъ недовольны были Софроніемъ въ Бѣлой-Криницѣ можно видѣть изъ слѣдующаго откровеннаго отзыва объ немъ, сдѣланнаго о. Онуфріемъ: „перваго Софрона поставили въ Россію, — оказался негодяй!“ (*Брат. Сл.* 1883 г., стр. 155).

104) О жизни Антонія за это время и до самаго производства въ раскольническіе архіереи наиболѣе вѣрныя свѣдѣнія содержатся въ „Воспоминаніяхъ“ о немъ о. архим. Павла (Напечатаны сначала въ *Брат. Сл.* 1883 г.; вошли въ 3-й томъ полн. собранія его сочиненій, стр. 457—478; по этому изданію мы и цитуемъ ихъ). О. Павелъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Антонію въ тѣ послѣднія пять лѣтъ, которыя пред-

Коломенскаго уѣзда, Московской губернiи. Семья принадлежала къ православной церкви и Андрей крещенъ былъ, а потомъ, когда на шестнадцатомъ году жизни вступалъ въ бракъ, то и вѣнчанъ православнымъ священникомъ. Черезъ пять лѣтъ послѣ женитьбы, служа на фабрикѣ извѣстнаго попечителя Преображенскаго Кладбища, богача Ѳ. А. Гучкова, Шутовъ перешелъ изъ церкви въ безпоповщину, по ѳедосѣевскому согласiю, и перекрещенъ въ Хапиловскомъ прудѣ[105]). Что̀ именно расположило его оставить православную церковь и сдѣлаться безпоповцемъ, рѣшить трудно. Быть можетъ его отецъ и мать, числясь православными, дѣйствительно придерживались старины, какъ утверждаетъ его біографъ-старообрядецъ, и внушали ему расположенiе къ старообрядчеству, которое потомъ и увлекло его въ расколъ; но съ большею вѣроятностiю можно предполагать здѣсь вліяніе безпоповщинскихъ учителей и особенно желаніе угодить Гучкову, благоволенiе котораго всего удобнѣе было пріобрѣсти принятiемъ ѳедосѣев-

шествовали поставленiю послѣдняго въ архiереи, и при своемъ умѣ и рѣдкой проницательности могъ хорошо узнать его характеръ; а несомнѣнная правдивость его и добросовѣстность внушаютъ полное довѣрiе къ его „воспоминанiямъ“. Есть и другое сказаніе объ Антонiи за все время его жизни, отъ рожденiя до самой смерти, сочиненное Онисимомъ Швецовымъ (нынѣ именуемый епископъ Арсенiй), бывшимъ въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ жизни Антонiя его наперсникомъ и ближайшимъ совѣтникомъ (напечатано съ нашими замѣчанiями также въ *Брат. Сл.* 1883 г.). Сказаніе это имѣетъ тенденціозный характеръ, написано въ прославленiе Антонiя, и потому въ немъ намѣренно опущены многiя обстоятельства, невыгодныя для личности Антонiя, и напротивъ разсказываются разные вымыслы, сочиненные для его прославленiя. Источникомъ для правдивой исторiи оно быть не можетъ; но нѣкоторыя фактическiя данныя, не внушающiя сомнѣнiя, мы заимствуемъ и изъ него. Мы пользуемся также указанiями другихъ, близко знавшихъ Антонiя, лицъ — покойнаго о. Онуфрiя, донынѣ здравствующаго Василiя Александрова и др.

105) О томъ, что крещенъ въ православной церкви, свидѣтельствуетъ самъ Антоній въ письмѣ къ Кириллу отъ 26 сент. 1856 г. (*Переписка*, вып. 3-й, стр. 176); о прочемъ см. у о. Павла (стр. 460) и у Швецова (стр. 40—42). Сообщенiе послѣдняго о тайномъ удаленiи Шутова сначала въ Злынскій безпоповщинскій монастырь, несправедливо.

скаго крещенія. Какъ бы то ни было, только, перейдя въ ѳедосѣевство, Шутовъ сдѣлался великимъ его ревнителемъ. Согласно бракоборнымъ правиламъ секты, онъ бросилъ жену, которую также перевелъ въ расколъ и впослѣдствіи заставилъ постричься въ инокини, помѣстивъ на женское отдѣленіе Преображенскаго Кладбища[106]). Горячая преданность безпоповству и ненависть къ православной церкви, сначала, быть можетъ, и притворныя, въ угоду ѳедосѣевцамъ, а потомъ вполнѣ имъ овладѣвшія и при каждомъ удобномъ случаѣ рѣзко выражаемыя, привлекли къ нему особое благоволеніе Гучкова: пользуясь своимъ вліяніемъ на Преображенскомъ Кладбищѣ, Гучковъ помѣстилъ его сюда, записавъ въ Московское цеховое общество, въ которомъ онъ и числился до самой смерти[107]), а потомъ доставилъ ему на Кладбищѣ и должность казначея. Тогдашній настоятель Преображенскаго Кладбища Семенъ Кузьминъ, или „Кузьмичъ“, какъ попросту его звали, пользовавшійся большимъ уваженіемъ у ѳедосѣевцевъ, не питалъ расположенія къ Шутову и по должности казначея не дѣлалъ ему довѣрія, напротивъ самъ хранилъ громадные кладбищенскіе капиталы и безконтрольно распоряжался ими. Шутовъ старался показать свое значеніе на Кладбищѣ не вліяніемъ на хозяйственныя дѣла, чего Кузьмичъ не дозволялъ ему, а вмѣ-

---

[106]) Въ 1846 г., когда о. Павелъ пріѣхалъ въ Москву, жена Андрея Ларивонова жила еще на Кладбищѣ, и потомъ вскорѣ умерла (*Соч. архим. Павла*, т. III, стр. 461). По словамъ Швецова, жена Андрея Ларивонова, Ирина, умерла именно въ 1847 г. „проживаючи на Преображенскомъ Кладбищѣ“ (*Брат. Сл.* 1883 г., стр. 43). Враги Антонія распространяли слухъ, что онъ былъ двоеженецъ и обѣихъ женъ уморилъ; но никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ объ этомъ не имѣется.

[107]) Въ Моск. цех. общество Шутовъ зачисленъ, изъ экономическихъ крестьянъ, указомъ Моск. казен. палаты отъ 23 іюня 1838 г. за № 1353. А такъ какъ по 10-й народной ревизіи былъ пропущенъ, то въ началѣ 1869 г., когда былъ уже раскольническимъ архіепископомъ, вновь, по указу той же палаты, за № 9680, записанъ въ семейную книгу Ленточнаго цеха подъ № 2811—1213. При этомъ показано ему 68 л. На этомъ основаніи мы и сказали выше, что Антоній родился въ 1800 г.; но біографъ его — Швецовъ говоритъ, что онъ родился въ 1812 г.

шательствомъ во внутренніе кладбищенскіе порядки, выставляя себя ревнителемъ ѳедосѣевства, при чемъ обыкновенно дѣйствовалъ и выражался крайне грубо[108]).

Въ половинѣ 40-хъ годовъ, когда строгія правительственныя мѣры грозили опасностью самому существованію обоихъ раскольническихъ Кладбищъ въ Москвѣ, Андрей Ларіоновъ выступилъ въ качествѣ особаго ревнителя ѳедосѣевщины и учинилъ поступокъ, возбудившій много толковъ о немъ у московскихъ старообрядцевъ. Приведемъ подлинный интересный разсказъ объ этомъ о. Павла, который имѣлъ о дѣлѣ самыя точныя свѣдѣнія:

„Зная о многочисленномъ кладбищенскомъ богатствѣ, а съ другой стороны видя, что настали для старообрядцевъ самыя неблагопріятныя времена, усиливались строгости со стороны правительства, Андрей Ларіоновъ возымѣлъ мысль уѣхать отъ „антихристовой прелести" за границу, къ живущимъ тамъ русскимъ старообрядцамъ, завести тамъ безпоповщинскую обитель, снабдивъ ее отъ богатаго Преображенскаго Кладбища деньгами, книгами, иконами. Съ этою цѣлію онъ посылалъ человѣка въ Пруссію провѣдать, какое воззрѣніе имѣетъ прусское правительство на обитающихъ тамъ старообрядцевъ и можно ли тамъ поселиться вновь приходящимъ и завести обитель; просилъ своего посланца съѣздить затѣмъ и въ Австрію, въ Буковину. Посланный, возвратившись, привезъ Андрею Ларивонову удовлетворительные отзывы. Тогда Андрей Ларивоновъ началъ предлагать старшему настоятелю Кладбища Семену Кузьмичу завести мѣстечко за границей. — „Вотъ, батюшка, — говорилъ онъ Кузьмичу, — антихристъ-то все наше богатство въ свои руки заберетъ! какая съ того польза будетъ! А покуда все это въ твоихъ рукахъ, нужно тебѣ сдѣ-

[108]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ жившіе тогда на Кладбищѣ Василій Александровъ и инокъ Виталій. По ихъ разсказамъ, Шутовъ однажды разорвалъ верхнее платье на одной изъ жительницъ женскаго отдѣленія за то, что она надѣла его, какъ казалось Шутову, не такъ, какъ слѣдуетъ по-ѳедосѣевски, и обругалъ ее самыми неприличными словами. Это произвело на Кладбищѣ ропотъ. Попечители сдѣлали Шутову замѣчаніе, а онъ, обидѣвшись, даже отказался отъ казначейства. Это было предъ самымъ отъѣздомъ его въ Пруссію (См. *Брат. Сл.* 1883 г., стр. 42, прим. 5, стр. 43, прим. 1).

лать что̀ возможно: надо мѣстечко завести за границей, устроить тамъ для христіанъ убѣжище". Кузьмичъ, не имѣя большой довѣренности къ Андрею Ларивонову, не соглашался на его предложеніе. Тогда Андрей Ларивоновъ рѣшился сдѣлать дѣло безъ благословенія Кузьмича. За нѣсколько лѣтъ до этого, попечители Кладбища начали настаивать, чтобы Кузьмичъ, лежавшія безъ всякаго дохода общественныя деньги положилъ, куда слѣдуетъ, для приращенія процентами. Кузьмичъ не соглашался, почитая это дѣло нехристіанскимъ; однакоже, несмотря на это, сами попечители распорядились нѣкоторую часть капитала положить въ одно изъ кредитныхъ учрежденій. Объ этомъ поступкѣ ихъ Кузьмичъ вспоминалъ впослѣдствіи съ обидой, а на пріобрѣтенныя процентныя бумаги смотрѣлъ съ пренебреженіемъ, не хотѣлъ получать съ нихъ и проценты. Бумаги лежали въ особомъ сундукѣ вмѣстѣ съ разными кладбищенскими документами. Въ этотъ сундукъ былъ предоставленъ доступъ казначею, а самъ Кузьмичъ рѣдко въ него смотрѣлъ. Въ одно благопріятное время, по какимъ-то потребностямъ разсматривая документы въ сундукѣ, Андрей Ларивоновъ воспользовался процентами за нѣсколько лѣтъ съ капитала въ хранившихся тамъ бумагахъ, и съ этою суммою отправился за границу, въ Австрію, не сказавшись Кузьмичу. Хватились казначея; сдѣлали осмотръ бумагамъ (наличныя деньги Кузьмичъ хранилъ у себя): бумаги нашли всѣ въ цѣлости, а цѣлы ли проценты, не догадались взглянуть; о казначеѣ же Кузьмичъ и рукою махнулъ: хорошо, что все цѣло! Но тутъ примѣшалось обстоятельство, которое заставило обратить особое вниманіе на отъѣздъ Шутова. На Преображенскомъ Кладбищѣ хранились, какъ драгоцѣнность, рукописныя книги, подъ названіемъ „Новые Пандекты", въ десяти частяхъ, собранные знаменитымъ наставникомъ Сергѣемъ Семеновымъ Гнусинымъ, собственной его руки. Одинъ изъ кладбищенскихъ отцовъ, по имени Зиновій, тогда жившій на родинѣ во Владимірской губерніи, взялъ „Пандекты" съ собой на прочитаніе. Объ этомъ какъ-то забыли, и такъ какъ книгъ на Кладбищѣ не было, то и прошла молва, что Андрей Ларивоновъ увезъ ихъ съ собой. Похищеніе такой драгоцѣнности смутило преображенцевъ. Одинъ изъ нихъ, въ горячахъ, прибѣжалъ къ Семену Кузьмичу и требовалъ съ угрозою, чтобы онъ казначея воротилъ и книги отъ него отобралъ; а если онъ того не захочетъ сдѣлать, то грозилъ донести генералъ-губернатору, что Кузьмичъ самъ проводилъ казначея за границу. Кузьмичъ испугался и обѣщалъ все сдѣлать; онъ на-

писалъ объ этомъ дѣлѣ въ Кіевъ къ купцамъ Починиимъ, принадлежавшимъ къ ѳедосѣевскому согласію, письмо, чтобы они пріостановили Андрея Ларивонова, если онъ къ нимъ явится (какъ надѣялись), и не отпускали за границу. Письмо захватило Андрея Ларивонова еще въ Кіевѣ. Починины, какъ ни было совѣстно предъ гостемъ, должны были объявить ему письмо. Шутовъ далъ слово Починиимъ возвратиться назадъ. Однако онъ стыдился прямо ѣхать въ Москву. Деньги переслалъ туда по почтѣ, а самъ отправился въ Черниговскую губернію, въ находившуюся при Злынской слободѣ безпоповщинскую обитель. Между тѣмъ „Пандекты“ въ Москвѣ разыскали, потомъ получили и деньги отъ Андрея Ларивонова. Итакъ въ Москвѣ успокоились. Тогда Гучковъ сталъ опять ходатайствовать предъ попечителями и Семеномъ Кузьмичомъ за Шутова, увѣряя, что онъ дѣйствовалъ по ревности къ благочестію. Кузьмичъ написалъ письмо къ Андрею Ларивонову, чтобы онъ возвратился на прежнюю свою должность казначея, что̀ онъ и исполнилъ[109]).

Итакъ первая попытка устроить за границею, въ Австріи, или въ Пруссіи, безпоповщинскую киновію на средства Преображенскаго Кладбища, для дальнѣйшаго процвѣтанія ѳедосѣевства, которому въ Россіи угрожала опасность, Андрею Ларивонову не удалась. Но этого замысла онъ не оставилъ, и когда вскорѣ потомъ пріѣхалъ въ Москву на Преображенское кладбище Петръ Ивановичъ Ледневъ, будущій инокъ Павелъ Прусскій, онъ старался привлечь къ участію въ осуществленіи своего плана этого гостя, обратившаго на себя вниманіе ѳедосѣевцевъ и радушно принятаго Семеномъ Кузь-

[109]) *Соч. архим. Павла,* ч. III, стр. 461—463. Изложенная исторія послужила основаніемъ для распространенныхъ о Шутовѣ слуховъ, будто онъ, состоя казначеемъ, похитилъ деньги съ Кладбища. Какъ безпристрастный и добросовѣстный повѣствователь, о. Павелъ изложилъ дѣло въ его истинномъ видѣ. Любопытно, что Швецовъ, ревнуя о славѣ Антонія, не упомянулъ и объ этихъ обстоятельствахъ, а сочинилъ сказку, будто Андрей Ларивоновъ въ это время, оставивъ должность казначея, „отправился въ безпоповскій монастырь, *находящійся въ Пруссіи,* но, доѣхавши до Кіева, опять *былъ упрошенъ возвратиться въ Москву,* гдѣ и еще въ должности казначея провелъ времени пять (?) лѣтъ“ (*Брат Сл.* 1883 г., стр. 42).

мичемъ. П. И. Ледневъ не изъявилъ согласія — участвовать въ его предпріятіи, понимая, что Кузьмичъ, не расположенный къ Шутову, особенно же послѣ недавней исторіи, средствъ на осуществленіе его не дастъ; но самое предпріятіе находилъ въ интересахъ ѳедосѣевства достойнымъ вниманія и сочувствія, и потому вошелъ въ совѣщанія объ немъ съ другимъ виднымъ на кладбищѣ лицомъ — головщикомъ Алексѣемъ Михеевымъ, который пользовался у Кузьмича бо́льшимъ, нежели Шутовъ, довѣріемъ и скорѣе могъ разсчитывать на помощь съ его стороны. Михеевъ не отказался участвовать въ дѣлѣ, но только подъ тѣмъ условіемъ, если самъ П. И. Ледневъ согласится ѣхать съ нимъ и съ Шутовымъ за границу, чтобы помочь имъ въ устроеніи монастыря. П. И. Ледневъ изъявилъ на это согласіе, хотя пріѣхалъ въ Москву съ иными намѣреніями и никакъ не предполагалъ ѣхать за границу. Переговорили съ Семеномъ Кузьминымъ, и тотъ, полагая, что они втроемъ устроятъ полезное для ѳедосѣевства дѣло, обѣщалъ дать имъ денегъ, иконъ и книгъ. Осенью 1847 г. П. И. Ледневъ, по порученію обоихъ товарищей, отправился въ Пруссію. Тамъ, въ Гумбиненскомъ округѣ, близъ населенной безпоповцами деревни Войново, при озерѣ, онъ нашелъ маленькую безпоповщинскую обитель, въ которой на время и поселился, а въ Москву далъ извѣстіе, что здѣсь можно купить землю для постройки монастыря. Весной 1849 года пріѣхалъ къ нему Алексѣй Михеевъ съ деньгами, данными Кузьмичемъ для покупки земли подъ монастырь. Землю купили и рѣшили начать постройку часовни и келій. Алексѣй Михеевъ вскорѣ послѣ этого уѣхалъ опять въ Москву, чтобы приготовиться къ окончательному переѣзду за границу, и всѣ труды по устройству монастыря пали на одного П. И. Леднева. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ успѣлъ привести его въ надлежащее устройство, и самъ въ это время принялъ уже иночество съ именемъ Павла. Для часовни и для келій отъ Андрея Ларивонова получено было достаточное количество иконъ и книгъ. Весной 1850 года Алексѣй Михеевъ окончательно переѣхалъ въ Пруссію, и тутъ оказалось, что участіе въ дѣлѣ объ учрежденіи ѳедосѣевскаго

монастыря за границей онъ принялъ въ расчетахъ — быть главнымъ, если не единственнымъ его хозяиномъ и неограниченнымъ распорядителемъ получаемыхъ изъ Москвы съ Преображенскаго Кладбища денегъ. Ему стало досадно, что о. Павелъ, раздѣлявшій съ братіей всѣ монастырскіе труды, пріобрѣлъ на нее большое нравственное вліяніе и потому можетъ быть сильнымъ его соперникомъ,— своего неудовольствія онъ не скрывалъ. Тогда о. Павелъ, избѣгая непріятностей, предоставилъ Алексѣю Михееву распоряжаться въ прусскомъ монастырѣ, какъ знаетъ, а самъ уѣхалъ въ Австрію, въ Климоуцы, гдѣ его приняли радушно, узнавшіе его еще въ Москвѣ, безпоповцы — Мироновы: на ихъ землѣ, подъ горою, на которой расположено селеніе, инокъ Павелъ устроилъ также небольшую безпоповщинскую киновію, гдѣ и поселился. Между тѣмъ въ это именно время пріѣхалъ въ Пруссію, въ новоустроенный монастырь, и Андрей Ларивоновъ, по пути заѣзжавшій въ Злынскій безпоповщинскій монастырь и принявшій тамъ постриженіе съ именемъ Антонія. Онъ былъ крайне удивленъ, не найдя о. Павла въ монастырѣ и узнавъ о причинѣ, побудившей его уѣхать въ Австрію. Михеичъ же, видя въ Антоніи не менѣе опаснаго соперника, встрѣтилъ его и обошелся съ нимъ также весьма недружелюбно. Считая себя вліятельнымъ на Преображенскомъ Кладбищѣ лицомъ и иниціаторомъ дѣла объ учрежденіи монастыря въ Пруссіи, Антоній былъ кровно оскорбленъ такимъ пріемомъ со стороны Алексѣя Михеева, бывшаго притомъ его давнимъ другомъ. Онъ весьма не долго пожилъ въ прусскомъ монастырѣ; потомъ взялъ принадлежавшія ему лично иконы и книги и уѣхалъ также въ Климоуцы къ о. Павлу. Здѣсь его приняли радушно, и онъ изъявилъ желаніе остаться навсегда въ климоуцкой безпоповщинской киновіи. Онъ надѣялся на одного, близкаго ему и богатаго ѳедосѣевца, котораго успѣлъ увлечь въ расколъ изъ православной церкви, что тотъ поможетъ ему и здѣсь устроиться съ полнымъ довольствомъ. Это было въ самомъ началѣ 1851 года[110]).

[110]) *Соч. архим. Павла*, т. III, стр. 463—470. Любопытно, что Шве-

Такимъ образомъ Антоній, неожиданно для него самого сдѣлался обитателемъ климоуцкой безпоповщинской киновіи по сосѣдству съ Бѣлой-Криницей, и это сосѣдство имѣло потомъ рѣшительное значеніе для всей дальнѣйшей его жизни.

11. Отношенія бѣлокриницкихъ дѣятелей къ прусскимъ выходцамъ въ Климоуцахъ. — Возвращеніе инока Павла въ Пруссію. — Знакомство Антонія съ Павломъ Бѣлокриницкимъ и переходъ на жительство въ Бѣлую-Криницу.

Въ Бѣлой-Криницѣ были весьма недовольны пріѣздомъ въ Климоуцы прусскихъ безпоповщинскихъ иноковъ и основаніемъ здѣсь безпоповщинскаго монастыря. Павелъ, такъ много хлопотавшій о привлеченіи климоуцкихъ безпоповцевъ къ подчиненію бѣлокриницкой митрополіи, прибѣгавшій съ этою цѣлью къ разнымъ, даже недозволительнымъ средствамъ, не пренебрегая и доносами австрійскому правительству, справедливо опасался, что теперь долженъ потерять всякую надежду на ихъ подчиненіе митрополіи. Особенно безпокоило его переселеніе въ Климоуцы прусскаго инока Павла, который еще составленными въ Москвѣ, по просьбѣ Мироновыхъ, выписками изъ „Щита“, много способствовалъ удержанію климоуцкихъ безпоповцевъ отъ общенія съ бѣлокриницкимъ священствомъ и тѣмъ болѣе теперь, какъ полагалъ онъ, не оставитъ своей проповѣди противъ новоучрежденнаго священства. Климоуцкіе безпоповцы, дѣйствительно, почувствовали себя сильными подъ защитой прусскаго учителя и прямо говорили поповцамъ:

цовъ, единственно изъ нежеланія упоминать объ о. Павлѣ, имѣвшемъ такія близкія отношенія къ Антонію, умолчалъ объ изложенныхъ здѣсь обстоятельствахъ, ограничившись слѣдующимъ краткимъ и неточнымъ извѣстіемъ: „въ 1850 году (Антоній) отправился въ Пруссію въ монастырь безпоповскій; но тамъ для него *усложнились такія обстоятельства*, что никакъ невозможно было ему оставаться на всегдашнемъ жительствѣ, и онъ оттуда чрезъ восемь мѣсяцевъ (?) въ 1851 г. вынудился выѣхать въ Австрію въ селеніе Климоуцы, близкое къ Бѣлой-Криницѣ, и поселился у проживающихъ тутъ безпоповцевъ“ (См. *Брат. Сл.* 1883 г., стр. 43 и прим.).

„у васъ есть Павелъ, да и у насъ теперь есть Павелъ, — теперь мы васъ не боимся!“ Чтобы избавиться непріятностей, Павелъ Бѣлокриницкій сдѣлалъ попытку — выпроводить изъ Климоуцъ нежеланныхъ прусскихъ выходцевъ съ помощію знакомаго ему мѣстнаго австрійскаго чиновничества; но климоуцкое безпоповщинское общество, опираясь на свои, одинаковыя съ поповщинскимъ права, успѣло защитить ихъ. Между тѣмъ прусскій инокъ Павелъ, по пріѣздѣ въ Климоуцы, пользуясь имѣющимся у здѣшнихъ безпоповцевъ порядочнымъ собраніемъ старопечатныхъ книгъ, дополнилъ свои выписки изъ „Щита“ новыми свидѣтельствами о непрекращаемомъ существованіи истиннаго священства въ церкви Христовой во всей полнотѣ его чиновъ, откуда само собою слѣдовало, что прекращеніе и потомъ возстановленіе епископства у поповцевъ не можетъ быть допущено, или признано правильнымъ. Составленное имъ сочиненіе безпоповцы читали, передавая другъ другу, и отъ нихъ оно дошло до климоуцкаго попа Захаріи. Прочитавъ сочиненіе, Захарія, человѣкъ разумный и искренній, пришелъ въ сомнѣніе относительно законности новаго старообрядческаго священства и отправился съ рукописью въ Бѣлокриницкій монастырь, за разъясненіями и совѣтами, къ иноку Павлу. Опасенія этого послѣдняго оправдались,— дѣятельность Павла Прусскаго противъ учрежденной имъ іерархіи началась, и онъ, конечно, не могъ оставить безъ отвѣта возраженія противъ нея столь опаснаго соперника: въ доказательство возможности временнаго прекращенія и потомъ возстановленія епископства въ церкви новозавѣтной онъ придумалъ тогда свое ученіе о временномъ сокрытіи благодати священства въ кладезь еретичества и новомъ ея возрожденіи, по образу сокрытія ветхозавѣтнаго жертвеннаго огня въ безводномъ кладезѣ, на время плѣна вавилонскаго, и воспламененія сего огня по возвращеніи евреевъ изъ плѣна, — ученіе, которое и было принято его послѣдователями, какъ единственный способъ къ устраненію важнѣйшаго изъ возраженій противъ бѣлокриницкой іерархіи, а потомъ отвергнуто, какъ еретическое, разумнѣйшими даже изъ самихъ старообрядцевъ австрійскаго согласія. Впрочемъ онъ не удо-

вольствовался изобрѣтеніемъ такого ученія по поводу изложенныхъ въ сочиненіи инока Павла Прусскаго возраженій противъ бѣлокриницкой іерархіи, а призналъ нужнымъ уничтожить и самое это сочиненіе, опасаясь возбуждаемыхъ имъ сомнѣній относительно іерархіи, и дѣйствительно уничтожилъ его, почему Захарія не могъ получить его и возвратить по принадлежности[111]).

Между тѣмъ явились обстоятельства, которыя не только благопріятствовали устраненію этихъ опасеній, возбужденныхъ пріѣздомъ прусскихъ выходцевъ, но и внушили иноку Павлу даже нѣкоторую надежду извлечь отсюда пользу для митрополіи.

Когда въ Москвѣ, на Преображенскомъ Кладбищѣ, узнали, что по интригамъ Алексѣя Михеева инокъ Павелъ и Антоній уѣхали изъ устрояемаго въ Пруссіи монастыря, то Семенъ Кузьмичъ написалъ Михееву грозное письмо, коимъ объявлялъ, что если онъ не упроситъ Павла и Антонія возвратиться въ Пруссію, то не смѣлъ бы обращаться на Кладбище ни съ какими просьбами, и помощи ему ни въ чемъ оказано не будетъ. Напуганный этимъ, Михеичъ самъ пріѣхалъ въ Климоуцы просить Павла и Антонія, чтобы простили его и возвратились въ Прусскій монастырь По словамъ о. Павла, онъ началъ совѣтоваться съ Антоніемъ, какъ имъ поступить, и этотъ послѣдній отвѣтилъ: „На Михеича надѣяться нельзя. Я не поѣду теперь; а ты поѣзжай одинъ. Если все устроится хорошо, тогда и я ворочусь въ Пруссію; а если нѣтъ, тогда ты сюда пріѣдешь назадъ, — одному удобнѣе ѣхать“. Итакъ Антоній отказался отъ возвращенія въ Пруссію „Видно было,— прибавляетъ о. Павелъ,—что онъ занялся мыслію устроить обитель въ Австріи, ему Австрія показалась лучше Пруссіи, а насчетъ средствъ онъ былъ увѣренъ“,— надѣялся именно на упомянутаго богатаго ѳедосѣевца. Самъ же инокъ Павелъ, жалѣя оставить недоконченнымъ начатое въ Пруссіи дѣло, предложилъ Михеичу особыя условія, на которыхъ соглашался

---

111) *Соч. архим. Павла,* ч. III, стр. 468—469.

возвратиться туда. Михеичъ принялъ эти условія, и о. Павелъ, простившись съ Антоніемъ и прочимъ климоуцкимъ братствомъ, уѣхалъ въ Пруссію. Тамъ Михеичъ сдѣлалъ попытку уклониться отъ исполненія принятыхъ имъ условій инока Павла; но когда этотъ послѣдній объявилъ, что въ такомъ случаѣ навсегда уѣдетъ въ Климоуцы, долженъ былъ поневолѣ подчиниться его требованіямъ, и о. Павелъ окончательно водворился въ прусскомъ монастырѣ, устроеніемъ котораго, внѣшнимъ и внутреннимъ, и занялся со всѣмъ усердіемъ[112]).

Итакъ самый главный изъ безпоповщинскихъ иноковъ, присутствіе котораго было для Павла Бѣлокриницкаго особенно непріятнымъ и опаснымъ, удалился изъ Климоуцъ. Оставшіеся не внушали особенныхъ опасеній, — съ ними Павелъ надѣялся успѣшно вести состязанія о вѣрѣ. Однако входить съ ними въ личныя сношенія онъ не хотѣлъ, какъ не дѣлалъ этого и въ бытность инока Павла, отъ свиданія съ которымъ вообще настойчиво уклонялся, такъ что имъ и не пришлось ни разу видѣться и говорить другъ съ другомъ. Знакомство же Павла съ оставшимися въ Климоуцахъ безпоповщинскими иноками началось какъ бы случайнымъ образомъ. Спустя нѣсколько времени по отъѣздѣ инока Павла въ Пруссію, постигла Антонія новая скорбь, особенно для него чувствительная: тотъ ѳедосѣевецъ, на котораго онъ разсчитывалъ, чтобы съ его помощію поддержать устроенный въ Климоуцахъ ѳедосѣевскій монастырь и самому устроиться здѣсь со всѣмъ удобствомъ, не оправдалъ его ожиданій, — не только отказалъ ему въ помощи, но и выразилъ явное къ нему нерасположеніе. Антоній находился теперь дѣйствительно въ трудныхъ обстоятельствахъ: жить въ Пруссіи съ Алексѣемъ Михеевымъ, послѣ причиненой имъ обиды, онъ находилъ невозможнымъ, и устроиться, какъ хотѣлось, въ Австріи, также потерялъ надежду... „Въ этомъ горѣ, чтобы разсѣяться, вздумалъ онъ (разсказываетъ о. Павелъ) сходить въ Бѣлую-Криницу, взявъ съ собой для компаніи о. Іоасафа (безпоповщинскаго инока).

---

[112]) См. *тамъ же,* стр. 470—471.

Павелъ Бѣлокриницкій радъ былъ гостямъ, особенно Антонія принялъ ласково. Посѣщеніемъ его онъ хотѣлъ воспользоваться, чтобы произвести на него впечатлѣніе, располагающее къ бѣлокриницкой іерархіи. Такъ онъ ему показывалъ архіерейскія облаченія; потомъ подвелъ его къ архіерейскому мѣсту и сказалъ: вотъ это архіерейское мѣсто, и т. п. Антоній пріемомъ Павла остался весьма доволенъ, просилъ его къ себѣ. Павелъ въ скорости это исполнилъ. Такъ завязалось между ними знакомство“ [113]).

Инокъ Павелъ дѣйствительно радъ былъ знакомству съ Антоніемъ. Тогда именно онъ занятъ былъ думой, какъ бы исправить ту горестную ошибку, которую допустилъ назначеніемъ Софронія въ епископы для Россіи, — какъ бы найти достойнаго человѣка, котораго можно бы поставить туда въ архіепископы, съ подчиненіемъ ему Софронія, чтобы этотъ послѣдній, въ зависимости отъ него, не могъ, по крайней мѣрѣ съ прежнею наглостію, дѣлать разныя беззаконія. Антоній показался Павлу подходящимъ для того человѣкомъ. Онъ былъ видной наружности, съ большой окладистой бородой; умомъ и начитанностью, правда, не отличался, но былъ достаточно разсудителенъ, даже лукавъ, и несомнѣнно честолюбивъ; расколу же былъ преданъ вполнѣ. Что онъ былъ безпоповцемъ по ѳедосѣевскому согласію и виднымъ лицомъ на Преображенскомъ Кладбищѣ, это обстоятельство, въ томъ случаѣ, если бы удалось перевести его въ австрійскую поповщину и поставить въ архіереи, представляло даже особыя преимущества: признаніе такимъ лицомъ австрійскаго священства, а потомъ и

---

113) *Тамъ же,* стр. 472. Швецовъ совсѣмъ иначе передаетъ обстоятельства этого знакомства. По его разсказу, Антоній и Іоасафъ пришли къ Павлу въ келью, чтобы возвратить ему какіе-то будто бы данные Павломъ вопросы, и просить его, чтобы впередъ не трудился давать имъ таковые, что входя въ келью, они не сотворили „обыкновенной иноческому входу молитвы“, чѣмъ вызвали замѣчаніе со стороны Павла, и т. д. (*Брат. Сл* 1883 г., стр. 148—149). Все это неправда, и никакихъ вопросовъ отъ Павла къ климоуцкимъ безпоповщинскимъ иноскамъ не поступало.

появленіе въ санѣ архіепископа должно было, по расчетамъ Павла, нанести сильный ударъ безпоповцамъ, и климоуцкимъ, о чемъ онъ такъ заботился, и московскимъ и всероссійскимъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ способствовать привлеченію ихъ въ австрійское согласіе, подъ паству бѣлокриницкой іерархіи. Всѣ эти соображенія побудили Павла обратить особое вниманіе на Антонія, такъ кстати посѣтившаго митрополію: поэтому онъ не только принялъ его весьма любезно въ своемъ монастырѣ, но и поспѣшилъ самъ быть у него въ Климоуцахъ, а потомъ открылъ съ нимъ письменныя сношенія чрезъ посредство жившаго въ Климоуцахъ бѣлокриницкаго инока Тарасія. Дѣло шло уже тогда о переходѣ Антонія изъ безпоповщины въ австрійское поповщинское согласіе, а письменныя сношенія велись о томъ изъ опасенія, какъ бы личныя свиданія не возбудили противъ Антонія еще большихъ подозрѣній со стороны климоуцкаго братства, съ которымъ онъ жилъ и которое уже стало неблагосклонно смотрѣть на его связи съ Бѣлой-Криницей, начало даже подозрѣвать въ немъ намѣреніе перейти туда на жительство Нужно принять во вниманіе съ одной стороны то искусство, съ какимъ инокъ Павелъ умѣлъ, особенно въ письмахъ, дѣйствовать своимъ краснорѣчіемъ на умъ и сердца совращаемыхъ имъ, пользуясь ихъ личнымъ характеромъ и положеніемъ, блестящій примѣръ чего онъ показалъ въ своихъ сношеніяхъ съ митрополитомъ Амвросіемъ, который стоялъ притомъ во всѣхъ отношеніяхъ несравненно выше Антонія, съ другой — тогдашнія обстоятельства этого послѣдняго и тяжелое состояніе духа, въ какомъ онъ находился тогда, чтобы понять, почему онъ такъ легко подчинился вліянію инока Павла и расположился къ переходу въ австрійское согласіе. Несмотря на свои чисто безпоповщинскія убѣжденія, навсегда въ немъ оставшіяся, онъ не могъ не видѣть, что въ доказательствахъ Павла о необходимости въ церкви Христовой священства со всею полнотою его чиновъ есть несомнѣнная правда (вопросъ о томъ, законно ли и правильно ли именно австрійское священство, при этомъ, конечно, былъ обойденъ), а сдѣланные ему Павломъ намеки, если только

не прямыя обѣщанія, что съ признаніемъ австрійской іерархіи его ожидаетъ въ ней высокая чреда — занять архіерейскую каѳедру у россійскихъ поповцевъ, очень льстили его честолюбію и указывали почетный выходъ изъ тогдашняго затруднительнаго положенія въ безпоповщинѣ... И безпоповецъ Антоній, бывшій нѣкогда православнымъ, изъявляетъ готовность сдѣлаться инокомъ поповщинскаго бѣлокриницкаго монастыря[114]).

Рѣшившись на этотъ новый, столь важный въ его жизни шагъ, Антоній однако не нашелъ удобнымъ дѣйствовать открыто, такъ какъ, очевидно, совѣстился своихъ безпоповщинскихъ собратій, къ тому же видѣлъ, что они очень неблагосклонно смотрятъ на его сношенія съ митрополіей, и даже опасался открытаго противодѣйствія со стороны климоуцкихъ безпоповцевъ. Послѣ предварительныхъ совѣщаній съ Павломъ, онъ задумалъ устроить переходъ свой въ Бѣлую-Криницу секретнымъ образомъ, при помощи Тарасія и климоуцкаго попа Захаріи. Этотъ послѣдній получилъ отъ Павла приказаніе, чтобы съ нѣсколькими изъ своихъ прихожанъ ночью, когда Антоній будетъ его ждать, подошелъ къ его кельѣ и осторожнымъ стукомъ далъ ему знать о своемъ прибытіи: тогда Антоній долженъ былъ тихо выйти изъ кельи и подъ охраной поповцевъ достигнуть Бѣлокриницкаго монастыря. Согласно этому наставленію Захарій, въ сопровожденіи двухъ липованъ его прихода, отправился ночью къ кельѣ Антонія; но, провѣдавшіе о томъ, климоуцкіе безпоповцы подстерегли ихъ, подняли тревогу, и похищеніе Антонія такимъ образомъ не удалось[115]). Такъ какъ послѣ этого намѣреніе Антонія

---

[114]) Швецовъ утверждаетъ, будто къ принятію австрійскаго священства Антоній пришелъ путемъ „строгой провѣрки съ Божественнымъ писаніемъ“ доказательствъ Павла въ его защиту, — „двухмѣсячнымъ разсмотрѣніемъ Божественнаго писанія и священныхъ правилъ“. Такой „провѣрки“ и такого „разсмотрѣнія“ вовсе не было, и Антоній совсѣмъ не былъ къ тому способенъ.

[115]) Эти обстоятельства сообщены намъ сыномъ Захаріи, о. игуменомъ Филаретомъ, бывшимъ архидіакономъ Кирилла (*Брат. Сл.* 1883 г.,

перейти въ поповщину, къ бѣлокриницкимъ инокамъ, вполнѣ обнаружилось, то его сожители, безпоповщинскіе иноки, стали убѣждать его, чтобы не дѣлалъ этого по крайней мѣрѣ не посовѣтовавшись предварительно съ ближайшимъ своимъ товарищемъ по учрежденію прусскаго монастыря — инокомъ Павломъ и предлагали ему съѣздить для этого въ Пруссію. Антоній охотно принялъ ихъ предложеніе, но съ лукавымъ расчетомъ. Вмѣстѣ съ своими сожителями онъ отправился изъ Климоуцъ, доѣхалъ до Черновцевъ, взялъ здѣсь мѣсто въ дилижансѣ для дальнѣйшаго слѣдованія къ Пруссіи, и такъ какъ до отправленія дилижанса приходилось ждать нѣсколько дней, то онъ убѣдилъ своихъ спутниковъ, не дожидаясь его отъѣзда, возвратиться въ Климоуцы. Простившись съ Антоніемъ, они дѣйствительно уѣхали обратно, въ полной увѣренности, что съ срочнымъ дилижансомъ онъ отправится въ Пруссію; Антоній же, спустя немного времени, нанялъ подводу и вслѣдъ за ними уѣхалъ изъ Черновцевъ въ Бѣлую-Криницу[116]). Вечеромъ, во время братской трапезы, онъ прибылъ въ монастырь, вошелъ прямо въ келью инока Павла, которую нашелъ незапертою, и дождался здѣсь Павлова возвращенія изъ трапезы[117]). Павелъ очень обрадовался прибытію Антонія

стр. 151, прим.). Швецовъ же иначе передаетъ дѣло, — говоритъ о небывалыхъ притѣсненіяхъ Антонію со стороны безпоповцевъ, которые будто бы хотѣли даже „предать“ его правительству (*Тамъ же*, стр. 150–151).

[116]) См. *Соч. архим. Павла*, т. III, стр. 472; ср. съ разсказомъ Швецова (*Брат. Сл.* 1883 г., стр. 151—152). Этотъ послѣдній утверждаетъ, что Антоній даже самъ „просилъ безпоповцевъ отправить его въ Пруссію“, говоря: „вы не можете *здѣсь* меня разубѣдить, развѣ только живущіе въ Пруссіи быть можетъ что и подѣйствуютъ на мое убѣжденіе“. Значитъ, по свидѣтельству Швецова, самъ Антоній намѣренно устроилъ обманъ, а не воспользовался для того предложеніемъ со стороны безпоповцевъ — съѣздить въ Пруссію къ иноку Павлу. Достойно замѣчанія и то, съ какимъ тщаніемъ Швецовъ старался не упоминать даже и здѣсь самаго имени о. Павла, сказавъ только о какихъ-то живущихъ въ Пруссіи, тогда какъ разумѣлся одинъ только инокъ Павелъ.

[117]) Ясно, что переходъ Антонія къ поповцамъ, въ Бѣлую-Криницу, устроился неблаговиднымъ образомъ, съ помощію обмана. Между

и на другой же день устроилъ его присоединеніе изъ безпоповщины къ поповщинѣ вторымъ чиномъ, т.-е. посредствомъ перемазанія, за что̀ впослѣдствіи подверглись оба, и Павелъ и Антоній, тяжкому порицанію отъ Софронія, находившаго такое присоединеніе безпоповца недостаточнымъ и незаконнымъ. Это было въ первыхъ числахъ февраля 1852 года, на масленицѣ. Черезъ нѣсколько дней, на первой недѣлѣ великаго поста, было повторено надъ Антоніемъ и монашеское постриженіе, съ сохраненіемъ прежняго имени: „въ совершеннаго инока“ постригалъ его архимандритъ Аркадій[118]). Такъ

тѣмъ, чтобы оправдать его, разсказывали чудо, будто бы Антоній вошелъ въ келью инока Павла чрезъ запертыя двери. Объ этомъ и самъ Антоній впослѣдствіи любилъ говорить, а Швецовъ даже подробно разсказываетъ въ его біографіи (*Брат. Сл.* 1883 г., стр. 152—154). По этому поводу о. архим. Павелъ замѣчаетъ: „Если это не сложено, то, разумѣется, могло быть, что Павелъ забылъ запереть дверь; но поповцы считали это великимъ чудомъ и начали имъ хвалиться въ Климоуцахъ предъ безпоповцами. Безпоповцы нашлись на это дать отвѣтъ. Они говорили: „Антоній, когда вошелъ въ монастырь, еще не былъ помазанъ муромъ, къ вамъ еще не присоединялся, и благодати отъ васъ еще никакой не получалъ. значитъ, если онъ заслужилъ того, что ему отворяются запертыя двери, то заслужилъ у насъ. А пусть теперь, по присоединеніи къ вамъ, покажетъ, отворяются ли предъ нимъ запертыя двери!“ И потомъ, насмѣхаясь надъ поповцами, говаривали имъ: „Ну что же? — Антонію теперь у васъ отворяются ли двери-то?“ Этого не стоило бы, конечно, писать (прибавляетъ о. Павелъ); но такъ какъ самъ Антоній въ Москвѣ этимъ часто похвалялся, то я и разсудилъ написать“ (*Собр. сочин.*, т. III, стр. 473, прим.). А о. Онуфрій пишетъ: „По пріѣздѣ (Антоній) вошелъ въ келью къ Павлу какъ-то случайно. Мы и тогда не придавали этому никакого значенія, да и свидѣтелей дѣлу не было: Павелъ и Антоній говорили, а другіе не видали; могло быть отъ нихъ и съ прикрасой, потому что тогда съ безпоповцами имѣли спорные вопросы, — вотъ и дали этому дѣлу ходъ, какъ будто и важному. Скоро потомъ оно пришло въ забытіе. Антоній здѣсь уже, въ Москвѣ, поднялъ этотъ случай“ (*Брат. Сл.* 1883 г., стр. 154).

[118]) Такъ именно записано въ *Памятникѣ* подъ 10 февр. 1852 г. (№ 106). Швецовъ повѣствуетъ: „по просьбѣ инока Антонія *на утро же* (по прибытіи въ монастырь) сдѣлали ему по чину церковному присоединеніе“; а какимъ именно чиномъ, — не упоминаетъ, равно какъ не го-

бывшій безпоповщинскій инокъ Антоній водворился на жительство въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ[119]).

12. Свиданія Антонія съ инокомъ Павломъ Прусскимъ. — Жизнь его въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ. — Возведеніе въ священныя степени — Учрежденіе Владимірской архіепископіи. — Отъѣздъ въ Москву.

Климоуцкіе безпоповцы скоро узнали, что Антоній обманулъ ихъ, — въ Пруссію не поѣхалъ, а тайкомъ пробрался въ Бѣлую-Криницу и перешелъ уже въ поповщину. Объ этомъ непріятномъ для нихъ событіи они немедленно послали извѣстіе въ Пруссію къ иноку Павлу. Павелъ рѣшилъ, что необходимо повидаться съ Антоніемъ, и полагая, что поступокъ его вызванъ былъ отчасти тѣми непріятностями и огорченіями, какія причинилъ ему Алексѣй Михеевъ, онъ предложилъ и этому послѣднему отправиться вмѣстѣ въ Австрію, въ Климоуцы, чтобы попросить у Антонія извиненія и тѣмъ расположить его къ возвращенію въ Пруссію. Послѣ Пасхи 1852 г. они отправились въ путь. Прибывши въ Климоуцы, инокъ

воритъ и о вторичномъ постриженіи въ иночество. О. Онуфрій пишетъ: „Антоній пріѣхалъ въ Бѣлокриницкій монастырь въ февралѣ 1852 г. на масленицѣ; а на первой недѣлѣ поста постригли (т.-е. перестригли) его“ (*Брат. Сл* 1883 г., стр. 154 и прим.).

119) Швецовъ, въ біографіи Антонія, утверждаетъ, будто собираясь перейти въ Бѣлую-Криницу Антоній хотѣлъ „свои иноческія книги и иконы тайнымъ образомъ ночью передать иноку Тарасію для препровожденія въ митрополію, но безпоповцы забрали у него все, какъ-то: книги, иконы и прочія всѣ его принадлежности“ (стр 149—150). Неправда этого сказанія обличается собственнымъ письмомъ Антонія къ Кириллу отъ 12 ноября 1857 года, гдѣ онъ пишетъ, что уѣзжая въ Москву, оставилъ въ митрополіи на память о себѣ девять иконъ и два креста, стоящихъ по его оцѣнкѣ около 11.000 руб., въ томъ числѣ „Недѣлька створцы, 150 руб. сер., створцы съ мощами святителя Николы 10.000 р. сер., Печерская Божія Матерь 50 р.“ и проч. (*Переписка*, вып. III, стр. 194). А такъ какъ нѣкоторыя свои иконы Антоній, безъ сомнѣнія, увезъ и въ Москву, то очевидно, что Швецовъ говоритъ совершенную ложь объ ограбленіи Антонія безпоповцами.

Павелъ послалъ къ Антонію приглашеніе, чтобы пришелъ повидаться. Антоній не отказался, — и вотъ какъ самъ о. Павелъ разсказываетъ объ этомъ первомъ свиданіи своемъ съ Антоніемъ по переходѣ его въ поповщину: „Я вышелъ къ нему одинъ и занялся съ нимъ разговоромъ. Антоній бесѣдовалъ со мной откровенно, даже не оправдывалъ много своего скороспѣшнаго поступка, да и не могъ оправдывать предо мною, потому что мнѣ было вполнѣ извѣстно несомнѣнное его убѣжденіе въ предпочтительномъ достоинствѣ безпоповства предъ поповствомъ. Однако на мое предложеніе возвратиться опять въ безпоповцы не находилъ для себя удобнымъ согласиться, опасаясь, что въ такомъ случаѣ его примутъ за неосновательнаго человѣка (какъ оно и было): „а притомъ, — говорилъ, — я теперь уже и поувѣрился“, то-есть въ правотѣ поповцевъ. Инокъ Павелъ предложилъ Антонію — повидаться съ Алексѣемъ Михеевымъ. Антоній послѣ долгихъ отказовъ согласился; но свиданіе было самое краткое и недружелюбное: на поклоны и извиненія Михеича Антоній сказалъ только: „снявши голову, опять ее не приставишь“, — и ушелъ. Послѣ этого никогда уже болѣе и не видались эти два бывшіе друга по Преображенскому Кладбищу, такъ какъ вскорѣ же Алексѣй Михеевъ уѣхалъ обратно въ Пруссію, гдѣ устроился на жительство отдѣльно отъ устроеннаго инокомъ Павломъ монастыря. Самъ же о. Павелъ остался въ Климоуцахъ, — прожилъ здѣсь еще мѣсяца четыре, и во все это время Антоній охотно посѣщалъ его, — приходилъ къ нему каждую недѣлю раза по два. Бѣлокриницкій Павелъ не только не препятствовалъ этимъ свиданіямъ, но даже поощрялъ ихъ, питая повидимому надежду при посредствѣ Антонія расположить и инока Павла къ общенію съ митрополіей. Въ одно изъ свиданій, по его порученію, Антоній даже сдѣлалъ отцу Павлу явный намекъ, что онъ достигъ бы высокой іерархической степени, если бы согласился признать австрійское священство; но получивъ отъ него рѣзкій укоръ за такое недобросовѣстное предложеніе, попросилъ извиненія и обѣщалъ ничего подобнаго болѣе не говорить. Самъ инокъ Павелъ и теперь рѣшительно уклонялся

отъ свиданія съ своимъ прусскимъ соименникомъ; но другіе изъ бѣлокриницкаго братства приходили къ нему повидаться и побесѣдовать. Такъ въ это именно время посѣтилъ его намѣстникъ митрополіи, епископъ Онуфрій, человѣкъ искренній, чуждый всякаго лукавства, безпристрастно разсуждавшій о религіозныхъ разномысліяхъ: тогда то о. Павелъ имѣлъ съ нимъ извѣстную бесѣду о бѣлокриницкой іерархіи, въ которой рядомъ вопросовъ довелъ собесѣдника до необходимости сознаться, что ему не извѣстно, гдѣ Амвросій получилъ благодать на совершеніе архіерейскихъ дѣйствій въ Бѣлой-Криницѣ, т.-е. косвенно сознаться въ незаконности бѣлокриницкой іерархіи[120]). Предъ отъѣздомъ инока Павла въ Пруссію, Антоній пришелъ проститься съ нимъ, — и вотъ какъ разсказываетъ самъ о. Павелъ объ этомъ послѣднемъ въ Климоуцахъ свиданіи съ Антоніемъ: „Мы разстались мирно. Я только просилъ Антонія, чтобы онъ погодилъ принимать хиротонію: когда еще ты не принялъ санъ епископа, — говорилъ я, — тебѣ удобнѣе разсуждать, на которой сторонѣ истина; а по принятіи сана ты связанъ будешь тѣмъ саномъ и едва ли станетъ у тебя настолько силъ, чтобы тогда свободно разсуждать. Антоній, повидимому, на мое предложеніе былъ согласенъ“[121]).

Во все время пребыванія инока Павла въ Климоуцахъ Антоній, какъ простой инокъ, несъ въ митрополіи послушаніе монастырскаго хлѣбопекаря, — о производствѣ его въ священные чины дѣла не начиналось, хотя о Софроніи приходили изъ Россіи слухи все болѣе и болѣе неблагопріятные, и являлась настоятельная нужда поставить для его ограниченія новаго епископа въ Россію. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ бѣлокриницкаго Павла, Антоній постепенно свыкался съ существующими въ митрополіи порядками. Былъ однако случай, когда его строго-раскольническія, безпоповщинскія убѣжденія были

---

[120]) Бесѣда эта впослѣдствіи описана о. Павломъ и справедливость изложенія подтверждена самимъ о. Онуфріемъ, тогда уже присоединившимся къ церкви (См. *Полн. собр. соч. архим. Павла* по изд. 1897 г., т. I, стр. 205).

[121]) *Соч. архим. Павла*, т. III, стр. 472—476.

такъ глубоко оскорблены, что онъ готовъ былъ уйти обратно къ безпоповцамъ, и только Павелъ даже необычной въ его характерѣ уступчивостью успѣлъ удержать его отъ исполненія этого намѣренія. Въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ введено было читать во время братской трапезы житія святыхъ по Четіимъ-Минеямъ св. Димитрія Ростовскаго, въ которыхъ имя Спасителя напечатано *Іисусъ*, — обычай, дѣйствительно не согласный съ раскольническими понятіями и свидѣтельствовавшій, къ чести бѣлокриницкихъ учителей, что они снисходительно относились къ разности въ произношеніи имени Христа Спасителя и цѣнили достоинства книги, составленной даже столь ненавистнымъ для ревнителей раскола писателемъ, какъ святитель Димитрій. И вотъ именно за употребленіе этой, по его убѣжденію, „еретической“ книги Антоній возбудилъ въ монастырѣ горячіе споры и воспылалъ такою ревностью о расколѣ, что готовъ былъ дѣйствительно уйти обратно къ безпоповцамъ въ Климоуцы. Изъ опасенія такого съ его стороны поступка, который возбудилъ бы крайне непріятную для митрополіи молву и еще болѣе ухудшилъ бы ея отношенія къ безпоповцамъ, Павелъ, скрѣпя сердце, сдѣлалъ уступку Антонію, — отмѣнилъ чтеніе Миней за братской трапезой[122]). Этой

---

[122]) Объ этомъ обстоятельствѣ упоминаетъ о. арх. Павелъ въ своемъ воспоминаніи объ Антоніи (*Собр. соч.* т. III, стр. 475—476). И о. Онуфрій пишетъ: „За Четь-Минеи Антоній съ Корниліемъ-знаркой (начетчикъ бѣлокриницкій) имѣлъ споръ чуть не до драки. Антоній въ глазахъ у насъ урезнилъ себя за этотъ споръ, — *едва заглушили дѣло*“ (*Брат. Сл.* 1883 г., стр. 154, прим.). У самого Антонія есть подтвержденіе этого извѣстія. Узнавши, что по отъѣздѣ его изъ Бѣлой-Криницы здѣсь возобновили чтеніе Четіихъ-Миней, онъ опять воспылалъ ревностію и послалъ Кириллу за это рѣзкій выговоръ. Въ письмѣ отъ 15 апрѣля 1857 года онъ именно писалъ: „Еще читаете въ церкви *еретическія* книги Четь-Минеи во время трапезы. Не подлежите ли вы за сіе по показанному въ Уставѣ на л. 79 на об. 7, 63 правиламъ? За сіе насъ за васъ называютъ прямо въ лицо еретиками. Но я съ клятвою предъ соборомъ утвердилъ, что не читаютъ теперь (разумѣетъ, очевидно, отмѣну, сдѣланную по его настоянію при Павлѣ), а впредь, я того не знаю. А прибывшіе отъ васъ люди паки повторяютъ людямъ, что читаете. То прошу васъ всѣхъ взять мою клятву на себя, которою

уступкой Антоній былъ не только успокоенъ, но и польщенъ; она могла даже способствовать усиленію его расположенія къ митрополіи, на что, по всей вѣроятности, и разсчитывалъ инокъ Павелъ. Споръ изъ-за Четіихъ-Миней случился еще въ то время, когда инокъ Павелъ Прусскій жилъ въ Климоуцахъ; а черезъ мѣсяцъ по его отъѣздѣ началось и произведеніе Антонія въ священные саны. 1 октября, въ день главнаго монастырскаго праздника, онъ поставленъ былъ Кирилломъ въ діаконы, а черезъ 2 мѣсяца, 6 декабря, въ другой нарочитый для монастыря и особенно чтимый Павломъ день, „произведенъ во священника“ [123]). Затѣмъ предстояло и поставленіе Антонія въ епископы.

Такъ какъ при назначеніи новаго епископа для Россіи имѣлось въ виду ограничить, если не совсѣмъ пресѣчь, на будущее время безчинія Софронія, то присудили учредить въ Россіи, архіепископію, по примѣру Славской, и произвести Антонія прямо въ архіепископы, съ подчиненіемъ ему, согласно такому его сану, всѣхъ прочихъ россійскихъ старообрядческихъ епископовъ, какіе будутъ поставлены, и прежде всѣхъ, разумѣется, самого Софронія. Надлежало такимъ образомъ составить Уставъ учреждаемой въ Россіи архіепископіи. Его не трудно было составить по образцу Устава Славской архіепископіи; но возникалъ вопросъ: какъ назвать новую архіепископію, — именемъ какого изъ древнихъ знаменитыхъ городовъ россійскихъ? Конечно, всего лучше и желательнѣе было учредить архіепископію Московскую: новый „древлеправославный“ архіепископъ явился бы такимъ образомъ, ровно черезъ два столѣтія, преемникомъ патріарха Іосифа. Мечтали

я увѣрялъ людей въ нечитаніи. И ежели будете читать впередъ, то вы *своимъ упрямствомъ сдѣлаете раздоръ въ церкви совершенной* Но и теперь дѣлаете немалый соблазнъ и смущеніе симъ въ церкви“ (*Переписка*, вып. 3, стр. 191).

[123]) См. въ *Памятникѣ* подъ этими числами (№№ 112 и 115). Швецовъ говоритъ, что еще ранѣе, 9 мая, Антоній „рукоположенъ былъ во иподіакона“. Это не вѣрно; напротивъ, по свидѣтельству о. Онуфрія „на Покровъ поставили Антонія въ чтецы и поддіяконы и въ діаконы, на одной обѣднѣ“ (*Брат. Сл.* 1883 г., стр. 154)

даже о возстановленіи древлеправославнаго россійскаго патріаршества; но эту мечту, равно какъ мысль объ учрежденіи митрополіи въ Москвѣ, должны были оставить, въ томъ соображеніи, что сама Бѣлокриницкая митрополія потеряла бы тогда свое первенствующее значеніе и должна бы войти въ подчиненіе Московской патріархіи, а надъ митрополіей Московской утратила бы власть, какъ равная ей по іерархическому значенію. Учрежденіе же Московской архіепископіи, какъ первой и господствующей въ россійской старообрядческой іерархіи, но состоящей въ подчиненіи митрополіи Бѣлокриницкой, дѣйствительно имѣлось въ виду; но, какъ надобно полагать, не надѣялись, чтобы Антоній могъ быть достойнымъ ея замѣстителемъ. Поэтому учрежденіе архіепископіи въ Москвѣ отложили до будущаго времени, когда явятся болѣе удобныя обстоятельства и найдется болѣе достойное лицо для ея замѣщенія; теперь же присудили учредить архіепископію съ именемъ того древлеправославнаго града, изъ котораго первосвятители древней Руси перенесли свою каѳедру въ Москву, т.-е. архіепископію Владимірскую, и Антонія поставить въ архіепископа Владимірскаго, хотя и предполагалось, что пребываніе онъ будетъ имѣть не во Владимірѣ, а насколько будетъ возможно — въ Москвѣ.

Итакъ Павелъ занялся составленіемъ Устава Владимірской архіепископіи, и составилъ его дѣйствительно по образцу Устава Славской архіепископіи: онъ состоитъ также изъ трехъ пунктовъ и въ самомъ текстѣ представляетъ буквальное сходство съ послѣднимъ, — разность только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣется въ виду особое, исключительное положеніе раскольнической іерархіи въ Россіи, совершенно отличное отъ ея положенія въ Турціи, огражденнаго въ ея правахъ даже султанскимъ фирманомъ. Наиболѣе значительныя отличія въ этомъ отношеніи представляетъ второй пунктъ Устава, гдѣ говорится о правахъ и обязанностяхъ Владимірскаго архіепископа и подчиненныхъ ему епископовъ, соотвѣтственно условіямъ стѣсненнаго ихъ положенія въ Россіи. Приводимъ вполнѣ и этотъ Уставъ, отмѣчая курсивомъ его отличія отъ Устава Славской архіепископіи.

1. Владимірскій архіепископъ подвѣдомственно себѣ имѣть долженъ всѣ единовѣрныя епархіи нынѣ существующія и впредь еще учредитися могущія, *во всей Россійской державѣ, даже до Перси и Сибири простирающіяся и на сѣверъ до Ледовитаго моря досяжущія,* и имѣетъ право въ оныя епархіи поставлять епископовъ по его усмотрѣнію, съ содѣйствіемъ своего намѣстника (?), а если будетъ безпрепятственная возможность и со всѣми вкупѣ подвѣдомственными своими епископы[124]); аще ли же не будетъ возможность которому епископу, благословнаго ради случая, прибыть на соборъ, той долженъ писменно свое согласіе сообщить архіепископу Владимірскому, согласно соборыхъ правилъ.

2. Всѣ епископы, подвѣдомственные Владимірской архіепископіи, отнынѣ и впредь на поставленіи своемъ должны по чину, въ Чиновникѣ изображенному, исповѣданіе вѣры и присяжные листы за своимъ собственнымъ подписомъ давать прямо архіепископу Владимірскому. *Въ дѣйствіи же епископы и прочіе священники, въ Россіи сущіе, смотрительнаго ради случая и доколь обстоитъ гоненіе, жительство могутъ имѣть во всякомъ городѣ и мѣсть, гдѣ кому будетъ возможность скрыться отъ мучителскихъ лицъ, и имѣютъ право безвозбранно въ нуждахъ христіанамъ помогать и ихъ требы священническія исполнять, святителскія же дѣла, сирѣчь поставлять поповъ и діяконовъ и прочихъ клириковъ, и запрещать, или извергать, безъ благословенія архіепископа да не дерзаютъ; въ своей же епархіи каждый епископъ полное право имѣетъ распоряжаться, и поставлять поповъ и діяконовъ и прочихъ клириковъ по его благоусмотрѣнію, яко господинъ въ своемъ домѣ; такожде не долженъ и самъ архіепископъ что святительскаго дѣлать безъ воли той епархіи епископа, кромѣ какъ только священническихъ требъ, и сіе смотрительно, за случай гонительный.*

3. Самъ архіепископъ Владимірскій долженъ непремѣнно зависимъ быть отъ митрополіи, то-есть безъ предварительнаго согласія Бѣлокриницкой митрополіи не долженъ вступать на престолъ архіепископскій; а въ самомъ произведеніи во архіепископа исповѣданіе вѣры долженъ сдѣлать предъ соборомъ своихъ епископовъ и въ то же самое время по нареченіи, дондеже еще не взыдетъ на архіепископскій престолъ, обя-

---

[124]) Здѣсь пропущены находящіяся въ Уставѣ Славской архіепископіи слова: „а о поставленіи давать только свѣдѣніе Бѣлокриницкой митрополіи“.

занъ своеручно на семъ уставѣ подписаться, присяжный же листъ за собственнымъ его подписомъ представить въ Бѣлокриницкую митрополію *непремѣнно*.

Достойно вниманія и добавленіе, сдѣланное въ заключительныхъ словахъ Устава, свидѣтельствующее, что имѣлось въ виду со временемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, учредить именно Московскую раскольническую архіепископію, которая должна замѣнить собою Владимірскую, назначенную существовать только *до тѣхъ поръ*, когда будетъ учреждена Московская:

И тако сей учрежденный на Владимірскую архіепископію Уставъ хранить свято и нерушимо, *до тѣхъ поръ, докольѣще не поставленъ архіепископъ богохранимому граду Москвѣ*[125]).

3 февраля 1853 года Антоній поставленъ былъ въ архіепископы и получилъ отъ Кирилла ставленную грамоту[126]), а въ слѣдующій день подписанъ былъ имъ, вслѣдъ за Кирилломъ, вышеприведенный Уставъ на Владимірскую архіепископію, который былъ тогда же врученъ ему для храненія и для предъявленія Софронію, чтобы и этотъ послѣдній подписалъ его, въ знакъ безпрекословнаго подчиненія новопо-

---

[125]) Текстъ этого Устава заимствуемъ изъ Сборника Ивана Захарова. При Антоніи Захаровъ состоялъ нѣкоторое время письмоводителемъ Духовнаго Совѣта, и будучи заинтересованъ начавшимися у поповцевъ любопытными „церковно-іерархическими“ дѣлами, задался мыслію собрать воедино всѣ доступные ему документы и письма, касающіеся этихъ дѣлъ, сопровождая ихъ по мѣстамъ собственными примѣчаніями и объясненіями. Такимъ образомъ составился сборникъ подъ названіемъ: „Церковно-іерархическія дѣла старообрядческихъ архіереевъ древлерос сійскаго православнаго исповѣданія. Собраны письмоводителемъ Духовнаго Совѣта Иваномъ Захаровымъ“. Мы имѣемъ списокъ этого любопытнаго и важнаго для исторіи австрійской іерархіи сборника. Сборникъ начинается именно „Уставомъ на Владимірскую архіепископію“.

[126]) Подъ этимъ именно числомъ въ *Памятникѣ* записано: „Антоній бывшей священноинокъ, сего числа г. митр. Кирилою произведенъ во священностарѣйшинство, духовникомъ А(нуфрій) е(пископъ)“ (№ 121).

ставленному архіепископу[127]). А для того, чтобы Софроній не имѣлъ никакихъ сомнѣній относительно Антонія и во вредъ ему и всей іерархіи не злоупотребилъ данною ему два года тому назадъ грамотою о поставленіи епископовъ, въ тотъ же самый день, 4 февраля, Кириллъ и Онуфрій подписали, сочиненную Павломъ, новую грамоту къ Софронію, въ которой говорилось:

По препорученію нашему данною грамотою маія 1-го 7358 (1850) года позволено вамъ поставить двухъ епископовъ въ помощь вашему преосвященству И по сіе время если вы поставили одного, или обоихъ, то *непремѣнно* донесите его преосвященству архіепископу Владимірскому, господину Антонію; если же еще не поставили и до сихъ поръ, то по полученіи сей грамоты удержитесь, но съ вашимъ согласіемъ, если возможно и присутствіемъ, господинъ архіепископъ да поставляетъ по его благоусмотрѣнію по возможности, и насъ о томъ да увѣдомитъ. Вашему же преосвященству должно своеручно подписать Уставъ, учрежденный на архіепископію Владимірскую[128]).

Снабженный такими грамотами, равно какъ наставленіями, совѣтами и благожеланіями инока Павла, Антоній немедленно, въ тотъ же день 4 февраля, отправился изъ Бѣлой-Криницы въ Москву[129]).

Учрежденіемъ Владимірской архіепископіи и поставленіемъ въ архіепископы Антонія, пользовавшагося у московскихъ старообрядцевъ своего рода извѣстностью, инокъ Павелъ несомнѣнно разсчитывалъ исправить зло, причиненное іерархіи неосторожнымъ назначеніемъ Софронія въ епископы для всей Россіи, положить конецъ его безчиніямъ и способствовать распространенію бѣлокриницкаго священства среди россійскихъ

---

[127]) Подъ Уставомъ имѣется подпись: „Изданъ сей уставъ въ Бѣлокриницкой митрополіи февраля 4 дня 1853 года“. Затѣмъ слѣдуютъ подписи: Кирилла, „Антонія архіепископа Владимірскаго“ и Онуфрія.

[128]) *Сборн. Ив. Зах.* Подъ грамотой значится: „Дана сія грамота въ Бѣлой-Криницѣ февраля 4, 7361 (1853) года“.

[129]) Подъ этимъ числомъ въ *Памятникѣ* Павелъ сдѣлалъ объ отъѣздѣ Антонія въ Россію слѣдующую любопытную отмѣтку: „отправленъ къ больнымъ, въ карантинѣ сѣдящимъ“.

старообрядцевъ. Оказалось напротивъ, что именно пріѣздъ Антонія въ Россію и предъявленныя имъ права архіепископа вызвали Софронія на открытое сопротивленіе и Антонію и самой митрополіи, — вообще на такія дѣйствія, которыя послужили началомъ нескончаемыхъ безпорядковъ и безобразій въ австрійской іерархіи, а самого Павла повергли въ тяжкую скорбь, ускорили даже его смерть. Оказалось, что и самъ Антоній, хотя много способствовалъ своею ревностію о Бѣлокриницкой іерархіи ея распространенію въ Россіи, но своимъ характеромъ, своими честолюбивыми стремленіями и упорствомъ въ самыхъ грубыхъ раскольническихъ мнѣніяхъ внесъ въ нее новые смуты и раздоры, которыхъ однако самому Павлу не пришлось уже видѣть.

13. Дѣло Спиридонія Новозыбковскаго: его поставленіе въ епископы и раскрытіе его обмана [130]).

Едва Антоній выѣхалъ изъ Бѣлой-Криницы архіепископствовать у россійскихъ старообрядцевъ, какъ тамъ, въ митрополіи, произошло новое, достойное раскола и его лжеименной іерархіи, событіе, послужившее позоромъ для нея и новымъ свидѣтельствомъ, что въ обличеніе и наказаніе раскольнической лжи Богъ отнималъ разумъ у разумныхъ и премудрыхъ раскола, которые употребили столько хитрости и обмана на беззаконное дѣло учрежденія раскольнической іерархіи.

---

[130]) Подлинное „Дѣло“ Спиридонія, подъ названіемъ: „Соборное осужденіе и изверженіе епископа Спиридонія“, находится въ *Бѣлокр. арх.* Въ немъ содержатся: а) собственноручно писанное Павломъ „Соборное рѣшеніе донынѣ подсудимому епископу Спиридонію, учиненное на третьемъ соборномъ засѣданіи въ Бѣлокриницкой митрополіи августа въ 7 день 7361 (1853) года“; б) подлинное прошеніе Спиридонія на имя Кирилла отъ 20 декабря того же года; в) писанное рукою Конона „Дополненіе къ изверженію Спиридонія, учиненное 4 генваря 1854 года“. Этими документами мы и пользуемся въ настоящемъ изложеніи.

Въ томъ же февралѣ 1853 года, нѣсколько дней спустя по отъѣздѣ Антонія [131]), явился въ Бѣлую-Криницу пожилой старообрядецъ, бывшій уставщикомъ въ одной изъ стародубскихъ слободъ, нѣкій Семенъ Говядинъ, съ сыномъ своимъ — Лаврентьемъ и еще однимъ лицомъ, сопровождавшимъ его въ качествѣ депутата отъ стародубскихъ и бессарабскихъ старообрядцевъ. Они привезли и представили въ митрополію скрѣпленное многими подписями прошеніе отъ новозыбковскаго и сосѣдняго съ нимъ старообрядческихъ обществъ о поставленіи Говядина имъ во священника, такъ какъ они крайне нуждаются въ священствѣ.

Это были, какъ оказалось впослѣдствіи, весьма подозрительныя лица, какія нерѣдко встрѣчаются въ расколѣ. Говядинъ дѣйствительно исполнялъ должность уставщика у новозыбковскихъ поповцевъ; но по какому-то случаю, вѣроятно за отправленіе церковныхъ службъ у раскольниковъ, взятъ былъ правительствомъ и посаженъ въ острогъ [132]). Здѣсь, чтобы спастись отъ тюрьмы и наказанія, онъ изъявилъ готовность оставить расколъ и присоединиться къ церкви, во увѣреніе чего далъ собственноручную росписку. Его присоединили и выпустили на свободу. Разумѣется, присоединеніе его было неискренно и, получивъ свободу, онъ помышлялъ, какъ бы при первой возможности снова перейти въ расколъ. Исполнить это на мѣстѣ прежняго жительства онъ не находилъ удобнымъ, такъ какъ не желалъ, чтобы тамъ знали о его измѣнѣ расколу: поэтому и съ этой именно цѣлію онъ ушелъ въ Бессарабію, въ извѣстное раскольническое се-

131) Въ „Дѣлѣ“ Спиридонія именно говорится, что онъ пріѣхалъ въ февралѣ. А такъ какъ 15-го февраля онъ былъ уже произведенъ въ діаконы, передъ тѣмъ же совершено было надъ нимъ постриженіе въ иноки и въ этомъ званіи онъ долженъ былъ пробыть хотя нѣсколько дней, то и слѣдуетъ полагать, что онъ пріѣхалъ въ Бѣлую-Криницу не позднѣе 10 февраля. Антоній же отправился изъ митрополіи 3-го числа.

132) Въ изложеніи суда надъ Спиридоніемъ сказано: „подпалъ подъ внѣшній гражданскій судъ невольнымъ, и по насъ невиннымъ случаемъ“.

леніе — Грубное. Въ здѣшнихъ мѣстахъ уже имѣлись тогда попы австрійскаго поставленія: къ одному изъ нихъ явился Говядинъ, „исповѣдалъ ему свое преступленіе“ и просилъ принять снова въ расколъ „вторымъ чиномъ“, какъ принимаютъ приходящихъ отъ великороссійской церкви, — и „священникъ принялъ его, по проклятіи ересей, подъ муропомазаніе“ [133]). Не извѣстно, имѣлъ ли онъ и прежде намѣреніе искать въ митрополіи поставленія въ попы, или это намѣреніе явилось у него теперь, когда онъ жилъ неподалеку отъ Бѣлой-Криницы и видѣлъ поповъ бѣлокриницкаго поставленія, привольно живущихъ среди раскольниковъ, только вскорѣ же онъ задумалъ ѣхать въ митрополію и добиться тамъ поставленія въ попы для новозыбковскихъ и прочихъ стародубскихъ старообрядцевъ, еще не имѣвшихъ австрійскаго священства, разсчитывая, что имъ не извѣстно объ его измѣнѣ „древлеправославію“, и что во всякомъ случаѣ они охотно примутъ своего бывшаго уставщика, когда онъ явится съ ставленной священнической грамотой отъ бѣлокриницкаго митрополита. Но онъ понималъ, что достигнуть этого можно не иначе, какъ представивъ въ митрополію прошеніе отъ самихъ старообрядческихъ обществъ, новозыбковскаго и другихъ, чтобы ихъ бывшій уставщикъ былъ поставленъ имъ въ священника. И вотъ Говядинъ приказываетъ сыну написать такое прошеніе на имя Кирилла; сынъ написалъ; сдѣлали подложныя подписи болѣе видныхъ новозыбковскихъ и другихъ старообрядцевъ; нашелся пріятель, который не только согласился участвовать въ этомъ обманѣ, но и ѣхать вмѣстѣ съ Говядинымъ и его сыномъ къ митрополиту въ качествѣ депутата отъ подписавшихъ прошеніе.

Такого-то рода обманщики, истыя дѣти раскола, явились въ Бѣлую-Криницу, — и многоумный инокъ Павелъ легковдался въ обманъ. Этому прежде всего способствовало, ко-

---

[133]) Такъ говорится въ „Дѣлѣ“. Что рѣчь идетъ о попѣ австрійскаго поставленія, это видно изъ употребленнаго здѣсь выраженія: „прибѣгнулъ къ одному *нашему* священнику“.

нечно, его собственное горячее желаніе — насадить учрежденную имъ іерархію въ столь знаменитомъ центрѣ поповщинскаго раскола, какимъ было издавна Стародубье: просители искали именно того, что̀ ему самому было такъ желательно. Правда, недавній опытъ съ Софроніемъ, казалось, долженъ бы сдѣлать его болѣе осторожнымъ и разборчивымъ относительно являющихся въ митрополію искателей священныхъ степеней; но на бѣду его въ Бѣлой-Криницѣ нашлись два лица, знавшія Говядина, когда онъ былъ уставщикомъ, и ничего не вѣдавшіе объ его арестѣ и письменномъ отреченіи отъ именуемаго „древлеправославія“: это были стародубскіе выходцы, нѣкій Василій Костюшкинъ и инокиня Деворра, — они засвидѣтельствовали, что Семенъ Говядинъ былъ дѣйствительно у нихъ уставщикомъ. Этого было достаточно для Павла, столь хлопотавшаго о распространеніи бѣлокриницкаго священства, особенно въ Россіи, въ такихъ знаменитыхъ центрахъ раскола, какъ Стародубье, — и онъ нашелъ, что Говядина можно безъ всякихъ сомнѣній и новыхъ справокъ поставить въ попы для новозыбковскихъ и прочихъ въ Стародубьѣ старообрядцевъ. Наказуемый свыше слѣпотою ума, онъ впадаетъ потомъ въ ошибку, еще болѣе тяжкую. Семенъ Говядинъ былъ вдовъ и, согласно требованіямъ Стоглаваго собора, Павелъ не находилъ возможнымъ поставить его въ мірскіе попы; но вмѣсто того, чтобы по этой причинѣ просто отказать ему въ посвященіи, онъ разсудилъ, что такимъ достойнымъ лицомъ, какъ бывшій уставщикъ стародубскій, можно воспользоваться для вящшей славы и для вящшаго распространенія дорогой ему Бѣлокриницкой іерархіи, — что слѣдуетъ именно постричь его въ монахи и поставить въ епископы для Новозыбкова съ прочими стародубскими слободами, и для Бессарабскаго края, дабы онъ неоскудно снабжалъ здѣшнихъ старообрядцевъ священствомъ. Явившееся у Павла желаніе — поставить епископа для этихъ мѣстъ, обилующихъ старообрядцами, было такъ сильно, что онъ даже не стѣснился при этомъ только-что изданнымъ Уставомъ Владимірской архіепископіи, которымъ предоставлено было именно Антонію право — поставлять архіереевъ для

всей Россіи и завѣдывать ими. Для самого Семена Говядина это предложеніе ему архіерейскаго сана было, какъ надобно полагать, совершенной неожиданностью [134]); сознаніе учиняемаго имъ обмана и воспоминаніе о бывшемъ отступничествѣ, какъ обстоятельствѣ, возбраняющемъ полученіе какой-либо священной степени, должны бы, казалось, тронуть теперь его совѣсть и заставить уклониться отъ неожиданно предлагаемаго высокаго сана. Но предложеніе было такъ заманчиво, обѣщало такія почести и выгоды, что онъ, нимало не стѣсняясь, согласился постричься въ монахи и быть епископомъ. Какъ человѣкъ, довольно начитанный, онъ только подъискивалъ уже и тогда разныя „святоподобія", которыми могъ бы потомъ оправдаться, что принялъ епископство, не стѣсняясь своимъ отступничествомъ [135]).

Итакъ рѣшено было произвести Семена Говядина въ епископы для Стародубья и Бессарабіи. Изъ опасенія ли предъ австрійскимъ правительствомъ, въ виду изданнаго имъ строгаго воспрещенія поставлять архіереевъ и священниковъ за предѣлы Австріи и особенно въ Россію, или по другимъ какимъ-либо соображеніямъ, только все это дѣло было кончено съ необыкновенной быстротой. 14-го февраля Семена Гов-

---

[134]) Въ „Дѣлѣ" говорится, что Семенъ Говядинъ просилъ только „по настоявшимъ тамо (въ Стародубьѣ) крайнимъ нуждамъ произвести его *въ санъ священства*". И далѣе: „Но какъ вдовство его возбранило ему быть мірскимъ священникомъ, то убо *со общаго нашего духовнаго совѣта рѣшились* произвести его, по постриженіи, чрезъ малое время, по степенямъ во епископа Новозыбкову, поелику оный край съ Бессарабіею *симъ еще былъ не обезпеченъ*, то-есть къ западной границѣ Россіи". „Общій духовный совѣтъ" упоминается, конечно, для одной формы; если онъ и былъ составленъ, то для того только, чтобы утвердить дѣло, рѣшенное уже Павломъ.

[135]) Въ „Дѣлѣ" упоминается, что въ то время, когда готовился къ поставленію въ епископы, посѣтившему его намѣстнику Онуфрію Спиридоній указалъ въ Четіи-Минеи, въ житіи св. Никиты Мидійскаго, свидѣтельство о временномъ отступленіи этого святого отъ православной вѣры, не воспрепятствовавшемъ ему сохранить священный санъ послѣ раскаянія въ томъ, и сдѣлалъ это съ цѣлію обезпечить самому себѣ въ будущемъ оправданіе.

дина постригли въ монахи съ именемъ Спиридонія и, не подвергая исполненію обычнаго монашескаго правила, немедленно назначили къ производству въ священныя степени. Предъ этимъ, разумѣется, онъ долженъ былъ исповѣдаться у назначеннаго ему духовника: ни о своемъ бывшемъ отступленіи отъ старообрядчества, ни тѣмъ паче о подлогѣ прошенія, онъ, конечно, не сказалъ духовнику, и этотъ послѣдній представилъ вполнѣ удовлетворительное о немъ свидѣтельство, какъ о лицѣ, достойномъ священнаго сана [136]). И въ теченіе трехъ слѣдовавшихъ по постриженіи дней его произвели во всѣ священныя степени: 15-го — въ діаконы, 16-го — „во пресвитеры“, а 17-го поставили и во епископа Новозыбкову [137]). Около недѣли еще прожилъ новопоставленный епископъ въ митрополіи, пріучаясь вѣроятно къ отправленію архіерейскихъ служеній и пользуясь наставленіями Павла относительно предстоящаго ему веденія епархіальныхъ дѣлъ. Наконецъ, 23 числа, его отпустили въ епархію „съ надлежащимъ напутствованіемъ“, наградивъ архіерейскими облаченіями, даже „въ честномъ сопровожденіи депутата—инока Алимпія, на своемъ монастырскомъ конѣ и съ послужащимъ“.

Такимъ образомъ продѣлка Спиридонія повидимому удалась, и даже лучше, чѣмъ онъ надѣялся, — Павелъ со всѣми его совѣтниками весьма легко вдался въ обманъ. Между тѣмъ, чего Спиридоній никакъ не ожидалъ, грубенскіе старообрядцы прознали, что бывшій измѣнникъ „древлеправославію“, принятый ихъ попомъ отъ „никоніянской“ ереси чрезъ мѵропомазаніе, уѣхалъ въ митрополію искать поставленія въ священ-

---

136) Въ „Дѣлѣ“ объ этомъ говорится такъ: „Предъ вступленіемъ въ столь важное и страшное священства таинство, когда онъ (по постриженіи) Спиридоній на исповѣди духовникомъ поставленъ былъ предъ образомъ Божіимъ... умалчивая о преступленіи своемъ и о томъ происшествіи, и како у священника принятъ яко великій отступникъ даже подъ мѵропомазаніе, не воспомянулъ здѣсь на исповѣди духовнику своему ни единымъ словомъ, такъ какъ бы вовся ничего съ нимъ никогда не было“.

137) См. въ *Памятникѣ* подъ этими числами (№№ 23 и 24).

ныя степени, составивъ подложное прошеніе о томъ въ домѣ ихъ дьяка, чрезъ котораго быть можетъ все это и открылось. Чтобы воспрепятствовать такому беззаконному дѣлу они снарядили и отправили въ Бѣлую-Криницу нарочитыхъ пословъ, которымъ поручили — раскрыть въ митрополіи преступные замыслы Говядина, — но отправили слишкомъ поздно: послы встрѣтили Спиридонія съ его спутниками уже на обратномъ пути его изъ Бѣлой-Криницы. Вотъ что̀ говорится объ этомъ въ слѣдственномъ дѣлѣ Спиридонія: „Въ тотъ же самый день 23 февраля, едва они (Спиридоній съ спутниками) отъѣхали одну почту, вдругъ встрѣваютъ ихъ нарочные погонщики, посланные отъ тѣхъ мѣстъ, въ которомъ краю Спиридоній, бывшій Семенъ, съ сыномъ своимъ укрывался, замѣтившіе за ними таковой умыселъ, для обличенія Спиридонія въ вышереченномъ его преступленіи и засвидѣтельствовать даже по долгу присяги (?), что привезено не ихъ письменное прошеніе, но оное въ нѣкоемъ домѣ, гдѣ Спиридоній вкупѣ съ сыномъ временно находился, написано подложно рукою тѣмъ самымъ сыномъ его роднымъ Лаврентіемъ“. Встрѣтивъ такъ неожиданно Спиридонія съ его спутниками, грубенскіе посланники остановили ихъ, объявили имъ, зачѣмъ ѣдутъ въ Бѣлую-Криницу, и потребовали, чтобы вмѣстѣ съ ними всѣ поѣхали туда обратно. Для Спиридонія эта встрѣча была, разумѣется, весьма непріятна; однакоже онъ, какъ опытный проходимецъ, видавшій и тюрьму, не слишкомъ смутился, — отвѣтилъ, что его дѣло извѣстно митрополиту и велѣлъ ѣхать дальше. Но и посланные не хотѣли его оставить, — поѣхали вслѣдъ за нимъ. Дѣло было уже къ вечеру; въ ближайшемъ мѣстѣ нужно было остановиться на ночлегъ: здѣсь и остановились всѣ на время. Что̀ происходило между ними и, особенно, какое участіе во всемъ происходившемъ здѣсь принималъ инокъ Алимпій — почетный провожатый Спиридонія, остается, къ сожалѣнію, не извѣстнымъ. А пресловутый инокъ Алимпій, и по значенію своему въ митрополіи и по характеру, не могъ оставаться спокойнымъ и безучастнымъ зрителемъ такого рѣдкостнаго событія, какъ раскрытіе Спиридоніева отступни-

чества, подлоговъ и обманнаго принятія священныхъ сановъ. Извѣстно, что въ такихъ случаяхъ отецъ Алимпій, особенно если былъ нетрезвъ (что случалось съ нимъ весьма нерѣдко) отличался необузданной дерзостью и буйствомъ: надобно полагать, что и здѣсь, на этомъ ночлегѣ, происходили у него съ Спиридоніемъ, или съ послами, — смотря по тому, чью держалъ онъ сторону, — бурныя сцены, и потому-то, вѣроятно, въ изложеніи Спиридоніева дѣла инокъ Павелъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ объ участіи въ немъ своего товарища и сотрудника — инока Алимпія [138]). Онъ говоритъ только, что утромъ „на другой день“, вѣроятно тайкомъ даже отъ такого стража, какъ Алимпій, владыка Спиридоній уѣхалъ „по своему тракту“, за границу, вмѣстѣ съ сыномъ Лаврентіемъ, „оставивъ и своего депутата“. Куда направилъ стопы инокъ Алимпій, этого Павелъ не сообщаетъ, а говоритъ только о послахъ, что они, „видя свой неуспѣхъ, прибыли въ митрополію и доказательно засвидѣтельствовали о всемъ подробно“.

Можно представить, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ „подробный“ разсказъ въ митрополіи и особенно на инока Павла, который лучше всѣхъ другихъ понималъ, сколько позора для новоучрежденной митрополіи должно причинить постыдное дѣло „епископа Спиридонія“. Онъ видѣлъ настоятельную надобность принять скорѣйшія мѣры къ исправленію зла, — и вотъ немедленно, „тотъ часъ же, — какъ сказано въ судебномъ актѣ, — митрополія, со строжайшимъ предписаніемъ, отправила вслѣдъ убѣжавшихъ нарочито посланныхъ, да гдѣ только достигнутъ Спиридонія, объявивъ ему запрещеніе, и въ той часъ арестовать его духовно, то-есть отобрать отъ него все данное напутствованіе, и омофоръ и прочее, впредь до обстоятельнаго изслѣдованія; а для личнаго объясненія дабы онъ немедленно возвратился опять въ митрополію“. Гдѣ именно посланные „настигли“ Спиридонія и какъ

---

138) Любопытно, что нѣтъ и подписи Алимпія подъ соборнымъ судомъ надъ Спиридоніемъ.

были имъ приняты, изъ дѣла не видно; говорится только, что порученіе они „исполнили“, т.-е. объявили Спиридонію „запрещеніе и духовный арестъ“, съ предложеніемъ возвратиться въ митрополію. Ни запрещенію, ни „аресту“ Спиридоній не подчинился и ѣхать въ митрополію отказался. Напротивъ, онъ остался въ Бессарабіи, выдавая себя за дѣйствительнаго епископа и употребляя полученные въ митрополіи омофоръ и прочія архіерейскія принадлежности, которыя тщетно пытались „арестовать“ у него митрополичьи послы. Однако мѣстныя старообрядческія общества смотрѣли на Спиридонія, какъ на самозванца, незаконно восхитившаго епископскій санъ, и его притязанія на архіерейство произвели въ этихъ обществахъ даже волненія, — отъ нихъ снаряжено было новое посольство въ митрополію съ требованіемъ — объявить Спиридонія неимѣющимъ епископскаго сана [139]). При такомъ отношеніи къ нему старообрядцевъ положеніе Спиридонія сдѣлалось очень затруднительнымъ и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ по отъѣздѣ изъ Бѣлой-Криницы, онъ рѣшился самъ, по доброй волѣ, явиться туда, въ надеждѣ защитить себя отъ предъявленныхъ противъ него обвиненій и добиться признанія въ епископскомъ санѣ, чтобы никто уже изъ старообрядцевъ не имѣлъ права сомнѣваться въ его архіерейскомъ достоинствѣ [140]).

Пріѣзду Спиридонія въ митрополіи были рады, ибо очень желали покончить непріятное дѣло объ немъ безъ особой огласки, такъ сказать, келейнымъ образомъ, — даже готовы были

---

[139]) Въ „Дѣлѣ“ говорится: „дважды съ доносомъ отъ общества въ митрополію нарочные пріѣзжали, дабы онъ не былъ епископъ“.

[140]) Когда именно Спиридоній явился въ Бѣлую-Криницу — не извѣстно; въ „Дѣлѣ“ сказано: „*по времени* самъ явился въ митрополію“. Надобно полагать, что это было въ концѣ іюня, или въ началѣ іюля 1853 г., такъ какъ 17 іюля въ митрополіи происходило уже первое соборное засѣданіе по его дѣлу, назначенное спустя нѣсколько времени по его пріѣздѣ. Значитъ, не менѣе четырехъ мѣсяцевъ Спиридоній бродилъ среди старообрядцевъ въ званіи епископа, употребляя въ дѣло полученныя въ митрополіи и не „арестованныя“ у него омофоръ, и прочія архіерейскія принадлежности.

оказать ему всякое снисхожденіе, лишь бы онъ остался на жительство въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ. Павелъ, очевидно, сознавалъ, что и самъ отчасти виноватъ въ этомъ дѣлѣ, такъ неосмотрительно и поспѣшно поддавшись обману. Съ Спиридоніемъ, дѣйствительно, поступили весьма снисходительно: послѣ „выговора“, ему было объявлено „лично отъ верховнаго святителя запрещеніе отъ всякаго священнодѣйствія“ и затѣмъ онъ опредѣленъ въ число бѣлокриницкаго монастырскаго братства, при чемъ еще оказали ему особое почтеніе, — дозволили стоять выше всѣхъ иноковъ и схимниковъ.

Итакъ, позорное для новой старообрядческой іерархіи дѣло Спиридонія постарались въ митрополіи уладить мирнымъ образомъ, оказавъ снисхожденіе виновному и даже нѣкоторый почетъ. Но самъ Спиридоній остался недоволенъ такимъ келейнымъ рѣшеніемъ его дѣла, — находилъ это рѣшеніе и не снисходительнымъ и не справедливымъ. Онъ явился въ митрополію совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы остаться тамъ на жительство въ званіи простого инока, хотя бы и первымъ между иноками, а разсчитывалъ оправдаться въ своихъ винахъ и сохранить за собою епископское званіе и епископскую власть. Въ этихъ расчетахъ онъ настоятельно потребовалъ, чтобы произвели надъ нимъ судъ по формѣ, на основаніи церковныхъ каноновъ, — „неотступно стужалъ святителямъ — сдѣлать ему законное рѣшеніе“. Тогда было приступлено къ соборному разсмотрѣнію его дѣла уже со всею строгостію, какой онъ не ожидалъ.

14. Дѣло Спиридонія: судъ надъ нимъ; объявленіе судебнаго приговора. — Послѣдняя судьба Спиридонія.

Разсмотрѣніе дѣла о Спиридоніи происходило на двухъ „собраніяхъ святительскаго суда“, 17 и 27 іюля, подъ предсѣдательствомъ Кирилла. На нихъ присутствовали: намѣстникъ Онуфрій, архимандритъ Аркадій, два священноинока — Савва и Илія, два приходскіе священника — соколинскій Сисой и климоуцкій Семенъ, незадолго передъ тѣмъ произведен-

ный въ этотъ санъ на мѣсто умершаго Захаріи[141]), два іеродіакона — Іосифъ и Пафнутій, за три мѣсяца передъ тѣмъ рукоположенный изъ молодыхъ иноковъ, — тотъ самый Пафнутій Овчинниковъ, который впослѣдствіи, сдѣлавшись епископомъ коломенскимъ, занялъ очень видное положеніе въ старообрядчествѣ и получилъ большую извѣстность въ исторіи австрійскаго священства[142]); изъ лицъ не „священныхъ“ присутствовали на судѣ только казначей инокъ Дороѳей и самъ „депутатъ“ инокъ Павелъ[143]). Онъ подробно описалъ происходившіе на „собраніи“ допросы Спиридонія и его отвѣты, хотя, по всей вѣроятности, не совершенно такъ, какъ они происходили въ дѣйствительности.

По описанію Павла вопросы предлагалъ Спиридонію самъ Кириллъ, руководимый, конечно, и предварительно наставленный Павломъ. Сначала было потребовано, чтобы Спиридоній „по чистой совѣсти“ отвѣтилъ на вопросъ: „какими дверми взошелъ въ священный причетъ послѣ своего преступленія, сирѣчь съ чистымъ ли откровеніемъ и раскаяніемъ по образу святаго Апостола Петра, или праведно запрещенъ, яко нераскаянный, по примѣру аки праотецъ Адамъ?“ Подъ „преступленіемъ“, на которое здѣсь указывали Спиридонію, разумѣлось собственно его отреченіе отъ старообрядчества съ подпискою — принять православіе, о чемъ онъ умолчалъ на исповѣди предъ поставленіемъ въ священныя степени. Прежде, когда его обвиняли въ этомъ по возвращеніи его въ Бѣлую-Криницу, онъ говорилъ въ оправданіе, что не считалъ нужнымъ упоминать на исповѣди о грѣхѣ, въ которомъ разрѣшенъ уже священникомъ, снова принявшимъ его въ старообрядчество по второму чину. Имѣя это въ виду, и теперь онъ от-

---

141) Объ его назначеніи попомъ въ Климоуцы на мѣсто Захарія будетъ рѣчь ниже.

142) Пафнутій постриженъ былъ въ иноки изъ крылошанъ 17 ноября 1852 г., а въ діаконы произведенъ 12 апрѣля 1853 г. (*Памятникъ*, №№ 116 и 126).

143) Подъ соборнымъ опредѣленіемъ Павелъ почему-то подписался именно въ званіи депутата, а не письмоводителя.

вѣтилъ на данный ему вопросъ, свидѣтельствуясь совѣстью, что „точно взошелъ тѣми дверми, что по образу святаго Апостола Петра, а не признаетъ себѣ примѣра по праотцу Адаму“. Отвѣтъ этотъ привелъ всѣхъ присутствовавшихъ въ негодованіе, — „всѣ единогласно засвидѣтельствовали, что у сего человѣка уже совѣсть потеряна“. Слѣдующій вопросъ, предложенный Спиридонію, былъ о другомъ его преступленіи, — именно о подложномъ прошеніи слободскихъ старообрядцевъ, которое онъ привезъ въ митрополію и представилъ для полученія священнаго сана. По возвращеніи въ Бѣлую-Криницу онъ, очевидно, говорилъ въ свое оправданіе, что вовсе не участвовалъ въ составленіи этой просьбы, что ее привезъ изъ слободы тотъ самый депутатъ, который сопровождалъ его и въ митрополію, что, значитъ, въ оказавшемся подлогѣ онъ совсѣмъ не виноватъ. Теперь отъ него и потребовали: „скажи истину, стоя предъ Богомъ, какъ на страшномъ судѣ, — точно ли тогда ты не зналъ и теперь не знаешь, гдѣ ваше ложное прошеніе написано было, которое ты вкупѣ съ депутатомъ вашимъ и съ сыномъ своимъ намъ представилъ, а наипаче объяви именно гдѣ ты первоначально оное получилъ“. Спиридоній отвѣтилъ: „Ей истинно говорю, какъ предъ Богомъ, что прошеніе оное депутатъ одинъ привезъ изъ отечества отъ нашихъ обществъ и вручилъ мнѣ оное на первомъ самомъ свиданіи со мною, будучи въ праздникъ моихъ именинъ, во время обѣда, при сынѣ моемъ Лаврентіи и женѣ его; а что доносители объявили, якобы оное прошеніе не изъ отечества привезено, но отъ насъ самихъ написано подложно, того вовсе я ничего не знаю“. Утверждая такъ рѣшительно, что не только не участвовалъ въ составленіи прошенія, но и ничего объ немъ не знаетъ, Спиридоній не подозрѣвалъ одного обстоятельства, которымъ вполнѣ обличалась его ложь. Въ Бѣлую-Криницу, вслѣдъ за отцомъ, прибылъ и сынъ Спиридонія Лаврентій съ женою. Здѣсь слѣдили за нимъ и успѣли перехватить нѣкоторыя его письма: по сличеніи ихъ съ прошеніемъ оказалось, что это послѣднее писано тѣмъ же почеркомъ, какъ и письма. Уличенный этимъ, Лаврентій сознался,

что „самъ написалъ прошеніе, а не изъ отечества привезено, и что когда прошеніе сіе написано было, тогда онъ прочиталъ оное лично отцу своему Спиридонію, бывшему тогда Симеону, ибо вси они жили вкупѣ, въ одной хатѣ, у грубенскаго дьяка". И вотъ, когда Спиридоній снова теперь и такъ рѣшительно отвергалъ свое участіе въ составленіи прошенія, ему было объявлено, что сынъ уже признался во всемъ и разсказалъ, какъ дѣло происходило. Спиридоній однако утверждалъ и теперь, что все случилось безъ его вѣдома. Впослѣдствіи онъ жаловался на судей, зачѣмъ „такъ нечаянно подвели его какъ подъ обухъ", и говорилъ, что если бы ему извѣстно было о признаніи сына, то онъ отвѣтилъ бы иначе на предложенный ему вопросъ. „Это какой совѣсти есть человѣкъ!" — замѣчаетъ по сему случаю Павелъ въ изложеніи допроса.

Когда такимъ образомъ Спиридоній уличенъ былъ и въ отступленіи отъ старообрядчества и въ подлогѣ, ему предложенъ былъ новый вопросъ: „Теперь на какихъ правилахъ основываешися, хощешь получить священнодѣйствіе себѣ? Вотъ книга Кормчая, — покажи намъ имянно". Оказалось, что Спиридоній дѣйствительно не даромъ требовалъ себѣ формальнаго суда: у него были уже подысканы разныя свидѣтельства и святоподобія, которыми онъ надѣялся доказать, что его временное отступленіе отъ старообрядчества не должно служить препятствіемъ къ сохраненію за нимъ архіерейскаго званія (участіе въ подлогѣ для полученія священнаго сана, какъ мы видѣли, онъ отрицалъ). Приводимъ отвѣтъ его вполнѣ, какъ онъ изложенъ Павломъ:

Вы сами о семъ (т.-е. о правилахъ, какія требовалось указать) больше знаете; однако и я, нѣсколько читая книги, примѣтилъ. А имянно: 1) въ книгѣ Кормчей гл. 56, л. 594, у святаго Меѳодія патріарха, гдѣ между прочимъ написано сице: „аще пріидетъ постричися, и сокращенно прощеніе даждь, образа ради, зане хощетъ даже до смерти трудитися". Наипаче же по святому Діонисію постриженіе, яко крещеніе, очищеніе жизни (Номоканонъ иноческій л. 335). 2) И паки въ Кормчей, во гл. 29, л. 264, Великій Аѳанасій пишетъ: „аще бѣдою и нуждою преступивша и не имѣвша господства ни-

какого отъ нечестивыхъ, таковыхъ и помилованія сподобити, и аще будутъ достойни, дати имъ мѣсто внити въ причетъ, паче же аще съ покаяніемъ отвѣщаша“ и проч. Яснѣе гласитъ о священныхъ у Матѳея Правильника (1 сост. гл. 1, л. 6). 3) Въ житіи святого Никиты Мидійскаго, 3 апрѣля, явствуетъ, что мнози отъ священныхъ, въ числѣ коихъ и святой Никита, ради избѣжанія отъ тюремнаго содержанія, всѣ подписались къ ереси иконоборной; но потомъ, покаявшись, не изринуты изъ священства. 4) Павелъ патріархъ Цареградскій трижды на иконоборство подписывался, а когда раскаялся и прибѣгнулъ къ православнымъ, то убо принятъ съ титлою патріарха (25 февр. Четь-Минея). 5) Іоаннъ Маркіоновъ, патріархъ Іерусалимскій, изъ православныхъ былъ отступникъ, потомъ принялъ въ ереси хиротонію, и обратившись съ покаяніемъ принятъ въ томъ же его санѣ (Дек. 5, Четь-Минея). 6) Соловецкаго монастыря челобитчикъ архимандритъ Никаноръ, въ Москвѣ царемъ представленный патріархамъ на соборъ, ово отъ увѣщанія, паче же отъ страха, покорился воли ихъ и клобукъ ихъ на главу свою возложилъ; обаче сей Никаноръ, егда смиренное прощеніе отцемъ киновіи принесъ, и паки съ любовію пріяся (Челобит. Солов.).

Отвѣтъ Спиридонія показываетъ, что онъ былъ именно человѣкъ довольно начитанный, конечно, въ старообрядческомъ смыслѣ, и находчивый. Достойна вниманія особенно его чисто раскольническая ссылка на примѣръ соловецкаго архимандрита Никанора, заимствованная изъ „Исторіи объ отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ“. Вообще, приведенными свидѣтельствами и святоподобіями Спиридоній подтвердилъ, что вынужденное отступленіе отъ старообрядчества не лишало его права на полученіе и сохраненіе священнаго сана. Правда, затѣмъ оставалась вина въ томъ, что на духу онъ умолчалъ о своемъ отступленіи. Указанныя имъ свидѣтельства и святоподобія не оправдывали его въ этой винѣ; но онъ полагалъ (и заявлялъ объ этомъ), что такъ какъ уже каялся въ этой винѣ предъ священникомъ, снова принявшимъ его въ старообрядчество, и прощенъ, то не имѣлъ надобности другой разъ говорить объ ней на исповѣди и просить разрѣшенія.

На судей Спиридонія эта его самозащита произвела впечатлѣніе,—они, повидимому, не ожидали услышать отъ него

столькихъ ссылокъ на свидѣтельства и святоподобія въ подкрѣпленіе его притязаній на сохраненіе за нимъ архіерейскаго сана. А намѣстникъ Онуфрій, слыша его ссылку на примѣръ Никиты Мидійскаго, припомнилъ теперь, что на этотъ примѣръ онъ указывалъ еще до поставленія въ епископы и что значитъ тогда еще готовился къ предстоявшей ему самозащитѣ. Послѣ засѣданія Онуфрій не преминулъ сообщить иноку Павлу объ этомъ обстоятельствѣ, какъ объ уликѣ противъ Спиридонія; теперь же, на засѣданіи, было сдѣлано только общее замѣчаніе, что все приведенное Спиридоніемъ въ свою защиту, не можетъ служить ему оправданіемъ. По словамъ Павла, „присутствующіе краткимъ словомъ *тогда* возразили (т.-е. надобно полагать, возразилъ самъ Павелъ), яко изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ на поступокъ Спиридоніевъ ни единаго примѣра нѣтъ къ оправданію его, понеже никто изъ вышепрописанныхъ лицъ, приступая къ православной сторонѣ, не дерзалъ обманомъ восхитить Духа Святаго благодать и отъ обличителей убѣгать, якоже дерзнулъ Спиридоній“. Потомъ уже, по „справкѣ“, было объявлено Спиридонію, что на постриженіе въ иночество, какъ на очищеніе всей жизни, по подобію крещенія, онъ напрасно ссылался, ибо „иноческое постриженіе хотя можетъ подать всѣмъ грѣхамъ прощеніе, но обаче если будутъ грѣхи, возбраняющіе отъ священства, обнаружены міру публично, тогда уже и постриженіе покрыть не можетъ: ибо, по Номоканону, священное, рече, неблазненно есть“. При этомъ было указано на особенную „блазненность“ Спиридоніева поступка „по нынѣшнимъ обстоятельствамъ“, т.-е. въ виду того, что іерархія только что учреждена, только что начинаетъ дѣйствовать, и такія соблазнительныя явленія въ ней, какъ поступокъ Спиридонія, позорятъ ее и подрываютъ довѣріе къ ней. Было также поставлено на видъ Спиридонію, что „лукавство во умолчаніи преступленія“, обманъ и упорство въ немъ, все это „учинено имъ уже послѣ постриженія въ иночество“, и слѣдовательно оправдываться постриженіемъ онъ не можетъ. Преступленія его подведены были подъ слѣдующія правила: умолчаніе на исповѣди о бывшемъ

преступленіи — подъ 3-е пр. перваго вселенскаго собора, по которому „никтоже, аще въ самой хиротоніи умолчавъ свое преступленіе и обличенъ послѣ бывъ, можетъ оставаться въ сану своемъ“, а представленіе подложнаго прошенія — подъ 2-е пр. Сардикійскаго собора, подвергающее „вѣчному отлученію отъ святаго причащенія“.

Но такъ такъ свое участіе въ составленіи подложнаго прошенія Спиридоній упорно отрицалъ, то найдено было нужнымъ для уличенія его дать ему очную ставку съ сыномъ, и для этого составлено было новое „соборное засѣданіе“ 17 іюля. Здѣсь Лаврентій повторилъ свое признаніе, что прошеніе составлено имъ при участіи лица, явившагося потомъ въ качествѣ депутата отъ слободъ, въ хатѣ грубенскаго дьяка, гдѣ находился и его отецъ Спиридоній же и тутъ не оставилъ своего запирательства. Не находя возможнымъ прямо отвергнуть показаніе сына, онъ объявилъ: „хотя и правда, что прошеніе писано въ хатѣ, гдѣ и онъ былъ, но онъ не вѣдалъ того дѣла, ибо хмельный тогда спалъ“. Это была, очевидно, крайне наглая, чисто мошеническая уловка со стороны Спиридонія, и ему замѣтили, что на первомъ собраніи онъ самъ напротивъ „съ клятвою“ показалъ, будто прошеніе привезено и представлено ему во время обѣда въ день именинъ. Спиридоній и этимъ не смутился, но „яко безсовѣстный клятвопреступникъ“ отказался отъ прежнихъ своихъ словъ, придалъ имъ совсѣмъ другое значеніе, — объявилъ именно, что тогда онъ говорилъ не о прошеніи, а „о письмѣ отъ сродниковъ“, которое было подано ему за обѣдомъ. Возмущенные такою наглостью Спиридонія, „присутствующіе“ замѣтили ему, что не для чего было ему говорить о какомъ-то письмѣ, когда его спрашивали и „дѣло предстояло“ совсѣмъ не о письмѣ, а о подложномъ прошеніи. „Но Спиридоній молча, обаче закоснѣвъ, нераскаянъ остался“. Предвидя однако ожидающую его участь, онъ просилъ, чтобы по крайней мѣрѣ были оставлены за нимъ нѣкоторыя „священныя привилегіи“. Послѣ всего этого Павломъ составлено было „соборное рѣшительное опредѣленіе“ о Спиридоніи слѣдующаго содержанія:

„За невозможностію прибыть къ намъ другихъ отдаленныхъ, за границею сущихъ, епископовъ нашихъ, овыхъ съ одной стороны ради гонительнаго обстоянія и пограничнаго запрещенія, а овыхъ съ другой стороны ради сопротивности времени военныхъ нынѣ смятеній, мы нижеподписавшіеся, елико есмы во всей своей тишайшей области, будучи мѣстнымъ соборомъ, изслѣдовавъ все дѣло происшествія о запрещенномъ новозыбковскомъ епископѣ Спиридоніи и опасное испытаніе учинивше, соображась съ силою священныхъ правилъ... елико благодать Святаго Духа насъ собра, всѣ единогласно обрѣтохомъ его, Спиридонія, нынѣ повинна осужденію, весьма ко священству непростительному.

„1) Яко не только умолчалъ при вступленіи въ священный санъ за явное отступленіе свое отъ православныя вѣры и за своеручную на то подписку, данную еретикамъ, за что по 9-му правилу перваго вселенскаго собора лишается своего святительства, но съ лихвою достоинъ осужденія, понеже убо и по обличеніи нарочными вслѣдъ за нимъ присланными погонщиками не восхотѣлъ, мало отъѣхавши, съ пути обратиться въ митрополію съ раскаяніемъ, но аки нѣкій неправедный хищникъ, восхитя таковый себѣ великій санъ, ускорилъ уѣхать въ другіе предѣлы, гдѣ преслѣдованъ былъ и арестованъ.

„2) А даже и по возвращеніи въ митрополію, на соборномъ сужденіи, оказалъ свою гнусную нераскаянность, какъ такой человѣкъ, у котораго вся потеряна совѣсть, но и во лжеклятвѣ, а даже и въ клятвопреступленіи обнаружился въ личной ставкѣ, за что по 25-му апостольскому правилу и по 21-му шестаго вселенскаго собора не только лишается своего сана, но за нераскаянность чуждъ и всякія малѣйшія почести.

„3) За подложное же прошеніе, и яко умышленіемъ и хитростію, дабы священный санъ себѣ достать, навлекъ въ народѣ молву и смятеніе, что дважды съ доносами отъ общества въ митрополію нарочные пріѣзжали, дабы онъ не былъ епископъ, и тѣмъ подвергнулъ себя страшному прещенію по 2-му пр. Сардикійскаго собора, яко не только сану лишенія, но и на цѣлый вѣкъ отъ святыхъ таинъ отлученіе.

„А потому нынѣ праведно реченному Спиридонію износится отъ насъ всесоборнѣ: *анексіосъ*, да яко недостойный лишается навсегда священнодѣйства, сирѣчь извергаемъ его изъ архіерейскаго сана со омофорами и епитрахилями и прочими священными облаченіями до конца, да не ктому можетъ когда архіерей нарицатися, но простымъ инокомъ Спиридоній.

И снисхожденія на его просьбу о дозволеніи ему нѣкоторыхъ священныхъ привилегій, т.-е. ни поручей, ни епитрахили, ниже честнаго со священнымъ причтомъ равнаго сѣдалища, за его вышепрописанную гнусную нераскаянность допустить невозможно; но только не отлучаемъ его отъ святаго причащенія, да будетъ ему сіе по чину иноческому во все время житія его. Сія вся совершихомъ безъ всякаго лицепріятія и дѣло заключихомъ, съ тѣмъ обаче, дабы о семъ происшествіи и прочихъ заграничныхъ, зависимыхъ отъ нашей митрополіи, архіепископовъ, съ приложеніемъ съ рѣшенія сего дѣла точныхъ копій, увѣдомить".

„Опредѣленіе" это было собственнучно подписано всѣми присутствовавшими на судебныхъ засѣданіяхъ лицами, и 7 августа Спиридоній приглашенъ былъ для выслушанія его „въ соборъ". Здѣсь Спиридоній сдѣлалъ еще попытку оправдаться. Когда читали, какому наказанію подлежитъ онъ за умолчаніе на духу о бывшемъ его отступленіи отъ старообрядчества, онъ возразилъ, что сдѣлалъ это не намѣренно, не съ умысломъ, а по забвенію, тогда какъ прежде говорилъ, что не забылъ, а не считалъ нужнымъ упоминать на исповѣди о грѣхѣ, въ которомъ уже каялся ранѣе и получилъ прощеніе[144]). Потомъ же, выслушавъ весь приговоръ и чувствуя себя „безотвѣтнымъ", началъ просить, чтобы за нимъ было оставлено по крайней мѣрѣ право благословлять трапезу, согласно 103 правилу въ Номоканонѣ. Судьи соглаша-

---

[144]) Въ статьѣ, подъ заглавіемъ „Исполненіе", вошедшей въ составъ Дѣла о Спиридоніи и содержащей именно сказаніе о состоявшемся 7 авг. объявленіи судебнаго приговора Спиридонію, говорится: „Во время производимаго суда надъ нимъ на первыхъ спросахъ онъ отвѣщалъ за свое преступленіе, якобы не почиталъ то за грѣхъ на исповѣди каяться, поелику прежде у священника уже исправился, сирѣчь по проклятіи ересей святымъ мѵромъ помазался; но сего числа, при выслушаніи рѣшенія, егда чтома была статья оная, онъ паки оправданіе свое собору возгласилъ другимъ смысломъ, яко не то что не вмѣнялъ тотъ порокъ (въ препятствіе къ воспріятію священства, но якобы по забвенію не открылъ на исповѣди, потому и почитаетъ это за неумышленность свою". Статья, озаглавленная „Исполненіе", подписана однимъ „письмоводителемъ инокомъ Павломъ".

лись, что въ этомъ правилѣ Номоканона есть основаніе для просьбы Спиридонія, но не нашли удобнымъ исполнить ее по „нынѣшнимъ обстоятельствамъ“, — именно вспомнили, что когда въ 1848 году священноинокъ Іоасафъ, по его желанію, лишенъ былъ сана[143]) и при этомъ, на основаніи Номоканона, ему дозволено было благословлять трапезу, то произошли смуты, „разногласныя мнѣнія и междоусобные споры“ въ народѣ, который недоумѣвалъ, „видя его творяща благословеніе, а не священнодѣйствующа“, такъ что митрополитъ, въ устраненіе этихъ смутъ, вынужденъ былъ „оное дозволеніе отмѣнить“, чего желалъ и самъ Іоасафъ. Имѣя въ виду этотъ примѣръ, нашли неудобнымъ и Спиридонію дать просимое имъ дозволеніе — благословлять трапезу. „Сверхъ же того, всѣ соборные отцы (повѣствуетъ Павелъ) въ особенности Спиридонію сего не соизволили за противосовѣстныя его въ своихъ словахъ запирательства и гнусную его нераскаянность, какъ и святые отцы 6-го собора 21-мъ правиломъ благословляютъ изверженнымъ изъ сана нѣкоторую почесть оставлять токмо такимъ, которые по согрѣшеніи, за что̀ извержены, приходятъ въ раскаяніе съ чистою совѣстію, а нераскаяннымъ, каковъ оказался и Спиридоній, никаковаго уваженія нѣсть“. При этомъ снова были кратко повторены „противосовѣстные“ его поступки, и между прочимъ въ доказательство ихъ преднамѣренности было указано, что „егда еще онъ первоначально прибылъ въ митрополію и до времени хиротонисанія пришелъ къ нему въ келію митрополіи намѣстникъ епископъ Онуфрій, онъ уже въ готовности имѣлъ раскрыто въ Минеи житіе святаго Никиты Мидійскаго (на которое потомъ ссылался), — въ тотъ часъ, акибы внезапно напалъ на сію статью, и прочитывая съ удивленіемъ повторялъ епископу объ отступленіи святаго Никиты, — и епископъ не понималъ тогда его цѣли“. Итакъ „соборные отцы Спиридонію конечно во всемъ отказали“ и постановленіе суда во всей его силѣ было объявлено Спиридонію, а „происшествіе сіе, краткимъ содержаніемъ, въ книгу

---

[143]) См. выше, отд. I, гл. 21.

происходящихъ по митрополіи дѣлъ (соборные отцы) записать повелѣли, что̀ и записано (прибавляетъ Павелъ) сего же числа подъ № 133-мъ“ [146]).

Итакъ судъ надъ Спиридоніемъ совершился, — и судъ строгій, въ которомъ, и особенно въ отзывахъ о Спиридоніи, замѣтно обнаружилось, какъ оскорбленъ и огорченъ былъ Павелъ его преступнымъ дѣломъ, позорившимъ новоучрежденную іерархію и грозившимъ принести ей не малый вредъ. Спиридоній вынужденъ былъ подчиниться произнесенному надъ нимъ приговору; но все-таки свое дѣло онъ считалъ не окончательно потеряннымъ, удобопоправимымъ, — все еще не оставлялъ надежды удержать за собою званіе епископа. Въ этихъ между прочимъ расчетахъ онъ просилъ выдать ему „съ рѣшенія копію“, что̀ и было исполнено [147]).

Оставаться въ митрополіи, инокомъ Бѣлокриницкаго монастыря, Спиридоній находилъ для себя неудобнымъ послѣ всего случившагося: онъ просилъ, чтобы ему дозволено было удалиться на жительство въ Молдавію, въ Мануиловскій монастырь, или скитъ, „гдѣ обрящетъ себѣ мѣсто поспокойнѣе“. Это ему дозволили, — и абіе съ миромъ отправленъ“ [148]). Поселившись въ Мануиловскомъ монастырѣ, Спиридоній началъ дѣлать тамъ разныя безчинія и, нимало не стѣсняясь изверженіемъ, выдавалъ себя за епископа, — воздвигалъ руку на благословеніе, а нѣкоему Пахомію разрѣшилъ даже ѣхать въ Россію „поповать“, и тотъ, перебѣжавъ черезъ границу, совершалъ священническія дѣйствія въ Хотинѣ, Грубномъ и другихъ мѣстахъ. Мало того, — онъ бродилъ по корчмамъ и пьянствовалъ, при чемъ „безсрамно воздвизалъ руки на благословеніе“ и говорилъ нѣкоторымъ, что если бы имѣлъ

---

[146]) Въ *Памятникѣ происх. дѣлъ* подъ этимъ № и 7 числомъ августа находимъ дѣйствительно „краткое“, но точное изложеніе дѣла о Спиридоніи.

[147]) Объ этомъ упоминается только въ записи о дѣлѣ, сдѣланной въ *Памятникѣ* (см. № 133).

[148]) Объ этомъ упоминается въ особомъ документѣ при дѣлѣ Спиридонія, который озаглавленъ: „Дополненіе къ извержению Спиридонія“.

Чиновникъ, то рукоположилъ бы ихъ въ попы для Россіи[149]). А потомъ, спустя всего четыре мѣсяца по отъѣздѣ изъ митрополіи, именно 2 декабря того же 1853 года, написалъ и изъ Яссъ отправилъ на имя Кирилла письмо, подъ которымъ подписался: „находящійся въ запрещеніи епископъ“. Здѣсь, въ этомъ письмѣ, онъ приводилъ опять „святоподобные примѣры“ и на основаніи этихъ примѣровъ просилъ „принять его дѣло въ разсужденіе и разрѣшить его *отъ запрещенія*, благословить и повелѣть ему священнодѣйствовать въ Молдавскомъ княжествѣ повсемѣстно у единовѣрныхъ христіанъ“. „Ибо многіе наши христіане, — писалъ онъ, — меня приглашаютъ и усердно желаютъ, дабы я былъ у нихъ, въ Молдавіи, дѣйствующимъ епископомъ“. Не довольствуясь этимъ, онъ просилъ „роднаго сына его Лаврентія Семенова хиротонисать во священника и благословить его священнодѣйствовать въ Россіи по примѣру прочихъ“. Очевидно, примѣръ этихъ „прочихъ“ поощрялъ разныхъ искателей наживы, изобилующихъ въ расколѣ, добиваться полученія въ Бѣлокриницкой митрополіи поставленія въ попы для Россіи. Изложивъ свои просьбы, Спиридоній прибавлялъ, что исполненіемъ ихъ будутъ оказаны ему не только „защита и покровительство въ крайне бѣдственномъ его положеніи“, но и „законное архипастырское удовлетвореніе“, т.-е. прямо давалъ знать, что состоявшійся надъ нимъ строгій судъ признаетъ незаконнымъ[150]).

Наглость этого прошенія, въ которомъ изверженный епископъ называетъ себя только находящимся въ запрещеніи и изъявляетъ притязаніе быть дѣйствительнымъ епископомъ у молдавскихъ старообрядцевъ, вызвала крайнее негодованіе у бѣлокриницкихъ властей. Быть можетъ, Павелъ смутно понималъ еще, что такое открытое презрѣніе къ бѣлокриницкому митрополичьему и соборному суду, повидимому столь законно обставленному, вызвано въ Спиридоніи присущимъ

---

149) Тамъ же.

150) Подлинное письмо Спиридонія, подписанное имъ и сыномъ, въ *Бѣлокр. арх.*, при дѣлѣ Спиридонія.

большинству старообрядцевъ смутнымъ сознаніемъ незаконности, фальшивости самой іерархіи Бѣлокриницкой съ ея митрополіею и съ ея притязаніями на власть и судъ въ Христовой церкви, и что такое пренебрежительное отношеніе къ ея власти и суду, какое оказалъ Спиридоній, будетъ потомъ обычнымъ явленіемъ въ старообрядчествѣ, принявшемъ австрійскую іерархію[151]). Какъ бы то ни было, но Павелъ нашелъ нужнымъ по поводу Спиридоніева письма издать отъ имени Кирилла „дополненіе къ изверженію Спиридонія", съ еще болѣе строгимъ рѣшеніемъ его участи и въ выраженіяхъ весьма рѣзкихъ[152]). Въ немъ говорилось:

„Онъ, изверженный Спиридоній, дерзнулъ именовать себя и подписываться епископомъ, якобы токмо въ запрещеніи, и столь безсовѣстно просить разрѣшить его отъ запрещенія, и повелѣть священнодѣйствовать въ Молдавскомъ княжествѣ повсемѣстно, якобы его желаютъ многіе наши христіане и усердно его приглашаютъ, дабы онъ былъ у нихъ въ Молдавіи дѣйствующимъ епископомъ, а сына его Лаврентія дабы поставить священникомъ на Россію. Сіе до зѣла насъ удивило. А еще не менѣе сего удивительнѣе, представляетъ въ основаніе своей такой неосновательности — удостоить его первой степени по примѣру, какъ и Христосъ Спаситель Апостолу Петру, а не лишить его сана (уже лишеннаго) по примѣру, какъ и св. Павелъ, патріархъ Цареградскій, трижды подписавшійся на иконоборство своеручно, но егда покаялся, принятъ бысть церковію въ томъ же сану съ титлою патріарха.

---

151) Предположеніе, что Павелъ понималъ и предчувствовалъ все это, тѣмъ вѣроятнѣе, что тогда началось уже, причинившее ему столько скорби, дѣло о Софроніи, оказавшемъ явное неповиновеніе митрополіи и выступившемъ съ рѣзкими противъ нея обличеніями.

152) Подлинное „Дополненіе къ изверженію" находится въ *Бѣлокр. архивѣ*. Оно писано очень красиво и разборчиво Конономъ, который незадолго передъ тѣмъ (19 ноября. См. въ *Памятникѣ* подъ этимъ числомъ, № 142) постриженъ былъ въ иноки. Трудно рѣшить, кто именно сочинялъ этотъ документъ, — Павелъ ли, который былъ тогда уже очень боленъ, или самъ Кононъ, какъ извѣстно, хорошо начитанный и очень грамотный, только, разумѣется, подъ руководствомъ и по указаніямъ Павла.

О, потерянной совѣсти! О, безчувственнаго человѣка и заблудившагося до конца!"

Далѣе, послѣ указаній, какъ несправедливо и дерзко Спиридоній примѣнялъ къ себѣ оба приведенные имъ примѣра, говорилось, что послѣ состоявшагося изверженія возвратить ему епископскій санъ „отнюдь невозможно":

„Ибо елико не возможно человѣчеству исплюнутое гнилое излишество и попранное ногами и уничтоженное опять пріимати въ уста, толико отъ нашего священнаго собора не возможно тому изверженному лицу паки свое достоинство возвратити, даже хотя бы и неправедно соборъ осудилъ его на изверженіе".

Любопытно, что какъ бы въ устраненіе новыхъ притязаній со стороны Спиридонія, найдено было нужнымъ разсмотрѣть даже не приведенныя въ его письмѣ основанія, которыя онъ могъ бы представить (а можетъ быть и представлялъ въ разговорахъ) въ подтвержденіе неправильности, или незаконности состоявшагося надъ нимъ суда, — и во-первыхъ извѣстное правило, что епископа должны судить не менѣе 12 епископовъ:

„Да не претыкается (Спиридоній) тѣмъ, яко не бяше 12 епископовъ на его изверженіи. Когда у насъ нѣтъ толикаго числа епископовъ на всемъ нашемъ извѣстіи, то что̀ изъ сего Спиридоній хощетъ? Развѣ безъ суда и безъ должной духовной казни у насъ будутъ во епископахъ царствовать всѣ беззаконія? О, крайняго безумія![153]) Да вонметъ безчувственный сію самую вину отъ 3-й книги Арменополя у Луки патріарха подъ 5-мъ знаменіемъ, отъ какой причины на сей предметъ составилось правило, яко судъ 12 епископовъ извергаетъ епископа. Нѣкогда Кипрскій архіепископъ извергнулъ своего епископа, подвелъ по его выбору только 11 епископовъ, а не при всемъ соборѣ Кипрскія церкви, гдѣ было большее число епископовъ, которые въ томъ вовсе не участвовали: а потому и положено на оное изверженіе патріаршимъ соборомъ замѣчаніе, яко не твердо быти изверженіе, сирѣчь требова-

153) Однако въ письмѣ Спиридонія совсѣмъ не находится указанія на то, что его судили не 12 епископовъ и что поэтому судъ надъ нимъ нельзя признать правильнымъ. Вѣроятно, въ митрополію доходили именно слухи, что онъ указываетъ на это въ устныхъ бесѣдахъ.

лось повтореніе. Нынѣшній же изверженный Спиридоній не ищетъ отъ большаго собора праведнаго пересужденія, но проситъ только запрещенію разрѣшенія, якобы еще и судимъ и изверженъ не былъ. О, крайняго безчувствія!"

„Впрочемъ, если бы онъ поистинѣ восчувствовалъ, что нашъ соборный судъ произнесенъ на него неправедно, по однимъ пристрастнымъ изобличеніямъ (чего Боже насъ сохрани!), то по нѣкоимъ правиламъ простительно бы ему было еще насъ утруждать о выдачѣ ему копіи съ рѣшенія для апелляціи[154]) и потомъ смиренно просить прочихъ заграничныхъ архіереевъ, дабы на наибольшій соборъ собрались вновь переслѣдовать все его дѣло и обревизовать судъ митрополита. Хотя это изверженному чинить есть дерзостно, якоже въ Номоканонѣ на л. 63 явствуетъ, — допускается только запрещенному, а не изверженному, и Карѳагенскій соборъ (въ пр. 2 спреди) отказалъ Римскому папѣ пересуживать дѣло соборомъ изверженныхъ лицъ, обаче мы тому быти и по изверженіи Спиридонію не возбранили бы, поелику твердо надѣемся, яко судъ нашъ достойно и праведно на него изнесенъ и всѣ извѣстные (?) намъ заграничные о Христѣ братія, боголюбивые архіереи по чистой совѣсти снидутся во едину волю съ нами..."

Далѣе доказывается, что „реченный Спиридоній отрѣзаетъ всѣ къ нему снисхожденіи и уже никуда никакой еще подавать апелляціи не достоинъ. Словомъ, какъ мертвому до скончанія вѣка не воставать, такъ и его, изверженнаго Спиридона, епископскимъ, ниже какимъ малымъ причетническимъ именемъ отнюдь никому не называть, кромѣ какъ только, согласно соборному рѣшенію, инокомъ простымъ".

Послѣ сдѣланныхъ потомъ упоминаній о безчиніяхъ, какія дозволялъ себѣ Спиридоній, живя въ Мануиловскомъ монастырѣ, въ „дополненіи" къ прежнему суду о немъ постановлено:

„Потребовать, чтобы онъ прибылъ въ митрополію на лицо, да по силѣ 65-го правила Карѳагенскаго собора, если онъ не чувствуетъ на себѣ соборнаго изверженія, то подтвердить ему (оное) чувствительнѣе, то-есть за его безстудство остричь

---

154) Здѣсь примѣчается какая-то неточность, — говорится, что Спиридонію слѣдовало для апелляціи просить о выдачѣ ему копіи съ рѣшенія по его дѣлу; а между тѣмъ въ *Памятникѣ* подъ 7 августа (№ 133) записано: „А потомъ (Спиридоній) просилъ съ рѣшенія копію, что̀ и повелѣно ему выдать".

ему главу кругомъ, да не кичится впредь, яко еще не разстриженъ, но и преразстриженъ, и потомъ послать его паки на покаяніе въ пустынный Предотечевъ (Тисскій) монастырь подъ строгій надзоръ его преподобію священноигумену Іоасафу, а притомъ сообщить (т.-е. Іоасафу) и копію съ рѣшенія, съ такимъ подтвержденіемъ, дабы онъ никуда ни на какія посылки и труды изъ монастыря выпускаемъ никогда не былъ, но подъ присмотромъ".

Въ нѣкоторое утѣшеніе Спиридонію дозволялось ему только принять схиму и именоваться схимникомъ.

Это дополнительное рѣшеніе по дѣлу Спиридонія состоялось и подписано Кирилломъ 4 января 1854 года. Дошло ли оно до Спиридонія и какъ имъ принято, остается неизвѣстнымъ. Судя по тому, какимъ онъ показалъ себя въ изложенномъ дѣлѣ, явившись истымъ порожденіемъ раскола, надобно полагать, что и къ этому суровому рѣшенію лже-іерархическаго бѣлокриницкаго суда онъ отнесся бы съ полнымъ пренебреженіемъ и еще не мало причинилъ бы позора новоучрежденной іерархіи, равно какъ скорби ея учредителю, если бы внезапно послѣдовавшая смерть не пресѣкла его дальнѣйшей дѣятельности: онъ умеръ спустя всего недѣлю послѣ того, какъ состоялось „дополненіе къ его извержению", — именно 12 числа того же января[153]).

Такъ кончилось это прискорбное и позорное для Бѣлокриницкой іерархіи дѣло, причинившее Павлу великія огорченія, ибо онъ не могъ не видѣть въ немъ столь скоро наступившаго проявленія фальшивости и непрочности того дѣла, которое считалъ великимъ подвигомъ своей жизни, на которое употребилъ столько труда, лукавства, лжи и обмана, сознательно допущенныхъ якобы во славу и на пользу древлеправославной церкви. Скорбь, причиненная ему дѣломъ Спиридонія, была тѣмъ чувствительнѣе, что тогда же началось другое, еще болѣе опасное для іерархіи и дѣйствительно въ концѣ ее

---

[153]) Въ *Памятникѣ* подъ № 133, рукою о. Онуфрія вписано: „Спиридоній 12 генваря 1854 года, въ Мануиловскомъ будучи монастырѣ, скончался".

опозорившее всякими нестроеніями и раздорами, дѣло Софронія, по характеру своему много похожее на Спиридоніево.

Но прежде нежели будемъ излагать Софроніевы дѣянія и порожденныя ими безпорядки и раздоры въ Бѣлокриницкой іерархіи, нужно сказать о нѣкоторыхъ другихъ событіяхъ за время отъ пріѣзда Антонія въ митрополію.

15. Расходы по митрополіи. — Открытіе монастырей: женскаго въ Бѣлой-Криницѣ и Тисскаго. — Рѣшеніе недоумѣнныхъ брачныхъ вопросовъ.

Получая отъ московскихъ и отъ другихъ россійскихъ благотворителей-старообрядцевъ вполнѣ достаточныя, даже изобильныя денежныя средства, инокъ Павелъ могъ съ полнымъ удобствомъ удовлетворять ими нужды и потребности митрополіи[156]). Одинъ изъ главныхъ расходовъ составляла еже-

[156]) Въ это время Павелъ, къ великому его огорченію, лишился одного изъ такихъ благотворителей для митрополіи. Петербургскій купецъ Волковъ (Пуговошниковъ, или Пуговошниковъ), давшій еще Геронтію большія суммы на построеніе каменнаго братскаго корпуса, въ которомъ живетъ и митрополитъ (См. въ 1-мъ вып. Ист.), рѣшился уѣхать изъ Россіи въ Бѣлокриницкій монастырь, чтобы принять здѣсь иночество. Въ 1852 г. онъ благополучно прибылъ въ митрополію съ значительнымъ капиталомъ, большею частію въ золотой монетѣ. Его приняли, разумѣется, съ восторгомъ Но Волковъ, воображавшій, что бѣлокриницкая братія, начиная съ Кирилла, ведетъ строгую иноческую жизнь, скоро увидѣлъ совсѣмъ не то, чего ожидалъ, и проживши всего недѣль шесть уѣхалъ изъ Бѣлой-Криницы въ Славскій скитъ, гдѣ надѣялся найти настоящихъ иноковъ. Отъѣздъ такого благотворителя былъ именно великимъ лишеніемъ для митрополіи и весьма огорчилъ Павла. Въ Славскій скитъ Волковъ пріѣхалъ 9-го іюля 1852 г. (Аркадій Славскій въ письмѣ отъ 10 іюля извѣщалъ митрополію: „Іаковъ Михайловичъ Волковъ съ товарищемъ москвичемъ *вчерашній день* къ намъ прибыли“. *Переписка*, вып. 2, стр. 20. Упоминаемый товарищъ Волкова—сергіево-посадскій мѣщанинъ Фафинъ). Но и въ Славскомъ скиту Волковъ нашелъ монашескую жизнь не лучше Бѣлокриницкой: не проживъ здѣсь и двухъ мѣсяцевъ, онъ оставилъ мысль о монашествѣ и поѣхалъ обратно въ Россію, въ Петербургъ. Однако славскіе старцы оказались хитрѣе бѣлокриницкихъ:

годная уплата Амвросію 500 червонцевъ. Послѣ описанной поѣздки въ 1850 г. самъ Павелъ уже не ѣздилъ въ Цилли и больше не видался съ Амвросіемъ. Добившись главнаго — признанія за Кирилломъ митрополичьяго сана, онъ не находилъ уже особенной надобности въ личномъ свиданіи съ злополучнымъ греческимъ митрополитомъ, котораго столькими обманами и соблазнами увлекъ въ расколъ и довелъ чрезъ то до печальной участи ссыльнаго; притомъ же эти свиданія причиняли ему одно огорченіе, такъ какъ приходилось убѣждаться, что Амвросій не только не имѣлъ никакого расположенія къ мнимому древлеправославію, но и открыто выражалъ свое презрѣніе къ липованству, начавъ сношенія съ греками и даже окрестивъ у нихъ свою внуку. Въ слѣдующіе годы при жизни Павла непріятную обязанность доставлять деньги Амвросію онъ поручалъ уже другимъ. Такъ въ 1851 году ѣздилъ въ Цилли съ этою цѣлію инокъ Алимпій, а въ 1852 намѣстникъ Онуфрій въ сопровожденіи инока Игнатія[157]). Расходъ на жалованье и подарки Амвросію, при другихъ расходахъ на нужды монастыря и на потребности вновь поставляемыхъ архіереевъ и поповъ, и тогда, конечно, считался нежелательнымъ и обременительнымъ. Другой подобнаго рода расходъ пришлось сдѣлать въ 1853 году. Австрійское правительство

другъ Аркадія, Осипъ Горчаровъ, какъ будто случайно, встрѣтилъ Волкова на пути къ Тульчѣ и объявилъ ему, что въ Россіи его ищутъ, что даже и въ Тульчю присланъ отъ русскаго правительства приказъ — взять его, что по этому одно спасеніе для него — укрываться въ Славскомъ скиту, иначе его постигнетъ участь Геронтія. Волковъ, страшно перепуганный, воротился въ скитъ, заболѣлъ съ испуга и вскорѣ умеръ (Аркадій Славскій, въ письмѣ отъ 3-го ноября 1852 г. увѣдомлялъ митрополію: „Яковъ Михайловъ Волковъ прошлаго сентября 5 помре въ нашемъ скитѣ". *Перепис.* вып. 2, стр. 25). Находившійся при Волковѣ большой капиталъ достался скиту: золото, разложенное въ горшечки, было зарыто въ землю, откуда и брали его по мѣрѣ надобности (См. подробнѣе въ нашей статьѣ: „Іустинъ еп. Тульчинскій,— *Русск. Вѣст.* 1867 г. т. LXXII, стр. 225 и слѣд.).

157) Объ этихъ поѣздкахъ говорится въ извѣстительныхъ письмахъ Амвросія въ Бѣлую-Криницу отъ 16 окт. 1851 г. и 6 авг. 1852 года (*Переписка,* вып. I, стр. 181—183).

требовало отъ Бѣлокриницкой митрополіи дать какую-либо сумму на сооруженіе въ Вѣнѣ памятника по случаю спасенія императора Франца-Іосифа отъ угрожавшей ему смерти. Сумма требовалась небольшая; но дать ее было весьма нежелательно, ибо назначеніе ея по понятіямъ вѣрноподданныхъ липованъ было не богоугодное, грѣховное, и Павелъ всячески уклонялся отъ подписки. Наконецъ однако, послѣ „многократныхъ предложеній отъ начальства“, рѣшено было пожертвовать на памятникъ его апостолическому величеству 200 левовъ серебромъ. Нарочитые послы, казначей инокъ Дороѳей и депутатъ инокъ Алимпій, отправились съ этой суммой въ Черновцы и вручили ее г-ну буковинскому начальнику Шмаку[158]).

Изъ средствъ митрополіи, употреблявшихся главнымъ образомъ на монастырскія потребности, Павелъ охотно дѣлалъ вспоможенія на дѣла, служившія къ упроченію и распространенію учрежденной имъ іерархіи, — на устроеніе церквей и монастырей, на снабженіе поставленныхъ въ митрополіи епископовъ и поповъ церковными принадлежностями.

Такъ въ 1852 году, при матеріальномъ вспомоществованіи отъ митрополіи, въ образовавшемся при Бѣлокриницкомъ монастырѣ женскомъ скиту окончена постройкою деревянная на каменномъ фундаментѣ церковь, съ прилегавшими къ ней помѣщеніями для жительства призрѣваемыхъ въ скиту и для хозяйственныхъ потребностей[159]). 8 іюня церковь освящена была Кирилломъ въ честь праздника Успенія Пресвятыя Богородицы. Съ устроеніемъ церкви скитъ обращенъ былъ въ монастырь и первою игуменіею для этого монастыря поставлена, вскорѣ по освященіи церкви, инокиня-схимница Александра, ушед-

---

[158]) Такъ именно записано въ *Памятникѣ* подъ 1 мая 1853 г. (№ 127).

[159]) Въ *Памятникѣ* (№ 110) записано, что „церковь выстроена по благословенію бѣлокриницкаго верховнаго святителя Кирилы, деревянная, на каменномъ фундаментѣ, длиною въ 10, а шириною въ 6 саженъ. Въ томъ же корпусѣ заключаются нѣсколько келій съ кухнею и кладовою, для служащихъ при церкви и для жительства прочихъ безпріютныхъ, одной нашей религіи, женска пола сиротъ, вдовицъ, дѣвицъ и старицъ, то-есть въ видѣ сиротскаго призрѣнія“.

шая за границу изъ Москвы, съ Рогожскаго Кладбища, гдѣ она имѣла свою „обитель“ съ подземными тайниками, и подобно знаменитой матери Пульхеріи пользовалась извѣстностью и уваженіемъ у московскихъ раскольницъ.

Въ слѣдующемъ 1853 г. также не безъ помощи отъ митрополіи, въ Молдавіи, бывшимъ мануиловскимъ игуменомъ Іоасафомъ, положено было, къ немалой радости Павла, основаніе новаго липованскаго монастыря на урочищѣ Тиси. Въ мартѣ мѣсяцѣ Іоасафъ купилъ это урочище у помѣщика Служера и, сдѣлавши первоначальныя необходимыя постройки, въ концѣ апрѣля переселился туда съ пятью человѣками братіи, о чемъ 8 мая и послалъ извѣстіе въ митрополію[160]). Немедленно по полученіи донесенія, Кириллъ отправилъ къ Іоасафу „благословенную грамоту“ на открытіе монастыря[161]), который съ того времени и существуетъ подъ именемъ Предтечева Тисскаго монастыря. Черезъ два года, именно въ ноябрѣ 1855 года, въ немъ освящена была церковь во имя Іоанна Предтечи, построенію которой много способствовалъ своими средствами ясскій протопопъ Никифоръ Панкратьевъ[162]).

---

160) Въ *Памятникѣ* подъ 16 мая 1853 г. (№ 127) записано: „Игуменъ Іоасафъ совершилъ дѣло въ васлуйскомъ уѣздномъ судѣ 11 декабря 1852 г. съ дополненіемъ 18 марта сего 1853 года, о покупкѣ земли у молдавскаго помѣщика Николая Васильева Служера на урочищѣ Тиси, 10 фальчей, для обители инокъ. Доноситъ отъ 8 сего маія, что онъ уже совершенно переселился на то новое мѣсто 23 числа апрѣля сего года въ числѣ 5 человѣкъ“.

161) См. тамъ же, подъ 18 мая.

162) Въ *Бѣлокр. арх.* есть написанная по-уставному на небольшомъ лоскуткѣ бумаги хвалебная стихира „святителю церковному Никифору“. На ней рукою о. Онуфрія сдѣлана надпись: „Сочинилъ инокъ Сергій 7363 (1855) года мѣсяца ноября. Сія стихира пѣта отцу Никифору на освященіи церкви въ Тисѣ“. Восхваляли его, конечно, за то, что помогъ построенію церкви. Мѣсто Тисскаго монастыря очень пустынное, дикое, и самый монастырь поэтому звали „пустыннымъ“ (см. выше, въ „Дополн. къ изверженію Спиридонія“). Извѣстный „священноинокъ“ Александръ (Алексѣй Булгаковъ) въ 1862 году писалъ Сергію и Филарету, что „вѣчной и безсмертной памяти достойный протоіерей Никифоръ церкви построилъ“, и именно о Тисскомъ мо-

Не оставляя безъ вниманія и хозяйственныя, или экономическія распоряженія по митрополіи, инокъ Павелъ однако предоставлялъ ихъ въ ближайшее вѣдѣніе казначею иноку Дорѳею, который пользовался полнымъ его довѣріемъ, а самъ занимался болѣе церковными, или іерархическими дѣлами. Въ разсматриваемое время пришлось ему между прочимъ заняться рѣшеніемъ нѣкоторыхъ, довольно любопытныхъ, брачныхъ дѣлъ, и онъ разсмотрѣлъ ихъ съ особеннымъ вниманіемъ и свойственнымъ ему знаніемъ церковныхъ каноновъ, желая, очевидно, оставить липованскому духовенству на будущее время образецъ, или примѣръ для рѣшенія подобныхъ дѣлъ.

17 марта 1850 г. одинъ прихожанинъ браиловскаго попа Егора, нѣкій Дорѳей Кузьминъ, какъ видно, вдовецъ, послалъ въ митрополію письмо, коимъ спрашивалъ, можетъ ли онъ жениться на второй женѣ, которая имѣла мужа, но жила съ нимъ врознь, вынужденная къ тому разными, прописанными въ письмѣ, винами его, о которыхъ свидѣтельствовалъ и попъ Егоръ. Попъ Егоръ Масляевъ, оказавшійся, какъ увидимъ, однимъ изъ позорнѣйшихъ раскольническихъ поповъ, былъ свидѣтель весьма сомнительнаго достоинства; однако Павелъ безъ всякихъ справокъ, полагаясь именно на свидѣтельство этого попа, призналъ вины перваго мужа невѣсты дѣйствительными и, на основаніи подведенныхъ имъ правилъ, вполнѣ достаточными, чтобы признать ее свободною и имѣющею право на вступленіе во второй бракъ. Это рѣшеніе свое онъ изложилъ въ четырехъ пунктахъ[163]). Онъ признавалъ „сію вторую жену свободною отлучиться отъ перваго ея мужа“ 1) потому, что „не она мужа своего оставила, но мужъ ее оставилъ безъ вины доказательной“, и это даетъ ей свободу „по писанному въ книгѣ Матѳея Правильника, состава 3-го въ главѣ 13-й“; 2) потому, что „первый мужъ съ нею мучительски обращался и много кратъ отгонялъ, и хотѣлъ ю смерти предать“; а за

настырѣ говоритъ: „гдѣ прежде былъ вертепъ разбойникомъ, а нынѣ церковь“ (подлин. въ *Бѣлокр. арх.*).

163) Черновой оригиналъ отвѣта, собственноручно писанный Павломъ, въ *Бѣлокр. арх.*

сіе „новыя заповѣди царя Іустиніана даютъ разрѣшеніе на разлученіе брачнаго союза жены отъ своего мужа“. Особенную важность представлялъ 3-й пунктъ: „Кольми паче, когда, по свидѣтельству священника Георгія, что первый мужъ ея, напередъ самъ отлучившись отъ первой жены своей, взялъ другую и обвѣнчался у полковаго внѣшняго попа; слѣдовательно отступилъ и своей вѣры, жилъ въ хохлацкомъ селѣ, и ѣздили за нимъ, и просили, чтобы онъ ѣхалъ къ первой своей женѣ, но онъ не поѣхалъ: то уже по 72-му правилу 6-го вселенскаго собора и по толкованію Матѳея Правильника, состава 3-го во главѣ 12-й, подъ страхомъ отлученія не подобаетъ несмѣсная смѣшати, ниже со овчатемъ волка сплетати и Христовой части грѣшныхъ жребій сочетати“. Наконецъ, въ 4-мъ пунктѣ указано, опять на основаніи „свидѣтельства священника Георгія“, что оный „первый мужъ, оставивъ и вторую жену, женился на третьей и ктому уже за него и слуху нѣтъ, живъ, или нѣтъ“.

Здѣсь рѣшеніе дѣла было не трудно, и для Павла достаточно было бы только изложеннаго въ третьемъ пунктѣ обстоятельства, чтобы дать разрѣшеніе на бракъ, хотя бы слѣдовало провѣрить, справедливо ли сообщены ему, какъ это, такъ и другія обстоятельства, не полагаясь на одно свидѣтельство попа Егора Масляева. Важнѣе и труднѣе для рѣшенія было другое подобное же брачное дѣло, поступившее на разсмотрѣніе митрополита въ 1853 году также изъ Браилова. Старообрядецъ этого города Иванъ Филиповъ писалъ въ митрополію на имя Кирилла и Онуфрія: „Желаемъ разрѣшенія насчетъ нашей дщери Варвары, которая жила въ скиту съ матерью, можно ли ей выдти замужъ, или нѣтъ, — и мужъ ее пущалъ добровольно, ибо у ней остался въ Россіи мужъ, но только внѣшній, а она исправилась здѣсь, въ вашей митрополіи Если можно, то пишите письмо нашему священнику Георгію въ Браиловъ, ибо онъ безъ вашего благословенія таковый бракъ не можетъ сочетать“[161]). Въ этихъ словахъ браиловскаго

[161]) Подлинное письмо Ивана Филиппова въ *Бѣлокр. арх.* На немъ помѣтка Павловой руки: „Получено 16 маія 1853 года“.

письма содержались всѣ данныя для рѣшенія дѣла, и не видно, чтобы Павелъ, не довольствуясь ими, собиралъ въ дополненіе къ нимъ какія-либо новыя свѣдѣнія. Вѣроятно, онъ не находилъ этого и нужнымъ, потому что лицо, о которомъ шла рѣчь, было извѣстно ему, — Варвара, принадлежавшая къ православной церкви, уйдя отъ православнаго мужа за границу, была „исправлена“, т.-е. принята въ расколъ чрезъ мѵропомазаніе, въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ. Рѣшенію подлежалъ такимъ образомъ вопросъ собственно „о бракѣ вѣрнаго лица съ невѣрнымъ“, — когда, при какихъ обстоятельствахъ, вѣрная половина можетъ разлучиться отъ невѣрной для вступленія въ бракъ съ другимъ, вѣрнымъ, лицомъ и дозволительно ли это въ данномъ случаѣ. Рѣшеніе этого вопроса имѣло общее значеніе для бѣлокриницкаго духовенства, которому нерѣдко могла встрѣтиться нужда въ его примѣненіи на практикѣ. Поэтому инокъ Павелъ занялся имъ съ особеннымъ тщаніемъ, придавъ дѣлу видъ формальнаго процесса, состоящаго: а) изъ „справки“, б) „соображенія“ и в) „заключенія“.

Въ „Справкѣ“[165]) приведено только одно толкованіе Матѳея Правильника (гл. 12, сост. 3) на 72-е правило шестого вселенскаго собора, гдѣ снисходительно дозволяется, въ томъ случаѣ, если „вѣрная часть не хочетъ жить съ невѣрною, безъ сумнѣнія бракъ разрѣшать“. Объ этомъ толкованіи Матѳея Правильника и сдѣлано далѣе „соображеніе“. Въ немъ Павелъ раскрывалъ, что хотя толкователемъ правила и разрѣшается въ указанномъ случаѣ бракъ, но у него „не прояснено, дозволяется ли (разрѣшенному отъ брака вѣрному лицу) съ другимъ лицомъ вновь сочетаться вторымъ бракомъ“. Павелъ, съ своей стороны; полагалъ, что если и дозволяется, то „не иначе, какъ учинилъ реченный (въ толкованіи Матѳея Правильника) присковичаръ царскій“, которому „не забіе, но

[165]) „Справка“ написана Онуфріемъ, который, какъ епископъ Браиловскій, ближайшимъ образомъ заинтересованъ былъ въ рѣшеніи дѣла; а прочіе относящіеся къ этому дѣлу документы писаны собственноручно Павломъ (Черновые, въ *Бѣлокр. арх.*).

по многомъ (съ его стороны) моленіи и убѣжденіи жены", дабы пріяла благочестіе, когда она при всемъ томъ „не покорися мужеви", дано было отъ патріарха Ѳеодотія „на распущеніе писаніе". „А кольми паче, — прибавлялъ Павелъ, — не подобаетъ вскорѣ разрѣшити бракъ, если кто пришелъ изъ другого государства и односторонно, безъ свидѣтелей, объявляетъ, хотя бы и на духу исповѣдывалъ, яко имѣетъ жену неправославну, и она не хочетъ послушать его, согласиться поступить въ православную вѣру". На основаніи этого „Соображенія" Павелъ дѣлалъ „Заключеніе", что 1) „потребно навести достовѣрную справку и истинную узнать причину, точно ли одно только препятствіе за вѣру разлучаетъ вѣрную часть отъ невѣрнаго, и нѣтъ ли иныхъ какихъ винъ, неблагословныхъ, за которыя отнюдь не прощается разрушати бракъ; или 2) по крайней мѣрѣ достаточное время ожидать, сирѣчь пятигодичнаго срока, по примѣру плѣнныхъ и неизвѣстныхъ живы, или нѣтъ, и тогда, смотря по жительству и постоянству лица, просящаго другого бракосочетанія, если не подозрительно въ другихъ качествахъ, то позволить вступить въ бракъ съ свободнымъ лицомъ". Въ такомъ смыслѣ и было потомъ составлено Павломъ на имя попа Егора отвѣтное письмо по поводу просьбы Ивана Филипова о дозволеніи его дочери вступить во второй бракъ при жизни перваго мужа. Положивъ въ основаніе 9-е правило св. Василія Беликаго и толкованіе св. Златоуста на 137-е зачало 1-го посланія Ап. Павла къ Коринѳянамъ, онъ извѣщалъ попа Егора отъ имени Кирилла, что дочь Ивана Филипова Варвара, по разлученіи отъ мужа, хотя бы и за вину его невѣрія, должна пребывать въ цѣломудріи, не вступая въ бракъ. „А кольми паче, — писалъ онъ далѣе, — когда реченная Варвара, будучи здѣсь въ Бѣлокриницѣ, сама нѣкоторымъ объяснялась, что она развелась съ мужемъ своимъ по согласію и съ позволенія его сюда отправилась. Если это дѣйствительно, то уже конечно, по всему святому писанію, лишается всякаго права, яко пущеница отъ мужа, на поступленіе во второй бракъ: не только жена, но даже и самъ мужъ не можетъ уже же-

ниться на другой, понеже первую свою жену отпустилъ, кромѣ какъ только обоимъ указано жить въ чистотѣ, или вольны обѣ половины, которая когда сонзволитъ, поступить во иночество безпрепятственно". Далѣе однако прибавлялось, что „потребно навести достовѣрную справку о истинной причинѣ" разлученія Варвары отъ мужа, — изъ-за различія ли только въ вѣрѣ она оставила мужа, или и по другимъ благословнымъ винамъ, какія „означены въ новой заповѣди царя Іустиніана, въ 13 грани (Кормчая л. 360—363), гдѣ также означено, какимъ образомъ и удостовѣреніе должно имѣть, то-есть: предлежащу, рече, святому Евангелію, а свидѣтели заклинающіися и на хартіи да подпишутся". „По возможио ли все это нынѣ, будучи за границей,— говорилось въ видѣ вопроса попу Егору въ заключеніи письма, — чтобы посторонними и достовѣрными свидѣтелями, да и подъ присягой, дѣло изслѣдовать? А если *точно такимъ образомъ* дѣло изслѣдовать вамъ возможно, тогда и второй вышеупоминаемый бракъ сочетать можно безъ всякихъ еще ко мнѣ доносовъ и о позволеніи спросовъ"[166]).

Итакъ Павелъ огнесся гораздо строже къ дѣлу о бракѣ дочери Ивана Филипова, нежели къ подобному же дѣлу о супружествѣ Дороѳея Кузьмина со второю женою, также оставившей перваго мужа. Тамъ, не требуя достовѣрныхъ справокъ и допроса свидѣтелей, основавшись только на свидѣтельствѣ попа Егора о существованіи благословныхъ винъ къ расторженію перваго брака, онъ далъ дозволеніе невѣстѣ Дороѳея вступить во второй бракъ; здѣсь же не нашелъ возможнымъ дать такое дозволеніе безъ справокъ и свидѣтелей, формально, подъ присягою, подтверждающихъ существованіе иныхъ, кромѣ различія въ вѣрѣ, благословныхъ винъ къ расторженію перваго брака, — требовалъ, напротивъ, чтобы Варвара, разлучившись отъ перваго мужа, оставалась уже безбрачною и жила въ цѣломудріи, или, если желаетъ, приняла иночество. Къ та-

166) Черновое письмо собственной руки Павла въ *Бѣлокр. арх.* Письмо помѣчено 18 мая: значитъ писано черезъ день по полученіи просьбы.

кому рѣшенію дѣла расположило Павла, быть можетъ, и то обстоятельство, что Варвара, уйдя отъ мужа за границу и „исправившись“ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, нѣкоторое время жила здѣсь въ женскомъ скиту и тѣмъ какъ бы обрекала себя на иночество, послѣ чего хлопоты о дозволеніи вступить во второй бракъ представлялись уже неблаговидными. Вообще же замѣтно, что Павелъ и въ рѣшеніи брачныхъ дѣлъ подбиралъ и толковалъ церковныя правила по своему усмотрѣнію.

Былъ еще важный для Бѣлокриницкаго священства вопросъ, рѣшеніемъ котораго неоднократно въ это именно время приходилось заниматься иноку Павлу, — вопросъ: какъ судить о бракахъ, совершонныхъ прежними, бѣглыми попами, особенно тѣми изъ нихъ, за которыми оказались тяжкія вины, и какъ принимать вѣнчанныхъ ими въ австрійское согласіе, — вновь ли перевѣнчивать, или оставлять съ прежнимъ вѣнчаніемъ?

Такой именно вопросъ присланъ былъ на рѣшеніе въ митрополію все тѣмъ же браиловскимъ попомъ Егоромъ Масляевымъ, — онъ спрашивалъ, какъ ему принимать вѣнчанныхъ бывшимъ у некрасовцевъ бѣглымъ попомъ Яковомъ, котораго называлъ „растригою“. Ему было отвѣчено: „О попѣ Іяковѣ добрѣ надо испытать, настояще ли онъ былъ разстриженъ своимъ архіереемъ. Если воистину изверженъ, то его дѣйствіе ни вочто, подобаетъ и тѣхъ людей перевѣнчивать“; а если имѣется въ виду только его распутство, „или что онъ, можетъ, подписался не священствовать, то въ Россіи принимали дѣйствіе отъ таковыхъ... Соображаться должно и съ мимошедшимъ временемъ“[167]), т.-е. съ тѣмъ, какъ дѣлалось у поповцевъ до учрежденія іерархіи.

Затѣмъ вскорѣ возникъ и еще подобнаго же рода вопросъ, но болѣе сложный и важный[168]). Понадобилось поставить попа

---

[167]) Отвѣтъ былъ писанъ Онуфріемъ; см. *Переписку,* вып. 2, стр. 18.

[168]) Дѣло, о которомъ далѣе идетъ рѣчь, изложено въ письмѣ архіеп. Славскаго Аркадія къ Кириллу отъ 10 іюля 1852 г. (*Переписка,* вып. 2, стр. 16—20). Этимъ письмомъ, которое сочинялъ Аркадій Лаврентьевскій, мы и пользуемся.

въ Тульчу. Избрали нѣкоего иконописца Ѳедора Семенова, который вѣнчанъ былъ бѣглымъ попомъ Стефаномъ. Тогда, извѣстный лаврентьевскій выходецъ, книгчій Евфросинъ, пришелъ къ Алипію Тульчинскому и потребовалъ, прежде чѣмъ поставлять Ѳедора, „вторительно повѣнчать его, потому что Стефанъ былъ подписанъ (т-е. далъ подписку не служить у раскольниковъ) и присоединенъ къ россійской церкви, ктому же чародѣй“. Алипій обратился за совѣтомъ и рѣшеніемъ къ Аркадію, архіепископу Славскому, и тотъ отвѣчалъ: „если Ѳедора перевѣнчивать, то и прочихъ многихъ нужно перевѣнчивать и перекрещивать, потому что Стефанъ много въ здѣшнихъ слободахъ дѣйствовалъ“. Собрали на совѣтъ соборныхъ старцевъ; послали и за Евфросиномъ. Тотъ затворился и не пришелъ, потому что имѣлъ „нѣкую скорбь“, на архіепископа. Настоятель Славскаго скита — Макарій предложилъ на собраніи вопросъ другому знаменитому лаврентьевскому книгчію — Аркадію: перевѣнчивали ли въ Россіи приходящихъ отъ ереси великороссіянъ и малороссіянъ? Аркадій отвѣтилъ, что и не видывалъ и не слыхивалъ, чтобы гдѣ перевѣнчивали. Макарій прибавилъ: если вѣнчанныхъ Стефаномъ начнемъ перевѣнчивать и перекрещивать, то не малое смущеніе и крамолу сотворимъ въ народѣ, — начнутъ говорить, что новую вѣру заводимъ. „Ктому же разсуждали и о прежнихъ попахъ (бѣглыхъ), что иные были изъ козловъ (?), а иные наложницъ явно возили, и все въ дѣйствіе принято и было за свято“. Привели въ свидѣтельство и письмо Онуфрія къ Егору Масляеву о попѣ Іяковѣ. Въ заключеніе рѣшили — не перевѣнчивая, произвести Ѳедора въ священный санъ. Но какъ только поставили его въ дьяконы, „крамола начала возрастать“. Евфросинъ и еще четверо изъ славскихъ жителей, очевидно, подъ вліяніемъ Евфросина, „начали возражать, что распопомъ вѣнчаннаго возвели въ причетъ, и начали требовать, чтобы перевѣнчать уже и поставленнаго въ дьяконы, а перевѣнчавши, чтобы въ большій степень не возводить, — а хотя и въ попы поставить, но только чтобы прежде перевѣнчать“. Тогда, и именно 24 іюня 1852 года, въ славскомъ

скиту составился уже соборъ, „на коемъ были всѣ священники и прочіе отъ мірянъ депутаты": единогласно рѣшили не перевѣнчивать вѣнчанныхъ Стефаномъ. Евфросинъ, „видя всѣхъ, крѣпко несогласныхъ на его мнѣніе, началъ говорить, чтобы хотя одного діякона перевѣнчать и быть ему въ своемъ степени". Но за это многіе даже оскорбились на него, — говорили, что онъ требуетъ „надъ однимъ человѣкомъ сотворить поруганіе, а прочихъ такъ оставить!" Указали и на то, что двое изъ сторонниковъ Евфросина сами были вѣнчаны бѣглымъ попомъ Васильемъ, который, когда привели къ нему двухъ обливанцевъ крестить, произнесъ такія рѣчи: „эти обливанцы во сто разъ лучше васъ крещены! — и не сталъ крестить"; онъ же „Димитрія Ростовскаго уподоблялъ св. Николѣ Чудотворцу и наложницу явно имѣлъ при себѣ". Оба они, — говорили, — и Стефанъ и Василій, одинаково подлежатъ извержению: Стефанъ, подписанный, по 62-му апостольскому правилу, а Василій по 46-му, гласящему сице: „пресвитеръ, аще не похулитъ, ни ругается еретическому крещенію, да извержется". И паки: „священникъ аще единою соблудитъ, то по божественнымъ правиламъ изверженъ"; а въ здѣшнемъ мѣстѣ много поповъ явно наложницъ имѣли и священнодѣйствовали, — ими здѣ безъ числа крещенныхъ и вѣнчанныхъ". Значитъ, „если Стефаново дѣйство отринуть, то и прочихъ священнодѣйство ничимже лучше, понеже по святымъ правиламъ равно осуждены извержению". Сколькихъ же придется перевѣнчивать и перекрещивать? Однако Евфросинъ „крѣпился", — говорилъ, что „нужно соблюдать правила св. отецъ", что „въ мимошедшее время была нужда, а нынѣ нужды нѣтъ". Онъ остался при такомъ мнѣніи: „раздору дѣлать не буду, и если дьяконъ Ѳедоръ будетъ служить съ попомъ, то въ церковь буду ходить безъ сумленія; а ежели будетъ поставленъ попомъ не перевѣнчавшись, то подъ руку не пойду и святыни отъ него не приму". Съ простолюдинами, вѣнчанными Стефаномъ, онъ предоставлялъ поступать, какъ хотятъ; „а на священство возводимыхъ, отъ Стефана вѣнчанныхъ, требовалъ непремѣнно перевѣнчивать".

Инокъ Евфросинъ былъ лицо слишкомъ видное и вліятельное въ старообрядчествѣ, чтобы пренебречь его мнѣніемъ: поэтому соборнѣ рѣшено было перенести дѣло на высшій судъ въ митрополію, и какое тамъ дадутъ рѣшеніе, такъ и поступить. По порученію обоихъ задунайскихъ владыкъ — Аркадія и Алипія, отъ ихъ имени, лаврентьевскій Аркадій сочинилъ пространное письмо къ Кириллу и Онуфрію съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, на которое, согласно опредѣленію Славскаго собора, просилъ отъ нихъ разрѣшенія. 10 іюля письмо это было подписано Аркадіемъ и Алимпіемъ и отправлено въ Бѣлую-Криницу, гдѣ получено было 26 числа[169]).

Павелъ немедленно занялся сочиненіемъ отвѣта на посланіе Аркадія и 30 іюля онъ былъ уже подписанъ Кирилломъ и отправленъ по принадлежности[170]). Признавая изложенное въ письмѣ Аркадія „соборное мнѣніе касательно новопоставленнаго діякона Ѳеодора Семенова достойнымъ и праведнымъ", Павелъ объявлялъ отъ имени Кирилла, что Аркадій „можетъ возвести его и во священники безъ всякаго сумнѣнія". Какъ бы въ дополненіе къ представленнымъ на Славскомъ соборѣ, Павелъ приводилъ и свои доказательства, почему не слѣдуетъ снова вѣнчать Ѳеодора, вѣнчаннаго попомъ Стефаномъ, „подозрѣваемымъ въ подпискѣ отверженія и еще обличеннымъ послѣ въ чародѣйствѣ". Онъ писалъ: „Якоже и за порокъ родителей добрый сынъ не осуждается, тако и за порокъ житія священническаго, иже кто съ вѣрою пріемлетъ тайны, совершителя Духа Святаго не лишается"; „чтобы такихъ перевѣнчивать, на то не предвидится примѣра ни въ древнихъ вѣкахъ, ни въ нашихъ послѣдующихъ". Вслѣдъ за Аркадіемъ лаврентьевскимъ онъ подтверждалъ, что „въ цѣлой почти

---

169) Такъ помѣчено рукой Павла на подлинномъ письмѣ Аркадія. (*Тамъ же*, стр 16).

170) Въ *Бѣлокр. арх.* находится черновой экземпляръ отвѣта собственной руки Павла, испещренный поправками и вставками: видно, что Павелъ заботился дать своему отвѣту надлежащую основательность. Онъ напечатанъ во 2-мъ выпускѣ *Переписки* (стр. 20—22).

Россіи, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, старообрядцы вступали для принятія брака даже въ самую господствующую россійскую церковь, отъ которой обращающіеся пріемлются по 2-му чину, и ихъ отнюдь нигдѣ не перевѣнчивали". Далѣе онъ сослался даже на авторитетъ м. Амвросія, который „отнюдь не позволилъ перевѣнчивать" черными попами вѣнчанныхъ, когда о томъ поступила къ нему просьба отъ балтовскихъ старообрядцевъ. А противъ требованія Евфросина, „чтобы одного діякона Ѳеодора перевѣнчать, прочихъ же, подобно ему отъ Стефана вѣнчанныхъ, съ первымъ вѣнчаніемъ неволнуемыхъ оставлять и за свято полагать", Павелъ писалъ, что тому „примѣра ни въ какомъ писаніи, ни въ соборныхъ, ниже въ частныхъ святыхъ отецъ, обрѣсти не возможно, кромѣ одной посмѣятельности отъ внѣшнихъ, якоже никоніяны и безпоповцы подобный сему случай уже въ ересь намъ приписали, то-есть якобы нѣгдѣ въ нашей религіи принимали приходящихъ простыхъ подъ муропомазаніе, а священныхъ иначе, по третіему только чину". Не оставилъ инокъ Павелъ безъ замѣчанія и то возраженіе Евфросина, что прежде старообрядцы вѣнчались у бѣглыхъ, и даже не у бѣглыхъ, т.-е. не принятыхъ въ расколъ, великороссійскихъ поповъ „по нуждѣ", и потому заслуживали снисхожденія, „а нынѣ нѣсть нужды"[171]), — Павелъ именно доказывалъ, что такъ какъ Ѳеодоръ вѣнчался у Стефана, находясь „въ сумнѣніи" о бѣлокриницкомъ священствѣ и „не имѣя единовѣрныхъ ему" священниковъ, то вѣнчался также „по нуждѣ", подобно прежнимъ старообрядцамъ, жившимъ до учрежденія Бѣлокриницкой іерархіи; а сомнѣніе или раздоръ его съ бывшій іерархіей поставлять ему въ ересь нельзя, и довлѣетъ ему только прощеніе. Въ заключеніе Павелъ нашелъ нужнымъ дать отъ имени Кирилла

---

171) Сила этого возраженія заключалась въ томъ, что Ѳедоръ Семеновъ былъ изъ числа „раздорниковъ", т.-е. тѣхъ некрасовцевъ, которые не приняли первоначально австрійскую іерархію и возставали противъ поставленія Аркадія, и вѣнчанъ былъ бѣглымъ попомъ Стефаномъ уже въ то время, когда австрійская іерархія существовала и учреждена была у добруджинскихъ старообрядцевъ.

и слѣдующее общее постановленіе относительно совершонныхъ бѣглымъ попомъ Стефаномъ дѣйствій у старообрядцевъ: „гдѣ онъ священнодѣйствовалъ, доколь еще не былъ за свое чародѣйство сужденъ и изъ общества изгнанъ, то до изгнанія въ каждомъ обществѣ дѣйствуемыя имъ тайны принимать, не взирая на то, что въ одномъ обществѣ прежде, а въ другомъ послѣ обличенъ и изгнанъ, но въ каждомъ, доколь только дѣйствовалъ не изгнанъ, признавать священнодѣйство безъ сумнѣнія за свято“. По суду Павла выходило такимъ образомъ, что дѣйствія изверженнаго священника, совершонныя въ обществѣ, не знавшемъ о его изверженіи, должны быть признаваемы дѣйствительными, — „безъ сумнѣнія за свято“, — и никакихъ соборныхъ и святоотеческихъ правилъ въ подтвержденіе такого страннаго, но для старообрядцевъ благопріятнаго постановленія, онъ конечно не привелъ.

Въ Славской архіепископіи дѣло о Ѳедорѣ Семеновѣ было рѣшено согласно этому, присланному изъ митрополіи опредѣленію: онъ былъ поставленъ въ попы для тульчинскихъ старообрядцевъ и вскорѣ раздѣлилъ печальную участь своихъ владыкъ — Аркадія и Алипія.

16. Учрежденіе экзархата въ Яссахъ. — Безпорядки въ мануиловскомъ монастырѣ. — Заботы объ учрежденіи молдавской епископіи.

Брачныя дѣла, подобныя приведеннымъ, были вообще нерѣдкимъ явленіемъ въ расколѣ, по учрежденіи въ немъ самостоятельной іерархіи, и именно у принявшихъ эту іерархію, такъ какъ вызывались самымъ характеромъ раскола, его отношеніями къ православной церкви и взаимными отношеніями въ немъ самомъ существующихъ толковъ. До учрежденія іерархіи на вопросы о законности и правильности браковъ, заключаемыхъ то съ православными, то съ лицами другихъ толковъ, у старообрядцевъ мало обращали вниманія; теперь же, когда явились у нихъ епископы, высшіе рѣшители церковныхъ вопросовъ, тѣ изъ нихъ, которые приняли іерархію, есте-

ственно начали обращаться, непосредственно или чрезъ своихъ поповъ, именно къ этимъ епископамъ за рѣшеніемъ недоумѣнныхъ брачныхъ вопросовъ. Для Павла возникавшіе брачные вопросы не составляли предмета особыхъ заботъ и рѣшались имъ безъ затрудненія. Онъ озабоченъ былъ по преимуществу весьма часто открывавшимися безпорядками и смутами въ самой, учрежденной имъ іерархіи, которыми на первыхъ же порахъ обличалась ея внутренняя несостоятельность и внушалось опасеніе за дальнѣйшее ея существованіе въ желаемомъ благоустройствѣ, — его безпокоили и смущали безчинія и явныябеззаконія поповъ и даже архіереевъ Бѣлокриницкаго поставленія, равно какъ открытое неуваженіе, почти презрѣніе къ нимъ со стороны старообрядцевъ и цѣлыхъ старообрядческихъ обществъ, обнаруживавшихъ къ тому же притязанія на господство и надъ новыми попами и надъ новыми архіереями. Въ заботахъ именно о предупрежденіи и устраненіи подобныхъ печальныхъ явленій, Павелъ задумалъ между прочимъ открыть въ Яссахъ, впредь до поставленія епископа для Молдавіи, экзархатъ для управленія старообрядческими монастырями и приходскимъ духовенствомъ въ Молдавскомъ княжествѣ. Приведеніе этого замысла въ исполненіе онъ считалъ тѣмъ болѣе удобнымъ, что имѣлъ въ виду надежнаго человѣка, котораго можно было произвести въ званіе экзарха, — именно того самаго Никифора Панкратьева, бывшаго стараго уставщика ясской старообрядческой церкви, который былъ уже протоіереемъ и почтенъ другими наградами: какъ лицу, уважаемому въ мѣстномъ старообрядческомъ обществѣ, онъ желалъ оказать ему и новое еще отличіе назначеніемъ его въ экзархи. 29 сентября 1853 года Кириллъ дѣйствительно подписалъ о томъ составленную Павломъ „Опредѣлительную грамоту ясскаго православнаго общества благоговѣйному протоіерею, честному отцу Никифору Панкратіеву“ [172]). Въ ней по-

[172]) Черновой экземпляръ этой грамоты, собственноручно писанный Павломъ, находится въ *Бѣлокрин арх.* Подъ указаннымъ числомъ и въ *Памятникѣ* (№ 134) записано: „Никифоръ Панкратьевъ... нынѣ сверхъ существенной протоіерейской должности въ молдавскихъ пре-

дробно и точно излагались права и обязанности новаго экзарха, и съ этой стороны она достойна вниманія. Приводимъ ее вполнѣ.

„Ваше Привелебіе, честный отецъ Никифоръ! Въ прошедшемъ 1850 году отъ 19 генваря мѣсяца были вамъ предписаны мѣры касательно управленія дѣлъ въ настоящемъ вашемъ мѣстѣ подъ вашимъ распоряженіемъ. Потомъ 29 апрѣля мѣсяца того же 1850 года въ бытность нашу въ Яссахъ произведены вы протоіереемъ. Нынѣ же сверхъ той существенной протоіерейской должности въ молдавскихъ предѣлахъ опредѣляемъ васъ въ видѣ нашего екзарха. А потому на сей предметъ излагаемъ здѣсь слѣдующія правила по должности екзарха, коими и вы отнынѣ должны руководствоваться, дондеже не будетъ тамъ надлежащаго епископа.

1) Екзарху ввѣряется по всей молдавской области имѣть надлежащій надзоръ надъ всѣми нашими единовѣрными священниками и прочими духовными лицами, какъ за священнослуженіемъ и поведеніемъ ихъ, равно и за цѣлостію церковныхъ принадлежностей.

2) Для того первымъ долгомъ — заставить парахіальныхъ священниковъ и монастырскихъ настоятелей сдѣлать и навсегда при своихъ церквахъ имѣть опись церковной принадлежности.

3) Въ удобное время надлежитъ объѣзжать по всѣмъ приходскимъ церквамъ и иноческимъ обителямъ, по крайней мѣрѣ единожды въ годъ, для ревизіи за всякимъ порядкомъ.

4) Если гдѣ окажется по церкви упущеніе и нечистота, а за священнослужителями неопрятность, или паче невоздержность и другія непристойныя качества, то абіе подобаетъ ихъ вразумлять и благочиннымъ нравомъ исправлять; аще же по первомъ и второмъ благочинномъ наказаніи не исправятся, то о священникахъ и діаконахъ, со своимъ мнѣніемъ, доносить митрополіи, а иноковъ, четцовъ и пѣвцовъ посредствомъ ихъ начальниковъ подвергать епитиміямъ, или и другимъ какимъ жесточае наказаніямъ духовнымъ, по благоусмотрѣнію самого екзарха.

5) Что касается до судопроизводства междоусобныхъ жалобъ, или прочихъ какихъ дѣлъ, по житію христіянскому встрѣчающихся, дабы всѣ духовные и мірскіе люди вступали

дѣлахъ опредѣленъ въ видѣ екзарха, на каковый предметъ изложены и правила для его руководства, дондеже не будетъ тамъ надлежащаго епископа“.

съ просьбами своими письменно, или словесно, первѣе къ ексарху, а митрополію сію безвремянно и безъ порядку не утруждали.

6) Ексархъ имѣетъ право касающіяся до него дѣла самъ судить и рѣшать по своему благоусмотрѣнію; а смотря по потребѣ и важности дѣла пригласить на совѣтъ церковныхъ попечителей, или и прочихъ изъ первостатейныхъ почетныхъ прихожанъ, и по изслѣдованіи, разсмотрѣвъ дѣло безпристрастно, да удовлетворитъ просителя, или откажетъ за несправедливость его прошенія, съ прописаніемъ причинъ.

7) Аще ли проситель будетъ тѣмъ судомъ недоволенъ, тогда позволяется ему вновь, съ подробнымъ объясненіемъ причинъ вступить своимъ прошеніемъ въ сію митрополію. Или кто обвиненъ будучи онымъ судомъ правильно, но упрямствомъ своимъ не послушаетъ рѣшенія ексарха, о таковомъ горделивцѣ также ексархъ долженъ, съ подробнымъ объясненіемъ причинъ, митрополіи сей донести.

Грамоту сію объявить на общемъ церковномъ собраніи, какъ въ городѣ Яссахъ, равно и по всѣмъ парохіямъ священникамъ и (по) монастырямъ настоятелямъ, и показать имъ описи порядокъ“[173]).

Права, предоставленныя этою грамотою ясскому экзарху, были, какъ видимъ, довольно значительны, и любой изъ бѣлокриницкихъ ставленниковъ, въ родѣ Софронія, или Спиридонія, воспользовавшись ими, расширилъ бы ихъ далеко за предѣлы дозволеннаго, чтобы извлечь изъ своей должности матеріальныя выгоды и удовлетворить своему честолюбію и властолюбію. Но старикъ Никифоръ Панкратьевъ былъ не изъ числа такихъ старообрядцевъ: скромный и миролюбивый, чуждый тщеславія и желанія власти, онъ принялъ новую возложенную на него должность даже неохотно и видимо тяготился ею, зная, что она угрожаетъ непріятными столкновеніями съ распущеннымъ,

---

[173]) На черновомъ спискѣ грамоты есть помѣтка, сдѣланная Павломъ: „При семъ послана форма описи на имущества церковныя“. И въ *Памятникѣ* подъ 29 сент. 1853 г. записано: „Опредѣлительная грамота, съ изображеніемъ въ ней правилъ ексарха и съ приложеніемъ формы для описи по всѣмъ церквамъ движимому имуществу, почтою къ нему Панкратьеву послано“.

своевольнымъ и безнравственнымъ раскольническимъ духовенствомъ стараго и новаго происхожденія.

Такія непріятности и ожидали протопопа Никифора вскорѣ же по вступленіи въ должность экзарха. Его вѣдѣнію подчиненъ былъ между прочимъ Мануиловскій Никольскій монастырь, извѣстный господствовавшими въ немъ неустройствами и безчиніями [174]). Въ настоятели этого монастыря незадолго передъ тѣмъ, именно въ маѣ того же 1853 года, на мѣсто Іоасафа, устроившаго свой монастырь на Тисѣ и переселившагося туда, поставленъ былъ „священноинокъ“ Александръ, — тотъ самый, что изъ бѣглаго попа Алексѣя Булгакова, послѣ извѣстнаго дѣла о волшебствѣ, за которое подлежалъ изверженію изъ сана, превращенъ былъ въ „священноинока“ Александра [175]). Трудно было ожидать, чтобы при такомъ настоятелѣ, какъ Александръ, водворились порядокъ и благочиніе въ Мануиловскомъ монастырѣ. И дѣйствительно, разныя безчинія монаховъ, которымъ Александръ даже потворствовалъ въ своихъ интересахъ, еще болѣе усилились. Нѣкій инокъ-схимникъ Пахомій, ложно выдавъ себя имѣющимъ священный санъ, гдѣ-то, конечно, въ Россіи „поповствовалъ“ [176]), и собравъ такимъ способомъ деньги, спокойно возвратился въ монастырь. Слухъ объ этихъ „беззаконныхъ дѣяніяхъ“ Пахомія дошелъ до митрополіи, и Павелъ отъ имени Кирилла, въ августѣ мѣсяцѣ, послалъ протопопу Никифору, тогда еще не бывшему экзархомъ, предписаніе — сообщить объ „дѣяніяхъ“ Пахомія

---

174) См. выше, гл. 2 и 3.

175) Въ *Памятникѣ* подъ 28 мая 1852 г. записано: „Александръ священноинокъ отъ сего числа грамотою г-на митрополита Кирила опредѣленъ Мануиловскому Никольскому монастырю полнымъ настоятелемъ. Грамота послана съ іеродіакономъ Меѳодіемъ съ товарищемъ, дабы учинилъ распоряженіе по данному порядку“ (№ 131). Выраженіе „*полнымъ* настоятелемъ“ даетъ основаніе полагать, что Александръ передъ тѣмъ исправлялъ уже должность настоятеля вмѣсто Іоасафа, занятаго хлопотами по устроенію Тисскаго монастыря.

176) Это онъ сдѣлалъ впрочемъ, какъ сказано выше, по благословенію изверженнаго Спиридонія. Свѣдѣнія о его похожденіяхъ заимствуются изъ находящагося въ *Бѣлокр. арх.* чернового Павлова письма къ Никифору отъ 30 октября 1853 г.

настоятелю священноиноку Александру, „дабы сдѣлалъ ему противу прописанныхъ винъ достойное духовное наказаніе“. Не видно, чтобы предписаніе это было исполнено: протопопъ ли Никифоръ замедлилъ сообщить его Александру, или Александръ оставилъ его безъ вниманія, только спустя всего какой-нибудь мѣсяцъ, тотъ же Пахомій задумалъ повторить свою продѣлку,— вновь отправиться за наживой въ Россію, и въ этомъ уже пособникомъ ему явился самъ настоятель Александръ: „отъ лица всего братства“, но за однимъ своимъ подписомъ, съ приложеніемъ монастырской печати, онъ выдалъ Пахомію „сборную по всей Россіи книгу, писанную на холстѣ“, и „аттестовалъ Пахомія слѣдующими словами: то оное (должно быть было написано: если сдѣлаете пожертвованіе, то оное...) благоволите безъ сумнѣнія вѣрить и вручить сему *вѣрно избранному отъ насъ* честному иноку-схимнику Пахомію“. Вскорѣ же послѣ этого Александръ имѣлъ случай быть въ Бѣлой-Криницѣ, и при свиданіи съ Павломъ ни слова не сказалъ о выданной Пахомію сборной книгѣ. 29 октября онъ уѣхалъ обратно изъ митрополіи[177]; а вечеромъ того же дня явился туда и Пахомій, на пути въ Россію, съ сопровождавшимъ его другимъ мануиловскимъ инокомъ — Игнатіемъ: онъ желалъ получить и отъ Кирилла благословеніе на путешествіе, а также, вѣроятно, и рекомендацію къ россійскимъ старообрядцамъ. Павелъ былъ до крайности возмущенъ, узнавши, что этотъ самозванно поповствовавшій инокъ снова ѣдетъ въ Россію, да еще снабженный сборною книгой за подписью Александра, притомъ же въ сопровожденіи Игнатія, личности весьма подозрительной: прежде Игнатій жилъ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ и годъ тому назадъ выгнанъ былъ за то, что участво-

[177]) Въ письмѣ Павла къ Никифору Панкратьеву говорится, что изъ Бѣлой Криницы Александръ „отправился во свояси съ новопоставленными священноинокомъ того ихъ (Мануиловскаго) монастыря смиреннымъ Памвою и здѣшнимъ (т.-е. бѣлокриницкимъ) изъ новопостриженныхъ іеродіакономъ Іоасафомъ славнымъ бывшимъ, Иваномъ Агеичемъ“. А въ *Памятникѣ* записано, что Памва и Іоасафъ поставлены 28 октября, и 29 „оба отправлены въ Мануиловскій монастырь“ (№№ 137 и 138).

валъ въ шайкѣ съ двумя бѣлокриницкими выходцами, Иваномъ и Мартиномъ, которые, выдавъ себя за поповъ и пользуясь поддѣланною митрополичьей печатью, „шлялись“ по Россіи, поповали и сбирали деньги со старообрядцевъ[178]). По всему видно было, что Пахомій и Игнатій опять направлялись въ Россію съ такими же преступными намѣреніями, — и, возмущенный этимъ, Павелъ распорядился немедленно посадить ихъ въ подъарестную келью, надѣть на нихъ желѣзныя цѣпи и содержать на хлѣбѣ и водѣ[179]). Въ то же время онъ считалъ необходимымъ подвергнуть наказанію и самого мануиловскаго настоятеля Александра, съ вѣдома котораго, очевидно, дѣйствовалъ Пахомій. 30 октября инокъ Павелъ составилъ отъ имени Кирилла письмо къ ясскому экзарху Никифору, въ которомъ, изложивъ дѣло, именно требовалъ отъ него *„достовѣрнаго увѣдомленія,* зналъ ли отецъ Александръ такіе беззаконные поступки за реченнаго схимника Пахомія. „Если зналъ, — говорилось далѣе, — то усугубленіе кары съ содер-

---

178) Объ этихъ проходимцахъ, которые вышли изъ самой уже Бѣлой-Криницы и появленію которыхъ способствовало именно учрежденіе новаго раскольническаго священства, доставлявшаго хорошій доходъ тѣмъ, кто успѣлъ получить это священство, или просто выдать себя получившимъ оное, — инокъ Павелъ въ томъ же письмѣ къ Никифору Панкратьеву сообщалъ: „На вечеръ въ той же самый день (когда выѣхаль Александръ) явился схимникъ Пахомій въ нашу митрополію съ поводыремъ инокомъ Игнатіемъ, бывшимъ у насъ столяромъ, — съ тѣмъ самымъ, который служилъ *прошлогоднимъ* — ложному попу рябому Ивану и съ шишкою на окѣ Мартыніяну, которые сработали подложныя печати отъ имени митрополита и архимандрита, и поповали, и сбирали, шляясь по Россіи: изъ числа той шайки сей поводырь — Игнатій въ прошломъ годѣ возвратился и высланъ отъ насъ былъ въ Молдавію“.

179) О такой суровой расправѣ съ Пахоміемъ и Игнатіемъ, какъ видно практиковавшейся въ древлеправославной бѣлокриницкой обители, самъ Павелъ писалъ Никифору Панкратьеву отъ имени Кирилла: „Прибывши они, то-есть Пахомій и Игнатій, въ нашу митрополію, явились къ намъ за благословеніемъ, и уже благословлены — въ подъарестной кельѣ посажены, и въ желѣзныхъ цѣпяхъ замкнуты, на одномъ хлѣбѣ и водѣ“.

жимыхъ арестантовъ удѣлится и на его священную главу; а если не зналъ и Пахомій съ Игнатіемъ ложно сборную книгу составили и за благословеніемъ сюда прибыли, то они сами вполнѣ понесутъ должное наказаніе". Собственноручная подпись Александра на сборной книгѣ, хорошо знакомая Павлу, служила несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что Пахомій дѣйствовалъ съ его вѣдома, и потому предположеніе о „незнаніи" было, конечно, прибавлено только для формы, ради порядка.

Ясскій экзархъ не спѣшилъ отвѣтомъ на это грозное посланіе, — онъ все поджидалъ изъ митрополіи, какъ самъ извѣщалъ впослѣдствіи[180]), пословъ, около того времени обыкновенно пріѣзжавшихъ въ Яссы „за сборомъ", съ которыми и надѣялся отправить отвѣтъ, — а послы все не пріѣзжали, хотя должны были бы давно пріѣхать и накопилось довольно пожертвованій для врученія имъ: „отъ Бѣляева Никиты[181]) рыбы 150 окъ, да съ другого бока 100 окъ, и вино ужъ давно готовое отстоялось". Наконецъ, 24 ноября, не дождавшись пословъ, ясскій экзархъ написалъ иноку Павлу отвѣтъ, въ которомъ, прося „простить за замедленіе", извѣщалъ: „о решантахъ (т.-с. арестантахъ) инокѣ-схимникѣ Пахоміи и прочемъ писалъ въ Никольскій монастырь строжайше объ испрошеніи отъ священноинока Александра о замыслѣ помянутыя холстовыя книги, а того не знаю, дастъ ли отвѣтъ священноинокъ Александръ, или нѣтъ". Никифоръ Панкратьевъ, очевидно, сомнѣвался, чтобы Александръ, не имѣвшій въ дѣйствительности никакого уваженія не только къ ясскому экзарху — протопопу бѣлокриницкаго поставленія, но и къ самому бѣлокриницкому митрополиту, далъ имъ требуемыя объясненія по дѣлу Пахомія. И чѣмъ кончилось дѣло о закованныхъ въ цѣпи

---

180) Собственоручное, довольно малограмотное, письмо Никифора отъ 24 ноября 1853 г. находится въ *Бѣлокр. арх.* Этимъ письмомъ мы и пользуемся здѣсь.

181) Бѣляевъ Никита Марковъ, богатый купецъ — старообрядецъ живший въ Измаилѣ и снимавшій рыбныя ловли при устьяхъ Дуная. См о немъ въ книгѣ „Расколъ какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій".

раскольническимъ митрополитомъ раскольническихъ инокахъ, остается неизвѣстнымъ; но, какъ видно, въ связи съ этимъ дѣломъ находилось послѣдовавшее вскорѣ же увольненіе Александра отъ должности настоятеля, послѣ чего и сошелъ окончательно со сцены этотъ замѣчательный, раскольническій бѣглый попъ, занявшій весьма видное мѣсто и въ исторіи Бѣлокриницкаго священства, бывшій въ извѣстномъ смыслѣ его родоначальникомъ, такъ какъ имъ принятъ былъ въ расколъ и утвержденъ въ своемъ санѣ бѣглый попъ Іеронимъ, въ свою очередь принявшій въ расколъ и утвердившій въ архіерейскомъ санѣ самого бѣглаго митрополита Амвросія, отъ котораго это священство получило свое начало[182]). 19 декабря на мѣсто Александра назначенъ въ Мануиловскій монастырь настоятелемъ нѣкій священноинокъ Виталій, и тогда же произведенъ въ архимандриты[183]).

Возведеніе настоятеля Мануиловскаго монастыря въ санъ архимандрита должно было измѣнить отношенія къ нему ясскаго экзарха, какъ имѣвшаго сравнительно низшій, протоіерейскій, санъ. Имѣя это въ виду и вмѣстѣ желая сохранить за Никифоромъ Панкратьевымъ высшій надзоръ надъ всѣмъ старообрядческимъ духовенствомъ въ Молдавіи, инокъ Павелъ составилъ и послалъ ему новую грамоту, подписанную Кирилломъ 28 декабря, въ которой излагалъ, въ чемъ состоятъ теперь его экзархическія обязанности. На этой грамотѣ ясно отразилось,

---

182) Въ 1862 г. Александръ былъ еще живъ. Въ *Бѣлокр. арх.* сохранилось куріозное, отчасти написанное стихами, посланіе его къ оо. Сергію и Филарету, писанное въ этомъ году. Онъ говоритъ здѣсь съ горечью: „Я уже о себѣ ни о чемъ не домогаюся, ниже въ какіе чины пхаюся, понеже не стою, да не тѣ уже лѣта, а со всѣхъ сторонъ злоба и клевета“.

183) См. *Памятникъ* подъ 19 декабря 1853 г. (№ 146). Въ грамотѣ Никифору Панкратьеву отъ 28 дек. говорилось, что Виталій назначенъ „вслѣдствіе прошенія общебратства опаго (Мануиловскаго) монастыря, въ которомъ прописано доброчестное поведеніе бывшаго священноинока Виталія, соборнѣ избраннаго въ настоятели, съ присвидѣтельствованіемъ бывшихъ на выборѣ и прочихъ постороннихъ священныхъ и мірскихъ общественныхъ лицъ“ (Бѣлокр. арх.).

какъ озабоченъ былъ Павелъ водвореніемъ порядка и благопристойности въ подчиненномъ митрополіи черномъ и бѣломъ духовенствѣ. Вотъ что именно писалъ онъ экзарху Никифору:

„Въ сравненіи съ вами г-нъ архимандритъ Виталій уже превосходитъ своимъ саномъ, а потому и завѣдываніе ваше не можетъ простираться на его особу: тѣмъ убо и всѣ обители чернаго духовенства отъ завѣдыванія вашего исключаются.

Впрочемъ, за исключеніемъ токмо вышеозначеннаго пункта, всѣми правилами по должности ексарха, дондеже не будетъ въ Молдавіи дѣйствительный ексархъ, сирѣчь сущій епископъ, вы, честный отецъ, въ полной мѣрѣ силою начертанія оныхъ имѣете руководствоваться попрежнему.

Однако и черное духовенство не совсѣмъ конечно отъ надзора вашего устраняется, но даже самые настоятели монастырей, хотя архимандриты, или игумены, какъ скоро прибудутъ къ вамъ въ городъ Яссы, непремѣнно первымъ долгомъ имѣютъ объявиться вамъ и объяснить вину прибытія ихъ, сирѣчь по своему ли, или по монастырскому дѣлу прибыли въ городъ, и долго ли намѣрены пробавиться въ немъ. Если же, паче чаянія, о которомъ лицѣ замѣтите, что пребываніе его въ городѣ есть сверхъ его потребы, а наипаче упражняющася въ какихъ-либо неприличныхъ сану его забавахъ, то по первомъ и второмъ благочинномъ ему напоминовеніи, аще не послушаетъ вашего совѣта дабы отправлялся на свое мѣсто, непремѣнно немедленно донести писменно въ нашу митрополію. Ибо монастырскому настоятелю правила его, въ монастырскомъ уставѣ изображенныя, гласятъ[184]): „Самому же настоятелю отлучаться изъ монастыря, аки кокошѣ съ гнѣзда своего, отнюдь не полезно, развѣ самой нужной ради вины, егда потребованъ будетъ въ случаѣ какой надобности, касающейся до него именно, къ гражданскому[185]) начальству, или по значительному какому дѣлу упрошенъ будетъ братіею на соборѣ куда ѣхать: только тогда, какъ истинно потребовалъ его долгъ, можетъ правою и непогрѣшительною совѣстію съ мѣста своего на время отлучиться, и долженъ, яко Бога ради, и для общей пользы, о исполненіи касающагося дѣла вседушно стараться“, и прочее. Для чего коіи съ сей грамоты особо

---

[184]) Слѣдующая за симъ выписка взята прямо изъ „Устава бѣлокриницкаго монастыря“ (См. Гл. V, о настоятелѣ).

[185]) Въ „Бѣлокр. Уставѣ“: *къ вышнему...*

къ тѣмъ монастырскимъ настоятелямъ съ симъ же вмѣстѣ посылаются.

Чтожъ касается до нижнихъ чиновъ и всѣхъ простыхъ иноковъ (исключая тѣхъ, кои по давней небрежности давно живутъ въ городѣ особыми своими домами) впредь прочихъ всѣхъ безъ исключенія, при первомъ вашемъ узнаніи въ самовольномъ ихъ прибытіи въ городъ, или въ неблагочинномъ замѣчаніи, *тотчасъ выгонять изъ города,* или, по благоусмотрѣнію вашему, другихъ непокорныхъ *подъ присмотромъ переслать* въ свое мѣсто къ начальнику, подъ чьимъ завѣдываніемъ они жительствуютъ. А притомъ къ правиламъ ексарха дополняется слѣдующее: дабы и въ прочихъ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ подтвердить священникамъ и общественнымъ старостамъ, чтобы инокамъ среди домовъ мірскихъ, сирѣчь вкупѣ съ мірскими, жительствовать отнюдь ни подъ какимъ видомъ не позволять. Но если гдѣ жители, изъ любви Божіей, благоволятъ спокоить нѣкоего инока, то не иначе съ благословенія архимандрита, или того мѣста настоятеля, гдѣ постригался, принять туда, гдѣ изпрежде при нѣкоторыхъ обществахъ заведены есть на особомъ огражденномъ отъ мірянъ мѣстѣ иноческія кельи. Поелику на отшельническое уединенное житіе отходить инокамъ, не прошедшимъ должныхъ искусовъ и не свидѣтельствованнымъ отъ настоятеля, строжайше запрещается, вышесказаннымъ же чиномъ позволяется на прежде заведенныя обительки отходить, однако съ тѣмъ, если будутъ два, или три и болѣе, то непремѣнно дабы имѣли между себя единаго старѣйшаго и имѣли къ нему по Бозѣ свое подчиненіе, хотя и не общежительнымъ чиномъ, но въ подобныхъ случаяхъ требовали бы отъ него совѣта и благословенія, безъ чего отнюдь не имѣли бы права отлучаться отъ своей обители въ другія общества, а наиначе въ городъ, и такъ дабы окаянной масонщины, сирѣчь самовольщины, нетерпимо было и слышать“[186]).

Недолго пришлось экзарху Никифору пользоваться этой грамотой, освобождавшей его отъ ближайшаго завѣдыванія молдавскими старообрядческими монастырями по случаю назначенія въ Мануиловскій монастырь настоятеля архимандрита: не прошло и пяти мѣсяцевъ, какъ новопоставленный архимандритъ Виталій отказался отъ должности, — 1 мая 1854 г. онъ

[186]) Черновая грамота Павловой руки въ *Бѣлокр. арх*

отправилъ въ митрополію собственноручную „подписку“, въ которой говорилось: „нынѣ я самъ о себѣ заблагоразсудилъ, Бога ради, освободиться отъ должности моей и отъ всего завѣдованія монастырскаго *за многія обстоятельствы*... и дабы отъ сего числа братство Мануиловскаго Никольскаго монастыря по своему собственному желанію, съ общаго всѣхъ согласія, избрали бы вмѣсто меня другого себѣ начальника и пастыря, въ томъ самомъ и даю я имъ сію мою подписку[187]). Какія именно „многія обстоятельства“ вынудили Виталія оставить настоятельство въ Мануиловскомъ монастырѣ, извѣстій не имѣется; но главными служили, конечно, укоренившіеся тамъ безпорядки и безчинія.

Сокрушаясь такими безпорядками въ средѣ молдавскаго духовенства, для устраненія ихъ Павелъ задумалъ поставить на Молдавію особаго епископа. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ велъ переписку объ этомъ намѣреніи своемъ все съ тѣмъ же экзархомъ Никифоромъ,— поручилъ ему узнать, желаетъ ли ясское старообрядческое общество открытія у нихъ архіерейской каѳедры, и гдѣ именно, въ какомъ городѣ находитъ удобнѣе учредить ее; велъ съ нимъ рѣчь и о кандидатахъ на занятіе предполагаемой каѳедры,— спрашивалъ именно о тисскомъ настоятелѣ Іоасафѣ, не годится ли онъ, а больше старался, съ обычнымъ ему красноглаголаніемъ, расположить самого Никифора Панкратьева къ принятію монашества и затѣмъ епископства, находя, что въ этомъ санѣ онъ могъ бы имѣть болѣе сильное вліяніе на улучшеніе нравовъ въ молдавскомъ старообрядческомъ обществѣ и духовенствѣ. Никифоръ Панкратьевъ, въ томъ же письмѣ отъ 24 ноября, отвѣчалъ, что „домогался къ своимъ прихожанамъ сдѣлать совѣтъ о замыслѣ митрополіи объ учрежденіи (епископа) и идѣже быти ему, но

---

187) Подлинникъ этого документа, собственноручно подписаный Виталіемъ, находится въ *Бѣлокр. арх.* И въ *Памятникѣ* подъ 1 мая 1854 г. записано: „Архимандритъ Виталій отъ должности совершенно отказался, на что̀ далъ отъ себя онаго монастыря братству собственноручную подписку“ (№ 146). Запись эта сдѣлана уже не Павломъ,— онъ уже въ это время лежалъ тяжко больной.

чрезъ все время доселѣ не нашелъ толка отъ нихъ никакого“[188]). Объ Іоасафѣ отвѣчалъ, что „худого объ немъ ничего не скажетъ и чрезъ людей тоже худого не слыхалъ“. А о себѣ далъ слѣдующій исполненный смиренія отвѣтъ: „Пречестнѣйшій авво Павелъ! Я осыпаемъ вашимъ награжденіемъ, чиномъ и благодѣяніемъ, и искреннею любовію ко мнѣ; но знаю добре, что вы откажетесь наградить меня ни (даже и) однимъ шагомъ юности, или возвратить цѣлость разстроенному моему здравію. Поздо стало. Жалко проливаемыхъ отъ медоточивыхъ вашихъ устъ златоглаголивыхъ бесѣдъ. Падаютъ (туне). Вы знаете, о чемъ простирается сіе отъ меня слово. Отклоните намѣреніе ваше“[189]). Такъ Павлу и не удалось осуществить свое намѣреніе объ учрежденіи архіерейской каѳедры у молдавскихъ старообрядцевъ: оно было приведено въ исполненіе уже послѣ его смерти.

17. Дѣло о браиловскомъ попѣ Егорѣ Масляевѣ. — Дѣло о назначеніи попа въ Климоуцы.

Въ то же время, какъ Павелъ озабоченъ былъ безпорядками въ мануиловскомъ монастырѣ, начинается длинное дѣло о безобразіяхъ браиловскаго попа Егора Масляева. Этотъ попъ Егоръ и разгульная жена его приняли участіе въ какомъ-то лѣченіи посредствомъ волшебства одной больной женщины, и въ Браиловѣ, среди старообрядцевъ, раснеслись о томъ слухи, произведшіе большой соблазнъ Староста браиловской старообрядческой церкви, Семенъ Семеновъ, человѣкъ уважаемый въ своемъ обществѣ, какъ видно, сдѣлалъ по этому случаю замѣчаніе попу Егору, а тотъ, отличавшійся буйнымъ

---

[188]) На этомъ письмѣ Никифора Панкратьева есть однако собственноручная Павлова помѣтка, свидѣтельствующая повидимому, что ясское общество изъявило согласіе на учрежденіе у нихъ архіерейской каѳедры: „Отвѣтъ сдѣланъ отъ 28 ноября сего 1853 года, касательно учрежденія епископа на ихъ совѣтъ митрополія согласна, и такъ буди по глаголу вашему съ миромъ“.

[189]) Подлинное письмо въ *Бѣлокр. арх*

характеромъ, отвѣчалъ ему дерзостями, — и началась между ними „брань и вражда". Донесено было о всемъ этомъ Тульчинскому епископу Алипію, который вслѣдъ затѣмъ и пріѣхалъ въ Браиловъ лично разобрать дѣло. Попа Егора онъ нашелъ виноватымъ и отлучилъ отъ священнодѣйствія впредь до окончательнаго рѣшенія о немъ самого митрополита Кирилла, которому послалъ о дѣлѣ донесеніе. Въ донесеніи этомъ, писанномъ 12 іюня 1852 г., говорилось: „Прибывъ на переговоръ въ Ибраиловъ для изслѣдованія сего дѣла, призвавъ сему дѣлу виновныя лица, разспросилъ, какъ было дѣло. При семъ видя и вражду немалую между отцемъ Георгіемъ и Семеномъ Семенычемъ, отлучилъ отца Георгія отъ священнодѣйствія до разсмотрѣнія вашего преосвященства, какъ вы соблаговолите преосвященнѣйшій владыко[190]). Между тѣмъ и попъ Егоръ, зная, что дѣло перенесено на окончательное рѣшеніе митрополита, самъ лично явился въ Бѣлую-Криницу. Надѣвъ личину смиренія и угнетенной невинности, онъ постарался здѣсь, „на духовномъ испытаніи", оправдать себя во всемъ, и Павелъ, къ удивленію, далъ ему полную вѣру. Быть можетъ, его располагали къ тому и весьма примѣнная нерасположенность его къ задунайскимъ владыкамъ, которыхъ представился случай поучить, и желаніе — оказать бѣлокриницкаго поставленія попу предпочтеніе предъ мірскимъ лицомъ въ распрѣ его съ этимъ послѣднимъ. Попъ Егоръ показалъ, что „съ церковнымъ старостой Семеномъ Семенычемъ уже христіанскимъ долгомъ примирился": повѣривъ ему, инокъ Павелъ нашелъ здѣсь именно поводъ сдѣлать замѣчаніе Алипію, что онъ могъ бы покончить все дѣло „приличною епитиміею", не обращаясь за разрѣшеніемъ въ митрополію". А относительно участія въ волшебномъ лѣченіи попъ Егоръ показалъ, что — „Боже сохрани! — даже и помыслить о томъ не смѣетъ", что только жена его, „по просьбѣ врачующихъ послужила имъ покупкою воска, но единственно Бога ради, а не для волхвованія", и уже только

---

[190]) Текстъ донесенія приводится въ отвѣтной грамотѣ Кирилла (Бѣлокр. арх).

потомъ, „по сдѣланіи виновными волшебнаго происшествія, увидѣла вещи, противныя врачеству, закономъ дозволенному“. Повѣривъ и этому, Павелъ опять нашелъ поводъ сдѣлать епископу Алипію замѣчаніе, что „если не подвергнута имъ отлученію церковнаго собора“ жена попа Егора, — „то кольми паче безвинный священноіерей Георгій не можетъ лишше жены своей наказанъ быть запрещеніемъ“, — и присудилъ признать его „свободнымъ отъ запрещенія въ священнослуженіи“. Въ такомъ смыслѣ была составлена имъ отъ имени Кирилла, и 29 іюля отправлена по принадлежности, отвѣтная грамота тульчинскому епископу Алипію[191]).

Защитивъ Егора Масляева отъ казавшихся ему несправедливыхъ нападеній церковнаго старосты, инокъ Павелъ сдѣлалъ большую ошибку, такъ какъ строгостью суда надъ Масляевымъ могъ бы предотвратить дальнѣйшія преступныя дѣла этого попа и сына его Кирилла, которыми они позорили австрійскую іерархію. Видно, что Павелъ очень заботился объ огражденіи учрежденнаго имъ священства отъ пренебрежительнаго, тѣмъ паче враждебнаго отношенія къ нему самихъ старообрядцевъ и старообрядческихъ обществъ, о пресѣченіи ихъ поползновеній сдѣлаться господами своихъ архіереевъ и поповъ. Эту свою заботу онъ особенно ясно обнаружилъ въ возникшемъ вскорѣ же послѣ процесса Егора Масляева, и притомъ у себя, по сосѣдству съ митрополіей, прискорбномъ для него „дѣлѣ о выборѣ новаго священника“ въ Климоуцы[192]).

26 апрѣля 1853 года умеръ поставленный самимъ Амвросіемъ первый климоуцкій попъ Захарія[193]). По предложенію

---

191) Черновая, собственноручно писанная Павломъ, въ *Бѣлокр. арх.* Изъ нея и заимствованы приведенныя объясненія попа Егора.

192) Дѣло это, такъ именно и озаглавленное самимъ Павломъ, находится въ *Бѣлокр. арх.*

193) О смерти его сдѣлана подъ этимъ числомъ даже подробная запись въ *Памятникѣ:* „Священникъ Захарій сего числа, т.-е. о Ѳомѣ въ недѣлю, въ вечеръ, на заходѣ солнца, волею Божіей скончался“ (№ 19).

изъ митрополіи климоуцкое поповщинское общество приступило къ избранію преемника ему: выбрали уставщика Семена Петрова. Руководителемъ выборовъ былъ нѣкій Никита Лукинъ, — онъ собралъ очень много подписей къ прошенію за Семена Петрова. Въ митрополіи, согласно этому избранію, постановлено было рукоположить Семена въ священный санъ и 23 мая послано было письменное извѣщеніе климоуцкому обществу, чтобы избраннаго кандидата прислали для рукоположенія. Но оказалось, что не всѣ климоуцкіе старообрядцы были согласны на избраніе Семена, и пятеро изъ нихъ, какъ видно, вліятельные въ своемъ обществѣ, Павелъ Давыдовъ, Максимъ Моисеевъ, Степанъ Кузьминъ, Филиппъ Семеновъ и Василій Осиповъ, рѣшились выступить съ протестомъ противъ избранія, объявивъ его неправильнымъ, и требовать, чтобы избраніе попа было сдѣлано по жребію изъ трехъ кандидатовъ, въ числѣ которыхъ соглашались имѣть и Семена Петрова. Подозрѣвалось, что изъ этихъ пяти протестующихъ двое были лично заинтересованы въ дѣлѣ, — Степанъ Кузьминъ самъ желалъ попасть въ число кандидатовъ, а Максимъ Моисеевъ — зачислить своего сына Константина Максимова. Какъ бы то ни было, но только въ тотъ же самый день, когда получено было изъ митрополіи предписаніе — отпустить Степана Петрова для поставленія въ священныя степени, послано бы къ Кириллу слѣдующее, подписанное пятью названными лицами, прошеніе „села Климоуцъ отъ христіянскаго общества“:

„Съ полученія вашего письма сего числа о высылкѣ къ вамъ нашего церковнаго уставщика Семена Петрова для посещенія (т.-е. посвященія) въ наше село въ священники, но мы, получа оное въ распоряженіе сіе взойти не могли по той причинѣ: во-первыхъ дворника дома нѣту, безъ него (въ) сіе распоряженіе никто не можетъ приступить; а во-вторыхъ большая половина вышеозначеннаго Семена Петрова не согласуются въ сію священную должность принять, а если вы, святый владыко, посетите (посвятите) его безъ нашего согласія, то у насъ будетъ въ обществѣ большая распря. А общество наше расположилось на волю Божію, а человѣческое мнѣніе

остается внѣ. позвольте намъ, святый владыко, положить три жеребья, въ числѣ коихъ и вышеозначенный Семенъ Петровъ. Если выдетъ по волѣ Божіей хоша и на него, то у насъ не будетъ между нами никакой распри, — противу судьбы Божіей никто не можетъ противиться. А Никита Лукъяновъ хоша и много написалъ людей на него, якобы согласуются его принять въ сію священную должность, но мы истину тебѣ, святый владыко, пишемъ, что онъ много людей написалъ за очи, которыхъ даже и по сіе время дома нѣту. О чемъ васъ симъ увѣдомляемъ“ [194]).

Инокъ Павелъ призналъ очень обиднымъ для митрополіи это посланіе „климоуцкаго христіянскаго общества“. Неподчиненіе уже утвержденному митрополитомъ избранію попа и требованіе вновь произвести выборы по жребію, хотя это былъ излюбленный и имъ самимъ способъ избранія, онъ считалъ неимовѣрной дерзостью со стороны подписавшихся подъ посланіемъ. Заслуживало вниманія и повѣрки, по его мнѣнію, только указаніе, что въ спискѣ избирателей, подавшихъ голосъ за Семена Петрова, внесено много такихъ, которые не участвовали въ выборѣ, даже находятся въ отсутствіи, — и онъ немедленно распорядился послать въ Климоуцы довѣреннаго отъ митрополіи — инока Меѳодія, чтобы при помощи климоуцкаго дворника Митрофана Яковлева провѣрилъ на мѣстѣ, справедливъ ли доносъ Павла Давыдова съ товарищами о подложныхъ избирателяхъ. Дворникъ нашелся дома, въ Климоуцахъ, и Меѳодій при его содѣйствіи навелъ должныя справки, по которымъ доносъ оказался несправедливымъ. Въ слѣдующій же день, 24 мая, инокъ Павелъ написалъ и послалъ отъ имени Кирилла, за его подписью, письмо къ климоуцкому дворнику, въ которомъ благодарилъ его за участіе въ разслѣдованіи дѣла и поручалъ объявить публично, при полномъ соборѣ, Павлу Давыдову и четыремъ его товарищамъ строгій выговоръ за ихъ ложный доносъ и несправедливое требованіе избранія въ попы по жребію. Вотъ что̀ изрекалъ устами Павла мало разумѣвшій дѣло владыка Кириллъ:

---

194) Подлинное при дѣлѣ, въ *Бѣлокр. арх.*

„Митрофанъ Яковлевичъ! Симъ моимъ начертаніемъ во-первыхъ благодарю тя за святое послушаніе, что не замедлилъ еси и въ точности исполнилъ мое порученіе во изслѣдованіе истины по доносу ко мнѣ отъ Павла Давыдова съ четырьмя товарищи его.

„Во-вторыхъ еще потрудись нынѣ, при полномъ соборѣ объяви Павлу Давыдову, Максиму Моисееву, Стефану Козмину, Филипу Семенову и Василью Осипову праведное мое на нихъ негодованіе, что они огнѣвали меня своею крамолою, то-есть оклеветали мнѣ въ лживомъ своемъ доносѣ безвинныхъ и ко общему благу усердныхъ людей, якобы Семена Петрова большая половина громады священникомъ принять не согласны, и якобы Никита Лукинъ подписалъ много людей ложно. Но какъ нарочито мною посланный честный отецъ Меѳодій съ личнымъ твоимъ присутствіемъ открыли вовсе напротивъ ихъ пристрастному и лукавому доносу, за что они подлежатъ по правиламъ св. отецъ жестокой епитиміи, яко лукавнующіи страстію своею во священномъ дѣлѣ, а по царскимъ законамъ, въ Кормчей книгѣ написаннымъ, яко клеветники, не малой карѣ.

„Въ-третьихъ, хотя они, на языкѣ только, повидимому, произносятъ, что желаютъ послѣдовать волѣ Божіей, сирѣчь чтобы дать жребій Стефану и Максимову сыну, но на самомъ дѣлѣ уже видимую волю Божію пренебрегаютъ, а волю діявола исполняютъ: ибо всякая клевета и ложь отъ діявола есть. А воля Божья есть уже открыта, когда всей громады Богъ вложилъ въ сердце желать священникомъ Семена Петрова. Вотъ и есть воля Божія очевидная. А они не познаютъ ю за омраченіемъ непріязни. А какъ паче еще есть воля Божія въ томъ, что подобаетъ яко самому гласу Божію повиноваться верховному духовному своему пастырю, по писанному отъ Апостола: *повинуйтеся,* рече, *наставникомъ вашимъ и покоряйтеся.* Ибо мы видимъ изъ примѣровъ святыхъ писаній, въ какомъ случаѣ употребляется жребій, то-есть егда хотящіи полагать жребій будутъ вси единодушны о какихъ-либо предлежащихъ предметахъ, которые хотя и разны, но для всѣхъ кажутся равновѣсны, сирѣчь добро то и другое, а которое будетъ лучше, о томъ сами рѣшить не могутъ: въ такомъ только случаѣ утруждаютъ Бога молитвами своими, дабы имъ разрѣшилъ тѣ предметы по волѣ Его посредствомъ жребіевъ, понеже не имутъ, отъ кого бы благонадежно получить разрѣшеніе. А у васъ въ теперешнемъ дѣлѣ, если бы вы духомъ истины восхотѣли, то имѣете получить разрѣшеніе и кромѣ

жребія, сирѣчь отъ духовнаго своего архипастыря, если вы нелицемѣрно вручаете ему свои души и во всѣхъ грѣхахъ своихъ ищете отъ него разрѣшенія, какъ и самъ Христосъ заповѣдалъ. Другое же познаніе воли Божіей есть въ томъ, какъ выше сказано, отъ большого числа громадскихъ людей, по-писанному: гласъ Бога гласъ народа. А когда большая половина людей, какъ видимъ по спискамъ, то-есть до пятидесяти человѣкъ, не желаетъ Стефана и Константина, то напротивъ совѣсти и желанія толикаго числа людей возможно ли допустить ихъ въ жребій священства и кая тутъ будетъ воля Божія, когда толикое число людей вовсе тѣхъ не избираютъ? А потому не только имъ грѣхъ, но и стыдъ въ таковомъ дѣлѣ по страсти своей противоборствовать всѣмъ“ [195]).

Одновременно съ этимъ письмомъ отправлено было въ Климоуцы предписаніе отъ Кирилла и Семену Петрову, чтобы онъ „какъ есть уставщикъ церковный, за часъ раньше обычнаго прозвонилъ къ вечерни, службы не начиналъ, дондеже вси люди сберутся, и тогда, положивши со всѣми обычный началъ и не начиная службу, но стоя среди церкви, обратился на всѣ страны, поклоняясь людямъ, и вкратцѣ изрекъ сице: „г. митрополитъ требуетъ (меня) на совершеніе извѣстнаго вамъ дѣла, — простите мя всѣ православные христіяне и благословите и помолитеся о мнѣ грѣшномъ“. Послѣ этого, предписывалось, „тотчасъ“ изыти и поспѣшать въ митрополію „за каноны и для прочаго правила къ завтрашнему поставленію во діакона“ [196]).

Предписаніе съ такимъ подробнымъ наставленіемъ, какъ Семенъ Петровъ долженъ былъ отправиться въ митрополію

---

195) Черновое письмо, собственноручно писанное Павломъ, въ *Бѣлокр. арх.* при дѣлѣ. Любопытно, что третій пунктъ, о избраніи по жребію, испещренъ въ рукописи множествомъ поправокъ: видно, что Павелъ очень старался выяснить этотъ вопросъ липованамъ, особенно въ приложеніи къ настоящему дѣлу, и что очень затруднялся въ разъясненіи. А выяснить климоуцкимъ липованамъ этотъ вопросъ онъ находилъ необходимымъ потому, что къ жребію и самъ прибѣгалъ неоднократно, напр. при избраніи намѣстника Кирилла, на что̀, какъ онъ предполагалъ, могли указать ему требовавшіе — избрать попа по жребію.

196) Черновое же, Павловой руки, въ *Бѣлокр. арх.* при дѣлѣ.

на посвященіе, было сдѣлано безъ сомнѣнія въ виду смутныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ его избраніе на священническую должность. Въ слѣдующій день, „маія 25, во обрѣтеніе честныя главы Предотечи“, Кириллъ дѣйствительно рукоположилъ Семена Петрова въ діаконы, а 20, „въ день Вознесенія Христова“, — во священника[197]). 6 іюня новопроизведенный климоуцкій попъ, „отстоявъ уреченную службу въ монастырѣ при церкви и съ подлежащею грамотою ему и *особо обществу о принятіи его,* отправленъ (изъ митрополіи) на свою парохію“[198]).

Обличительнымъ противъ Павла Давыдова митрополичьимъ посланіемъ къ климоуцкому дворнику, которое было прочитано публично „при полномъ собраніи“, торжественнымъ, по особому чину, отбытіемъ Семена Петрова на поставленіе, съ испрошеніемъ „прощенія и благословенія“ отъ собранныхъ въ церковь прихожанъ, наконецъ особою грамотою отъ Кирилла къ климоуцкому обществу „о принятіи“ новопоставленнаго попа, инокъ Павелъ надѣялся прекратить въ этомъ обществѣ раздѣленіе и вражду нѣкоторыхъ противъ новаго попа, и даже противъ митрополіи. Но Павелъ ошибся въ расчетѣ. Противники Семена Петрова и не думали смириться; напротивъ, обличительное противъ нихъ посланіе митрополита къ дворнику, публично прочитанное, только усилило ихъ вражду и къ попу, и къ митрополіи. Изъ ихъ среды распространялись даже слухи, что Кириллъ поставилъ Семена Петрова за деньги, а въ день поставленія Василій Осиповъ въ насмѣшку назвалъ его не „владыкой“, а „лайдыкой“. Когда же новопоставленный попъ, „отстоявъ уреченную службу“, явился „въ свою парохію“, то Павелъ Давыдовъ съ товарищами не только не приняли его, но и отправили въ митрополію новый

---

197) Такъ именно надписано Павломъ на дѣлѣ о Семевѣ Петровѣ; подъ этими числами значится его поставленіе и въ *Памятникѣ*, гдѣ упомянуто также, что рукоположеніе совершалъ Кириллъ, и что Семенъ Петровъ „на парохіальнаго священника предъизбравъ своимъ *общебратствомъ*“ (№№ 129 и 130).

198) Такъ именно записано въ *Памятникѣ* (№ 130).

протестъ, новое письмо, состоявшее изъ трехъ же пунктовъ, какъ бы въ соотвѣтствіе присланной Кирилломъ на имя дворника обличительной противъ нихъ грамотѣ. Отказываясь принять новопоставленнаго попа, они указывали въ свое оправданіе 1) то, что Кириллъ поставилъ имъ попа, не примирившись съ ними, а прямо въ гнѣвѣ на нихъ, который ясно обнаружилъ въ письмѣ на имя дворника, публично прочитанномъ, 2) то, что онъ отвергъ предложенный ими способъ избранія попа жребіемъ, тогда какъ этотъ способъ избранія освященъ примѣромъ Апостоловъ и употребляемъ былъ самимъ митрополитомъ Амвросіемъ, и 3) указывали на то, что Семенъ Петровъ самъ желалъ и искалъ поповства, и значитъ Кириллъ хотѣлъ удовлетворить его желаніе, а не желаніе общества. Все это, — и поведеніе Павла Дывыдова съ товарищами при поставленіи попа Семена, и упорство ихъ въ непринятіи поставленнаго попа, и новое письменное оправданіе этого упорства, — все это привело инока Павла въ крайнее негодованіе, и немедленно же по полученіи письма онъ сочинилъ отъ имени Кирилла грозный отвѣтъ. Въ немъ отразилось очень ясно то неспокойное, раздраженное состояніе духа, въ какое приведенъ былъ Павелъ столь очевиднымъ выраженіемъ со стороны липованъ пренебрежительнаго отношенія нетолько къ попамъ новаго бѣлокриницкаго поставленія, но и къ самой бѣлокриницкой митрополіи, равно какъ явнымъ обнаруженіемъ ихъ притязаній на господство и надъ попами и надъ архіереями новаго поставленія. Павелъ не удержался въ этомъ отвѣтѣ даже отъ неприличныхъ, бранныхъ выраженій, забывши, что писалъ отъ имени митрополита и унижалъ его самого этими выраженіями. „Епистолія“ климоуцкихъ „крамольниковъ“ получена была 8 іюня; а на другой день уже послана была сочиненная Павломъ отвѣтная на нее грамота. Вотъ что говорилось въ этой грамотѣ „верховнаго Бѣлокриницкаго святителя климоуцкому почтенному жителю Павлу Давыдову съ нѣкоторыми малыми единомышленники“ [199]):

[199]) Черновая, собственноручно писанная Павломъ, въ *Бѣлокр. арх.* Она испещрена поправками. Между прочимъ зачеркнуто слѣдующее

„Во вчерашній день, т.-е по недѣли Духа Святаго, представили вы мнѣ вѣдѣніе, въ трехъ пунктахъ состоящее, которое мы обстоятельно просмотрѣвъ, не мало удивляемся и недоумѣваемъ, не инымъ, но тебѣ, Павелъ Давыдовичъ! Ибо не дивно намъ на Максима, который уже обыклъ крамолить еще издавна, то-есть при прежнихъ дьякахъ и при покойномъ священникѣ Захаріи, кольми паче нынѣ, когда желалъ представить въ попы своего сына. Не дивно намъ и Степана Карабета, ибо то же самое относится, и прежнее и нынѣшнее, понеже онъ самъ хотѣлъ той степени достигнуть. Недивно и о Васичкѣ Осиповомъ, аки о молодой крапивѣ, понеже у него столь попранная совѣсть, что даже превзошла выше безпоповцевъ, ибо самые безпоповцы въ день посвященія вашего священника называли меня владыкой, а онъ не усрамился даже предъ изувѣрами вопреки поносить меня лайдыкой (чему есть самослышащіе свидѣтели). Но вотъ дивно намъ паче всѣхъ о тебѣ, Павелъ Давыдовичъ, что ты, кажется, почтенный мужъ и не имѣешь тѣхъ причинъ, а паче всѣхъ раздоръ творишь въ людехъ и противоборствуешь верховному своему пастырю и отцу своему духовному. Вина твоего жестосердія не иначе, какъ, по самой очевидности, показуетъ тя быти полубезпоповца.

Послѣ такого вступленія слѣдовалъ разборъ всѣхъ трехъ пунктовъ епистоліи климоуцкихъ раздорниковъ.

„Въ первомъ пунктѣ, относя на лицо пастыря, овцы сыи, пишете сице: „Поставили попа,—будетъ ли се угодно Богу? Какъ писаніе гласит? — *Иди и смирися прежде, и тогда принеси даръ твой въ церковь*“. Доздѣ. Вскую лукавно и развращенно писаніе сказуете? Почто пропустили важное слово: *смирися съ братомъ*, а глаголете глухо: *иди, смирися?* Но съ кѣмъ велитъ писаніе смириться и кому то слово относится? О безчувственный! Сіе слово къ народу отъ Христа речено, а не къ пастырю; къ пастырю бо казнительное Христосъ предаде, сирѣчь жезлъ, и собою прикладъ показа, яко свивъ бичъ отъ вервія и изгоняше изъ церкви безчинныхъ. А вы, овцы сыи, похищаете судъ и санъ пастыря своего,— не только словами, но даже

мѣсто: „Вы въ своей ко мнѣ епистоліи отъ своего брюха написали, а святое писаніе оболгали,—глаголете: како святое писаніе тѣхъ укоряетъ, кто даетъ и кто принимаетъ, сирѣчь за исполненіе требъ. Но когда вы такъ проповѣдуете, то дайте мнѣ показаніе, именно гдѣ такъ есть написано“ и проч.

и письменно дерзать не срамляетеся! Еще же, отвѣщай ты мнѣ, яко предводитель развратникамъ, — напримѣръ, если твой сынъ восхощетъ противу твоего распоряженія что-либо по своей воли восприхотничать, и не получивъ, огнѣвается на тебя, то что̀ есть? — неужели ты долженъ, по вышереченному твоему отъ писанія доводу, кланяться и просить у сына прощенія, а безъ того не можешь и даръ принести къ церкви? О, крайнія вашея глупости и помраченія! При такихъ твоихъ лѣтахъ и предпочитаніи, како и что̀ ты возражаешь? Даже и самъ и не знаешь, но аки слѣпецъ, и овца сый, а лукаво учишь своего пастыря. Не стыдишилися?

„Во второмъ пунктѣ только и твердишь о жребіи; но уши свои заткнулъ отъ здраваго понятія и послѣдуешь слѣпо только своему непріязненному самомнѣнію, изъ единственной зависти ко Никитѣ, почто по его, а не по вашему содѣялось. Но писаніе гласитъ: *не на лица зрите*. Тѣмъ убо и мы взираемъ не на богатство и пожитки, но на усердіе человѣка и смиренную покорность къ своимъ наставникамъ, якоже завѣща св. Апостолъ Павелъ... А ты, почтенный Павелъ Давыдовичъ, при толикихъ твоихъ лѣтахъ не усрамился ослѣпленною своею прелестію дерзать на толикое беззаконное осу́жденіе своего по духу отца и архипастыря, якобы я дерзнулъ на симононію, сирѣчь говоришь: за карбованца поставилъ Симеона въ попы (о чемъ доносятъ мнѣ достовѣрные самослышатели отъ устъ твоихъ)! Это что значитъ? Въ какую ты зашелъ бездну самоосужденія со діяволомъ? Помысли, како писаніе гласитъ: Аще кто осудитъ простаго человѣка, рече Господь, антихристъ Ми есть. А ты осуждаешь противъ правой совѣсти отца твоего и Божія служителя, аще и грѣшенъ есмь Богу. Раскрой и прочитай Номоканонъ (приводится вполнѣ 121 правило Номоканона)... Но вскую ты со своими наушниками велерѣчишь о жребіи, а не укажешь не только отъ правилъ, ниже отъ примѣра, слыхано ль гдѣ, чтобы святитель поповъ поставлялъ по жребію?... А что указываете на св. Апостоловъ, они хотя по жребію избирали, но въ служеніе своего братства, а не въ пастыря, и уже не въ присутствіе своего Учителя; а вы имѣете своего пастыря, но не вѣруете. Да притомъ же Апостоли были вси единодушны и въ жребіи полагаемыя лицы были для всѣхъ ихъ равнопріемны; а у васъ нынѣ на выборъ Симеона всѣ подписались, на прочихъ же 50 лицъ желаніе не изъявили и не подписали: то возможно ли допустить такое дѣло въ жребій?... А что вы ссылаетесь на г. митрополита Амвросія, но вы заблудили

въ своемъ ослѣпленіи, ибо г. Амвросій никогда того сдѣлать и не помышлялъ, чтобы по жребію поповъ избирать. А что касается до жребія о епископахъ, о томъ вы вовсе не знаете ни силы, ни разуму. Ибо... всякій епископъ братъ есть и равенъ, яково же бысть равенство и во Апостолѣхъ .. Того ради и по жребію, якоже Апостоли, избираются отъ братіи своей, а не отъ подчиненныхъ мірянъ. Аще ли не обрящутся другіе достойно подобные, то даже и епископъ по благоусмотрѣнію старѣйшаго и съ согласія прочихъ поставляется безъ жребія...[200])

„А наконецъ, въ третьемъ пунктѣ, васъ замѣчаемъ тако: когда уже вы не находите правильной вины, чѣмъ опорочить безпорочнаго человѣка, реченнаго отца Симеона, тогда дерзаете инымъ видомъ, и не стыдитеся аки изъ комара представлять вола, сирѣчь выставляете самую безпорочность въ великій порокъ, яко Симеонъ самъ желалъ въ попы. А кто не желалъ изъ тѣхъ, которыхъ вы въ жребій сами назначили? Почто жъ дерзаете на мое лице писать съ укоромъ? Безстыжіи ваши лицы! Почто же вы не указали о томъ намъ, гдѣ именно въ писаніи есть запрещеніе, чтобы не избирать желающихъ, аще суть и достойни, на священной степень? Еда по васъ и св. Павелъ Апостолъ развращенно и не по Бозѣ училъ и въ своемъ посланіи написалъ сице: *аще кто епископства хощетъ, добру дѣлу желаетъ?* Тѣмъ убо и мы, смиренніи, желающаго не обвиняемъ, по апостольской заповѣди, только бы былъ достоинъ и къ святой церкви способенъ...

„Послѣ сего, — говорилось въ заключеніе, — я вѣмъ, что вы грѣха не боитеся; но поне не стыдитеся ли вступать не въ свое дѣло? — и ключъ писанія вземлете, а сами ни силы, ни разума не знаете, токмо огнь на свою главу собираете".

Своимъ знаніемъ писанія, своимъ краснорѣчіемъ и діалектическимъ искусствомъ Павелъ могъ, конечно, въ прахъ уничтожить невѣжественныхъ липованъ, дерзнувшихъ вступить въ литературное съ нимъ состязаніе; но всѣмъ этимъ, и особенно бранными словами, напрасно разсчитывалъ онъ прекратить раздоръ, возникшій въ обществѣ климоуцкихъ липованъ по поводу избранія и поставленія имъ въ попы Семена Петрова, и внушить противникамъ этого попа должное

---

[200]) Далѣе приводитъ правила (3 е 7-го вселенскаго соб. и др.), возбраняющія участіе мірскихъ властей въ избраніи епископа.

къ нему повиновеніе, равно какъ уваженіе къ самому Бѣлокриницкому митрополиту, съ которымъ вступили они въ пререканія: липоване не могли забыть въ попѣ Семенѣ своего прежняго собрата, съ которымъ обращались „полипованскиˮ, нерѣдко можетъ быть встрѣчаясь и въ корчмѣ, а въ самомъ Кириллѣ — Кипріяна Тимоѳеева, такого же липована, котораго и „владыкойˮ-то называть находили неудобнымъ...

Такимъ образомъ въ первыя же пять, или шесть лѣтъ по учрежденіи Бѣлокриницкой іерархіи Павлу приходилось со скорбію наблюдать повсюду, гдѣ успѣлъ онъ водворить ее, — и въ Молдавіи, и въ Турціи, и у себя въ липованскихъ селеніяхъ, — уже начавшіеся въ ней безпорядки, безчинія и беззаконія, служившіе обнаруженіемъ ея внутренней несостоятельности: старообрядческія общества не питали уваженія къ новому духовенству, а духовенство, и бѣлое, и черное, не исключая самихъ архіереевъ, только еще болѣе усиливало это неуваженіе къ нему своимъ поведеніемъ. Въ этомъ отношеніи для Павла особенно прискорбно было позорное дѣло Спиридонія. И не успѣлъ еще онъ развязаться съ этимъ дѣломъ, какъ пришли новыя, даже гораздо болѣе тревожныя и прискорбныя извѣстія изъ Россіи, откуда они были всего менѣе желательны, — извѣстія объ открытомъ возстаніи перваго, даннаго имъ для россійскихъ старообрядцевъ, епископа — Софронія, противъ новаго, прибывшаго изъ митрополіи, архіепископа — Антонія и противъ самой митрополіи.

18. Пріѣздъ Антонія въ Москву и первоначальная его дѣятельность въ Россіи. — Сношенія съ Софроніемъ.

Выѣхавъ изъ Бѣлой-Криницы 4-го февраля 1853 года и вступивъ благополучно въ предѣлы Россійскаго государства, новопоставленный Владимірскій архіепископъ Антоній направилъ путь не въ епархіальный свой городъ, гдѣ не было и старообрядцевъ австрійскаго согласія, а прямо въ Москву, гдѣ Рогожское Кладбище, издавна служившее средоточіемъ поповщинскаго раскола, становилось центральнымъ для Россіи мѣ-

стомъ и австрійской поповщины, такъ какъ попечители его и почетные прихожане изъ именитаго московскаго купечества, вмѣстѣ съ конторщикомъ Дмитріемъ Корнѣевымъ, съ самаго начатія дѣла объ іерархіи находились въ сношеніяхъ съ Бѣлой-Криницей. Въ Москву Антоній пріѣхалъ на сырной недѣлѣ и, явившись на Рогожское Кладбище, предъявилъ конторщику и попечителямъ свои документы, удостовѣрявшіе дѣйствительное производство его въ санъ Владимірскаго архіепископа и назначеніе — управлять всѣми церковно-іерархическими дѣлами у россійскихъ старообрядцевъ, пріемлющихъ австрійскую іерархію, т.-е. представилъ свою ставленную грамоту, Уставъ Владимірской архіепископіи и другіе документы. Надобно полагать, что инокъ Павелъ снабдилъ Антонія и рекомендательными письмами къ своимъ знакомымъ изъ вліятельныхъ прихожанъ Кладбища. Такъ какъ Софроній успѣлъ уже возбудить противъ себя большое недовольство среди старообрядцевъ, и особенно московскихъ, имѣвшихъ притязанія на руководство и управленіе дѣлами раскола, то новаго, присланнаго изъ митрополіи архіерея, притомъ произведеннаго въ санъ архіепископа, которому долженъ быть подчиненъ и Софроній, въ Москвѣ приняли благосклонно[201]). Правда, прошлое Антонія, его долговременное пребываніе въ ѳедосѣевскомъ безпоповщинскомъ расколѣ, его дѣянія на Преображенскомъ Кладбищѣ, о которыхъ ходили среди старообрядцевъ слухи даже съ прикрасами, должны были внушать нѣкоторое сомнѣніе относительно достоинствъ присланнаго изъ Бѣлой-Криницы новаго архіерея; но, съ другой стороны, то самое, что столь ревностный ѳедосѣевецъ, какимъ былъ Антоній, призналъ правильной новоучрежденную

---

[201]) Швецовъ, раскольническій біографъ Антонія, говоритъ именно, что Антоній „пріѣхалъ въ Москву *на сырной недѣлѣ*“ (*Брат. Сл.* 1883 г., стр. 156); а въ соборномъ дѣяніи по дѣлу Софронія (*Бѣлокр. арх.*) сказано: „архіепископъ Антоній по прибытіи своемъ въ столичный городъ Москву... объявилъ о себѣ подобающимъ образомъ главнымъ членамъ московской кладбищенской церкви и ими признанъ *по документамъ своимъ* въ достоинствѣ Владимірскаго архіепископа и принятъ съ достодолжнымъ уваженіемъ“.

старообрядческую іерархію, явился ея служителемъ и распространителемъ, многихъ сторонниковъ этой іерархіи могло даже особенно расположить въ его пользу. Дѣйствительно, среди старообрядцевъ оказалось не мало такихъ, которые до крайности удивлены были появленіемъ въ архіерейскихъ облаченіяхъ перекрещеннаго въ Хапиловскомъ прудѣ Андрея Ларивонова Шутова и отнеслись къ нему враждебно и презрительно[202]; но другіе не смущались прошлымъ Антонія, и скоро нашелъ онъ сторонниковъ и покровителей даже среди вліятельныхъ прихожанъ Рогожскаго Кладбища, — однимъ изъ первыхъ въ томъ числѣ былъ довольно извѣстный тогда московскій купецъ Ѳ. Я. Свѣшниковъ, у котораго впослѣдствіи Антоній имѣлъ надежный пріютъ. Безпоповцы же московскіе, узнавъ о переходѣ Антонія въ поповщину и о появленіи его въ Москвѣ подъ именемъ архіепископа Владимірскаго, отнеслись къ нему съ полнымъ презрѣніемъ и прервали всякія съ нимъ сношенія. Вообще, надежды Павла на то, что Антоній будетъ обращать безпоповцевъ въ послѣдователей австрійской іерархіи, оказались тщетными, равно какъ напрасны были опасенія, что безпоповцы являются врагами и преслѣдователями Антонія[203]). Опасность грозила ему не отъ безпоповцевъ, а совсѣмъ съ другихъ сторонъ.

Антоній пріѣхалъ въ Москву въ трудное для раскола время, когда императоръ Николай Павловичъ предпринималъ про-

---

[202]) Существуютъ появившіяся тогда и распространявшіяся литографированныя тетрадки (съ картинами), въ которыхъ описывались такія встрѣчи старообрядцевъ съ Шуговымъ, появлявшимся въ архіерейскихъ облаченіяхъ.

[203]) Швецовъ повѣствуетъ, будто именно „опасенія, какъ бы не послѣдовало отъ безпоповцевъ какого предательства по ихъ религіозному неистовству“, заставили Антонія уѣхать изъ Москвы и скрываться по разнымъ мѣстамъ (*Брат. Сл.* 1883 г., стр. 156) Но это неправда, — безпоповцы забыли и думать объ Антоніи; напротивъ, онъ самъ нерѣдко съ уваженіемъ вспоминалъ о безпоповствѣ, къ которому не прекращалось у него расположеніе, — даже поповцамъ поставлялъ иногда на видъ, какъ то, или другое „дѣлается *у насъ*, на Преображенскомъ“.

тивъ него рѣшительныя мѣры и шла уже рѣчь объ открытіи Единовѣрія въ самыхъ средоточіяхъ безпоповщинскаго и поповщинскаго раскола, на Преображенскомъ и Рогожскомъ Кладбищахъ. Понятно, что правительствомъ было обращено особое вниманіе на прибывшаго изъ-за границы новаго раскольническаго архіерея, какъ только получились о немъ извѣстія, и вскорѣ же послѣдовало распоряженіе о принятіи надлежащихъ мѣръ къ его задержанію. У раскольниковъ имѣлись надежныя, испытанныя средства ослабить силу этого распоряженія и оградить Антонія отъ бдительнаго надзора полицейскихъ властей, и средства эти были щедро употребляемы; но тѣмъ не менѣе пребываніе Антонія въ Москвѣ грозило ему большими опасностями, такъ что, проживши здѣсь со всѣми предосторожностями великій постъ и недѣлю Пасхи, онъ уѣхалъ изъ Москвы и началъ укрываться по разнымъ мѣстамъ, — проживалъ большею частію въ рощѣ у какого-то лѣсника и въ деревнѣ Большой-Дворъ (Богород. у.), откуда по ночамъ пріѣзжалъ въ Москву и ѣздилъ въ другія мѣста для служеній и для поставленія поповъ, о чемъ особенно заботился, слѣдуя конечно наставленію Павла. Въ числѣ многихъ, поставленныхъ имъ въ первый же годъ по пріѣздѣ изъ Бѣлой-Криницы поповъ былъ и сдѣлавшійся очень вліятельнымъ впослѣдствіи московскій попъ Петръ Ѳедоровъ Драгуновъ, крестьянинъ той самой деревни Большой-Дворъ, гдѣ Антоній часто скрывался[204]). Во время своихъ разъѣздовъ и особенно являясь въ Москву Антоній, въ видахъ предосторожности, обыкновенно надѣвалъ крестьянское платье, носилъ парикъ и употреблялъ другіе способы для сокрытія своей личности[205]).

---

[201]) Швецовъ свидѣтельствуетъ, что Антоній „послѣ Пасхи уѣхалъ за 80 верстъ отъ Москвы въ рощу и тамъ проживалъ со сторожемъ въ сторожкѣ подъ видомъ банкротства, но по ночамъ часто выѣзжалъ оттуда для поставленія священниковъ“, и что онъ „большею частію проживалъ въ деревнѣ Большой Дворъ“ (*Брат. Сл.* 1883 г., стр. 156 и 216).

[205]) По разсказу Швецова, преслѣдованія Антонія со стороны русскаго правительства начались еще въ то время, когда онъ ѣхалъ

Вообще, внѣшнее положеніе Антонія въ первое время по пріѣздѣ его изъ Бѣлой-Криницы въ Россію было трудное и опасное; но не въ этомъ заключалось главное, здѣсь ожидавшее его, огорченіе. Внѣшнія невзгоды, особенно преслѣдованія со стороны правительства, отъ которыхъ притомъ всегда умѣлъ онъ охранить себя, могли даже послужить ему, и дѣйствительно послужили, на пользу, доставивъ ему въ расколѣ репутацію гонимаго и страждущаго за вѣру. Другая и главная, ожидавшая его въ Россіи непріятность явилась не отвнѣ, а изъ самыхъ нѣдръ раскола, въ лицѣ перваго россійскаго епископа старообрядцевъ — Софронія, и грозила бѣдами не ему только — владыкѣ Антонію, а и всей новоучрежденной старообрядческой іерархіи.

Немедленно по пріѣздѣ въ Москву, явившись къ „главнымъ членамъ московской кладбищенской церкви“ и представивъ имъ свои удостовѣрительные „документы“, Антоній далъ извѣстіе и Софронію о своемъ пріѣздѣ, просилъ его пожаловать для личнаго свиданія, чтобы тогда и ему предъявить свои „документы“, въ томъ числѣ подлинный Уставъ новоучре-

---

въ Москву изъ Бѣлой-Криницы: кто-то будто бы хотѣлъ схватить его въ Каменецъ-Подольскѣ, потомъ, когда проѣхалъ Житомиръ, на каждой станціи будто бы спрашивали его, не встрѣтилъ ли онъ ѣдущаго раскольническаго попа, подъ которымъ будто бы разумѣлся самъ Антоній. И эти и дальнѣйшіе подробные разсказы Швецова о неудавшихся попыткахъ схватить Антонія, о спасеніи его отъ преслѣдованій то посредствомъ хитрости, то уже прямо чудеснымъ образомъ, при особомъ якобы покровительствѣ Божіемъ, носятъ очевидную печать если не совершеннаго вымысла, то явныхъ прикрасъ. Въ числѣ способовъ, къ какимъ прибѣгалъ Антоній, чтобы укрыться отъ сыщиковъ, самъ Швецовъ упоминаетъ о томъ, что онъ надѣвалъ мужицкое платье, носилъ въ карманѣ платокъ, намоченный водкой и обтирался имъ, чтобы выдать себя за пьянаго и т. п. (*Брат. Сл.* 1883 г., стр. 155—160; 212—219). А о томъ, что Антоній ходилъ въ парикѣ, упоминаетъ даже о. Онуфрій въ письмѣ къ Кириллу отъ имени молдавскаго духовенства: „Самый верховный святитель — Антоній въ какомъ образѣ ходитъ? Совершенно на своей головѣ носитъ чужіе волосы, съ какой-нибудь мертвой бабы обобраны“ (*Переписка*, вып. 3, стр. 277).

жденной Владимірской архіепископіи, который ему, согласно распоряженію митрополита, надлежало подписать Надобно полагать, что вмѣстѣ съ приглашеніемъ Антоній препроводилъ къ Софронію и привезенную изъ митрополіи грамоту на его имя, коею предписывалось ему „непремѣнно донести архіепископу Владимірскому господину Антонію“ о поставленномъ имъ, Софроніемъ, епископѣ, если таковый поставленъ, если же не поставленъ, то „удержаться“, предоставивъ сіе новому архіепископу, и предписывалось также „своеручно подписать Уставъ, учрежденный на архіепископію Владимірскую“ [206]). Софроній въ это время находился въ Москвѣ; но отъ свиданія съ Антоніемъ отказался, а относительно привезенныхъ имъ „документовъ“ объявилъ, что признаетъ ихъ фальшивыми, и немедленно уѣхалъ изъ Москвы, желая отклонить всѣ дальнѣйшія попытки Антонія къ личному съ нимъ свиданію. Вскорѣ потомъ, именно въ мартѣ мѣсяцѣ, онъ прислалъ Антонію обширное письмо съ изложеніемъ причинъ, почему не можетъ признать его въ санѣ архіепископа Владимірскаго и почему даже всѣ дѣйствія митрополіи по учрежденію архіепископіи Владимірской считаетъ незаконными. Письмо это онъ поручалъ Антонію препроводить подлинникомъ въ Бѣлую-Криницу, къ самому Кириллу [207]). Понятно, что

---

[206]) См. выше, гл. 12.

[207]) Въ „соборномъ постановленіи“ по дѣлу Софронія именно говорится, что когда Антоній пріѣхалъ въ Москву, тогда и Софроній „имѣлъ тамъ пребываніе по предоставленному ему временному управленію надъ христіанскими епархіями“, и что когда Антоній извѣстилъ о себѣ Софронія, „прося для союза церковнаго и общей пользы убѣдительнѣйшимъ образомъ съ нимъ лично видѣться“, то Софроній, „какъ видно, подстрекаемый завистію и любоначаліемъ, исполнившись безмѣстныхъ капризовъ, сочелъ всѣ его (Антоніевы) документы фальшивыми и возведя къ нему, архіепископу самому, буйственное, неосновательное подозрѣніе, отъ свиданія съ нимъ совершенно отказался и немедленно выѣхалъ изъ Москвы съ намѣреніемъ, чтобъ и впредь съ нимъ не видаться; между же тѣмъ, дабы показать какой ни есть предлогъ къ таковому непріязненному поступку, составилъ архіепископу Антонію пространное письмо и наполнилъ оное сопротивныхъ

Антоній былъ очень смущенъ такой враждебной встрѣчей отъ Софронія. Если и не могъ онъ, основываясь на томъ, что̀ слышалъ въ Бѣлой-Криницѣ о Софроніи, разсчитывать на особенную благосклонность и вполнѣ мирныя отношенія со стороны этого послѣдняго, то все-же никакъ не ожидалъ отъ него столь рѣшительнаго, очевидно подготовленнаго и заранѣе обдуманнаго противодѣйствія, направленнаго притомъ и противъ самой митрополіи[208]).

Дѣйствительно, къ начатой по поводу Антоніева пріѣзда въ Москву борьбѣ съ митрополіей Софроній приготовился заранѣе.

19. Постепенное обнаруженіе враждебныхъ отношеній Софронія къ Бѣлокриницкой митрополіи: дѣло казанскаго попа; посылка въ митрополію недоумѣнныхъ вопросовъ; вызовъ Арсенія и пребываніе его въ Москвѣ.— Поставленіе Виталія и письмо къ Антонію.

Явившись первымъ и единственнымъ въ Россіи старообрядческимъ епископомъ австрійскаго поставленія, получивъ притомъ изъ митрополіи дозволеніе единолично поставлять и другихъ епископовъ россійскимъ старообрядцамъ, Софроній возымѣлъ мысль стать во главѣ самостоятельной, независи-

---

извѣтовъ и вопросовъ, по коимъ считалъ себѣ невозможнымъ сблизиться съ нимъ, Антоніемъ, по дѣламъ церковнымъ, тѣмъ болѣе, что и самую митрополію зазиралъ во введеніи разныхъ новшествъ и ересей, посему и требовалъ отъ него, архіепископа, чтобы онъ сіи извѣты сообщилъ митрополіи для изложенія на оные оправданія и требуемыхъ отвѣтовъ".

[208]) Любопытно, что раскольническій біографъ Антонія — Швецовъ, приведя множество анекдотическихъ сказаній о томъ, какъ искусно Антоній, якобы хранимый чудодѣйственно, спасался отъ преслѣдованій правительства, ограничился самой краткой и неточной замѣткой о начавшейся вскорѣ же по пріѣздѣ его въ Москву открытой враждѣ къ нему со стороны Софронія и о возникшихъ потомъ безпорядкахъ и безчиніяхъ въ австрійской іерархіи (*Брат. Сл.* 1883 г., стр. 302—304). Такимъ историкамъ, какъ Швецовъ, разумѣется, не желательно излагать событія, позорящія сію іерархію; а долгъ правдивости и добросовѣстности въ изложеніи исторіи для нихъ не существуетъ.

мой отъ бѣлокриницкаго митрополита россійской старообрядческой іерархіи, — наставить для Россіи архіереевъ и поповъ съ обязательствомъ, чтобы находились въ подчиненіи только ему одному, а съ митрополіей Бѣлокриницкой прервать всѣ сношенія. Оттуда, изъ митрополіи, онъ не вынесъ, очевидно, особаго къ ней уваженія. Самого митрополита Кирилла, какъ полнаго невѣжду, онъ ставилъ ни во что и даже не стѣснясь писалъ о немъ впослѣдствіи прямо въ митрополію, что „главный ея хозяинъ“ находится „въ слабомъ положеніи“. Павелъ же, котораго онъ именно считалъ и называлъ „правителемъ митрополіи“, могъ внушить ему въ указанномъ отношеніи только чувство соревнованія: если Павлу удалось устроить такое дѣло, какъ учрежденіе Бѣлокриницкой іерархіи, то почему же онъ, Софроній, при достаточномъ тоже умѣ и довольной начитанности, не можетъ осуществить замысла гораздо болѣе легкаго, — открыть особую, отдѣльную отъ митрополіи, іерархію въ Россіи, указавъ достаточныя, благословныя къ тому вины? Отъ такого возмущенія противъ митрополіи и лично противъ ея учредителя — Павла не могло удержать человѣка, подобнаго Софронію, чувство благодарности, какою онъ обязанъ былъ и къ митрополіи и особенно къ Павлу, главному виновнику его поставленія въ епископы. Напротивъ, воспоминаніе объ оказанной ему Павломъ услугѣ и о собственной винѣ передъ Павломъ, покровительство котораго онъ пріобрѣлъ посредствомъ обмана, — это непріятное воспоминаніе еще болѣе побуждало его разорвать связи и съ Павломъ и съ митрополіей. Если онъ медлилъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ посвятить еще одного, или двухъ епископовъ для Россіи и съ тѣмъ вмѣстѣ начать свои дѣйствія противъ митрополіи, то лишь потому, что личные матеріальные расчеты и интересы побуждали его возможно долѣе пользоваться выгоднымъ положеніемъ единственнаго въ Россіи старообрядческаго епископа, а также и потому, что сама митрополія еще не подавала удобнаго повода открыто возстать противъ нея. Извѣстная, сочиненная Павломъ, грамота Кирилла, въ которой выражалось нѣкоторое недовольство, что

Софроній не дѣйствуетъ по примѣру Іосифа пшеницедавца, не показываетъ особой ревности къ распространенію іерархіи, конечно, была ему непріятна; не могъ онъ не знать и того, что въ митрополію доходятъ жалобы на чинимые имъ поборы съ поповъ. Но грамота была написана въ самомъ миролюбивомъ духѣ, а по поводу жалобъ за поборы никакихъ замѣчаній изъ митрополіи еще не было, и потому предлоговъ, или поводовъ къ пререканію съ митрополіей пока еще не представлялось. Но ко времени Антоніева пріѣзда въ Москву, которымъ наносилось такое чувствительное пораженіе планамъ Софронія, у него накопилось уже достаточно данныхъ, чтобы начать рѣшительную борьбу съ митрополіей и ея „правителемъ“ Павломъ, а вмѣстѣ и съ назначеннымъ по распоряженію этого послѣдняго новымъ россійскимъ архіепископомъ, которому осмѣлились даже подчинить его[209]).

Одного изъ своихъ поповъ, именно казанскаго Трофима, за разные его проступки — совершеніе незаконныхъ браковъ, отреченіе отъ сана предъ свѣтскою властью, за предательство — Софроній подвергъ запрещенію; а такъ какъ къ этому времени Трофимъ еще и овдовѣлъ, то Софроній, основываясь на постановленіи Стоглаваго собора, потребовалъ, чтобы онъ постригся въ монахи[210]). Трофимъ обратился съ жалобой на

---

[209]) Свѣдѣнія объ излагаемыхъ далѣе происшествіяхъ заимствуются главнымъ образомъ изъ находящагося въ *Бѣлокриницкомъ архивѣ* дѣла о Софроніи. Оно состоитъ изъ слѣдующихъ документовъ: а) „Изложеніе митр. Кирилла, предуготовительное къ соборному суду“, б) „Объясненіе“ инока Павла, в) Формальное требованіе къ Софронію“, г) Посланіе изъ митрополіи къ Антонію (всѣ эти документы черновые, собственноручно писанные Павломъ), д) „Соборное опредѣленіе“ Софронію (черновое же, писанное Кононовомъ).

[210]) Проступки попа Трофима самъ Софроній изложилъ въ одномъ изъ „вопросовъ“, посланныхъ имъ въ митрополію. Въ вопросѣ 8-мъ онъ именно писалъ: „О противозаконныхъ поступкахъ казанскаго попа Трофима, обвѣнчавшаго въ Филипповъ постъ бракъ, близъ праздника Рождества Христова: предъ начальствомъ отзывался, что онъ не поповствуетъ, сирѣчь своего священническаго имени отрицался, при сломаніи въ Казани часовни требовалъ отъ прихожанъ освященные сосуды съ угрозой — буде не выдадите, то докажу начальству,

Софронія въ митрополію и, повидимому, не упоминая о главныхъ винахъ, за которыя былъ запрещенъ, указывалъ особенно на требованіе — идти въ монастырь, которое находилъ весьма тяжелымъ и отъ котораго просилъ его избавить[211]). Это было въ 1851 году. 9-го іюля этого года Павелъ собственноручно написалъ и отправилъ по почтѣ къ Софронію письмо, въ которомъ совѣтовалъ ему разрѣшить попа и дозволить, чтобы онъ попрежнему служилъ въ приходѣ. Письмо это инокъ Павелъ написалъ отъ имени Кирилла и Онуфрія, хотя съ Кирилломъ, какъ видно по ходу дѣла, и не думалъ по обычаю, совѣтоваться, зная, что никакого совѣта онъ дать не можетъ[212]). А такъ какъ письмо отправлялось по почтѣ, то изъ опасенія, что оно „можетъ быть открыто, попавши

и по выдачѣ ему доставилъ въ еретическія ихъ руки: то что съ нимъ дѣлать? А какъ онъ уже овдовѣлъ, то въ случаѣ къ постриженію слѣдуетъ ли ему сдѣлать уступку, и какую именно"? Достойно замѣчанія, что предшествовавшій 7-й вопросъ имѣлъ тѣсную съ 8-мъ связь — въ немъ спрашивалось: „если овдовѣетъ священникъ, или діаконъ, дозволить ли ему священнодѣйствовать въ міру?"

211) Софроній въ одномъ изъ писемъ упоминаетъ именно о „происках" Трофима, обратившагося съ жалобой въ митрополію.

212) Въ „Изложеніи" (въ 9-й ст.) отъ имени Кирилла было написано Павломъ: „Было тогда *наше имянное* приказаніе касательно казанскаго попа, сирѣчь о вдовствѣ его, чтобы по нынѣшнимъ у васъ обстоятельствамъ не постригать, аще самъ не пожелаетъ, ибо у васъ и въ монастырѣ жить попамъ не позволяютъ, то убо лучше вдовому попу въ мірскомъ обществѣ по нуждѣ находиться, нежели черному. Вотъ о семъ только предметѣ *вѣроятно* и Павелъ вамъ тогда объяснялъ, что именно митрополитъ такъ написать приказалъ". Любопытно, что все это объясненіе въ черновомъ „Изложеніи" зачеркнуто, и въ бѣловые экземпляры должно быть не вошло. Это былъ, очевидно, щекотливый пунктъ въ „Изложеніи", которое пришлось сочинять Павлу, и употребленное здѣсь отъ имени Кирилла слово „вѣроятно" показываетъ, что Кириллу неизвѣстно было, какъ и что писалъ Павелъ Софронію о казанскомъ попѣ, и значитъ о дѣлѣ этомъ Павелъ не докладывалъ Кириллу, не совѣтовался съ нимъ, хотя и писалъ отъ его имени. А такъ какъ изъ приведеннаго объясненія это ясно обнаружилось бы и Софроній могъ бы имъ воспользоваться въ обличеніе Павла, то объясненіе это и было зачеркнуто.

въ руки внѣшнихъ (что̀ и случалось)“, Павелъ, по обычаю, все содержаніе его изложилъ „подъ завѣсою коммерціи“, а подпись Кирилла, въ виду тѣхъ же опасеній, сдѣлалъ „не точнымъ его именемъ“, но такъ, что „для незнакомаго показуетъ (не Кирилъ, а) Кириловъ отъ закрученія конца“, также „и у епископа имя на концѣ было закручено, да показуется чужимъ не Ануфрій, а Ануфріевъ“[213]). Все въ тѣхъ же видахъ предосторожности Павелъ, какъ самъ сознавался впослѣдствіи, сдѣлалъ эти подписи своею рукою, но, разумѣется, приближаясь къ дѣйствительному почерку Кирилла и Онуфрія. Въ этомъ, неожиданно полученномъ, письмѣ Софронію представился первый удобный поводъ — показать митрополіи свою самостоятельность. Здѣсь нашелъ онъ со стороны митрополита и его руководителя прямое нарушеніе одного изъ правилъ Стоглаваго собора, на которое самъ напротивъ могъ твердо опереться, а также незаконное вмѣшательство въ его собственныя епископскія дѣла произвольнымъ отмѣненіемъ учиненнаго имъ, какъ епископомъ, суда надъ подвѣдомымъ ему священникомъ. Кромѣ того, зная существующіе въ митрополіи порядки и ту власть, какую присвоилъ себѣ Павелъ въ распоряженіи церковно-іерархическими дѣлами, онъ былъ увѣренъ, что все написанное Павломъ отъ имени Кирилла написано безъ всякаго съ этимъ послѣднимъ сношенія, что и самую подпись митрополита Павелъ очевидно поддѣлалъ самъ. Все это Софроній нашелъ достаточнымъ основаніемъ, чтобы выразить митрополіи свое недовольство полученнымъ отъ Павла письмомъ и несогласіе — подчиниться изложенному въ немъ требованію относительно попа Трофима. Письмо это, снявши съ него копію, онъ отправилъ подлинникомъ обратно въ митрополію, безъ всякихъ объясненій, какъ не заслуживающее вниманія, — „безъ отвѣта и безъ надписи“, — отправилъ съ нарочнымъ посломъ, которому поручилъ объяснить тамъ, что̀ значитъ это возвращеніе письма въ подлинникѣ и даже объявить о сомнѣніи относительно подлинности Кирилловой

213) Такъ писалъ самъ Павелъ въ своемъ „Объясненіи“.

подписи подъ нимъ. Хотя посланный, говоря о поддѣлкѣ подписи, будто бы и самъ „горѣлъ отъ стыда за таковое самомнѣнное подозрѣніе“, однако его посольство кончилось побѣдой Софронія: прежнее требованіе относительно попа Трофима Павлу пришлось взять назадъ, и было, напротивъ, „поневолѣ послано отъ митрополіи въ отношеніи разрѣшенія того священника другое распоряженіе, согласное съ правилами и волею запретившаго“[214]).

Съ тѣмъ ли же посланнымъ, или съ другимъ, но уже по полученіи Павлова письма отъ 9-го іюля 1851 г., писаннаго въ защиту попа Трофима, Софроній отправилъ въ митрополію „вопросы и прошенія о самонужнѣйшихъ церковныхъ вещахъ“[215]). Что побудило Софронія написать ихъ и послать въ митрополію? Какую при этомъ имѣлъ онъ цѣль? Повидимому, вопросы были написаны искренно; Софроній какъ будто желалъ именно получить отъ свѣдущихъ и авторитетныхъ въ митрополіи лицъ разрѣшеніе встрѣчавшихся ему на практикѣ затруднительныхъ вопросовъ и, какъ свидѣтельствовалъ потомъ самъ Павелъ, „пріятельски просилъ посовѣтовать ему въ его многихъ недоумѣніяхъ“. Но съ другой стороны, принимая во вниманіе характеръ Софронія, его вы-

---

214) Подлинныя слова Софронія.

215) Трудно съ точностью опредѣлить, съ кѣмъ и когда именно посланы были Софроніемъ „вопросы и прошенія“. То обстоятельство, что въ числѣ вопросовъ подъ 8 цифрою, значится упомянутый выше вопросъ „о противозаконныхъ поступкахъ казанскаго попа Трофима“ показываетъ, повидимому, что они писаны и посланы еще до полученія Павлова письма отъ 9 іюля 1851 г. въ которомъ именно говорилось объ этомъ попѣ; но самъ Софроній, въ письмѣ къ Антонію, замѣчаетъ, что Павлово письмо о попѣ Трофимѣ писано „прежде сего“, — прежде отвѣтовъ на недоумѣнные вопросы, и что отвѣты были привезены Арсеніемъ, который выѣхалъ изъ митрополіи, какъ въ точности извѣстно, 9 окт. 1852 года (*Памят.* № 99). Значитъ, „вопросы и прошенія“ посланы Софроніемъ уже по полученіи Павлова письма отъ 9 іюля 1851 г; а вопросъ о попѣ Трофимѣ могъ быть помѣщенъ въ числѣ ихъ для полученія повторительнаго, на основаніи правилъ, отвѣта на него, или былъ написанъ, какъ и прочіе вопросы, задолго до отправленія и только не исключенъ изъ нихъ при отсылкѣ.

сокое о себѣ мнѣніе, какъ о человѣкѣ не менѣе Павла свѣдущемъ въ церковныхъ канонахъ, способномъ поэтому рѣшать всякіе недоумѣнные вопросы, и особенно имѣя въ виду, какъ отнесся онъ потомъ къ полученнымъ изъ митрополіи отвѣтамъ, съ бо́льшею вѣроятностію можно утверждать, что, наружно прикрываясь искреннимъ желаніемъ получить разрѣшеніе недоумѣнныхъ якобы вопросовъ, онъ написалъ и послалъ ихъ въ митрополію съ лукавымъ намѣреніемъ — вызвать Павла на какія-либо неосторожныя по поводу ихъ сужденія, въ которыхъ могъ бы найти поводъ къ отдѣленію отъ митрополіи за принятыя ею новшества. На подобный исходъ дѣла Софроній могъ смѣло разсчитывать, ибо во время своего, хотя и кратковременнаго, пребыванія въ митрополіи имѣлъ возможность замѣтить, что Павелъ и его ближайшіе сотрудники, увлекаясь своимъ авторитетомъ въ расколѣ, дозволяли себѣ въ отправленіи церковныхъ службъ и въ сужденіи о религіозныхъ вопросахъ нѣкоторое, недозволительное съ строгой старообрядческой точки зрѣнія свободомысліе, даже нѣкоторое пренебреженіе къ укоренившимся въ расколѣ обычаямъ, мнѣніямъ и правиламъ.

Итакъ, Софроній написалъ и послалъ на рѣшеніе бѣлокриницкимъ думнымъ людямъ, съ искусительною цѣлію, „вопросы и прошеніи о самонужнѣйшихъ церковныхъ вещахъ“. Всѣхъ „вопросовъ и прошеній“ было двадцать[216]. Изъ нихъ полу-

[216]) Противъ послѣдняго вопроса стоитъ цифра 21; но 18-й вопросъ тщательно выскобленъ, и потому вопросовъ осталось только 20. Подлинникъ ихъ находится въ *Бѣлокр. арх.* Они писаны собственноручно Софроніемъ на бѣлой сторонѣ полулиста, другая сторона котораго занята сдѣланными рукою Алимпія выписками изъ „Пращицы“, „Изъясненія литургіи“ (изд. 1814 г.) и другихъ книгъ — о путевомъ антиминсѣ, устройствѣ его, надписи, какая на немъ должна быть. Софроній ссылался на эту Алимпіеву выписку въ 9-мъ вопросѣ, который изложенъ такъ: „Поелику священниковъ снабжать полотняными церквами опасно, потому что переносить и перевозить и разставлять ихъ въ домахъ страшно, то непремѣнно нужно каждому изъ нихъ имѣть путевой антиминсъ по образцу, выданному здѣсь отцомъ Алимпіемъ;

чилъ особое значеніе слѣдующій, третій по счету, вопросъ, который и самъ Павелъ почелъ за главный:

„Состоящіе на службѣ старообрядцы имѣютъ слабость брить бороды, иные въ чаяніи чиновъ и наградъ, другіе за страхъ начальства, третьи по собственной волѣ, вслѣдствіе чего одни говорятъ, что слѣдуетъ принимать ихъ на общеніе, ибо они на службѣ, другіе сіе отвергаютъ, утверждая, что слѣдуетъ ихъ исповѣдывать и пріобщать (если покаются) только предъ смертію. Принимая въ соображеніе, что брадобрійцы именуются еретическими слугами, то не грѣшно ли намъ будетъ молиться съ таковыми, принимать на исповѣдь, сподоблять ихъ причастія и прочихъ святынь? Впрочемъ прошу вашего соборнаго разрѣшенія, принимать ли впредь здоровыхъ брадобрійцевъ на исповѣдь и сподоблять ли ихъ причастія, или отлагать исполненіе сего до смертнаго случая? Или здравому, вычитавъ чинъ отъ ересей, дать исповѣдь, — и какъ есть на службѣ онъ и неотложно вскорѣ въ томъ же брадобритіи долженъ быть по его смыслу“[217]).

благоволите разсмотрѣть и сообщить намъ, такъ ли пишется мною на путевыхъ антиминсахъ надпись, съ которой дана ему (?) копія“. Очевидно, Софроній имѣлъ разговоръ объ антиминсахъ съ Алимпіемъ, пріѣзжавшимъ въ Россію, когда получилъ отъ него и упомянутыя выписки.

217) Прочіе вопросы касались подобныхъ же, встрѣчавшихся на практикѣ, затрудненій, — особенно устройства церквей и походныхъ антиминсовъ (1, 5, 9, 15) и т. п. Изъ нихъ по искусительности любопытенъ слѣдующій: „Если православный священникъ, въ смертномъ случаѣ, не имѣя купели, рѣшится окрестить кого обливаніемъ и, муромомазавъ, окончитъ крещеніе по порядку, но впослѣдствіи крещенный такимъ образомъ отъ православнаго нашего священника оздравѣетъ, что остается священнику тому дѣлать съ нимъ? такъ ли оставить его въ судьбахъ Божіихъ, или изнова крестить“ (вопр. 4-й)? И еще: „Нѣкто черноризецъ 45 лѣтъ, который для церкви оказалъ и оказываетъ великія услуги словомъ и дѣломъ, многихъ вывелъ изъ сомнѣнія, утвердилъ селы, города, на Уралѣ вразумилъ боляръ и болярынь и казаковъ, доселѣ мятущихся, что не во свое время архіерейство, а которые и за обливаніе (т.-е. за подозрѣваемое обливаніе Амвросія); онъ былъ много лѣтъ въ монастырѣ на Иргизѣ при игуменѣ Силуянѣ казначеемъ. По великому и обширному уму его, а также не менѣе сего и по смиренномудрію всѣ его уважаютъ, слушаютъ и желаютъ имѣть пастыремъ. Онъ, по отнятіи монастыря, за

Посылая въ митрополію на рѣшеніе свои „вопросы“, Софроній просилъ кромѣ того, чтобы ему прислали кого-либо

непоколебимость въ вѣрѣ содержался около году подъ арестомъ, 9 лѣтъ не давали паспорта ему на выѣздъ и не дозволяли никуда отлучаться отъ своего города, а волосы стригла полиція, архіерей великороссійскій въ каждый его пріѣздъ уговаривалъ его отступить, но не поколебалъ И сей черноризецъ имѣлъ тѣлесный грѣхъ, съ разными въ черничествѣ пался. И предлагаю сіе собору обсудить съ христіанскою любовію, — во уваженіе великихъ нашихъ нуждъ нѣтъ ли возможности учинить ему снисхожденіе, не въ примѣръ прочимъ, то-есть постричь его въ иночество и рукоположить во священника, хотя бы съ какимъ ограниченіемъ“ (вопр. 20)? И положительное и отрицательное рѣшеніе этихъ вопросовъ могло дать Софронію поводъ къ обвиненію митрополіи въ нарушеніи каноновъ и правилъ, строго чтимыхъ старообрядцами. Кромѣ „вопросовъ“ есть дѣйствительно и „прошеніи“. Изъ нихъ любопытны слѣдующіе: а) „Бываютъ случаи, — приходятъ къ православной церкви отъ еретикъ и раскольниковъ, то-есть отъ великороссійской церкви, единовѣрцевъ ея, безпоповцевъ, діяконцевъ и лужковцевъ; но какъ церковь наша по обстоятельствамъ доселѣ не имѣетъ основнаго чинопріема на тѣхъ и другихъ, кромѣ *разногласящихъ тетрадокъ*, которыя для употребленія признавая весьма недостаточными, молю соборнѣ разсудить о семъ и изложить чинопріемы на каждыхъ отдѣльно, и тѣмъ пресѣчь разногласіе единожды навсегда, — каковая книга должна быть составлена съ указаніемъ на священное писаніе, въ выноскѣ на поляхъ, со всею подробностію“ (2). Заботы о чинопріемникахъ и впослѣдствіи занимали старообрядцевъ, а Софроній, воспользовавшись неимѣніемъ таковыхъ, сталъ потомъ утверждать, что и Антонія въ митрополіи приняли изъ безпоповщины неправильно подъ одно муропомазаніе. с) „Необходимо написать и прислать опроверженіе противу недугующихъ, ибо одни говорятъ, что по времени не должно быть архіерейству, другіе твердятъ за обливаніе (Амвросія), иные презираютъ за то, что посвящаютъ въ санъ невѣждъ мужиковъ и необразованныхъ, и заключить сіе опроверженіе тѣмъ, сколь вредно отвергать священноначаліе, для чего посылается на благоусмотрѣніе ваше книжица“ (12). Весьма любопытны содержащіяся здѣсь указанія существовавшихъ тогда возраженій противъ австрійской іерархіи со стороны самихъ „недугующихъ“ сомнѣніемъ поповцевъ. О какой посылаемой книжицѣ упоминаетъ Софроній — неизвѣстно. Не было ли это его собственное сочиненіе? в) „Благоволите написать и прислать чинъ трехъ архіерейскихъ литоргій, всенощнаго архіерейскаго бдѣнія, и чинъ святыхъ

изъ священниковъ бѣлокриницкихъ для ближайшаго указанія и руководства въ отправленіи церковныхъ службъ согласно существующему въ митрополіи чину, — и просилъ, чтобы прислали именно священноинока Арсенія, который пользовался въ митрополіи нѣкоторымъ значеніемъ, какъ поставленный въ діаконы еще самимъ митрополитомъ Амвросіемъ[218]). Уже то одно, что Софроній, три съ половиной года прослуживши въ санѣ епископа, проситъ изъ митрополіи руководителя, который показалъ бы ему, какъ надобно отправлять церковныя службы по чину, соблюдаемому въ митрополіи, показываетъ, что онъ дѣйствовалъ здѣсь съ преднамѣренною цѣлію, — желалъ не учиться у митрополичьяго посла, а подмѣтить, такъ сказать, на самой практикѣ какія-либо принятыя и употребляемыя въ митрополіи несогласія съ изложенными въ древлепечатныхъ Служебникахъ и Потребникахъ, особенно чтимыми въ старообрядчествѣ чинами и обрядами, чтобы поставить эти несогласія въ вину митрополіи и въ достаточный поводъ къ отдѣленію отъ нея. Арсеній, котораго онъ имѣлъ возможность узнать во время своего пребыванія въ Бѣлой-

---

хиротоній, отъ низшей до высшей степени“ (16). Просьба о присылкѣ „чина хиротоній“ имѣла, какъ увидимъ, особое значеніе. г) Любопытно наконецъ слѣдующее прошеніе (подъ № 19): „Попекитесь купить и прислать двѣ греческихъ Кормчихъ, на что̀ прилагаю 100 руб. серебра“.

218) Въ письмѣ къ Антонію Софроній упоминаетъ: „За нѣсколько мѣсяцевъ передъ пріѣздомъ вашимъ вызывали мы просьбою нашею изъ митрополіи *для полученія службъ всей* кого-либо изъ свѣдущихъ, отца Савву, или Арсенія“ (*Переписка*, вып. 3, стр. 179). Но Софронію было потомъ замѣчено, что „просьба была именно за одного Арсенія, а о Саввѣ отнюдь и спомину вовсе не было: на сіе есть неоспоримое доказательство“ (*Изложк.*, ст. 2). Объ Арсеніи въ *Памятникѣ* находимъ слѣдующія записи: 24 нояб. 1846 г. поставленъ Амвросіемъ въ діаконы (№ 7); въ 1849 г. 6 янв., вскорѣ по отъѣздѣ Софронія изъ митрополіи, произведенъ въ архидіаконы (№ 67); 1-го октября 1851 г. — „во пресвитера, т.-е. священноинока“ (№ 99). О Саввѣ: 20 іюля 1848 г. Кирилломъ поставленъ въ діаконы (№ 48), 23 апр. 1851 г. — въ священника и отправленъ въ Мануиловскій монастырь (№ 96), а 1 окт. того же года „прибылъ обратно“ (№ 102).

Криницѣ, быть можетъ, казался ему особенно подходящимъ для этой цѣли человѣкомъ, имѣющимъ наклонности къ новшествамъ.

Хотя непріятное дѣло о попѣ Трофимѣ, въ которомъ пришлось сдѣлать уступку Софронію, и особенно выраженное этимъ послѣднимъ подозрѣніе о поддѣлкѣ кирилловской подписи, побуждали инока Павла соблюдать особую осторожность въ сношеніяхъ съ Софроніемъ, однако онъ нашелъ нужнымъ отвѣтить на его „вопросы и прошеніи“, равно какъ удовлетворить его просьбу о присылкѣ Арсенія, не подозрѣвая здѣсь какихъ-либо козней съ его стороны; „хотя по малоумію моему, — говорилъ онъ впослѣдствіи, обращаясь къ Софронію, — но обаче по искренности къ вашему вспомоществованію отъ чистой совѣсти, елико Богъ вразумилъ, написать вамъ по усердствовалъ“. Такъ какъ предполагалось не медлить отправленіемъ Арсенія въ Россію и съ нимъ именно послать Софронію требуемые отвѣты, то при составленіи ихъ Павелъ не входилъ въ подробныя и пространныя объясненія, въ чемъ и извинялся[219]). На всѣ ли вопросы отвѣчалъ Павелъ и что̀ именно

[219]) Такъ относительно отвѣта на вопросъ о брадобріяхъ, который признавалъ онъ главнымъ, Павелъ впослѣдствіи, въ своемъ „Объясненіи“, обращаясь къ Софронію, писалъ, что не изложилъ его подробно „по случаю, что ожидаемая оказія *время не терпѣла*, о чемъ тогда же я вамъ извинился, — посмотрите въ отвѣтѣ объ антиминсахъ“. Также и отъ имени Кирилла (въ „Изложеніи“, ст. 9) писалъ: „О семъ предметѣ (о брадобріяхъ) *никакого сужденія у насъ не было по скорому случаю отправляющейся къ вамъ оказіи*, а только по просьбѣ вашей на сей предметъ соотвѣтствовать приказано отъ меня было нашимъ членамъ, кто что̀ можетъ, каждый да откроетъ *покороче* прямо къ вамъ свое мнѣніе въ помощь вашего соображенія. И знаю, что писалъ вамъ не одинъ Павелъ, но еще и епископъ, а что̀ именно они къ вамъ писали, *я доселѣ даже не слыхалъ*“. Это мѣсто въ „Изложеніи“ однако зачеркнуто Павломъ. Онъ нашелъ, очевидно, неудобнымъ такое откровенное признаніе, что Кириллъ митрополитъ даже и не зналъ, что̀ отвѣчено на вопросы Софронія, а въ дѣйствительности едва ли знакомъ былъ и съ самыми вопросами. Для насъ въ настоящемъ случаѣ приведенныя слова имѣютъ значеніе, какъ свидѣтельство, что отвѣты были написаны Павломъ поспѣшно и довольно кратко.

отвѣчалъ, равно какъ всѣ ли „прошеніи“ Софронія исполнилъ и какъ именно исполнилъ, остается неизвѣстнымъ[220]). На главный же вопросъ о брадобріяхъ, по собственному его объясненію, отвѣтилъ такъ:

„На оное вопрошеніе въ моемъ отвѣтѣ отчасти разныя вины были прописаны, яко требуется весьма опаснаго разсмотрѣнія и тонкаго разсужденія, въ числѣ томъ и сіе слово мною сказано: *мнится ближайшее сему предмету свойство о соображеніи въ разсужденіи скопцовъ.* Сирѣчь: какъ вольные скопцы воистину яко еретики подъ чинъ пріемлются (понеже у нихъ имѣется такая особая и ересь), уже и во священный санъ внити таковымъ вовѣки возбраняется; а невольные скопцы, хотя той же грѣхъ имутъ, но зане такой ереси не мудрствующіи, токмо неволею искажены, таковые съ покаяніемъ пріемлются и во священный санъ допускаются. Или якоже различіе есть о убійцахъ вольныхъ и невольныхъ, и ратныхъ. Тѣмъ убо и о брадобрійцахъ не тако просто поступать подобаетъ, якоже въ Россіи нѣкіи весьма слабо мнятъ, за вину службы ихъ легко извиняютъ и спроста къ причащенію принимаютъ, а другіе тѣхъ же но жестоко отягощаютъ, сирѣчь православнаго вѣрою и по насилію обритаго равно еретику, или идоломъ пожершему причитаютъ, тако подъ чинъ принимаютъ, и потомъ, дондеже браду не отроститъ, и при смертномъ случаѣ отъ святаго причастія возбраняютъ, и даже поминовенія и погребенія по немъ творить запрещаютъ. На таковое въ Россіи мудрованіе мои заключительныя слова, въ отвѣтъ написанныя, суть слѣдующія: *Тѣмъ убо ни первыхъ, ни послѣднихъ судъ право намъ не мнится быти; среднихъ же въ вопросѣ семъ не видится, что̀ самое наиболѣе нынѣ требуется. Впрочемъ конечно на сіе не возможно ограничиться, поелику разныя вины приключеній съ тѣми лицами бываемыя не могутъ исчислиться.* Доздѣ мой отвѣтъ за скопцовъ“.

Такимъ образомъ Павелъ въ своемъ отвѣтѣ о невольныхъ брадобріяхъ желалъ пройти среднимъ путемъ между двумя крайними мнѣніями объ нихъ, существовавшими у старообрядцевъ и указанными въ Софроніевомъ вопросѣ: онъ желалъ оказать имъ снисхожденіе, приравнивая ихъ къ не-

220) Черноваго списка отвѣтовъ, къ сожалѣнію, въ Бѣлокриницкомъ архивѣ не оказалось.

вольнымъ скопцамъ и убійцамъ, тогда какъ самъ Софроній, очевидно, требовалъ строгаго примѣненія къ нимъ опредѣленій Стоглаваго собора о брадобрійцахъ, которые признаются здѣсь еретиками, и по смерти не достойными христіанскаго погребенія и поминовенія. Такимъ свободнымъ, пренебрежительнымъ отношеніемъ къ авторитету Стоглаваго собора Павелъ давалъ Софронію оружіе противъ себя.

Отвѣты для доставленія по принадлежности вручены были Арсенію, который 9-го октября 1855 года и выѣхалъ изъ Бѣлой-Криницы[221]). Въ Россіи пробылъ онъ до половины января 1853 года. Въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ онъ состоялъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Софроніемъ. Первая же встрѣча между ними не обошлась безъ непріятности Арсеній, по порученію Павла, передалъ отъ имени послѣдняго упрекъ Софронію за подозрѣніе въ поддѣлкѣ Кирилловой подписи на извѣстномъ письмѣ о попѣ Трофимѣ, прибавивъ, что даже посолъ его, Софроніевъ, „сгорѣлъ отъ стыда“, передавая въ митрополіи такую клевету на уважаемаго всѣми отца Павла, — и это Арсеній говорилъ Софронію на Рогожскомъ Кладбищѣ, въ присутствіи конторщика Дмитрія Корнѣева. Этимъ, конечно, онъ не могъ расположить къ себѣ Софронія, и безъ того уже настроеннаго къ нему недружелюбно. Привезенные Арсеніемъ Павловы отвѣты Софроній принялъ также подозрительно и старался отыскать въ нихъ поводъ къ обвиненію митрополіи въ мнѣніяхъ, противныхъ древлеправославію. Такой поводъ и нашелъ онъ именно въ от-

221) Въ *Памятникѣ* подъ этимъ числомъ записано: „отправленъ по дѣламъ митрополіи“ (№ 99). И самъ Софроній писалъ Антонію, что приглашалъ Арсенія изъ митрополіи за нѣсколько мѣсяцевъ до его (Антоніева) пріѣзда изъ Бѣлой-Криницы въ Москву; и ниже: „Арсеній за три мѣсяца только присланъ былъ къ намъ до пріѣзда Владимірскаго архіепископа“ (*Переписка*, вып. 3, стр. 179 и 184). Отъ октября 1852 г., когда пріѣхалъ въ Москву Арсеній, до февраля 1853 г., когда пріѣхалъ въ Москву Антоній, прошло, дѣйствительно, три полныхъ мѣсяца. Значитъ, въ *Памятникѣ* подъ словами, что Арсеній „отправленъ по дѣламъ митрополіи“, разумѣется именно отправленіе его въ Россію по приглашенію Софронія.

вѣтѣ о брадобріяхъ. Какъ истый ревнитель Стоглаваго собора, столь чтимаго старообрядцами, онъ усмотрѣлъ еретичество въ мнѣніи Павла, что невольныхъ брадобріевъ можно принимать въ церковное общеніе и допускать до причастія по примѣру невольныхъ скопцовъ и убійцъ. Принявъ къ свѣдѣнію столь удобный предлогъ для обвиненія противъ митрополіи, онъ сталъ наблюдать съ особой внимательностью за самимъ Арсеніемъ, не найдетъ ли чего сомнительнаго въ его сужденіяхъ и дѣйствіяхъ, — особенно слѣдилъ за нимъ во время церковныхъ службъ, какъ онъ будетъ править ихъ согласно съ существующими въ митрополіи чинами, которые и присланъ былъ указать, — наблюдалъ, не окажется ли въ этихъ чинахъ какого отступленія отъ древнихъ, искони принятыхъ и употребляемыхъ старообрядцами. Арсеній дѣйствительно сдѣлалъ Софронію нѣсколько указаній и наставленій, какъ нужно дѣйствовать согласно существующимъ въ митрополіи чинамъ. Такъ, по словамъ самого Софронія, онъ велѣлъ „съ начала всенощнаго бдѣнія, въ *Слава святый*, креста кадиломъ не творить и въ великій выходъ, *Премудрость, прости, Свѣте тихій*, тоже креста кадиломъ не творить“; и еще „народъ въ прокименъ не кадить на клиросы“; также „за литургіей, во время выхода, иконъ на царскихъ вратахъ не цѣловать“. Находя въ этихъ указаніяхъ отступленіе отъ древнихъ чиновъ, обдержно соблюдаемыхъ старообрядцами въ монастыряхъ и на Рогожскомъ Кладбищѣ, Софроній сдѣлалъ объ этомъ замѣчаніе Арсенію, и спрашивалъ его: откуда взято въ митрополіи такъ дѣйствовать, какъ онъ требуетъ? Арсеній будто бы отвѣтилъ: „такъ дѣлаетъ отецъ Алексій Лужковскій, изъ великороссійскихъ, а мы по его“, и обижался, что Софроній его не слушаетъ, — „говорилъ предстоящимъ, что вызвали учить, а не слушаютъ, буду жаловаться на это въ митрополію“. Въ отмѣнѣ столь важныхъ, по его мнѣнію, чиновъ, какъ изображеніе креста кадиломъ въ указанное время, кажденіе предстоящихъ при возглашеніи прокимна, цѣлованіе иконъ на маломъ выходѣ, а равно и въ самой ссылкѣ на попа Алексѣя Лужковскаго, человѣка подозрительнаго въ глазахъ старо-

обрядцевъ, и именно потому, что онъ былъ лужковскимъ попомъ (хотя въ то время былъ уже постриженъ Кирилломъ въ священноиноки и возведенъ въ санъ игумена), — во всемъ этомъ Софроній нашелъ новый удобный предлогъ къ обличенію митрополіи въ отступленіяхъ отъ древняго благочестія. Но особенно возмутился онъ, или притворился возмущеннымъ, когда примѣтилъ ужасное якобы новшество, допущенное Арсеніемъ даже въ отправленіи чина литургіи. Вотъ какъ, съ напускнымъ, повидимому, ужасомъ разсказывалъ объ этомъ самъ Софроній:

„По причащеніи тѣла Христова и боготворящей крови Арсеній отеръ уста свои, поцѣловалъ потиръ и зачиталъ вслухъ стихъ необычный: *се прикоснуся устомъ моимъ,* и прочая до конца. Я вслушался и говорю (значитъ, разговоръ происходилъ тутъ же у престола, во время службы): что ты это читаешь? Онъ говоритъ: стихъ. — Какой это? — Онъ повторилъ его. Я говорю: какъ же въ Служебникѣ его нѣтъ? А онъ утверждаетъ: у насъ читаютъ! или: мы читаемъ! Такъ я и умолчалъ, предполагая въ мысли своей справиться о семъ въ Служебникахъ другихъ выходовъ. И послѣ сего старался я отыскать и видѣть, гдѣ этотъ стихъ писанъ; но, пересматривая Служебники разныхъ патріарховъ, не нашелъ, и весьма смущаюсь. Между тѣмъ и еще случилось служить съ нимъ, и полагалъ: онъ не будетъ его читать, — тогда онъ видѣлъ, что *я* смутился объ этомъ стихѣ нововымышленномъ. И какъ къ этому время стало приближаться, *внутренность моя стала трепетать и душа смущаться,* потому что весьма этотъ стихъ не по совѣсти. Итакъ причастился я, потомъ и ему подалъ изъ чаши владычней, и онъ принялъ, отеръ уста, поцѣловалъ потиръ, и читалъ этотъ же стихъ, только потише и попоспѣшнѣе. А обличить, или удерживать не смѣю, по писанію. И такъ совершили литургію. Паки я началъ со всевозможностью отъискивать, но не нашелъ. *Горюю, смущаюсь и даже терзаюсь.* Но на мысль пришло еще посмотрѣть въ новомъ Чиновникѣ, печатанномъ при императорѣ Александрѣ 1-мъ. Получа оный, началъ въ немъ пересматривать, и нахожу и вижу, — эвтотъ стихъ: *се прикоснуся* и проч. есть въ новомъ Чиновникѣ! И болѣе уже смутился отъ сего, и старался отселѣ прекратить со Арсеніемъ службу и причащаться. Но еще разъ, въ необходимости, въ дальнемъ городѣ, служили вмѣстѣ, и

какъ стало приближаться къ причащенію, *сдѣлался я въ великомъ трепетѣ, и даже вострепетала вся внутренность моя отъ страха,* — представляется на мысль, что не съ еретикомъ ли я причащаюсь. Воздыхаю: Господи! потерпи, не погуби, не порази мене! отселѣ не буду съ нимъ служить и пріобщаться! Боюсь, не подпасть бы страшному Божію мщенію и нестерпимому наказанію"[222]).

По открытіи такого ужаснаго новшества, принесеннаго Арсеніемъ изъ Бѣлой-Криницы, Софроній почиталъ уже себя достаточно сильнымъ, чтобы выступить, когда придетъ время, на борьбу съ митрополіей. Арсеній былъ ему больше не нуженъ: онъ пересталъ съ нимъ служить и даже началъ обращаться очень сурово. Между тѣмъ и Арсеній разузналъ о Софроніи кое-что весьма неблагоприличное. Такъ напримѣръ оказалось, что онъ состоитъ въ очень близкихъ отношеніяхъ къ нѣкоей „молодой старицѣ", вѣроятно изъ числа скитницъ Рогожскаго Кладбища, у которой въ кельѣ имѣлъ постоянный пріютъ, или, какъ многозначительно выразился инокъ Павелъ, „пріятную квартиру", пріѣзжая въ Москву. У этой же „старицы" привиталъ вмѣстѣ съ Софроніемъ и Арсеній, когда оба они находились въ Москвѣ, и Софроній поручилъ ей имѣть наблюденіе за Арсеніемъ, даже иногда запиралъ его у ней въ келіи подъ предлогомъ охраны отъ внѣшнихъ властей, а въ сущности за тѣмъ, чтобы воспрепятствовать его сношеніямъ съ московскими старообрядцами. Въ концѣ декабря и Софроній и Арсеній были въ Москвѣ; но 1 января 1853 г. Софроній уѣхалъ и болѣе уже съ Арсеніемъ не видался; Арсеній же на нѣкоторое время оставался еще въ Москвѣ. Живя именно подъ надзоромъ „молодой старицы", въ ея кельѣ, онъ надумалъ подъ праздникъ Богоявленія секретно сходить въ Успенскій соборъ, посмотрѣть здѣсь торжественное праздничное богослуженіе. „Старица" узнала объ этомъ и послала

---

222) Всѣ приведенныя здѣсь и далѣе подлинныя слова Софронія заимствуются изъ письма его къ Антонію (*Переписка*, вып. 3, стр. 178—188).

доносъ Софронію, прибавляя при томъ, что Арсеній „похвалялъ и одобрялъ“ видѣнный въ соборѣ богослужебный порядокъ. У Софронія прибавился чрезъ это новый предлогъ къ обвиненію бѣлокриницкихъ учителей въ наклонности къ „никоніанству“. Наконецъ, нашелся и еще поводъ къ тому. Арсеній просилъ Софронія — за понесенные имъ труды по поѣздкѣ въ Россію наградить его наперснымъ крестомъ, при чемъ объяснилъ, что давать такія награды въ митрополіи принято за обычай. Быть можетъ по предложенію самого Софронія онъ собственноручно написалъ даже и грамоту на крестъ, которую оставилъ Софронію для подписи, а серебряный наперсный крестъ купилъ въ Москвѣ, чтобы надѣть, когда получитъ отъ Софронія грамоту. Грамоты Софроній не подписалъ, а засвидѣтельствованный Арсеніемъ обычай митрополіи давать въ награду наперсные кресты принялъ къ свѣдѣнію, какъ обычай новый, заимствованный отъ „никоніянъ“, на который также можно указать въ подтвержденіе, что митрополія заразилась новшествами.

Итакъ Софроній нашелъ уже достаточно предлоговъ для борьбы съ митрополіей, когда явится въ томъ надобность, — и она явилась скоро. Не прошло и мѣсяца по отъѣздѣ Арсенія изъ Москвы, какъ сюда прибылъ Антоній и прислалъ Софронію приглашеніе явиться на личное съ нимъ свиданіе. Отъ свиданія съ Антоніемъ Софроній, какъ мы уже сказали, рѣшительно отказался. Тогда же получивъ отъ Антонія митрополичью грамоту, которою возбранялось ему далѣе пользоваться предоставленнымъ прежде правомъ самостоятельно поставлять епископовъ для Россіи и требовалось „своеручно подписать Уставъ, учрежденный на Владимірскую архіепископію“, и вмѣстѣ съ этой грамотой получивъ копію самаго „Устава“, онъ увидѣлъ, что пришла пора выступить противъ митрополіи, въ защиту своей самостоятельности, такъ какъ учрежденіемъ Владимірской архіепископіи и назначеніемъ архіепископа для Россіи разрушались всѣ его планы и надежды на верховенство въ россійской старообрядческой іерархіи, — и онъ отважно вступилъ въ борьбу какъ съ митро-

поліей, такъ и съ присланнымъ изъ митрополіи архіепископомъ россійскихъ старообрядцевъ.

Теперь, рѣшаясь на борьбу съ митрополіей, Софроній пожалѣлъ, конечно, что замедлилъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ поставить еще одного, или двухъ епископовъ для Россіи: въ союзѣ съ таковыми, какъ своими ставленниками, онъ удобнѣе и смѣлѣе могъ бы и начать и вести эту борьбу. Однако ошибку свою онъ находилъ возможнымъ поправить: нимало не стѣсняясь полученной изъ митрополіи грамотой, воспрещавшей ему ставить епископовъ по прибытіи Антонія, даже немедленно по полученіи этой грамоты, онъ поставилъ въ епископы нѣкоего Виталія, очевидно, преданнаго ему человѣка, но совершенно ничтожнаго, котораго могъ держать въ полномъ повиновеніи. Кто былъ этотъ Виталій, — природный ли старообрядецъ, поставленый Софроніемъ въ попы, или одинъ изъ бѣглыхъ раскольническихъ поповъ, этого не знали и въ Бѣлой-Криницѣ. Любопытно, что поставляя Виталія въ енископы, Софроній не назначилъ ему въ управленіе особой епархіи (хотя назвалъ его Новозыбковскимъ, какъ названъ былъ и Спиридоній), а оставилъ при себѣ въ качествѣ священника. Виталій былъ нуженъ Софронію только какъ безгласный и покорный союзникъ въ борьбѣ противъ митрополіи, а дѣлиться съ нимъ властію и доходами онъ, очевидно, не хотѣлъ и теперь.

Заручившись такимъ образомъ и союзникомъ-епископомъ, Софроній началъ открытую борьбу противъ митрополіи и новаго ея ставленника Антонія — именно упомянутою отсылкою къ этому послѣднему обширнаго письма, которое, по прочтеніи, требовалъ въ подлинникѣ препроводить въ Бѣлую-Криницу.

20. Содержаніе Софроніева письма къ Антонію. — Сношенія по поводу этого письма между Москвой и Бѣлой-Криницей.

Письмо Софронія представляло собою именно обвинительный актъ противъ Бѣлокриницкой митрополіи, изложенный по поводу назначенія и прибытія въ Москву новаго архіепи-

скопа россійскихъ старообрядцевъ. Въ началѣ Софроній обращается къ этому послѣднему, не желая однако называть его даже по имени, — излагаетъ ему причины, почему не нашелъ возможнымъ принять его приглашеніе — видѣться съ нимъ лично [223]).

„Прибывшую изъ чужихъ странъ духовную особу симъ увѣдомленіемъ достопочтеннѣйше имѣю честь почтить. По прибытіи вашемъ я не могъ видѣться съ вами и доселѣ; но не безъ скорби для меня сіе Причины же, каковыя не допустили до свиданія, имѣю вамъ о нихъ съ душевною признательностію изъяснить, какъ по самому званію и сану святительства моего и чистой совѣсти воображаю, аки предъ самимъ Всемогущимъ Богомъ моимъ: пріимите за истину и сущую правду".

Причины эти Софроній указывалъ именно въ соблазнительныхъ новшествахъ, въ противныхъ древлеправославію мнѣніяхъ и въ незаконныхъ дѣйствіяхъ митрополіи, дознанныхъ имъ изъ наблюденія надъ Бѣлокриницкимъ посломъ—Арсеніемъ, изъ присланнаго Павломъ письма и изъ самаго учрежденія Владимірской архіепископіи.

Начиналъ Софроній изложеніемъ новшествъ, замѣченныхъ за Арсеніемъ. „За нѣсколько мѣсяцевъ предъ пріѣздомъ вашимъ (т. е Антоніевымъ) вызывали мы просьбою нашею изъ митрополіи, для наученія службы всей, кого-либо изъ свѣдущихъ, отца Савву, или отца Арсенія, въ уваженіе коей прислали отца Арсенія, котораго встрѣтили и приняли съ почтеніемъ, — и потомъ, по долгу христіанскому, соборнѣ приступили къ бого-

---

[223]) Письмо Софронія напечатано нами въ 3 вып. *Переписки* (стр. 178—188) съ одной изъ разосланныхъ имъ копій, именно съ посланной Морковкину и отобранной у его родственника Князева. Текстъ ея вполнѣ согласенъ съ подлиннымъ, приводимымъ въ дѣлѣ о Софроніи, именно въ Кирилловомъ „Изложеніи". Въ *Бѣлокр. арх.* сохранился только одинъ, послѣдній листъ (на немъ помѣчено: *9 стр., 11 стр.)* подлиннаго письма, писаннаго на почтовой бумагѣ большаго формата: оно писано и подписано самимъ Софроніемъ весьма тщательно, красивымъ и разборчивымъ почеркомъ.

служенію". Такъ начиналъ Софроній; а затѣмъ описывалъ какъ Арсеній запрещалъ ему творить крестъ кадиломъ при началѣ всенощной и на входѣ, не велѣлъ кадить за прокимномъ, и особенно какъ онъ по причащеніи читалъ новый, изъ „никоніанскаго" Служебника заимствованный стихъ: *се прикоснуся* и проч. Объ этомъ послѣднемъ новшествѣ, которому усвоялъ особенную важность, Софроній, дѣлалъ заключеніе, что, по его мнѣнію, самъ Арсеній не могъ ввести его въ употребленіе, а научился ему, конечно, въ митрополіи, гдѣ его начали употреблять изъ подражанія „никоніянамъ": „И обмыслилъ я, — этотъ соблазнъ тяжкій для церкви и раздоръ умолчать до Алимпія, или до Павла (т.-е. до свиданія съ ними), — съ большими должно говорить и исправлять, а ему (Арсенію) умолчать. И размышляю доселѣ еще: когда это они ввели себѣ въ литургію стихъ новый? При рукоположеніи моемъ не было, (самъ я не читалъ) и не слыхалъ, да и при мнѣ ни разу Арсеній не служилъ. А если бы онъ теперь въ митрополіи не читалъ новаго Служебника стихъ, то не дорогою же, ѣхавши къ намъ, выучилъ его наизусть. Удивительно!" Далѣе онъ довольно замѣтно высказывалъ подозрѣніе, что этотъ „соблазнъ тяжкій", вмѣстѣ съ прочими новшествами, замствованъ митрополіей отъ лужковскаго попа Алексѣя: „да и о тѣхъ новостяхъ онъ (Арсеній) сказалъ, что такъ дѣлаетъ отецъ Алексѣй лужковскій изъ великороссійскихъ, а мы по сго". — „И за такими церковными соблазнами, — продолжалъ Софроній, — еще далъ онъ (Арсеній) о себѣ заключеніе", что онъ вообще зараженъ „никоніанскими" новшествами. Въ подтвержденіе такого „заключенія" Софроній указалъ именно на посѣщеніе Арсеніемъ Успенскаго собора въ навечеріе Богоявленія и на домогательство получить наперестный крестъ. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ онъ писалъ: „Но сей обычай украшать и награждать священниковъ — не православной церкви, и здѣсь, въ Россіи, утвержденъ только императоромъ Павломъ I-мъ, въ древнихъ же уставахъ церковныхъ и правилахъ нигдѣ не положено. Арсеній же увѣрялъ, что въ Бѣлокриницкой митрополіи обдержно многіе награждены

наперсными крестами, которые возлагаютъ по заамвонной молитвѣ во время литургіи, съ прочитаніемъ нововымышленнаго аттестата".

Переходя за симъ къ изложенію неправильныхъ мнѣній и дѣйствій инока Павла, „правителя митрополіи", Софроній писалъ:

„Еще Арсеній же принесъ изъ митрополіи за подписомъ и съ вѣдома митрополита сужденіе, писанное рукою правителя митрополіи Павла, о брадобріяхъ вольныхъ и невольныхъ, примѣненное къ скопцамъ, такъ какъ скопцы невольно приняты церковію въ сообщеніе, равно и въ разсужденіи томъ и брадобріи невольные принимаются церковію въ сообщеніе. Но подобнаго сужденія св. отецъ нигдѣ нѣтъ, а посему и согласиться не могу на принятіе въ сообщеніе невольныхъ брадобріевъ. Скопленіе есть вещь закрытая, и можетъ быть извѣстна одному тому лицу и духовному его отцу; а брадобритіе есть вещь открытая и всѣмъ видимая, можетъ весьма соблазнить православныхъ христіанъ, и при сообщеніи церковь сдѣлаетъ пріобрѣтеніе одного брадобрія, а тысящу расточитъ ненавидящихъ брадобритіе! Да и съ какою же совѣстью святитель будетъ причащаться чаши Господней и съ тѣмъ, кто имѣетъ явно на себѣ образъ еретичества? И размыслить опасно, какой будетъ поводъ христіанамъ къ брадобритію: не всякій христіанинъ можетъ различить добровольнаго съ невольнымъ брадобріемъ И таковый еретическій недугъ свободно разольется во все христіанство Хотя и сказано въ Евангеліи: *подобаетъ бо и соблазнамъ прiити; но обаче горе тому, имже внидетъ соблазнъ.* Да и по смерти брадобрія должно наравнѣ съ христіаны отпѣвать и поминъ творить. Все сіе вопреки будетъ св. отецъ правиломъ".

Не преминулъ Софроній повторить въ письмѣ и свое обвиненіе Павла въ поддѣлкѣ Кирилловой подписи, нимало не стѣсняясь сообщеніемъ Арсенія, что даже собственный его, Софроніевъ, посолъ „сгорѣлъ со стыда", когда въ митрополіи высказалъ такое его подозрѣніе противъ Павла:

„Прежде же сего, по происканъ неповинующихся вполнѣ правиламъ св. отецъ и святительской власти, о запрещенномъ по правиламъ священникѣ казанскомъ Т(рофимѣ), Павелъ изъ митрополіи рѣшился по силѣ написать оному священнику

разрѣшеніе, которое самъ подложно подписалъ почеркомъ руки г митрополита, и когда былъ обличенъ Павелъ въ томъ подлогѣ чрезъ Алимпія, тогда и поневолѣ прислано отъ митрополита въ отношеніи разрѣшенія того священника другое распоряженіе, согласное съ правилами и волею запретившаго".

И вотъ какъ заключалъ Софроній это свое изложеніе дознанныхъ имъ винъ за митрополіей:

„Послѣ таковыхъ *святотатственныхъ подлоговъ и подписовъ*, въ особенности происходящихъ (къ стыду и соблазну церкви Христовой) отъ правителя митрополи, какой правды будемъ ожидать и вѣроятности въ дѣлахъ, присылаемыхъ митрополіею? Таковыми ли должны быть опасные блюстители древнихъ отеческихъ законовъ церковныхъ? Дивлюся сему неосмотрительному распоряженію старѣйшинъ митрополіи, *каковымъ двувѣрамъ* поручаютъ важныя церковныя дѣла и посылаютъ посланниками въ другія страны для исправленія церковныхъ дѣлъ и ученія служителей Христовой церкви! Въ своей области епископъ есть стражъ и пастырь, долженъ неусыпно бдѣть, да не вмѣсто овецъ во дворъ овчій приведетъ козловъ и въ кожѣ овчей самыхъ волковъ.

„А посему паки обращаюсь къ вашей духовной особѣ. Такъ какъ онъ, Арсеній, былъ присланъ въ степени митрополитскаго посланника, но обнаружилъ въ себѣ вышеозначенные *неправославные соблазны церковные* и Павловы о брадобритіи сужденія и подложные подписы подали поводъ имѣть сомнѣніе и къ учрежденному уставу на Владимірскую архіепископію, въ справедливости онаго, и къ вашей духовной особѣ, какъ въ отношеніи вашего исповѣданія, равно и рукоположенія. Руководствуясь 33 правиломъ св. Апостолъ, предлагаю при семъ особые вопросы".

Эти особые вопросы имѣли значеніе обвинительнаго противъ митрополіи акта собственно за поставленіе Антонія, такъ какъ здѣсь, хотя и въ обычной у старообрядцевъ формѣ вопросовъ, представленны доказательства незаконности его поставленія въ архіепископы для россійскихъ старообрядцевъ и учрежденія Владимірской епископіи Главнымъ доказательствомъ поставлялось то, что митрополія, вопреки церковныхъ правилъ, совершила все это безъ сношенія и

предварительнаго на то согласія прочихъ, за границею обрѣтающихся, епископовъ, число которыхъ онъ возводилъ до четырехъ, неоднократно и настойчиво упоминая, что въ Россіи, кромѣ его, Софронія, есть и еще епископъ. Для того, чтобы имѣть возможность сослаться на двухъ россійскихъ епископовъ онъ и поставилъ, какъ мы сказали, незадолго предъ симъ Виталія. Въ виду особенной важности вопросовъ въ дѣлѣ Софронія приводимъ ихъ вполнѣ:

„1. Изъ полученной отъ васъ копіи мною Устава, учрежденнаго Бѣлокриницкою митрополіею, не видно, на основаніи какихъ правилъ именно оный Уставъ учрежденъ. Правило же 34 св. Апостолъ воспрещаетъ старѣйшему, рекше митрополиту, или архіепископу, безъ власти *всѣхъ епископовъ* ничтоже творити таковаго, полезнаго ради соединенія и соблюденія любви. Отъ *россійскихъ же епископовъ* воли на то не требовано, и не было.

„2. По какой причинѣ митрополія предварительно не испросила согласія на избраніе и поставленіе архіепископа Владимірскаго *отъ епископовъ россійскихъ*, ни личнаго, ни письменнаго? Правило же 1-го вселенскаго собора 4-е повелѣваетъ и не пришедшимъ сущимъ всѣмъ въ области епископамъ писаніемъ грамотъ сложитися на избраніе къ пришедшимъ епископамъ и судъ избранія творящимъ. И 19 пр. Антіохійскаго помѣстнаго собора, и Карѳагенскаго собора 40 правило, и 6-го вселенскаго собора правило 3 такожде повелѣваютъ.

„3. Архіепископъ Владимірскій поставленъ въ предѣлъ народу, находящемуся подъ властію епископа Симбирскаго, безъ воли его. Правило же 98 Карѳагенскаго собора повелѣваетъ въ таковые предѣлы поставлять епископа по воли того епископа, въ егоже области церковь та, инако не пріимутъ.

„4. Имѣла ли въ виду митрополія, при поставленіи Антонія во епископа, второе правило 1-го вселенскаго собора, въ толкованіи котораго сказано: „яко новокрещеннаго нѣсть достойно вскорѣ поставити епископа, или пресвитера, да не яко новопосажденъ ослѣпѣ, въ прегрѣшеніе падетъ и сѣть діаволю“. Если имѣла, то почему вопреки тому правилу новокрещеннаго поставили во архіепископа, что̀ сомнительно и противозаконно?[224])

[224]) Предлагая этотъ вопросъ, Софроній имѣлъ въ виду, что Антоній при переходѣ изъ безпоповства въ бѣлокриницкое согласіе, под-

„5 По какимъ правиламъ митрополія въ двухъ лицахъ, т.-е митрополита и епископа, Владимірскую архіепископію учредила и на оную изложила Уставъ, избрала и поставила и послала архіепископа, предварительно не согласившись съ своими архіепископомъ и епископомъ задунайскими и *двумя епископами,* въ россійскихъ предѣлахъ находящимися, противу апостольскихъ и соборныхъ правилъ? Покажите благословную вину. Ибо, какъ извѣстно, въ турецкія владѣнія, гдѣ пребываютъ архіепископъ и епископъ задунайскіе, безпрестанное имѣетъ сношеніе митрополія съ тѣми предѣлами. Также и въ Россію по нѣскольку разъ въ году присылаетъ митрополія за милостынею И Арсеній за три мѣсяца только присланъ былъ къ намъ до пріѣзда Владимірскаго архіепископа. Слѣдственно очень есть возможность предварительно сдѣлать сношеніе митрополіи съ другими епископами о таковомъ знаменитомъ событіи, въ церкви нашей сбывшемся. А по сему и нѣтъ никакой необходимости дѣлать таковыя дѣла двумъ лицамъ, безъ согласія *другихъ четырехъ епископовъ* въ нарушеніе всѣхъ правилъ.

„6. Могутъ ли таковыя учрежденія дѣлать, безъ согласія другихъ епископовъ, только два лица, проживающія въ митрополіи, сирѣчь митрополитъ и епископъ, безъ другихъ епископовъ, подвѣдомственныхъ митрополіи? Если могутъ, то покажите, на основаніи какихъ именно правилъ.

лежалъ, по его мнѣнію, вторичному крещенію, т.-е. принятію первымъ чиномъ. Правда, ему было уже извѣстно, что Антонія приняли въ Бѣлой-Криницѣ не по первому чину, а по второму, чрезъ мѵропомазаніе, — объ этомъ сообщалъ ему Арсеній (см. *Переписку,* вып. 3, стр. 177, въ письмѣ Софронія къ Свѣшникову), съ которымъ, очевидно, онъ имѣлъ уже рѣчь объ Антоніѣ, тогда еще только предназначавшемся въ епископы; но такое чинопріятіе онъ признавалъ неправильнымъ, и потому искусительно называлъ Антонія „новокрещеннымъ“, чтобы потомъ, когда ему скажутъ въ отвѣтъ, что Антоній не новокрещенный, а только новопомазанный мѵромъ, обвинить митрополію даже въ неправильномъ принятіи Антонія изъ безпоповства. И въ послѣдствіи онъ дѣйствительно указывалъ въ этомъ неправильномъ по его мнѣнію принятіи Антонія безъ крещенія одно изъ главныхъ основаній, почему не можетъ признать его законнымъ архіереемъ (См. тамъ же) Поэтому и въ вопросахъ, посланныхъ въ митрополію, онъ выражалъ, какъ мы видѣли, сожалѣніе, что нѣтъ чинопріемника, къ которому точно было бы опредѣлено, какимъ чиномъ принимать безпоповцевъ и другихъ иновѣрцевъ.

„7. Какія именно законныя причины побудили митрополію отстранить отъ участія въ учрежденіи Владимірской архіепископіи и въ избраніи и поставленіи на оную архіепископа, *задунайскихъ архіепископа и епископа и двухъ епископовъ россійскихъ,* и могу ли я на утвержденномъ уставѣ подписаться прежде архіепископа задунайскаго? Все сіе покажите на основаніи апостольскихъ и соборныхъ правилъ".

Изложивъ въ письмѣ эти вопросы, Софроній нашелъ нужнымъ вслѣдъ за тѣмъ привести разныя, хорошо знакомыя старообрядцамъ, обыкновенно приводимыя ими въ обвиненіе православной церкви за мнимое нарушеніе ею древнихъ чиновъ и обрядовъ, свидѣтельства святыхъ отецъ и старопечатныхъ книгъ, строго воспрещающія нарушать, или измѣнять церковныя установленія: эти свидѣтельства онъ привелъ теперь въ обличеніе и обвиненіе митрополіи, допустившей указанные имъ нарушенія древнихъ чиновъ и постановленій, и въ оправданіе своего противъ митрополіи возмущенія.

„Вникните опасно и прилежно, — писалъ онъ дальше Антонію, — во всѣ вышеприведенныя священныя св отецъ слова и обмыслите, какъ не быть мнѣ осторожну и осмотрительну, видя несохраненіе и неисполненіе священныхъ правилъ и законовъ церковныхъ, ктому же и обманы и возникающіе еретическіе между пшеницею плевелы и неправославныя мудрованія? Но не благоволи Богъ таковымъ укоренитися: неизреченнымъ своимъ промысломъ изобличаетъ, и несомнѣно вѣрую, что при самомъ началѣ оныхъ всесильною своею десницею исторгнетъ и очиститъ свою св. церковь отъ еретическихъ соблазновъ и сѣтей. Можетъ быть до прибытія (какъ я полагалъ о семъ молчать) Павла, или Алимпія вящшее бы зло возрасло; а теперь вмѣсто ихъ предварили вы своимъ прибытіемъ: то и спѣшу донести объ арсеніевыхъ дѣлахъ, присовокупляя при томъ и о прочемъ. И прошу вашу особу *о всемъ семъ довести до свѣдѣнія непремѣнно митрополіи Бѣлокриницкой и сообщить все вышеписанное въ подлинникѣ.* Также и за отсылкою сего письма къ вамъ, даю знать другому епископу, находящемуся въ Россіи, а равно и всему священству, съ проясненіемъ вышеписаннаго дѣла, дабы всѣмъ было вѣдомо для любовнаго соединенія въ дѣлахъ церковныхъ. А нѣкоторымъ уже и объявилъ, а наипаче отцу духовному

своему, кои удерживаютъ меня не сближаться съ вами, просятъ и умоляютъ слезно, и они дѣтей своихъ духовныхъ не благословляютъ. До полученія же отъ васъ изъ митрополіи особаго, помимо васъ самихъ, на мои объясненія и вопросы доказательнаго въ законности въ отношеніи вашего поставленія и учрежденія Владимірской архіепископіи отвѣтовъ и увѣдомленія, я не могу со всѣми рукоположенными мною съ вами имѣть соединеніе и подписать учрежденный Уставъ на Владимірскую архіепископію. Безъ подписа же моего вы не можете вступить въ дѣйствіе архіепископства во Владимірской архіепископіи, находящейся въ предѣлахъ моей епископіи, по вышеизложенному правилу 98 Карѳагенскаго собора, по силѣ данной мнѣ отъ митрополіи въ 1849 году генваря мѣсяца грамотѣ, въ которой изъяснено: „и вы тогда получите о томъ особое предувѣдомленіе“ Но я никакого не получилъ отъ митрополита о васъ предувѣдомленія“.

Препроводивъ письмо къ Антонію, Софроній дѣйствительно постарался распространить его въ копіяхъ („окружнымъ чиномъ“, какъ выражался Павелъ) среди старообрядцевъ, особенно московскихъ, чтобы отклонить ихъ отъ общенія съ Антоніемъ и поселить подозрѣніе относительно митрополіи. Такъ между прочимъ онъ послалъ копію письма нѣкоему Морковкину, котораго называлъ „мужемъ имущимъ разумъ просвѣщенный св. писаніемъ и духъ премудрости“, и просилъ его познакомить съ изложеннымъ въ письмѣ Ѳедора Свѣшникова, такъ какъ „онъ съ племянникомъ своимъ усиливается, съ прикрытіемъ означенныхъ новшествъ отъ всѣхъ христіанъ, онаго Антонія вторгнуть въ церковь Христову[225]).

Антоній былъ весьма смущенъ, увидѣвъ изъ письма Софронія, какого ожесточеннаго противника встрѣтилъ въ его лицѣ; самое же письмо, согласно требованію Софронія, призналъ необходимымъ послать въ митрополію, при чемъ съ своей стороны написалъ Павлу, какія смуты производитъ Софроній среди старообрядцевъ и какія позволяетъ себѣ противозаконныя дѣйствія. Надобно полагать, что тогда же послалъ онъ въ митрополію полученную отъ кого-то, собственноручно

[225]) См. *Перепис.* вып. 3, стр. 177, въ прим.

писанную Софроніемъ, тетрадку, въ которой содержались: а) выписки изъ книгъ „о возданіи чести духовнымъ“, гдѣ много говорится о обязанности прихожанъ давать съ усердіемъ доходы священникамъ, и б) копія изданнаго Софроніемъ „акта о составленіи церковнаго *капитала*“. Въ этомъ любопытномъ актѣ, составленномъ „по благословенію преосвященнѣйшаго епископа киръ С(офронія)“, говорилось, что капиталъ этотъ, „какъ часть Христова, долженъ быть *хранимъ и расточаемъ вышеупомянутымъ архипастыремъ*, а равно и премниками его, на поддержаніе бѣдствующихъ православныхъ церквей, на проѣзды по дѣламъ церковнымъ, на сооруженіе церквей и церковныхъ вещей, *на содержаніе архіереевъ* и недостаточествующихъ въ доходахъ священниковъ, а также и на жалованье діяконамъ, равно на пропитаніе вдовъ и сиротъ, и на прочіи случаи, на кои укажетъ духовная надобность“. Для составленія капитала, имѣющаго повидимому такое важное и полезное назначеніе, священники, „имѣющіе впредь отправлять въ Москвѣ, на Рогожскомъ Кладбищѣ, службы и требы“, обязывались „представлять его преосвященству отъ всего дохода своего половинное число, по тому уваженію, что здѣшній ручей прихода не въ примѣръ обильнѣй бѣжитъ прочихъ источниковъ; пребывающіе же въ иныхъ мѣстахъ должны доставлять къ нему отъ всего дохода своего третью токмо часть“. Подъ актомъ священники обязывались собственноручно подписываться, а солгавшимъ и преступившимъ это обязательство угрожалось участью Анании и Сапфиры „издшихъ предъ ногами св. Апостолъ“[226б]). Этотъ,

---

226) Любопытны заключительныя слова этого акта: „Приснаго же ради воспоминанія надписахомъ сей актъ руками нашими и вручихомъ его преосвященству на храненіе въ дому Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи честнаго и славнаго ея Успенія въ лѣто 7360. 7 рукоподписаній“. Софроніева тетрадка находится въ *Бѣлокр. арх.* На ней сдѣлана Антоніемъ слѣдующая надпись: „Посылаю къ вамъ для обсужденія оную Софронову тетрадь, чрезъ что произошло много зла. Она составлена изъ книги еретической Миръ съ Богомъ“.

собственноручно писанный Софроніемъ, актъ, не смотря на благонамѣренную повидимому цѣль его, могъ служить уликой противъ Софронія въ тѣхъ поборахъ съ поповъ, о которыхъ уже было извѣстно въ митрополіи: потому-то Антоній и препроводилъ его въ Бѣлую-Криницу. Письмо Софронія съ своими къ нему приложеніями Антоній не рѣшился посылать черезъ почту изъ опасенія, что оно будетъ прочитано и перехвачено, а отправилъ въ митрополію съ нарочитымъ посломъ. Въ тоже время и нѣкоторые изъ московскихъ старообрядцевъ, ставшіе на сторону Антонія, по прочтеніи Софроніева письма къ нему, послали въ митрополію жалобы на Софронія за чинимое имъ возмущеніе противъ архіепископа и съ своей стороны также извѣщали о разныхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ его, — о налогахъ на священниковъ, о приращеніи доходовъ процентами, объ освященіи какой-то церкви безъ совершенія всенощнаго бдѣнія и др. Такъ какъ письмо московскихъ старообрядцевъ было послано черезъ почту, то и пришло въ Бѣлую-Криницу гораздо раньше, чѣмъ явился туда Антоніевъ посолъ.

Отъ Арсенія, возвратившагося изъ Россіи, Павелъ зналъ уже о разныхъ притязаніяхъ Софронія и недружелюбныхъ отношеніяхъ его къ митрополіи[217]). Не могъ онъ поэтому надѣяться и на мирную встрѣчу его съ отправившимся изъ Бѣлой-Криницы Антоніемъ, у котораго долженъ былъ находиться въ нѣкоторомъ подчиненіи. Но полученныя отъ „московскихъ купцовъ“ вѣсти объ открытомъ возстаніи его противъ Антонія и митрополіи превзошли всѣ ожиданія Павла и причинили ему большое огорченіе. Онѣ были тѣмъ прискорбнѣе, что пришли въ такое время, когда Павелъ едва лишь успѣлъ развязаться съ непріятнымъ дѣломъ о Спиридоніи. Однако Павелъ еще думалъ и надѣялся подѣйствовать на Софронія убѣжденіями и просьбами о мирѣ, — 21 мая написалъ и послалъ къ нему „примирительное письмо“, въ

217) Арсеній передалъ ему даже, что Софроній не сталъ поминать митр. Кирилла за службами.

которомъ выражалъ свое сожалѣніе, что Софроній безъ всякой законной причины такъ немирно отнесся къ Антонію, и убѣждалъ его дѣйствовать въ союзѣ и согласіи съ этимъ послѣднимъ, если же усмотритъ въ его дѣйствіяхъ что-либо подающее поводъ къ „претензіи“, то обращался бы (какъ писалъ онъ подъ „покровомъ коммерціи“) не къ „Борадатову, а къ главному хозяину“[228]).

„Примирительное письмо“ Павла ни мало не умирило Софронія, напротивъ ожесточило еще болѣе. Увидѣвъ изъ него, что въ митрополіи еще не читали его пространнаго письма къ Антонію съ изложеніемъ основаній, почему онъ не можетъ имѣть съ нею общенія, и заподозривъ, что Антоній не исполнилъ его требованія — препроводить оное подлинникомъ въ Бѣлую-Криницу, а только послалъ туда жалобу на него, Софроній воспылалъ великимъ гнѣвомъ и выступилъ съ новыми обвиненіями противъ митрополіи. Въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ самъ отправилъ туда свое „пространное“ письмо къ Антонію, — и отправилъ по почтѣ, нимало не стѣсняясь тѣмъ, что его могутъ прочесть и перехватить. Къ письму онъ приложилъ еще и дополненіе. Здѣсь, обвиняя Антонія въ сокрытіи письма, онъ объявлялъ, что ни съ нимъ, ни съ митрополіей въ общеніи быть не можетъ, что его собратъ, епископъ Виталій, и рѣшительно уже отступилъ отъ митрополіи; а въ отвѣтъ на Павлово „примирительное письмо“ писалъ, что „главный хозяинъ“, къ которому предлагаютъ ему обращаться въ случаѣ „претензій на Борадатаго“, самъ находится „въ слабомъ положеніи“, что вообще „строители (митрополіи) очень не благонадежны“, „влагаютъ гнилыя бревна, заимствованныя изъ пустаго дома, о коемъ сказано: *се оставляется домъ*

---

228) Въ письмахъ такого рода Антонію отселѣ усвоена была фамилія „Бородатовъ“ ради большой его бороды. О томъ, что письмо Павла было писано 21 мая 1853 г. и именно „по доносу постороннему отъ купцовъ московскихъ“, говорится въ 22 ст. Кириллова „Изложенія“. Изъ этого же „Изложенія“ заимствуемъ свѣдѣнія и о содержаніи Павлова письма; а самаго письма (черноваго) въ *Бѣлокр. арх.* не найдено.

ваш пустъ"[229]). Наконецъ, онъ рѣшительно требовалъ, чтобы Антонія вовсе удалили: „удалите его, и возведите другаго на архіепископію, законно и правильно, — тогда дѣла пойдутъ своимъ порядкомъ и тишина церковная возстановится навсегда". Этимъ дѣлался очевидно намекъ, что „церковная тишина возстановится" и „дѣла пойдутъ своимъ порядкомъ", если вмѣсто Антонія митрополія назначитъ въ архіепископы самого Софронія, что̀ и будетъ — законно и правильно. Въ дополненіи Софроній указалъ также и новыя вины за митрополіей: возведеніе Онуфрія въ священныя степени ранѣе якобы узаконеннаго возраста, возвращеніе священства изверженному попу Алексѣю (лужковскому) и возведеніе его даже въ игумены Мануиловскаго монастыря, при чемъ „достойнаго игумена свергли"; кромѣ того, въ особой выпискѣ, указывалъ „обычаи церковные", принятые митрополіею „изъ церкви инославныхъ", именно употребленіе митры и саккоса[230]).

Въ іюлѣ 1853 г. полученъ былъ въ митрополіи посланный Софроніемъ экземпляръ его письма къ Антонію, съ дополненіями. Почти въ тоже самое время прибылъ туда Антоніевъ посолъ съ другимъ экземпляромъ письма. Прочитавъ все присланное и убѣдившись въ серіозности Софроніевыхъ замысловъ противъ Антонія и митрополіи, Павелъ, только что успокоившійся немного послѣ суда надъ Спиридоніемъ, долженъ былъ съ крайнимъ огорченіемъ начать новый, грозившій большими опасностями для іерархіи, судъ надъ Софроніемъ.

21. Приготовленія къ суду надъ Софроніемъ: составленіе обвинительныхъ противъ него актовъ; содержаніе Павлова „Объясненія".

Составленіе приготовительныхъ актовъ для суда надъ Софроніемъ стоило иноку Павлу многихъ и долгихъ трудовъ: собственноручно написано имъ для этой цѣли нѣсколько

[229]) Здѣсь прямой намекъ на Антонія — „гнилое бревно изъ пустаго дома", т.-е. изъ безпоповщины.

[230]) Содержаніе „Дополненія" и подлинныя слова изъ него приводятся въ ст. 21—25 Кириллова „Изложенія" въ дѣлѣ Софронія.

большихъ тетрадей въ листъ, которыя носятъ на себѣ ясные слѣды самой тщательной и осторожной работы, — видно, что Павелъ очень заботился, какъ бы не сказать чего-нибудь такого, чѣмъ Софроній могъ бы воспользоваться въ свою защиту[231]). Какіе именно акты требовалось составить, указаніе этого Павелъ нашелъ въ самомъ содержаніи Софроніева письма. Такъ какъ свои обвиненія противъ митрополіи Софроній основывалъ на указанныхъ имъ, противныхъ древнеправославію, дѣйствіяхъ Арсенія и Павла, на незаконномъ якобы поставленіи Онуфрія въ епископы и особенно на поставленіи Антонія безъ сношеній съ задунайскими и россійскими епископами, то прежде подробнаго, обстоятельнаго по пунктамъ разбора всего Софроніева письма, который предполагалось сдѣлать отъ имени Кирилла, Павелъ находилъ нужнымъ получить отъ Аркадія Славскаго и Алипія Тульчинскаго отзывъ, что они признаютъ поставленіе Антонія правильнымъ и законнымъ, а Софроніевы возраженія противъ него неосновательными и даже неразумными, потомъ получить и представить объясненіе Арсенія по поводу взводимыхъ на него винъ, и сдѣлать свое собственное противъ всѣхъ Софроніевыхъ обвиненій, а также получить показаніе и отъ Онуфрія о возрастѣ, въ какомъ принялъ онъ епископскій санъ.

По существу дѣла большую важность долженъ былъ имѣть отзывъ Аркадія, архіепископа Славскаго, и епископа Тульчинскаго Алипія. Инокъ Павелъ утверждаетъ, что дѣйствительно обращался къ нимъ съ просьбою о сообщеніи такого отзыва объ Антоніевомъ поставленіи и Софроніевыхъ противъ него возраженій, при чемъ, конечно, долженъ былъ изложить эти возраженія во всей подробности, или сообщить даже копію Со-

---

231) Исчисленные выше документы, составляющіе „Дѣло о Софроніи“, и собственноручно писанные Павломъ, испещрены дѣйствительно на каждой страницѣ множествомъ поправокъ, исключеній и вставокъ. Любопытно, что на нихъ встрѣчаются вставки, писанныя рукой молодого тогда іеродіакона Пафнутія: значитъ и онъ принималъ участіе въ работѣ Павла. По всей вѣроятности, онъ и переписывалъ потомъ сочиненные Павломъ документы для разсылки въ назначенныя мѣста.

фроніева письма, и что дѣйствительно задунайскіе владыки прислали ему желаемый отзывъ. Но нельзя не замѣтить, что тогда было очень неудобное время для взаимныхъ сношеній между Бѣлой-Криницей и Славскимъ скитомъ, такъ какъ начиналась уже восточная война, и некрасовцы съ своими архіереями были заняты исключительно ожидавшею ихъ участью въ виду приближавшихся къ Добруджѣ русскихъ войскъ. Поэтому трудно сказать съ полною рѣшительностію, справедливо ли инокъ Павелъ утверждалъ, что къ октябрю 1853 года въ Бѣлой Криницѣ уже былъ полученъ отъ Аркадія и Алипія неблагопріятный для Софронія отзывъ по его дѣлу, на который, какъ увидимъ, онъ дѣлалъ ссылки въ документахъ[232]). Съ Арсенія, по увѣренію Павла, взято было формальное, письменное показаніе относительно взведенныхъ на него Софроніемъ обвиненій, на которое, а больше, кажется, на словесныя объясненія, дѣлаются неоднократно ссылки въ документахъ[233]). Намѣстникъ же Онуфрій собственноручно написалъ свое показаніе о томъ, въ какихъ лѣтахъ удостоенъ поставленія въ епископы, и это показаніе его цѣликомъ вошло въ полный разборъ Софроніева письма, названный „Изложеніемъ“[234]). Наконецъ самъ Павелъ сочинилъ пространное „Объясненіе“ на взведенныя на него Софроніемъ якобы „клеветы“[235]). О содержаніи этого, искусно и весьма

---

232) Въ *Бѣлокр. арх.* нѣтъ ни чернового Павлова письма къ Аркадію и Алипію по дѣлу Софронія, ни ихъ отвѣта на это письмо. Въ перепискѣ, которую потомъ, по окончаніи восточной войны, дѣятельно велъ экзархъ Аркадій съ Бѣлою-Криницей, нигдѣ также не находится упоминанія о бывшихъ сношеніяхъ митрополіи съ задунайскими архіереями по дѣлу Софронія, о которыхъ экзархъ Аркадій не могъ не знать.

233) Письменнаго Арсеніева объясненія при дѣлѣ Софронія не имѣется.

234) Здѣсь оно составляетъ именно 27-ю статью. Любопытно, что въ немъ не сдѣлано Павломъ ни одной поправки, и отличается оно свойственными о. Онуфрію простотою и искренностью.

235) Полное заглавіе этого документа таково: „Объясненіе отъ недостойнаго и. Павла на объявленныя мнѣ клеветы въ доносѣ епископа

тщательно составленнаго, „Объясненія“, прежде всего и слѣдуетъ сказать.

Павелъ начиналъ его, какъ и слѣдовало, обращеніемъ къ Кириллу, которымъ, предполагалось, были требованы и получены объясненія отъ всѣхъ соприкосновенныхъ къ дѣлу лицъ; но сейчасъ же перешелъ къ личному препирательству съ самимъ Софроніемъ, — и переходъ этотъ сдѣлалъ весьма неудобно. „Если бы, — писалъ онъ, обращаясь къ Кириллу, — доносы касались до меня токмо единаго, тогда бы объясненіе мое было кратко и не ино что̀, какъ только: Господи! даждь милость ненавидящимъ мя и враждующимъ ми и оклеветающимъ мя... Но когда епископъ Софроній проискиваетъ чрезъ мою и прочую всякую постороннюю вину навести безвинно на вашу святѣйшую главу, сирѣчь какимъ-либо посредствомъ удостоить васъ со всѣмъ мѣстнымъ вашимъ священнымъ соборомъ *церковному изъобщенію и оторватися ему отъ зависимости вашего права въ сатанинскую бездну самоволія:* того ради (?!) прошу, позвольте мнѣ обратиться прямо къ его преосвященному лицу“. И начинаются дѣйствительно личныя объясненія съ самимъ Софроніемъ. Указанная Павломъ причина только требовала отъ него подробныхъ объясненій по поводу Софроніевыхъ извѣтовъ, и объясненія эти онъ могъ удачно изложить, обращаясь къ самому Кириллу, а не лично къ Софронію. Форму личныхъ объясненій съ этимъ послѣднимъ Павелъ избралъ, очевидно, какъ самую удобную, чтобы высказать накопившееся въ душѣ негодованіе противъ него.

Софронія, полученныя въ м(итрополіи) сего 1853 года въ іюлѣ мѣсяцѣ“. Достойно вниманія выраженіе: „объявленныя мнѣ“. Этимъ Павелъ давалъ знать, что будто Софроніевы „клеветы“ только объявлены ему митрополитомъ, получившимъ письмо Софронія, а самое письмо какъ будто находилось у митрополита, а не въ его собственныхъ рукахъ. Объясненіе и начинается словами: *„на объявленные мнѣ вами* (митрополитомъ) отъ вышереченнаго епископа Софронія *присланные къ вамъ* доносы“... Такъ требовалъ порядокъ дѣла и такъ нужно было изъ опасенія дальнѣйшихъ „клеветъ“ Софронія, т.-е. дальнѣйшихъ справедливыхъ указаній его на полное господствованіе Павла въ митрополіи.

Эти свои личныя объясненія съ Софроніемъ Павелъ изложилъ въ *трехъ* статьяхъ. А прежде, какъ бы въ видѣ предисловія, сдѣлалъ слѣдующее обращеніе къ Софронію:

„Какая непріязнь столь сильно и неожиданно поколебала вашу преосвященную совѣсть? Вскую вы на ничтожнаго мене, Павла, обаче доброжелательнаго вашего *рекомендателя*, начали изливать, аки рѣки, отъ вашихъ устъ неправедные и небылые пороки? По крайней мѣрѣ вспомнили бы оное былое, еже въ бытность вашу у насъ: какое посредство увѣрило насъ о васъ? *не было ли въ томъ завѣренія съ вашей стороны подлога, сирѣчь за моего друга, друга такого, которому одолжена нынѣшняя наша іерархія вся, а отъ него нынѣ посредствомъ и вы тогда, какъ неизвѣстные люди, чрезъ чью рекомендацію облеклись въ вѣрность человѣка достойнаго?* Но оставимъ нынѣ о прошедшемъ, ибо предстоитъ дѣло о настоящемъ“.

Написавъ это, Павелъ однако разсудилъ, что упрекать Софронія въ обманѣ, посредствомъ котораго онъ получилъ епископство и успѣху котораго самъ же именно способствовалъ своей „рекомендаціей“, весьма неудобно, какъ въ собственныхъ личныхъ интересахъ, ибо себя же обличалъ бы въ недозволительной опрометчивости, такъ и въ интересахъ іерархіи, въ которой первые же, на Россію поставленные, епископы оказывались обманщиками. Поэтому онъ зачеркнулъ все, напечатанное у насъ курсивомъ, и ограничившись только краткимъ напоминаніемъ былого, прямо обратился къ „настоящему“, — именно къ разсмотрѣнію Софроніева извѣта за мнѣніе о брадобріяхъ. Напомнивъ Софронію, что сообщалъ ему это мнѣніе свое по его пріятельской просьбѣ со всею искренностью, Павелъ продолжалъ:

„Но если оное мнѣніе вамъ показалось неугодно, то кто вамъ возбранитъ оное бездѣйственно оставить? За что же дружеской совѣтъ укорять и непріятельски враждовать? Ибо нѣсть то и быть не можетъ съ моей стороны къ вамъ приказаніе, или узаконеніе, но токмо по вашей просьбѣ пріятельское вспоможеніе. Однако, возьмите о семъ предметѣ подлинное мое къ вамъ восписаніе и съ добрымъ и правымъ

вниманіемъ прочитайте, а преосвященною вашею душою не кривляйте, тогда навѣрно тамо обрящете не вредное, но полезное. Аще ли же нѣкій прахъ непріязни ваши очи и совѣсть запорошилъ: то лучше представить оный мой къ вамъ отвѣтъ на соборный безпристрастный совѣтъ, и уповаю, что ваше преосвященство скорѣе посрамится, нежели мое мнѣніе отринется Ибо я добрѣ вѣмъ, что о семъ предметѣ вамъ отвѣщалъ, никакого пристрастія не имѣлъ, и ни надесно, ни налѣво не кривлялъ, — а именно ваше и мое мнѣніе здѣ повторю".

И дѣйствительно приводитъ, что̀ писалъ Софроній о брадобріяхъ въ своихъ вопросахъ и что̀ самъ отвѣчалъ ему. Но такъ какъ въ этомъ своемъ отвѣтѣ о невольныхъ брадобрійцахъ, относительно которыхъ предлагалъ держаться средняго пути между двумя крайностями въ сужденіи объ нихъ, какія указаны были у Софронія, Павелъ, по его сознанію, слишкомъ кратко сказалъ о предлагаемомъ среднемъ пути, то теперь нашелъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее дополненіе:

„Хотя я намѣренъ былъ тогда о средней мѣры(ѣ), еже именуется царскій путь, и безъ вашего вопроса предложить вамъ свое мнѣніе *пообстоятельнѣе,* то-есть: что лучше о пришедшемъ на покаяніе нашемъ единовѣрномъ брадобрійцѣ, разсудя смотря по исповѣди его, аще въ догматахъ вѣры не погрѣшилъ, аще безпристрастно и безъинтересно онъ впалъ во оно искушеніе, а токмо по насилію власти, за страхъ мученія браду свою брилъ: но уже когда свободенъ и ктому обѣщается не бриться (а точно ли онъ обѣтъ сей исполнитъ, или не исполнитъ, о томъ, кажется, никто испоручиться не можетъ, но несодѣянное провидѣть подобаетъ предоставить единому Богу). Доброе же его обреченіе объявить церковному собранію, дабы не было соблазну, и тогда дать ему позволеніе — стоять въ церкви на общемъ богомоленіи. А по мѣры(ѣ) епитиміи, разсужденіемъ настоятеля, отъ святыни удержится до отращенія ли брады, или дальше. Только бы не было безчеловѣчно въ лишеніи святыхъ причащеній до самой смерти, еже по святымъ соборнымъ правиламъ не возлагается даже и на самыхъ отступниковъ Христовыхъ, бывшихъ неволею во идолопоклонствѣ, токмо на самовольныхъ. Этихъ среднихъ мѣръ я тогда выразить вамъ не могъ по случаю, что ожидаемая оказія время не терпѣла, о чемъ

тогда же я вамъ извинился: посмотрите въ отвѣтѣ о антиминсахъ[236]).

„Но вы, г. епископъ Софроній, не усрамились распубликовать о семъ предметѣ на Павла совсѣмъ въ противномъ смыслѣ, сирѣчь въ вину ереси, какъ явствуетъ и изъ вашего доноса чрезъ г а(рхіепископа) А(нтонія). Да еще присовокупили въ тую же вину и самого г. митрополита, такъ какъ бы его самого сужденіе вамъ конечно въ руководство посланное, *въ чемъ г. митрополитъ вовся нимало и не участвовалъ*, и въ томъ моемъ къ вамъ о брадобріяхъ отношеніи даже и единаго слова за митрополита не было.

„О, преосвященная главо! Гдѣ ваша совѣсть?... Удивленіе мя крайнее обдержитъ! Тѣмъ убо и ожидаю вся сія соборному суду предложить на среду: подобаетъ ли епископу Софронію за мое вышеозначенное мнѣніе, по простодушію(?) моему въ доброжелательное вспоможеніе ему посланное, такими еретическими титлами вознаграждать, да еще и самого г. митрополита, вовся къ сему мнѣнію неприкосновеннаго, виновникомъ осуждать и ко отлученію церковному назначенновать, да въ нюже мѣру мѣритъ, не возмѣрится ли самому, по глаголу Христову".

Такъ заключилъ инокъ Павелъ *первую* статью своего „Объясненія"; во *второй* однако онъ продолжалъ рѣчь объ томъ же предметѣ, — именно разсматривалъ высказанное самимъ Софроніемъ мнѣніе, что если брадобрія „и по смерти уже наравнѣ съ христіаны погребать и поминъ творить", то „сіе вопреки правилъ святыхъ отецъ будетъ". Противъ этого Павелъ возражалъ:

„По сему собственно вашему мудрованію и на самомъ концѣ житія никто изъ православныхъ вѣрою отъ невольнымъ брадобрійцевъ[237]) уже къ тому не можетъ въ число православныхъ пріобщенъ быть ни чрезъ какое покаяніе, сирѣчь таковый уже не только лишенъ святаго причащенія

---

236) Все это отдѣленіе вписано на полѣ.

237) Слово *невольныхъ* вписано Павломъ послѣ. Видно вообще, что онъ судилъ очень снисходительно о брадобрійцахъ, даже и не невольныхъ, что̀ было уже совсѣмъ не въ духѣ истыхъ раскольниковъ.

и при самомъ смертномъ случаѣ[238]), но и послѣдняго погребенія и причащенія. Да что̀ скажетъ г. епископъ Софроній, если онъ самъ попадется въ руки противныхъ и обрѣютъ ему бороду, чего Боже сохрани, и будетъ притомъ вскорѣ одержимъ болѣзнію, да не отращенною брадою и умретъ? — то заповѣдаетъ ли о себѣ таковое свое мудрствованіе на самомъ дѣлѣ исполнить? Аще тако хощетъ: о, страшнаго и богоненавидимаго отчаянія! — о чемъ всякъ, иже неповрежденной разсудокъ имѣющій, смѣло скажетъ, что догматъ сей отнюдь не есть православной церкви[239]); но явѣ есть, что отъ древнихъ чистыхъ еретиковъ новатіановъ, которые даже и поневолѣ отъ вѣры отступльшихъ не пріимали на покаяніе. Зри о семъ въ книгѣ Баронія, лѣто Господне 254, подъ числомъ 13-мъ".

Вслѣдъ за симъ приведена подлинная выписка изъ Баронія, и въ заключеніе говорилось, что если новатіане были извергнуты изъ церкви и ученіе ихъ проклято, „то епископъ Софроній, обращающихся на покаяніе, не еже Христа отвергшихся, но токмо поневолѣ брады бривших̀ъ не пріяемля, и при смертномъ случаѣ лишая святыхъ таинъ, а даже и самаго конечнаго погребенія и поминовенія, какому осужденію повиненъ?..."

Несомнѣнно, что инокъ Павелъ разсуждалъ правильно, — возражая Софронію, онъ готовъ былъ, какъ можно догадываться, признать достойными общенія церковнаго, причащенія св. таинъ и христіанскаго погребенія даже не невольныхъ брадобрійцевъ, „аще въ догматахъ вѣры не погрѣшаютъ" и принесутъ покаяніе въ грѣхѣ брадобритія. При другихъ обстоятельствахъ онъ этого, конечно, не сказалъ бы; но

---

238) И эти слова: „и при самомъ смертномъ случаѣ" также вписаны послѣ; первоначальная мысль была та, что брадобрійцевъ можно допускать до причастія наравнѣ съ другими.

239) Все это отдѣленіе, со словъ: „Что скажетъ"... написано вновь вмѣсто зачеркнутаго краткаго замѣчанія: „се не есть ли чуждый догматъ Христовой вѣры и святому Евангелію противенъ, и отнюдь не есть православной церкви".

здѣсь, увлеченный полемикой, проговорился, и этимъ далеко отступилъ отъ строгости раскольническаго ученія о брадобритіи, ибо смотрѣлъ на него почти уже съ „никоніянской“ точки зрѣнія, что̀ Софроній, въ качествѣ истаго старообрядца, могъ удобно обратить въ обвиненіе противъ него и противъ митрополіи, имъ „управляемой“. Условіемъ для принятія брадобрійцевъ въ церковное общеніе Павелъ полагалъ только сохраненіе ими „догматовъ вѣры“; но онъ забылъ, что съ раскольнической точки зрѣнія бріющій браду ео ipso есть уже „погрѣшающій въ догматахъ вѣры“, ибо небритіе брады есть именно догматъ раскольнической вѣры. Ссылаясь потомъ въ оправданіе брадобрійцевъ на соборныя и святоотеческія правила о новатіанахъ, онъ забылъ, или намѣренно умолчалъ о правилѣ Стоглаваго собора, которымъ брадобритіе признано за ересь и брадобрійцевъ воспрещено даже удостоивать христіанскаго погребенія. Софроній, какъ и всѣ истые старообрядцы, напротивъ твердо помнилъ это правило, на немъ утверждался въ своемъ мнѣніи о брадобрійцахъ (чего Павелъ какъ будто и не примѣтилъ) и однимъ указаніемъ на явное противленіе столь уважаемому старообрядцами правилу Стоглава могъ легко опровергнуть всѣ, въ сущности справедливыя и христіански снисходительныя, разсужденія Павла и объявить, что справедливо обвинялъ его въ ересничествѣ, а управляемую имъ митрополію въ наклонности къ „никоніянскимъ“ новшествамъ, съ чѣмъ ревнители раскола должны будутъ согласиться. Вообще, мы видимъ здѣсь борьбу между истымъ представителемъ раскола, каковъ былъ Софроній, и старообрядцемъ, уже нѣсколько тронутымъ новшествами, наклоннымъ къ свободомыслію, понимающимъ нѣкоторыя крайности раскольническихъ ученій и готовымъ отказаться отъ нихъ, каковымъ и былъ дѣйствительно инокъ Павелъ.

Въ *третьей* статьѣ „Объясненія“ Павелъ возражалъ противъ того мѣста въ Софроніевомъ письмѣ, гдѣ говорилось о разрѣшеніи запрещеннаго казанскаго попа Трофима, что его „самъ Павелъ подложно подписалъ почеркомъ руки г. митрополита“, что „былъ обличенъ Павелъ въ томъ подлогѣ чрезъ

Алимпія“ и что „по таковыхъ святотатственныхъ подлогахъ и лживыхъ подписахъ, въ особенности происходящихъ (къ стыду и соблазну церкви Христовой) отъ правителя митрополіи, какой будетъ правды ожидать“ и проч. Это былъ пунктъ особенно чувствительный для чести Павла и особенно щекотливый, такъ какъ въ словахъ Софронія, очевидно, была часть правды, и Павелъ въ письмѣ къ нему дѣйствительно распорядился именемъ Кирилла самоуправно, какъ привыкъ это дѣлать. Нужно было во что̀ бы ни стало защититься, и Павелъ употребилъ для этого все свое стараніе. Прикрывался онъ собственно тѣмъ, что Софроній не можетъ подтвердить своего извѣта, не можетъ представить свидѣтелей учиненнаго подлога и оправдать свою ссылку на Алимпія. А что все письмо, не исключая самыхъ подписей Кирилла и Онуфрія, писано его собственной рукой, это Павелъ объяснялъ тѣмъ обстоятельствомъ, что письмо о Трофимѣ посылалось по почтѣ, — мало того, онъ указывалъ въ этомъ даже подвигъ съ своей стороны, такъ какъ будто бы въ томъ случаѣ, если бъ письмо взято было русскимъ правительствомъ, пострадалъ бы только составитель письма, котораго легко было бы узнать по почерку, а самъ митрополитъ, глава іерархіи, былъ бы въ сторонѣ, не подвергся бы никакой непріятности При этомъ, онъ нашелъ нужнымъ упомянуть, даже въ патетическихъ выраженіяхъ, объ окончаніи своей миссіи и о готовности пожертвовать собою для сохраненія митрополіи. По всю натянутость и несправедливость этого объясненія Софроній могъ бы обличить однимъ замѣчаніемъ, что даже и въ томъ случаѣ, если бы письмо взято было русскимъ правительствомъ, ни Павелъ, сочинитель его, ни самъ Кириллъ, хотя бы подъ письмомъ красовалась его собственная подпись, какъ живущіе за границей, подъ покровительствомъ австрійскаго правительства, никакъ не могли пострадать за него, а опасность предстояла бы только тѣмъ, кому письмо адресовано въ Россіи. Чувствительныя разглагольствія Павла о самопожертвованіи были поэтому совсѣмъ напрасны и подписываться за Кирилла и Онуфрія ихъ именемъ не было ему никакой надобности.

Вообще эта, *третья,* статья въ „Объясненіи“ Павла оказывается слабой и натянутой. Вотъ что̀ именно писалъ онъ:

„Отколь ваше преосвященство такъ твердо знаете, и письменно утверждаете, даже и окружнымъ чиномъ уже публикуете, что Павелъ подложно сочинилъ къ валъ письмо разрѣшительное? На сіе нужно вамъ непремѣнно показать вашего изслѣдованія достовѣрныя доказательства, а голословить и пустословить въ такихъ дѣлахъ не прощается закономъ не только сановнымъ епископамъ, но и простымъ, подъ страхомъ писаннаго: *имже судомъ судите, судится вамъ.*

„Однако, ваше преосвященство, сами ли вы видѣли, или отъ какого имянно очевидца слышали, когда Павелъ оное письмо самъ подложно подписывалъ почеркомъ руки г. митрополита? Но на письмѣ ономъ не одно имя митрополита, а еще подписано и у г. епископа Онуфрія. Какой вы на сіе дадите отвѣтъ? Ибо письмо оное подлинникомъ есть цѣло[240], и васъ на очную ставку ожидаетъ. Да еще и въ томъ ваша есть явная неправда, что якобы письмо подписано почеркомъ руки г. митрополита. Ибо подпись была митрополитская не своимъ его почеркомъ, ниже именемъ *точнымъ, но для незнамаго показуетъ Кириловъ отъ закрученія конца*[241]), по причины(ѣ), что письмо оное вручено почты(ѣ), то могло быть открыто и въ рукахъ внѣшнихъ (какъ уже и случалось): дабы тогда не разумно было по подпису; таже и все содержаніе онаго писано подъ завѣсою комерціи[242]); но однако все содержаніе письма писано почеркомъ собственно руки моей, просто и безъ всякихъ изгибовъ, для того, да ваше преосвященство удостовѣритъ мой почеркъ, отъ кого оно есть подлинно[243]). А въ случаѣ чужихъ рукъ митрополитъ и епископъ могутъ отказаться, *понеже и у епископа имя на концѣ также закручено, да покажется онымъ не Онуфрій,*

---

[240]) Софроній, какъ сказано выше, возвратилъ его въ митрополію безъ всякаго отвѣта.

[241]) Напечатанное курсивомъ вписано между строкъ.

[242]) Однако въ письмахъ, писанныхъ „подъ завѣсою комерціи“, разные Бородатовы, Казанцевы и проч. обыкновенно сами подписывались этими вымышленными именами. Значитъ, могли сами же подписываться и Кирилловъ и Онуфріевъ.

[243]) Далѣе зачеркнуты слѣдующія слова: „Ибо мой сущей почеркъ, какъ самого мене въ лицо, вси, до кого оно идетъ, познаютъ“.

по Амвросіевъ[244]). А я о себѣ нынѣ много уже не дорожу, ибо моей препорученности, съ помощію Божіею, всѣ лавры уже пожаты, плоды собраны и кросна снаряжены: тѣмъ убо нынѣ инѣмъ наступаетъ время расти, мнѣ же малитися. А потому мы, по писанному, лучше и предаемъ(?) все тѣло, но да соблюдемъ самую главу, или по образу пчелину!“

Замѣтивъ потомъ кратко, что Софроній несправедливо утверждаетъ, будто ему написамо было разрѣшеніе для попа Трофима,— что писано было не разрѣшеніе, а „въ чину прошенія“, т.-е. только просили о разрѣшеніи попа, инокъ Павелъ опровергалъ Софроніеву ссылку на Алимпія:

„Очень любопытно намъ, да и къ самому дѣлу нужно вамъ пояснить, когда именно былъ изобличенъ Павелъ въ томъ подлогѣ чрезъ Алимпія. И кто вамъ это сказалъ, если правдивый епископъ не солгалъ? Ибо Алимпія (по свиданіи съ Павломъ) вы и донынѣ въ глаза не видали, ниже единаго слова о томъ отъ него слышали: то развѣ во снѣ вамъ пригрезилось. Обаче, прежде вашего сюда доноса, посланный къ вамъ въ 1852 году священноинокъ Арсеній, которой достовѣрно сіе дѣло зналъ, той же Арсеній обо всемъ вамъ обстоятельно и при К. М. К.[245]) объявлялъ, и вы тогда въ томъ своемъ неправедномъ мнѣніи крайне себя зазрѣли: почтоже по отѣздѣ отца Арсенія аки во снѣ спящій опять забылись, толикую брехню окружно публиковать и въ самую митрополію писать не усрамились? Теперь гдѣ же правдиваго Софронія будетъ правда?... О, дивство!“

И въ заключеніе всего объясненія Павелъ опять писалъ:

„Удивляетъ насъ всѣхъ, что уже и послѣ достовѣрнаго чрезъ о. Арсенія васъ увѣдомленія, которой врагъ воззвонилъ вамъ во уши и научилъ васъ ложно сплесть столь враждебную клевету, да вашего доброжелателя обложить таковою поносною титлою: *правителемъ митрополіи, святотатственнаго подлога и лживыхъ подписовъ?* Однако и вы сами блюдитесь, преосвященный владыко, да не како, по писанному, ископавъ яму и впадешися въ ню“.

---

244) И эти слова вписаны между строкъ.

245) Подъ этими буквами, надобно полагать, скрывается „Конторщикъ Митрій Корнеевъ“.

Свое объясненіе, обращенное прямо къ лицу Софронія, Павелъ подписалъ было такъ: „Затѣмъ остаюсь вашъ молитвенникъ и слуга навсегда“; но сообразивъ, что такая подпись подъ Объясненіемъ, послѣ всего сказаннаго въ немъ и при тогдашнихъ отношеніяхъ его къ Софронію, не очень умѣстна, зачеркнулъ ее и подписался просто: „недостойный и. Павелъ“ [246]). Такъ велико было теперь негодованіе Павла противъ перваго, поставленнаго въ Бѣлой-Криницѣ, россійскаго епископа старообрядцевъ, поставленію котораго самъ же именно способствовалъ, что не хочетъ уже назвать себя и его молитвенникомъ...

22. Приготовленія къ суду надъ Софроніемъ: содержаніе первыхъ десяти статей Кириллова „Изложенія“.

Гораздо бо́льшаго труда стоило Павлу сочиненіе „Изложенія“, — главнаго документа въ дѣлѣ Софронія, содержащаго подробный, пунктъ за пунктомъ, разборъ Софроніева письма къ Антонію. „Изложеніе“ это Павелъ сочинилъ отъ имени самого митрополита Кирилла, такъ какъ противъ него, считающагося главой митрополіи, собственно и были направлены Софроніевы обвиненія [247]). Начинается оно слѣдующимъ вступленіемъ:

---

[246]) Тутъ же на черновомъ „Объясненіи“ выставлено число: „10 ноября 1853 года“. Значитъ оно написано было послѣ „Изложенія“, на которомъ сдѣлана помѣтка: „октября „ “ дня 1853 года“. Между тѣмъ, по плану, „Объясненіе“ должно было предшествовать „Изложенію“: поэтому въ 9 и 10 статьяхъ послѣдняго, гдѣ именно разсматриваются Софроніевы извѣты на Павла, написанныхъ ранѣе „Объясненія“, Павлу пришлось сдѣлать большія перемѣны, соотвѣтственно вновь сочиненному „Объясненію“, чтобы только сдѣлать на него ссылки. Говоря объ этихъ статьяхъ „Изложенія“, мы укажемъ нѣкоторыя изъ такихъ поправокъ.

[247]) Вотъ полное заглавіе этого документа: „Изложеніе отъ верховнаго святителя Бѣлокрыницкаго Кирилла на доносы и запросы епископа Софронія Симбирскаго, пріуготовленное къ соборному суду“. Сверху поставленъ эпиграфъ· *Рече Господь: возносяйся смирится, и: ископавъ яму, впадется въ ню.*

„Ваше преосвященство, г-нъ епископъ Софроній! Ваши доносы, паче рещи къ намъ запросы, суть вдвойнѣ: первыя, иже въ мартѣ мѣсяцѣ, посредствомъ чрезъ прибывшую къ вамъ особу, т.-е. архіепископа Антонія, вторыя же прямо отъ васъ, иже въ іюлѣ, мы получили почти обоя въ разъ въ минувшемъ іюлѣ мѣсяцѣ, и разсмотрѣвъ содержаніе оныхъ, таковой неожиданности до зѣла удивились. *Вслѣдствіе чего вопервыхъ не замедлили, аще и не малъ трудъ предстоялъ, учинили сношеніе съ г. архіепископомъ задунайскимъ: а теперь, въ настоящемъ Изложеніи, раскрывающемъ дѣло, приготовляемое къ суду въ нижеслѣдующихъ статьяхъ*[243]).

Всѣхъ статей въ „Изложеніи“ тридцать. Въ каждой изъ нихъ приводится по частямъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ и безъ пропусковъ, часть подлиннаго текста Софроніева письма и подвергается разбору. Сначала (1—8) разсматриваются изложенныя Софроніемъ вины Арсенія.

Софроній писалъ, что Арсеній запрещалъ, ему „творить крестъ кадиломъ“ за службами въ указанное время. Противъ этого говорится здѣсь (въ 3-ст.), что это совсѣмъ несправедливый извѣтъ, что Арсеній, по его показанію, не вводилъ новшества, а напротивъ исправлялъ введенное самимъ Софроніемъ новшество:

„Мы твердо знаемъ и увѣрены, кромѣ Арсеніева объясненія, что, какъ вы пишете, „дабы креста кадиломъ не творить“, Арсеній вамъ того не запрещалъ, а паче тако вамъ творить желалъ, — такъ, какъ у насъ въ митрополіи творится, по точнымъ глаголамъ, напечатаннымъ во всѣхъ отеческихъ Служебникахъ; но не совѣтовалъ вамъ творить по обычаю внѣшнихъ церквей никоніянскихъ, сирѣчь не творить креста рукою съ кадиломъ, а кадиломъ крестъ назнаменонать на великомъ выходѣ, премудрость прости, Свѣте тихій. Сему дѣйствію общее стоитъ повелѣніе, какъ священнику, и діакону равно. Но скажите, когда діаконъ на Свѣте тихій крестъ рукою съ кадиломъ творитъ? или кто можетъ сверхъ

---

243) Все напечатанное курсивомъ вписано послѣ, на полѣ тетради; прежде было: „таковой неожиданности до зѣла удивились *и доднесь надивиться не можемъ. Вслѣдствіе чего и приступаемъ къ отвѣтственности.*

ясно гласящаго устава повелѣть діакону крестъ рукою съ кадиломъ творить? Слѣдовательно, когда одинъ указъ, то убо и священникъ не долженъ по самомнѣнію, или по внѣшнему обычаю творить, но такъ, какъ уставъ св. церкви повелѣваетъ. Если же ваше преосвященство ссылаетесь на свой неписанный обычай, что тако прочіи творятъ попы у васъ, то почто же зазираете за правость Арсенія и насъ? Дадите за сіе отвѣтъ на судѣ, понеже вы сами за сіи предметы на судъ насъ позвали жестоковредными вашими словами, а священноинока Арсенія за указаніе вамъ православнаго обычая, чрезъ посредство свящ. Ивана Матвѣевича, палкою угрожали[249]), какъ явствуетъ въ его къ намъ объясненіи".

Трудно повѣрить, чтобы Софроній, строгій до крайности приверженецъ старообрядческихъ уставовъ, могъ допустить отъ нихъ отступленіе въ дѣйствованіи кадиломъ на выходахъ, особенно когда самъ же въ письмѣ защищаетъ принятый у старообрядцевъ обычай. И такъ какъ Павелъ не отвергаетъ, что объ этомъ обычаѣ были препирательства между Софроніемъ и Арсеніемъ, то надобно полагать, что именно этотъ послѣдній допустилъ отъ него отступленіе, и одно голословное увѣреніе со стороны Павла, что этого не могло быть, такъ какъ въ митрополіи этого не допускается, совершенно недостаточно для оправданія Арсенія. Вообще, вся эта статья оказывается слабою. Въ слѣдующей (4-й), гдѣ идетъ рѣчь о требованіи Арсенія — не кадить при возглашеніи прокимна и не цѣловать иконъ на царскихъ дверяхъ въ литургію на маломъ входѣ — Павелъ уже не отвергаетъ того, что Арсеній дѣйствительно давалъ такіе совѣты, а только старается доказать ихъ правильность:

„Хотя въ цѣлованіи царскихъ дверей нѣтъ противности *въ разумѣ церковнаго догмата,* обаче нѣтъ и повелѣнія въ чину Служебниковъ; а еже кадить вкупѣ и прокимны гласить есть смута въ сліяніи стройнаго теченія церковнаго чина, а потому нигдѣ не обрѣтается, ни въ Служебникахъ, ни въ Уставахъ, таковаго повелѣнія, еже бы кадити вкупѣ и прокимны

---

249) Разумѣется извѣстный бѣглый попъ на Рогожскомъ Кладбищѣ Иванъ Ястребовъ.

глаголати. Слѣдовательно и это новость. Обаче же за цѣлованіе святыхъ иконъ наше разсужденіе: *аще хотя у васъ и новое сіе, но на славу Божію, и не вреждаетъ церковныхъ догматъ,* въ томъ обычаю вашему, сирѣчь въ цѣлованіи царскихъ дверей на литургіяхъ, аще не хощете послѣдовать нашему, не возбраняетъ. Ибо и у насъ, на прочихъ службахъ, кромѣ литургіи, то же самое по обычаю творится; но въ божественныхъ литургіяхъ сія неумѣстная церемонія своего права уже не имѣетъ, поелику сіе время занимаетъ другое большее(?), а наипаче въ соборныхъ архіерейскаго служенія литургіяхъ. Того ради во входахъ на литургіяхъ цѣлованіе иконъ на царскихъ дверяхъ вовсе удалено, понеже цѣлованіе иконъ въ литургіи дѣлается прежде, при самомъ входѣ, предъ проскомидіею. Теперь зри, преосвященная главо, чье дѣло криво, и чье право И слѣдовало ли вамъ въ томъ зазирать Арсенія, вкупѣ и насъ, и аки за нѣкій вредный церковному догмату порокъ, добрѣ не испытавше, окружнымъ чиномъ публиковать? Не стыдитеся ли?

Любопытно въ этомъ объясненіи Павла, что онъ находилъ возможнымъ дѣлать въ службахъ отступленія отъ положеннаго чина, если „нѣтъ въ нихъ противности въ разумѣ церковнаго догмата“, — дозволялъ и „новое“, допущенное „во славу Божію и не вреждающее церковныхъ догматовъ“. Это уже совсѣмъ не раскольническое сужденіе, и Павелъ показалъ себя здѣсь опять свободомыслящимъ старообрядцемъ, что̀ Софроній могъ удачно поставить ему въ вину. Еще любопытнѣе въ этомъ отношеніи слѣдующая (5-я) статья, гдѣ инокъ Павелъ усиливался отклонить, по его выраженію, „главное и страшное“ Софроніево обвиненіе противъ Арсенія, что тотъ по причащеніи читалъ заимствованный изъ „никоніянскаго“ Служебника стихъ: *се прикоснуся сіе устомъ моимъ.* Приведя вполнѣ все это мѣсто изъ Софроніева письма, Павелъ старался сначала доказать, что здѣсь Софроній будто бы самъ запутался въ противорѣчіяхъ:

„Поистинѣ вы въ вышеписанной небылицы(ѣ) уже сами, аки въ своихъ мрежахъ, запутались неизбѣжно. Ибо когда вы сами свидѣтельствуете, что у насъ въ митрополіи, во время вашего рукоположенія, не только не было, но и слухомъ ни

отъ кого вы не слыхали, а на пути Арсенію выучить наизусть невозможно, — да какъ и возможному быть, когда онъ (какъ въ поданномъ объясненіи своемъ пишетъ), не только когда гдѣ-либо выучивать, но не знаетъ, какое въ томъ стихѣ и содержаніе и нигдѣ еще не видалъ и не слыхалъ, также какъ и мы всѣ здѣсь, не только такой стихъ читаемъ, или знаемъ, но даже донынѣ не слыхивали о немъ, а только теперь, изъ вашего доноса услыхавъ, удивляемся до зѣла. Ибо даже и вы сами, г. епископъ, только самое начало, слова два и три скажете, но всего содержанія не открываете. Понеже вы уже, какъ глаголете, что и нашли самое мѣсто стиха того во внѣшнемъ Чиновникѣ: то уже подобало бы вамъ и все содержаніе его прописать намъ, да по крайней мѣрѣ мы хотя бы посмотрѣли, что̀ за стихъ такой, и что̀ такое за столь страшное въ томъ богостудство, что вы до изумленія устрашены отъ него были, и трясясь всею внутренностію и душею, и во ужасѣ, не съ еретикомъ ли служите, уже въ раскаяніи ко Богу вопили со воздыханіемъ: Господи! потерпи, не погуби, не порази! — и прочее. Однако, теперь по дѣлу видно, что истину дознать уже не трудно. Понеже ваше мнѣніе ограничено есть: не иначе какъ сей стихъ, послѣ бытія вашего, у насъ въ митрополіи введенъ въ употребленіе всеобдержно, отчего и Арсеній читать его умѣетъ. Посему остается только вашему преосвященству лично прибыть къ намъ, и мы позволимъ вамъ, не только всѣ Служебники и Чиновники наши пересмотрѣть, по коимъ мы всеобдержно служили, но по долгу священнаго сана и всѣхъ нашихъ священнослужащихъ переспросить, и тогда уже будетъ открыта для васъ и насъ, паче всякаго слуха, самая достовѣрная очевидность“.

Что Софроній запутался въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ, этого Павелъ совсѣмъ не доказалъ здѣсь; напротивъ, только обнаружилъ здѣсь свое собственное лукавство. Софроній, какъ признался это и самъ Павелъ, привелъ свои соображенія къ тому заключенію, что нововводный стихъ: *се прикоснуся* и проч. принятъ митрополіею въ употребленіе уже послѣ его рукоположенія въ епископы. А что привелъ онъ только начальныя слова стиха, это совсѣмъ не значило, будто онъ и самъ не зналъ содержанія и смысла этого стиха, который, по его словамъ, отыскалъ и прочиталъ въ новоисправленномъ Служебникѣ, слѣдовательно зналъ хорошо.

Какъ истый раскольникъ, онъ только не хотѣлъ повторять то, что̀ считалъ еретическимъ нововодствомъ. Никакой запутанности въ его словахъ нѣтъ, а виденъ въ нихъ только великій ревнитель раскола, одержимый боязнію всякаго новшества и даже рисующійся этою боязнію. Павелъ же, очевидно, притворялся, говоря, что будто ни онъ самъ, и ни кто въ митрополіи, не имѣетъ даже и понятія о нововводномъ стихѣ: *се прикоснуся сие устомъ твоимъ*. Невозможно допустить, чтобы онъ, столь свѣдущій во всемъ, касающемся старообрядчества, не зналъ въ подробности всѣхъ отличій новоисправленнаго Служебника отъ старопечатныхъ[250]); притомъ же и по самымъ первымъ словамъ стиха, которыя привелъ Софроній, нельзя было не догадаться, что стихъ этотъ буквально взятъ изъ книги пророка Исаіи (гл. 6, стр. 7) Притомъ же изъ собственныхъ словъ Павла: „мы хотя бы посмотрѣли, что̀ за стихъ такой и что̀ такое за столь странное въ немъ богостудство, что вы до изумленія устрашены отъ него“, — изъ этого очевидно насмѣшливаго замѣчанія можно видѣть, что благоговѣйное содержаніе стиха было хорошо извѣстно ему, и онъ дивился, какъ могъ Софроній придти отъ него въ такой страхъ и ужасъ. Но Павлу нужно было непремѣнно доказать, что Софроній несправедливо обвинилъ Арсенія и митрополію въ употребленіи во время причащеній стиха: *се прикоснуся* и проч., — и вотъ онъ притворяется, что будто бы у нихъ въ митрополіи никому и не извѣстно даже, что это за стихъ и какое его содержаніе.

Однакоже, послѣ столь рѣшительнаго утвержденія, что Арсеній, причащаясь, не читалъ и не могъ читать неслыханный въ митрополіи нововводный стихъ: *се прикоснуся* и проч., Павелъ сознается далѣе, что Арсеній тогда дѣйстви-

---

250) Въ новоисправленный Служебникъ стихъ этотъ: *се прикоснуся* и проч. заимствованъ изъ греческаго; въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописныхъ славянскихъ Служебникахъ онъ тоже встрѣчается, хотя въ иной формѣ; въ старопечатныхъ же, патріаршихъ, его не находится (См. о. Филарета: „Чинъ литургіи св. Златоуста, по излож. старопечатныхъ, новоисправленнаго и древлеписанныхъ Служебниковъ“).

тельно читалъ одинъ стихъ, но старается доказать, что это былъ не стихъ: *се приобщуся,* а другой якобы дозволительный, и что Софроній злонамѣренно выдалъ его за этотъ, якобы недозволительный. Вотъ это любопытное объясненіе:

„Однако намъ видится изъ объясненія Арсеніева, что вы, г-нъ епископъ Софроній, *читанный имъ стихъ, котораго нѣтъ напечатано въ нашихъ Служебникахъ,* уже нашли гдѣ онъ есть напечатанъ, т.-е. не въ Чиновникѣ Александръ перваго, но во отеческой Псалтыри со возслѣдованіемъ, въ концѣ причастныхъ молитвъ[251]). И посему замѣчается, что вы перекрутили той стихъ по своему замышленному намѣренію уже по отъѣздѣ Арсенія, съ прибытія архіепископа Антонія, а не прежде. вы написали вмѣсто: *се приступаю къ божественному причащенію* иначе: *се приобщуся устомъ моимъ,* якобы уже по причащеніи. И сожалѣемъ, како бы Господь, на подобіи того, не перекрутилъ вашу душу. О, долготерпѣливый Боже! Поистинѣ и мы съ тѣмъ преосвященнымъ епископомъ Софроніемъ воздыхаемъ и единогласно вопіемъ: Господи, потерпи, не погуби его и не порази его за такія удивительныя кручѣнія, выдумки и сплетни! Потерпи ему, поне да достигнетъ правосуднаго собора себѣ на покаяніе“.

Трудно допустить, чтобы Софроній могъ перепутать, или даже намѣренно „перекрутить“ два указанные стиха, особенно въ виду того, какъ подробно онъ разсказываетъ, что Арсеній принялъ причастіе изъ чаши, отеръ уста и уже тогда началъ читать необычный стихъ, а не ранѣе причащенія. И откуда бы Арсеній ни взялъ читанный имъ стихъ, не положенный въ Служебникѣ, Софроній, какъ истый старообрядецъ, могъ смѣло объявить его новшествомъ, именно потому, что онъ не положенъ въ Служебникѣ. Павелъ понималъ, что такое возраженіе можетъ быть сдѣлано со стороны Софронія,

---

251) Эти не совсѣмъ ясныя и неточно выраженныя слова имѣютъ, конечно, такой смыслъ: Арсеній объяснилъ намъ, что читалъ дѣйствительно стихъ, не напечатанный въ старопечатныхъ Служебникахъ, но заимствованный не изъ Чиновника Александра 1-го, а изъ Слѣдованной Псалтыри, гдѣ Софроній, по его указанію, и могъ найти его, и даже нашелъ.

и потому въ той же статьѣ „Изложенія" прибавилъ слѣдующее объясненіе[1052]):

„И да протолкуетъ намъ (Софроній) по христіанской совѣсти, какой вредъ, или ересь, если коего стиха въ Служебникахъ нашихъ напечатано не будетъ, а будетъ въ другой святоотеческой книгѣ? Напримѣръ, въ нашихъ Служебникахъ и въ Чиновникахъ показанъ на вѣнчаніи токмо одинъ стихъ *Святии мученицы* трижды, а св Симеонъ Солунскій въ книгѣ своей, въ гл. 205, пишетъ сице „*Слава тебѣ, Христе Боже* въ Константинополѣ въ хиротоніи не познахомъ весма воспѣватися, въ Фессалонитстѣй же познахомъ по дважды рещи *Святии мученицы*, еже и нужно есть, яко убо тамо мученикомъ токмо призываемымъ, здѣ же третіе и Спасителю самому, единому отъ Троицы воплощенному и Троицѣ самой прославляющейся". По сему стиху приложенному въ Фессалонитстѣй церкви, како о ней, по святому Симеону, разумѣти подобаетъ,— православна ли, или уже ересію повреждена?"

Хотя примѣръ, заимствованный изъ книги Симеона Солунскаго, приведенъ Павломъ и не совсѣмъ кстати, такъ какъ сказанное у Симеона о чинѣ хиротоніи онъ напрасно сопоставляетъ съ чиномъ вѣнчанія по старопечатнымъ книгамъ, но самая мысль его, что внесеніе въ Служебникъ какого-либо приличнаго стиха изъ другой святоотеческой книги не составляетъ „вреда, или ереси", конечно, справедлива; только опять она совсѣмъ неожиданна и даже удивительна въ устахъ старообрядца, ибо, по основному ученію раскола, въ старопечатныхъ богослужебныхъ книгахъ, чинахъ и обрядахъ ничего нельзя измѣнять, дополнять, или убавлять, подъ угрозой проклятія, — расколъ и возникъ изъ-за мнимаго измѣненія старопечатныхъ книгъ, при исправленіи ихъ по греческимъ и древлеписьменнымъ святоотеческимъ же книгамъ. Притомъ, если, по суду Павла, не было ни вреда, ни ереси въ томъ, что Арсеній взялъ изъ святоотеческой книги стихъ, не положенный въ Служебникѣ, и включилъ его въ Служебникъ,

---

[1052]) И этотъ и предыдущій пункты 5-й статьи „Изложенія" дѣйствительно прибавлены, т.-е. вписаны послѣ, на поляхъ.

то какой же грѣхъ и какая ересь была бы въ томъ, если бы онъ взялъ туда стихъ даже изъ священной книги, — изъ книги Исаіи пророка *се прикоснуся* и проч.? А между тѣмъ онъ такъ усиливался доказать, что Арсеній не читалъ и не могъ читать этого стиха, очевидно, видя въ этомъ что̀-то недозволительное! Все это Софроній могъ успѣшно поставить ему въ возраженіе и за все это обличить его въ новшествахъ. И вотъ инокъ Павелъ опять является здѣсь, въ противоположность Софронію, именно старообрядцемъ свободомыслящимъ, не всякое измѣненіе въ старопечатанной книгѣ считающимъ за „вредъ“, или „ересь“. Можно предполагать, что въ сущности онъ былъ не противъ того, чтобы, по примѣру православныхъ, употреблять въ чинѣ литургіи, какъ весьма приличный въ данномъ мѣстѣ, положенный „во славу Божію и не вреждающій церковныхъ догматовъ“, стихъ: *се прикоснуся* и проч.; можно полагать поэтому, что и Арсеній дѣйствительно читалъ его. По всей вѣроятности Софроній не безъ основанія писалъ, что такимъ подражаніямъ православной церкви въ митрополіи научились отъ попа Алексѣя Булгакова, такъ какъ онъ, и по переходѣ въ расколъ, всегда и даже открыто отдавалъ предпочтеніе порядкамъ и чинамъ оставленной имъ православной церкви.

Въ слѣдующей (6-й) статьѣ Павелъ и разсматривалъ это Софроніево указаніе на попа Алексѣя Лужковскаго, которое прямо объявлялъ ложнымъ, находя въ немъ только преступное желаніе Софронія „опорочить или по крайней мѣрѣ какими-нибудь натягательствы унизить“ митрополію. „Не мы полужковски, — писалъ онъ, — но самъ той священникъ Лужковской по-нашему творитъ, и если священникъ Алексѣй, нынѣ Александръ, или другой кто бы ни былъ, согласно нашему обряду чинитъ, то намъ наипаче пріятство творитъ“.

Далѣе (ст. 7-я) разсматривалось обвиненіе противъ Арсенія за посѣщеніе Успенскаго собора и похвальный отзывъ о видѣнномъ тамъ порядкѣ службы. Павелъ не отрицалъ того, что Софроній написалъ правду о посѣщеніи Арсеніемъ Успенскаго собора, даже прибавлялъ, что это обстоятельство „не оставлено

безъ вниманія"; но онъ сильно обличалъ Софронія за то, что тотъ поставлялъ это въ вину самой митрополіи: „если бы Арсеній не только тайнымъ образомъ сходилъ въ Успенскій соборъ, но хотя бы и вовся при этомъ соборѣ остался (чего Боже храни), и тогда ничтоже есть намъ и вамъ чрезъ поступки частнаго и малаго лица, но отвѣтъ есть того самаго виновнаго предъ Богомъ и церковію святою: кождо бо отъ своихъ дѣлъ оправдится или осудится". Этого, казалось бы, и достаточно; но Павелъ, видимо сочувствовавшій Арсенію, пожелалъ и здѣсь бо́льшую часть вины сложить на самого же Софронія. Онъ писалъ:

„Впрочемъ однако прилагается здѣсь для личнаго вашего выслушанія подлинникомъ и самое Арсеніево, истребованное нами, объясненіе, въ которомъ подробно явствуетъ, изъ какой нетерпимой причины онъ былъ въ Успенскомъ соборѣ, то-есть когда онъ у васъ содержался не такъ, какъ вы говорите въ лицѣ митрополита, но преданъ старицы(ѣ), вашей квартиры хозяики(ѣ), аки нѣкій арестантъ подъ замокъ въ смыслѣ предохраненія за неимѣніемъ у него паспорта отъ двухъ винъ: дабы никто къ нему не входилъ, да и онъ самъ не могъ никуда исходить, дотолика, яко ни за какія его прозбы не допускали его хотя единъ разъ посмотрѣть лѣтнюю часовню[253]) отнюдь ни днемъ, ни ночью, и *прочее, и прочее. А другое на словахъ, касающееся до васъ самихъ, остается до времени очной съ вами ставки*[254]), и вы на оное его объясненіе также нынѣ не отрецытесь невниманіемъ. Сверхъ же сего вы намъ въ дополненіе еще должны дать ваше объясненіе о нижеслѣдующемъ. Сами ли вы видѣли Арсенія, отъ вашихъ очей тайно въ Успенской соборъ отлучившася, и отколь вы познать могли Арсеніеву вину въ таковой тайной отлучки(ѣ), что имянно онъ въ томъ собственно намѣреніи ходилъ — для замѣчанія церковнаго порядка и сообщался съ иновѣрными, и что онъ, возвратясь изъ собора одобрялъ и похвалялъ той церкви служебной порядокъ? О всемъ томъ самъ ли онъ лично вамъ такъ объяснялся

---

253) Т.-е. на Рогожскомъ Кладбищѣ, гдѣ, очевидно, и жилъ Арсеній у Софроніевой старицы.

254) Намекъ на сообщенныя Арсеніемъ словесно подозрительныя отношенія Софронія къ его старицѣ, о которыхъ письменно не нашли удобнымъ говорить.

(но онъ отрицается, что никогда вамъ о томъ не объяснялся, да, кажется, васъ въ то время и въ Москвѣ не было, но въ Б(оровскѣ?), и послѣ того вы уже Арсенія и не видали), или ини вамъ о томъ сказали, якоже и есть? Ибо намъ не мнится, чтобы тайно уходившему, и когда возвратился на квартеру вамъ пріятную, тогда на самой встрѣчи(ѣ) будучи осыпанному разными ругательствы отъ хозяйки, и тутъ могло ли быть ему мѣсто тѣмъ хвалиться и одобрять внѣшніе обряды? Если же вы сами отъ него ничего того не слыхали, а только молодой старицы(ѣ), на священника вамъ клевещушей, скоро возимовѣрствовали, это подобаетъ ли епископу тако творити? Такову ли вы заповѣдь отъ Апостола воспріяли, якоже къ Тимоѳею въ зачалѣ 286 пишетъ сице: *на пона глы не пріемли, токмо при двою, или трієхъ свидѣтелехъ?* Св. Златоустъ толкуетъ на сіе, яко со опасеніемъ всегда подобаетъ суды творити, наипаче же на пресвитера (Бесѣды, стр 2503). Яснѣйше же пишетъ Матоей Правильникъ въ составѣ 4-мъ листъ 179-й, сице. „Подобаетъ свидѣтелемъ первѣе клятися, прежде даже свидѣтельствуютъ. Честнѣйшимъ же паче вѣровати. Единаго же свидѣтельство нѣсть пріятно и ни каковѣмъ либо судѣ. аще и сигклитъ будетъ Но ниже домашнихъ оглаголующему приводити подобаетъ свидѣтелелей, развѣ будутъ священницы и діакони". Ниже, листъ 180: „жена не приходитъ въ мужескій санъ, ниже возвѣщаетъ, ни свидѣтельствуетъ, но ниже согласовати симъ прощено есть народнѣ, себѣ же токмо соглаголуютъ и жена и слѣпецъ". Доздѣ Матѳеи. А вы, если основались на сплетняхъ жены и рѣшились распубликовать окружнымъ чиномъ, не доведя даже и до свѣдѣнія нашего: какой дадите отвѣтъ на соборѣ правосудію?"

За довѣріе молодой старицѣ Павелъ побѣдоносно обличилъ Софронія, а намеками на его отношенія къ сей старицѣ, о которыхъ будетъ истязанъ на очной ставкѣ съ Арсеніемъ, могъ привести его въ немалое смущеніе; но онъ все-таки не доказалъ, что будто самъ Софроній вынудилъ Арсенія идти въ Успенскій соборъ, содержа его, какъ арестанта, въ кельѣ своей старицы. Что общаго между заключеніемъ въ кельѣ и посѣщеніемъ собора? Или потому Арсеній пошелъ въ Успенскій соборъ, что его не пускали въ лѣтнюю Рогожскую часовню, въ которой по зимамъ не бываетъ и службъ? Арсеній, несомнѣнно, потому пошелъ въ Успенскій соборъ, что

ему желательно было видѣть тамъ торжественную богоявленскую службу, которую не могъ онъ не похвалить за ея торжественность и благолѣпіе, что̀ Павлу и слѣдовало бы сказать откровенно.

Оставалось послѣднее обвиненіе противъ Арсенія — за стараніе получить наперсный крестъ. Говоря о немъ въ слѣдующей (8-й) статьѣ, Павелъ замѣтилъ только, что Софроніевъ „доносъ“ объ этомъ происшествіи и Арсеніево „дотонка обстоятельное объясненіе“ требуютъ „очной ставки“, и давалъ притомъ замѣтить, что бо́льшаго довѣрія заслуживаетъ именно „дотонка обстоятельное объясненіе Арсенія, чѣмъ доносъ Софронія А все вниманіе Павелъ остановилъ здѣсь собственно на томъ, что Софроній, „подъ предлогомъ дѣла Арсеніева желалъ замарать митрополію“, объявивъ, что она ввела „неправославный“ обычай — награждать священниковъ крестами Возражая противъ этого, Павелъ писалъ:

„Такъ какъ еси вѣжественный епископъ, знающій на памятъ всѣ древніе уставы церковные и правила, скажите намъ: аще священниковъ наперснымъ крестомъ украшать обычай неправославный, значитъ по-вашему ересь, то по крайней мѣрѣ укажите намъ главу устава, или правилу число, гдѣ есть положено украшать крестами и архіереевъ? Но намъ мнится, что сего въ древнихъ уставахъ и въ правилахъ имянного повеленія не обрящется. То убо и всѣ наши архіереи, въ томъ числѣ, кажется, еще и вы сами, неужели суть въ неправославномъ обычаѣ, просто рещи въ ереси? Но еще предивнѣе (со ужасомъ вопрошаемъ), скажите: неужели и древніи святіи отцы, по вашему мудрованію, во обычаи не православной церкви пребывали, каковъ былъ св. Алексій митрополитъ Московскій и преподобный Сергій игуменъ Радонежскій, якоже пишется въ житіи его?

И далѣе приведено изъ этого житія сказаніе о томъ, какъ святитель Алексій „своима рукама крестъ на святаго (Сергія), *яко нѣкое обрученіе* возложи“. Но примѣромъ архіереевъ, а тѣмъ болѣе исключительнымъ примѣромъ преподобнаго Сергія инокъ Павелъ совсѣмъ напрасно думалъ оправдать введенный въ митрополіи обычай давать именно въ награду и именно

священникамъ наперсные кресты. Примѣровъ такого награжденія священниковъ въ древней церкви онъ не указалъ и не могъ указать. Софроній же, напротивъ, былъ несомнѣнно правъ, утверждая, что обычай награждать священниковъ крестами заимствованъ митрополіею изъ церкви великороссійской, гдѣ введенъ при императорѣ Павлѣ. Обычай этотъ, разумѣется, ничего неправославнаго не представляетъ; но съ раскольнической точки зрѣнія, на которой твердо стоялъ Софроній, онъ былъ неправославенъ уже по тому самому, что заимствованъ отъ „никоніанъ“. И Павелъ не доказалъ, что не отсюда онъ заимствованъ въ Бѣлую-Криницу: значитъ и обвиненія Софроніева противъ митрополіи не устранилъ. Ему опять приходилось расплачиваться предъ Софроніемъ, какъ истымъ представителемъ раскола, за введенныя въ митрополіи новшества, хотя и достойныя полнаго одобренія, но все же новшества, не дозволяемыя расколомъ.

„Теперь Арсеніевы вины оканчиваются, но вотъ Павловы начинаются“. Такъ переходитъ Павелъ къ разсмотрѣнію въ 9 и 10 статьяхъ „Изложенія“ Софроніевыхъ обвиненій противъ него самого. Обѣ эти статьи, написанныя имъ прежде отдѣльнаго собственнаго „Объясненія“, пришлось ему весьма значительно переправить. Правда, онъ еще оставилъ и здѣсь кое-что, сказанное потомъ въ „Объясненіи“, но больше дѣлаетъ ссылки именно на это „Объясненіе“, которое, нимало не стѣсняясь, самъ же отъ имени Кирилла превозноситъ похвалами. Такъ въ статьѣ 9-й, содержащей разборъ Софроніева обвиненія противъ него за мнѣніе о брадобрійцахъ, читаемъ:

„Истребованнымъ отъ Павла объясненіемъ, которое при семъ прилагается, *преясно* ваше криводушіе и страстное натягательство обличается, а наипаче вредное правому дагмату ваше мудрованіе открывается, которое при очной ставкѣ на соборѣ можетъ рѣшиться. Впрочемъ отвѣщайте: что ваше преосвященство изъ того хощетъ и для какой потребы вы окружнымъ чиномъ сіе распубликовали? — ересію ли вы насъ обложить намѣревались, да тѣмъ изъ-подъ вѣдомства нашей митрополіи въ число раздорниковъ и подцерковниковъ ото-

рваться надѣялись, или для какого иного предмета? Но мы нынѣ, разсматривая ваше донесеніе и Павлово къ вамъ соотвѣтствіе, нимало у Павла ереси за невольныхъ брадобріевъ не находимъ, ибо Павелъ не такъ вамъ объявилъ свое мнѣніе, какъ вы нынѣ пишете... Нынѣ Павелъ и проситъ сіе его мнѣніе представить на соборное разсужденіе, вкупѣ и ваше особое мудрствованіе, которое намъ ясно кажется, что совершенно есть напротивъ православнаго вѣры догмата".

Итакъ Павелъ заставилъ и Кирилла признать, что догматъ о небритіи брады, изложенный въ Стоглавѣ, на который твердо опирался Софроній, противенъ „православной вѣры догмату", т.-е. заставилъ Кирилла обличить въ неправославіи столь уважаемый старообрядцами Стоглавый соборъ, за что̀ Софроній могъ бы сильно истязать ихъ обоихъ, если бы рѣшился явиться на соборъ, и чѣмъ Кириллъ, не понимавшій, что̀ подписывалъ, но не менѣе Софронія преданный расколу, былъ бы, конечно, до крайности изумленъ...

Слѣдующую статью, о подложной подписи подъ письмомъ о попѣ Трофимѣ, приводимъ вполнѣ.

„По истребованіи отъ Павла объясненія, подлинникомъ здѣ прилагаемаго, мы на столь противосовѣстную вашу клевету, даже удивленіемъ одержими, вопрошаемъ васъ: съ чего взяли вы, опубликовали Павла святотатственнымъ и подложнымъ писателемъ не только къ своимъ единомышленникамъ, даже и къ прочимъ постороннимъ, того дѣла не знающимъ, но уже потомъ тую же небылицу въ лицахъ не устрамились своеручно написать и къ намъ, извѣстно за то дѣло знающимъ[255])?.*. Отвѣщайте же намъ *противу Павлова объясненія:* 1) какимъ вы изслѣдованіемъ дерзнули назвать его подложнымъ писателемъ и прежде нашего вѣдома распубликовать? 2) съ чего вы взяли содержаніе того письма назвать рѣшеніемъ, а не въ чину прошенія, какъ оно есть, и какъ вы его видѣли? 3) отколь вы познали, якобы Павелъ въ подлогѣ обличенъ былъ отъ Алимпія? Недовольно ли вы предупреждены были

[255]) Но это именно и показываетъ, что Софроній имѣлъ достаточное основаніе писать то, о чемъ писалъ даже людямъ „извѣстно знающимъ дѣло". Онъ былъ настолько уменъ, что такимъ людямъ не сталъ бы писать „небылицу въ лицахъ".

отъ насъ съ замѣчаніемъ чрезъ нашего повѣреннаго священноинока Арсенія, яко за тую вашу клевету наше на васъ есть негодованіе. И притомъ вамъ отъ Арсенія было объявлено и при К. М. К., что привезшій то письмо безъ отвѣта и безъ подписи назадъ въ митрополію самъ горѣлъ отъ стыда за таковое самомнѣнное подозрѣніе. За что и Павелъ, по приказанію нашему, писавши къ вамъ письмо отъ 1-го маія сего года, въ примиреніе вашей противности къ архіепископу Антонію, приводя васъ въ совѣсть, критикою напомянулъ вамъ о томъ, сирѣчь: пусть такъ, допустимъ быть по вашему самомнѣнію, что во время оно Павелъ писалъ къ вамъ за казанскаго священника подложно[256]; но неужели покушаетесь и нынѣ такъ же помышлять даже и на епископа Ануфрія, своеручно писавшаго къ вамъ за архіепископа Антонія[257]? Но уже кажется помощникъ митрополитскій не Павелъ, писать подложно не будетъ. И послѣ всего сего достало же у васъ совѣсти писать окружно ко всѣмъ, равно и къ намъ, да и самый даже смыслъ письма нашего, *которое Павелъ писалъ не подложно, но по его на нашей*[258], вы дерзнули превратить — изъ чина просительнаго въ повелительное разрѣшеніе. Покажите, ваше преосвященство, на сіе отвѣтъ, для чего вы такія выдумки сплетаете "

Такъ смѣло инокъ Павелъ защищалъ здѣсь несомнѣнно темное дѣло о письмѣ за попа Трофима, говоря уже не отъ себя, какъ въ „Объясненіи", а отъ имени митрополита Кирилла и прикрываясь имъ. Но если безмолвно подчинявшійся Павлу Кириллъ и дѣйствительно согласился теперь свидѣтельствовать, что письмо было написано „по его волѣ", все же однако остается необъяснимымъ, почему онъ самъ, собственноручно, не подписалъ подъ этимъ письмомъ своего имени, хотя бы и „Кирилловъ", „подъ завѣсой коммерціи". Несомнѣнно, Софроній правъ былъ обличая Павла въ самопроиз-

---

256) Не было ли однако это косвеннымъ со стороны Павла признаніемъ въ подлогѣ?

257) Неизвѣстно, о какомъ письмѣ Онуфрія здѣсь говорится. Но если Онуфрій писалъ своеручно, хотя бы и отъ имени Кирилла, и своеручно же подписался, то ссылка на его письмо приведена здѣсь совсѣмъ некстати.

258) Эти слова вписаны на полѣ.

вольномъ распоряженіи именемъ и властію митрополита, какое онъ дозволялъ себѣ безъ всякаго стѣсненія, что было всѣмъ извѣстно и всѣми считалось вполнѣ естественнымъ при совершенномъ ничтожествѣ Кирилла и при той авторитетности, какою пользовался въ митрополіи инокъ Павелъ, но чего Софроній съ своей стороны, когда ему понадобилось, не захотѣлъ считать дозволительнымъ и оставить безъ обличенія.

23. Приготовленія къ суду надъ Софроніемъ: содержаніе дальнѣйшихъ статей „Изложенія".

Въ слѣдующихъ десяти статьяхъ (11—21) „Изложенія" разобраны Павломъ тѣ, буквально приведенные выше, вопросы, или, какъ онъ выражался, „запросы", съ которыми Софроній въ концѣ своего письма обращался именно къ митрополіи, требуя на нихъ отвѣта. Разборъ сдѣланъ подробный и пространный. Здѣсь инокъ Павелъ показалъ все свое діалектическое искусство, толкуя церковныя правила и примѣры въ смыслѣ, благопріятствующемъ оправданію тѣхъ незаконныхъ дѣйствій его, на которыя указывалъ Софроній, и обращая ихъ противъ самого Софронія. Мы приведемъ въ извлеченіяхъ только болѣе существенное изъ этого пространнаго разбора Софроніевыхъ вопросовъ, — и именно то, какъ оправдывался Павелъ противъ содержащагося въ нихъ главнаго обвиненія, что поставленіе Антонія и учрежденіе Владимірской архіепископіи произведено безъ сношенія съ прочими епископами — задунайскими и россійскими, и что допущены при этомъ другія неправильности.

Софроній, приступая къ изложенію своихъ вопросовъ, въ оправданіе того, почему не находитъ возможнымъ вступить въ общеніе съ Антоніемъ и почему призналъ необходимымъ предложить о немъ слѣдующіе далѣе вопросы, указалъ на 33 апостольское правило, повелѣвающее не принимать чуждаго пресвитера, или епископа „безъ ставильнаго писанія", а имѣющихъ такое писаніе „истытывать, аще правовѣренъ есть". Этою пер-

вою же ссылкою на правила инокъ Павелъ не преминулъ воспользоваться, чтобы обратить ее противъ Софронія. Онъ писалъ:

„Архіепископъ Антоній, согласно сему правилу дѣйствительно о поставленіи его и о правовѣріи его подлинными документами отъ насъ снабденъ и, вѣроятно, какъ прибылъ въ назначенное ему мѣсто, всѣ оные при себѣ имѣлъ, съ которыхъ и вамъ во извѣстіе первіе копіи послалъ, а потомъ, за вашимъ противленіемъ, кому слѣдовало и подлинныя грамоты объявилъ. Слѣдовательно, вы не имѣли никакого права обращать его назадъ, или распоряженіе наше презирать Но вы сами, по суду вашему, праведно *должны высланы быть вонъ изъ тѣхъ предѣловъ*[259]), *поелику вы не имѣете у себя ставленныя подлинной грамоты*[260]). А если вы у себя имѣете и таковою, какъ выше вы сказали, руководствуетесь, то вѣроятно таковая грамота у васъ самихъ подложно написанная[261]). А потому и предписывается вамъ, съ объявленія сего, какія у себя имѣете отъ насъ данныя вамъ подлинныя грамоты, непремѣнно предъявить г. архіепископу Антонію во исполненіе вышеозначеннаго 33 апостольскаго правила, по суду вашему“.

Павелъ, очевидно, увлекся желаніемъ уязвить Софронія, и въ этомъ увлеченіи не примѣтилъ, что обличаетъ здѣсь самого себя и свою пресловутую митрополію. Ибо кто болѣе виноватъ въ нарушеніи церковныхъ правилъ, — Софроній ли,

---

[259]) Было прежде написано: *не должны бы пріяты быть*. Но сообразивъ, что за неимѣніемъ раскольническаго епископа въ Россіи не кому было и принять, или не принять Софронія, по 33 апостольскому правилу, Павелъ зачеркнулъ эти слова и написалъ: *должны высланы быть вонъ изъ тѣхъ предѣловъ*. Но кѣмъ же опять онъ могъ быть и высланъ, по 33-му правилу? Какъ видно изъ дальнѣйшаго, это могъ, по мнѣнію Павла, сдѣлать уже теперь Антоній.

[260]) Было (и зачеркнуто): „не имѣете у себя *не только подлинныя отъ насъ данныя вамъ грамоты, но ниже ни единыя черты*“. Значитъ, рѣчь идетъ не объ утратѣ Софроніемъ по какому-либо случаю выданной ему ставленной грамоты, а именно о томъ, что ея не было выдано.

[261]) Было: „*фальшивая, отъ васъ* самихъ подложно написанная“. Т.-е. Павелъ воспользовался случаемъ отмстить Софронію за обвиненіе въ подлогѣ.

существовавшій и дѣйствовавшій по-архіерейски безъ ставленной грамоты, или самъ бѣлокриницкій митрополитъ съ своимъ „правителемъ митрополіи“, отправившіе къ русскимъ старообрядцамъ поставленнаго для нихъ епископа, не снабдивъ его необходимо нужною ставленною грамотою? Софроній, конечно, не имѣлъ возможности представить Антонію, или даже въ митрополію требуемыя отъ него грамоты; но, съ полнымъ правомъ могъ онъ потребовать отъ самого Кирилла и Павла отчета, какъ могли они, въ нарушеніе церковныхъ правилъ, отпустить его и уполномочить на совершеніе всѣхъ архіерейскихъ дѣйствій, не снабдивъ архіерейскою ставленною грамотою. Думая защититься и поразить противника, Павелъ такимъ образомъ самъ же обличалъ творившіяся въ основанной имъ іерархіи нарушенія церковныхъ правилъ и разныя безчинія.

Софроній, въ своемъ первомъ вопросѣ, на основаніи 34 апостольскаго правила, воспрещающаго митрополиту дѣлать что-либо „безъ воли всѣхъ епископовъ“, обвинялъ митрополію за поставленіе Антонія „*безъ воли* россійскихъ епископовъ“, т.-е. безъ сношенія съ ними и безъ полученія отъ нихъ согласія на то. Здѣсь онъ первый разъ дѣлалъ упоминаніе о томъ, что въ Россіи, кромѣ его, есть еще епископъ, котораго потомъ назвалъ и по имени. Павелъ въ своемъ отвѣтѣ старался доказать, что 34 апостольское правило не можетъ простираться на Бѣлокриницкаго митрополита, находящагося въ исключительномъ положеніи, и въ подтвержденіе привелъ примѣры изъ исторіи древле-греческой и древле-русской церкви. Но особенное вниманіе обратилъ онъ на это неожиданное извѣстіе, что въ Россіи оказался, кромѣ Софронія, еще епископъ — Виталій. Подробно, въ семи пунктахъ, изложилъ онъ основанія, почему Виталій не можетъ быть признанъ законнымъ епископомъ, и Софроній за поставленіе его подлежитъ суду. Изъ этихъ пунктовъ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе четыре:

а) Хотя митрополія услышала только теперь изъ самыхъ запросовъ епископа Софронія о нѣкоемъ епископѣ Виталіи,

а кто онъ таковъ, отъ кого рукоположенъ, — отъ него ли самого, или отъ иного кого, или отвнѣ обратившійся, и какая именно ему епархія опредѣлена и какія имѣетъ въ руководствѣ своемъ права, о всемъ томъ епископъ Софроній даже и донынѣ не почтилъ увѣдомить митрополію ни единою чертою, не только почтою, но ниже съ личною оказіею м(осковскаго) депутата[262]). Обаче съ тѣмъ депутатомъ умѣлъ презорственно возвратить подлинникомъ наше письмо не только безъ отвѣта, но даже и безъ надписи поне единой черты, за какую вину оно не удостоено имъ къ принятію. Это на основаніи какихъ правилъ дѣла производятся? — да отвѣтствуетъ,

б) Да объяснитъ притомъ г. епископъ Софроній, по какому Чиновнику онъ хиротонисаніе учинилъ новому епископу Виталію. Мы добрѣ знаемъ, что древлепечатныхъ для епископскаго чина не имѣется, а отъ насъ изъ митрополіи ему сообщено еще не было[263]).

в) Если этотъ вышеобъявленный епископъ Виталій есть тотъ самый, о которомъ мы получили отъ тамо бывшихъ достовѣрныхъ людей доносъ, что этотъ епископъ не имѣетъ себѣ епархіи отнюдь никакой, а сведенъ въ поповскую должность, — если это дѣйствительно, то на основаніи какихъ правилъ сіе дѣло учреждено? Поелику всѣмъ извѣстно, что безъ опредѣленія мѣста поставлять закономъ строго возбранено, а только за случай находиться епископу въ дѣлѣ пресвитерскомъ, если поставленъ бывъ въ кую епархію и тамо не пріятъ, по 18 пр. иже въ Анкирѣ, или отъ ереси обратившійся, по 8 пр. 1-го вселенскаго собора.

г) Если вышереченный епископъ Виталій тотъ самый, который былъ отрекшись своего сана (какъ о томъ достовѣрное свидѣтельство есть), за каковую вину 62-е правило св. Апостолъ изъ сана извергаетъ, то какимъ образомъ обсудилъ

---

262) Но тогда Виталій еще не былъ и поставленъ въ епископы.

263) Между тѣмъ еще грамотою отъ 1 мая 1850 г. (см. выше, гл. 9) изъ митрополіи дано было предписаніе Софронію поставить одного, или двухъ епископовъ. Что же, — развѣ тогда въ митрополіи не знали, что у Софронія нѣтъ Чиновника, по которому онъ могъ бы совершить эти поставленія? И почему тогда же не послали ему этого Чиновника? Или предоставляли ему право не по Чиновнику ставить епископовъ? Въ такомъ случаѣ напрасно и въ вину Софронію поставляется теперь рукоположеніе Виталія неизвѣстно по какому Чиновнику. На Софронія Павелъ несправедливо слагаетъ здѣсь свою собственную вину, или, что то же, вину митрополіи.

епископъ Софроній, произвелъ того Виталія во епископа?— да засвидѣтельствуетъ на соборѣ.

Очевидно, въ митрополіи имѣли очень скудныя свѣдѣнія о новомъ россійскомъ епископѣ Виталіи, — не знали даже и того, что Софроній поставилъ его уже по полученіи присланнаго съ Антоніемъ предписанія изъ митрополіи, коимъ запрещалось ему поставлять именно другого епископа для Россіи, если не поставилъ ранѣе. Знай это Павелъ, онъ, разумѣется, прежде всего поставилъ бы на видъ столь важное обстоятельство, что рукоположеніе Виталія совершено Софроніемъ въ явное нарушеніе полученнаго изъ митрополіи запрещенія. И это было бы со стороны Павла самымъ сильнымъ доказательствомъ незаконности Софроніева дѣйствованія въ данномъ случаѣ, тогда какъ нѣкоторыя изъ представленныхъ имъ возраженій вовсе не имѣли значенія въ виду того, что Софроній уполномоченъ былъ самою митрополіею поставить для Россіи одного, или даже двухъ епископовъ. Если бы Виталія Софроній поставилъ еще до полученія присланнаго съ Антоніемъ запрещенія, какъ полагали повидимому въ митрополіи, онъ былъ бы виноватъ только въ томъ, что своевременно не сообщилъ о томъ митрополиту, какъ ему было предписано. И о личныхъ качествахъ и обстоятельствахъ Виталія Павелъ писалъ только по слухамъ, что̀ значительно ослабляло силу его возраженій.

Имѣя въ виду недавній переходъ Антонія изъ безпоповщины, при чемъ его надлежало, по существовавшему въ поповщинѣ обычаю, съизнова крестить, Софроній въ своихъ вопросахъ (вопр. 4) указывалъ, что поставленіе Антонія въ епископы было противозаконно, какъ учиненное вопреки 2-му пр. перваго вселенскаго собора, „въ толкованіи котораго сказано, яко новокрещеннаго нѣсть достойно вскорѣ поставити епископа“. Отвѣтъ Павла на это возраженіе во многихъ отношеніяхъ любопытенъ. Онъ утверждалъ, что 2-е правило перваго вселенскаго собора отнюдь не было нарушено при поставленіи Антонія въ епископа; но, не желая повторить употребленное

въ толкованіи этого правила слово „новокрещенный“, онъ самъ привелъ толкованіе не этого, а другого правила, именно 80-го апостольскаго, которое служило, какъ онъ справедливо замѣтилъ, основаніемъ для 2-го правила Никейскаго собора, — и привелъ не буквально, а въ слѣдующемъ видѣ: „отъ поганскаго житія пришедшаго, сирѣчь отъ языческаго, или отъ зла пребыванія[264]), игреца или глумца бывшаго, или чиновника нѣкоего не вскорѣ поставляти епископа, но первѣе искусити и увѣдѣти о житіи его, и тако, внегда прейдетъ вся священническіе чины безъ претыканія *и пребывши въ таковыхъ единаго лѣта время, и тако аще достоинъ явится, да будетъ епископъ*[265]). Приведя это правило, вмѣсто указаннаго Софроніемъ, и въ такомъ именно видѣ, Павелъ продолжалъ:

„А г-нъ архіепископъ Антоній не есть изъ языческаго житія и не отъ зла пребыванія, игрецъ или глумецъ, или нѣкій чиновникъ, но духовный мужъ и благоговѣйный, о чемъ митрополія извѣстно о житіи его знала; но обаче долгъ той на самомъ дѣлѣ исполнилъ, ибо митрополія за вышеупомянутое годичное время во всѣхъ (?) священныхъ степенехъ его искусила, тѣмъ убо законно и произвела его въ санъ архіепископа мѣстнымъ митрополійскимъ соборомъ.

„Отколь же взялъ епископъ Софроній истязать митрополію сію и укорять, якобы архіепископъ Антоній поставленъ противозаконно? Развѣ, пиша сей запросъ на себя самого и ошибкою произнесъ имя вмѣсто епископа Софронія на архіепископа Антонія? и правило 2-е перваго собора выставилъ

---

264) Въ правилѣ сказано: „Отъ языческаго житія пришедша и *крещшася*“; а въ толкованіи, на которое именно сослался Павелъ: „Новоприступльшаго къ соборнѣй церкви и *крестившагося*, или отъ зла житія скоро пришедшаго“.

265) Вмѣсто напечатаннаго курсивомъ, въ толкованіи читается „Сирѣчь поставленъ будетъ чтецъ, и пѣвецъ, и подъдіяконъ, и діяконъ, и презвитеръ, и потомъ епископомъ подобаетъ поставити“. Эти слова и были написаны у Павла; но потомъ зачеркнуты и замѣнены приведенными. Видно, что Павелъ нашелъ неудобнымъ подробное упоминаніе церковныхъ чиновъ, которые долженъ предварительно пройти назначаемый въ епископы изъ „новоприступившихъ“ къ церкви, такъ какъ Антоній совсѣмъ не былъ въ должности чтеца и пѣвца.

ошибкою же вмѣсто 11 правила Сардійскаго собора, иже гласитъ сице: „Торговникъ, мірскій человѣкъ, или богатый, аще священныхъ степеней не прейдетъ, епископъ не поставится. Степенемъ же разстояніе не зѣло мало, имже искушеніе вѣры и благости его испытается. Аще бо инако, новосажденъ есть". Доздѣ сущее правило; въ толкованіи же еще яснѣе наводится на самого епископа Софронія. И правда, что митрополія упустила сіе изъ виду, и видя нынѣ, на настоящемъ послѣдствіи, такіе открывающіеся его поступки, раскаивается Обаче по необходимымъ тогдашнимъ обстоятельствамъ извиняется, яко за будущее непровидѣніе не истяжется, но паче за обстоятельствы, по святоподобнымъ древнимъ событіямъ, оправдается, якоже бѣ и древле въ Царьградѣ нѣкій сенаторъ. именемъ Нектарій, новокрещенъ, абіе патріархомъ поставленъ, который даже начальникомъ былъ 2-го вселенскаго собора, а о прочихъ подобныхъ невмѣстимости ради слова здѣ оставляемъ. Но и вашу, г. епископъ Софроній законоправильную ревность удовлетворить весьма можемъ, согласно вышеозначеннаго 11-го правила Сардійскаго собора, по глаголу вашему, сотворимъ, сирѣчь *противозаконное ваше епископство* упразднимъ, а съ тѣмъ и укоризну сію уничтожимъ".

И опять, увлеченный желаніемъ уязвить врага, инокъ Павелъ нанесъ удары самому себѣ. 11-е правило Сардикійскаго собора несомнѣнно обличаетъ незаконность Софроніева поставленія въ епископы, ибо Софроній былъ и торговецъ, и мірской человѣкъ, и богатый, „на торжищѣ пребываяй и ту обращающійся" (какъ сказано въ толкованіи правила, которое, по увѣренію Павла, „яснѣйше наводится на Софронія"), имѣлъ и прочія качества, возбранявшія, по указанному правилу, произведеніе его въ епископскій санъ. Но кто же былъ виноватъ въ такомъ явномъ нарушеніи церковнаго правила? — въ такомъ незаконномъ поставленіи Софронія въ епископы? Не прежде ли всѣхъ и не больше ли всѣхъ самъ же Павелъ и его орудіе — Кириллъ? Не Софронію надлежало тогда заботиться о соблюденіи церковныхъ правилъ, а тѣмъ, кто удостоилъ его епископства и рукоположилъ его. Павелъ сознался теперь, что при поставленіи Софронія было „упущено изъ виду" 11-е правило Сардикійскаго собора; однако, и теперь хотѣлъ оправдаться въ этомъ „упущеніи", ссылаясь

на „необходимыя тогдашнія обстоятельства“. Сознаніе похвально; а попытка оправдаться совсѣмъ неудачна. Развѣ можно признать извиняющими обстоятельствами тѣ личныя, нечестныя побужденія, какими руководился Павелъ, рѣшившись съ необыкновенной быстротой устроить поставленіе Софронія въ епископы, т.-е. его желаніе отомстить Русскому правительству за арестъ Геронтія скорѣйшею посылкой въ Россію епископа для старообрядцевъ, да еще желаніе — имѣть второго епископа, который вмѣстѣ съ Онуфріемъ могъ бы произвести Кирилла въ санъ митрополита? А стараясь оправдать противозаконное поставленіе Софронія „святоподобными древними событіями“ и уподобивъ Софронія святѣйшему Нектарію, который прямо изъ сенаторовъ (а не изъ торговцевъ) былъ возведенъ въ санъ патріарха, Павелъ позволилъ себѣ даже кощунство. И если самъ же онъ назвалъ теперь епископство Софронія „противозаконнымъ“ и полежащимъ „упраздненію“, то почему же не упразднялъ его доселѣ и заговорилъ объ упраздненіи только теперь, когда самъ Софроній выступилъ съ обличеніями противъ него и митрополіи?

И защищая поставленіе Антонія въ архіепископы, Павелъ совсѣмъ не опровергъ представленное Софроніемъ возраженіе, а только прибѣгнулъ къ лукавству, которымъ опять обличалъ себя и митрополію въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ. Толкованіе 2-го правила перваго вселенскаго собора, указанное Софроніемъ, Павелъ замѣнилъ толкованіемъ 80-го апостольскаго правила, и привелъ это правило, вопреки своему обычаю, не подлинными словами: это сдѣлалъ онъ съ очевиднымъ намѣреніемъ — избѣжать употребленнаго здѣсь слова „новокрещенный“. Онъ хорошо понималъ значеніе этого слова въ Софроніевомъ возраженіи, — зналъ, что по существующему у поповцевъ обычаю Антонія слѣдовало принять чрезъ новое крещеніе, и если бы онъ былъ такъ принятъ, то его поставленіе въ епископы было бы именно поставленіемъ „новокрещеннаго“, которое ясно воспрещается правиломъ. Сказать же прямо, что Софроній не новокрещенный, что онъ принятъ изъ безпоповщины не по первому чину еретиковъ, а по вто-

рому, чрезъ мvропомазаніе (что̀ и зналъ Софроній), было неудобно для Павла, значило бы обличить себя въ отступленіи отъ существовавшаго въ поповщинѣ обычая. И пришлось ему лукавствовать, — толкованіе 2-го правила Никейскаго собора замѣнить толкованіемъ 80-го апостольскаго и это послѣднее изложить собственными словами, опустивъ неудобныя выраженія подлиннаго текста. Но даже и въ этомъ изложеніи 80-е правило развѣ могло оправдывать, съ его точки зрѣнія, поставленіе Антонія въ епископы? Правда, Антоній не былъ ни игрецъ, ни глумецъ, ни чиновникъ, — эти требованія 80-го правила инокъ Павелъ могъ справедливо примѣнить къ Антонію; но какъ онъ могъ назвать и признать „духовнымъ и благоговѣйнымъ мужемъ“ человѣка, столько лѣтъ прожившаго въ безпоповщинскомъ расколѣ, сроднившагося съ нимъ душой и недавно оставившаго этотъ расколъ въ видахъ честолюбія, когда самъ же, и незадолго передъ этимъ, въ окружныхъ грамотахъ, доказывалъ, что безпоповцы вмѣстѣ съ жидами злѣе и хуже всѣхъ еретиковъ на свѣтѣ, и древнихъ и новыхъ? Несомнѣнно, что Софроній, самъ незаконно получившій поставленіе въ епископы, вполнѣ справедливо обличалъ незаконность Антоніева поставленія, и Павелъ, тщетно усиливаясь защитить послѣднее и самъ же сознаваясь притомъ въ незаконности перваго, только подтвердилъ производившіяся въ митрополіи беззаконія.

Еще въ двухъ вопросахъ (5 и 6) Софроній, продолжая доказывать незаконность учрежденія Владимірской архіепископіи и Антоніева поставленія въ архіепископы, поставлялъ на видъ то обстоятельство, что все это митрополія учинила въ двухъ лицахъ, безъ сношенія съ архіепископомъ и епископомъ задунайскими. Павелъ, не разсматривая возраженія по существу, и здѣсь старался только, и опять въ осужденіе самому себѣ, обратить его лично противъ Софронія. Онъ писалъ:

„Ваше преосвященство, г. епископъ Софроній! Осмотрѣлись ли вы окрестъ себя и на себя? Аще вы въ затменіи ума сіе глаголете, мы васъ возбудимъ и абіе воспомянемъ. Отвѣ-

шайте вы намъ: по какимъ правиламъ поставленъ епископъ Софроній на Симбирскую епархію?... Весьма поздно вы вздумали вопрошать, могутъ ли два лица таковыя дѣла учреждать, сирѣчь архіереевъ поставлять Это вамъ подобало бы тогда вопрошать, когда еще вы не были ваше преосвященство, но только Стефанъ Трифоновичъ. Правда, и нынѣ можете, егда безъ епископскаго сана останетесь, егоже вы пріяли отъ двухъ только лицъ, даже не присутствующу и самому митрополиту[266]), и отнюдь не получа отъ задунайскаго архіепископа[267]) никаковаго о томъ сообщенія, *даже и донынѣ не имѣете его согласія*[268]), ниже отъ митрополита Амвросія соблаговоленія[269])... Если достойное Антоніево поставленіе, согласно перваго правила свв. Апостолъ, повелѣвающаго двумъ или тремъ епископамъ поставляти епископа, Софроній не признаетъ, то убо первѣе самъ онъ епископомъ да не будетъ, также и отъ него одного только самого поставленнаго епископа Виталія да упразднитъ".

---

266) Кириллъ тогда еще не былъ произведенъ въ митрополиты, и самое поставленіе Софронія въ епископы было ускорено именно для того, чтобы съ его помощію совершить Кириллово возведеніе на митрополію; а митр. Амвросій былъ въ заточеніи.

267) Но и Аркадій тогда еще не былъ архіепископомъ, а былъ только епископомъ.

268) Такимъ образомъ самъ Павелъ подтверждаетъ, что на извѣстное письмо его къ Аркадію о поставленіи Софронія и на просьбу „имѣть въ извѣстіи и въ единодушной о Христѣ братской любви и единовѣріи сего преосвященнаго епископа Россійскаго" (*Перев.* вып. 1, стр. 132), во всѣ четыре года не было отвѣта отъ задунайскихъ архіереевъ. Здѣсь является еще недоумѣніе. Если Аркадій и „донынѣ" не давалъ „согласія" на признаніе Софронія дѣйствительнымъ епископомъ, какъ проговорился Павелъ, то могъ ли онъ быть и судьей въ дѣлѣ между Софроніемъ и Антоніемъ, какъ между двумя епископами? Могъ ли Павелъ обращаться къ нему за мнѣніемъ по этому дѣлу и получить отъ него отвѣтъ, о которомъ не разъ упоминаетъ? Вообще, это извѣстіе о сношеніяхъ Павла съ Славской архіепископіей по дѣлу Софронія возбуждаетъ сомнѣніе.

269) Отсюда видно, что Павелъ, дважды посѣтивъ Амвросія въ Цилли, дѣйствительно скрывалъ отъ него, по указаннымъ нами соображеніямъ, что и въ Россію уже поставленъ епископъ. „Соблаговоленіе" же на открытіе архіерейской каѳедры въ Россіи, Амвросій, конечно, далъ бы гораздо скорѣе, чѣмъ на возведеніе Кирилла въ митрополиты, чего Павлу не легко было достигнуть.

Сила Софроніева возраженія состояла собственно въ томъ, что учрежденіе Владимірской архіепископіи и поставленіе Антонія въ архіепископы учинены безъ сношенія съ задунайскими архіепископомъ и епископомъ, которое именно требовалось по силѣ церковныхъ правилъ (1-го вселенск. прав. 4, 7-го вселенск. пр. 3, Антіохійскаго пр. 19), хотя самое поставленіе въ крайнемъ случаѣ могли совершить и два епископа. Неисполненіе этого законнаго требованія при поставленіи Антонія на Владимірскую архіепископію инокъ Павелъ никакъ не могъ оправдывать тѣмъ, что точно такое же нарушеніе церковныхъ правилъ было допущено и при поставленіи Софронія въ епископы. Развѣ можно незаконное дѣло оправдывать другимъ, такимъ же незаконнымъ, допущеннымъ прежде? Положимъ, что виноватъ былъ и Софроній, принимая незаконно совершаемое надъ нимъ поставленіе въ епископы, за что̀ и винилъ его теперь инокъ Павелъ отъ имени Кирилла; но прежде и больше всѣхъ вина за то падаетъ на его поставителей — на Кирилла и Павла, особенно если принять во вниманіе, что этотъ послѣдній во всѣхъ отношеніяхъ стоялъ гораздо выше Софронія, котораго и самъ поноситъ теперь, называя потерявшимъ и совѣсть и честь. Итакъ, несомнѣнно, что Павелъ и здѣсь, обличая Софронія, больше обличалъ себя самого и свою митрополію въ беззаконныхъ дѣяніяхъ.

Въ послѣднемъ (7) вопросѣ Софроній, упомянувъ опять объ устраненіи задунайскихъ архіереевъ въ учрежденіи Владимірской архіепископіи, указывалъ на то, что онъ не можетъ подписывать устава этой архіепископіи прежде Славскаго архіепископа, т.-е. когда этотъ послѣдній еще не подписалъ его. Вотъ что̀ на это отвѣтилъ Павелъ:

„Вскую вы взыскаете за Владимірскую архіепископію только, а теряете взысканіе отъ митрополіи за устраненіе васъ отъ участія въ учрежденіи Славской архіепископіи? и теперь какъ оная можетъ существовать безъ подписа вашего на ея уставѣ? Однако, *во удовлетвореніе вашего 7-го запѣйнаго вопроса,* хотя не малъ трудъ предстоялъ, но митрополія *изъ крайняго снисхожденія къ вашей притязательности,* не проминовала сдѣлать сообщеніе задунайскому архіепископу Аркадію и уже

имѣетъ достойное соотвѣтствіе[270]), котораго содержанія силу вы въ подлинникѣ нынѣ увидите, только благоволите пріѣхать на соборное разсужденіе, и подобающее отъ него, или отъ тамошняго депутата лично услышите“[271]).

Вопросъ Софронія былъ не „затѣйный“; онъ справедливо указывалъ на неудобство подписаться подъ уставомъ Владимірской архіепископіи прежде Славскаго архіепископа, или когда не значится подъ нимъ подписи Славскаго архіепископа. И Павелъ напрасно указалъ Софронію на то, что нѣтъ и его, Софроніевой, подписи подъ уставомъ Славской архіепископіи, однако же за это онъ не укоряетъ митрополію и не возстаетъ противъ существованія Славской архіепископіи. Есть различіе въ іерархическомъ порядкѣ между епископомъ, притомъ новопоставленнымъ, каковъ былъ Софроній во время учрежденія Славской архіепископіи, и архіепископомъ, участіе котораго въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ учрежденіе архіепископіи, необходимо. И если нужно было подписать уставъ Славской архіепископіи единственному россійскому епископу старообрядцевъ — Софронію, то кто же, если не самъ Павелъ, виноватъ былъ, что о полученіи его подписи не позаботились въ митрополіи? Да Павелъ и самъ наконецъ сознался, хотя и въ виду Софроніевой „притязательности“, что согласіе Славскаго архіепископа на учрежденіе Владимірской архіепископіи дѣйствительно нужно, что объ этомъ уже сдѣлано сношеніе съ Арка-

---

270) По связи рѣчи выходитъ, что сношеніе съ Аркадіемъ было сдѣлано собственно по вопросу объ учрежденіи Владимірской архіепископіи и подписаніи ея устава.

271) Здѣсь примѣчается большая неясность. Если имѣлось уже „подлинное соотвѣтствіе“ Аркадія, то и достаточно будетъ на соборѣ предъявить его Софронію. Зачѣмъ же говорится далѣе о „личномъ услышаніи“ этого „соотвѣтствованія“ отъ самого Аркадія, или его депутата? По всей вѣроятности, Павелъ только надѣялся ко времени собора для суда надъ Софроніемъ вызвать въ митрополію или самого Аркадія, или его депутата, вообще заручиться къ тому времени согласіемъ задунайскихъ епископовъ на утвержденіе устава Владимірской архіепископіи и на обвиненіе Софронія, а дѣйствительнаго согласія отъ нихъ тогда не имѣлъ.

діемъ и даже получено „достойное соотвѣтствованіе“. Для чего же было и осуждать Софронія за его будто бы „затѣйный“ вопросъ?

Въ дальнѣйшихъ статьяхъ (21—30) „Изложенія“ разсматривалось то дополнительное письмо Софронія, при которомъ онъ препроводилъ въ митрополію свое, писанное къ Антонію, письмо, полагая, что Антоній не доставилъ его, и гдѣ изложилъ еще новые извѣтны на митрополію. Эта послѣдняя часть „Изложенія“ интересна въ томъ отношеніи, что даетъ ясное понятіе о крайней степени раздраженія, какой достигла вражда съ обѣихъ сторонъ. Приведемъ изъ нея наиболѣе характерныя въ этомъ смыслѣ мѣста. Въ 21-й статьѣ Павелъ писалъ:

„Отъ 12 іюля, пиша дополненіе, вы говорите, что якобы епископъ Виталій (которой — не имѣющей ни гласа, ни вѣса, и пустопраздной и безпредѣльной, а можетъ быть и не въ полномъ разсудкѣ) уже рѣшительно отступилъ нашего общенія и отъ архіепископа Антонія, за вину какихъ-то новшествъ, и якобы удерживаетъ и умоляетъ васъ слезно и всѣхъ прочихъ его дѣтей духовныхъ отнюдь съ нами не сообщаться. А вамъ возможно ли на томъ основаться и поблажать таковую его безумную дерзость, яко уже, по свидѣтельству священноинока Арсенія, не поминаете въ литургіи своего первосвятителя, вопреки правилъ 13 и 14 первовторого собора, извергающихъ за сію вину изъ сана. А потому оба вы съ Виталіемъ требуетеся на соборный судъ, гдѣ подобаетъ вамъ о всемъ томъ дать имянной отчетъ. А наипаче, чего вѣрнаго не познали, то безразсудною своею дерзостію, прежде времени, статьи публиковать на соблазнъ невѣдущимъ по какому праву смѣли? Хотя вы, угрожая митрополіи, пишете, что вы можете сдѣлать, яко вспыхнетъ пламень народнаго рвенія, тогда опалитъ и Брадатова, но и вѣками не угаснетъ; это есть недалече отъ того рекшаго: взыду на небо и на облацѣхъ престолъ мой поставлю и подобенъ буду Всевышнему. Но онъ, несчастный, не предвѣдалъ того, что возносяся до небесъ, снидетъ до бездны“.

Въ дополненіи Софроній рѣзко упрекалъ Антонія, называя его „презорливымъ“, за то, что онъ замедлилъ отправить въ митрополію его письмо. Павелъ отвѣчалъ на это, что замедленіе произошло отъ того, что письмо, „открыто писанное

(т.-е. не подъ завѣсою коммерціи), слѣдовало при товарѣ (?) тайно", и прибавлялъ: „за это мы не должны г. архіепископа Антонія потязать, но еще паче его благодарить, а вамъ замѣтить: поелику вы тѣ же самые запросы при вышеозначенномъ дополненіи столь открыто и своеручно писанные вручаете почтѣ, эта ваша смѣлость подаетъ во мнѣніе другую какую-то идею, для насъ весьма опасную" (ст. 22). Это значило, что инокъ Павелъ заподозрилъ Софронія въ желаніи выдать правительствамъ, русскому и австрійскому, секретныя, строго воспрещаемыя сношенія Бѣлокриницкой митрополіи съ русскими раскольниками, поставленіе для нихъ архіепископа, возникшія изъ-за этого споры и раздоры въ іерархіи и пр. Это подозрѣніе въ замыслѣ, опасномъ для митрополіи и постыдномъ для старообрядца, Павелъ и поставилъ на видъ Софронію. А считать его способнымъ на предательство онъ имѣль тѣмъ болѣе основанія, что зналъ уже о вѣроломномъ поступкѣ его съ Авѳоніемъ Кочуевымъ, на что̀ повидимому и намекалъ здѣсь.

Потомъ, на рѣзкое замѣчаніе Софронія о слабомъ положеніи главнаго хозяина въ Бѣлой-Криницѣ, о дѣлателяхъ, влагающихъ (въ зданіе іерархіи) гнилыя бревна изъ пустаго дома, чѣмъ такъ ясно указывалось на поставленіе въ архіепископы Антонія, взятаго изъ безпоповщины, Павелъ, какъ бы не понимая въ чемъ дѣло, отвѣтилъ только, что Софроній долженъ будетъ дать на соборѣ обстоятельное объясненіе, „какое это слабое положеніе главнаго хозяина, кто это суть дѣлатели и что̀ есть гнилыя бревна" (ст. 24).

Софроній въ „дополненіи" обличалъ митрополію еще за то, что архіерейскія служенія и чинопослѣдованія, въ томъ числѣ и самыя хиротоніи, совершаются тамъ не по древлепечатному Чиновнику, а по выпискамъ, сдѣланнымъ изъ новыхъ Служебниковъ. Не трудно усмотрѣть связь этого обвиненія противъ митрополіи съ однимъ изъ изложенныхъ выше „вопросовъ и прошеній", которые Софроній посылалъ въ митрополію. Онъ просилъ тогда, между прочимъ, „написать и прислать ему чинъ трехъ архіерейскихъ литургій, всенощнаго архіерейскаго бдѣнія и чинъ святыхъ хиротоній". Просьбу его,

какъ видно, не исполнили, — требуемыхъ Чинопослѣдованій не прислали, почему Павелъ и могъ съ такою увѣренностію писать, что для поставленія Виталія Софроній не имѣлъ даже и Чиновника, по которому могъ бы совершить это поставленіе. Съ своей стороны и Софроній, не получивъ изъ митрополіи просимаго имъ списка древлепечатныхъ архіерейскихъ службъ и наведенный этимъ на мысль, что древлепечатнаго Чиновника не имѣется и въ митрополіи, обвинялъ ее теперь за совершеніе хиротоній и другихъ архіерейскихъ службъ по выпискамъ изъ новыхъ Чиновниковъ, при чемъ сослался и на полученныя о томъ извѣстія. По этому поводу инокъ Павелъ написалъ слѣдующее любопытное объясненіе.

„Ждетъ васъ на соборъ еще очная ставка, отъ кого вы слышали, что мы для архіерейской литургіи старопечатнаго Чиновника не имѣемъ, но якобы служимъ по выпискамъ изъ новыхъ Чиновниковъ. Сіи рѣчи, смѣшанныя аки пшеница съ плевелы, на соборномъ гумнѣ, благодатію Божіею, аки сильнымъ вѣтромъ, провѣются, и плевелы отлетятъ, а пшеница одна останется чиста. Ибо воистину древлепечатныхъ Чиновниковъ на архіерейскій чинъ и на іерархическую соборную литургію у насъ, да и нигдѣ, не находится. Мы благодарны бы были, если бы кто намъ таковой доставилъ, или по крайней мѣрѣ возвѣстилъ, гдѣ можно видѣть его, за который изумляется епископъ Софроній; но знаемъ, что всякіе труды о томъ тщетны. Обаче мы отъ новопечатныхъ Чиновниковъ нужды не имѣли и не имѣемъ заимствоваться, когда у насъ древлеписьменные имѣются. Да если бы мы и никаковаго своего и письменнаго не имѣли, и тогда лучше бы почли отъ одушевленнаго Чиновника заимствоваться, которой уже сдѣлался нашимъ, нежели отъ печатнаго новаго чужевѣрнаго[272]).

---

272) Вотъ какое чудовищное отвращеніе къ новоисправленному, даже будто бы „чужевѣрному“, Чиновнику выразилъ здѣсь инокъ Павелъ, хотя самъ же выше призналъ возможнымъ дѣлать измѣненія и вставки въ церковныхъ книгахъ, лишь бы только не противны были догматамъ вѣры! Любопытно еще это витіеватое указаніе на „одушевленный Чиновникъ, который уже сдѣлался нашимъ“, то-есть на Амвросія. Павелъ выражаетъ здѣсь ту мысль, что охотнѣе принялъ бы, въ указанномъ случаѣ, Чиновникъ, переведенный съ греческаго (каковую услугу могъ бы оказать ему, вѣроятно, Огняновичъ), нежели ново-

А когда мы древлеправославные Чиновники имѣемъ и можемъ представить всегда на очи, какъ-то: полный Чиновникъ письменный, который здѣсь въ Бѣлокрыницы(ѣ), чуднымъ промысломъ Божіимъ(!), при описанномъ имуществѣ самаго перваго осадчаго села сего Иларіона Петровича сохраненъ имѣется, а другой въ частяхъ собранный отъ чиновъ прежнихъ митрополитовъ россійскихъ и отъ чиновъ поставленія перваго патріарха Іова и Филарета, – сей Чиновникъ, современнаго иже при патріархахъ писма, не въ большой книжицы(ѣ) совокупленный, есть къ намъ присланъ изъ Москвы къ самому прибытію г. митрополита Амвросія. Прочіе же, по извлеченіи подобающаго, возвращены обратно въ Москву, коимъ можемъ указать мѣсто, гдѣ они вѣроятно и нынѣ хранятся[273]). Но любопытно, даже и нетерпѣливо ждемъ, на какіе именно Чиновники архіерейскіе сошлется самъ мнимый ревнитель г. епископъ Софроній, какъ уже выше въ 13-й статьѣ требуется, когда онъ самъ поставлялъ новаго епископа Виталія по какому именно Чиновнику“ (ст. 26).

Слѣдующую (27-ю) статью собственноручно написалъ епископъ Онуфрій. Онъ опровергъ ссылками на достовѣрныя

исправленный, „чужевѣрный“. Но развѣ новоисправленный не по тому же греческому Чиновнику исправленъ? Развѣ имѣетъ какія несходства съ нимъ? И развѣ греки, отъ которыхъ пришелъ въ Бѣлую-Криницу Амвросій, по мнѣнію раскольниковъ, не такіе „чужевѣрцы“, какъ россіяне, и книги ихъ, принесенныя Амвросіемъ, не такія же „чужевѣрныя“? Вѣдь и грека-Амвросія въ Бѣлой-Криницѣ подвергли тому же чинопріятію отъ ереси, какому подвергаются приходящіе отъ великороссійской церкви.

[273]) Итакъ въ Бѣлой-Криницѣ имѣются: 1) древлеписьменный Чиновникъ (неизвѣстно какого вѣка), наслѣдованный отъ Ларивона Коровьи Ножки, 2) сборный временъ Іова и Филарета, 3) выписки, или извлеченія изъ другихъ древлеписьменныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти Чиновники не сходны между собою (такова общепризнанная черта нашихъ старинныхъ рукописей). Спрашивается: по какому же изъ этихъ Чиновниковъ дѣйствуютъ въ митрополи? какому отдано предпочтеніе и по какимъ основаніямъ? Или составленъ изъ нихъ сводный Чиновникъ? Любопытно также знать, по какому Чиновнику производятся и столь частыя поставленія раскольническихъ архіереевъ въ Россіи, которыхъ митрополія уже не упрекаетъ, какъ Софронія, за неимѣніе Чиновника? Вообще, „запросъ“ Софронія имѣлъ свое значеніе, и отвѣтъ Павла нельзя назвать удовлетворительнымъ.

свидѣтельства сдѣланное Софроніемъ замѣчаніе, будто „митрополія возвела его, Онуфрія, въ епископы не законныхъ лѣтъ“. А затѣмъ въ 28-й статьѣ инокъ Павелъ изложеніемъ дѣла по подлиннымъ документамъ опровергнулъ замѣчаніе Софронія о попѣ Алексѣѣ лужковскомъ, что его, будто бы изверженнаго изъ сана, митрополія возвела во игумены Мануиловскаго монастыря, свергнувъ достойнаго игумена. Наконецъ, въ предпослѣдней статьѣ Павелъ изложилъ и подвергнулъ разбору остальныя Софроніевы обвиненія противъ митрополіи. Онъ писалъ:

„Еще вы, г. епископъ Софроній, пишете въ дополнительномъ своемъ письмѣ, что якобы взошли многіе обычаи церковные изъ церкви инославныхъ, которые, говорите, якобы вамъ переданы отъ насъ, и прилагаете онымъ выписку для нашей видимости, а имянно: *1-е о митрѣ,* якобы митру надѣвать на главу подобаетъ токмо одному патріарху, а кромѣ его никому изъ архіереевъ, по свидѣтельству путешественниковъ — Суханова и Григоровича, отъ греческаго обычая, а въ Россіи якобы послѣ введено во общее употребленіе у всѣхъ епископовъ и архимандритовъ; *2-е о наперсномъ крестѣ,* что въ кіевской митрополіи, изъ подражанія католицкимъ аббатамъ, введено было обыкновеніе архимандритамъ носить кресты наперсные, а послѣ и въ Россіи повелѣно отъ императрицы Елисаветы Петровны, но потомъ государь Павелъ 1-й уставилъ и для поповъ; *3-е о сакосѣ,* что гражданскія книжки свидѣтельствуютъ, что сакосъ есть собственно только патріаршеское облаченіе, но патріархъ въ Греціи сакосъ надѣвалъ только три раза въ годъ“.

Приведя эти, повидимому, подлинныя слова Софронія, инокъ Павелъ презрительно восклицалъ: „Такъ сіи-то, по васъ, вещи теперь новую означаютъ у насъ ересь! О, вѣжественная, о, ревностная преосвященная главо!“ Потомъ, онъ представилъ нѣкоторыя свидѣтельства историческихъ памятниковъ о существовавшемъ издревле употребленіи митры, наперсныхъ крестовъ и сакоса[274]), и въ заключеніе писалъ:

---

[274]) О наперсныхъ крестахъ Павелъ только напоминаетъ здѣсь сказанное имъ выше, по поводу упоминаемыхъ Софроніемъ хлопоть

„За сіи ли ереси вы отважились опубликовать насъ еретиками и дерзнули навести на насъ 15-е правило перво-втораго собора, гласящее: „аще нѣцыи отступятъ отъ нѣкоего епископа за ересь“ и проч., и еще, яко во свидѣтельство себѣ приводите, глаголете, яко Виталій уже рѣшительно отступилъ нашего общенія и отъ архіепископа Антонія за вину новшествъ? За таковые учиненные вами дерзкіе и безмѣстные поступки какимъ лицемъ явитеся на соборномъ сужденіи и какую соборную награду себѣ получить надѣетесь, о чемъ, аще Богъ благоволитъ, будемъ видѣть на самомъ дѣлѣ“.

Приведемъ наконецъ вполнѣ послѣднюю (30-ю) статью „Изложенія“:

„Когда вы, г. епископъ Софроній (какъ сами говорите), отъ нѣкихъ бродяжныхъ пустосвятовъ слыша, нелѣпости и пустые звуки словъ съ вѣроятіемъ пріяли и рѣшились безъ надлежащаго изслѣдованія и достовѣрнаго узнанія истины окружно распубликовать, потомъ задомъ напередъ запросы отъ насъ требовать, съ такимъ даже противоправильнымъ израженіемъ, что дондеже не получите отвѣта отъ насъ, въ раздорѣ быть объявились, то-есть опровергая наша распоряженія и не слушая нашего приказанія, отринули г. архіепископа Антонія отъ сообщенія и даже дерзнули съ подлинными его грамотами возбранить ему вступленіе въ свою законную должность, за что̀ вы сами правильное бы имѣли на ся принять запрещеніе. Но мы, побѣждаеми братскою о Христѣ къ вамъ любовію, отъ того удержались, предположили же не прежде распубликовать и васъ разъобщить, но всѣ вышеизобличенныя ваши дерзости, клеветы и лукавовымышленности вамъ объявить и тогда на соборное сужденіе представить. А еже отъ постороннихъ на васъ обвинительные доносы, какъ-то: 1) о налогахъ на священниковъ, 2) о прикупахъ процентныхъ ломбартными билетами, 3) о освященіи въ нѣкоей деревни(ѣ) церкви во имя преп. Сергія безъ вечерни и безъ утрени, одною литургіею, 4) о похищеніи отъ священниковъ Рогожскаго Кладбища святыхъ таинъ Христовыхъ и 5) отъ тульскаго попа видѣть(?) свидѣтельство — за прежнюю вину испо-

---

Арсенія о награжденіи его наперснымъ крестомъ (ст. 8); о митрѣ говоритъ очень кратко; а о саккосѣ, что это есть одежда не однихъ патріарховъ, дѣлаетъ довольно пространную справку.

вѣдь, что вы отъ уголовнаго грѣха свободны[275]), — о всемъ томъ прежде произвести слѣдствіе, и что̀ истинно откроется, на соборѣ объясненія отъ васъ требовать и тогда законно васъ судить".

Таково содержаніе составленнаго Павломъ отъ имени Кирилла „Изложенія", или точнѣе разсмотрѣнія Софроніевыхъ предъявленій противъ митрополіи. Павелъ разсмотрѣлъ ихъ во всей подробности, не оставивъ безъ вниманія ни одной даже частности, и употребилъ на этотъ трудъ все свое искусство. Дѣйствительно, труда и искусства требовалось не мало въ борьбѣ съ такимъ противникомъ, каковъ былъ Софроній, при полномъ отсутствіи нравственныхъ качествъ, обладавшій и умомъ, и начитанностью, и рѣдкимъ въ расколѣ умѣньемъ излагать свои мысли не только вполнѣ грамотно, но даже и литературно. Въ этомъ отношеніи Софроній былъ достойнымъ соперникомъ Павла, хотя этотъ послѣдній и на-

---

275) Два послѣдніе изъ указанныхъ здѣсь преступленій Софронія относились еще къ тому времени, когда онъ не былъ епископомъ, а торговалъ бѣглыми попами, и слѣдовательно составляли рѣшительное препятствіе къ самому поставленію его въ епископы. Упоминаемый здѣсь Тульскій бѣглый попъ Павелъ былъ духовникомъ Степана Трифонова, и отъ него-то требовалось свидѣтельство, что сей послѣдній уголовныхъ преступленій не совершалъ, по крайней мѣрѣ на исповѣди въ нихъ не сознавался. Въ настоящемъ мѣстѣ „Изложенія" сначала говорилось объ этомъ и яснѣе; но Павелъ, очевидно, поопасался,— нашелъ слишкомъ позорнымъ для іерархіи открыто говорить о преступленіяхъ человѣка, котораго самъ же рекомендовалъ въ епископы, поэтому и зачеркнулъ то, что̀ говорилось болѣе ясно. Вотъ зачеркнутыя слова: „Другіе же важные на васъ, г. еп. Софроній, обвинительные доносы, лишающіе васъ сана, которые якобы вы при поставленіи своемъ въ санъ епископа утаили, не могутъ отъ подозрѣнія очиститься, ни нашими какими-либо изслѣдованіями, ни вашими собственными отзывами, какъ только вы можете отъ прежнихъ своихъ духовниковъ, какъ отъ рогожскихъ священниковъ (если оставшійся есть вашъ духовникъ), а наипаче отъ послѣдняго вашего духовника, тульскаго священника Павла, получить свидѣтельство въ томъ, что вы *отъ святотатства и убійства* неповинны". Итакъ Павлу приходилось считаться съ подозрѣніемъ, и весьма основательнымъ, — не поставленъ ли по его указанію въ епископы святотатецъ и убійца!

зывалъ его только въ насмѣшку „вѣжественнымъ“. Со старообрядческой точки зрѣнія, Софроній былъ, конечно, виноватъ и подлежалъ суду за то, что отказался признать Антонія дѣйствительнымъ архіепископомъ и войти въ общеніе съ нимъ; но онъ былъ правъ, когда, крѣпко держась той же раскольнической точки зрѣнія, указывалъ творившіяся въ митрополіи явныя противозаконности, за которыя не находилъ возможнымъ оставаться въ общеніи и съ нею, и съ поставленнымъ въ ней Антоніемъ. Поэтому и Павелъ, въ своемъ „Изложеніи“, жестоко и повидимому побѣдносно обличая Софронія, въ то же время постоянно оказывался несостоятельнымъ въ защитѣ митрополіи и невольно подтверждалъ допущенныя въ ней, обличаемыя Софроніемъ, противозаконности, за которыя самъ, какъ „правитель“ митрополіи, отвѣтственъ былъ болѣе всѣхъ.

24. Приготовленія къ суду надъ Софроніемъ: формальное требованіе его на судъ; предписаніе Антонію.— Уклоненіе Софронія отъ сношеній съ Антоніемъ и полный разрывъ съ митрополіей.

Написанное инокомъ Павломъ пространное „Изложеніе“ имѣло видъ и значеніе обвинительнаго акта въ Софроніевомъ дѣлѣ: здѣсь представлены были во всей полнотѣ, съ указаніемъ основаній и разъясненіемъ, всѣ пункты обвиненія, по которымъ требовалось отъ Софронія дать отвѣтъ на судѣ, Его, по порядку, и слѣдовало вручить Софронію. Но Павелъ нашелъ, что вручать ему, или отдавать въ полное владѣніе этотъ пространный обвинительный актъ неудобно, и будто бы потому, что въ немъ все писано „не подъ завѣсою, а открыто“, на самомъ же дѣлѣ можетъ-быть потому, что и самъ чувствовалъ, какъ легко противъ многихъ его объясненій и доказательствъ Софроній можетъ сдѣлать основательныя возраженія, опираясь на издавна утвердившіеся въ расколѣ мнѣнія и обычаи, строго соблюдаемые старообрядцами. По этимъ, или инымъ соображеніямъ онъ призналъ за лучшее какъ „Изложеніе“, такъ и другіе соединенные съ нимъ доку-

менты препроводить къ Антонію, и поручить ему, какъ архіепископу россійскихъ старообрядцевъ, предъявить ихъ Софронію только для прочтенія или для выслушанія, а Софронію — послать формальное объявленіе о преданіи его суду, съ предписаніемъ немедленно явиться, вмѣстѣ съ своимъ епископомъ Виталіемъ, къ архіепископу Антонію, у котораго можетъ прочитать, или выслушать подробное „Изложеніе“ предъявляемыхъ митрополіею обвиненій противъ него, который также объявитъ ему о мѣстѣ и времени соборнаго надъ нимъ суда. Для врученія Софронію „формальнаго требованія“ и для доставленія Антонію „Изложенія“ съ прочими документами признали за лучшее отправить изъ митрополіи нарочныхъ пословъ, опасаясь ввѣрять почтѣ столь важные документы.

Итакъ оставалось Павлу написать „формальное требованіе“ Софронію и сообщеніе Антонію о возлагаемыхъ на него порученіяхъ: то и другое съ большимъ тщаніемъ было составлено имъ отъ имени Кирилла и Онуфрія [276]).

Въ „формальномъ требованіи“ Софронію Павелъ искусно воспользовался нѣкоторыми его собственными выраженіями изъ того дополнительнаго письма, при которомъ было послано имъ въ митрополію извѣстное письмо къ Антонію. Такъ, въ самомъ же началѣ Павелъ писалъ:

„Вы, г. епископъ Софроній, изволите просить насъ въ письмѣ своемъ отъ 12 іюля сего года сицевыми словами: „а что̀ пишете о доносахъ на меня, то я прошу формально раскрыть и желаю судимъ быти, если это окажется справедливо“. Потому нынѣ хиротонисатели ваши вызываютъ васъ на духовный судъ, да по писанному отъ словесъ своихъ оправдишися, или осудишися. Притомъ же еще просятъ формальнаго сужденія и праведнаго по изслѣдованіи рѣшенія и тѣ самые лицы, которыхъ вы акибы въ зѣло тяжкихъ религіозныхъ преступленіяхъ и въ порокахъ дознали и прежде суда сами отъ себя окружнымъ чиномъ уже распубликовали, да и всю Бѣлокриницкую митрополію акибы внесенными новшествами поврежденную письменно опорочили и на самомъ

276) Оба документа, черновые, собственноручно писанные Павломъ, съ многочисленными поправками, въ *Бѣлокр. арх.*

дѣлѣ уже противоположное показали. Въ такомъ случаѣ необходимо вы должны по сему требованію прибыть къ г. архіепископу Антонію непремѣнно сами, и вкупѣ съ вами потребовать прибыть новопоставленнаго вашего епископа Виталія съ его подлинными документами и со всѣми вашего учрежденія на его епархію правами, да архіепископъ Антоній укажетъ вамъ, гдѣ есть собору мѣсто, или вкупѣ съ нимъ прибудете на извѣстной ему пунктъ.

„Итакъ, ваше преосвященство, вы нынѣ отъ сего требованія отнюдь отказываться не должны... Когда вы могли возымѣть способъ пріѣхать къ намъ за священнымъ сановоспріятіемъ, кольми паче нынѣ, въ толикомъ сану будучи, непремѣнно должны прибыть, *гдѣ назначенъ будетъ собору пунктъ*[277]) для законнаго оправданія.

„Хотя вы рукоположеніе воспріяли не отъ самого бѣлокриницкаго митрополита, но отъ двухъ епископовъ, Майносскаго и Ибраиловскаго, иже суть отъ предѣлъ турецкихъ[278]), обаче присягу вы сдѣлали на самомъ хиротонисаніи своемъ, стоя во святѣй церкви, и изрекли: „обѣщаюся, егда позоветъ мя къ себѣ господинъ верховный святитель митрополитъ Бѣлокриницкій, безъ всякаго извѣта и слова идти мнѣ на соборъ; хотя бы и самъ державный владѣтель, или сильніи отъ свѣтскаго начальства, или отъ людей кто, удерживать мя хотѣли, отнюдь не буди мнѣ ослушатися повелѣнія г. верховнаго святителя митрополіи Бѣлокриницкой николиже“, и проч.

Здѣсь первоначально и хотѣлъ Павелъ окончить это „формальное требованіе“ Софронію, и уже поставилъ подъ нимъ

---

277) Вписано сверху. Ясно, что мѣстомъ суда назначалась сама митрополія, куда прежде Софроній нашелъ возможнымъ прибыть для полученія архіерейства; но Павелъ, изъ предосторожности, не упоминаетъ объ ней въ документѣ, имѣющемъ остаться въ рукахъ Софронія.

278) Непонятно, ради чего Павелъ указалъ здѣсь на это странное и воспрещенное австрійскимъ правительствомъ свое же дѣйствіе, что оба намѣстника были назначены епископами для мѣстъ, находящихся не въ австрійскихъ, а въ турецкихъ предѣлахъ, — Кириллъ для Майноса, а Онуфрій для Браилова. Указаніе это и къ Софроніеву дѣлу не имѣетъ никакого отношенія. Или онъ опасался, что Софроній можетъ отказаться отъ приглашенія на судъ въ митрополію подъ тѣмъ предлогомъ, что оба его рукоположителя были турецкіе епископы, такъ что призналъ нужнымъ заранѣе устранить этотъ предлогъ?

годъ и мѣсяцъ, также иниціалы именъ Кирилла и Онуфрія, съ особымъ объясненіемъ, почему не написалъ полныя ихъ имена. Но затѣмъ разсудилъ, что пространнаго „Изложенія", которое притомъ не должно поступить во владѣніе Софронія, которое, быть можетъ, онъ не захочетъ и прочитать, или выслушать у Антонія, недостаточно, а нужно еще въ самомъ „требованіи", которое имѣетъ быть вручено Софронію лично бѣлокриницкимъ посломъ, кратко повторить существенное содержаніе пространнаго „Изложенія". И вотъ Павелъ, зачеркнувъ дату, иниціалы и объясненіе къ нимъ, написалъ дѣйствительно „Краткое извлеченіе изъ пространнаго изложенія", которому предпослалъ слѣдующія строки, воспользовавшись опять словами самого Софронія изъ того же его письма:

„Такъ какъ вы, г. епископъ Софроній, пишете къ намъ, глаголя: „никогда не почію, дондеже все устроится на основаніи древнихъ книгъ, буду митрополію день и нощь о истинѣ и правдѣ побуждать". Но вотъ теперь время благопріятно, уже не на словахъ токмо, а показать на самомъ дѣлѣ; и не нужно въ побужденіи насъ много безпокоиться вамъ, но мы паче побудимъ васъ — не облѣнитесь на предназначенной соборъ предстать и подобающій отвѣтъ дать, а именно"...

За симъ и слѣдовало „Краткое извлеченіе", состоящее также изъ 30 пунктовъ, или статей, какъ и самое „Изложеніе", хотя не всѣ они соотвѣтствуютъ порядку пунктовъ этого послѣдняго, а только каждый имѣетъ ссылку на тотъ, или другой изъ нихъ. Чтобы познакомить читателей съ характеромъ этого сдѣланнаго Павломъ „извлеченія", приведемъ нѣкоторые его пункты.

„3. Епископъ Софроній (якоже явствуетъ по статьѣ 3-й), держась обычая внѣшнихъ церквей, осѣнялъ рукою креста знаменіемъ съ кадиломъ святыя иконы, стоя предъ царскими дверьми, а священноинока Арсенія за указаніе православнаго обычая палкою чрезъ посредника угрожалъ.

„5. Изъ обстоятельнаго разсмотрѣнія по статіи 5-й явствуетъ, что епископъ Софроній пристрастно оклеветалъ еретикомъ священника Арсенія за то, что онъ въ литургіи предъ(?) причащеніемъ вычиталъ на память стихъ, *котораго наряду*

въ Служебникѣ не напечатано, но въ концѣ причастныхъ молитвъ въ Псалтырѣ со вослѣдованіемъ, сице: „Се приступаю къ божественному причащенію“ и прочее. А епископъ Софроній превратилъ сіи глаголы, пишетъ сице: „Се прикоснуся устомъ моимъ“и указалъ сему стиху мѣсто въ новомъ Служебникѣ Александра I-го, и притомъ самъ же епископъ на ся призасвидѣтельствовалъ, что Арсенію сего стиха наизусть выучить негдѣ, какъ въ митрополіи. А потому и требуется отъ него на судѣ вѣрное доказательство по реченію сему.

„6. Епископъ Софроній, какъ явствуетъ по ст. 7-й, обноситъ порокомъ въ отступленіи вѣры священноинока Арсенія потому только, что Арсеній изъ любопытства *ероду единожды, по прилучаю,* тайно сходилъ посмотрѣть Успенскій соборъ (а не крещенскую службу въ Успенскомъ соборѣ?); но и то епископъ сію сплетню(?) принялъ отъ клевещущей страстно одной молодой черницы[279]) и безъ всякаго суда, ниже митрополіи до свѣдѣнія доведя, уже распубликовалъ отъ себя окружнымъ чиномъ.

„26. Почто поздно епископъ Софроній вздумалъ запросами утруждать митрополію только теперь, что могутъ ли два лица, сирѣчь митрополитъ и епископъ, другихъ архіереевъ поставлять, а не тогда, когда онъ былъ еще сущій мірянинъ и на поставленіи своемъ, имѣя только двухъ епископовъ, Майносскаго и Ибраиловскаго, да и въ небытіе митрополита, а еще сущаго третьяго Славскаго задунайскаго архіерея не потребовалъ. Итакъ, если достойное Антоніево постановленіе, согласно 1-го правила св. Апостолъ, повелѣвающаго двумъ, или тремъ епископамъ поставляти епископа, Софроній не признаетъ, то убо первѣе самъ онъ епископомъ да не будетъ, также и отъ него одного только самого поставленнаго епископа Виталія да упразднитъ“ (статьи 17 и 18).

Любопытенъ особенно послѣдній (30-й) пунктъ „Краткаго извлеченія“:

„Какой извѣтъ (своему отдѣленію отъ митрополіи) можетъ представить вѣжественный и разумный епископъ Софроній? Неужели столь важное дѣло правильно такъ должно происходить, еже за частныя лицы, Арсенія и Павла и Антонія, о коихъ выше речено, или за епископа Онуфрія и попа Алексѣя, и за митру, и за наперсный крестъ, и за саккосъ

---

[279]) Было: „молодой *старицы*“.

(о коихъ довольно ясно и достовѣрно доказано въ томъ же пространномъ изложеніи подъ статьями 27, 28 и 29), всю православную нашу митрополію облагать ересію?[280]). Оле крайняго душепагубнаго безчувствія, въ какое впалъ премудрый епископъ Софроній!"

Повторивъ въ заключеніе, что Софроній требуется къ отвѣту на судѣ по всѣмъ исчисленнымъ пунктамъ, инокъ Павелъ выставилъ опять число „ноября „ " дня 7361 (1853) года" и инціалы М. К. Е. А., а затѣмъ снова привелъ и зачеркнутое выше объясненіе:

„А за имена наша знаетъ совѣсть ваша. Посѣщику какъ наши подписи не только подъ завѣсою, но ниже подлинныя не могли васъ увѣрить, потому нынѣ вмѣсто того посылаемъ нарочито къ вамъ извѣстнаго и достовѣрнаго намъ и вамъ человѣка одного, да вы сію нашу къ вамъ грамоту лично получите отъ него, аще въ лицо познаете его. А когда прибудете къ г. архіепископу Антонію, у котораго на всѣ ваши вопросы надлежащіе отвѣты, въ пространномъ изложеніи изображенные, вкупѣ и на самихъ васъ немалые винословіи, по которымъ вы нынѣ требуетеся на судъ, можете тамъ видѣть, но не получить прежде собранія всѣхъ нашихъ архіереевъ, понеже всѣ оные отвѣты и винословіи не подъ завѣсою писаны суть, но открыто. Аминь"[281]).

Въ письмѣ къ Антонію, послѣ краткаго сообщенія обстоятельствъ, вынудившихъ митрополію вызвать Софронія на судъ, Павелъ подробно изложилъ порученія, какія возлагались по этому дѣлу на самого Антонія, съ подробными же наставленіями, какъ ихъ исполнить.

---

[280]) Вотъ какъ разсуждалъ Павелъ, когда дѣло коснулось учрежденной имъ митрополіи! А того не вспомнилъ, изъ-за кого и за что отдѣлились сами старообрядцы отъ всей православной церкви, объявивъ ее впадшею въ ересь, зараженною скверной антихриста.

[281]) Прежде было написано: „понеже всѣ оные отвѣты и винословіи *сдѣланы за подлиннымъ подписомъ, да и* не подъ завѣсою писаны суть, а открыто"... Здѣсь, на концѣ, все это объясненіе, по приказанію Павла, вписано уже чьей-то другой рукой, но вполнѣ согласно съ написаннымъ выше самимъ Павломъ и зачеркнутымъ.

„Прилагая при семъ, — писалъ опять онъ отъ имени Кирилла и Онуфрія, — во-первыхъ, Изложеніе, пріуготовленное къ соборному суду, состоящее изъ 30 отвѣтныхъ и возразительныхъ статьей на „ “ листахъ[282]), таже принадлежащіе къ нему документы, числомъ 12, на 25 листахъ[283]) въ особенности же къ самому епископу Софронію формальное требованіе съ краткими 30 вопросами, на 5-ти писанныхъ листахъ, вызывающее его на соборный судъ, все таковое съ нарочными двумя надежными послами посылаемъ къ вашему преосвященству и поручаемъ привести въ пользу общаго блага, по нашему предположенію, если и вы признаете согласно, нижеслѣдующее:

„1) Формальное требованіе къ епископу Софронію отправить съ нарочнымъ изъ числа нашихъ пословъ, съ инокомъ Аѳанасіемъ, которому отъ насъ лично приказано, какимъ поступить образомъ, т.-е. первѣе на словахъ его спросить, и потомъ бумагу, лично самому вручивъ, ему оставить.

„2) Самое Изложеніе наше и документы, когда явится къ вамъ епископъ Софроній для предварительнаго выслушанія (это дѣлается по особому нашему къ нему снисхожденію), тогда вычитать ему все безъ изъятія, или самому ему дать прочитать, но бумаги отъ себя отнюдь не отпускать. Или вы признаете лучше и безопаснѣе поручить К. Д. К[284]), да онъ, пригласивъ его къ себѣ въ домъ, точнѣе сію препорученность нашу исполнитъ?

„3) Если и за вычитаніемъ вышереченнаго нашего Изложенія съ документами не сознаетъ (Софроній) свое толикое погрѣшительное преткновеніе, и не будетъ письменно просить себѣ въ томъ прощенія, тогда объявить тому епископу Софронію при двухъ, или трісхъ постороннихъ достовѣрныхъ свидѣтеляхъ соборный судъ, съ тѣмъ, дабы онъ съ часу протестованія того отправлялся на соборный пунктъ. Соборный же пунктъ назначается, какъ есть средоточенъ и для задунайскихъ архіереевъ, и по силѣ правильнаго основанія, какъ

---

282) Цифры не выставлены въ черновомъ письмѣ, вѣроятно, потому, что Изложеніе тогда еще не было окончено перепиской.

283) Документы эти, къ сожалѣнію, не названы каждый въ отдѣльности. Въ числѣ ихъ, разумѣется, находилось Павлово Объясненіе, состоявшее изъ 6 или 7 листовъ, такъ какъ оно обширнѣе „формальнаго требованія“ Софронію, которое въ перепискѣ составило 5 листовъ, какъ говорится дальше.

284) Т.-е. конторщину (Рогожскаго Кладбища) Дмитрію Корнееву.

изображенъ въ особомъ къ нему требованіи, не иначе какъ въ Бѣлокрыницѣ, внутрь самой митрополіи[275]), а самопослѣдній срокъ на собраніе со дня объявленія ему полагается два мѣсяца. Въ слышаніи же всего объявляемаго ему получить отъ него, епископа Софронія, расписку; а если онъ сего не сдѣлаетъ, то да засвидѣтельствуютъ посторонніе свидѣтели, въ числѣ коихъ по необходимости могутъ быть и наши послы. Сіе потребно на тотъ конецъ, дабы соборъ (въ случаѣ Софроніева уклоненія) могъ бы судить и дѣло рѣшить и въ неприсутствіи его, по силѣ 19 правила Карѳагенскаго собора.

„4. Такимъ же образомъ поступить и съ новопоставленнымъ его епископомъ Виталіемъ“[276]).

Въ заключеніи письма выражена просьба, чтобы Антоній „о благополучномъ прибытіи пословъ и о послѣдствіи дѣла“ не замедлилъ прислать увѣдомленіе въ митрополію. Письмо подписано было Кирилломъ и Онуфріемъ 19 ноября 1853 г.; а черезъ недѣлю отправились изъ Бѣлой-Криницы въ Москву, со всѣми документами по дѣлу Софронія, назначенные для сего послы — инокъ Платонъ и инокъ Аѳанасій[277]).

Такъ тщательно сдѣланы были инокомъ Павломъ всѣ приготовленія къ суду надъ мятежнымъ епископомъ Софроніемъ, дерзнувшимъ возстать противъ митрополіи и поставленнаго ею Владимірскаго архіепископа. Повидимому, Павелъ не сомнѣвался въ успѣхѣ своихъ распоряженій по этому дѣлу. Онъ даже не терялъ надежды, что Софроній смирится предъ тѣми грозными противъ него обвиненіями, которыя такъ старательно указаны въ „Изложеніи“ и „Краткомъ извлеченіи“, — принесетъ повинную, „письменно попроситъ себѣ про-

[275]) Въ „Требованіи“, напротивъ, нарочито избѣгалось упоминать о митрополіи, какъ мѣстѣ предполагаемаго собора.

[276]) Далѣе въ письмѣ упоминалось, что посылаются и еще нѣкоторые документы, въ томъ числѣ и копія съ „рѣшенія о изверженіи бывшаго епископа Спиридонія Новозыбковскаго, на пяти писанныхъ листахъ“. Но объ этихъ документахъ замѣчено, что „доколѣ епископъ Софроній въ прежней непріязни пребудетъ, объявлять ихъ ему не подобаетъ, также и Виталію“.

[277]) Подъ 25 ноября 1853 г. въ *Памятникѣ* записано Павломъ: „Сего числа поручена комиссія Платону и Аѳанасію по дѣлу Софроніеву“.

щенія", и тогда, возстановленія ради мира въ іерархіи, готовъ былъ простить ему и дерзости противъ митрополіи, и личныя оскорбленія и всѣ его беззаконія; въ противномъ же случаѣ находилъ все такъ тщательно соображеннымъ и законно обставленнымъ, что не считалъ возможнымъ для Софронія ни въ какомъ случаѣ избѣжать кары суда, въ личномъ ли его присутствіи, или, въ случаѣ неявки его на судъ, заочно произнесеннаго. Однако, Павлу пришлось жестоко обмануться въ своихъ расчетахъ. Владыка-Софроній былъ не такого сорта человѣкъ, чтобы подчиниться какому бы то ни было суду, особенно суду митрополіи, за которою не признавалъ и права судить его. На „Изложеніе" онъ, безъ сомнѣнія, далъ бы не менѣе подробный и обстоятельный отвѣтъ, если бы получилъ его и если бы вообще захотѣлъ продолжать препирательства съ митрополіей; но уже то одно, что посредникомъ между нимъ и митрополіей назначенъ былъ ненавистный ему Антоній, должно было вызвать его, минуя всѣ дальнѣйшія объясненія съ митрополіей, на окончательное отъ нея отдѣленіе. Павелъ повидимому и самъ опасался, что посредство Антонія можетъ оказаться неудобнымъ, почему и предлагалъ, если и Антоній признаетъ за лучшее, воспользоваться посредствомъ вліятельнаго въ расколѣ лица — рогожскаго конторщика Дмитрія Корнеева. Но и это посредство не могло принести пользы, когда въ „формальномъ требованіи" Софронію прямо говорилось, чтобы онъ явился для предварительныхъ объясненій именно „къ архіепископу Антонію непремѣнно самъ", вмѣстѣ съ Виталіемъ.

Надобно полагать, что бѣлокриницкіе послы пріѣхали въ Москву не ранѣе половины декабря. Антонія, хотя и не имѣвшаго въ то время опредѣленнаго мѣстожительства, имъ не трудно было отыскать по указанію знакомыхъ старообрядческихъ дѣятелей, особенно черезъ самого рогожскаго конторщика Дмитрія Корнеева. Чрезъ нихъ же узнали, гдѣ находился тогда и Софроній. Къ нему отправился, согласно наставленію Павла, инокъ Аѳанасій, чтобы сначала словесно объявить ему цѣль своего прибытія, а затѣмъ вручить и

формальное требованіе на судъ, съ приглашеніемъ явиться къ архіепископу Антонію для болѣе обстоятельнаго ознакомленія, по „Изложенію“, съ предъявленными противъ него обвиненіями. По всей вѣроятности, чрезъ своихъ сторонниковъ, какіе были у него среди подобныхъ ему ревнителей раскола и въ Москвѣ и, быть можетъ, въ самой митрополіи, Софроній имѣлъ уже нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ, что̀ предпринято противъ него бѣлокриницкими властями, равно какъ о самомъ прибытіи въ Москву митрополичьихъ пословъ съ документами по его дѣлу, и тогда же рѣшилъ не входить ни въ какія сношенія ни съ этими послами, ни съ Антоніемъ, ни съ самой митрополіей,— окончательно порвать всякія связи съ послѣдней и открыть свою особую россійскую старообрядческую іерархію. И вотъ когда Аѳанасій, вѣроятно не одинъ, явился на указанное ему мѣсто тогдашняго Софроніева жительства, ему отвѣтили, что Софронія тамъ нѣтъ и неизвѣстно, гдѣ онъ находится. Постарались потомъ митрополичьи послы отыскать Виталія, — хотѣли по крайней мѣрѣ его потребовать къ Антонію для объясненій по касающемуся его дѣлу; но и Виталій, конечно, по наставленію Софронія, не принялъ ихъ[288]). Бѣлокриницкіе послы такимъ образомъ по-

[288]) Единственное документальное извѣстіе объ этихъ обстоятельствахъ имѣемъ мы въ писанномъ рукою Конона черновомъ проектѣ соборнаго постановленія о Софроніи, состоявшагося въ 1855 г. Здѣсь именно читаемъ: „Изложеніе съ предлежащими документами были отправлены по принадлежности къ архіепископу Антонію въ 7361 (1853) году для объявленія вамъ (Софронію); сверхъ того, было еще послано особое вашему преосвященству предписаніе, призывающее васъ ко Владимірскому епископу для выслушанія отвѣтовъ (Изложенія) и потомъ въ сію митрополію къ оправданію на соборный судъ. Хотя архіепископъ Антоній, по полученіи сихъ бумагъ, *немедленно* отправилъ къ вашему преосвященству съ нарочнымъ позывную грамоту, но ваше преосвященство, вѣдая вполнѣ свою виновность и конечно ничего не надѣясь видѣть для себя благопріятнаго въ отвѣтахъ митрополіи, *скрылись отъ посланнаго и не показамлись, и бумагъ не приняли, и велѣли сказать, что нѣтъ васъ въ тотъ мѣстѣ, гдѣ вы находились. Равномѣрнымъ образомъ и поставленный вами епископъ Виталій, единомысленный вамъ, посланнаго не допустилъ къ себѣ*“ *(Бѣлокр. арх.)*.

терпѣли полную неудачу, — вручить Софронію формальное приглашеніе на судъ не имѣли возможности; равнымъ образомъ и Антоній не могъ исполнить возложенныхъ на него митрополіею порученій по дѣлу Софронія. Обращались ли они къ посредству Дмитрія Корнеева, чтобы добиться свиданія съ Софроніемъ и ознакомить его съ присланными изъ митрополіи документами, неизвѣстно.

Между тѣмъ Софроній, дѣйствительно прервалъ всякое общеніе съ Бѣлокриницкой митрополіей и учредилъ свою особую старообрядческую іерархію, несравненно высшую Бѣлокриницкой: онъ произвелъ нѣкоего Израиля, подъ именемъ Іосифа, въ санъ патріарха Московскаго и всея Россіи, самого себя и Виталія въ митрополиты[289]), а митрополію Бѣлокриницкую и ея ставленника — архіепископа Антонія открыто объявилъ впавшими въ ереси, Антонія кромѣ того открыто называлъ не имѣющимъ даже правильнаго крещенія[290]), по-

[289]) Въ той же рукописи Конона далѣе говорится: „И такимъ образомъ ваше преосвященство, пребывая въ непокорномъ и мятежномъ духѣ, вздумали наконецъ отдѣлить себя совершенно навсегда отъ единства соборной и апостольской церкви Божіей, увѣнчавшей васъ славою и честію святительскою (т.-е. отъ Бѣлокр. митрополіи); и дерзнули, вопреки божественныхъ правилъ, возстановить особую свою церковь подъ главнымъ незаконнымъ своимъ начальствомъ... даже осмѣлились переименовать себя, по неограниченному своему честолюбію изъ епископа въ званіе патріарха". Любопытно, что объ этомъ дикомъ поступкѣ Софронія въ Бѣлой-Криницѣ не имѣли тогда точныхъ свѣдѣній. Между тѣмъ изъ другихъ источниковъ извѣстно, что Софроній поставилъ въ патріархи именно нѣкоего Израиля. Такъ Антоній, въ 1857 году, въ письмѣ къ Кириллу, жалуясь на Софронія, писалъ и объ его ставленникахъ: „патріархъ Іосифъ, сирѣчь Израиль, и митрополитъ Виталій живутъ въ своихъ мѣстахъ" (*Переписк.* вып. 3, стр. 190). А въ соборномъ актѣ о изверженіи Софронія, изданномъ въ 1863 г. сказано, что Софроній „съ единомышленнымъ себѣ Виталіемъ, тайнымъ образомъ произвелися оба въ митрополиты, а священноинока Израиля, сія двоица, Софроній и Виталій хиротонисали въ Московскаго и всея Россіи патріарха, переименовавъ его Іосифомъ, превышающе титлою сею и самую Бѣлокриницкую митрополію" (*Ркп. въ собр. автора*)

[290]) Въ томъ обстоятельствѣ, что Антоній, какъ принятый въ по-

чему и всякое общеніе съ ними невозможнымъ. Такими дѣйствіями и такою проповѣдью онъ успѣлъ найти много сторонниковъ среди ревнителей раскола, особенно въ восточныхъ губерніяхъ, которыя часто посѣщалъ[291]), и этимъ внесъ большое разстройство и великія смуты въ среду новой Бѣлокриницкой іерархіи, только-что начинавшей распространяться въ Россіи, о чемъ со всею ясностію свидѣтельствуетъ дальнѣйшая ея исторія.

25. Затрудненія, вызванныя въ митрополіи дѣломъ Софронія. — Болѣзнь и смерть инока Павла. — Ея значеніе для австрійскаго раскола.

Новый 1854 годъ начался печально для инока Павла и для митрополіи. Въ самомъ началѣ января (4-го числа), какъ мы видѣли (см. гл. 14), пришлось издать окончательную грозную грамоту по дѣлу Спиридонія, не переставшаго и по извержении называть себя епископомъ. Затѣмъ получены были изъ Москвы, привезенныя возвратившимися послами, извѣстія, неожиданныя и тревожныя: намѣренное, рѣшительное уклоненіе Софронія отъ всякихъ сношеній съ бѣлокриницкими послами и съ Антоніемъ, чего Павелъ никакъ не ожидалъ, разстроивало весь, такъ искусно повидимому задуманный, планъ суда надъ нимъ и заставляло опасаться съ его стороны новыхъ возмутительныхъ противъ митрополіи дѣйствій, которыя онъ уже и началъ, но о которыхъ въ Бѣлой-Криницѣ еще не знали въ то время. Правда, по плану инока

повщину не чрезъ вторичное крещеніе, остался при еретическомъ крещеніи, Софроній указывалъ главное препятствіе къ общенію съ нимъ даже въ 1856 г., на что Антоній съ своей стороны горько жаловался въ митрополію (*Перепис.* вып. 3, стр. 176—177).

291) Въ письмѣ Кирилла къ Онуфрію, отъ 15 ноября 1854 г., писанномъ рукою Колона, читаемъ: „извѣстный вамъ Софроній преобразился нынѣ, на удивленіе свѣта, во лжехриста, дѣйствительнаго въ самой высочайшей степени, и смущающаго *повсюду въ восточныхъ губерніяхъ благочестивыхъ христіянъ*“ (*Бѣлокр. арх.*).

Павла, судъ надъ Софроніемъ, въ случаѣ его нераскаянности и отказа явиться къ назначенному времени и въ назначенное время на соборное разсмотрѣніе дѣла, могъ состояться и заочно; но для этого требовалось именно, чтобы приглашеніе явиться на судъ было объявлено Софронію и отъ него послѣдовалъ отказъ явиться, а теперь онъ имѣлъ бы полное основаніе не подчиниться заочному суду и объявить его незаконнымъ, сославшись на то, что приглашенія на судъ не получилъ и отказа явиться не давалъ. Что̀ было дѣлать? Павелъ поставленъ былъ въ большое затрудненіе, и не нашелъ ничего лучше, какъ отложить на время судъ, дождаться новыхъ извѣстій о Софроніи. Онъ рѣшился даже послать еще разъ въ Россію вѣрнаго человѣка, который навелъ бы о Софроніѣ нужныя справки, разыскалъ бы его, если можно, повидался бы съ нимъ и объяснилъ что̀ нужно по его дѣлу. А такъ какъ наступило время получить въ Москвѣ обычно выдаваемую сумму на содержаніе митрополіи, то уполномоченный посолъ могъ заразъ исполнить оба порученія. Рѣшили послать именно Алимпія, который большею частію и ѣздилъ въ Москву за деньгами, а теперь, какъ человѣкъ авторитетный и лично знакомый съ Софроніемъ, могъ лучше другихъ развѣдать о немъ и добиться свиданія съ нимъ. Въ генварѣ мѣсяцѣ Алимпій отправился въ путь; но доѣхать до Москвы, или даже пробраться въ Россію, не могъ, вслѣдствіе усиленнаго, по случаю войны, надзора за пріѣзжающими изъ-за границы, и ни съ чѣмъ возвратился въ митрополію, къ великому огорченію Павла[292]).

[292]) Въ *Памятникѣ* подъ № 147 записано Павломъ: „1854, генваря, Алимпій инокъ отправленъ для взысканія долговъ по врученному ему контракту“. Эта „подъ завѣсою“ запись была послѣдняя, сдѣланная въ *Памятникѣ* самимъ инокомъ Павломъ. Доселѣ весьма аккуратный въ веденіи здѣсь записей, онъ, очевидно, не могъ уже по болѣзни вести ихъ далѣе. И настоящая сдѣлана уже не такъ аккуратно, какъ прежнія, — не поставлено число, тогда какъ ранѣе оно всегда выставлялось. Тутъ же, въ графѣ „Какое послѣдовало рѣшеніе“, не Павломъ уже, а Пафнутіемъ, который нѣкоторое время велъ потомъ записи въ *Памятникѣ*, сдѣлана объ Алимпіѣ слѣдующая отмѣтка: „Возвратился безъ успѣха по причинѣ русскаго преслѣдованія“.

Инокъ Павелъ въ это время былъ уже боленъ. Его здоровье, разстроенное и прежними усиленными трудами по учрежденію іерархіи, давно внушало опасенія; окончательно же оно было потрясено возникшими въ этой, учрежденной имъ, іерархіи безпорядками и безчиніями, особенно двумя послѣдними столь позорными для нея событіями — дѣломъ Спиридонія и дѣломъ Софронія. И то и другое было тѣмъ тяжелѣе для Павла, что въ нихъ не могъ онъ не признать виноватымъ и себя самого, видя теперь, какъ поспѣшно и опрометчиво поступилъ, содѣйствуя поставленію въ епископы, и притомъ для Россіи, такихъ развращенныхъ расколомъ людей, какъ Спиридоній и Софроній, тогда какъ требовалась особая осторожность и разборчивость въ избраніи первыхъ епископовъ именно для россійскихъ старообрядцевъ, ради которыхъ, для ихъ облагодѣтельствованія, были предприняты имъ и всѣ труды по учрежденію іерархіи. И хотя онъ писалъ, что его подвигъ уже совершенъ, „и вры уже пожаты, плоды собраны и кросна снаряжены“, но въ виду указанныхъ прискорбныхъ явленій въ іерархіи приходилось сознаться, что лавры эти значительно поблекли, плоды оказываются горьки и гнилы. Доискиваясь причинъ тому, онъ, какъ разумный человѣкъ, казалось, долженъ бы понять, что источникъ зла находится въ самомъ его подвигѣ, въ незаконности и лживости самой іерархіи, имъ учрежденной въ расколѣ. Мысль объ этомъ несомнѣнно и противъ воли возникала въ головѣ Павла; но онъ всячески отгонялъ ее, и былъ слишкомъ самообольщенъ, продолжая считать себя свыше предназначеннымъ — совершить подъ покровительствомъ святителя Николы мнимое возстановленіе „древлеправославной“ іерархіи, чтобы могъ усумниться въ совершонномъ уже подвигѣ этого возстановленія. Теперь, въ это тяжелое время внѣшнихъ и внутреннихъ тревогъ, снова и даже гораздо чаще, стали посѣщать его, во снѣ и въ полудремотѣ, разныя видѣнія, которыми подкрѣплялъ онъ увѣренность въ мнимой правотѣ своего дѣла[293]). Этимъ

---

[293]) Слышано отъ Онуфрія: см. полную *Ист. іерарх.* стр. 88, прим.

видѣніямъ не мало способствовало, конечно, и болѣзненное состояніе Павла.

Между тѣмъ, во время его болѣзни почти остановились „іерархическія“ дѣла въ митрополіи, а если что̀ и дѣлалось, то опять не къ утѣшенію Павла. Такъ, напр., въ мартѣ мѣсяцѣ возникло дѣло о попѣ Кириллѣ. Это былъ сынъ уже извѣстнаго попа Егора Масляева, оказавшійся такимъ же, какъ и отецъ, даже еще большимъ безчинникомъ и буяномъ, кончившій впослѣдствіи ссылкой въ каторжныя работы: его соборнѣ судили и подвергли извержéнію изъ сана[294]). Тогда же приходили тревожныя вѣсти о задунайскихъ архіереяхъ. Изъ Яссъ получено было извѣстіе, что въ виду начавшагося бѣгства некрасовцевъ изъ Добруджи, предъ вступленіемъ въ нее русскаго войска, Аркадій и Алипій рукоположили Аркадія лаврентьевскаго во „епископа странствующихъ христіанъ“. Послѣ того, какъ самъ митрополитъ Амвросій не нашелъ возможнымъ рукоположить Аркадія въ архіереи по причинѣ его брака со вдовою[295]), теперешнее поставленіе его въ епископы являлось вдвойнѣ незаконнымъ, какъ противное и правиламъ и рѣшенію Амвросія; но Павелъ, по пріязни къ Аркадію и прежде хлопотавшій о возведеніи его въ епископскій санъ, снисходительно отнесся къ этому незаконному дѣлу, и даже утѣшенъ былъ, при тогдашнихъ печальныхъ обстоятельствахъ іерархіи, появленіемъ въ ней, послѣ Спиридонія и Софронія, столь начитаннаго и строгаго епископа, каковъ былъ Аркадій. Притомъ же оставить состоявшееся рукоположеніе Аркадія безъ возраженій и тѣмъ сохранить добрыя отношенія къ задунайскимъ архіереямъ требовали интересы митрополіи въ виду предстоявшаго суда надъ Софроніемъ, въ которомъ задунайскіе епископы должны были принять участіе[296]). Но утѣ-

---

294) См. въ *Памятникѣ*, подъ 8 марта, № 148.

295) См. выше, гл. 9.

296) Что въ Бѣлой-Криницѣ безъ возраженій и даже благосклонно принято было извѣстіе о поставленіи Аркадія, это доказывается тогда же начатыми митрополіею „братскими“ съ нимъ сношеніями, какъ видно изъ Аркадіева письма къ Кириллу и Онуфрію отъ 12 іюля

шаться пришлось не долго изъ Яссъ же пришло извѣстіе, что самъ Аркадій Славскій и Алипій, по распоряженію русскаго правительства, арестованы и отправлены въ Россію.

При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ инокъ Павелъ доживалъ свою жизнь. Великій постъ и Пасху онъ еще провелъ съ братіей; но въ праздникъ Преполовенія, 5-го мая, въ 9-мъ часу вечера его не стало. Вѣсть о его кончинѣ встрѣчена была съ большими сожалѣніями и въ Бѣлой-Криницѣ и во всѣхъ старообрядческихъ обществахъ, принявшихъ новую, основанную имъ іерархію[297]).

Это была дѣйствительно великая, можно сказать, невознаградимая потеря для митрополіи и іерархіи Бѣлокриницкой. Въ лицѣ Павла они лишились человѣка, положившаго начало самому ихъ существованію, давшаго имъ первоначальное устройство и затѣмъ все время властно и твердо управлявшаго всѣми ихъ дѣлами. И вообще въ исторіи раскола это былъ дѣятель несомнѣнно выдающійся, достойный занять въ ней видное мѣсто, какъ начинатель новой, важной эпохи въ поповщинскомъ расколѣ. Умный, весьма начитанный, одаренный замѣчательнымъ даромъ слова, обладавшій твердымъ, настойчивымъ характеромъ, безукоризненно строгій по жизни и горячо преданный старообрядчеству, съ немалой притомъ наклонностью къ религіозной экзальтаціи, онъ смѣло высту-

1854 г. Изъ этого же письма видно, что извѣстія о добруджинскихъ событіяхъ были доставлены въ Бѣлую-Криницу изъ Яссъ (*Переписка*, вып. 2, стр. 26—34).

297) Въ *Памятникѣ*, подъ 5 мая 1854 г. (№ 154), записано рукою о. Пафнутія: „Сего числа въ 9-мъ часу пополудни, т.-е. въ вечеръ, въ среду Преполовенія праздника Пасхи, преставился отъ сея жизни верховнаго совѣта членъ и *основатель и правитель* сей Бѣлокриницкой митрополіи, преподобный отецъ инокъ *Павелъ-великій* въ вѣчное наслѣдіе, идѣже и всѣмъ намъ подобаетъ быти". Запись эта достаточно свидѣтельствуетъ о степени уваженія къ почившему со стороны его почитателей, къ числу которыхъ принадлежалъ тогда о. Пафнутій. Экзархъ Аркадій, которому вскорѣ же послано было извѣстіе о кончинѣ Павла, въ письмѣ къ Кириллу и Онуфрію отъ 12 іюля 1854 г. писалъ: „Отцу Павлу буди отъ насъ вѣчная память. Вси бо умремъ, цари же и князи" (*Переписка*, вып. 2, стр. 32).

пилъ къ осуществленію дѣла, совершить которое считалъ себя призваннымъ свыше, — съ рѣдкой настойчивостью, не пренебрегая никакими средствами, даже и нечестными, прибѣгая ко лжи и обману, которые выдавалъ притомъ за особое устроеніе Промысла ко благу старообрядчества, онъ неустанно стремился къ предположенной цѣли, — и достигъ ея, осуществилъ свое предпріятіе, учредилъ или, какъ выражался онъ, возстановилъ на два столѣтія прекратившуюся у старообрядцевъ „древлеправославную" іерархію въ ея трехчинномъ устройствѣ, и затѣмъ такъ же неустанно, до конца жизни, трудился для ея утвержденія и распространенія. Всѣмъ этимъ инокъ Павелъ и заслужилъ особое уваженіе у старообрядцевъ, принявшихъ Бѣлокриницкую іерархію; это же даетъ ему право и на видное мѣсто въ исторіи раскола. Но исторія должна также произнести, и произноситъ уже, правый судъ объ его дѣлѣ. Свое зданіе іерархіи онъ построилъ на пескѣ. дѣло, которое онъ сдѣлалъ, носило зачатки разрушенія въ самомъ себѣ, какъ фальшивое и незаконное, — и зачатки этого разрушенія обнаружились очень скоро, еще при немъ. Въ своемъ самоослѣпленіи, Павелъ не хотѣлъ признать незаконности учрежденной имъ іерархіи, однако не могъ и самъ не примѣтить этихъ признаковъ начавшагося въ ней распаденія и разложенія, котораго, при всемъ стараніи, не могъ предупредить и прекратить, какъ явленія неизбѣжнаго и неотвратимаго, — и это именно причинило ему тяжкое огорченіе, ускорившее и самую его смерть. Умирая, онъ долженъ былъ съ горькимъ чувствомъ помыслить: что же станется съ его дѣломъ? что произойдетъ въ учрежденной имъ „древлеправославной" іерархіи послѣ него, если и самъ онъ, при всѣхъ своихъ заботахъ объ ней, былъ не въ состояніи остановить начавшееся въ ней разложеніе? Опасенія Павла, если только онъ имѣлъ ихъ, скоро оправдались: въ связи съ начавшимся при немъ дѣломъ Софронія въ австрійской іерархіи настаетъ нескончаемый рядъ всякихъ безобразій, распрей и раздоровъ, ведущихъ ее къ полному распаденію и громко обличающихъ всю ея лживость и незаконность.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Бѣлая-Криница при Амвросіи (1847—1848).

1. Внутреннія распоряженія. назначеніе Кирилла въ духовники: посланіе къ климоуцкимъ безпоповцамъ; исправа Амвросіева семейства; официальное извѣстіе о поставленіи Кирилла въ намѣстники.— Ожиданіе гостей изъ Москвы 1
2. Путешествіе и пріѣздъ В. В. Борисова и Ѳ. Жигарева въ Бѣлую-Криницу.— Мгроваренье.— Пасха.— Бесѣды съ инокомъ Павломъ.— Поѣздка въ Молдавію 12
3. Распоряженія о монастыряхъ.— Брачныя дѣла 27
4. Хозяйственныя дѣла по монастырю.— Заботы о пріобрѣтеніи церковныхъ принадлежностей 35
5. Поставленіе попа въ Климоуцы — Отъѣздъ московскихъ гостей.— Поставленіе попа въ Бѣлую-Криницу.— Дѣло Іеронима.— Опасенія за Геронтія 44
6. Утвержденіе Амвросія въ австрійскомъ подданствѣ и Кирилла въ званіи намѣстника.— Поставленіе попа въ Ясы 55
7. Учрежденіе архіерейской каѳедры въ Добруджѣ: борьба несогласныхъ и согласныхъ на принятіе австрійскаго священства въ некрасовскихъ обществахъ.. 64
8. Учрежденіе архіерейской каѳедры въ Добруджѣ: избраніе кандидатовъ на священныя степени и отправленіе ихъ въ митрополію 71
9. Учрежденіе архіерейской каѳедры въ Добруджѣ: поставленіе епископа и діакона въ Славу и отправленіе ихъ къ мѣсту служенія. 78
10. Прибытіе Геронтія въ Москву и пребываніе здѣсь.— Наблюденіе за нимъ, устроенное правительствомъ.— Отъѣздъ изъ Москвы и арестъ.— Допросы.— Рѣшеніе его дѣла..... 85
11. Извѣстія о судьбѣ Геронтія, полученныя въ Бѣлой-Криницѣ, и начатые здѣсь хлопоты объ его освобожденіи 109
12. Мѣры, предпринятыя русскимъ правительствомъ для удаленія Амвросія изъ Бѣлой-Криницы и для уничтоженія Бѣлокриницкой митрополіи. 115
13. Мѣры, предпринятыя церковною властію для возвращенія Амвросія къ повиновенію церкви, или же для его осужденія 119
14. Судъ надъ Амвросіемъ: вопросные ему пункты и отвѣты на нихъ; первое рѣшеніе по его дѣлу 132
15. Судъ надъ Амвросіемъ: объясненіе и просьба его объ оставленіи въ австрійскихъ предѣлахъ; прошеніе о немъ, поданное Алимпіемъ; окончательное рѣшеніе дѣла; отъѣздъ въ Цилли 147
16. Невзгоды, постигшія бѣлокриницкихъ ставленниковъ въ Турціи: замыслы противъ нихъ сарыкойскихъ и другихъ противниковъ іерархіи; пріѣздъ Аркадія; заключеніе въ тюрьму, слѣдствіе и освобожденіе 158

Стр.

17. Слѣдственная коммиссія въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ. — Временное закрытіе монастыря.— Возстановленіе въ немъ прежняго порядка. 174
17. Поставленіе Онуфрія въ санъ епископа Браиловскаго, намѣстника митрополіи 183
19. Производство новыхъ ставленниковъ въ Бѣлой-Криницѣ.— Поставленіе перваго лжеепископа для русскихъ раскольниковъ 196
20. Возведеніе Кирилла въ санъ митрополита 208
21. Церковно-административныя распоряженія: а) по вопросамъ потаповскихъ старообрядцевъ; б) по дѣлу объ Іоасафѣ, отрекшемся отъ священства; в) по жалобѣ соколинскаго попа на прихожанъ. 221

II. Отъ произведенія Кирилла въ митрополиты до смерти инока Павла (1849—1854).

1. Новыя мѣры противъ климоуцкихъ безпоповцевъ 240
2. Дѣло Германа 249
3. Неустройства въ Мануиловскомъ монастырѣ и дѣло Мануиловскаго попа Алексѣя 254
4. Поѣздка Павла и Алимпія къ Амвросію..... 261
5. Заботы объ устроеніи церквей, о поставленіи поповъ и возвышеніи народной нравственности; награда ясскому попу Никифору; окружная грамота и особая бѣлокриницкому обществу 277
6. Поѣздка Кирилла въ Молдавію.— Вторая поѣздка Павла къ Амвросію.— Поставленіе епископа въ Тульчу и учрежденіе Славской архіепископіи..... 283
7. Назначеніе новаго архимандрита Бѣлокриницкаго монастыря и первыя его распоряженія 301
8. Признаніе австрійской іерархіи у некрасовцевъ турецкимъ правительствомъ 311
9. Отношенія россійскихъ старообрядцевъ къ новоучрежденной іерархіи.— Положеніе Софронія въ Россіи.— Слухи объ его незаконныхъ дѣйствіяхъ 316
10 Біографія Антонія до пріѣзда его въ Климоуцы..... 328
11. Отношенія бѣлокриницкихъ дѣятелей къ прусскимъ выходцамъ въ Климоуцахъ.— Возвращеніе инока Павла въ Пруссію.— Знакомство Антонія съ Павломъ Бѣлокриницкимъ и переходъ на жительство въ Бѣлую-Криницу 336
12. Свиданія Антонія съ инокомъ Павломъ Прусскимъ.— Жизнь его въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ.— Возведеніе въ священныя степени.— Учрежденіе Владимірской архіепископіи. —Отъѣздъ Антонія въ Москву 345
13. Дѣло Спиридонія Новозыбковскаго: его поставленіе въ епископы и раскрытіе его обмана 354
14. Дѣло Спиридонія: судъ надъ нимъ; объявленіе судебнаго приговора.—Послѣдняя судьба Спиридонія 363
15. Расходы по митрополіи.— Открытіе монастырей: женскаго въ Бѣлой-Криницѣ и Тисскаго. — Рѣшеніе недоумѣнныхъ брачныхъ вопросовъ..... 379
16. Учрежденіе экзархата въ Яссахъ.— Безпорядки въ Мануиловскомъ монастырѣ.— Заботы объ учрежденіи молдавской епископіи ... 393
17. Дѣло о браиловскомъ попѣ Егорѣ Маслевѣ.— Дѣло о назначеніи попа въ Климоуцы 405

Стр.

18. Пріѣздъ Антонія въ Москву и первоначальная его дѣятельность въ Россіи.— Сношенія съ Софроніемъ 417
19. Постепенное обнаруженіе враждебныхъ отношеній Софронія къ Бѣлокриницкой митрополіи: дѣло казанскаго попа; посылка въ митрополію недоумѣнныхъ вопросовъ; вызовъ Арсенія и пребываніе его въ Москвѣ; поставленіе Виталія и письмо къ Антонію 423
20. Содержаніе Софроніева письма къ Антонію.—Сношенія по поводу этого письма между Москвой и Бѣлой-Криницей..... 440
21. Приготовленія къ суду надъ Софроніемъ: составленіе обвинительныхъ противъ него актовъ; содержаніе Павлова «Объясненія». 452
22 Приготовленія къ суду надъ Софроніемъ: содержаніе первыхъ десяти статей Кириллова «Изложенія» 464
23. Приготовленія къ суду надъ Софроніемъ: содержаніе остальныхъ статей Кириллова «Изложенія» 479
24. Приготовленія къ суду надъ Софроніемъ: формальное требованіе его на судъ; уклоненіе Софронія отъ сношеній съ Антоніемъ и полный разрывъ съ митрополіей... 498
25. Затрудненія, вызванныя въ митрополіи дѣломъ Софронія.— Болѣзнь и смерть Павла.— Ея значеніе для австрійскаго раскола..... 509

